

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

The Journal is published
by Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences

Журнал издается
Институтом славяноведения
Российской академии наук

Slověne = Словѣне

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Editor-in-Chief

F. B. Uspenskij

The Editorial Board

I. Hristova-Shomova, A. Nikolov
(*Bulgaria*); M. Mihaljević, M. Kapović
(*Croatia*); V. Čermák (*Czech
Republic*); R. Marti, B. Wiemer
(*Germany*); A. Zoltán (*Hungary*);
M. Garzaniti (*Italy*); J. Schaecken
(*Netherlands*); E. I. Kislova,
R. N. Krivko, S. L. Nikolaev,
M. M. Makartsev, P. R. Minlos,
A. M. Moldovan, D. G. Polonski,
T. V. Rozhdestvenskaia,
A. D. Shmelev, A. A. Turilov,
B. A. Uspenskij, Rev. Michael
Zheltov (*Russia*); J. Grković-Major,
T. Subotin-Golubović (*Serbia*);
R. Romanchuk, A. Timberlake,
W. Veder, A. Zholkovsky (*USA*)

Главный редактор

Ф. Б. Успенский

Редакционная коллегия

А. Николов, И. Христова-Шомова
(*Болгария*); А. Золтан (*Венгрия*);
Б. Вимер, Р. Марти (*Германия*);
М. Гардзанити (*Италия*); Й. Схакен
(*Нидерланды*); свящ. Михаил Желтов,
Е. И. Кислова, Р. Н. Кривко, М. М. Ма-
карцев, Ф. Р. Минлос, А. М. Молдован,
С. Л. Николаев, Д. Г. Полонский,
Т. В. Рождественская, А. А. Турилов,
Б. А. Успенский, А. Д. Шмелев (*Рос-
сия*); Я. Грекович-Мейджор, Т. Субо-
тин-Голубович (*Сербия*); А. Жолков-
ский, Р. Романчук, А. Тимберлейк,
У. Федер (*США*); М. Михалевич,
М. Капович (*Хорватия*); В. Чермак
(*Чехия*)

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Институт славяноведения
Российской академии
наук

Slověne

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Vol. 9

№ 1

p-ISSN 2304-0785
e-ISSN 2305-6754
DOI 10.31168/2305-6754

Свидетельство о государственной
регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-68309 от 30.12.2016

PKP Supported by:
Open Journal Systems
<http://pkp.sfu.ca/ojs/>
PUBLIC KNOWLEDGE PROJECT

SHERPA/RoMEO blue journal

Сайт / Website: <http://slovene.ru/>
E-mail: editorial@slovene.ru

Журнал включен в перечень
рецензируемых научных изданий ВАК
Минобрнауки РФ

Included in / Журнал включен в:

Scopus
Web of Science. Emerging Sources Citation Index
Российский индекс научного цитирования
Russian Science Citation Index

<https://www.scopus.com/>
<http://wokinfo.com/>
<http://elibrary.ru>

Academic Editors

F. B. Uspenskij (Editor-in-Chief),
Vinogradov Russian Language Institute of the RAS,
Moscow

E. I. Kislova, Lomonosov Moscow State University

R. N. Krivko, University of Vienna

R. Marti, Saarland University, Saarbrücken

D. G. Polonski, Institute for Slavic Studies, Moscow

Managing Editors

A. O. Burtseva, A. S. Fedotov, E. I. Kislova,
R. N. Krivko, M. M. Makartsev, R. Marti,
D. G. Polonski, M. N. Saenko, A. E. Soboleva

Technical Copy Editors

A. O. Burtseva, K. V. Sarycheva, A. A. Troitskaya,
M. S. Yakovleva

Russian Language Copy Editors, Proofreaders

A. O. Burtseva, E. I. Kislova, K. V. Sarycheva,
M. S. Yakovleva

English Language Copy Editors, Proofreaders

M. A. Borun, X. Dmitrieva

Layout Editor M. N. Tolstaya

Design (2012)

I. N. Ermolaev

Научная редакция

Ф. Б. Успенский (главный редактор),
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва

Е. И. Кислова, Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Р. Н. Кривко, Венский университет

Р. Марти, Университет земли Саар, Саарбрюкен

Д. Г. Полонский, Институт славяноведения РАН,
Москва

Редакторы выпуска

А. О. Бурцева, Е. И. Кислова, Р. Н. Кривко,
М. М. Макаревич, Р. Марти, Д. Г. Полонский,
М. Н. Саенко, А. Е. Соболева, А. С. Федотов

Технические редакторы

А. О. Бурцева, К. В. Сарычева, А. А. Троицкая,
М. С. Яковлева

Литературные редакторы, корректоры

(русский язык) А. О. Бурцева, Е. И. Кислова,
К. В. Сарычева, М. С. Яковлева

Литературные редакторы, корректоры

(английский язык) М. А. Борун, К. Дмитриева

Верстка М. Н. Толстая

Дизайн (2012)

И. Н. Ермолаев

Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 9. № 1. — Москва: Институт
славяноведения Российской академии наук, 2020. — 514 с.

Номер издан при поддержке Фонда инновационных научно-образовательных программ
"Современное Естествознание".

Все материалы журнала доступны по лицензии
Creative Commons "Attribution-NoDerivatives"
4.0 Всемирная / Journal content is licensed under a
Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International License
<http://creativecommons.org/licenses/by-nd/4.0/>

© Institute for Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences, 2020

© Authors, 2020

© Igor' N. Ermolaev (design), 2012

Contents / Содержание

Статьи / Articles

- 7 S. Stoykov (Stip). *From 'Nations' to 'Archontias' (I) 'Sclavinia' and 'Sclavoarchontia': Terms and Chronology*
С. Стойков (Штип). *От «народов» к «архонтиям» (I) «Склавиния» и «Склавоархонтия»: понятия и хронология*
- 29 В. А. Баранов (Ижевск), О. Ф. Жолобов (Казань). *Лингвостатистическое исследование частотных слов в Словах Кирилла Туровского (по рукописи РНБ, F.n.I.39)*
V. A. Baranov (Izhevsk), O. F. Zholobov (Kazan). *Quantitative Linguistic Study of Frequency Words in Kirill of Turov's Words (Based on the NLR manuscript F.n.I.39)*
- 81 Т. И. Афанасьева (С.-Петербург), Т. Лебер (Майнц). *Женский постриг в Древней Руси и на Балканах*
T. I. Afanasyeva (St. Petersburg), T. Leber (Mainz). *The Female Tonsure and Female Monasticism in Old Russia and the Balkans*
- 110 Т. В. Анисимова (Москва). *Синодальный Шестодневек третьей четверти XV в.*
T. V. Anisimova (Moscow). *The 15th-century Synodal Hexameron (Shestodnevets)*
- 135 А. А. Казаков (Москва). *Полемика с иосифлянами в Житии Серапиона, архиепископа Новгородского*
A. A. Kazakov (Moscow). *The Controversy against Josephites in the Life of Serapion, Archbishop of Novgorod*
- 163 Б. А. Успенский (Москва). *Загадочная форма в титуле русских царей*
B. A. Uspenskij (Moscow). *An Enigmatic Form in the Title of Russian Tsars*
- 185 А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский (Москва). *Подлинные и мнимые имена Бориса Годунова*
A. F. Litvina, F. B. Uspenskij (Moscow). *The True and Fake Names of Boris Godunov*
- 232 У. Биргегард (Уппсала). *Почему казнили Павла Негребецкого?*
U. Birgegård (Uppsala). *Why was Pavel Negrebetskii Executed?*
- 261 † Г. Ореханов, А. Андреев (Москва). *Россия в поисках «исторического Иисуса»: Л. Толстой и Ф. Достоевский vs Д. Ф. Штраус*
† G. Orekhanov, A. Andreev (Moscow). *Russia's Quest for the "Historical Jesus": Tolstoy and Dostoevsky vs. Strauss*
- 292 П. Калета (Брно). *Чешский полонофил Эдвард Елинек и тема России в его творчестве*
P. Kaleta (Brno). *The Czech Polonophile Edvard Jelínek and the Topic of Russia in his Work*
- 322 В. В. Филичева (С.-Петербург). *Полемика Ф. Сологуба с реализмом (Ф. Сологуб и А. П. Чехов)*
V. V. Filicheva (St. Petersburg). *Polemics of F. Sologub with Realism (F. Sologub and A. P. Chekhov)*

- 340 О. Е. Пекелис (Москва). *Об одном случае прагматикализации в русском языке: микродиахроническое исследование частицы же в составе вопроса*
O. E. Pekelis (Moscow). *A Case of Pragmaticalization in Russian: Micro-diachronic Analysis of the Particle že in Questions*
- 362 Л. Ясаи (Будапешт). *О необходимости разноаспектного изучения видового противопоставления*
L. Jászay (Budapest). *On the Necessity of a Multiple-viewpoint Analysis of Aspectual Opposition*
- 381 D. V. Konior (St. Petersburg). *Patterns and Mechanisms of Lexical Changes in the Languages of Symbiotic Communities: Kinship Terminology in Karashevo (Banat, Romania)*
Д. В. Конёр (С.-Петербург). *Паттерны и механизмы лексических изменений в языках симбиотических сообществ: термины родства в Карашево (Банат, Румыния)*

Заметки / Notes

- 412 А. Ю. Виноградов, А. А. Гиппиус (Москва), Н. А. Кизюкевич (Гродно). *Надпись на плинфе из Гродно (Пс 46: 5) в контексте византийско-русских эпиграфических связей*
A. Yu. Vinogradov, A. A. Gippius (Moscow), N. A. Kiziukevich (Grodno). *The Inscription on a Brick from Grodno (Ps 46: 5) in the Context of Byzantine-Russian Epigraphic Links*

Публикации / Publications

- 423 А. С. Лыцова (Екатеринбург), И. А. Поляков (С.-Петербург). *«Реестры» книг частных библиотек первой половины XVIII в. из материалов конфискационной комиссии Елизаветы Петровны (1742–1743 гг.)*
A. S. Lystsova (Yekaterinburg), I. A. Poliakov (St. Petersburg). *Catalogues of Private Libraries from the First Half of the 18th Century: Materials from Empress Elizabeth's Confiscation Commission (1742–1743)*

Рецензии / Reviews

- 475 М. А. Бобрик (Москва). *Ettore Gherbezze, Dizionario di italianismi in russo*
[Рец.: Gherbezze E. *Dizionario di italianismi in russo* (= Biblioteca Ambrosiana. Fonti e studi. 32). Milano: Biblioteca Ambrosiana, Centro Ambrosiano, 2019, 377 pp.]
M. A. Bobrik (Moscow). [Rev. of: Gherbezze E. *Dizionario di italianismi in russo* (= Biblioteca Ambrosiana. Fonti e studi. 32). Milano: Biblioteca Ambrosiana, Centro Ambrosiano, 2019, 377 pp.]
- 488 Д. Г. Полонский (Москва). *О рукописях собрания Радослава Груича в Музее Сербской Православной Церкви в Белграде*
[Рец.: Мошин В. А., Васильев Л., Богдановић Д., Гроздановић-Пајић М. *Рукописи Музеја Српске православне цркве: Збирка Радослава М. Грујића*, Књ. 1: Археографски опис, Свеска 1, Београд: Retro print, 2017, 270 стр., илл. (= Опис јужнословенских ћирилских рукописа. 7)]
D. G. Polonski (Moscow). *The Manuscripts from the Radoslav M. Grujić Collection in the Museum of the Serbian Orthodox Church in Belgrade*
[Rev. of: Mošin V. A., Vasiljev Lj., Bogdanović D., Grozdanović-Pajić M. *Manuscripts of the Museum of the Serbian Orthodox Church: Collection of Radoslav M. Grujić, Book 1: Archeographic description, Vol. 1. Belgrade: Retro print, 2017, 270 pp., illustr. (= Description of South Slavic Cyrillic manuscripts. 7) — (in Serbian)]*

From 'Nations' to 'Archontias' (I) 'Sclavinia' and 'Sclavoarchontia': Terms and Chronology

Stoyko Stoykov

University Goce Delcev
Stip, North Macedonia

От «народов» к «архонтиям» (I) «Склавиния» и «Склавоархонтия»: понятия и хронология

Стойко Стойков

Университет Гоце Делчева
Штип, Северная Македония

Abstract

This article deals with the terms 'Sclavinia' and 'Sclavoarchontia', which are used in historiography in different and even contradictory ways, and aims to clarify a highly complicated topic, investigating the ways these terms were used by contemporaries, trying to define differences between them and connecting their use with the political changes of the time. Topics discussed include the chronology of the terms' usage, different ways in which they were being used, relations of 'Sclavinia' and 'Sclavoarchontia' with the Empire, their appearance and disappearance and the political processes connected with it, as well as the analysis of the existing interpretations. The first part mostly discusses chronology and some existing hypotheses. The second (and the main) part analyses the way these terms were used and tries to define them.

The hypothesis presented connects these terms with the re-establishing of imperial authority in the Balkans, marked in the sources by replacing the term

Citation: Stoykov S. (2020) From 'Nations' to 'Archontias' (I) 'Sclavinia' and 'Sclavoarchontia': Terms and Chronology. *Slověne*, Vol. 9, № 1, p. 7–28.

Цитирование: Стойков С. От «народов» к «архонтиям» (I) «Склавиния» и «Склавоархонтия»: понятия и хронология // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 1. С. 7–28.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.1.1

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

'Slavic nations', which had been used until the late 8 century to denote the independent Balkan Slavic societies and their lands. The Empire lacked the capacity for direct subjugation of the independent Slavic communities and was forced to rely on complicated measures including colonization and ensuring Slav cooperation in the process. In the themes where the Empire had enough power, Slavic communities were organized as 'Sclavoarchontias', who received archons from the strategos, paid collective tribute and served as symahoi, but kept some inner autonomy. The Empire also tended to ensure the cooperation of Slavic communities around themes by granting titles and subsidies to some powerful Slavic leaders, which led to the creation of client states known as 'Sclavinias'. They were not part of the thematic system, they had their native and hereditary leaders recognized and affirmed by the emperor by titles and seals and act as imperial allies. A prototype of both had appeared at the end of the 7th c., but only when relations of such types had multiplied after Stauracius' expedition in 783, corresponding generic terms appeared and became regular.

Keywords

Sclavinia, Sclavoarchontia, Slavic archontia, Slavic nations, Byzantium, imperial administrative system, subjugation, conquest of the Balkans

Резюме

В статье рассматриваются термины «Склавиния» и «Склавоархонтia», которые употребляются в исторических источниках весьма различными, порой противоречивыми способами; предпринята попытка определить, как эти термины использовались современниками, в чем заключалось различие в их значении и насколько употребление того или другого наименования было связано с изменением политической ситуации. Соответственно, в задачу исследования входит описание появления и исчезновения этих терминов и относительной хронологии их бытования, учитывающее изменяющиеся во времени отношения с Империей тех, кто обозначался как «Sclavinias» и «Sclavoarchontias». Кроме того, в первой части работы предложен анализ существующих в науке интерпретаций соответствующих обозначений.

Мы полагаем, что появление терминов «Склавиния» и «Склавоархонтia» связано с восстановлением имперской власти на Балканах; они призваны были заменить использовавшийся до конца VIII в. термин «славянские народы», обозначавший независимые славянские общины и их земли. Не имея возможности немедленно подчинить эти общины, Империя была вынуждена принять ряд сложных мер, причем процесс колонизация предполагал, по-видимому, некое добровольное сотрудничество славян. Там, где у Империи было достаточно сил, славянские общины были организованы в «Склавоархонтии», платившие коллективную дань, но сохранявшие некоторую внутреннюю автономию. С другой стороны, Империя стремилась добиться сотрудничества, предоставляя некоторым влиятельным славянским лидерам титулы и субсидии, что приводило к созданию зависимых княжеств, известных как «Склавинии». Последние не входили в систему фем, при этом их местные и наследственные лидеры были признаны

и утверждены императором и выступали в качестве союзников Империи. Прообраз таких двух типов отношений зародился в конце VII в., но термины «Склавиния» и «Склавоархонтия» появились и стали регулярно использоваться лишь в ту пору, когда после экспедиции Ставракия в 783 г. обе упомянутые выше политические модели стали активно тиражироваться.

Ключевые слова

Склавиния, Склавоархонтия, славянская архонтия, славянские народы, Византия, имперская административная система, подчинение, завоевание Балкан

If there is anything accepted without argument about the term ‘Sclavinia’ in historiography, it is that this term is crucial for understanding the Balkan reality in the 7–9 centuries.¹ The discussion about this term had lasted for more than a century and reached a loose consensus by the end of the last millennium. The consensus was that ‘Sclavinia’ had been the name for Slavic tribal (or) territorial independent polities that could even be understood as pre-state formations.² In 2007 the consensus was challenged with the following thesis: the term had not been used before the 9 century, and “the substantive Sklavinia

¹ “The term ‘sclavinia’ [...] indicates a central concept in the early mediaeval history of the Balkans” [Ostrogorsky 1963: 3]; “Keyword for understanding this situation is the term ‘sclavinia’.” [Chrysos 2007: 124]

² “[R]egions occupied by the Slavs over which Byzantium had lost all control but which did not possess any other administrative system that might have replaced the earlier Byzantine one” [Niederle 1908: 421; Ostrogorsky 1959: 6; Idem 1963: 3]; “nominally Byzantine territories settled by Slavs” [Vlasto 1970: 156]; “region inhabited by Slavs under chieftains over whom the administrative control of the Empire was more theoretical than real” [Charanis 1970: 11]; “Sclavinias were the ancestral forms of early-feudal states” [Литаврин 1984: 199]; “political communities organized on a territorial basis”, or possibly “high (authentically proto-state) form of permanent military-political societies” [Idem 1985: 27, 28]; [Литаврин, Иванова 1985: 85]; [Антолѣк 1985: 121, 123]; [Иванова 1987: 57, 59]; “tribes of independent, pagan Slavs, whose lands the Byzantine called ‘Slavinias’” [Treadgold 1988: 19]; “non-subordinated to Empire, based on their own political units—Sclavinias” [Иванова 1988: 10]; “Region occupied by the Sclavenoi” [TODoB 3: 1910]; “Slav [...] independent communities” [Obolensky 1994: 31, 32]; “autonomous gentile (often without fixed territorial boundaries) in (small) tribal groups organized Slav communities inside and outside [...] the imperial territory” [Koder 1995: 1988]; “territory controlled by a named sub-group of Slavs” [Lunt 1995: 338]; “small Slav tribal units” [Whittow 1996: 275]; “Sklaviniai, the regions of the Slavs”, “the independent Sklaviniai of the Balkans [...] the main opponents of Byzantine rule in the area” [Haldon 1997: 56 (f. 45)]; “areas of Slavonic settlement”, “territories previously occupied by Slavonic tribes” [Mango, Scott 1997: 484, f. 1, 669 (f. 2)]; “The term ‘Sclavenia’ [...] seems to mean a Slav tribal territory independent of imperial rule” [Barford 2001: 73]; “territory which had been imperial and to which the Empire still felt it had title, but which had been occupied by Slavs to the extent that imperial administration had ceased to function... When [...] a state emerged on such territory [...] then Byzantine sources replaced the term ‘Sklavinia’ with the state name” [Fine 2006: 40, 41].

applied not to independent lands of Slavs, but rather the opposite, to areas with Slavic population under imperial sovereignty" [Chrysos 2007, 132–135]. This was followed by the debate between Florin Curta and Andreas Gkoutzioukostas [Curta 2011a; Gkoutzioukostas 2015; Curta 2016; Gkoutzioukostas 2017; Curta 2018], concentrated around the use of the term in the 6–8 centuries. Even though this challenge did not change the dominant opinion,³ it reopened the discussion about the term 'Sclavinia'.

In the last decades, scientific interest was also focusing around the term 'Slavic archontia' (or 'Sclavoarchontia') and some serious progress has been made in this direction [Науменко 2008; Цветковић 2016].

However, we are still far from consensus on the exact meaning of 'Sclavinia' and 'Slavic archontia'.⁴ It is no wonder that the two categories are often mixed together in historical works—both were Slavic units led by an archon. Depending on the interpretation of the term 'Sclavinia', 'Sclavoarchontia' gets interpreted differently—either considered to be the last stage of dying independent 'Sclavinias', or actually as having the same meaning that the first term.

This article aims to clarify the meaning of these terms and their use in the sources, as well as the reality behind them, being fully aware that the limited information we possess makes all possible conclusions arbitrary, and that even the most accurate definition could never match the complexity of real life.

Re-examination of the Chronological Framework

'Sclavinia' is often understood as the term labelling "Slavic lands in general or any one of them";⁵ therefore, it is expected that the term could be found in the sources from the beginning of the appearance of Slavs. It needs to be pointed out, however, that 'Sclavinia' was not used consistently for every Slavic society or land, and that, despite the fact that the terms like 'Sclavinia' could be created easily, a toponym was not derived from every ethnonym (for example, there is no 'Antia'). Still, in the past, this seemed to be correct about the term

³ "[A] Slavic tribal territory independent of imperial rule, with their own political structures" [Kobylnski 2008: 543]; "any region in the Balkans settled by Slavs out of imperial control" [Fine 2008: 332]; "the regions settled by the Slavs (Sklaviniai)" [Louth 2008a: 126; Idem 2008b: 231]; "independent duchies" [Аџиевски 2009: 822]; "more or less independent but loosely organized barbarian polity beyond the borders of the Empire" [Кодер 2011: 102; Curta 2011b 119]; "proto-state formations" [Živković 2013: 19, 20; Bulić 2013: 184; Vedriš 2015: 583, 585]; "territory inhabited by the Slavs [...] the Slavic landscape" [Malinovská 2015: 1, 2]; "single or multi-tribal territorial entities" [Hupchick 2017: 12].

⁴ The question whether 'Sclavinias' and 'Sclavoarchontias' were inside or outside of themes could be used as illustration. Both possibilities are assumed for both terms (for 'Slavic archontias' cf.: [Науменко 2008: 189]; for 'Sclavinias': [Koder 1995: 1988; Curta 2019: 310].

⁵ "'Sclavinia' was a generic term for all Slavic regions" [Karbic et al. 2006: 38 (f. 2); similarly: Ostrogorsky 1963: 3; Щавелева 2004: 366 (f. 6)]; "Sclavinia [...] refers to every one of numerous regions throughout the Balkans where the Slavs were" [Fine 2008: 332].

‘Sclavinia’ from the 6 century onward. The use of ‘Sclavinia’ in Theophylact Simocatta’s History, in Miracula of Saint Demetrius and in the Chronography of Theophanes the Confessor served as a proof of this.

However, after the critical edition of Miracula by Lemerle was published, it became clear that the word ‘Sclavinia’ did not exist in the original work [Miracula 1979: 130, 134 (14)]. The Chronography was written at the beginning of the 9 century.⁶ Thus, the History of Theophylact Simocatta becomes the only known source written between the 6 and the 8 centuries in which we find the word Σκλαυηνία, and, furthermore, it only appears there once.

Writing in 630 AD, Theophylact Simocatta mentions one planned Byzantine campaign in 602 north of the Danube against τῆς Σκλαυηνίας πλῆθος [Simocattae 1834, VIII, 5, 9, 10 p. 323]. Its interpretation as a noun or adjective gives us two different meanings: “the multitude of ‘Sclavinia’” or “Slavic multitude”. Discussions conducted on this issue have not come to a consensus [Chrysos 2007: 124–126; Curta 2011a; Gkoutzioukostas 2015; Curta 2016; Gkoutzioukostas 2017].

The main weakness of the adjective thesis is that this otherwise linguistically acceptable possibility is, at the same time, unique: no other Byzantine author has used σκλαυηνία as an adjective [Curta 2011a: 89; Curta 2016: 2; cf.: Gkoutzioukostas 2015: 644 (f. 63)]. A similar problem, however, appears in the interpretation of ‘Sclavinia’ as a *noun*: it would be the only known case in sources in the 6 and the 7 centuries, and also the only case within Theophylact’s History, and the only case Theophylact created a geographical term from the contemporary ethnonym. The offered explanation that the reason was clarification and avoiding monotony and repetition [Curta 2011a: 91, 93, Idem 2016: 9] is not satisfactory [Стойков 2018: 19–26]. An unexplained term used only once cannot by itself serve for clarification, neither to avoid repetition.

None of the predecessors or contemporaries of Theophylact have used the term ‘Sclavinia’, but it appeared that no one has borrowed it from him either. Patriarch Nicephorus, who created his history as a continuation of the work of Theophylact, did not use ‘Sclavinia’ at all [Mango 1990: 7; Neville 2018: 72]. Theophanes the Confessor, who in the second decade of the 9 century has used ‘Sclavinia’ five times, and who had based his narrative about the time of Emperor Maurice on Theophylact, did not use ‘Sclavinia’ at the point where Theophylact did,⁷ nor did he use it in the section based on Theophylact. The first

⁶ For the time when the Chronography was written see (started in 807, and finished between 813–815): [Ражковий 1955: 217 (810–815); Turtledove 1982: viii–ix; Treadgold 2013: 35, 39]. For the authorship of the Chronography and sources used see: [Treadgold 2011; Idem 2013: 44–49; Kompa 2015].

⁷ Of course, this may be due to the summary way in which this passage is transmitted, but that does not change the fact: in the section based on Theophylact Theophanes did not use ‘Sclavinia’ at all [Theophanes 1883: 284 (6–25)].

use of the word in Theophanes' work considers the events of 658. Thus, we do not have any indications that either Theophylact himself had taken 'Sclavinia' from someone else, or that anyone borrowed it from him! This, along with the fact that *σκληνινία* had never been used as an adjective in Byzantium, could lead to a third possibility: namely, that the word *σκληνινία* did not even exist in the original text by Theophylact, but *τῆς Σκληνιῆας πληθύος* appeared as a result of a modification of the original phrase "a multitude of Slavs" (which we find seven times in Theophylact's History) performed by one of the copyists in the earliest surviving manuscript from the 10th century, from which all others originated.⁸ At the beginning of the 10th century, Leo the Wise expressed the idea that the Slavs had "their own country" (*τῇ ἰδίᾳ χώρᾳ*) when they lived "across the Danube", but not after moving to the Balkans, and such an attitude could be reflected by his contemporaries in the earliest copy of Theophylact's History [Leo VI 2010, 470, ⁴⁴³, C. 18 & 93].

In any case, the only appearance of the word 'Sclavinia' in Theophylact's work cannot by itself be used as an argument that the term 'Sclavinia' was already common in the 6 and the 7 centuries—alone, it could be no more than an exception that proves the rule.

'Sclavinia' from Theophylact to Theophanes

We do not find the term 'Sclavinia' in any other Byzantine source from the 7 and the 8 centuries, including the second collection of Miracula and the history of Patriarch Nicephorus, which speak of Slavs many times. Of course, this is not a sufficient proof that the term was not in use—preserved sources are few and do not represent the whole corpus that once existed. One possible argument to suggest that the term was in use in the 7 and the 8 centuries is that we find it used five times in Theophanes Confessor's Chronography, for events in 658, 689/690, 758 and 810.⁹ This fact could be interpreted in three

⁸ As was already suggested [Stojkov 2016: 1, 2], four of the five preserved manuscripts originated from the same manuscript from the mid-10th century Vaticanus Graecus 977 [Иванов 1995: 13; Olajos 1979: 261, 264; Neville 2018: 48]. Neville dated this text to the 12th century, but corrected herself on p. 73. If the term had been added to the earliest manuscript as simple mistake or modification, it was further transmitted to others. A similar case can be seen with the modification in one of Miracula's manuscripts from the 10th century (Vaticanus Graecus 797), where in one place, instead of *Σκληνιῶν*, we find *Σκληνιῆων* [Miracula 1979: 130, 134 (14); Curta 2011a: 88]. We have a time match with the earliest manuscript of the History of Theophylact; both are found at just one place in the texts, in both cases it was used in relation to Slavs who were somehow connected or allied to the Avars and who would have been used for a great attack on Byzantium. Of course, this is a possibility that cannot be proven or excluded for now.

⁹ Once for Constans' expedition in 658, twice for the campaign of Justinian II in Thrace and Thessalonica (689), once for the campaign of Constantine V in 758 and once for the settlement of colonists in the Sclavinias by Nicephorus in 810 [Theophanes 1883: 347 (6–7), 364 (5–9, 11–18), 430 (21–22), 486 (17–22)].

ways: 'Sclavinia' was borrowed from other sources, 'Sclavinia' was put there by the author of Chronography, or 'Sclavinia' was used as a metonymy.

Metonymy Hypothesis

The third possibility is argued by Chrysos who disclaims as *metonymy* all cases of 'Sclavinia' in Theophanes for the 7 and the 8 centuries and accepts only the last one for 810 [Chrysos 2007: 126, 127].

The claim that Theophanes used the term in two different ways does not seem to sustain itself.¹⁰ It is not methodologically correct to interpret every use of 'Sclavinia' that is not proven to be territorial as non-territorial. It is also risky because the metonymy is difficult to prove or disprove, which allows too much subjectivity in interpretation. 'Sclavinia' could be a metonymy for 'Slavs', but equally 'Slavs' could be a metonymy for 'Sclavinia(s)' or 'Slavic places'. It is practically impossible to separate the land from people, especially while talking about a military expedition, when the land and her inhabitants are equally targets of aggression.¹¹ This is easy to notice in the parallel with the terms 'Bulgars'—'Bulgaria' in Chronography: every expedition against 'Bulgaria' is also against 'Bulgars'.

'Sclavinia' appeared in Theophanes not just in the singular, but also in the plural. In contrast, in Theophanes we cannot find 'Bulgaria' in the plural because there is only one 'Bulgaria', but many 'Sclavinias'. This also speaks against the interpretation of 'Sclavinia' as metonymy.

Following the parallel with 'Bulgaria'—'Bulgars', we can notice that 'Bulgaria' could also be a metonymy in some cases, but not always.¹² 'Bulgaria' is not used when the Byzantine expedition was not against Bulgarian territory but against some invading Bulgarian army—only 'Bulgars' is used in such cases.¹³ Following this parallel, the term 'Sclavinias'—metonymy or not—has to be used for 'Slavic lands' invaded by Romans (i.e. 'Rhomaioi').

Instead of this, Chrysos interprets expeditions against 'Sclavinias' as "against Slavs, looking out for them wherever he could locate them but not

¹⁰ 'Sclavinias' in Theophanes "seems to mean absolutely the same thing in each case..." [Setton 1950: 522, 541, 542, (f. 154)].

¹¹ Cf. for equalization of 'states' and 'nations' in: "Chazaria, Bulgaria and other neighbouring nations" [Theophanes 1883: 434 (16, 17)].

¹² In 760 Constantine V sent men through the non-guarded passes "into Bulgaria"; in 773/4 peace was signed "neither Bulgars to enter Rhomania, neither emperor to try to invade Bulgaria"; Nicephorus I went against Bulgars but "invaded Bulgaria [...] through impassable places", and many of his soldiers were killed "in Bulgaria" [Theophanes 1883: 436 (15), 447 (6–7), 491, (3, 4)].

¹³ In 774 the Emperor received news "from Bulgaria", that "the lord of Bulgaria" was sending an army against Berzitia to resettle its population into Bulgaria and to prevent it the Emperor decided to organize an expedition "against Bulgars"—i.e. the invading army [Theophanes 1883: 447 (11–14)].

against a particular territory. [...] Of course, the Slavs referred to here must have been settled somewhere, but it seems that the objective was the warriors, not their locality or any form of their political structure" [Chrysos 2007: 127, 128]. However, Theophanes is clear that Byzantine armies in these expeditions did pillages, subjugation, resettling of population and put some under taxation,¹⁴ which makes Chrysos' interpretation impossible and the territorial aspect unavoidable. At least one of the expeditions against 'Sclaviniai'—the one in 689/690 reached Thessalonica therefore went through territories of at least two Slavic tribes: Strymonites and Rinhinoi.

This conclusion becomes even stronger when we compare Theophanes' information about the expedition against 'Sclavinia' in 658 with the one existing in Syrian sources. There we can find out that: "Eo Constans rex Romanorum regiones Sclavorum ingressus proelium fecit cum rege eorum et vicit eum et cum victoria exiit" [Eliae 1910: 68 (12–14)]. According to this, in the Syrian original of this information in Theophanes (see below) "Slavic regions" existed, invaded by Constans, and there the Slavs had their "king". Therefore, territorial and political aspects are clear.

Chrysos' argues that later authors who were basing their work on Theophanes, such as George Kedrenos, Leo Grammaticos and John Zonara, replaced 'Sclavinia' because they recognized it as a metonymy [Chrysos 2007: 128]. This is, on one hand, irrelevant because, even if these authors understood Theophanes' 'Sclaviniās' as metonymy, this does not necessarily mean that 'Sclavinia' was used as metonymy by the author of Chronography himself. Secondly, this argument is more than disputable, because these authors, with the exception of Kedrenos, replaced 'Sclavinia' not only in cases of assumed "metonymy", but in all cases; i.e., for them the term itself seems to be inadequate. Also, if Zonara was the author of the 12th century Lexicon [TODoB 3: 1221; Treadgold 2013: 338], then it is obvious that for him 'Sclavinia' had clear territorial meaning.¹⁵ Just one of these authors, viz. Kedrenos, fits Chrysos' interpretation (replace or delete 'Sclavinia' except for the events of 810), but this seems to be more accidental than on purpose. Kedrenos simply combined two sources—Pseudo-Simeon up to 813 and Scylitzes after that date [Treadgold 2013: 341], and, in this way, the 'Sclavinia' that Pseudo-Simeon used for 814 never appeared in Kedrenos. We will speak more on the replacement of the term 'Sclavinia' with other terms in later sources; here it is enough to point

¹⁴ In 658: ἡχμαλώτευσεν πολλοὺς καὶ ὑπέταχεν [Theophanes 1883: 347, 6-7], 689: αἰχμαλωτίσαι [...] πολλὰ πλῆθη τῶν Σκλαβῶν τὰ μὲν πολέμῳ, τὰ δὲ προσρυνέντα παραλαβὼν [Ibid.: 364 (6–12?)], 758: ἡχμαλώτευσεν καὶ τοὺς πολλοὺς ὑποχείριους ἐποίησεν [Ibid.: 430 (21, 22)]. Cf. in Staurakios' expedition against "the Slavic nations" in 783: ὑπέταξε πάντας καὶ ὑποφόρους ἐποίησε [...] καὶ πολλὴν αἰχμαλωσίαν καὶ λάφυρα... [Ibid.: 456 (26–30)].

¹⁵ Σκλαβινία, ἡ Βουλγαρία; col. 1507: Πανονία, ἡ Βουλγαρία [Zonarae 1808: col. 1653].

to the two earliest authors that used Chronography—Anastasius Bibliothecarius and George the Monk. Anastasius did not change the term ‘Sclavinia’ in his translation of Chronography [Anastasii 1885: 218 (10), 231 (15–17), 282 (21), 325 (17)] while George the Monk deleted it completely. Anastasius did not follow Theophanes’ terminology blindly—he, as George the Monk did, erased the term Slav in the information about Bulgaria. The fact that ‘Sclavinia’ was kept in his translation points to the conclusion that Anastasius recognised ‘Sclavinia’ as a territorial term, not as a metonymy—it was the time when ‘Sclavinia’ was widely used in the West [MGH LL Formulae, 1: 314 (34); MGH DD LD: 30 (28); MGH E: 392 (20–21); Chrysos 2007: 131; Fine 2006: 36; Curta 2011a: 86 (f. 3)]; but in the second half of the 9 century the term ‘Sclavinia’ went out of use in Byzantium (see below), and this was reflected in George the Monk. Therefore, neither of these authors recognised Theophanes’ ‘Sclavinia’ as a metonymy.

Inherited or Added Term

If ‘Sclavinia’ in Chronography is not a metonymy, then we are facing a dilemma: did the author of Chronography take the term from his sources and, accordingly, was the term in use from the middle of the 7 century and afterwards [Антолјак 1985: 121; Curta 2016: 11, 12]? Or, did he instead insert into his narrative a new term used at the time when he was writing (807–815)?

In resolving this question, we should compare Theophanes’ Chronography with the history of Patriarch Nicephorus, written at the end of the 8 century and based on the same Byzantine sources for the period 668–769 [Рајковић, Томић 1955: 239; Turtledove 1982: xv; Mango 1990: 15, 16; Литаврин 1995: 223]. Nicephorus did not use ‘Sclavinia’ at all. There are five places common for both authors connected to Slavs about the events in 681, 689, 705 and 763. ‘Sclavinia’ is used in Chronography for one of them: the campaign of Justinian II against Sclavinia and Bulgaria in 689/690. There, Theophanes used ‘Sclavinia’ twice, and Nicephorus used ‘Slavs’ and ‘Slavic clans’ [Mango 1990: 38, 7–9 (p. 92); Theophanes 1883: 364 (5–9)].

For other cases in which Theophanes used ‘Sclavinias’, he had other sources unknown to Nicephorus. For 658 and 758 in the Chronography, the Syrian sources were particularly important [Mango 1990: 1, 2, 14, 15; Debié 2015, 378].¹⁶ The campaign of 658 had been noticed in some Syrian sources, already mentioned Elia Metropolitan of Nisiba (‘regiones Sclavorum’—Eliae 1910: 68; Èlie 1910: 88), but the western campaign of Constans in 658 was also mentioned in Chronicon Anonymum from the 7 century [Guidi 1903: 55; Рајковић 1955: 221, (f. 8)]. Elia cites Jesudenah, the metropolitan of Basra in

¹⁶ On Theophanes using Syrian sources translated into Greek cf.: [Turtledove 1982: xv]. See also [Treadgold 2013: 41–43; Debié 2015; Conterno 2015].

the 9 century, who does not seem to depend on Theophanes there (Elia, for example, speaks about “their king”) but seems to have used the same Syrian source as the author of Chronography. The “eastern connection” is also visible for the campaign of 758, which Theophanes puts in a series of news related only to the east.¹⁷ But, in Syriac, the words for the ‘Slavs’ and ‘Slavic countries’ did not differ graphically [Сериков 1994: 289 (f. 50)], which means that the translator or editor chose ‘Sclavinia’ instead of other options. Therefore, the term ‘Sclavinia’ could not had been put there before the translation to Greek that happened after 780.¹⁸

The term ‘Sclavinia’ is basically equal to the terms derived from the names of specific Slavic ‘nations’ (‘ethne’) such as Croatia, Serbia or Berzitia, and Subdelitia. We cannot find such terms in Theophylact Simocatta, Miracula or Nicephorus, but in Theophanes, besides ‘Sclavinia’, we find Βερζιτίαν and Βελζητίας. Such toponyms were not used in the part common with Nicephorus before 769, and they appeared in the time afterwards: one under 773/4 (Berzitia) and the other under 799 (Belzitia). This also suggests that Slavic toponyms of the ‘Sclavinia’ type became common in Byzantium later, after the history of Nicephorus was finished, and that they did not exist in the sources used by Nicephorus and Theophanes.

We have enough reason to conclude that Theophanes did not borrow the term ‘Sclavinia’ from the sources he used for 658, 689, 758, and 810 (the last one being contemporary to him). The term had to be put in Chronography by the author. This conclusion is supported by the uniform way in which the term is used [Setton 1950, 522, 541, 542, f. 154]. ‘Sclavinia’ only applies to the relations of Byzantium with the Slavs and is not once used for the relations between the Slavs and Bulgaria, the Avar khaganate or the Caliphate. All of it speaks about a conscious, editorial use of the term, and not about simply borrowing from his sources, where it could had been used in a different sense and context.

‘Sclavinia’ as a Contemporary Term (9–10 c.)

For the first time ‘Sclavinia’ was definitely used for contemporary written events in 810 (Chronography). Two other sources from the first half of the 9 century also used it for contemporary events. The first was the letter from Michael II to Ludwig the Pious from April 10, 824, which mentioned the

¹⁷ In the period between the summer of 756 and the summer of 760, not counting the campaign against the Macedonian Sclavinias, Theophanes only reports news related to Christians in Syria and Palestine and the Caliphate policy, with even the two Arab campaigns against Byzantium being given from an Eastern perspective.

¹⁸ Probably by George Syncellus, who was born in the East and who translated and continued Theophilos’ Chronology from 750 to 780 [Treadgold 2013: 41–45].

participation of ‘circumiacentibus Sclaviniiis’ in the uprising of Toma the Slav in 823 [MGH LS 3: 477 (10, 11)]; the second was the Life of Saint Gregory Decapolite by Ignatius the Deacon, written in 840s.¹⁹ Two other texts, known as the “Chronicle of 811” and “Scriptor Incertus de Leone Armenio”, clearly based on eyewitness accounts, mentioned ‘Sclavinias’ under 811 and 814 as Krum’s allies²⁰, and could also be classified as contemporaries.

9-century sources that used ‘Sclavinia’ were, to a sufficient level, independent of each other²¹ and used the term for contemporary events, which means that the term was in regular and actual use in that period.

Between 850 and the middle of the 10 century, there are no Byzantine sources we could find that used the word ‘Sclavinia’. Then it appeared again in a few sources. One (Pseudo-Simeon) simply transmits information from an old text [Symeonis Magistri 1838: 617 (10–13)]. ‘Sclavinia’ also appeared in one manuscript of the Miracula (*Vaticanus Graecus* 797), and in the oldest manuscript of Theophylact’s History (*Vaticanus Graecus* 977). The most important one is Constantine Porphyrogenitus, who used it many times writing about his own time [Porphyrogenitus 1983: 9/_{107–110}, 29/₆₈, 30/_{94, 95}: 62, 124, 144]. The only serious difference was the place it was used for: Dalmatia, instead of the interior of the Balkans. This was the last actual use of the term in Byzantium. ‘Sclavinia’ appeared in three other sources in the Byzantine Empire in the 12 century, but they had either used it in a completely different meaning or just repeated old sources.²²

One of the important questions here is whether the gap in the use of the term between 850 and 950 is a mere coincidence due to the lack of sources, or it reflects a real abandonment of the term.

¹⁹ It spoke about a “not small rebellion” led by the ‘egzarchon’ of one ‘Sclavinia’ near Thessalonica in 836 [Dvornik 1926: 61 (20), 62 (4)]. The Life was written after the death of the saint (November 20, 841 or 842) and before 847. In 847/848 one of the two informants of Ignatius died, and he himself was last recorded alive in 847 [Mango 1985: 644, 645; TÖDÖB 2: 880; Brubaker, Haldon 2000: 211; Treadgold 2013: 104].

²⁰ Τὰς πέριξ Σκλαβηνίας was paid as mercenaries by Krum in 811 [Gregoire 1963: 423] (Scriptor Incertus); in 814 in Constantinople, a rumour was heard that Krum collected an army of πάσας τὰς Σκλαβινίας [Idem 1934, 768] (Chronicle of 811). According to Mango and Treadgold, these seem to be parts of the History of Sergius the Confessor, written between 833 and 835 [Mango 1983: 400; Treadgold 2013: 92, 95, 96, 97]. However, a number of modern historians do not agree that these two fragments were written by the same author (for this see: [Neville 2018: 78, 81]). Proposed dates for their writing fall in the time period before Nicephorus Phokas (for discussion in the literature on this topic see: [Stephenson 2006: 93–100]), but in general early dating dominates.

²¹ For example, at the time the term was current, Chronography was almost unknown and for sure could not have influenced an iconoclast emperor such as Michael II, while the time when the Chronography was popularized (after 843) symptomatically was also the time when the term ‘Sclavinia’ disappeared from the sources for the whole century.

²² [Zonarae 1808: col. 1653]; [Etymologicon Magnum 1816: 225, 48]; [Cedrenus 1838: 771(23)–772(1)].

It seems that we possess enough sources from the period to make a valid conclusion. Some of them, such as John Kaminiates or the Chronicle of Monemvasia, speak widely about the Slavs in past and present, and one of them is even official: the *Taktika* of Leo the Wise. In addition, from this period we have some Histories that used Theophanes' Chronography as the starting point in one way or another. Some of them, like Josiph Genesii and Theophanes Continuatus, continued the Chronography and did not use the term in their Histories. More interesting is the other group, which incorporated Theophanes' Chronography into their histories. George the Monk first created a history based mainly on Theophanes and other sources, and completely discarded the word 'Sclavinia' from his work.²³ Leo Grammaticos (and later John Zonara) did the same. The only authors in this group who used 'Sclavinia' are Pseudo-Simeon and, later, George Kedrenos, who actually copied Pseudo-Simeon [Treadgold 2013: 77, 78, 94, 110, 339, 340].

Unfortunately, the part of the Chronicle of Pseudo-Simeon for the time before 813, which was based on a mixture of Theophanes Confessor and George the Monk, has not yet been published [Browning 1965: 406, f. 40; Moravcsik 1983: 501; Neville 2018: 121], but at least we could use, with caution, the text presented in Kedrenos "who plagiarized Pseudo-Simeon" [Treadgold 2013: 396 (f. 40)]. Using this premise, we can state that Pseudo-Simeon discarded the events from 758 and exchanged the term 'Sclavinia' with 'Slavs' in events from 658 and 689. He kept 'Sclavinia' in the events of 810, talking about the colonisation measures of Nicephorus, but made the location of these 'Sclavinias' unrecognisable by dropping out information about the colonists leaving Strymon after Krum's victories. He also repeated the information from Scriptor Incertus about Krum gathering allies from "all 'Sclavinias'". These modifications can be understood if we take into consideration that Pseudo-Simeon was part of the intellectual circle of Constantine Porphyrogenitus, in which 'Sclavinia' was used for Slavic formations in Dalmatia and out of the Balkans, but not for Macedonia²⁴ or Peloponnesus. It made the information of Byzantine campaigns against 'Sclavinias' in Thrace and Macedonia in the 7–8 centuries terminologically incorrect and something that had to be "fixed".²⁵ In addition, the information about 810 and colonisation of Christians "from all

²³ Compare the description of the campaign of Justinian II, which was against 'the Slavs' and 'the Slavic clans' (Nicephorus), or against 'Sclavinia' (Theophanes), but, according to George the Monk, Justinian "headed for a trip to the western regions, conquered the *great multitudes (plethe) of Slavs*" [Georgii Monachi 1904: 729(18)–730(4)]. For the time George's History was written, see: [Neville 2018: 87] (first version written in 846/847), [Brubaker, Haldon 2000: 172 (probably before 867); Treadgold 2013: 115, 116] ("after 867 but before 882" "and most probably between 870 and 875").

²⁴ In this article, we use Macedonia in the modern territorial sense.

²⁵ This is probably the reason why George the Monk, Leo Grammaticus and Zonara dismissed the information about the colonization in 810.

themes to the ‘Sclavinias’”, specifically in Strymon, seemed as a pure contradiction because Strymon was already a theme, and Constantine Porphyrogenitus even believed that Strymon was a ‘kleisoura’ from the time of Justinian II. Thus ‘Sclavinias’, the target of Nicephorus’ colonisation measures and Krum’s allies, could be re-interpreted by Pseudo-Simeon and his contemporary readers as Slavic principalities in Dalmatia.

Therefore, the gap of the use of ‘Sclavinia’ in Byzantine sources between 850–950 seems to be real, and should be connected with the fundamental political transformation in the Balkans as the result of Byzantine and Bulgarian expansion in the first half of the 9th c., which led to the disappearance of ‘Sclavinias’ in the interior of the Balkans and moved the imperial-Slavic border into Dalmatia.

‘Slavic archontia’ (‘Sclavoarchontia’)

One of the oldest known cases of the use of the term is in the Life of Saint Methodius from Thessalonica, written in the end of the 9th century. For an event in the 840s is used the term “кѡѡажение [...] словѣньско” [Климент Охридски 1973: 187; Поп-Атанасов 2011: 49]. This is an exact translation of Greek ‘Slavic archontia’ [Божилов 1994: 24, 28] but not of ‘Sclavinia’, as some suggest [Chrysos 2007: 130; Curta 2011a: 87]. We could suppose that this was also the case of Σκλάβοι Θεσσαλονίκης ἀρχοντίας, mentioned in events between 856 and 867 [Porphyrogenetos 2012: 635 (3)], and Slavs under some archons in themes Thessalonica and Strymon, mentioned by Kaminiates in early 10 century. Later, in the 11 century, we find the exact term on a seal [Божилов 1994]. Byzantine seals of Slavic archons from the 8–9 c. could also serve as a plausible argument that the term existed even earlier.

For the authors who interpret ‘Sclavinia’ as an independent Slavic polity, it is easy to find a difference with ‘Sclavoarchontia’ in this regard, because the dependency of the latter on the Empire is obvious. But, if ‘Sclavinia’ was used for Slav formations dependent on the Empire, it makes it difficult to distinguish them from ‘Sclavoarchontias’ on that basis. They must be different words for the same category, or their difference has to be in the character and the extent of this dependency. The way Constantine Porphyrogenitus used ‘Sclavinia’—for the 10 century Croatia and Serbia—presents a good warning against the tendency to make these two categories one. Obviously, ‘Sclavinia’ could be pretty close to factual independence, and actually outside of imperial borders.

* * *

Taking everything into consideration, the traditional chronology seems to be wrong: the term ‘Sclavinia’ was not in regular use in Byzantium in the 6–8 century. Its use for the Central and South Balkans coincides with the time

these territories were made dependent of the Empire, and for Dalmatia—with the time when Slavic principalities there recognised the imperial authority, at least theoretically. This makes the interpretation of the term 'Sclavinia' as Slavic formations somehow dependent on the Empire plausible. 'Sclavinia' was in use approximately at the same time as 'Sclavoarchontia', and both terms were likely used for Slavic units dependent to the Empire. Their correlation and differences, the realities that led to their appearance and disappearance are subject of the second part of this article.

Bibliography

Anastasii 1885

Anastasii, Bibliotecari, *Chronographia tripartita*, 2, C. de Boor, ed., Leipzig, 1885.

Barford 2001

Barford P. M., *The early Slavs*, New York, 2001.

Browning 1965

Browning R., Notes on the «Scriptor Incertus de Leone Armenio», *Byzantion*, 35/2, 1965, 389–411.

Brubaker, Haldon 2000

Brubaker L., Haldon J. F., *Byzantium in the Iconoclast Era, c. 680-850. The Sources*, Ashgate, 2000.

Bulić 2013

Bulić D., The Fortifications of the Late Antiquity and the Early Byzantine Period on the Later Territory of the South-Slavic Principalities, and their Re-occupation, S. Rudić, ed., *The World of the Slavs, Studies on the East, West and South Slavs: Civitas, Oppidas, Villas and Archeological Evidence (7th to 11th Centuries AD)*, Belgrade, 2013, 137–234.

Cedrenus 1838

Cedrenus G., *Compendium Historiarum*, 1 (= Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, 8), E. Bekker, ed., Bonn, 1838.

Charanis 1970

Charanis P., Observations on the History of Greece During the Early Middle Ages, *Balkan Studies*, 11/1, Thessaloniki, 1970, 1–34.

Chrysos 2007

Chrysos Ev., Settlements of Slavs and Byzantine sovereignty in the Balkans, K. Belke, E. Kislinger, A. Külzer, M. Stassinopoulou, eds., *Byzantina Mediterranea. Festschrift für Johannes Koder zum 65. Geburtstag*, Vienna, 2007, 123–135.

Conterno 2015

Conterno M., Theophilos, “the more likely candidate”? Towards a reappraisal of the question of Theophanes’ “oriental source(s)”, M. Jankowiak, F. Montinaro, eds, *Studies in Theophanes* (= Travaux et Mémoires, 19), Paris, 2015, 383–400.

Curta 2006

Curta F., *Southeast European “Dark Ages” (c. 600–c. 800)*, Cambridge, 2006.

——— 2011a

Curta F., Sklaviniai and Ethnic Adjectives: A Clarification, *Byzantion Nea Hellás*, 30, 2011, 85–98.

- 2011b
Curta F., *The Edinburg History of the Greeks, c. 500 to 1050: The Early Middle Ages*, Edinburg, 2011.
- 2016
Curta F., Theophylact Simocatta revisited. A response to Andreas Gkoutzioukostas, *Byzantion Nea Hellás*, 35, 2016, 195–209.
- 2018
Curta F., Sklavina in Theophylact Simocatta, (hopefully) for the last time, *Porphyra*, 15 (27), 2018, 4–15.
- 2019
Curta F., *Eastern Europe in the Middle Ages (500–1300)* (= Brill's Companions to European History, 19), Leiden, Boston, 2019.
- Debié 2015
Debié M., Theophanes' "Oriental Source": What can we learn from Syriac Historiography?, *Studies in Theophanes*, M. Jankowiack, F. Montinaro, eds., (= Travaux et Mémoires, 19), Paris, 2015, 365–382.
- Dvornik 1926
Dvornik F., *La Vie de Saint Grégoire le Décapolite, Slaves Macédoniens au IXe siècle*, Paris, 1926.
- Eliae 1910
Eliae, Metropolitae Nisibeni, *Opus Chronologicum*, I (= Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, Scriptores Syri, 3), J.-B. Chabot, I. Guidi, H. Hyvernat, eds, Lipsiae, 1910.
- Èlie 1910
Delaporte J.-L., ed., *La Chronographie d'Élie bar-Šinaya métropolitain de Nisibe*, Paris, 1910.
- Etymologicon Magnum 1816
Sylburgii F., ed., *Etymologicon magnum*, Lipsiae, 1816.
- Fine 2006
Fine J. V. A., *When ethnicity did not matter in the Balkans: a study of identity in pre-nationalist Croatia, Dalmatia, and Slavonia in the medieval and early-modern periods*, Michigan, 2006.
- 2008
Fine J., *The Early medieval Balkans. A critical survey from the Sixth to the Late Twelfth Century*, Michigan, 2008.
- Georgii Monachi 1904
Georgii Monachi *Chronicon*, 2, C. de Boor, ed., Lipsiae, 1904.
- Gkoutzioukostas 2015
Gkoutzioukostas A., The term "Σκλαυηνία" and the Use of Adjectives which Derive from Ethnic Names in the History of Theophylact Simocatta, *Cyril and Methodius: Byzantium and the World of the Slavs, International Scientific Conference*, Thessalonica, 2015, 638–646.
- 2017
Gkoutzioukostas A., "Sklavenia" ("Σκλαυηνία") revisited: previous and recent considerations, *Παρεκβολαι, An electronic journal for Byzantine literature*, 7, 2017, 1–12.
- Gregoire 1934
Gregoire H., *Les sources épigraphiques de l'histoire bulgare*, *Byzantion*, 9, 1934, 745–786.
- 1963
Gregoire H., Un Nouveau fragment du "Scriptor incertus de Leone Armenio", *Byzantion*, 11, 1963, 417–427.
- Guidi 1903
Guidi I., ed., *Chronicon Anonymum, Chronika minora*, 1 (= Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, Scriptores Syri, Series Tertia – 4), Paris, Lipsiae, 1903.

Haldon 1997

Haldon J. F., *Byzantium in the Seventh Century, The Transformation of Culture*, Cambridge, 1997.

Hupchick 2017

Hupchick D., *The Bulgarian Byzantine Wars for Early Medieval Balkan Hegemony*, Wilkes-Barre, 2017.

Kobylnski 2008

Kobylnski Z., The Slavs, P. Fouracre ed., *The New Cambridge Medieval History*, 1: c. 500 – c. 700, Cambridge, 2008, 524–543.

Koder 1995

Koder J., Sklavinien, *Lexikon des Mittelalters*, 7, München, 1995, 1988.

Kompa 2015

Kompa A., Gnesioi filoi: the Search for George Syncellus' and Theophanes the Confessor's Own Words, and the Authorship of Their Oeuvre, *Studia Ceranea*, 5, 2015, 155–230.

Leo VI 2010

Dennis G., ed., *The Taktika of Leo VI* (= Dumbarton Oaks texts, 12), Washington, 2010.

Louth 2008a

Louth A., Justinian and his legacy (500–600), J. Shepard ed., *The Cambridge History of The Byzantine Empire*, Cambridge, 2008, 99–129.

——— 2008b

Louth A., Byzantium transforming (600–700), J. Shepard ed., *The Cambridge History of The Byzantine Empire*, Cambridge, 2008, 221–249.

Lunt 1995

Lunt H. G., What the Rus' Primary Chronicle tells us about the origin of the Slavs and of Slavic Writing, *Harvard Ukrainian Studies*, 19 (= Камень Краєжгльнь: Rhetoric Of The Medieval Slavic World), 1995, 335–357.

Malinovská 2015

Malinovská N., The Development of the Concept of *Sclavinia* in the 12th Century and its Reflexion in the Polish Chronicle of Gallus Anonymus, *Nové historické rozhľady*, 5/1, 43– 53.

Mango 1983

Mango C., The Two Lives of St. Ioannikios and the Bulgarians, *Harvard Ukrainian Studies*, 7, 1983, 393–404.

——— 1985

Mango C., On re-reading the life of St. Gregory the Decapolite, *Byzantina*, 13/1, 1985, 635–646.

——— 1990

Mango C., ed., *Nicephori Patriarchae Constantinopolitani, Breviarium Historicum*, (= Corpus Fontium Historiae Byzantinae, 13), Washington, 1990.

Mango, Scott 1997

Mango C., Scott R., eds. and tr., *The Chronicle of Theophanes Confessor, Byzantine and Near Eastern History, AD 284 – 813*, Oxford, 1997.

MGH DD LD 1

Kehr P., ed., *Ludowici Germanici, Karlomanni, Ludowici Ivnioris Diplomata* (= Monumenta Germanica Historiae, Diplomata (DD), Diplomata regum Germaniae ex stirpe Karolinarum, 1), Berlin, 1934.

MGH E 5

Kehr P., ed., *Epistolae Karolini Aevi*, 5 (= Monumenta Germaniae Historica, Epistolarum, 7), Berlin, 1928.

MGH LL Formulae 1

Herausgegeben von Karl Zeumer ed. *Formulae Merowingici et Karolini aevi* (= Monumenta Germanica Historica, Leges, Formulae Merowingici et Karolini aevi, 1), Hannoverae, 1886

MGH LS 3

Albertus Werminghoff rec., *Concilia aevi Karolini [742-842]. Teil 2 [819-842]* (= Monumenta Germanica Historiae, Legum Sectio III, 2/2.), Hannoverae, Lipsiae, 1908.

Miracula 1979

Lemerle P., ed. and tr., *Les plus anciens Recueils des miracles de saint Demetrius*, 1: *Le texte*, Paris, 1979.

Moravcsik 1983

Moravcsik G., *Byzantinoturcica*, 1, Leiden, 1983.

Neville 2018

Neville L., *Guide to Byzantine historical writing*, Cambridge, 2018.

Niederle 1908

Niederle L., *Slovanske starozitnosti*, 2/1, Praha, 1908.

Obolensky 1994

Obolensky D., *Byzantium and the Slavs*, New York, 1994.

Olajos 1979

Olajos T., Remarques sur la tradition manuscrite de l'Histoire Universelle de Théophylacte Simocatta, *Revue d'Histoire des Textes*, 9, 1979, 261–266.

Ostrogorsky 1959

Ostrogorsky G., The Byzantine Empire in the World of the Seventh Century, *Dumbarton Oaks Papers*, 13, 19–21.

Ostrogorsky 1963

Ostrogorsky G., Byzantium and the South Slavs, *The Slavonic and East European Review*, 42 (98), Dec., 1963, 1–14.

Porphyrogenetos 2012

Konstantinos Porphyrogenetos, *The Book of ceremonies*, A. Moffatt tr., ed. (= Byzantina Australiensia, 18/2), Canberra, 2012.

Porphyrogenitus 1983

Constantine Porphyrogenitus, *De Administrando Imperio* (Dumbarton Oaks Texts, 1), G. Moravcsik, ed., R. J. H. Jenkins, trans., Washington, 1967.

Setton 1950

Setton K. M., The Bulgars in the Balkans and the Occupation of Corinth in the Seventh Century, *Speculum*, 25/4, Oct., 1950, 502–543.

Simocattae 1834

Theophylacti Simocattae, *Historiarum libri octo*, I. Bekerus, ed., Bonnae, 1834.

Stephenson 2006

Stephenson P., About the Emperor Nikephoros and How He Leaves His Bones in Bulgaria: A Context for the Controversial "Chronicle of 811", *Dumbarton Oaks Papers*, 60, 2006, 87–109.

Stojkov 2016

Stojkov S., The term „Sclavinia“ — Byzantine invention, western influence? *23rd International Congress of Byzantine studies, Belgrade, 24 august, 2016, Belgrade, Serbia*, (https://www.academia.edu/28093261/THE_TERM_SCLAVINIA_BYZANTINE_INVENTION_OR_WESTERN_INFLUENCE).

Symeonis Magistri 1838

Symeonis Magistri, *Annales* (= Corpus scriptorum historiae byzantinae, 45), I. Bekker, ed., Bonnae, 1838.

Theophanes 1883

Theophanis, *Chronographia*, 1: *Textum graecum continens*, C. de Boor ed., Lipsiae, 1883.

TODOB 2

The Oxford dictionary of Byzantium, 2, New York, 1991.

TODOB 3

The Oxford Dictionary of Byzantium, 3, New York, 1991.

Treadgold 1988

Treadgold W., *The Byzantine revival (780 – 842)*, Stanford, 1988.

——— 2011

Treadgold W., Trajan the Patrician, Nicephorus, and Theophanes, D. Bumazhnov, E. Grypeou, T. B. Sailors, A. Toepel eds, *Bibel, Byzanz Und Christlicher Orient, Festschrift für Stephen Gerö zum 65. Geburtstag* (= *Orientalia Lovaniensia Analecta*, 187), Leuven, Paris, Walpole, 2011, 590–621.

——— 2013

Treadgold W., *The Middle Byzantine Historians*, Basingstoke, 2013.

Turtledove 1982

Turtledove H., *The Chronicle of Theophanes*, Philadelphia, 1982.

Vedriš 2015

Vedriš T., Balkanske sklavinije i Bugarska, N. Z. Jakus, *Povijest Hrvata*, 1: *Nova zraka u europskom svjetlu. Hrvatske zemlje u ranome srednjem vijeku (oko 550 – oko 1150)*, Zagreb, 2015, 581–608.

Whittow 1996

Whittow M., *The Making of Byzantium, 600–1025*, London, 1996.

Vlasto 1970

Vlasto A. P., *The Entry of The Slavs into Christendom, An introduction to The Medieval History of The Slavs*, New York, 1970.

Živković 2013

Živković T., The Urban Landcape of Early Medieval Slavic Principalities in the Territories of the Former Praefectura Illyricum and in the Province of Dalmatia (ca. 610–950), S. Rudić, ed., *The World of the Slavs, Studies on the East, West and South Slavs: Civitas, Oppidas, Villas and Archeological Evidence (7th to 11th Centuries AD)*, Belgrade, 2013, 15–38.

Zonarae 1808

Iohannis Zonarae Lexicon, 2, I. A. H. Tittmann, ed., Lipsiae, 1808.

Антолјак 1985

Антолјак Ст., Нашите Склавинии, *Средновековна Македонија*, 1, Скопје, 1985, 121–126.

Аџиевски 2009

Аџиевски К., Македонија во средниот век, *Македонска енциклопедија*, 2, Скопје, 2009, 822.

Божилов 1994

Божилов Ив., Кнажение словѣньско или Σκλαβοαρχοντια, *Старобългарска литература*, 28–29, 1994, 23–28.

Иванов 1995

Иванов С. А., Феофилакт Симоката, Г. Г. Литаврин, ред., *Свод древнейших письменных известий о славянах*, 2: VII–IX вв., Москва, 1995, 10–64.

Иванова 1987

Иванова О. В., Формы политической организации славянского общества в центральной и южной частях балканского полуострова в VII–VIII вв., Г. Г. Литаврин, ред., *Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств*, Москва, 1987, 56–65.

——— 1988

Иванова О. В., Распространение христианства у славян в Византии (VII–X вв.), Г. Г. Литаврин, ред., *Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси*, Москва, 1988, 9–29.

Климент Охридски 1973

Ангелов Б., Куев К., Кодов Хр., ред., Климент Охридски, *Събрани съчинения*, 3: *Пространни жития на Кирил и Методий*, София, 1973.

Кодер 2011

Кодер Ј., *Византијски свет. Увод у историјску географију источног Медитерана током византијског епохе*, В. Станковић, Р. Радић, пер., Београд, 2011.

Литаврин 1984

Литаврин Г. Г., Славини VII–IX вв. Социально-политические организации славян, Л. А. Гиндин, ред., *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья*, Москва, 1984, 193–203.

——— 1985

Литаврин Г., Склавиниите од VII–IX в. како социјално-политичка организација на Словените, *Историја*, 21/2, Скопје, 1985, 21–29.

Литаврин 1995

Литаврин Г., Патриарх Никифор, Г. Литаврин, ред., *Свод древнейших письменных известий о славянах*, 2: VII – IX вв., Москва, 1995, 221–247.

Литаврин, Иванова 1985

Литаврин Г., Иванова О. В., Славяне и Византия, Г. Литаврин, ред., *Раннефеодальные государства на Балканах, VI–XII вв.*, Москва, 1985, 34–98.

Науменко 2008

Науменко В. Е., К вопросу о статусе славянских «архонтий» Македонии и Греции в «темные века», *Россия и мир: панорама исторического развития: сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького*, Екатеринбург, 2008, 179–189.

Поп-Атанасов 2011

Поп-Атанасов Ѓ., *Старословенски кирилometодиевски извори*, Скопје, 2011.

Рајковић 1955

Рајковић М., обр., Теофан, Г. Острогорски, уред., *Византиски извори за историју народа Југославије*, 1, Београд, 1955, 217–238.

Рајковић, Томић 1955

Рајковић М., Томић М., обр., Патријарх Нићифор, Г. Острогорски, уред., *Византиски извори за историју народа Југославије*, 1, Београд, 1955, 239–244.

Сериков 1994

Сериков Н. И., Иоанн Эфесский, Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин, ред., *Свод древнейших письменных известий о славянах*, 1: I–VI вв., Москва, 1994, 276–291.

Стојков 2018

Стојков С., «Склавинија» кај Теофилакт Симоката, *Историја*, 53/1, Скопје, 2018, 15–40.

Цветковић 2016

Цветковић М., Реформа византијског војно-територијалног уређења у доба Јустинијана II, *Зборник радова Византолошког института*, 53, 2016, 17–46.

Щавелева 2004

Щавелева Н. И., *Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I–VI): текст, перевод, комментарий*, Москва, 2004.

References

- Acievski K., Makedonija vo sredniot vek, *Makedonska enciklopedija*, 2, Skopje, 2009, 822.
- Angelov B., Kuev K., Kodov Hr., eds., Clement of Ohrid, *Sabrani sachenieniya*, 3: *Prostranni zhitiya na Kiril i Metodii*, Sofia, 1973.
- Antoljak St., Našite Sklavinii, *Srednovekovna Makedonija*, 1, Skopje, 1985, 121–126.
- Barford P. M., *The early Slavs*, New York, 2001.
- Bozhilov I., Knezhenie Slovensko or Sklavoarchontia, *Medieval Bulgarian Literature*, 28–29, 1994, 23–28.
- Browning R., Notes on the "Scriptor Incertus de Leone Armenio", *Byzantion*, 35/2, 1965, 389–411.
- Brubaker L., Haldon J. F., *Byzantium in the Iconoclast Era, c. 680–850. The Sources*, Ashgate, 2000.
- Bulić D., The Fortifications of the Late Antiquity and the Early Byzantine Period on the Later Territory of the South-Slavic Principalities, and their Re-occupation, S. Rudić, ed., *The World of the Slavs, Studies on the East, West and South Slavs: Civitas, Oppidas, Villas and Archeological Evidence (7th to 11th Centuries AD)*, Belgrade, 2013, 137–234.
- Charanis P., Observations on the History of Greece During the Early Middle Ages, *Balkan Studies*, 11/1, Thessaloniki, 1970, 1–34.
- Chrysos Ev., Settlements of Slavs and Byzantine sovereignty in the Balkans, K. Belke, E. Kislinger, A. Külzer, M. Stassinopoulou, eds., *Byzantina Mediterranea. Festschrift für Johannes Koder zum 65. Geburtstag*, Vienna, 2007, 123–135.
- Constantine Porphyrogenitus, *De Administrando Imperio* (Dumbarton Oaks Texts, 1), G. Moravcsik, ed., R. J. H. Jenkins, trans., Washington, 1967.
- Conterno M., Theophilos, "the more likely candidate"? Towards a reappraisal of the question of Theophanes' "oriental source(s)", M. Jankowiak, F. Montinaro, eds., *Studies in Theophanes* (= Travaux et Mémoires, 19), Paris, 2015, 383–400.
- Curta F., *Eastern Europe in the Middle Ages (500–1300)* (= Brill's Companions to European History, 19), Leiden, Boston, 2019.
- Curta F., Sklavinia in Theophylact Simocatta, (hopefully) for the last time, *Porphyra*, 15 (27), 2018, 4–15.
- Curta F., Sklavinia and Ethnic Adjectives: A Clarification, *Byzantion Nea Hellás*, 30, 2011, 85–98.
- Curta F., *Southeast European "Dark Ages" (c. 600–c. 800)*, Cambridge, 2006.
- Curta F., *The Edinburgh History of the Greeks, c. 500 to 1050: The Early Middle Ages*, Edinburgh, 2011.
- Curta F., Theophylact Simocatta revisited. A response to Andreas Gkoutzioukostas, *Byzantion Nea Hellás*, 35, 2016, 195–209.
- Cvetković M., Reforma vizantijskog vojno-teritorijalnog uređenja u doba Justinijana II, *Recueil des travaux de l'Institut d'études byzantines*, 53, 2016, 17–46.
- Debié M., Theophanes' "Oriental Source": What can we learn from Syriac Historiography?, M. Jankowiak, F. Montinaro, eds., *Studies in Theophanes* (= Travaux et Mémoires, 19), Paris, 2015, 365–382.
- Dennis G., ed., *The Taktika of Leo VI* (= Dumbarton Oaks texts, 12), Washington, 2010.
- Dvornik F., *La Vie de Saint Grégoire le Décapolite, Slaves Macédoniens au IXe siècle*, Paris, 1926.
- Fine J. V. A., *When ethnicity did not matter in the Balkans: a study of identity in pre-nationalist Croatia, Dalmatia, and Slavonia in the medieval and early-modern periods*, Michigan, 2006.
- Fine J., *The Early medieval Balkans. A critical survey from the Sixth to the Late Twelfth Century*, Michigan, 2008.
- Gkoutzioukostas A., The term "Sklayēnia" and the Use of Adjectives which Derive from Ethnic Names in the History of Theophylact Simocatta, Cyril and Methodius: *Byzantium and the World of the Slavs, International Scientific Conference*, Thessalonica, 2015, 638–646.
- Gkoutzioukostas A., "Sklavenia" revisited: previous and recent considerations, *Parekbolai, An electronic journal for Byzantine literature*, 7, 2017, 1–12.
- Gregoire H., *Les sources épigraphiques de l'histoire bulgare*, *Byzantion*, 9, 1934, 745–786.
- Gregoire H., Un Nouveau fragment du "Scriptor incertus de Leone Armenio", *Byzantion*, 11, 1963, 417–427.
- Haldon J. F., *Byzantium in the Seventh Century, The Transformation of Culture*, Cambridge, 1997.
- Hupchick D., *The Bulgarian Byzantine Wars for Early Medieval Balkan Hegemony*, Wilkes-Barre, 2017.
- Ivanov S. A., Feofilakt Simokata, G. G. Litavrin, ed., *Corpus testimoniorum vetustissimorum ad historiam slavicam pertinentium*, 2: VII–IX saecula, Moscow, 1995, 10–64.
- Ivanova O. V., Formy politicheskoi organizatsii slavianskogo obshchestva v tsentral'noi i iuzhnoi chastiakh balkanskogo poluostrova v VII–VIII vv., G. G. Litavrin, ed., *Etnosotsial'naiia i politicheskaiia struktura rannefeodal'nykh slavianskikh gosudarstv i narodnostei*, Moscow, 1987, 56–65.
- Ivanova O. V., Rasprostranenie khristianstva u slavian v Vizantii (VII–X vv.), G. G. Litavrin, ed., *Prinatie khristianstva narodami Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy i kreshchenie Rusi*, Moscow, 1988, 9–29.
- Kehr P., ed., *Epistolae Karolini Aevi*, 5 (= Monumenta Germaniae Historica, Epistolarum, 7), Berlin, 1928.

Kehr P., ed., *Ludowici Germanici, Karlomanni, Ludowici Iynioris Diplomata* (= Monumenta Germanica Historiae, Diplomata (DD), Diplomata regum Germaniae ex stirpe Karolinorum, 1), Berlin, 1934.

Kobylnski Z., The Slavs, P. Fouracre ed., *The New Cambridge Medieval History*, 1: c. 500–c. 700, Cambridge, 2008, 524–543.

Koder J., *Vizantijski svet. Uvod u istorijsku geografiju istočnog Mediterana tokom vizantijske epohe*, V. Stanković, R. Radić, pr., Beograd, 2011.

Koder J., Sklavinien, *Lexikon des Mittelalters*, 7, München, 1995, 1988.

Kompa A., Gnesioi filoi: the Search for George Syncellus' and Theophanes the Confessor's Own Words, and the Authorship of Their Oeuvre, *Studia Ceranea*, 5, 2015, 155–230.

Lemerle P., ed. and tr., *Les plus anciens Recueils des miracles de saint Demetrius*, 1: *Le texte*, Paris, 1979.

Litavrin G. G., Ivanova O. V., Slaviane i Vizantiia, G. G. Litavrin, ed., *Rannefeodal'nye gosudarstva na Balkanakh, VI–XII vv.*, Moscow, 1985, 34–98.

Litavrin G. G., Patriarkh Nikifor, G. G. Litavrin, ed., *Corpus testimoniorum vetustissimorum ad historiam slavicum pertinentium*, 2: VII–IX saecula, Moscow, 1995, 221–247.

Litavrin G. G., Slavini VII–IX vv. Sotsial'no-politicheskie organizatsii slavian, L. A. Gindin et al., eds., *Etnogenez narodov Balkan i Severnogo Prichernomora*, Moscow, 1984, 193–203.

Litavrin G., Sklaviniite od VII–IX v. kako socialno-politička organizacija na Slovenite, *Istorija*, 21/2, Skopje, 1985, 21–29.

Louth A., Byzantium transforming (600–700), J. Shepard, ed., *The Cambridge History of The Byzantine Empire*, Cambridge, 2008, 221–249.

Louth A., Justinian and his legacy (500–600), J. Shepard ed., *The Cambridge History of The Byzantine Empire*, Cambridge, 2008, 99–129.

Lunt H. G., What the Rus' Primary Chronicle tells us about the origin of the Slavs and of Slavic Writing, *Harvard Ukrainian Studies*, 19 (= Kamen' Kraeug'1'n": Rhetoric Of The Medieval Slavic World), 1995, 335–357.

Malinovská N., The Development of the Concept of *Slavania* in the 12th Century and its Reflexion in the Polish Chronicle of Gallus Anonymus, *Nové historické rozhľady*, 5/1, 43–53.

Mango C., On re-reading the life of St. Gregory the Decapelite, *Byzantina*, 13/1, 1985, 635–646.

Mango C., Scott R., eds. and tr., *The Chronicle of Theophanes Confessor, Byzantine and Near Eastern History, AD 284 – 813*, Oxford, 1997.

Mango C., The Two Lives of St. Ioannikios and the Bulgarians, *Harvard Ukrainian Studies*, 7, 1983, 393–404.

Mango C., ed., *Nicephori Patriarchae Constantinopolitani, Breviarium Historicum*, (= Corpus Fontium Historiae Byzantinae, 13), Washington, 1990.

Moffatt A., transl. and ed., Konstantinos Porphyrogenetos, *The Book of ceremonies*, (= Byzantina Australiensia, 18/2), Canberra, 2012.

Moravcsik G., *Byzantinoturcica*, 1, Leiden, 1983.

Naumenko V. E., K voprosu o statuse slavianskikh «arkhontii» Makedonii i Gretsii v «temnye veka», *Rossiia i mir: panorama istoricheskogo razvitiia: sbornik nauchnykh statei, posviashchennyi 70-letiiu istoricheskogo fakul'teta Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta im. A. M. Gor'kogo*, Yekaterinburg, 2008, 179–189.

Neville L., *Guide to Byzantine historical writing*, Cambridge, 2018.

Obolensky D., *Byzantium and the Slavs*, New York, 1994.

Olajos T., Remarques sur la tradition manuscrite de l'Histoire Universelle de Théophylacte Simocatta, *Revue d'Histoire des Textes*, 9, 1979, 261–266.

Ostrogorsky G., Byzantium and the South Slavs, *The Slavonic and East European Review*, 42 (98), Dec., 1963, 1–14.

Ostrogorsky G., The Byzantine Empire in the World of the Seventh Century, *Dumbarton Oaks Papers*, 13, 1959, 1–21.

Pop-Atanasov G., *Staroslovenski kirilometodievski izvori*, Skopje, 2011.

Rajković M., obr., Teofan, G. Ostrogorski, ur., *Fontes Byzantini Historiam Popularum Jugoslaviae Spectantes*, 1, Beograd, 1955, 217–238.

Rajković M., Tomić M., obr., Patrijarh Ničifor, G. Ostrogorski, ur., *Fontes Byzantini Historiam Popularum Jugoslaviae Spectantes*, 1, Beograd, 1955, 239–244.

Serikov N. I., Ioann Efesskii, L. A. Gindin, G. G. Litavrin, ed., *Corpus testimoniorum vetustissimorum ad historiam slavicum pertinentium*, 1: I–VI saecula, Moscow, 1994, 276–291.

Setton K. M., The Bulgars in the Balkans and the Occupation of Corinth in the Seventh Century, *Speculum*, 25/4, Oct., 1950, 502–543.

Shchavaleva N. I., *Drevniaia Rus' v «Pol'skoi istorii» Iana Dlugosha (Knigi 1–6)*. Text, translation, commentary, Moscow, 2004.

Stephenson P., About the Emperor Nikephoros and How He Leaves His Bones in Bulgaria: A Context for the Controversial "Chronicle of 811", *Dumbarton Oaks Papers*, 60, 2006, 87–109.

Stojkov S., «Sklavinija» kaj Teofilakt Simokata, *Istorija*, 53/1, Skopje, 2018, 15–40.

Treadgold W., *The Byzantine revival (780 – 842)*, Stanford, 1988.

Treadgold W., *The Middle Byzantine Historians*, Basingstoke, 2013.

Treadgold W., Trajan the Patrician, Nicephorus, and Theophanes, D. Bumazhnov, E. Grypeou, T. B. Sailors, A. Toepel eds, *Bibel, Byzanz Und Christlicher Orient, Festschrift für Stephen Gerö zum 65. Geburtstag* (= Orientalia Lovaniensia Analecta, 187), Leuven, Paris, Walpole, 2011, 590–621.

Turtledove H., *The Chronicle of Theophanes*, Philadelphia, 1982.

Vedriš T., Balkanske sklavinije i Bugarska, N. Z. Jakus, *Povijest Hrvata, 1: Nova zraka u europskom svjetlu. Hrvatske zemlje u ranome srednjem vijeku (oko 550 – oko 1150)*, Zagreb, 2015, 581–608.

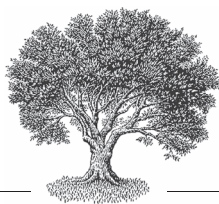
Vlasto A. P., *The Entry of The Slavs into Christendom, An introduction to The Medieval History of The Slavs*, New York, 1970.

Whittow M., *The Making of Byzantium, 600–1025*, London, Basingstock, 1996.

Živković T., The Urban Landcape of Early Medieval Slavic Principalities in the Territories of the Former Praefectura Illyricum and in the Province of Dalmatia (ca. 610–950), S. Rudić, ed., *The World of the Slavs, Studies on the East, West and South Slavs: Civitas, Oppidas, Villas and Archeological Evidence (7th to 11th Centuries AD)*, Belgrade, 2013, 15–38.

Стојко Иванов Стојков, вонреден професор доктор на историските науки,
 Факултет за образовни науки,
 Уневерзитет „Гоце Делчев“
 ул. „Крсте Мисирков“ бр. 10-А, Пош. фах 201, Штип – 2000
 Северна Македонија / North Macedonia
 stojko.stojkov@ugd.edu.mk

Received June 10, 2019

Лингвостатистическое
исследование
частотных слов в
Словах Кирилла
Туровского
(по рукописи РНБ,
Ф.п.I.39)*

Виктор Аркадьевич Баранов

Ижевский государственный технический
университет имени М. Т. Калашникова
Ижевск, Россия

Олег Феофанович Жолобов

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

Quantitative
Linguistic Study of
Frequency Words in
Kirill of Turov's
Words (Based on the
NLR manuscript
F.p.I.39)

Victor A. Baranov

Kalashnikov Izhevsk State Technical
University
Izhevsk, Russia

Oleg F. Zholobov

Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Russia

Резюме

Рассмотрены количественные и статистические свойства наиболее частотных слов проповедей Кирилла Туровского Толстовского сборника XIII в. (РНБ, Ф.п.I.39). В ходе трех экспериментов (1) были установлены формальные

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта «Подготовка интернет-издания и комплексное исследование языка и письма Толстовского сборника XIII в. (РНБ, Ф.п.I.39)» (проект № 18-012-00428).

Цитирование: Баранов В. А., Жолобов О. Ф. Лингвостатистическое исследование частотных слов в Словах Кирилла Туровского (по рукописи РНБ, Ф.п.I.39) // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 1. С. 29–80.

Citation: Baranov V. A., Zholobov O. F. (2020) Quantitative Linguistic Study of Frequency Words in Kirill of Turov's Words (Based on the NLR manuscript F.p.I.39). *Slověne*, Vol. 9, № 1, p. 29–80.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.1.2

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

отличия перечня от соответствующих списков 8 контрастных подкорпусов (списков XI–XIV вв. майских миней, миней на другие месяцы года, стихирарей, Евангелий, Псалтыри, летописей, Апостола, Паренесиса Ефрема Сирина) и выявлена бóльшая близость с двумя последними; (2) с помощью статистических мер Log-Likelihood, TF*ICTF' и Weirdness найдены статистически значимые слова и выявлено частичное совпадение исследуемых форм текстов Кирилла Туровского и нескольких контрастных подкорпусов; (3) с помощью сопоставления рангов каждой из форм осуществлена оценка степени близости текстов Толстовского сборника и разножанровых подкорпусов и показано, что наиболее близкими друг другу с точки зрения статистической значимости 15 наиболее частотных форм являются оригинальные тексты проповедей Кирилла Туровского, переводные тексты наставлений Ефрема Сирина и списков Апостола. Впервые выявлены конфигурации наиболее значимых лексем в подкорпусах и установлено сходство в их составе в подкорпусах проповедей Кирилла Туровского и Апостола, а также частично Паренесиса, Псалтыри и летописей. Дана лингвистическая, жанрово-стилистическая и дискурсивно-прагматическая характеристика высокоранговых единиц в проповедях Кирилла Туровского (*нѣ, о, бо, сѣ*).

Работа выполнена на материале транскрипций исторического корпуса «Манускрипт» (manuscripts.ru).

Ключевые слова

лингвистическая статистика, исторический текстовый корпус, средневековые славянские тексты, проповедь, Кирилл Туровский

Abstract

The authors have studied quantitative and statistical qualities of the most frequent words in sermons of Kirill of Turov, contained in the Tolstoy Collection from the 13th century (NLR, F.п.I.39).

In the course of three experiments, firstly, formal distinctions were found between the list and the corresponding copies from 8 contrasting sub-corpora, them being: 11th–14th century copies of the May Menaea, other months' Minaea, Sticheraria, Gospels, The Book of Psalms, chronicles, the Apostolos, and the *Paranesis* of Ephrem the Syrian; the last two appear to be the most similar to the list. Secondly, using Log-Likelihood, TF*ICTF' and Weirdness statistical tools, statistically meaningful words were found out, and a partial overlap in the forms under study appeared between the texts of Kirill and several of the sub-corpora. Thirdly, by comparing ranks of each of the forms, the closeness of the Tolstoy Collection texts and sub-corpora of different genres was estimated, and it was shown that original sermons of Kirill of Turov and translations of the teaching sermons of Ephrem the Syrian and of the Apostolos are closest to each other in terms of statistical significance of 15 most frequent forms.

For the first time, the configurations of the most significant lexemes in the sub-corpora were found out. Also for the first time, their list was found to be similar in the sub-corpora of Kirill of Turov's sermons and of the Apostolos, as well as (partially) of the *Paranesis*, The Book of Psalms and the chronicles. High-rank units in the sermons of Kirill of Turov (*нѣ, о, бо, сѣ*) were described in terms of linguistics, of genre and style, and of discursive pragmatics.

The work was made using the transcriptions from the historical corpus “Manuscript” (manuscripts.ru).

Keywords

quantitative linguistics, historical text corpus, medieval Slavic texts, sermon, Kirill of Turov

1. Введение

Количественные и статистические методы анализа текстов на естественном языке активно применяются в различных областях филологии и лингвистики, а спектр решаемых задач чрезвычайно широк: от теоретических исследований стиля писателя или жанра до анализа прикладной направленности при атрибуции произведений или лингвистической экспертизе¹.

Результативность лингвистического анализа статистическими методами зависит не только от объекта, целей и задач исследования, от используемых методик и приемов, но и от количества привлеченного для исследования материала, которое должно быть достаточным для применения количественно-статистических методов.

Решающим фактором активного использования статистических методов в настоящее время является возможность извлечения количественных характеристик лингвистических единиц из текстовых корпусов, содержащих большой или очень большой объем материала и снабженных многофункциональными корпусными менеджерами.

Постепенное увеличение количества машиночитаемых копий средневековых славянских текстов, создание на их основе исторических корпусов и разработка специализированного инструментария для работы с ними позволяет ставить задачи, которые могут быть решены только с помощью методов квантитативной лингвистики.

2. Цель, задачи и материал

2.1. Цель и задачи

Целью работы является установление степени близости языка проповедей Кирилла Туровского из сборника XIII в. (РНБ, Ф.п.I.39) (далее — СбТолКТ) и произведений нескольких разножанровых коллекций — коллекций древнерусских списков гимнографических произведений, текстов Библии, учительных произведений и списков летописей.

(1) Проанализированы состав, порядок следования, количество и статистические значения 15-ти наиболее часто использующихся в Сб-

¹ См., например: [Копотев 2014; Марусенко 1990; Мартыненко 2014; Мартыненко 2015; Литвинова 2016; Николаев et al. 2016] и мн. др.

ТолКТ слов — союзов, предлогов, частиц, нескольких форм местоимений; (2) исследованный материал сопоставлен с соответствующими данными нескольких разножанровых коллекций; (3) предложена методика установления степени лингвистической аналогичности текстов СбТолКТ и текстов разножанровых коллекций.

2.2. Материал анализа

Небольшой объем анализируемых текстов определяет выбор лингвистического материала — это наиболее часто встречающиеся слова, количество которых позволяет использовать статистические методики для нахождения количественных закономерностей. Второй причиной анализа предлогов, союзов, частиц и очень часто используемых форм местоимений является особая роль этих слов в текстах, о чем говорят многие исследователи, занимавшиеся и занимающиеся лингвистическим анализом как традиционными, так и статистическими методами².

Статистическое поведение служебных слов средневековых славянских рукописей уже было предметом анализа. В работе [Баранов 2019a] на примере служебных миней, стихирарей и Евангелий XI–XIV вв. (1) показано, что состав и порядок следования перечней наиболее частотных слов может считаться особенностью текстов жанра, (2) с помощью мер (использованы меры Log-Likelihood и TF*ICTF) выявлены статистически значимые формы, (3) с помощью сопоставления рангов одной формы в соответствии с мерами найдены ядерные служебные слова каждой из коллекций. Продemonстрировано, что на уровне служебных слов наиболее близкими являются две коллекции миней — майской миней и миней на другие месяцы года, а наиболее удаленными — коллекции миней и коллекция Евангелий.

Лингвистический материал и некоторых других коллекций корпуса «Манускрипт» подвергался анализу. Так, статистические значения наиболее частотных знаменательных слов Паренесиса Ефрема Сирина, найденные при сопоставлении с контрастным подкорпусом объемом более 1 млн текстовых прецедентов, позволили выявить ключевые слова, отражающие тематику Паренесиса, — *помыслъ, страхъ*, а также *векъ, жити, хотети, братия* [Baranov 2018].

Эффективность применения статистических методов для исследования современных текстов, а также осуществленный анализ славянского

² Среди российских ученых первым на особое значение служебных слов для атрибуции текстов обратил внимание Н. А. Морозов [Морозов 1915]; среди наиболее важных историко-лингвистических работ назовем книгу [Зализняк 2008б: 51–93], в которой на основе анализа дистрибуции энклитик доказана особая позиционно-грамматическая роль частиц и местоимений в структуре древнерусского предложения.

средневекового материала корпуса «Манускрипт» позволяет поставить задачу нахождения количественно-статистических закономерностей лингвистических единиц и в других текстах корпуса.

2.3. Объем и содержание текстов Кирилла Туровского

2.3.1. Объем данных

Проанализированы 15 наиболее часто встречающихся в СбТолКТ слов (словоформ), среди которых первое место занимает союз и местоимение **и**³ (840 случаев использования), последнее 15-е — союз и частица **да** (69 случаев)⁴.

Объем анализируемой части СбТолКТ — 12 256 текстовых прецедентов.

2.3.2. Тексты

Текстовый материал — проповеди Кирилла Туровского по Толстовскому сборнику второй половины XIII в.

Содержание первых 48-ми листов сборника:

- 1) в Неделю Фомину (л. 1–5об., без начала);
- 2) Слово о снятии тела Христова с креста, мироносицах, похвала Иосифу, в Неделю третью по Пасхе (л. 5об.–16);
- 3) Слово о расслабленном, в Неделю четвертую по Пасхе (л. 16–23);
- 4) Поучение в Неделю пятую по Пасхе (л. 23–25);
- 5) Слово о слепце, в Неделю шестую по Пасхе (л. 25–32);
- 6) Слово на Вознесение Господне, в четверток шестой Недели по Пасхе, о воскрешении Адама (л. 32–37об.);
- 7) Слово на Собор трехсот восемнадцати святых отцов, похвала отцам Никейского собора, в Неделю перед Пятидесятницей (л. 37об.–46);
- 8) Поучение на Пятидесятнице (л. 46–48) [Жолобов 2017: 140–141].

Несмотря на то что «принадлежность двух Поучений в сборнике Кириллу не может считаться бесспорной (под номерами 4 и 8)» [Жолобов 2017: 141], мы включили их в анализируемый материал, так как выбранный для работы метод сопоставления с коллекциями разных жанров ориентирован на выявление наиболее общих количественно-статистических характеристик, которые с малой долей вероятности зависят от небольшого объема двух предположительно принадлежащих Кириллу Туровскому отрывков.

³ Омонимия не снята, однако это не повлияло на выявление статистически наиболее значимых единиц (см. прим. 15).

⁴ См. раздел 5.1.

3. Наблюдение 1. Наиболее частотные словоформы Толстовского сборника в сопоставлении с соответствующими перечнями контрастных подкорпусов

Приведем наиболее частотные словоформы СбТолКТ и нескольких других подкорпусов, расположив формы в порядке убывания количества⁵, см. Табл. 1⁶.

Таблица 1. Наиболее частотные словоформы СбТолКТ в сопоставлении с другими подкорпусами

№	СбТолКТ	Пар	Май	Мин	Ст	Ев	Ап	Пс	Лет
1	н	н	н	н	н	н	н	н	н
2	же	са	са	са	са	же	же	са	са
3	са	не	не	не	вз	вз	вз	вз	же
4	не	вз	вз	же	же	не	не	же	вз
5	вз	же	же	вз	не	са	са	не	на
6	на	как	как	как	у	у	у	вк	не
7	у	бо	та	кн	как	как	о	на	кз
8	бо	ксть	на	пъ	на	на	как	отз	сз
9	сз	на	кн	та	кн	кмоу	бо	бо	а
10	о	у	пъ	на	гла	кго	да	ма	у
11	нз	да	у	у	сз	ксть	кз	реуе	по
12	кго	о	тн	тн	бо	да	ксть	да	кго
13	кз	аще	сз	сз	кго	бо	нз	кз	бо
14	как	кго	гла	гла	та	сз	на	сз	как
15	да	сз	кго	бо	да	кн	аще	а	се

⁵ Выборка данных осуществлена с помощью модуля n-грамм корпуса «Манускрипт» (http://manuscripts.ru/mns/cred_ngr.stat): на основе метакarakterистик текстов были сформированы выборки текстов одного жанра, с помощью запросной формы (параметры: тип компонентов — словоформа, количество компонентов — 1) построены упорядоченные по количеству встречаемости перечни словоформ.

⁶ В случае вариативности текстовых прецедентов в качестве маски использовались регулярные выражения, например: (н|и), с(а|на), (на|а|а)к(о|о|w), (к|е|е)с(н|и), (к|е|е)м(о|у|х|у|у|у), (о|о|w)т. (точка в маске регулярного выражения заменяет один любой символ) и под.

Различно переданные в транскрипциях корпуса са, же, не (слитно или раздельно с рядом находящимися глагольными, местоименными, наречными, именными формами) при подсчетах суммировались.

При наличии графических вариантов формы в таблице дается наиболее частотный.

Сопоставление перечней дает возможность сделать следующие наблюдения:

- состав первых пяти наиболее частотных форм во всех подкорпусах идентичен — это **н**, **жє**, **сѧ**, **нѣ**, **вѣ**, кроме подкорпуса летописей, в котором в список первых пяти входит предлог **на**, отличается порядок их следования;

- состав форм в позициях 6–15 в СбТолКТ в разной степени отличается от состава в контрастных подкорпусах.

Сопоставление форм в позициях 6–10 (с учетом первых 5) позволяет выявить наибольшее и наименьшее количество совпадений между СбТолКТ и другими подкорпусами:

- подкорпусы Паренесиса, Апостола, Псалтыри, летописей — 8 совпадений из 10 форм;

- подкорпусы стихирарей, Евангелий — 7 из 10;

- подкорпусы майской минеи и миней на другие месяцы — 6 из 10.

Увеличение количества сопоставляемых форм до 15 не только не меняет различий в количестве совпадающих форм, но и показательно выделяет близость СбТолКТ и подкорпуса Паренесиса:

- подкорпусы Паренесиса и Апостола — 13 совпадений из 15 форм;

- подкорпусы стихирарей, Евангелий, Псалтыри, летописей — 12 из 15;

- подкорпусы майской минеи и миней на другие месяцы — 10 из 15.

Таким образом, наибольшая близость по составу форм анализируемых перечней из 15-ти наиболее часто использующихся форм существует между СбТолКТ и списками Паренесиса Ефрема Сирина и Апостола; наименьшая — между СбТолКТ и текстами служебных миней.

4. Статистический анализ наиболее частотных словоформ

Для оценки значимости лингвистической единицы в корпусе на основе частоты ее использования в анализируемом документе, в контрастном подкорпусе и общего количества лингвистических единиц в сопоставляемых текстовых массивах применяются различные статистические меры, наиболее часто — $TF*IDF$ (и ее варианты), $Log-Likelihood$, $Weirdness$.

4.1. Мера $TF*ICTF$

Одним из вариантов известной меры $TF*IDF$ (term frequency — inverse document frequency)⁷ является мера $TF*ICTF$ (term frequency — inverse

⁷ См., например, работы: [Sparck 1972; Salton, Yang 1973; Robertson 2004; Roelleke 2013].

collection term-frequency)⁸, в которой статистическая оценка лингвистических единиц анализируемого текста осуществляется на основе сопоставления их количества с их количеством в контрастном подкорпусе, а не на основе сведений о наличии/отсутствии единицы в последнем, как в TF*IDF:

$$\text{TF*ICTF} = \frac{f_d}{F_d} * \log \frac{F_D}{f_D}, \text{ где}$$

f_d — количество анализируемой словоформы/леммы (term) в документе,

F_d — количество всех словоформ/лемм в анализируемом документе,

F_D — общее количество словоформ/лемм в контрастном подкорпусе,

f_D — количество анализируемой словоформы/леммы в контрастном подкорпусе.

В работе мы используем модификацию этой формулы, которая позволяет снизить влияние относительной частоты анализируемой единицы и/или увеличить влияние частотности соответствующих единиц в контрастном подкорпусе на значение первой:

$$\text{TF*ICTF}' = (0.5 + 0.5 \frac{f_d}{F_d}) * \log \frac{F_D - F_d}{f_D - f_d}, \text{ где}$$

$F_D - F_d$ — объем контрастного подкорпуса без объема документа, в которую входит единица, для которой вычисляется вес,

$f_D - f_d$ — количество анализируемой словоформы в контрастном подкорпусе, кроме количества словоформы в документе, в которую входит анализируемая единица⁹.

4.2. Мера Log-Likelihood

Другой часто используемой мерой является Log-Likelihood (коэффициент правдоподобия, показатель сходства), которая позволяет сравнить частоту единицы в анализируемом документе со среднестатистической частотой единицы в корпусе¹⁰:

⁸ См., например, работы: [Kwok 1995; Roelleke, Wang 2006; Wu et al. 2008: 17].

⁹ См., например: [Salton, Buckley 1988: 325; Roelleke 2013: 10–14; Haibing et al. 2017], в которых предлагается нормализация частотности слова и объема документа/коллекции с помощью логарифмирования, введения дополнительных коэффициентов и/или некоторых других модификаций, в том числе и для снижения влияния на вес слов их максимальных абсолютных частот в документах разного объема и контрастных коллекциях. В [Salton, Buckley 1988: 325] статистические меры с использованием коэффициента 0.5 определяются как лучшие для вычисления взвешенной статистической вероятности.

¹⁰ См., например, [Rayson, Garside 2000: 3; Ляшевская, Шаров 2008–2011: viii–ix].

$$LL = 2(a \ln \left(\frac{a}{\frac{a+b}{c+d}} \right) + b \ln \left(\frac{b}{\frac{a+b}{c+d}} \right)), \text{ где}$$

- a — абсолютное количество анализируемой словоформы/леммы в анализируемом документе,
 b — абсолютное количество анализируемой единицы в контрастном подкорпусе,
 c — объем анализируемого документа,
 d — объем контрастного подкорпуса.

4.3. Мера Weirdness

Мера Weirdness («странность») также позволяет оценить частоту анализируемой единицы на фоне ее частоты в контрастном подкорпусе:

$$Weirdness_w = \frac{W_s/T_s}{W_g/T_g}, \text{ где}$$

- W_s — частотность единицы в анализируемом документе,
 T_s — объем анализируемого документа,
 W_g — частотность анализируемой единицы в контрастном подкорпусе,
 T_g — объем контрастного подкорпуса¹¹.

5. Наблюдение 2. Статистические значения 15-ти наиболее частотных слов

5.1. Тексты Кирилла Туровского

Статистические значения 15-ти наиболее частотных форм СбТолКТ представлены в Табл. 2. Контрастным стал разножанровый корпус служебных миней, стихирарей, Евангелий, Апостола, Псалтыри, летописей объемом 1 471 411 текстовых прецедентов.

Видно, что оценки одной и той же словоформы могут быть идентичными (союз **нѣ** имеет максимальное значение в соответствии с всеми мерами), близкими (предлог **ѡ/о** — занимает 2, 3, 2 места, частица **ѡ** — 4, 2 и 3 места и др.) и противоположными (союз и частица **да** — 3, 12, 7 места и др.).

Таблица позволяет увидеть несколько словоформ, которые одинаково высоко оцениваются (ранги с 1 по 7) примененными тремя статистическими мерами — это **нѣ**, **ѡ/о**, **ѡ**, **ѣ**¹².

¹¹ См., например, [Ahmad et al. 1999; Клышинский, Кочеткова 2014: 368].

¹² Необходимо отметить, что применение статистических мер к перечням, в которых устранены союз и местоимение **н**, не повлияло на результаты выделения

**Таблица 2. Количество, статистические значения и ранги
15-ти наиболее частотных словоформ СбТолКТ**

N^{913}	w	F	TF	R_1^{14}	$TF*ICTF$	R_2	LL	R_3	$Weirdness$
1	н	845	0,069	15	0,619	14	0,062	11	0,991
2	жє	422	0,034	14	0,759	15	0,031	10	1,009
3	сѧ	310	0,025	13	0,792	9	4,706	12	0,886
4	нє	287	0,023	11	0,873	8	8,089	6	1,189
5	вѣ	251	0,020	12	0,804	7	18,489	14	0,771
6	нѧ	211	0,017	9	0,978	6	24,887	5	1,442
7	ѡ/о тѣ	162	0,013	10	0,976	11	1,907	8	1,117
8	бо	150	0,012	4	1,126	2	61,195	3	2,052
9	сѣ	145	0,012	6	1,083	4	29,821	4	1,637
10	ѡ/о	122	0,010	2	1,172	3	51,919	2	2,088
11	нѣ	111	0,009	1	1,246	1	78,437	1	2,674
12	кѣго	85	0,007	5	1,106	13	0,642	9	1,093
13	кѣ	81	0,007	7	1,052	10	3,611	13	0,815
14	ѧко	78	0,006	8	0,989	5	26,479	15	0,587
15	ѧѧ	75	0,006	3	1,148	12	1,817	7	1,174

5.2. Подкорпус списков майской минеи

Объем рукописей, содержащих текст майской минеи, — 99 613 текстовых прецедентов.

Контрастный подкорпус включает списки служебных миней на другие месяцы, стихирарей, Евангелий, Апостола, Псалтыри, Паренесиса, летописей и содержит 1 620 922 текстовых прецедента.

наиболее значимых статистических форм как в перечне СбТолКТ, так и в контрастных подкорпусах.

¹³ N^9 — номер словоформы по порядку, w — словоформа, F — абсолютная частота словоформы, TF (term frequency) — относительная частота, $TF*ICTF$ — значение в соответствии с мерой, R_1 — ранг в соответствии с мерой $TF*ICTF$, LL — значение в соответствии с мерой Log-Likelihood, R_2 — ранг в соответствии с мерой LL , $Weirdness$ — значение в соответствии с мерой, R_3 — ранг в соответствии с мерой $Weirdness$.

¹⁴ Интенсивность заливки соответствует рангу: высокие ранги выделены более сильно.

Статистические значения 15-ти наиболее частотных словоформ подкорпуса приведены в Табл. 3.

Таблица 3. **Количество, статистические значения и ранги 15-ти наиболее частотных словоформ в подкорпусе списков майской мины**

N°	w	F	TF	R_1^4	$TF*ICTF$	R_2	LL	R_3	Weirdness
1	н	4296	0,043	15	0,598	2	1229,478	13	0,604
2	с а	3157	0,032	13	0,795	13	26,818	6	1,101
3	н е	1802	0,018	11	0,851	12	47,285	8	0,849
4	в з	1703	0,017	12	0,802	8	351,156	12	0,647
5	ж е	1634	0,016	14	0,756	4	919,488	15	0,505
6	я к о	1063	0,011	8	0,992	15	1,220	7	0,978
7	т а	946	0,009	4	1,320	3	1062,650	2	3,921
8	н а	900	0,009	10	0,971	11	70,503	10	0,760
9	к с н	841	0,008	5	1,237	7	452,492	5	2,400
10	п ъ	812	0,008	1	1,486	1	1587,058	1	7,232
11	ў	783	0,008	9	0,973	9	136,534	11	0,670
12	т н	672	0,007	3	1,326	5	504,227	4	2,902
13	с з	584	0,006	7	1,080	14	21,935	9	0,825
14	г а а	439	0,004	2	1,475	6	477,739	3	3,816
15	к г о	382	0,004	6	1,099	10	119,557	14	0,592

Данные таблицы позволяют увидеть четыре словоформы, имеющие наибольшие ранги, — это формы $\hat{п} \hat{ъ}$, $\hat{г} \hat{а} \hat{а}$, $\hat{т} \hat{а}$, $\hat{т} \hat{н}$, — а соответственно, отличающие подкорпус от других подкорпусов¹⁵. Этот перечень не совпадает с перечнем СбТолКТ.

¹⁵ Результаты, казалось бы, совпадающие с ожидаемыми, имеют принципиально иное значение для понимания места текстов подкорпуса по отношению к текстам других жанров: впервые ключевые слова выявлены с помощью их количественных и статистических характеристик $TF*ICTF$, Log-Likelihood и Weirdness, а кроме того, в ряде случаев эти результаты стали базой для совершенно непредсказуемых результатов последующего анализа и выводов, на их фоне и то, что представлялось тривиальным, свою предсказуемость и неинформативность также теряет.

5.3. Подкорпус списков миней на другие месяцы

Объем рукописей, содержащих миней на сентябрь, октябрь, ноябрь, апрель, июнь и др., —187 748 текстовых прецедентов.

Контрастный подкорпус включает списки майских миней, стихирарей, Евангелий, Апостола, Псалтыри, Паренесиса, летописей и содержит 1 532 787 текстовых прецедентов.

Статистические значения 15-ти наиболее частотных словоформ подкорпуса приведены в Табл. 4.

Таблица 4. Количество, статистические значения и ранги 15-ти наиболее частотных словоформ в подкорпусе списков миней на другие месяцы

Nº	<i>w</i>	<i>F</i>	<i>TF</i>	R_1^4	<i>TF*ICTF</i>	R_2	<i>LL</i>	R_3	<i>Weirdness</i>
1	н	8606	0,046	15	0,596	3	1929,404	11	0,631
2	сѧ	6070	0,032	12	0,797	13	80,812	6	1,133
3	нѣ	3511	0,019	11	0,851	14	59,056	8	0,875
4	жѣ	3369	0,018	14	0,753	5	1431,026	15	0,541
5	вѣ	3061	0,016	13	0,797	7	837,090	13	0,565
6	ѧко	2139	0,011	8	0,991	15	2,546	7	1,037
7	кѣн	2008	0,011	5	1,278	4	1875,397	4	3,614
8	пѣ	1724	0,009	1	1,627	1	4443,383	1	15,382
9	тѧ	1711	0,009	3	1,355	2	1995,344	3	4,419
10	на	1652	0,009	9	0,967	11	166,658	9	0,728
11	ѡ	1285	0,007	10	0,966	9	457,951	12	0,567
12	тн	1137	0,006	4	1,341	8	748,887	5	2,810
13	сѣ	976	0,005	7	1,075	12	110,292	10	0,716
14	гѧѧ	908	0,005	2	1,527	6	1250,318	2	5,284
15	ео	725	0,004	6	1,080	10	296,684	14	0,547

Статистически значимыми в соответствии с тремя мерами являются слова пѣ, тѧ, кѣн, гѧѧ¹⁶.

¹⁶ См. сноску № 15.

5.4. Подкорпус списков стихирарей

Объем рукописей, содержащих стихирари, — 104 905 текстовых прецедентов.

Контрастный подкорпус включает списки майских миней, миней на другие месяцы, Евангелий, Апостола, Псалтыри, Паренесиса, летописей и содержит 1 615 630 текстовых прецедентов.

Статистические значения 15-ти наиболее частотных словоформ подкорпуса приведены в Табл. 5.

Таблица 5. Количество, статистические значения и ранги 15-ти наиболее частотных словоформ в подкорпусе списков стихирарей

N°	w	F	TF	R_1^4	$TF*ICTF$	R_2	LL	R_3	$Weirdness$
1	н	5377	0,051	15	0,604	3	596,261	9	0,723
2	с а	3891	0,037	13	0,802	6	236,424	3	1,305
3	в з	2365	0,023	12	0,810	9	48,192	11	0,664
4	ж е	1913	0,018	14	0,759	2	729,703	13	0,563
5	н е	1622	0,015	11	0,847	7	183,999	10	0,721
6	ѡ	1172	0,011	9	0,980	15	1,084	6	0,969
7	ѡ к о	1098	0,010	8	0,988	14	3,224	7	0,946
8	н а	1025	0,010	10	0,973	10	38,406	12	0,564
9	к с н	901	0,009	3	1,239	4	505,975	2	2,459
10	г а а	873	0,008	1	1,538	1	2000,894	1	9,350
11	с з	803	0,008	7	1,086	11	5,877	5	1,094
12	б о	643	0,006	6	1,092	12	5,875	8	0,908
13	к г о	361	0,003	5	1,097	8	174,189	14	0,529
14	т а	335	0,003	2	1,280	13	4,968	4	1,137
15	а а	263	0,003	4	1,112	5	266,493	15	0,414

Данные таблицы позволяют увидеть две статистически значимые формы — г а а, к с н¹⁷.

¹⁷ См. сноску № 15.

5.5. Подкорпус списков Евангелий

Объем рукописей, содержащих Евангелия, — 522 793 текстовых прецедента.

Контрастный подкорпус включает списки майских миней, миней на другие месяцы, стихирарей, Апостола, Псалтыри, Паренесиса, летописей и содержит 1 197 742 текстовых прецедента.

Статистические значения 15-ти наиболее частотных словоформ подкорпуса приведены в Табл. 6.

Таблица 6. **Количество, статистические значения и ранги 15-ти наиболее частотных словоформ в подкорпусе списков Евангелий**

N°	<i>w</i>	<i>F</i>	<i>TF</i>	R_i^4	<i>TF*ICTF</i>	R_2	<i>LL</i>	R_3	<i>Weirdness</i>
1	н	40802	0,078	15	0,636	6	738,401	8	1,182
2	же	22041	0,042	13	0,819	2	2568,327	5	1,570
3	вѣ	15888	0,030	12	0,836	8	591,561	10	0,881
4	не	11565	0,022	11	0,861	14	37,559	9	1,072
5	сѧ	10597	0,020	14	0,758	3	2088,501	12	0,619
6	ѿ	8686	0,017	8	1,033	4	1596,975	2	1,792
7	яко	6854	0,013	9	1,011	12	286,544	7	1,296
8	на	5874	0,011	10	0,972	15	15,369	14	0,582
9	нмоу	4749	0,009	1	1,284	1	2693,198	1	3,190
10	нго	4659	0,009	5	1,153	5	749,037	3	1,716
11	нсть	4126	0,008	3	1,173	7	619,644	4	1,682
12	да	3910	0,007	4	1,154	11	333,109	6	1,462
13	бо	2700	0,005	6	1,071	13	282,680	11	0,699
14	сѣ	2572	0,005	7	1,055	10	512,388	13	0,618
15	нѣн	1166	0,002	2	1,176	9	540,382	15	0,497

В корпусе Евангелий статистически значимыми являются три формы — **нмоу**, **нго**, **нсть**¹⁸.

¹⁸ См. сноску № 15.

5.6. Подкорпус списков Апостолов

Объем рукописей, содержащих Апостол, — 132 096 текстовых прецедентов.

Контрастный подкорпус включает списки майских миней, миней на другие месяцы, стихирарей, Евангелий, Псалтыри, Паренесиса, летописей и содержит 1 588 439 текстовых прецедентов.

Статистические значения 15-ти наиболее частотных словоформ подкорпуса приведены в таблице 7.

Таблица 7. **Количество, статистические значения и ранги 15-ти наиболее частотных словоформ в подкорпусе списков Апостолов**

N°	w	F	TF	R_1^4	$TF*ICTF$	R_2	LL	R_3	Weirdness
1	н	7479	0,057	15	0,608	5	372,624	14	0,800
2	жє	6633	0,050	13	0,800	1	1365,496	6	1,677
3	вѣ	4309	0,033	12	0,825	3	492,068	10	1,292
4	нє	3837	0,029	11	0,869	14	160,906	7	1,422
5	сѧ	3206	0,024	14	0,785	15	113,789	13	0,827
6	ѡ	1991	0,015	9	0,990	12	189,095	9	1,345
7	о	1985	0,015	3	1,199	7	339,027	1	3,456
8	ѧко	1839	0,014	8	0,997	2	841,529	11	1,291
9	ео	1474	0,011	6	1,111	6	356,070	4	1,758
10	ѧѧ	1280	0,010	4	1,140	8	308,790	5	1,758
11	кѣ	1134	0,009	7	1,071	13	169,761	12	1,143
12	ксть	990	0,007	5	1,138	11	206,144	8	1,359
13	нѣ	984	0,007	1	1,245	4	435,084	2	2,211
14	на	944	0,007	10	0,965	10	294,14	15	0,590
15	ѧщє	915	0,007	2	1,234	9	303,149	3	1,961

В текстах Апостолов статистически значимыми являются формы **нѣ**, **ео**, **о**. Все три совпадают со словами из перечня СбТолКТ.

5.7. Подкорпус списков Псалтыри

Объем рукописей, содержащих Псалтыри, — 74 343 текстовых прецедента.

Контрастный подкорпус включает списки майских миней, миней на другие месяцы, стихирарей, Евангелий, Апостолов, Паренесиса, летописей и содержит 1 646 192 текстовых прецедента.

Статистические значения 15-ти наиболее частотных словоформ подкорпуса приведены в Табл. 8.

Таблица 8. Количество, статистические значения и ранги 15-ти наиболее частотных словоформ в подкорпусе списков Псалтыри

N°	<i>w</i>	<i>F</i>	<i>TF</i>	R_i^4	<i>TF*ICTF</i>	R_2	<i>LL</i>	R_3	<i>Weirdness</i>
1	н	5151	0,069	15	0,618	15	0,174	11	0,994
2	с а	2020	0,027	13	0,790	10	6,677	14	0,936
3	в з	1955	0,026	12	0,815	13	0,701	10	1,020
4	ж е	1934	0,026	14	0,769	4	78,834	15	0,819
5	н е	1514	0,020	11	0,855	11	1,957	13	0,964
6	ѡ ꙗ ꙗ	1225	0,016	8	1,000	3	182,801	3	1,529
7	н а	1024	0,014	10	0,981	9	26,434	8	1,184
8	о т з	891	0,012	9	0,982	12	1,539	9	1,044
9	б о	845	0,011	7	1,106	2	208,772	2	1,747
10	ѡ ꙗ ꙗ	642	0,009	6	1,113	5	59,258	5	1,389
11	ѡ ꙗ ꙗ	558	0,008	4	1,135	7	42,32	7	1,345
12	м а	541	0,007	1	1,353	1	550,942	1	3,543
13	р е ꙗ е	443	0,006	3	1,197	6	48,195	4	1,431
14	д а	419	0,006	5	1,123	14	0,526	12	0,965
15	ѡ ꙗ ꙗ	384	0,005	2	1,220	8	34,207	6	1,380

В текстах Псалтыри три статистические меры одинаково выделяют формы **м а**, **р е ꙗ е**, **ѡ ꙗ ꙗ**, **б о**, **ѡ ꙗ ꙗ**. Со словами из перечня СбТолКТ совпадает форма **б о**.

5.8. Подкорпус списков летописей

Объем трех летописных списков — Лаврентьевского, Ипатьевского, Радзивилловского — 349 913 текстовых прецедентов.

Контрастный подкорпус включает списки служебной майской миеи и миеи на другие месяцы, стихирарей, Евангелий, Апостола, Псалтыри, Паренесиса и содержит 1 370 622 текстовых прецедента.

Статистические значения 15-ти наиболее частотных словоформ подкорпуса приведены в Табл. 9.

Таблица 9. **Количество, статистические значения и ранги 15-ти наиболее частотных словоформ в подкорпусе летописей**

№	<i>w</i>	<i>F</i>	<i>TF</i>	R_1^4	$TF*ICTF$	R_2	<i>LL</i>	R_3	<i>Weirdness</i>
1	н	30615	0,087	15	0,645	3	1888,391	7	1,341
2	сѧ	13072	0,037	13	0,815	7	1007,330	6	1,394
3	жѣ	12702	0,036	14	0,786	11	309,618	9	1,196
4	кѣ	9825	0,028	12	0,821	12	85,521	10	1,109
5	на	6147	0,018	8	1,013	6	1154,515	5	1,717
6	нѣ	5117	0,015	11	0,833	8	950,700	13	0,642
7	кѣ	4781	0,014	5	1,123	4	1809,086	3	2,245
8	сѣ	4742	0,014	4	1,150	2	2242,257	2	2,521
9	а	4366	0,012	1	1,372	1	5770,198	1	6,388
10	ѡ	2598	0,007	10	0,958	10	705,217	14	0,592
11	по	2388	0,007	2	1,256	9	811,161	4	2,063
12	кѣ	2147	0,006	6	1,105	15	2,438	11	0,963
13	бо	2093	0,006	7	1,087	14	36,243	12	0,866
14	нако	1737	0,005	9	0,958	5	1754,730	15	0,400
15	се/сѣ	1519	0,004	3	1,233	13	51,326	8	1,240

Статистически значимыми в соответствии с тремя мерами являются союз **а**, предлоги **сѣ**, **кѣ**. Этот перечень форм имеет одну совпадающую с перечнем СбТолКТ форму — **сѣ**.

В работе [Баранов 2019б] на большем количестве материала (были проанализированы первые 25 наиболее частотных словоформ) сделаны аналогичные выводы: выявлены наиболее значимые служебные слова — союз **а**, предлоги **оу**, **о**, **сѣ**, **кѣ**, **по**, а также местоимение **тѣ**, наречие **такѣ**.

5.9. Подкорпус списков Паренесиса Ефрема Сирина

Объем трех списков — 249 124 текстовых прецедента.

Контрастный подкорпус включает списки служебной майской миней и миней на другие месяцы, стихирарей, Евангелий, Апостола, Псалтыри, летописей и содержит 1 471 411 текстовых прецедентов.

Статистические значения 15-ти наиболее частотных словоформ подкорпуса даны в Табл. 10.

Таблица 10. **Количество, статистические значения и ранги 15-ти наиболее частотных словоформ в подкорпусе Паренесиса Ефрема Сирина**

№	<i>w</i>	<i>F</i>	<i>TF</i>	R_1^4	$TF*ICTF$	R_2	<i>LL</i>	R_3	<i>Weirdness</i>
1	н	17563	0,070	15	0,620	14	2,787	9	1,014
2	с а	7786	0,031	13	0,796	11	52,547	8	1,095
3	н е	7318	0,029	11	0,878	3	862,018	6	1,492
4	в з	5306	0,021	12	0,805	8	242,240	14	0,801
5	ж е	3977	0,016	14	0,745	1	2650,380	15	0,468
6	а к о	3016	0,012	8	0,994	13	30,030	7	1,116
7	б о	2779	0,011	5	1,125	4	737,295	2	1,871
8	н с т ь	2708	0,011	2	1,173	2	1149,249	1	2,272
9	н а	2605	0,010	10	0,972	12	41,155	11	0,876
10	ѿ	2388	0,010	9	0,973	9	97,962	13	0,810
11	д а	2368	0,010	4	1,152	5	583,886	4	1,824
12	ѡ	1876	0,008	3	1,170	7	282,314	5	1,580
13	а щ е	1544	0,006	1	1,243	6	384,644	3	1,830
14	н г о	1538	0,006	6	1,105	15	1,027	10	0,973
15	с з	1478	0,006	7	1,077	10	52,947	12	0,821

Статистически значимыми в соответствии с тремя мерами являются формы **н с т ь**, **б о**, **д а**, **о**, **а щ е**.

В подкорпусе Паренесиса высокое статистическое значение, как и в СбТолКТ, получают частица **б о** и предлог **о**.

Приведем сводную таблицу совпадений статистически значимых форм в подкорпусах.

Таблица 11. **Статистически значимые слова СбТолКТ и контрастных подкорпусов**

Форма	СбТолКТ	Май	Мин	Ст	Ев	Ап	Пс	Лет	Пар
А	—	—	—	—	—	—	—	А	—
АѢ	—	—	—	—	—	—	—	—	АѢ
Б0	Б0	—	—	—	—	Б0	Б0	—	Б0
Г ^А А	—	Г ^А А	Г ^А А	Г ^А А	—	—	—	—	—
ДА	—	—	—	—	—	—	—	—	ДА
КЪ	—	—	—	—	—	—	—	КЪ	—
МА	—	—	—	—	—	—	МА	—	—
НЪ	НЪ	—	—	—	—	НЪ	—	—	—
0	0	—	—	—	—	0	—	—	0
П ^Ѣ	—	П ^Ѣ	П ^Ѣ	—	—	—	—	—	—
РѢУѢ	—	—	—	—	—	—	РѢУѢ	—	—
СЪ	СЪ	—	—	—	—	—	—	СЪ	—
ТН	—	ТН	—	—	—	—	—	—	—
ТА	—	ТА	ТА	—	—	—	—	—	—
КГ0	—	—	—	—	КГ0	—	КГ0	—	—
КМОУ	—	—	—	—	КМОУ	—	—	—	—
КСН	—	КСН	КСН	КСН	—	—	—	—	—
КСТЬ	—	—	—	—	КСТЬ	—	КСТЬ	—	КСТЬ

Сопоставление перечней статистически значимых форм дает показательные и во многом неожиданные результаты.

При наличии довольно большого сходства в составе наиболее частотных лексем в рассмотренных подкорпусах обнаружены индивидуальные конфигурации наиболее статистически значимых единиц в каждом из них. В то же время в их составе выступают яркие интегральные признаки. Несомненной близостью отличаются конфигурации ключевых единиц в переводной новозаветной гимнографии, при том что их конфигурация в Псалтыри лишена сходства и оказывается более близкой конфигурациям Евангелия и Паренесиса как гомилетического сборника.

В то же время такое сопоставление СбТолКТ и подкорпусов не учитывает степень значимости формы, соотношение ее рангов в подкорпусах и не учитывает статистически менее значимые формы каждого из перечней.

Включим в анализ и эти параметры сопоставления.

6. Наблюдение 3. Оценка степени близости статистической значимости 15-ти словоформ в СбТолКТ и контрастных подкорпусах

6.1. Методика оценки

Оценка степени близости статистической значимости анализируемых словоформ в СбТолКТ и в контрастных подкорпусах может быть осуществлена, в частности, с помощью процедур сопоставления рангов одной и той же словоформы в сопоставляемых текстах¹⁹.

Предложенная процедура позволяет учесть статистические веса каждой из 15-ти форм, используя их среднее значение, — параметр a , соотношение рангов идентичных форм в каждом из подкорпусов — параметр b , наличие/отсутствие формы в сопоставляемых перечнях — параметр c .

Для того чтобы нивелировать индивидуальную оценку словоформы отдельными мерами (параметр a), используем средние арифметические рангов²⁰:

$$\bar{x}_{d,c} = \frac{R_1 + R_2 + R_3}{3}, \text{ где}$$

$\bar{x}_{d,c}$ — среднее арифметическое рангов словоформы в СбТолКТ или в контрастном подкорпусе.

Для того чтобы выявить соотношение рангов словоформы в СбТолКТ и в каждом из трех контрастных подкорпусов (установить, отличаются ли ранги между собой и на сколько) (параметр b), найдем разность между средними значениями рангов:

¹⁹ О ранге как величине для сопоставления данных нескольких лингвистических массивов см., например: [Гребенников 1998: 10 и далее; Гребенников 2015: 95]. К выводу о возможности оценки значимости лингвистических единиц на основе сопоставления их рангов, полученных с помощью нескольких статистических мер, пишут, например, В. П. Захаров и М. В. Хохлова: «Совместное использование нескольких мер позволяет ввести интегрированный показатель синтагматической связанности. Такой показатель может включать в себя суммарный (или средний) ранг по всем мерам и нормированную частоту совместной встречаемости» [Захаров, Хохлова 2014: 293].

²⁰ Значения рангов см. в табл. 3–5.

$$\bar{y}_d = \bar{x}_d - \bar{x}_c, \text{ где}$$

\bar{x}_d — среднее арифметическое рангов словоформы в СбТолКТ,

\bar{x}_c — среднее арифметическое рангов словоформы в контрастном подкорпусе.

Понятно, что чем ближе к 0 значение разности двух соотносимых форм, принимающее положительное или отрицательное значение, тем меньше ранги в СбТолКТ и контрастном подкорпусе отличаются между собой.

Так, в СбТолКТ средний ранг предлога **в** 11,00, в Май — 10,67, разность между рангами — 0,33 единицы; средний ранг предлога **с** в СбТолКТ — 4,67, в Май — 10,00, расхождение — 5,33 единицы (Табл. 1 Приложения).

Одновременно разность для СбТолКТ принимает отрицательное значение в том случае, если средний ранг формы в СбТолКТ выше, чем в контрастном подкорпусе, и положительное значение — если ранг ниже.

Например, предлог **на** в СбТолКТ имеет более высокий ранг, чем в подкорпусе списков майской минеи, соотношение средних значений рангов — 6,67 : 10,33:

$$6,67_{\text{СбТолКТ}} - 10,33_{\text{Май}} = -3,67 \text{ (Табл. 1 Приложения).}$$

Для союза и местоимения **и**, имеющего в СбТолКТ более низкий ранг, чем в подкорпусе списков майской минеи, соотношение — 13,33 : 10,00:

$$13,33_{\text{СбТолКТ}} - 10,00_{\text{Май}} = 3,33 \text{ (Табл. 1 Приложения).}$$

При отсутствии формы в сопоставляемом подкорпусе (параметр ϕ) разность вычисляется вычитанием среднего ранга из значения 16. Число 16 выбрано на том основании, что наличие формы в перечне наиболее частых и ее отсутствие в контрастном подкорпусе свидетельствует о ее нахождении в последнем за пределами 15-ти, и соответственно о более низком ранге в нем.

Итоговым значением является среднее арифметическое разностей рангов всех 15-ти наиболее частотных словоформ в СбТолКТ:

$$\bar{Y}_d = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N \bar{y}_i, \text{ где}$$

N — количество анализируемых словоформ в СбТолКТ,

\bar{y}_i — разность средних рангов словоформы в СбТолКТ и контрастном подкорпусе.

Результаты вычислений, представленные в Приложении в табл. 1–8, демонстрируют различную степень близости СбТолКТ (величины $\bar{Y}_{\text{СбТолКТ}}$ трех таблиц) и каждого из контрастных подкорпусов (см. Табл. 12).

Таблица 12.

**Степень близости СбТолКТ
и разножанровых подкорпусов**

СбТолКТ – Подкорпус	\bar{Y}_d
СбТолКТ – Ап	–1,69
СбТолКТ – Пар	–1,80
СбТолКТ – Ев	–2,24
СбТолКТ – Лет	–2,27
СбТолКТ – Ст	–2,51
СбТолКТ – Пс	–3,16
СбТолКТ – Май	–4,18
СбТолКТ – Мин	–4,20

Эти итоговые данные позволяют сделать вывод о том, что:

(1) наименьшая разница рангов –1,69 и –1,80 между СбТолКТ и текстами Апостола и Паренесиса и максимальная близость значения к 0 свидетельствуют о том, что 15 наиболее частотных форм в них оцениваются статистическими мерами очень близко друг другу,

(2) несколько более значительна разница рангов между СбТолКТ и текстами Евангелий и Летописей, 2,24, –2,27 соответственно,

(3) наибольшая разница рангов 4,20 и –4,18 между СбТолКТ и текстами служебных миней на разные месяцы и текстом майской служебной миней и максимальная удаленность от 0 говорят о противоположном: статистическая оценка наиболее частотных словоформ существенно отличается,

(4) промежуточное положение занимает соотношение средних рангов словоформ СбТолКТ и текстов Псалтыри и Стихираря – –3,16 и –2,51.

Иными словами, значения статистических мер, представленные усредненными рангами, свидетельствуют о близости в употреблении наиболее частотных словоформ – союзов, частиц, предлогов, некоторых форм местоимений СбТолКТ, Апостола и Паренесиса и о различной степени удаленности СбТолКТ и других текстов: в СбТолКТ, Апостоле и в Паренесисе формы имеют более «похожие» друг на друга ранги, чем формы в СбТолКТ и других подкорпусах. В целом сделанные

на основе статистических мер выводы показывают степень близости и удаленности текстов разных жанров в статистических единицах, что другими методами сделать проблематично.

Приведенные в Приложении в табл. 1–8 данные вместе с тем позволяют обнаружить совпадения или минимальные расхождения в ранговом статусе лексем за рамками наиболее статистически значимых единиц. Так, с рангом в СбТолКТ полностью совпали ранги предлога **ѡ** в подкорпусе Май, предлога **ѡѡ** в Мин, формы **нѡ** в Ст, союза **ѡѡ** в Ев, Лет и Пар. Минимальные отличия — 0,33 — имеют ранги предлога **ѡѡ** в Май, Ст, Лет и Пар; предлога **ѡ** в Ст и Пс; предлога **нѡ** в Лет; союза **ѡѡ** в Стих и Лет; союза и частицы **ѡѡ** в Ев. Близость рангов названных единиц подчеркивает существование общего разряда слов частотных единиц с небольшим уровнем статистической значимости в разных подкорпусах, а вместе с тем и особенно выпукло характеризует подкорпусы при сопоставлении конфигураций единиц высокого статистического ранга.

Результаты анализа наиболее неожиданный итог представляют прежде всего для характеристики проповедей Кирилла Туровского. Вопреки предполагаемому тождеству в распределении высокоранговых единиц с переводным сборником поучений Ефрема Сирина, конфигурация данных единиц в проповедях Кирилла Туровского оказалась наиболее близка их конфигурации в переводе Апостола: все три ее первых компонента **нѡ**, **ѡ/ѡѡ**, **ѡѡ** характерны и для Апостола. Таким образом, проповеди Кирилла Туровского обнаружили архетипическое родство с Апостолом. Безусловно, необходимо подчеркнуть, что это их свойство выступает имплицитно и его удалось выявить только с помощью проведенного лингвостатистического анализа. Особенно важен тот факт, что подкорпусы СбТолКТ и Ап не только обладают самой большой близостью по усредненным рангам частотных слов, но и противопоставлены совместно всем остальным подкорпусам, в перечне 15 наиболее частотных лексических единиц которых вообще отсутствует самая высокоранговая лексема **нѡ**. Вместе с тем нужно заметить, что все три единицы имеют в СбТолКТ более высокий статистический статус, чем в Ап, превосходя его на –1,33 единицы (**нѡ**, **ѡ/ѡѡ**) и –2,33 (**ѡѡ**) (Табл. 5 Приложения).

Гомилии Ефрема Сирина были известны в Древней Руси с конца XI в. и вошли в состав великопостного богослужения. Компоненты **ѡ/ѡѡ**, **ѡѡ** сближают проповеди Кирилла Туровского с Паренесисом Ефрема Сирина, однако нужно иметь в виду, что в Паренесисе первая единица конфигурации **нѡ** вовсе отсутствует в перечне из 15 наиболее частотных лексических единиц, в то время как, напротив, в проповедях

Кирилла Туровского в этот перечень не входят **ѣсть** и **ѡце**, которые характеризуют конфигурацию Паренесиса. Интегральные компоненты имеют в СбТолКТ более высокий статистический статус и превосходят Паренесис на $-0,67$ единицы (**ѡ**) и еще более существенно — на $-2,67$ единицы (**ѡ/ѡ**) (Табл. 8 Приложения). Компонент **ѡ** является общим, помимо Апостола и Паренесиса, в конфигурациях гомилий Кирилла Туровского и Псалтыри.

Другим весьма неординарным фактом нужно признать вхождение в конфигурацию наиболее статистически значимых единиц в проповедях предлога **съ**, который является ключевой единицей в древнерусских летописях и вообще не входит в перечень 15 наиболее частотных единиц в Апостоле и Псалтыри. Конфигурация наиболее значимых статистически единиц в проповедях Кирилла Туровского, таким образом, уникальна.

Подспудное влияние Апостола на проповеди Кирилла представляется естественным, поскольку Апостол был одной из главных литургических книг, а ап. Павел создал аргументирующий тип проповеди (см. [Гомилетика]), с которым тесно связаны все четыре статистически наиболее важные единицы у Кирилла Туровского. Хотя в этом случае трудно говорить о прямой зависимости проповедей Кирилла от Апостола, однако несомненное архетипическое и типологическое родство текстов отрицать невозможно. Отчетливее всего с проповеднической стратегией Кирилла Туровского коррелирует высокая статистическая значимость союза **нѣ**. В древнеславянском переводе Апостола союз **нѣ** оформляет антитетические построения, которые являются, помимо прочего, эффективным средством трансформации традиционного сознания, его смыслового слома в шокирующих антитезах-сентенциях. См., в частности, в АпХрист:

наоѡстнша народѣ остоѡпнѣтѣ ѡ нѣю · глѡще ꙗко
ннѣтоже нстнѣна глѣта . нѣ все лѣжѣта 4.1; не тѣкмо
же праздѣнѣ нѣ неладнѣнѣ . нѣ н хладнѣнѣ 7.2; о семъ
ѣсть ѡбѣнѣ · не ꙗко мѣ въ злѣбнѣхѣмъ бѣ . нѣ ꙗко самъ
бѣ въ злѣбѣ насъ 75.2; бо ꙗзнѣ нѣсть въ ѡбѣзѣнѣ · нѣ
сѣвършена ѡбѣнѣ · вълагѣтъ бо ꙗзнѣ 76.2; въ пѣрвѣн мнѣ
ѡвѣтъ ннѣктоже не прѣдѣ сѣ мѣноу · нѣ всн ма оставнша
89.1; ꙗко не ѡ снхъ оправдактѣсѣ кто . нѣ ѡ вѣрѣ
100.1; нѣсте бо подѣ законѣмъ . нѣ подѣ блѣгдѣтъ 113.1;
не мнознѣ н снлннѣ . не мнознѣ н блѣгороднѣ . нѣ бо ꙗ ꙗ
всего мнѣ нзбѣралъ бѣ . да посрамнѣтъ прѣмоудрѣ ꙗ

139.2; тѣмъ же оу же нѣсн рабѣ . нѣ снѣ 203.2; ꙗко не ѹлѣкоу
 слоужници быша вѣровавъше ꙗкоу . нѣ истинни
 боутици 209.1; не тѣмъ же въ нѣ вѣровати . нѣ н
 за нѣ страдати 225.2; нде же нѣсть елѣни н нуден .
 обрѣзани . нноземьць . словени . рабѣ свободѣ . нѣ
 вса н о всѣхъ хѣ 238.2 и мн. др.

В. Вондрак указывал на тройную градацию в выражении противительного значения в старославянском с помощью **же**, **а**, **нѣ**, при том что **нѣ** обозначает самую высокую степень противопоставления — особенно при отрицании в первой части антитезы [Vondrák 1912: 619–620]. Именно это качество союза **нѣ** в проповедях Кирилла Туровского, как и в апостольских посланиях, придавало ему первостепенную значимость. См.:

н слышавъ ꙗго въскрьсѣша . не ꙗко лъжу мнѣ не
 вѣроваше . нѣ н самовндець хотѣ быти хѣ 3.2; н не
 боудн неврѣнъ нѣ вѣрѣнъ 5.1; нѣ пауче снхъ дѣлаи
 намъ красота 6.1; не хошю бо жити нѣ варити та въ
 адѣ 7.1; ни то же снхъ не рече . нѣ вса оуметѣ створи . н
 ѡ своѣмъ бо неродивъ животѣ . да хѣ прѣбрати 8.2;
 оу же не скрѣнте ни сѣтоути ꙗко мрътвѣца . нѣ
 радуѣтеса н веселитеса ѡ бѣжѣ живѣ 12.1; стражмн
 стрѣгомъ бѣ всѣмн виднмо . нѣ невиднмо съшѣ въ
 адѣ съваза сотоу 13.1; дѣдѣ бо ѡ слома кнотѣ съ
 бнѣмъ словомъ прнесе нѣ въ своѣмъ оубоѣса поставити
 ꙗго домоу . ты же не скни нѣ съ закономъ . нѣ самого ба
 прнѣмъ ѡ крѣста . въ своѣмъ гробѣ радуѣса положи
 ки 14.1; оу же бо нѣ гробѣ нѣ прѣстолю бн . ѡлтарь
 нѣнѣн поконѣ стѣго дѣа . н шдръ нѣнаго цѣра 14.2; сн
 же бѣ ѡбразъ стѣго крѣннѣ . понеже не всегда вода та
 нѣлаше . нѣ нгда ю ангѣлъ възмуташе 17.1; Тебе радн
 горьнаго цѣтва скнпѣтры ѡставля ннжнмъ слоужа
 ѡбѣхожу . не прѣдохъ бо да мн послоужати нѣ да
 послоужю 19.2; ѡбауче глѣше . нѣ вълѣхъ ни чародѣн . ни
 нѣсть ходатаи ни ангѣлъ . нѣ самъ гѣ бѣ нзлѣхъ . понеже
 не ѡсаза мене рѣкама . ни приложн бѣлнѣ къ вѣдомъ

оудовъ монхъ · нъ слово ѿго дѣломъ бѣи 21.2; ннѹ тожо бо
законъ монѣнѣвъ съвьрьшн · нъ всѣхъ прѣдасть подъ
грѣхъ 25.2; не бо прнтѹю нъ ꙗвѣ показалъ ꙗн намъ
гла · се бѣ нашъ градѣть въ славу ѿбранн ѡпзлѹеннѹ
своѿго 32.1 и мн. др.

Антитетические построения с союзом нъ у Кирилла Туровского — основное средство в открытии слушателям скрытого, надысторического смысла евангельских и постевангельских событий. См., например:

Снѣ н̄ нзынѣ помазавъ каломъ слѣпѹ · посла ѿго къ
коупѣлн снлоуамъ стѣн̄ · да оѹмзѣвѣса прозрѣтъ · нъ
н̄ скѣрноу прадѣднаго ѡѹтнѣтъ грѣха · кр̄цннѣмъ
же породнѣвѣса сн̄ъ свѣта боудѣтъ 26.1; сн̄ бо не тѣкмо
тельснзѣма прозрѣ ѡѹнма · нъ н̄ дшѣвнзѣма просвѣтнѣ
зракома 31.2.

Он использует для этого и протяженные пассажи на основе амплификации, где ключевую роль играют антитетические конструкции с противительным союзом нъ. См., в частности:

22 н̄згнаша н̄ ѿ ненавн-
24 маго (Так в рук.) бѣмъ съборнѣа жндовьскаго ·
25 нъ с̄таѣа х̄ѣа ѡвьрьзѣса ѿмоу цр̄кы ·
26 н̄здрннѹша н̄ ѿ фарнѣнскаго лъ-
1 жесловеснаго оѹѹеннѣа · нъ ѿ ап̄лъ
2 ст̄го д̄ха д̄шепользныхъ пооѹѹенї-
3 н̄ насладнѣа · не ѡкропнша ѿго за-
4 внстнвн̄ жьрцн попеломъ оѹнѣ-
5 ца · съ кр̄звн̄ю козлѣю къ пл̄зть-
6 стѣн̄ ѹтотѣ · нъ англ̄кын̄ ст̄зын̄ не-
7 фн̄лн̄л̄ на того вьрхъ кр̄цннѣ-
8 мь н̄злн̄л̄са · Не оѹтѣшнша ѿго
9 б̄охоульнн̄ старьцн н̄злѣвн · нъ
10 ар̄хн̄п̄п̄ новаго закона съ нн-
11 мь вселашѣса х̄а славать · ѡвь-
12 ргошася ѿго пл̄зтьскыѣа оужнкы ·
13 нъ д̄ховьнаѣа ѡ х̄ѣ бр̄ѣа прн̄л̄ша

Широкий диапазон функций данной единицы проявляется и в том, что у Кирилла **нѣ** встречается в качестве частицы-энклитики в составе сложного союза **аа нѣ** 'не то что': **нсповѣданѣ бѣлнкаа нго ѹдѣса · нанко же нхъ створн · ннсповѣднма бо соѹтъ нн аанглѣмъ · аа нѣ ѹдѣкомъ** 16.1–2. А. А. Зализняк [Зализняк 2008а: 42; 2008б: 266–267] отмечает сложный союз *али нѣ* 'не то что' в контексте из Киевской летописи под 1199 г., подчеркивая, что позднее XII в. в литературных источниках подобные случаи употребления частицы *нѣ* уже не наблюдаются²². В Словаре И. И. Срезневского этот союз проиллюстрирован единственным примером из Слова Кирилла Туровского [Срезневский 1: 17], в СДРЯ *али нѣ* отсутствует [СДРЯ 1: 80; 5: 448].

Особое место в СбТолКТ занимает, как было установлено, лексема **бо**, имея самую высокую статистическую значимость среди всех включенных в анализ подкорпусов, в том числе наиболее близких подкорпусов Ап и Пар. Эта лексема является главным средством выражения причинных связей в тексте, становясь одним из основных инструментов аргументативной и связанной с ней информативной стратегии²³. Она должна быть рассмотрена в дальнейшем в отдельной статье. Здесь отметим лишь, что ее употребление у Кирилла Туровского, несомненно, поддерживалось, как и в случае с предлогом **съ**, разговорными интенциями, хотя и имело иную прагматическую направленность. А. А. Зализняк [Зализняк 2008а: 31] характеризует *бо* как частицу-энклитику ранга 3, отмечая, что она существовала, помимо книжной письменности, и в диалектах Юго-Западной Руси, где имелся также и союз-проклитика *бо*²⁴. В СбТолКТ высокий статистический ранг лексемы **бо**, судя по всему, поддерживался ее употреблением в живой речи. На это указывает пример самоударного употребления **бо** в начале предложения: **бо рѣчѣ прѣрѣкъ расадѣтъса зѣмла оѹзратъ н разболатъса неѹтнвнн люднѣ** 2.2.

Высокоранговый статус предлога **о/ѡ** обусловлен отмеченными стратегиями, а его значимость сформулирована самим автором проповедей в следующей преамбуле:

**мы бо словоѹ нѣ-
смы творцн · нѣ прѣрѣкъхъ н апѣкы-
хъ въ слѣдоѹще глѣ · нже послѡѹшь-**

²² В украинском языке представлена постпозитивная частица *-но* -ка, же, только (см.: [УРС 1985: 432]).

²³ Об аргументативном дискурсе см., в частности: [Григорьева 2008].

²⁴ См. в украинском языке: *бо* — 1) союз *ибо*, потому что, оттого что, так как, поскольку; ведь (со значением обоснования, оправдания); 2) *частица* же, -ка [УРС 1985: 41].

ѦЖЕ О СПѢСѢ НЕ СОУТЬ УЛБѸСКА · НЪ О БОЗѢ ГЛАНА БЫША
 АпХрист 62.1; **Н**АНЕ ВЪСТЕ О НАНН УТО ГЛЮТЬ КНИГЫ . ѦКО
 ПРИПОВѢДАЕТЪ КЪ БОУ О НЪЛН 123.1 и др.

Высокий статистический ранг предлога обусловлен структурой оглавлений к посланиям, а также в меньшей степени предисловий. В этих структурных частях Ап обнаруживаются длинные ряды изъяснительного предложного падежа с предлогом о. См., например:

- 14 **Г**ЛА-
- 15 **В**Ы НѦКОКОЛѦ ЕПНСТОЛНѦ
- 16 **О** ТРПѢННН ВЪРЪ НЕ СОУМЪННѢ · Н
- 17 **О** СЪМЪРЕНѢ МОУДРОСТН КЪ БАТЪМЪ ...
- 18 **В**Ъ НННЖЕ **О** РАЖУЪЖЕННН СОУЩНМЪ ВЪ
- 19 НАСЪ . Н СТРАХЪ (так в ркп.) ѦЖЕ Ѡ ННГО . ѦКО Ѡ
- 20 БА ВНА . АЩЕ БО УТО БЛГО НАМЪ Ѡ НЕГО ...
- 21 **О** КРОТОСТНН УТОТЪ БЛАЗЪ ПОДАТЕ-
- 1 ЛЪНѢ . НА БЛЖНСТВО Н **О** ХОУДОЖЬСТВИ-
- 2 Н МЪРѢ СЛОВЕСН . · **О** ЛЮБВН СОУЩЕ-
- 3 Н КЪ КОМОУЖДО . НЕЛНЦЕМЪРНѢ ПО
- 4 ЗАКОНОУ . ··· **Ѧ**КО НЕ Ѡ ВЪРЪ ТЪКМѢ
- 5 НЪ Н Ѡ ДѢЛЪ . Н НЕ Ѡ КДННОѦ НЕПРА-
- 6 ВЪДЪНО · НЪ Ѡ ОБОЮ КОУПНО ОПРАВЪ-
- 7 ДАЕТЪ СѦ УЛБѢКЪ ... **Ѧ**КО ДЪРЪЗЫН Н
- 8 БЕСННННЪ ѦЗЫКЪ . ОУМЪРЩВАН-
- 9 ТЪ НМОУЩАГО Н . КГОЖЕ ДЪРЖАТН ПО-
- 10 ТРѢБА НА ПОХВАЛОУ · Н НА СЛАВОУ БНЮ...
- 11 **В**Ъ НННЖЕ **О** БЛАЗЪ ЖНТННН НЕСВАРЬ-
- 12 ЛНВѢ КЪ СОВѢ . Ѡ СЛАВОХОТЪѦ СОУЩА-
- 13 ГО Ѡ ПРЪМОУДРОСТН УЛБѸСКИ ...
- 14 **О** БОЖНН ПРЪМОУДРОСТН...
- 15 **Ѧ**КО Ѡ ОУНЪИННА Н СЛАСТОЛЮБЪѦ . РЕТЬ
- 16 Н НЕОУСТРОКНЪН · Н ВРАЖДА НА БА БЫВАЕТЪ...
- 17 **О** ПОКАЯННН НА СПСЕНЬЕ . Н НЕ ОСОУЖА-
- 18 ТН НСКРЪННАГО... **Ѧ**КО НЕ **О** УЛБѸЦѢ .
- 19 НЪ **О** БЪЗѢ СТОУПАННА МОУЖЮ · ОУПРА-
- 20 ВЛЮЮТЬ СѦ... **В**Ъ НННЖЕ **О** ЛНХОНМ^А

- 21 ннн богатыхъ нннщныхъ ѿже въ
 1 мнрѣ . н о правдынь соудѣ бжнн...
 2 о дѣлготърпѣнннн о прѣтърпѣнн-
 3 нстрѣ]] . н о нстннѣ ... АпХрист, 42.2–43.2.

Подобные оглавления по существу представляют самостоятельный текст с концентрированным выражением ключевых топосов христианской литературы. Предлог в этом случае становится текстообразующим элементом и эмфатически повторяется, что подчеркивает самостоятельность каждого вводимого им топоса (см. в особенности последние строки, хотя допускается и пропуск, который свидетельствует о взаимосвязанности топосов: о кротостнн ѿтотѣ). Повторение предлога является отступлением от книжной нормы. «... [Д]анная синтаксическая особенность (т. е. повторение предлогов. — О. Ж.) расценивалась как простонародная и в книжном языке сознательно избегалась» [Зализняк 2004: 166]²⁶.

В СбТолКТ этот тип построения текста становится продуктивным и принимает форму амплификации, при том что это противоречит книжной норме, отвергающей повторение предлогов. См., в частности, протяженный пассаж, где конструкции с предлогом о/ѡ обозначают основные топосы жизнеописания Христа — словно бы конспект биографии:

- 16... ѿгоже въѡлбѣннѣ дозрѣ
 17 тн стннн моужн . всн вѣлгланѣ кѣ
 18 намъ въпнѣтъ . о блговѣщеннн
 19 посланаго кѣ дѣвн англѣ . н ѡ заѡа-
 20 тнн ѡ стго дѣха ѡ знаменнн звѣ-
 21 зды вѣдѣшнн персы кѣ рожьшемѣ-
 22 сѣ боѣ . ѡ млaddenствѣ ветѣхаго
 23 днѣмн . н ѡ крѣпннн ѿго ѡнѣщѣю-
 24 щнмъ грѣхы . ѡ ѡверженнн ветѣ-
 25 хаго закона . ѡ прѣславныхъ ѿго
 26 ѡудѣсѣхъ . ѡ прѣданнн ѡ оуѣнн-/
 1 ка . н за вѣсь мнрѣ оумѣртвнн . ѡ сѣ-
 2 шѣствнн вѣ адѣ . н вѣскрѣпннн ѡ
 3 мѣртвѣхъ . ѡ стѣмъ дѣѣ ѿгоже

²⁶ О содержании, языке и стиле Паренесиса и СбТолКТ см.: [Жолобов 2007а; Жолобов 2007б; Жолобов 2009; Жолобов 2011; Жолобов 2017].

4 **ДА**СТЬ **А**П^лМЪ · **Ш** ВЪЗНЕСЕННН **Н**ГО
 5 **НА** НБСА · **Н** **Ш** СЪДѢННН **Ш** ДЕСНОУЮ
 6 **Б**А · **Н** **Ш** ВТОРѢМЪ **Н**ГО ПРНШЬСТВН ·
 7 **Н** · **Н**ГДА ПРНДЕТЬ СОУДНТЪ МНРОУ ·
 8 **Н** ВЪЗДАСТЬ КОМОУЖДО ПО ДѢЛО-
 9 МЪ **Н**ГО · **Ш** СНХЪ ЖЕ ВСѢХЪ ПРЕПРѢ-
 10 ША Н ПОСРАМНША НРѢТНКЪ · **Н** ПРО-
 11 КЛЪНЪШЕ БОХОУЛЬНИКА АРНІА · **Н**-
 12 ЗДРННОУША Н НСЪ ЦРКВЕ · **Н** ПРОСЛА-
 13 ВНША ІСА ХА СНА БНА СОУЩА · **Н** ОУ-
 14 ТВЪРДНША ЦРКВЬ АПЛЬСКЫМН
 15 ЗАПОВѢДЬМН 42.1–2.

Предлог здесь опущен только в одном случае в строках 1–2: **ш** съ-
шѣствнн въ адъ · **н** въскр^нннн **ш** мѣртвѣхъ. Повторению
предлога способствовала выделительная его функция, а также синтак-
сическая удаленность сочетаний с предлогом друг от друга.

В Паренесисе Ефрема Сирина высокоранговый статус предлога **о/ш**
также оказался связан с перечислительными пассажами, где предлог
мог как повторяться, так и пропускаться. См., например:

6 **Н** ПО ВСА ДНН УБТА-
 7 ШЕ НМЪ БЖНІА КНИГЪ ·
 8 ОУТА Н ГЛА · **НА**ЖЕ **Ш** ЦРСТВИ-
 9 Н НБСНМЪ · **НА**ЖЕ Н ОРАН
 10 Н О РОДЬСТВѢ ОГНЬНѢМЪ
 11 О ПРАВДѢ Н ВѢРѢ Н О ЛЮ-
 12 БЪВН ПарТип, 40.1.2;
 14 ПРН-
 15 СТОУПН КЪ ОУСТОМЪ Н НАВЪ-
 16 КНН ОТЪ ННХЪ Н СПЫТНО ПЪ-
 17 РВОКЕ **Ш** НЕБЕСЬНЫХЪ АН ПОМЪІ-
 18 ШЛАЮТЬ АН **Ш** ЗЕМЛЪНЫХЪ
 19 Н О ДХОВЪНЫХЪ · **НА**Н О ПЛЪ-
 20 ТЬСКЫНХЪ · **Н** **Ш** ПОХОТѢХЪ
 21 **НА**Н **Ш** ВЪЗДѢРЖАННН · **Н** **Ш** МНО-

- 22 ГОСЪТАЖАННН НЛН Ш ННЩЕ-
 23 ТЪ Н Щ СЪМЪРЕНЪН МОУДРО-
 24 СТН · НЛН О ВЪСОУЕМОУДРН-
 25 Н · Н Ш ЛЮБЪВНН О НЕНАВН-
 26 СТН ПарТип, 60.1 и др.

В СбТолКТ господствуют предложно-падежные сочетания с одним значением, которое в «Словаре древнерусского языка» в статье О под номером 4 формулируется следующим образом: «При указании на объект действия, деятельности, на предмет мысли, чувства. О, об» [СДРЯ 5: 463]. В словарной статье отсутствует отдельное указание на связь с глаголами речи, сообщения, как и соответствующие примеры из оригинальных текстов Кирилла Туровского, в отличие от «Словаря старославянского языка», где связь с данными глаголами отмечена отдельно (ср. под номером 7 [SJS 2: 458–459]).

Сочетания с предлогом о/ш у Кирилла регулярно используются в пространных названиях проповедей, указывающих на их тематику и источники, чем они противопоставлены анонимным поучениям в сборнике. См., например, с отклонением от книжной нормы и повторением предлога:

ТОГѠ КЮРНЛА · МННХА · СЛѠ · О СЪНАТНН ТѢЛА ХЪА СЪ
 КРѢТА · Н Ш МІРОНОСНЦА · Ш СКАЗАНАННЪ НБАНГЛСКАГО · Н
 ПОХВАЛА Н ѠСНФОУ · ВЪ НѢ · ГЮЮ ПО ПАСЦѢ · 5.2–6.1; КЮРНЛА ·
 МНН · СЛѠ · О СЛАВЬЦН · Н Щ ЗАВНСТН ЖНДОБЪ · ѠТЪ
 СКАЗАНАННЪ НѠУЛЬСКАГО · ВЪ НѢ · ГЮЮ ПО ПАСЦѢ · ГН БЛГВН ѠУЕ ·
 25.1 и др.

Несколько раз встречается предложно-падежное сочетание с вин. п. **ш** **ДЕСНОУЮ** в роли наречия (12.1, 36.2, 37.1, 39.2, 42.2, 46.1).

Отдельную группу образуют примеры междометия о/ш. См., в частности, в том числе в цитатах:

ДАЖЬ МН Щ ГЪМОНЕ ТѢЛО СТРАНЬНАГО ѠНОГО ГСА 8.2;
О ЖЕНО ВЪРА ТВОЯ СПСЕ ТА 28.1; О РОДЕ НЕВЪРЪНЪ 28.2;
О БѢБЛЖННН ѠЦН ПРАВОВЪРЪНЪНА ВЪРЪЗ ПРАВНТЕЛЕ 43.2;
О БЛЖННН СТЛН · БѢНАСАЖЕНАГО ВЪННОГРАДА ДОБРНН
 ДѢЛАТЕЛН 44.1; О БѢБЛЖННН АРХНЕРЪН · ВЪСОКОПАРАЩЕН
 ѠРЬЛН 44.1; О БЛЖНННН Н ПРПѢННН СТЛН 45.1 и др.

Таким образом, уникальный высокий ранг единицы *o/w* обусловлен, прежде всего, акцентом на аргументативной и информативной стратегиях проповедях Кирилла Туровского, а также использованием амплификации, которая в книжном языке была противопоставлена в случаях с повторением предлогов. Вероисповедная нацеленность проповедей способствовала сближению с Апостолом и Паренесисом в употреблении сочетаний с предлогом *o/w*, при том что статистический ранг его в проповедях Кирилла Туровского оказался существенно выше.

Своеобразие проповедей Кирилла Туровского проявляется как в сходстве с ключевыми единицами Апостола и Паренесиса Ефрема Сирина, так и, что может показаться неожиданным, — летописи. Как и в летописи, в гомилиях Кирилла Туровского важное место занимает творительный падеж социативный с предлогом *съ*. При том что ядерным грамматическим значением в сочетаниях с предлогом является значение социативности — совместности, сопровождения одного предмета другим или соединения — в творительном социативном выделяют целый ряд модификаций: творительный социативный взаимного действия, образа действия, качественной характеристики, цели, косвенного объекта [Творительный падеж 1958: 41–75]. Полагаем, что конфигурация ключевых единиц у Кирилла Туровского отражает косвенным образом те же аргументативную и информативную стратегии его проповедей. Так, значимость предлога *съ* определяется стремлением автора детализировать взаимосвязь и взаимодействие персонажей священной истории, тем самым придать своей речи убедительность документального свидетельства. Чаще всего *съ* употребляется с твор. пад. и актуализирует значение сопроводительности или совместности:

нѣ бо бѣ фома съ оуѣннкы въ пьрвын прѣходъ вѣдѣлъ
Гл 3.2; к немоу же подъ сънь съ двѣма англома прѣдохъ 4.1;
н съ клѣшпою н лоукою до нѣлма оуѣса шьствовахъ 5.1;
адама ѿ ада съ нѣвгою падъша престоупленнѣмъ ·
пакы въ вѣдѣшн въ ран 11.1; ѿ тоу слышавъ петръ
съ другымъ оуѣннкѣмъ · теуе къ гробѣу н ѣще соущи
тъмъ 12.1; тъмъ н на фаворѣ съ нлнѣю вѣдѣвъ хъ
14.1; ты же съ веселнѣмъ бнѣ тѣло съ ннкоднмомъ · въ
плащаннцю съ вѣнамн ѿбѣнѣвъ положнлъ нсн 15.1; н
утоущнхъ твою съ мюроносцами памѣ 15.2; нмаже въ
съ нрѣвамомъ пожърше 29.1; съ манаснѣю бездоушнзмъ
слѣжаще коумнромъ 29.2; н ѣще же н ѿсю поразнсте

вЪ самарѣнѣ·сѣ а́хавомъ не сѹщемоу боу молащесѧ
 валову 30.1; нѣ вѣрныхъ тѣлпы·сѣ се́дмьдеса́тны́мн
 хъвы оу́ченикы 32.2; свѣтитъ бо сѧ ѿлѣшнѣ ꙗко слнѣ·
 стѣхъ уныны сѣ хъмъ на собѣ нмѣѧ 34.2; нѣ стонѹщн ѿ
 срѣца сѣ соломономъ въпнѣтъ 35.1; Прнведе́нъ же бѣ́ѧ арнн
сѣ ꙗ́днномы́слннкы сво́мн 39.2; а́рнн же сѣ сво́мн
 пособи́нкы протнвоу въшьдѣ ста 39.2 и мн. др.

Отдельную большую группу представляют конструкции с такими текстообразующими единицами, как анафорическое, относительное, личные и возвратное местоимения:

н хотѣла быхъ сѣ тобою оумрѣти 7.1; а́нглѣскаѧ бо
 коннѣства сѣ нмѣ текоуше 13.1; да всѧ тамо сѣ вамн
 ѿстнѣѣ 13.2; да слышнть ма́ а́дамъ н ѡбновнтсѧ
 нына сѣ тобою ѿ нѣстлѣннѧ 20.2; ꙗ́ко нъ вы оу́ченици
 ꙗ́ко сѣ мною хощете быти 29.2; нъ а́рхнѣпѣи новаго
 закона сѣ нмѣ вселащесѧ хъа славати 30.2; нъ стнн
 а́нглн на нѣсхъ дру́голюбно сѣ нмѣ радоуѣтьсѧ 30.2;
 то бо ꙗ́ко стѣ гла́н сѣ тобою 31.1; нъ всн стнн ꙗ́ко сѣ нмѣ 32.1;
 бѣ ѿцѣ ждѣтъ ꙗ́коже прѣже нмѣ въ ꙗ́дрехъ сѣ
 собою 34.1; сѣ неюже н а́пѣлскын лнкъ зраше на сво́го
 оу́чнтѣла н ꙗ́а 35.1 и др.

Несколько реже встречается творительный социативный в сочетаниях с собственно предметными или вещественными существительными как во второй части конструкции, так и в обеих частях (что-л. с чем-л.):

н пленница златы·растворѣны жьньу́гомъ·сѣ
 многоцѣньнымъ каменѣмъ 6.1; сѣ вѣтвѣмн
 младѣньцн сѣрѣтахочѹти н 9.2; ꙗ́коже дары сѣ вѣнамн
 пѣрсыстнн прннесѣше ѿрн 11.1; всѧ въкоупѣ жены сѣ
 мюромъ се оу́же ѹтвѣрто́н прндоша 11.2; каменѣмъ сѣ
 пѣчатѣмн ѡтвѣрженъ бѣ 13.1; нъ ꙗ́ко пѣтьскомоу козлову
сѣ ка́днломъ полагающе трѣбы 29.2; не ѿкропнша ꙗ́ко
 завнстнвнн жьрцн попеломъ оу́ньца·сѣ крѣвню козлею
 къ пѣтьствѣ ѹтотѣ 30.2 и др.

Ср. также взаимообратимость компонентов конструкции в евангельском топосе, что подчеркивает свободу в обращении с терминологией Евангелия: **н зълѹн сѣ ѿцѣ томъ напоиша** 6.2; **на трѣстн гоубою ѿцѣ та сѣ золѹню въкоу си** 12.2.

Довольно редко на фоне указанных типов используются конструкции с творительным социативным образа действия или качественной характеристики:

н двѣлѣтн сѣ надежѹ трѹжаѹщесѣ плододѣвѣца
хѣ призываѹтъ 2.1; **дрѹгзи же страха ради предъ**
архнѣрѣн сѣ кла твою ѿвержесѣ · не знаѣ тебе ѹлѣка 7.2;
кто се нѣсть цѣрь славы · сѣ толнкою на ны пришеде
властнѹ 13.1; **ѿбенхѣда н када н кланѣсѣ · сѣ млтѣмн**
прѹтомоу тѣлоу хѣвоу 15.1; **стѣню сѣ слѣзамн томнмъ**
болѣзннѹ недѹга моѹго 18.2; **повѣлѣ ѿцѣмъ нашнмъ · сѣ**
льстѹю златѣмъ тѣхъ сѣсоудѣ поѣмавъше ѿскѣнѣти 28.1;
н на проѹмъ посла зѹбѣ зѣврннѣ · сѣ нѣрѣстнѹ
прѣмѣкаѹщнхъ сѣ по землѣ 30.1.

Совмещение разновидностей творительного социативного приводит к перенасыщенности сочетаниями с предлогом **сѣ**, но автор словно бы и стремится к этому:

8 **ты же сѣ вселеннѣмъ бнѣ**
9 **тѣло сѣ ннкодинѣмъ · въ плащѣнн-**
10 **цю сѣ воѣмн ѿбенѣ положнѣ нѣ си** 15.1.

Подобные примеры отражают стремление к детализации как составляющей части аргументативной стратегии в проповеди. Ср. синтаксический параллелизм с опорой на творительный социативный с аналогичной функцией — в фигуре амплификации:

12 **нѣго же ѿвъ-**
13 **ргошасѣ сѣ жѣрцѣ фарнѣн · нѣмѹ же**
14 **порѹгашасѣ завѣстнѹ сѣ кннжѣнн-**
15 **кѣ жндѣ · нѣго же ѿсоудѣн сѣ канѣ фо-**
16 **ю на распѣтнѣ пѣлѣтѣ** 5.2.

Продуктивность и актуальность модели с творительным социативным отчетливо проявляется в заменах сочинительных сочетаний на сочетания с творительным социативным:

НЪ ЄДННЪ ОТЪ ВОИНЪ · КОПНЕМЪ ЕМОУ РЕБРА ПРОБОДЕ · І НЗНДЕ
АБНЕ КРЪВЬ І ВОДА SJS 1: 206 (J 19, 34 Zogr Mar As ter Sav Ostr ter)

vs.

22 КРЪВЬ СЪ ВОДОЮ
23 НЗ-Д-РЕБРЪ НСТОУН · НМАЖЕ ТЕЛЕСНОУ-
24 Ю ВСЮ СКВЪРНОУ ѠУНСТНВЪ Н ДША ·
25 УЛВУА ѠСТНАЪ НСТЬ 12.2;

БЛ<А>ГОСЛОВЛЕННЄ ПРНѦТЪ Н ХЛѦБЪ Н ВИННО SJS 1: 190 (Meth 1,
Lavrov 69, 27; sim. Gn 14, 18 Zach)

vs.

6 АВРАМА
7 ВЪЗВРАЩЬШАСА Ѡ СВУА ЦРЬСКЫ ·
8 БЛГВН БНН ННЕРВН МЛАХНСЕДЕКЪ ·
9 Н ХЛѦБЫ СЪ ВИННОМЪ НЗНЕСЕ 38.2.

Ср. также варьирование сочинительных конструкций и конструкций с творительным социативным в одном контексте:

5 НЕ НМАМЪ УЛВКА НЖЕ БЫ НЕ ГНОУША-
6 НАСА ПОСЛОУЖНАЪ МН · ННОХЪ Н НЛНА
7 НЕ ѠБРѢТОСТАСА НА ЗЕМЛН · ВЪЗАТА
8 БО БЫСТА НА КОЛЕСНИЦН ѠГНЬНЪ · Н
9 ПРЕЗЫВАКТА НДЕЖЕ БЪ ВѢСТЬ · АВРА-
10 МЪ СЪ Н ѠВКОМЪ МАЛО ПОСЛОУЖНВША ·
11 МНѢ ПОДОБНЫМЪ · ПРЕСТАВНТАСА
12 ВЪ БЕСКОНЪУНОУЮ ЖНЗНЬ 19.1;
ВНТЪ · Н ВНКЕНТНН · Н СЪ ПАФНОТННМЪ ННКОЛАН 43.1.

Предпочтение творительного социативного перед сочинительными конструкциями, по-видимому, отражают и следующие случаи:

СЛЫШНТЕ НЕСА Н МОРЕ СЪ ЗЕМЛЕЮ ВНОУШАНТЕ · МОИХЪ СЛЪЗЪ
РЫДАННЄ 7.2; Тебе радн слнце свѣтомъ н теплотою
слоужнть · н лоуна СЪ ЗВЪЗДАМН НОЩЬ ѠБѢЛАКЕТЬ 20.1 и др.

В ряде случаев сочетания с предлогом встречаются 4 и более раз в одном столбце; см., в частности, контекст, где сочетания с предлогом **съ**

образуют фигуру амплификации со значением вероисповедной всеохватности и «соборности», где с помощью данных сочетаний передается семантика единения как противопоставленных, так и взаимосвязанных множеств на л. 34.2:

6 БАГБЛАҢТЬ
7 ВСА КРҢТЬАНЫ·МАЛЫНА СЪ ВЕЛНКЫ-
8 МН·ННШАҢ СЪ БАТТЫМН·РАБЫ СЪ
9 СВОБОДНЫМН·СТАРЬЦѢ СЪ ОУНОТА-
10 МН·Н ЖЕННЫНА СЪ ДВЦАМН·МА-
11 ТЕРН СЪ МЛАДЕНЦН·СНОТЪ СЪ ВДО-
12 ВНЦАМН·ПРНДѢМЪ Н МЫ БРАҢ ВЪ
13 СТОУЮ ЦРКВЬ·ВЪЗВЕЛНУНМЪ ХА БА
14 НАШЕГО·ДАВЪШАГО НЫ ЖНВОТЪ
15 ПРОСЛАВНМЪ.

С помощью творительного социативного как передаются традиционные богословские формулы, так и создаются новые емкие образы теологического характера:

оу же ветхын законъ по писанню сѣ съботамн преста · н
пррѣкы хвѹ законѹ сѣ не двленю ѹтъ подаетъ 1.1;
се бѣ нашъ на земан ѡбнса н сѣ ѹлѣкы пожнве 28.2;
се бѣ нашъ възноснтѣсѣ смрнвѣ ѡбоѡ въ нѣдно · н
сѣ въ коупнвѣ земнына сѣ не ѣзымн 34.2; црѣствоѹющомѹ
сѣ ѡцмѣ прннесѣмъ въ роу ѡко дары 37.1; понѣ пророкъ
послоушантѣ преже главъшнхъ ѡ хѣ · ѡко нсконн бѣ сѣ
бѣмъ ѡцѣмъ · н всѣ тѣмъ бѣша 42.1 и др.

Гомилии у Кирилла Туровского завершаются вариациями формулы богословия Троицы, при том что анонимные поучения, перемежающиеся с гомилиями, ее не имеют. Заметим, что формульное обозначение Троицы имеет некнижный вид, с повторением предлога:

Ѡ трѣца познаи мѣ ѣдннго · гѣ бѣ спѣа нашего їс хѣ ·
 ѣмоу же слава сѣ ѡцмѣ н сѣ стмѣ дхмѣ · н нѣи н прн · 5.2;
 блгѣтню н ѡблѣкоу бнѣмѣ · гѣ н бѣ н спѣа нашего їса
 хѣ · ѣмоу же слава сѣ ѡцмѣ н сѣ прѣтѣимѣ н блгѣимѣ н

жнвотворащнмъ дх̄мъ · н̄ѣи н̄ прнсно н̄ въ вѣкы: 16.1;
 помнлоу н̄ насъ на та оуповающнхъ · да сп̄снн тобою
 славнмъ та · сѣ ѡц̄мъ н̄ сѣ пр̄тѣмъ дх̄мъ · н̄ нѣна н̄
 прнсно н̄ въ вѣ: 23.1; първын̄ поклонннѹе г̄а н̄ б̄а н̄
 сп̄са нашегѡ г̄а х̄а · н̄моу же слава сѣ ѡц̄мъ н̄ сѣ ст̄ѣнмъ
 дх̄мъ · н̄ нѣна н̄ прнсно: 32.1; н̄ томѹ славоу ѹсть
 н̄ поклоннн̄ възылакмъ · сѣ ѡц̄мъ н̄ сѣ пр̄тѣмъ
 благын̄мъ н̄ жнвотворащнмъ дх̄мъ · нѣна н̄ прнсно н̄ въ
 вѣкы вѣкомъ · а̄мнн̄: 37.2.

В одном случае троичная формула включена непосредственно в текст гомилии: н̄ на х̄ѣрокнмъ хъ сѣ ѡц̄мъ н̄ сѣ ст̄ѣмъ поѹнв-
 ющаго дх̄мъ 11.1.

Активное привлечение Кириллом Туровским творительного социативного словно бы подпитывается формулой исповедания Троицы, как, впрочем, вероятно, и напротив — устойчивое обращение к ней может быть обусловлено значимостью конструкций с творительным социативным. Народно-разговорный тип сочетаний с повторением предлога отмечается и вне троичной формулы в новосоздаваемых Кириллом емких образных определениях с помощью творительного социативного качественной характеристики:

мнокаше бо оѹ же вѣтх̄ын̄ законъ · сѣ трѣбамн
 козын̄хъ жьртвъ · н̄ сѣ прѣданн̄ старьѹскыхъ
 заповѣдн̄ · не могын̄ нцѣлнтн ѹлѣѹскыхъ не доѹгъ 25.2.

Возможно, Кириллу Туровскому принадлежит оформление теологемы плотского воскресения, вознесения и второго пришествия Христа с помощью творительного социативного, поскольку исторические словари не фиксируют ее в ранних источниках (ср., например, в тезаурусном [СДРЯ 6: 435–437]):

н̄ а̄пл̄мъ своӣмъ въ галнлѣю н̄тн повелѣ · да вса тамо
 сѣ вамн ѡстнѣ · сѣ пл̄тню на н̄бса възндеть · с̄ нею же
 н̄ пакы прндеть · соѹднтъ мнровн 13.2; н̄бса в̄селатъса
 свою оѹкрашающе · вѣтнла да бл̄гватъса ѡ своѣго
 творца · сѣ пл̄тню сквозъ тѣхъ врата на ѡблацѣхъ
 възноснма 34.1. Ср. сходное употребление: ѡ м̄ртвѣхъ своѣго
 сна сѣ а̄ш̄ю жнва прн̄д̄тъ 5.2.

Единичными примерами представлен в проповедях родительный падеж обстоятельственный с предлогом **съ**: **ѥ** **вѣшнѣнаго** **съ** **стѹпнѣшн** **стѣпѣнн** 1.1; **съ** **крѣта** 5.2; 8.1; 10.2; **съ** **нѣсѣ** 10.1; **ѥ** **нѣсѣ** 12.2; **съ** **ѡдра** 18.1; 20.2.

В летописи представлено аналогичное использование творительного социативного с предлогом **съ**:

рѣка снѣ **хоую** **нмѣтн** **мнрѣ** **ѥ** **тобою** **твердѣ** **н** **любовѣ** ·
сѣ **жѣ** **слѣшавѣ** **радѣ** **бѣ** · **н** **послѣ** **к** **немѹ** **дарѣ** **больша**
перѣ · **стѣ** **славѣ** **жѣ** **прнѣ** **дарѣ** · **н** **поѹ** **дѹ** **матн** **съ**
дрѹ **жнню** **своею** **рѣка** · **снѣ** **ащѣ** **нѣ** **створнмѣ** **мнра** **со**
црѣмѣ · **а** **оубѣ** **ствѣ** **црѣ** **ѣ** **ко** **мало** **насѣ** **ѣ** **ствѣ** · **прншѣ** **дшѣ**
встѹ **патѣ** **нѣ** **вѣ** **градѣ** · **а** **рѹ** **ска** **земла** **далѣ** **ѹ** · **а**
пѣ **ѹ** **нѣ** **нѣ** **нѣ** **ѥ** **намн** **ратѣ** **нн** · **а** **кто** **нѣ** **поможѣ** **тѣ** **ЛетЛавр**, 22.1;
дажѣ **тн** **гѣ** **вѣ** **нѣ** **нѣ** **ѥ** **правѣ** **днѣ** **мн** · **в** **пнѣ** **н** **ранѣ** **ствѣ** **н** ·
вѣ **сѣ** **лѣ** **н** **лн** **кѣ** **ствованѣ** **съ** **абрамомѣ** **нѣ** **проѹ** **нмн**
патрнархѣ 45.1; **вѣ** **дѣ** **шѣ** **братѣ** **на** **скѹ** **пѣ** **кожѣ** **о**
боѹ **рѣ** **сво** **нмн** · **ѥ** **любовѣ** **вѣ** **лн** **ко** 61.2 и мн. др.

Таким образом, близость проповедей Кирилла Туровского и летописей в употреблении предлога **съ** как одной из наиболее статистически значимых единиц отражает широкое привлечение в его гомилиях творительного социативного, в том числе в духе исторического документализма летописей, хотя прямое влияние языка летописей в СбТолКТ усматривать не приходится. В этом отношении проповеди Кирилла Туровского, как и летописи, отличаются от общего книжного стандарта. У Кирилла Туровского семантика сопроводительности и совместности в конструкциях с творительным социативным занимает особое место. В то же время нужно отметить, что ранговый статус предлога **съ** в летописях существенно превосходит его ранг в гомилиях — на 2,00 единицы (см. Табл. 7 Приложения). Проповеди Кирилла тем не менее находятся в русле общего развития творительного социативного в славянских языках.

Творительный социативный с предлогом **с** заменил собой более ранний творительный социативный беспредложный, единичные случаи употребления которого мы находим в старославянском и древнерусском языках. Эти языки и современный сербохорватский язык свидетельствуют, что процесс утраты творительного социативного беспредложного начался в праславянскую эпоху и наиболее интенсивно проходил в группе творительного собственно социативного [Творительный падеж 1958: 74].

7. Заключение

Итогом трех наблюдений над 15-ю наиболее часто использующимися в нескольких проповедях Кирилла Туровского словами является вывод о близости этих текстов текстам Апостола²⁷ и Словам Паренесиса Ефрема Сирина²⁸.

Тем не менее необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства, которые нельзя не принимать во внимание, подводя итоги анализа:

(1) результаты трех экспериментов, в которых применены разные приемы — (а) рассмотрение состава перечней — (б) вычисление статистических значений — (в) сопоставление рангов — в целом соответствуют друг другу;

(2) материалом для анализа послужили не тематически или семантически значимые слова, а в первую очередь служебные, выполняющие в текстах грамматическую функцию;

(3) выявлены несколько степеней близости / удаленности текстов Кирилла Туровского текстам различных жанров: наибольший контраст они имеют с минейными текстами, наименьший — с текстами Апостола и гомилий Ефрема Сирина, промежуточное положение занимает соотношение СбТолКТ и текстов Евангелий, летописей, Стихирарей, Псалтыри;

(4) несмотря на использование статистических методов, позволивших получить точные числовые величины, выводы сделаны в первую очередь на основе показательных соотношений СбТолКТ и нескольких разножанровых подкорпусов;

(5) лингвостатистический анализ позволил получить во многом неожиданные результаты: подкорпус СбТолКТ и подкорпус Ап оказались не только объединены перечнем высокоранговых единиц (**нѣ**, **ѡ/о**, **бо**), но и противопоставлены всем другим подкорпусам самой высокоранговой единицей (**нѣ**), которая в других подкорпусах не входит в перечень 15 наиболее частотных лексем; не менее неожиданным стало типологическое родство подкорпуса СбТолКТ и подкорпуса Лет в употреблении творительного социативного с предлогом **сѣ**; вопреки предполагаемой близости гомилетических подкорпусов СбТолКТ и Пар, они оказались связанными только двумя единицами (**ѡ/о**, **бо**) и противопоставленными четырьмя (**нѣ**, **нѣтъ**, **да**, **аще**), при том что усредненный ранг 15 частотных единиц подтвердил относительную близость гомилетических подкорпусов;

²⁷ О языке и стиле Апостола см.: [Новак 2017а; Новак 2017б; Новак 2018].

²⁸ О содержании, языке и стиле Паренесиса и СбТолКТ см.: [Жолобов 2007а; Жолобов 2007б; Жолобов 2009; Жолобов 2011; Жолобов 2017].

(6) лингвостатистический анализ доказал оригинальность конфигурации высокоранговых единиц в СбТолКТ, а также, что не менее важно, выявил их текстообразовательную значимость и разрыв с книжной нормой в употреблении;

(7) оригинальный состав конфигурации высокоранговых единиц в СбТолКТ тесно связан с особыми смысловыми акцентами в аргументативной и информативной стратегиях проповедей Кирилла Туровского.

Все это дает право говорить о показательности полученных результатов количественно-статистического исследования наиболее частотных форм СбТолКТ на фоне типологического схождения с одними подкорпусами и контрастности по отношению к другим. Лингвостатистический анализ дает возможность установить и состав универсальных по частотности единиц в книжном узусе.

Несомненно, полученные результаты должны быть проверены и уточнены в ходе последующих количественно-статистических исследований, например, большего количества или всех форм СбТолКТ, в том числе знаменательных слов, должны быть сопоставлены не только текстовые прецеденты (словоформы), но и леммы СбТолКТ и других подкорпусов. Одной из задач может стать поиск количественно-статистических аргументов в вопросе о принадлежности двух текстов — Поучения в Неделю пятую по Пасхе (л. 23–25) и Поучения на Пятидесятнице (л. 46–48) — перу Кирилла Туровского.

Библиография

Источники

СбТолКТ

Сборник Слов и поучений («Толстовский сборник»), втор. пол. XIII в. (РНБ, Ф.п.I. 39), 184 л. (электронное издание, рук. О. Ф. Жолобов, http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=96362255).

Ап

Подкорпус списков Апостола (электронный ресурс, <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=68>).

Ап.Христ

Христинопольский Апостол (толковый), XII в. (Львовский ист. музей, ОР, № 37), 291 л. (электронное издание, рук. М. О. Новак, <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=61>).

Ев

Подкорпус списков Евангелий (электронный ресурс, <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=30>).

Лет

Подкорпус списков летописей (электронный ресурс, http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=23&p_lid=1).

Лет.Лавр

Лаврентьевская летопись, 1377 г. (РНБ, Ф.п.IV.2) (электронный ресурс, http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=32500902).

Май

Подкорпус списков майской служебной минеи (электронный ресурс, <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=26>).

Мин

Подкорпус списков служебных миней на другие месяцы (электронный ресурс, http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=10&p_lid=1).

Пар

Подкорпус списков Паренесиса Ефрема Сирина (электронный ресурс, <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=62>).

Пар.Туп

Сборник поучений Ефрема Сирина («Паренесис Ефрема Сирина»), 70–80-е гг. XIII в. (РГАДА, Тип. 38) (электронное издание, рук. О. Ф. Жолобов, http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=86892772).

Пс

Подкорпус списков и отрывков Псалтыри (электронный ресурс, http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=8&p_lid=1; <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=41>).

Ст

Подкорпус списков Стихирарей (электронный ресурс, <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=39>).

Литература

Баранов 2019a

Баранов В. А., Опыт применения количественных и статистических методов для поиска значимых слов в историческом корпусе (на материале средневековых славянских гимнографических и евангельских кодексов), Н. Rothe, C. Schnell, hrsg., *Studia Hymnographica*, II (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und der Künste, 131; Patristica Slavica, 24), Paderborn, München, Wien, Zürich, 2019, 149–201.

——— 2019b

Баранов В. А., Создание и использование исторических корпусов славянских письменных памятников, *Scripta & e-Scripta*, 19, 2019, 33–57.

Гомилетика

Гомилетика, *Православная энциклопедия* (<http://www.pravenc.ru/text/166109.html>).

Гребенников 1998

Гребенников А. О., Исследование устойчивости лексико-статистических характеристик текста, (диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук, С.-Петербург, 1998).

——— 2015

Гребенников А. О., О стилеразличительных возможностях частотных словарей языка писателя, *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ, 7: Современная русская лексикография: теория и практика, Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015*, С.-Петербург, 2015, 93–96.

Григорьева 2008

Григорьева В. С., Аргументативный дискурс в когнитивно-коммуникативном аспекте, *Вопросы когнитивной лингвистики*, 1 (14), 2008, 24–31.

Жолобов 2007а

Жолобов О. Ф., Поучения Ефрема Сирина в интертекстуальных и композиционных отзвуках оригинальной древнерусской письменности, *Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология*, 3 (9), 2007, 7–13.

——— 2007б

Жолобов О. Ф., Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина. I: РГАДА, Син. 38, *Russian Linguistics*, 1 (31), 2007, 31, 1, 31–59.

——— 2009

Жолобов О. Ф., Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина. II: РНБ, Погод. 71а, *Russian Linguistics*, 1 (33), 2009, 37–64.

——— 2011

Жолобов О. Ф., Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина. III, 1: БАН 31.7.2, *Russian Linguistics*, 3 (35), 2011, 361–380.

——— 2017

Жолобов О. Ф., Язык древнеславянской проповеди: неординарность глагольной морфологии в гомилиях Кирилла Туровского, *Slověne*, 2 (6), 2017, 137–162.

Зализняк 2004

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг., Москва, 2004.

——— 2008а

Зализняк А. А., *Древнерусские энклитики*, Москва, 2008.

——— 2008б

Зализняк А. А., «Слово о полку Игореве». Взгляд лингвиста, 3-е изд., доп., Москва, 2008.

Захаров, Хохлова 2014

Захаров В. П., Хохлова М. В., Выделение терминологических словосочетаний из специальных текстов на основе различных мер ассоциации, *Технологии информационного общества в науке, образовании и культуре: сборник научных статей. Труды XVII Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2014)*. С.-Петербург, 2014, 290–293 (<http://ojs.ifmo.ru/index.php/IMS/article/view/268/264>).

Клышинский, Кочеткова 2014

Клышинский Э. С., Кочеткова Н. А., Метод извлечения технических терминов с использованием меры странности, *Новые информационные технологии в автоматизированных системах*, 17, 2014, 365–370.

Копотев 2014

Копотев М. В., *Введение в корпусную лингвистику*, Прага, 2014.

Литвинова 2016

Литвинова Т. А., Судебная автороведческая экспертиза текста с целью установления пола его автора: проблемы и перспективы, *Современное право*, 7, 2016, 111–115.

Ляшевская, Шаров 2008–2011

Ляшевская О. Н., Шаров С. А., *Новый частотный словарь русской лексики*, Москва, 2008–2011 (<http://dict.ruslang.ru/freq.php>).

Мартыненко 2014

Мартыненко Г. Я., Стилеметрия: возникновение и становление в контексте междисциплинарного взаимодействия. Часть 1. Первые шаги: XIX век, *Структурная и прикладная лингвистика*, 10, 2014, 3–23.

——— 2015

Мартыненко Г. Я., Стилеметрия: возникновение и становление в контексте междисциплинарного взаимодействия. Часть 2. Первая половина XX века: расширение междисциплинарных контактов стилеметрии, *Структурная и прикладная лингвистика*, 11, 2015, 9–28.

Марусенко 1990

Марусенко М. А., *Атрибуция анонимных и псевдонимных литературных произведений методами распознавания образов*, Ленинград, 1990.

Морозов 1915

Морозов Н. А., Лингвистические спектры: Средство для отличия плагиатов от истинных произведений того или другого известного автора: Стилеметрический этюд, *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академией наук*, С.-Петербург, 1915, 20/4, 93–134.

Новак 2017a

Новак М. О., Феноменология и типология ошибок в древнерусских списках Апостола XII–XIV вв., *Slověne*, 1 (6), 2017, 291–306.

——— 2017b

Новак М. О., Источники и язык толкования на Деяния в Толстовском Апостоле XIV в., *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 4 (16), 2017, 58–65.

——— 2018

Новак М. О., Древнеславянская Евфалиана: структура и язык оглавления к Первому посланию апостола Павла к Коринфянам, *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 4 (17), 2018, 6–15.

Николаев et al. 2016

Николаев И. С., Митренина О. В., Ландо Т. М., ред., *Прикладная и компьютерная лингвистика*, Москва, 2016.

СДРЯ 1–11–

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв., 1–11–, Москва, 1988– 2016–.

Срезневский 1–3

Срезневский И. И., *Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, 1–3, С.-Петербург, 1893–1903.

Творительный падеж 1958

Бернштейн С. Б., ред., *Творительный падеж в славянских языках*, Москва, 1958.

УРС

Українсько-російський словник, Київ, 1985.

Ahmad et al. 1999

Ahmad K., Gillam L., Tostevin L., University of Surrey participation in TREC8: weirdness indexing for logical document extrapolation and retrieval (WILDER), *Proceedings of the 8th Text Retrieval Conference TREC*. Gaithersburg, USA, 1999, 717–724.

Baranov 2018

Baranov V. A., Statistical Analysis of the Slavonic Paraenesis by Ephrem the Syrian (on Three Electronic Copies of the 13–14th Centuries from the Manuscript Corpus), *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 8 (11), 2018, 1211–1228.

Haibing et al. 2017

Haibing W., Xiaodong G., Yiwei G., Balancing Between Over-Weighting and Under-Weighting in Supervised Term Weighting, *Information Processing and Management, An International Journal*, 2 (53), 2017, 547–557 (<https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1604/1604.04007.pdf>).

Kwok 1995

Kwok K. L., A network approach to probabilistic information retrieval, *ACM Transactions on Information Systems*, 3 (13), 1995, 324–353.

Rayson, Garside 2000

Rayson P., Garside R., Comparing corpora using frequency profiling, *Proceedings of the Comparing Corpora Workshop at ACL 2000*, Hong Kong, 2000, 1–6 (http://ucrel.lancs.ac.uk/people/paul/publications/rg_acl2000.pdf), DOI: <https://doi.org/10.3115/1117729.1117730>.

Robertson 2004

Robertson S., Understanding inverse document frequency: on theoretical arguments for IDF, *Journal of Documentation*, 5 (60), 2004, 503–520, DOI: <https://doi.org/10.1108/00220410410560582>.

Roelleke 2013

Roelleke T., Information Retrieval Models: Foundations and Relationships, *Synthesis Lectures on Information Concepts, Retrieval, and Services*, 3 (5), 2013, 1–163 (<https://www.morganclaypool.com/doi/abs/10.2200/S00494ED1V01Y201304ICR027>).

Roelleke, Wang 2006

Roelleke T., Wang J., A parallel derivation of probabilistic information retrieval models, S. Dumais et al., eds., *Proceedings of the 29th Annual ACM SIGIR Conference on Research and Development in Information Retrieval*, Seattle, WA, New York, 2006, 107–114.

Salton, Buckley 1988

Salton G., Buckley C., Term-weighting approaches in automatic text retrieval, *Information Processing and Management*, 1988, 5 (24), 513–523 (cited according to the online edition: <http://w2.ict.nsc.ru/jspui/bitstream/ICT/1231/1/solton-1-29-03.pdf>).

Salton, Yang 1973

Salton G., Yang C. S., On the specification of term values in automatic indexing, *Journal of Documentation*, 29, 1973, 351–372.

SJS 1–4

Slovník jazyka staroslověnského, 1–4, Praha, 1966–1997. [penp.: C.-Περεπ6ыр, 2006]

Sparck 1972

Sparck J. K., A statistical interpretation of term specificity and its application in retrieval, *Journal of Documentation*, 28, 1972, 11–21.

Vondrák 1912

Vondrák W., *Altkirchenslavische Grammatik*, Berlin, 1912.

Wu et al. 2008

Wu H. C., Luk R. W. P., Wong K. F., Kwok K. L., Interpreting TF-IDF Term Weights as Making Relevance Decisions, *ACM Transactions on Information Systems*, 3 (26), 2008, 13, 1–37 (https://www.scss.tcd.ie/khurshid.ahmad/Research/Sentiments/tfidf_relevance.pdf).

References

Ahmad K., Gillam L., Tostevin L., University of Surrey participation in TREC8: weirdness indexing for logical document extrapolation and retrieval (WILDER), *Proceedings of the 8th Text Retrieval Conference TREC*, Gaithersburg, USA, 1999, 717–724.

Baranov V. A., Statistical Analysis of the Slavonic *Paraenesis* by Ephrem the Syrian (on Three Electronic Copies of the 13–14th Centuries from the Manuscript Corpus), *Journal of Siberian Federal*

University. Humanities & Social Sciences. 8 (11), 2018, 1211–1228.

Baranov V. A., Creation and Using of Historical Corpora of Slavonic Manuscripts, *Scripta & e-Scripta*, 19, 2019, 33–57.

Baranov V. A., Opyt primeneniia kolichestvennykh i statisticheskikh metodov dlia poiska znachimykh slov v istoricheskom korpuse (na materiale srednevekovykh slavianskikh gimnogra-

- ficheskikh i evangel'skikh kodeksov), H. Rothe, C. Schnell, eds., *Studia Hymnographica*, 2 (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und der Künste, 131; Patristica Slavica, 24), Paderborn, München, Wien, Zürich, 2019, 149–201, DOI: https://doi.org/10.30965/9783657702824_007.
- Bernstein S. B., ed., *Tvoritel'nyi padezh v slavianskikh iazykakh*, Moscow, 1958.
- Grebennikov A. O., Writer Lexicon Frequency Dictionaries and Style Distinguishing, *Russkii iazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury: materialy XIII Kongressa MAPRIaL*, 7: *Sovremennaja russkaja leksikografija: teoriia i praktika*, Granada, Ispania, 13–20 *sentjabria* 2015, St. Petersburg, 2015, 93–96.
- Grigorieva V. S., Cognitive aspect of argumentative communication, *Issues of Cognitive Linguistics*, 1 (14), 2008, 24–31.
- Haibing W., Xiaodong G., Yiwei G., Balancing Between Over-Weighting and Under-Weighting in Supervised Term Weighting, *Information Processing and Management*, *An International Journal*, 2 (53), 2017, 547–557.
- Klyshinsky E. S., Kochetkova N. A., Metod izvlecheniia tekhnicheskikh terminov s ispol'zovaniem mery strannosti, *Novye informatsionnye tekhnologii v avtomatizirovannykh sistemakh*, 17, 2014, 365–370.
- Kopotev M. V., *Vvedeniye v korpusnuju lingvistiku*, Praha, 2014.
- Kwok K. L., A network approach to probabilistic information retrieval, *ACM Transactions on Information Systems*, 3 (13), 1995, 324–353.
- Litvinova T. A., Forensic Authorship Examination towards Gender Attribution: Challenges and Prospects, *Sovremennoe pravo*, 7, 2016, 111–115.
- Lyashevskaya O. N., Sharoff S. A., *Novyi chislotnyi slovar' russkoi leksiki*, Moscow, 2008–2011.
- Martynenko G. Ya., Stylometry: Emergence and Evolution in Context of Interdisciplinary Interaction, 1, *Strukturnaia i prikladnaia lingvistika*, 10, 2014, 3–23.
- Martynenko G. Ya., Stylometry: Emergence and Evolution in Context of Interdisciplinary Interaction, 2. The First Half of the 20th Century: The Expansion of Interdisciplinary Contacts, *Strukturnaia i prikladnaia lingvistika*, 11, 2015, 9–28.
- Marusenko M. A., *Atributsiia anonimnykh i psevdonimnykh literaturnykh proizvedenii metodami raspознаvaniia obrazov*, Leningrad, 1990.
- Nikolaev I. S., Mitrenina O. V., Lando T. M., eds., *Prikladnaia i komp'iuternaia lingvistika*, Moscow, 2016.
- Novak M. O., On the Phenomenology and Typology of Errors in Old Russian Apostolos Manuscripts from the 12th–14th Centuries, *Slověne*, 1 (6), 2017, 291–306.
- Novak M. O., Origins and Language of Commentaries on the Acts in the 14th Century Tolstovskii Apostolos, *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 4 (16), 2017, 58–65.
- Novak M. O., The Old Slavonic Euthaliana: Structure and Language of the Chapter-List to the First Epistle to Corinthians, *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 4 (17), 2018, 6–15.
- Rayson P., Garside R., Comparing corpora using frequency profiling, *Proceedings of the Comparing Corpora Workshop at ACL 2000*, Hong Kong, 2000, 1–6 DOI: <https://doi.org/10.3115/1117729.1117730>.
- Robertson S., Understanding inverse document frequency: on theoretical arguments for IDF, *Journal of Documentation*, 5 (60), 2004, 503–520, DOI: <https://doi.org/10.1108/00220410410560582>.
- Roelleke T., Information Retrieval Models: Foundations and Relationships, *Synthesis Lectures on Information Concepts, Retrieval, and Services*, 3 (5), 2013, 1–163.
- Roelleke T., Wang J., A parallel derivation of probabilistic information retrieval models, S. Dumais et al., eds., *Proceedings of the 29th Annual ACM SIGIR Conference on Research and Development in Information Retrieval*, Seattle, WA, New York, 2006, 107–114.
- Salton G., Buckley C., Term-weighting approaches in automatic text retrieval, *Information Processing and Management*, 1988, 5 (24), 513–523.
- Salton G., Yang C. S., On the specification of term values in automatic indexing, *Journal of Documentation*, 29, 1973, 351–372.
- Sparck J. K., A statistical interpretation of term specificity and its application in retrieval, *Journal of Documentation*, 28, 1972, 28, 11–21.
- Wu H. C., Luk R. W. P., Wong K. F., Kwok K. L., Interpreting TF-IDF Term Weights as Making Relevance Decisions, *ACM Transactions on Information Systems*, 3 (26), 2008, 13, 1–37.
- Zakharov V. P., Khokhlova M. V., Extracting Terminological Phrases By Different Association Measures, *Tekhnologii informatsionnogo obshchestva v nauke, obrazovanii i kul'ture: sbornik nauchnykh statei. Trudy XVII Vserossiiskoi ob'edinennoi konferentsii «Internet i sovremennoe obshchestvo» (IMS-2014)*, St. Petersburg, 2014, 290–293 (<http://ojs.ifmo.ru/index.php/IMS/article/view/268/264>).
- Zaliznyak A. A., *Drevnerusskie enklitiki*, Moscow, 2008.
- Zaliznyak A. A., «Slovo o polku Igoreve». *Vzgliad lingvista*, 3rd ed., Moscow, 2008.
- Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt, 2-e izd., pererab. s uchedom materiala nakhodok 1995–2003 gg.*, Moscow, 2004.
- Zholobov O. F., The Corpus of Old Russian Copies of the Parenthesis of Efrem Sirin. I: RGADA, Sin. 38, *Russian Linguistics, Russian Linguistics*, 1 (31), 2007, 31–59.

Zholobov O. F., The Corpus of the Old Russian Copies Of the Paraenesis of Ephraem Syrus. II: RNB, Pogod. 71a, *Russian Linguistics*, 1 (33), 2009, 37–64.

Zholobov O. F., The Corpus of the Old Russian Copies Of the Paraenesis of Ephraem Syrus. III, 1: BAN 31.7.2, *Russian Linguistics*, 3 (35), 2011, 361–380.

Zholobov O. F., Old Slavic Sermon Language: The Extraordinary Nature of Verb Morphology in Cyril Turovskij's Homilies, *Slověne*, 6/2, 2017, 137–162.

Zholobov O. F., Poucheniia Efrema Sirina v intertekstual'nykh i kompozitsionnykh otzvukakh original'noi drevnerusskoi pis'mennosti, *St. Tikhon's University Review. Philology*, 3 (9), 2007, 7–13.

Приложение

Соотношение средних рангов в СбТолКТ и контрастных подкорпусах

Таблица 1. Соотношение средних рангов форм в СбТолКТ и в подкорпусе майской минеи

$W_{C\delta TolKT}^{29}$	$\bar{x}_{C\delta TolKT}$	Форма в Май	$\bar{Y}_{C\delta TolKT}$	$W_{Mай}$	$\bar{x}_{Mай}$
H	13,33	Есть	3,33	H	10,00
Ж €	13,00	Есть	2,00	с А	10,67
с А	11,33	Есть	0,67	н €	10,33
н €	8,33	Есть	-2,00	в з	10,67
в з	11,00	Есть	0,33	ж €	11,00
н А	6,67	Есть	-3,67	н А	10,00
Ѱ	9,67	Есть	0,00	т А	3,00
б 0	3,00	Нет	-13,00	н А	10,33
с з	4,67	Есть	-5,33	к с н	5,67
w	2,33	Нет	-13,67	п ъ	1,00
н з	1,00	Нет	-15,00	Ѱ	9,67
к Г 0	9,00	Есть	-1,00	т н	4,00
к з	10,00	Нет	-6,00	с з	10,00
н А К 0	9,33	Есть	-0,67	г А ъ	3,67
д А	7,33	Нет	-8,67	к Г 0	10,00
		$\bar{Y}_{C\delta TolKT}$:	-4,18		

²⁹ Словоформы расположены в порядке убывания частоты встречаемости.
 $w_{d,c}$ — словоформа СбТолКТ или контрастного подкорпуса,
 $\bar{x}_{d,c}$ — среднее арифметическое трех рангов словоформы в СбТолКТ или в контрастном подкорпусе,
Форма в [подкорпус] — наличие / отсутствие словоформы СбТолКТ в контрастном подкорпусе среди первых 15-ти наиболее частотных,
 \bar{y}_d — разность средних арифметических рангов словоформы в СбТолКТ и в контрастном подкорпусе,
 \bar{Y}_d — среднее арифметическое разности рангов всех 15-ти наиболее частотных словоформ в СбТолКТ.

Таблица 3. Соотношение средних рангов форм в СбТолКТ
и в подкорпусе миней на другие месяцы

$w_{СбТолКТ}$	$\bar{x}_{СбТолКТ}$	Форма в Мин	$\bar{y}_{СбТолКТ}$	$w_{Мин}$	$\bar{x}_{Мин}$
Н	13,33	Есть	3,67	Н	9,67
Ж €	13,00	Есть	1,67	с А	10,33
с А	11,33	Есть	1,00	Н €	11,00
Н €	8,33	Есть	-2,67	Ж €	11,33
Б Ъ	11,00	Есть	0,00	Б Ъ	11,00
Н А	6,67	Есть	-3,00	Г А К 0	10,00
Ў	9,67	Есть	-0,67	Н с Н	4,33
Б 0	3,00	Есть	-7,00	П ^ Б	1,00
с Ъ	4,67	Есть	-5,00	Т А	2,67
У	2,33	Нет	-13,33	Н А	9,67
Н Ъ	1,00	Нет	-15,00	Ў	10,33
Н Г 0	9,00	Нет	-8,33	Т Н	5,67
К Ъ	10,00	Нет	-6,33	с Ъ	9,67
Г А К 0	9,33	Есть	-0,67	Г А ^ А	3,33
А А	7,33	Нет	-7,33	Б 0	10,00
$\bar{Y}_{СбТолКТ}$:			-4,20		

Таблица 3. Соотношение средних рангов форм в СбТолКТ
и в подкорпусе стихирарей

$w_{СбТолКТ}$	$\bar{x}_{СбТолКТ}$	Форма в Ст	$\bar{y}_{СбТолКТ}$	$w_{Ст}$	$\bar{x}_{Ст}$
Н	13,33	Есть	4,33	Н	9,00
Ж €	13,00	Есть	3,33	с А	7,33
с А	11,33	Есть	4,00	Б Ъ	10,67
Н €	8,33	Есть	-1,00	Ж €	9,67
Б Ъ	11,00	Есть	0,33	Н €	9,33
Н А	6,67	Есть	-4,00	Ў	10,00
Ў	9,67	Есть	-0,33	Г А К 0	9,67
Б 0	3,00	Есть	-5,67	Н А	10,67
с Ъ	4,67	Есть	-3,00	Н с Н	3,00
У	2,33	Нет	-13,67	Г А ^ А	1,00
Н Ъ	1,00	Нет	-15,00	с Ъ	7,67
Н Г 0	9,00	Есть	0,00	Б 0	8,67
К Ъ	10,00	Нет	-6,00	Н Г 0	9,00
Г А К 0	9,33	Есть	-0,33	Т А	6,33
А А	7,33	Есть	-0,67	А А	8,00
$\bar{Y}_{СбТолКТ}$:			-2,51		

Таблица 4. Соотношение средних рангов форм в СбТолКТ и в подкорпусе Евангелий

$W_{C6TolKT}$	$\bar{X}_{C6TolKT}$	Форма в Ев	$\bar{Y}_{C6TolKT}$	W_{E6}	\bar{X}_{E6}
Н	13,33	Есть	3,67	Н	9,67
Ж €	13,00	Есть	6,33	Ж €	6,67
с А	11,33	Есть	1,67	В Ъ	10,00
Н €	8,33	Есть	-3,00	Н €	11,33
В Ъ	11,00	Есть	1,00	с А	9,67
НА	6,67	Есть	-6,33	Ў	4,67
Ў	9,67	Есть	5,00	НАКО	9,33
Б О	3,00	Есть	-7,00	НА	13,00
с Ъ	4,67	Есть	-5,33	КМОУ	1,00
У	2,33	Нет	-13,67	КГО	4,33
Н Ъ	1,00	Нет	-15,00	КСТЬ	4,67
КГО	9,00	Есть	4,67	ДА	7,00
К Ъ	10,00	Нет	-6,00	Б О	10,00
НАКО	9,33	Есть	0,00	с Ъ	10,00
ДА	7,33	Есть	0,33	КСН	8,67
		$\bar{Y}_{C6TolKT}$:	-2,24		

Таблица 5. Соотношение средних рангов форм в СбТолКТ и в подкорпусе Апостолов

$W_{C\delta TolKT}$	$\bar{x}_{C\delta TolKT}$	Форма в An	$\bar{y}_{C\delta TolKT}$	W_{An}	\bar{x}_{An}
H	13,33	Есть	2,00	H	11,33
Ж €	13,00	Есть	6,33	Ж €	6,67
с Δ	11,33	Есть	-2,67	Б Ъ	8,33
H €	8,33	Есть	-2,33	H €	10,67
Б Ъ	11,00	Есть	2,67	с Δ	14,00
HA	6,67	Есть	-5,00	Ў	10,00
Ў	9,67	Нет	-6,33	О	3,67
Б О	3,00	Есть	-2,33	HA KO	7,00
с Ъ	4,67	Нет	-11,33	Б О	5,33
W	2,33	Есть	-1,33	Δ Δ	5,67
H Ъ	1,00	Есть	-1,33	К Ъ	10,67
€ Γ O	9,00	Нет	-7,00	€ C T Ъ	8,00
К Ъ	10,00	Есть	-0,67	H Ъ	2,33
HA KO	9,33	Есть	2,33	HA	11,67
Δ Δ	7,33	Есть	1,67	Δ Ц €	4,67
		$\bar{Y}_{C\delta TolKT}$:	-1,69		

Таблица 6. Соотношение средних рангов форм в СбТолКТ и в подкорпусе Псалтырей

$w_{СбТолКТ}$	$\bar{x}_{СбТолКТ}$	Форма в Пс	$\bar{y}_{СбТолКТ}$	$w_{Пс}$	$\bar{x}_{Пс}$
Н	13,33	Есть	-0,33	Н	13,67
Жѣ	13,00	Есть	2,00	сА	12,33
сА	11,33	Есть	-1,00	БЪ	11,67
Нѣ	8,33	Есть	-3,33	Жѣ	11,00
БЪ	11,00	Есть	-0,67	Нѣ	11,67
НА	6,67	Есть	-2,33	ѢКО	4,67
Ѣ	9,67	Есть	-0,33	НА	9,00
БО	3,00	Есть	-0,67	ОТЪ	10,00
сЪ	4,67	Нет	-11,33	БО	3,67
У	2,33	Нет	-13,67	НГО	5,33
НЪ	1,00	Нет	-15,00	НсТЪ	6,00
НГО	9,00	Есть	3,67	МА	1,00
КЪ	10,00	Нет	-6,00	реУѣ	4,33
НАКО	9,33	Есть	4,67	ДА	10,33
ДА	7,33	Есть	-3,00	НсН	5,33
$\bar{Y}_{СбТолКТ}$:			-3,16		

Таблица 7. Соотношение средних рангов форм в СбТолКТ и в подкорпусе летописей

$w_{СбТолКТ}$	$\bar{x}_{СбТолКТ}$	Форма в Лет	$\bar{y}_{СбТолКТ}$	$w_{Лет}$	$\bar{x}_{Лет}$
Н	13,33	Есть	5,00	Н	8,33
Жѣ	13,00	Есть	1,67	сА	8,67
сА	11,33	Есть	2,67	Жѣ	11,33
Нѣ	8,33	Есть	-2,33	БЪ	11,33
БЪ	11,00	Есть	-0,33	НА	6,33
НА	6,67	Есть	0,33	Нѣ	10,67
Ѣ	9,67	Есть	-1,67	КЪ	4,00
БО	3,00	Есть	-8,00	сЪ	2,67
сЪ	4,67	Есть	2,00	А	1,00
У/о	2,33	Нет	-13,67	Ѣ	11,33
НЪ	1,00	Нет	-15,00	ПО	5,00
НГО	9,00	Есть	-1,67	НГО	10,67
КЪ	10,00	Есть	6,00	БО	11,00
НАКО	9,33	Есть	-0,33	НАКО	9,67
ДА	7,33	Нет	-8,67	сѣ/сѣ	8,00
$\bar{Y}_{СбТолКТ}$:			-2,27		

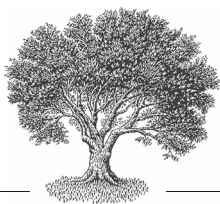
Таблица 3. Соотношение средних рангов форм в СбТолКТ и в подкорпусе Паренесиса Ефрема Сирина

$\bar{w}_{C6ToaKT}$	$\bar{x}_{C6ToaKT}$	Форма в Пар	$\bar{y}_{C6ToaKT}$	$w_{Пар}$	$\bar{x}_{Пар}$
H	13,33	Есть	0,67	H	12,67
Ж €	13,00	Есть	3,00	с А	10,67
с А	11,33	Есть	0,67	н €	6,67
н €	8,33	Есть	1,67	Б Ъ	11,33
Б Ъ	11,00	Есть	-0,33	Ж €	10,00
н А	6,67	Есть	-4,33	н А К 0	9,33
Ў	9,67	Есть	-0,67	Б 0	3,67
Б 0	3,00	Есть	-0,67	К с Т Ъ	1,67
с Ъ	4,67	Есть	-5,00	н А	11,00
W/0	2,33	Есть	-2,67	Ў	10,33
н Ъ	1,00	Нет	-15,00	Д А	4,33
К Г 0	9,00	Есть	-1,33	W	5,00
К Ъ	10,00	Нет	-6,00	А Ш €	3,33
н А К 0	9,33	Есть	0,00	К Г 0	10,33
Д А	7,33	Есть	3,00	с Ъ	9,67
		$\bar{Y}_{C6ToaKT}$:	-1,80		

Виктор Аркадьевич Баранов, профессор, доктор филологических наук
заведующий кафедрой «Лингвистика»
Ижевского государственного технического университета
имени М. Т. Калашникова
426069 Ижевск, ул. Студенческая, 7
Россия / Russia
victor.a.baranov@gmail.com

Олег Феофанович Жолобов, профессор, доктор филологических наук
профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
Института филологии и межкультурной коммуникации
Казанского (Приволжского) федерального университета
420008 Казань, ул. Кремлевская, 18
Россия / Russia
ozolobov@mail.ru

Received February 24, 2019

Женский постриг и женское монашество в Древней Руси и на Балканах*

**Татьяна Игоревна
Афанасьева**

С.-Петербургский государственный
университет
С.-Петербург, Россия

Таисия Лебер

Майнцский университет
им. Иоганна Гутенберга
Майнц, Германия

The Female Tonsure and Female Monasticism in Old Russia and the Balkans

Tatiana I. Afanasyeva

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Taisiya Leber

Johannes Gutenberg-Universität Mainz
Mainz, Germany

Резюме

В статье описывается редкий чин женского пострига, известный по нескольким славянским требникам XIII–XVI вв., и делается попытка на основании исторических источников выяснить, как мог осуществляться этот постриг на Балканах и в Древней Руси. Н. Ф. Красносельцев предположил, что этот постриг был весьма древнего происхождения и был предназначен

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ № 18-512-18006.

Цитирование: Афанасьева Т. И., Лебер Т. Женский постриг и женское монашество в Древней Руси и на Балканах // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 1. С. 81–109.

Citation: Afanasyeva T. I., Leber T. (2020) The Female Tonsure and Female Monasticism in Old Russia and the Balkans. *Slověne*, Vol. 9, № 1, p. 81–109.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.1.3

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

для пострижения дев, дававших обет безбрачия. Греческий оригинал данного последования известен только в одном евхологии *Coisl.213* 1027 г. Сохранившийся славянский перевод, по мнению авторов, был сделан не ранее XIII в. и имел сербское происхождение, но в дальнейшем на Балканах, по-видимому, не использовался. На Руси он имел скудную рукописную традицию: с XIV в. чинопоследование сокращалось и попадало под влияние более поздней практики пострига. Тем не менее данные исторических источников показывают, что пострижение дев было весьма частым явлением именно в Киевской Руси, где существовали городские женские монастыри, в то время как в средневековой Болгарии и Сербии были распространены случаи, когда вдовы принимали монашеский постриг, не вступая в монастырь. Трудно сказать, существовали ли там вообще развитые женские монашеские общины до конца XIV в. в том виде, в каком они известны на Руси. В статье делается предположение о том, что постриг дев имел место именно в Древней Руси по чину, весьма близкому к списку *Гильф. 21*: в нем, скорее всего, отсутствовала конечная часть — молитва на снятие куколя, как в *Coisl. 213*.

Ключевые слова

женский постриг, история женского монашества, требники, жития святых

Abstract

This paper describes a rare rite of female tonsure that is known from five Slavonic Euchologia (Trebnik) of the 13th–16th centuries and attempts to investigate on the basis of historical sources how this rite of tonsure could be applied in the Balkans and in Early Russia. N. F. Krasnosel'tsev suggested that this tonsure was of a very ancient origin and was intended for tonsuring virgins who took the vow of celibacy. The Greek original of this rite is preserved only in one known Euchologion *Coisl.213* (1027). We argue that its Slavonic translation is of a Serbian origin and was made not earlier than in the 13th century, but that it apparently was not used in the Balkans afterwards. In Early Russia this rite is scantily attested in written sources — since the 14th century its content was shortened and influenced by the later practice of tonsure. However, historical sources prove that tonsuring of virgins was very common in Kievan Rus' with its urban convents, while it was practically unknown in the Balkans. In medieval Bulgaria and Serbia there were recorded cases of widows tonsured without entering the monastery. It is difficult to say whether before the end of 14th century any fully developed female monastic communities existed in this region in the form in which they are known in Rus'. Probably, the rite of tonsure of virgins in Old Russia was very close to the rite from the manuscript *Gilf.21*, though, most likely, it did not contain the final part — the prayer for the removal of the veil (*kukol'*), as in *Coisl.213*.

Keywords

female tonsure, history of female monasticism, Euchologia, *vitae* of female saints

1. Особый чин женского пострига и его славянские списки

В греческих и славянских требниках сохранилось свидетельство о том, что в Средневековье существовал особый чин женского пострига, принципиально отличавшийся от мужского. Он содержал чин умовения ног, а также специальные песнопения, приспособленные именно к женскому пострижению. Их особенность заключалась в том, что здесь подчеркивался статус монахинь как невест Христовых, а самого пострига как небесного брака. Впервые об этом в 1889 г. написал Н. Ф. Красносельцев: он опубликовал текст чинопоследования женского пострига по русской рукописи XVI в. из собрания Соловецкой библиотеки *Солов.1086/1195* с разночтениями по сокращенному последованию из рукописи той же библиотеки — *Солов.1085/1194*. При этом Красносельцев указал, что этот чин гораздо старше XVI в., это отголосок того времени, когда в древней христианской церкви было учреждено служение дев, дававших обет безбрачия — *virgines consecratae*. Обряд посвящения в церковные девы был торжественным, 6-е правило Карфагенского собора 419 г. предписывает совершать его только епископам [Красносельцев 1889: 134–169]. Греческие параллели славянскому чину женского пострига Красносельцеву остались неизвестными.

Статья Н. Ф. Красносельцева в этом же году была подвергнута обстоятельной критике его учеником А. А. Дмитриевским. Он написал о том, что в греческих евхологиях не имеется подобного последования, но Н. Ф. Красносельцев не хочет примириться с данным фактом и идет на поводу у своего непреодолимого желания увидеть в славянских рукописях отражение некоего древнего греческого чина. Дмитриевский указал на рукопись Афонского Кутлумушского монастыря № 491 (XIV в.) — евхологий, специально составленный для константинопольского женского монастыря Спаса Филантропа. В нем почти все чины изложены в применении для женского монастыря, в том числе и чин елеосвящения (*προσεύχεται ἡ μέλλουσα ποιῆσαι τὸ ἅγιον ἔλαιον*). Чин женского пострижения изложен здесь по образцу чина мужского — с незначительными особенностями, о которых в самом памятнике замечается, что они были включены на основании обычая этого монастыря (*προεγράψαν καὶ ἐτέθησαν ἐν τῇ σεβασμίᾳ τοῦ Φιλανθρώπου μονῆς*). Дмитриевский отметил, что в данном евхологии «было весьма уместно поместить чин женского пострижения в той редакции, которая известна Красносельцеву, но и здесь мы ее не находим. Это обстоятельство дает основание думать, что настоящего чина женского пострижения вовсе не было известно в практике греческой церкви» [Дмитриевский 1889: 443–445].

В 1896 г., после работы с греческими евхологиями в Парижской национальной библиотеке и обнаружения рукописи *Coisl.213* (1027 г.), в

которой чин женского пострига близок русскому списку *Солов.1086/1195*, Дмитриевский изменил свое мнение. Он полностью опубликовал чин женского пострига по этой рукописи во II томе «Описаний литургических рукописей», однако никак не прокомментировал его историю [Дмитриевский 1901: 1035–1041]. Таким образом в начале XI в. в Константинополе древний чин пострига в церковные девы был возрожден, отредактирован и, видимо, использовался в монастырях византийской столицы. В настоящей работе мы попытаемся указать на особенности этого текста в славянской традиции и рассмотрим исторические свидетельства о постриге дев у православных славян.

А. А. Дмитриевский в рецензии на статью Красносельцева указал, что этот чин был употребляем в Сербии, и впервые упомянул сербский требник *Гильф.21* XIII–XIV в. [Дмитриевский 1889: 445]. Н. Н. Пальмов [1914: XIV] указал еще один славянский список женского пострига — требник XIV в. из собрания Троице-Сергиевой лавры *ТСЛ.229*. В процессе нашей работы были найдены еще два русских списка этого пострига 2-й половины XV в. (*Олон.34* и *Арханг.1193* — с утратами в начале текста), которые полностью идентичны опубликованному Красносельцевым *Солов.1086/1195*. Обнаружен еще один список, близкий к краткой редакции пострига в требнике *Солов.1085/1194*, — *Един.78*. Предположения Н. Ф. Красносельцева оказались верными: эта служба существовала на Руси ранее XVI в., поскольку стал известен русский список XIV в. Тем не менее вопрос о времени славянского перевода данного чина остается открытым.

Рукопись *Гильф.21*, как показало наше исследование, является конечной частью Большого требника и содержит новые переводы, выполненные в начале XIII в., в ходе восстановления славянской письменности после византийского завоевания Первого болгарского царства. Богослужебные переводы этого времени делались на Афоне в кругу книжников Саввы Сербского. Святителю приписывается создание Кормчей книги, так называемой Сербской кормчей [Щапов 1978: 117–158], создание особой разновидности служебного Евангелия — нового литургического тетра [Алексеев 1999: 173]. Известно, что литургические реформы св. Саввы Сербского опирались на Евергетидский типикон, и Хиландарский типик св. Саввы сделан на его основе [Дмитриевский 1895: XLIV–LII]. Видимо, в этом же кругу создавался и новый перевод Евхология, который мы условно назвали Евхологием Саввы Сербского [Афанасьева 2019: 144–156].

В Константинополе было несколько монастырей, устав которых зависел от Евергетидского типикона, а именно — Христа Филантропа и св. Маманта, а также женский монастырь Богородицы Благодатной

(Θετόχος Κεχαριτωμένη). Этот монастырь основала Ирина Дукена, дочь Андроника Дуки и жена Алексея Комнина: она дала ему устав, сохранившийся в рукописи *Paris.gr.384*, отрывок из которого читается в иерусалимской рукописи *S. Crusis* 57. Составление его датируется временным промежутком 1096–1118 гг. Изучение и публикация этого устава были предприняты П. Готье [Gautier 1985]. В этом тексте, к сожалению, ничего не сказано о том, как происходит женский постриг, упоминается лишь о том, что игуменья совершает умовение ног в притворе храма (глава 72), однако в каких случаях оно совершается, не указано.

Предположение о том, что сербский список женского пострига *Гильф.21* отражает практику монастыря Богородицы Благодатной, пока остается без серьезных доказательств, мы можем высказать лишь ряд предположений. Гипотеза базируется на информации о том, что монастырь Богородицы Благодатной опирался на Евергетидский типикон, который был также основой для богослужебного устава монастырей, созданных св. Саввой Сербским. Поэтому он мог использоваться и для женских монастырей Сербии. Евергетидский типикон во многих пунктах следовал уставу Великой церкви и перенял оттуда некоторые традиции, например, в нем после обычного чина Великой церкви — чина умовения ног в Великий четверг — помещены молитвы святого умовения, которые бывают в монастыре (αἱ γινόμεναι ἐν τοῖς μοναστηρίοις) [Дмитриевский 1895: 549], т. е. этот кафедральный обряд представлен в монастырском варианте. Умовение ног было и в Студийском монастыре, оно тоже происходило в притворе храма; видимо, эту практику перенимали многие столичные монастыри.

Сравнение трех славянских списков с греческим оригиналом XI в. показало, что ближе всего к греческому тексту оказывается рукопись *Гильф.21*. В ней до мельчайших подробностей переданы особенности *Coisl.213*, более того, она позволяет восстановить лауну в *Coisl.213* в начале службы. Установление такого близкого греческого соответствия славянскому переводу — редкая удача при изучении славянского богослужения, т. к. большинство славянских последований имеет серьезные отличия от тех греческих оригиналов, которые сохранились до наших дней и введены в научный оборот.

Женский постриг начинался после отпуска утрени: за ним были записаны седальны, после их окончания была помещена рубрика о том, что игуменья берет за руку девушку, которая собирается принять постриг, и ведет ее в церковный притвор. Здесь уже все подготовлено для умовения ног. Все сестры идут туда со свечами и поют стихиру **Въсѣлѣ-доуѣмь сестры ѿгмоуѣ вѣдцѣ** [л. 37об.]. Они приходят в притвор и начинают службу умовения ног, отличавшуюся от кафедральной службы.

Она состояла из трех антифонов, после которых произносилась ектения и молитва **Г҃и прѣбл҃гыи·непристоупныи бж(с)твомъ** [л. 38об.]. На этой молитве заканчивается лакуна в *Coisl.213*. Далее следует главопреклонная молитва **Влѣдо г҃и славы показавыи намъ мѣроу смиренниа** [л. 39]. Отметим, что именно эти две молитвы предписывается читать в монастырском чине умовения ног в Евергетидском типиконе [Дмитриевский 1895: 549], в Студийско-Алексеевском уставе они не отмечены [Пентковский 2001: 251–252].

Затем читаются две перикопы из Евангелия от Иоанна и следует само умовение, которое совершает игуменья. Поются стихира **Оумы мнѣ ногѣ, ч(с)тнаа мѣти** [л. 39об.], тропарь и богородичен. После окончания обряда сестры умывают лица водой, которой происходило умовение ног. На эту же практику указывает и славянская версия константинопольского кафедрального чина умовения ног в Великий четверг, однако о ней умалчивает Студийско-Алексеевский устав, распространенный на Руси в XI–XIV вв. В *Coisl.213* в этом месте находится лакуна, но ее можно восстановить по переводу эпохи митрополита Киприана, сохранившемуся в некоторых славянских рукописях [Афанасьева et al. 2019: 232].

Далее все возвращаются из притвора в церковь и поют тропари пятой песни канона Великой пятницы. Они полностью записаны в *Гильф.21*, но отсутствуют в *Coisl.213*, где для них было оставлено место. Затем начинается литургия, на которой поют особые антифоны, предназначенные именно для женского пострига: здесь основную тему составляет обручение с небесным женихом и ожидание его с горящим светильником:

Отврьзи ми оутробоу члвколюбиа си х҃е б҃е любецеи те·прин-ме хотецю въ сабдѣ тебе·краснааго жениха моего; Распни оуды х(с)любиваа·оумрътви стр҃сти въздржаникмъ·и къ женихоу си тыци·и зови гдѣ пасеши женихоу; Ѡекаѣ оупо(д)вихѣсе мѣнци·павлоу же повиноувшисе зовоу [л. 40–41].

Упоминание Феклы, спутницы апостола Павла, ради которого она бросила отчий дом, несколько раз встречается в песнопениях женского пострига. Содержание песнопений было подробно рассмотрено Н. Ф. Красносельцевым: он указал, что данное последование отражает древнюю традицию постригов в церковные девы, ее отголоски мы встречаем у древних авторов и в деяниях Вселенских соборов.

По окончании пения антифонов священник задает вопросы постригающейся, но в обеих рукописях (и в *Coisl.213*, и в *Гильф.21*) они не выписаны; как указано в рукописях, они такие же, как в мужском постриге. Далее следует острижение волос, которое предписано совершать

сестрам в дьяконнике, а затем они ведут постригающуюся в простой сорочке ко входу в церковь. После чтения Евангелия поются особые антифоны, предназначенные для женского пострига. Во время их пения постригающаяся доходит до амвона, потом встает перед святыми вратами, и священник, взяв ее за руку, вводит в алтарь. В этот момент поется стихира о том, что открывается небесный чертог и заключается небесный брак.

В алтаре происходит одевание новопостриженной, после чего священник читает молитвы, не записанные в обеих рукописях (тоже дается отсылка к мужскому пострижению). В это время поются стихиры «женам», в которых красной нитью проходит тема небесного брака. Потом новопостриженная целует святое Евангелие, которое держит дьякон вне святых дверей, а за ней целуют его игуменья и сестры. Во время целования поются стихиры о встрече небесного жениха.

После окончания литургии монахини вместе с новопостриженной идут в трапезную и поют стихиры. После трапезы все возвращаются в церковь и по дороге поют азбучные стихиры Андрея Критского, также предназначенные для женского пострига. В рукописи *Coisl.213* отмечены киноварью инципиты каждой четвертой стихире, т. е. выделено начало четырехстрочного тропаря, а три другие его строки не обозначены. В современном гимнографическом справочнике С. Евстратиадиса, к сожалению, приведены только первые строки тропаря, а остальные стихи не указаны, поэтому азбучный акростих не виден [Eustratiades 1935: 462]. Единственный греческий список, содержащий азбучные стихиры Андрея Критского на постриг монахини, передан в нем не полностью. Представим эти азбучные стихиры на следующей схеме:

А	Е	І	Ν	Ρ	Φ
β	ζ	κ	ξ	σ	χ
γ	η	λ	ο	τ	ψ
δ	θ	μ	π	υ	ω

В конце каждого тропаря, т. е. в строках, начинающихся с δ, θ, μ, π, υ и ω, дан возглас, служащий своеобразным припевом к тропарю в целом, он вводится причастием въпѣюще: ω **хѣ** мон **бжѣ**ствѣне **слове**· **дшю** мою **оутвѣ**ди· **к тебѣ** **притѣ**кати· **тебѣ** **рабо**тати· **твою** **сѣ**тѣнь **съблю**дати **заповѣ**ди — βοῶσα, ὦ Χριστέ μου, θεῖε Λόγε, τὴν ψυχὴν μου στήριξον, σοὶ προστρέχειν, σοὶ δουλείαν, σοὶ συντηρεῖν τὰς ἀγίας ἐντολάς. Азбучный акростих в славянском переводе, к сожалению, не передается.

После окончания трапезы поются другие стихиры на тот же глас, где также основная тема — небесный брак. Потом все встают, игуменья

ведет новопостриженную в церковь, и все поют стихиру Гѣ̑ гѣ̑ призри с нбѣ̑ [л. 47об]. На этом греческое последование заканчивается.

В славянском чине добавляется рубрика о пребывании новопостриженной в церкви 7 дней без всякого дела, а на 8-й день священник читает над ней молитву на снятие куколя, как и в мужском постриге. Отсылка к мужскому постригу в *Гильф.21* свидетельствует, что предполагалось чтение молитвы **Многѣ̑мѣ̑стивѣ̑ гѣ̑ даровавыи равоу̑ твоѣ̑моу̑ сѣ̑моу̑** [л. 36об.]. Данная молитва не соответствует молитве **егда сняти коукоуль** в мужском постриге из Синайского глаголического евхология XI в.; в последнем читается совсем другая молитва, неизвестная в греческих списках и находящаяся еще в одном славянском требнике РНБ, *Греч.70* [л. 8об.], также происходящем с Синая. По-видимому, добавление молитвы на снятие куколя в славянском переводе женского пострига — это нововведение по сравнению с *Coisl.213*. Сильное влияние чина мужского пострига на женский приводило к тому, что последний постепенно восполнялся молитвами и литургическими действиями из мужского. Это хорошо видно по отсылкам из женского пострига к мужскому (вопросы священника постригаемой) в *Coisl.213*, и по *Гильф.21*, где таких отсылок гораздо больше, чем в греческом евхологии. Видимо, на рубеже X–XI вв., когда составлялась рукопись *Coisl.213*, в чине женского пострига молитвы на снятие куколя еще не было. Таким образом, славянское последование восходит к более поздней греческой традиции, когда формируется конечная часть женского пострига: действия и молитвы на 8 день после принятия женщиной монашеского обета. Именно с такого более позднего последования и был сделан славянский перевод. Учитывая, что монастырь Богородицы Благодатной и его богослужebная практика формировалась в XI–XII вв., влияние мужского пострига, как нам представляется, здесь проявлялось в большей степени. После захвата Константинополя в 1204 г. традиция особого пострига в монахини в Константинополе, видимо, была утрачена. При восстановлении богослужения в палеологовское время женские постриги стали совершаться так же, как и мужские, о чем свидетельствует евхология XIV в. константинопольского женского монастыря Спаса Филантропа.

Итак, исследуемый чин женского пострижения, на наш взгляд, восходит к константинопольскому богослужению до латинского завоевания. Его славянский перевод мог быть сделан у южных славян в начале XIII в., в эпоху восстановления славянской письменности и богослужения после византийского завоевания Первого Болгарского царства. На Русь этот текст мог попасть в конце XIII в. вместе с другими богослужebными и каноническими книгами — с Сербской кормчей и новым литургическим тетром. Однако этот чин употреблялся редко,

его следующий список *ТСЛ.229* начала XV в. по сравнению с *Гильф.21* сильно сокращен: здесь совпадает только первая часть службы, умовение ног и пение антифонов.

После реформ митрополита Киприана в конце XIV в. постриги мужчин и женщин перестали отличаться друг от друга. Об этом свидетельствуют ответы митрополита Киприана игумену Афанасию, где постулируется, что постриги мужчин и женщин одинаковы: «пострижение чернецам и черницам едино есть, но токмо молитвы, егда прочитають постригалныя, и приидет ижеде имена святых и преподобных отец написана суть, тогда пременять имена на преподобных святых жен» [РИБ 1880: 256].

На рубеже XV–XVI в. на Руси делается попытка возродить особые чины женского пострига, она отражена в четырех русских рукописях: двух, содержащих полное последование — *Солов.1086/1195*, *Олон.34*, и двух с сокращенным последованием — *Арханг.1193* и *Сол.1085/1194*. Полное последование наиболее близко к *Гильф.21*. По публикации Красносельцева мы можем видеть, что в требнике *Солов.1086/1195* есть вопросы женщине, принимающей постриг, и длинное поучение священника: **Блюди сестро, каковаа обѣтованнаа даеши...** Данного текста нет в старших списках *Гильф.21* и *ТСЛ.229*. Как показало наше сравнение различных редакций постригов, данный текст — это заимствование из более поздней редакции мужского пострига, которая появляется в конце XIV в. и зафиксирована в сербской рукописи *Q.n.I.61*. Однако в русской рукописи это увещание приспособлено к постригу монахини: вместо «*брате*» везде поставлено «*сестро*».

В требнике *Солов.1086/1195* по-другому описано пострижение, и это описание отредактировано под влиянием более поздней практики, пришедшей на Русь в конце XIV в. Здесь вставлена молитва **Преждедрын бѣ и мѣтивын сын иже прѣстаа оутровы своѣа...** [Красносельцев 1889: 159], которой нет в *Гильф.21*, но эта молитва есть в Афонской редакции великого пострига, и перевод в *Солов.1086/1195* полностью совпадает с рукописью *Q.n.I.61*. Ножницы для подстригания подаются священнику на евангелии, в *Гильф.21* такой рубрики нет. Далее следует молитва главопреклонения **Бѣын ги силъ оче га нашего іс хъ бл҃гви рабоу свою сію нѣрк юже избра десница твоя** [Ibid.: 161], которая в *Гильф.21* отсутствует. Нет сомнения в том, что в *Солов.1086/1195* вставлен целый блок из более поздней Афонской редакции: поучение к постригающейся, молитва за нее и молитва главопреклонения. Подобным образом в последование вставлены молитвы в Афонском переводе, читающиеся в конце пострига: **Ги бѣ нашъ вѣрнынъ въ обѣтованни своѣмъ и Ги бѣ нашъ введеын рабоу твою нѣрк в дѣвнынъ твон дворъ**. Их текст совпадает с *Q.n.I.61* и

отличается от редакции этих же молитв в мужском постриге *Гильф.21*. Кроме того, азбучные стихиры Андрея Критского в *Солов.1086/1195* не упоминают его как автора, авторство сохраняется только в *Гильф.21*. При этом в *Солов.1086/1195* имеется последний тропарь из четырех азбучных строк, который в *Гильф.21* пропущен по непонятным причинам. Строфа восстанавливается только по поздним спискам: *Хранитисѧ ѿ двѣ ты наоучисѧ заповѣди . радѡчисѧ и веселисѧ дѣєю радѡючисѧ о хѣ и пѣснми и пѣніи того чтѹще вѣрно тако ѿа и спаса и црѣа славы немолчно въпѡюще ѡ хѣ мон вѣји словѣ . дѣю мою соблюди к тебѣ притѣкати·.*

Все приведенные особенности свидетельствует о том, что на Руси в конце XV в. была сделана попытка восстановить древнюю традицию женского пострига, однако в результате получилось смешанное последование, совмещающее древнюю константинопольскую практику XI–XII вв. и практику мужского пострига конца XIV в. Списки этого чина пострижения в монахини использовались нечасто, они сохранились только в некоторых требниках. Подавляющее число рукописей XV в. содержат общее для мужчин и женщин пострижение в великую схиму.

2. Исторические данные о женском монашестве на Руси и на Балканах

Чтобы понять степень востребованности и особенности распространения специального чина пострижения в монахини в славянской традиции, кажется необходимым поставить вопрос о сравнительной истории становления и развития женского монашества и женских монастырей на Руси и на Балканах. Данная часть нашей статьи посвящена реконструкции средневекового исторического контекста на основании анализа конкретных примеров: мы рассмотрим истории женщин, принявших монашеский постриг, основавших монашеские общины или возглавивших монастыри, сменивших светское имя на иноческое, живших в монастырях либо «в свету» в монашеском статусе.

Как следует из чина женского пострига, постригаемая обручается Христу как небесному жениху — именно это отличает этот чин от «стандартного» текста монашеского пострижения. Встает вопрос, насколько это гендерное отличие могло иметь значение в средневековых реалиях византийского, балканского или древнерусского ареала. С социальной точки зрения можно говорить о нескольких наиболее распространенных мотивах для принятия монашества женщинами: монашество как альтернатива браку для незамужних девушек (для знатных, желавших избежать нежеланного замужества, или для бедных, лишенных шанса на замужество из-за отсутствия приданного); принятие монашества вдовами после смерти супруга (как предпочтительная с христианской

точки зрения альтернатива второму браку, а также как гарантия содержания вдовы монастырем). Причиной мог стать распад семьи: женщина отправлялась в монастырь, оставляя мужу шанс на новый брак (вместо или после развода, например, по причине бесплодия женщины); в некоторых случаях жен правителей насильно постригают в монахини, освобождая место для более выгодного династического союза [Garland 1999: 137]. Нередким было принятие монашества обоими супругами по обоюдному согласию, часто по причине бесплодия или на старости лет¹.

Символическое обручение Христу, по идее, имеет смысл только в первом случае: если монашеский постриг принимает девушка, которая прежде не была замужем и предпочла таким образом небесного жениха земному. В других случаях, если женщина уже ранее была супругой в светской жизни, то, принимая монашество, она скорее «следует Христу», отказывается от благ земной жизни, выбирает жизнь ангельскую, как в случае с мужским постригом, однако идея обручения Христу, «повторного брака» с Христом кажется в таком случае менее логичной для Средневековья.

При обращении к средневековым источникам становится ясно, что сведения о женском монашестве в православной традиции у славян крайне скудны. Известны в основном истории о постриге жен или сестер правителей, а также о ктиторстве, когда женщины, в том числе знатные, становились основательницами монастырей и принимали постриг. Так, например, прославилась Феодора Синадена, основавшая женский монастырь Богородицы Твердое Упование в Константинополе начала XIV в. для того, чтобы вступить туда со своей дочерью Евфросинией [Delehayе 1921: 18–105; BMFD IV: 1487, 1512–1579, № 57]. Представления исследователей об особенностях женского средневекового монашества во многом опираются на источники и традиции Нового времени. Мы попытаемся проанализировать сведения, касающиеся истории женского монашества в средневековых Болгарии и Сербии, а также в Древней Руси вплоть до конца XIV в. Нашей основной задачей при этом является контекстуализация сведений о чине пострижения в свете исторических данных о женском постриге и женском монашестве.

Из ответов папы Николая I болгарскому царю Борису (866 г.) известно, что царь интересовался, является ли грехом пострижение вдов в монахини против их желания (*si mulierem viduam nolentem monachicam*

¹ Так, например, из актов Лавры св. Афанасия на Афоне известно о бездетной паре провинциальных ктиторов Гликерии и Иоанне, живших на рубеже X–XI вв. на греческом острове Скирос, решивших на старости лет принять монашество и переделать свой дом в монастырь, завещав его в качестве метохия Лавре [Actes de Lavra I: 159; Malamut 1988: 476–477, 515; Neville 2014].

vitam suscipere quis monacham fecerit, peccatum comittat). В главе 87 папа четко осудил такую практику насильственного пострижения, поскольку в таком случае принуждающий к постригу совершает грех; для монахини такой постриг также не является добродетелью, ведь для нее монашеская жизнь не стала итогом ее собственного выбора [ЛИБИ 2: 116–117]. Неясно, насколько вопрос царя Бориса был продиктован социальной ситуацией в Болгарии или наличием в его собственном семействе и окружении большого количества вдов [Николова 2010: 569]. Из постановки вопроса, однако, очевидно, что такая практика насильственного пострижения вдов в Болгарии IX в. существовала и была востребована.

Один из наиболее ранних известных примеров женского пострига у южных славян — монашество княгини Косары², дочери или родственницы болгарского царя Самуила (976–1014), супруги и вдовы князя Дукли Иоанна-Владимира [Пириватрић 1997: 105–106]. По версии Хроники попа Дуклянина, после того, как ее муж был убит в 1016 г. (с точки зрения агиографии, принял мученическую кончину), горящая вдова князя Косара забрала останки мужа и положила его мощи в саркофаг в церкви святой Марии на острове в Скадарском озере. Сама она приняла монашество, жила святой и праведной жизнью и после смерти была погребена в той же церкви, у ног своего мужа (*Uxor vero Vladimiri, Cossara, sanctimonialis effecta, pie et sancte vixit, et in eodem templo sepulta fuit ad pedes viri sui*) [Monumenta montenegrina 2001: 57]. В сообщении католического епископа Скадра Конгрегации веры (1696 г.) утверждалось, что монастырь при церкви Пречистой Богородицы Краинской на Скадарском озере был основан самой Косарой (в монашестве Феодорой) [Degrand 1901: 117; Веселиновић 1909: 171]. Вероятно, Косара действительно основала церковь или монастырь на острове, иначе трудно объяснить, на каком основании ей удалось получить разрешение на установление саркофага для супруга и для себя в помещении церкви. Однако неизвестно, где вдова святого князя приняла постриг, по какому обряду, основала ли она и женскую общину при монастыре и продолжала ли жить там после принятия пострига.

Немного известно о женском монашестве в домонгольской Руси. В Киеве во второй половине XI в., по-видимому, существовало несколько женских монастырей, в том числе монастырь св. Николая на Днепре и монастырь св. Андрея. Сведения о женских монастырях содержатся в Повести временных лет, а также в Киево-Печерском патерике, в котором повествуется о матери святого Феодосия, вдове, принявшей постриг

² В сербской историографии Косара-Феодора традиционно считается «первой сербской монахиней» [Веселиновић 1909: 171; Грујић 1932: 239].

в монастыре св. Николая и жившей в нем до смерти [КПП 1991: 27]. Этот монастырь, вероятно, находился под особым покровительством княгини Гертруды, поскольку Феодосий обращался к ней с просьбой пристроить его мать в монастырь. Киевский князь Всеволод считается основателем женского монастыря св. Андрея (1086)³, в котором приняла постриг его дочь Янка. Она, по-видимому, стала первой игуменьей монастыря, собрав общину инокинь и организовав их в соответствии с «монастырским чином»:

Всеволодъ заложѣ ц[є]рк(о)вь с(вя)т[о]го Андрѣя при Иванѣ пр[є]п[о]д[о]б[н]омъ митрополитѣ. С[о]твори оу ц(є)рк[к]ви тоа монастырь, в нем же постриже(с)[є] дщи его дѣвою именемъ Іанька. Она же Іанка, совокупивши черноризици многи, пребываше с ними по монастырскому чину [ПСРЛ 2: 137].

Если в случае с матерью Феодосия речь идет о постриге вдовы незначительного рода, поступившей в монастырь по покровительству княгини, то Янка была девушкой княжеского рода, принявшей монашество в княжеском монастыре, специально для нее основанном. В обоих случаях можно говорить о существовании женских монашеских общин, членами или предстоятельницами которых становились постригаемые. Летописец подчеркнул каноничность устройства этого женского монастыря, его соответствие монашеским правилам [Leber 2019: 264–266]. Оба монастыря были частью киевского городского пространства⁴.

Из жития древнерусской святой Евфросинии Полоцкой (1101/1105–1173), внучки полоцкого князя Всеслава, известно, что Предслава (Евфросиния) в возрасте 12 лет решила принять монашеский постриг, чтобы избежать предстоящего замужества. Агиограф представил ее решение как осознанную критику брака и семейной жизни:

како се бѣде(т), вже ѡ(т)[є](ц) ми мыслѣти припрачи ма мѣжеви. То аще тако бѣде(т), то печали мира сего, никакоже азѣ гонѣньноути. Паки в собѣ рече: “Что бѡ оуспѣша преже насѣ бывшии родове наши – женишася, посагаша и княжиша, нѣ не вѣчноваша. Житїе и(х) мимо тече, и слава и(х) погине, како пра(х) и хѣжее паоучины [Волок.216, л. 208a]⁵.

³ По мнению Ю. А. Артамонова [2019], Андреевский монастырь в Киеве должен рассматриваться как «двойной монастырь» (по аналогии с византийской практикой двойных монастырей [Mitsiou 2014]). В историографии утверждается, что в Киеве в домонгольский период было четыре женских монастыря. Общее число женских монастырей в древнерусских городах этого периода колеблется между 12 и 17 [Емченко 2011: 179].

⁴ Поскольку тема пострига многочисленных супругов и вдов древнерусских князей в монахини достаточно хорошо известна в историографии [Емченко 2002; Eadem 2011; Успенские 2017: 222–225], в дальнейшем будут рассматриваться подробно только примеры пострига дев в Древней Руси.

⁵ Житие здесь рассматривается по списку [Волок.216, л. 206a–221a] (XVI в.).

Такой пример не устраивает Предславу, она хочет следовать святым женам-подвижницам и мученицам, которые предпочли земному жениху жениха небесного:

А и(ж)[е] прежіиѧ жены, вѣземше мужскѡу крѣпость, пондоша вѣ слѣ(д) Х[рист]а, жениха своего, предаша телеса сво(а) на раны и главы своа мечевн, а дрѡгыа, аще желѣзоу выа своа не преклоннша, нѣ доуховнымъ мече(м) ѡсѣкоша ѡ себе пло(т)скыа сласти, предавше телеса своа на постѣ и на бдѣніе, и колѣнное поклананіе, и на землиа леганіе, то тѣи соутѣ паматни на земли, и имена и(х) написана на н[е]б[е]с[е]х(х), и тамо съ агг[е]лы без престани славатѣ б(о)га... [*Волок.216*, лл. 208а–209].

В отличие от киевской княжны Янки, Предслава отправляется втайне от родителей в уже действующий женский монастырь в Полоцке, где она хочет постричься в монахини и быть по(д) игуменьей княгиней Романовой и повинѡущисѧ се[с]тра(м) [л. 209]. Игуменья сперва отказывается ее постричь, возрѣвши на юность еѧ и опасаясь преследования со стороны князя. После того, как юная княжна ее переубедила, игуменья согласилась.

И ѡгласнѣ ю їерѣи, и встриже ю, и нарече имѧ ен еѡфросинїа, и ѡблече ю в черныа ризы, и вл[аго](с)[ло]вї ю игуменїа вл[а]говенїемъ с[вя]ты(х) ѡ[т]ѣцъ, и рече ен: боудн, чадо, послѣ(д)ствоующи преже тебе бывшимъ женамъ февронїи и еѡпраїїи, и нѣх(х) множество. И(ж)[е] Х[рист]а ради пострадаша, и г[оспод]ь б[о]гъ дастъ ти побѣдѣ и силѣ на съпротивника нашего днѡвола [*Волок.216*, л. 210].

Отец и семья княжны встретили новость с жалостью, оплакивая уход девицы в монастырь как фактическую смерть для мира земного. Ее решение вступить в монастырь до замужества выглядит исключительным по крайней мере для девушки княжеского рода. Очевидно, что Евфросиния при этом не прерывала контактов со своей семьей. Она постригла в монахини свою сестру Городиславу, вызвав гнев отца, который потерял второй шанс выгодно выдать дочь замуж. Другая богатая княжна Звенислава сначала пожертвовала солидные вклады в монастырь, а затем попросила Евфросинию о постриге. Средства Звениславы, по-видимому, вместе с вкладами из княжеской казны послужили для основания и строительства женского и мужского монастырей св. Спаса в Полоцке. В основанном ею женском монастыре Евфросиния стала игуменьей. В житии она выступает настоящим миссионером, обладающим особым даром видеть предназначение девиц и мотивирующим других девушек следовать Христу: Данъ же вы[с]тъ даръ вл[а]женнєи еѡфросинїи ѡ б[о]га, аще кого зрѡше очима своимѧ, то ра(з)умѣаше, в коемъ ч[е]л[о]в[е]цѣ сосоуд(д) боудеть избранъ б[о]гови [*Волок.216*, л. 220а]. Этот дар привел к

новому конфликту: она обратилась к племянницам, княжнам Кироанне и Ольге, и сообщила им: **Хощѣваю шбрѣчити женихѣ безсм[ѣ]р(т)номѣ и ввєстѣ в чертогѣ ц[а]р(с)тва єго [л. 220а].** Несмотря на сопротивление родителей, но с согласия самих девиц, местный епископ Дионисий был призван постричь княжон в монахини. Новоиспеченных монахинь Агафию и Евфимию Евфросиния вместе с основанными ею монастырями оставила на попечение своей сестры монахини Евдокии, а сама, **взємши мѣжескою крѣпость,** отправилась в паломничество в Иерусалим [Волк.216, л. 222; Белякова 2011: 71; Емченко 2011: 180–181].

В Сербии Неманичей первый пример женского монашеского пути показала супруга Стефана Немани (ок. 1168–1196), мать св. Саввы Анна [Грујић 1932: 239]. Известно, что постриг она приняла совместно с мужем в монастыре Студеница в 1196 г. Ее решение объясняется в разных версиях жития св. Стефана (Симеона) Немани желанием во всем следовать мужу. Если в житии Симеона Доментиан (ок. 1210–1264) пишет, что Анна последовала мужу и **светыимъ боголюбивыимъ дѣламъ** [Даничић 1865: 44], то в житии св. Саввы того же автора (1243) говорится, что идея Анны принять постриг была связана с желанием следовать **светыимъ великыимъ царицамъ,** а также сыну — святителю Савве, который, последовав Христу, подал пример и своим родителям [Даничић 1865: 152]. Если сравнение с «девами» можно объяснить сходством с текстом чина женского пострига, то очевидно, что сравнение с «царицами» скорее было призвано соответствовать социальным и историческим реалиям, при которых жена и мать правителей и святителей, принимая монашество так же, как ее муж и сын, в своей монашеской роли «матери Анастасии» открывает путь монашества и святости для женщин из династии Неманичей. В сербских помянниках она упоминается как монахиня Анастасия, супруга св. Симеона. Эти два понятия — монахиня и супруга — явно не исключали друг друга в понимании современников [Leber 2018: 190]. Монастырь Топлица в Куршумлии, который, вероятно, был основан совместно обоими супругами [САНУ446: 1216–122а]⁶, стал местом пребывания Анны-Анастасии после принятия пострига; там она, по-видимому, управляла действующей женской монашеской общиной [Ђоровић 1939: 21]⁷.

Супруга болгарского царя Ивана Асеня I (ок. 1190–1195), «новая и благочестивая царица» Елена, мать царя Ивана Асеня II (ок. 1218–

⁶ По мнению В. Марковича, Стефан Неманя основал первым делом женский монастырь Топлица, поскольку на тот момент существовало слишком много мужских монастырей [Марковић 1920: 45]. Однако его версия не подкреплена источниками.

⁷ Возможно, что дочь Стефана Немани и Анны Вука приняла монашеский постриг и имя Евфимия [Грујић 1932: 239].

1241), упоминается как **въземшон на сѧ агг[ε]λ[ъ]скыи ѡбразъ** Евгения в Бориловом Синодике [БС 2012: 165; Божилов 1994: 35]. Первая супруга Ивана Асеня II, Анна, брак с которой был признан незаконным, приняла монашеский постриг, чтобы обеспечить царю возможность союза с венгерской принцессой Анной Марией. В Бориловом Синодике она упомянута как монахиня Анисия [БС 2012: 165]. После смерти Анны Марии Венгерской в 1237 г. царь женился на дочери эпирского правителя Ирине Комниной. Овдовевшая Ирина с сыном — царем Михаилом Асенем — была изображена на ктиторском портрете на западном фасаде базилики Таксиархеос в Кастории (вероятно, за существенный вклад в ее строительство). Сопровождающая надпись гласит: +Δεησις τοῦ δουλου του Θεου Μιχαηλ Α[σάνι υἱοῦ τοῦ μεγ]αλου βασιλε[ως τοῦ Ἀ]σανι και της μητρος [αὐτοῦ] Εἰρηνης Θεοδώρου Κυ[ριας Κ[α]Τ[ό]ριας [Kalopissi-Verti 1992: 95]. На ктиторском портрете, датируемом периодом между 1246 и 1253, Ирина Комнина изображена как правительница, а не как монахиня⁸. Вероятно, лишь после смерти сына царя Михаила I Асеня (1256) Ирина была вынуждена принять монашеский постриг под именем Ксения. Так говорится о ней в синодике: **и Ирѣѣ, вл(а)гочѣстивѣи м(а)т[ε]рѣи хр[и]ст(о)любовиваго ц(а)рѣ Мѣхѣла. наречениѣи въ мнишьскомъ образѣ ѡени, вѣчнаа памл(т)[ъ]** [БС 2012: 165; Божилов 1994: 87]. Опять же неизвестно, в каком именно монастыре Ирина приняла монашество, жила ли она когда-либо в монастыре — или для вдовы сам факт изменения статуса на монашеский был достаточным для конкретных политических и социальных целей [Николова 2010: 564].

Древнерусская святая Евфросиния Суздальская, дочь черниговского князя Михаила Всеволодовича (ум. 1245), прославилась своей подвижнической жизнью, подробности которой известны благодаря житию, написанному существенно позже, в XV/XVI вв. [Емченко 2011: 182–183]. По его версии, княжна Феодулия отправилась в 1233 г. в Суздаль, чтобы заключить брак с князем Феодором Ярославичем, братом Александра Невского. Накануне отъезда Феодулии было видение: Богородица объявила ей, что ни «скверна мира сего, ни же сочтание обрученного ти» Феодулию не коснутся, «но Параклитом осѣняема будеши и в моеи обители дѣвственныхъ лицъ жилище имѣти имашеи» [Клосс 2001: 382–383]. Чудесным (для не желавшей замужества невесты) образом жених скончался, не дождавшись бракосочетания, а Феодулия попросила игуменью Ризоположенского монастыря постричь ее в монахини и приняла имя Евфросиния. И здесь в обращении игуменьи к новой монахине звучит тема обручения Христу: «Рече же еи игумения:

⁸ О дискуссии в историографии и различной интерпретации ктиторского изображения в Кастории см.: [Leber 2018: 295–296].

“Христос, Ему же ты обручена, зять небесный, Тѣи ты достоину сотворит невѣстника Своего» [Ibid.: 384]. Несмотря на княжеское происхождение, Евфросиния предпочла оставаться простой монахиней в монастыре, однако она выделялась своим образованием. Как и Евфросиния Полоцкая, она подавала пример монашеского пути другим женщинам, пророчествовала и т. д. С точки зрения истории монашества интерес вызывает описанная в ее житии практика отделения девиц-монахинь от монахинь с опытом брачной жизни:

Бѣ же у великиа тоя игумении сицевъ чин уставися во обители: отнеле же Еуфросиниа влѣзе в монастырь, дѣвы избираше нескверныя во обитель Пресвятыа Богородицы, и тако проименова ю девичею обителью. А иже жены мужатицы или вдовыя, то в другую обитель посылаше и ту постризае их [Ibid.: 390].

Для дев-монахинь Евфросиния основала отдельную церковь и помещения. При этом она запретила светским замужним женщинам вступать в контакт с монахинями-девушками, они могли общаться только с монахинями, имевшими опыт семейной жизни: «заповѣда же девицам черноризицам с мужатыми женами бесѣдовати, но точию с девицами. Жены же посылаше ко второй инокыням в другую обитель» [Ibid.: 390]. Можно предположить, что такое деление могло отражаться и на чине пострига, который отличался бы в случае пострига девиц от пострига жен и вдов. Очевидно, что в Суздале, как и других древнерусских городах, в женских монастырях было достаточно обеих категорий монахинь. Однако только на основании этого жития трудно сказать, насколько четко такое разделение между девами и женами практиковалось в женских монастырях середины XIII в.; возможно, оно является продуктом представлений русского епископата начала XVI в., перенесенным на более раннюю эпоху.

При этом в другом, менее известном древнерусском житии княжны Софии Ярославны Тверской [Клосс 2001: 204–206; Кучкин 2006: 110–113] встречаются указания на то, что разница в статусе дев и жен среди монахинь была совершенно очевидной и служила поводом для конфликтов в основанном ею женском монастыре. В отличие от обеих святых Евфросиний, София была пострижена в 1294 г. «в манастыри в моужскомъ святого архистратига Михаила» тверским епископом Андреем и игуменом монастыря Юрием. По-видимому, она не меняла имя при постриге, по крайней мере, в житии нет указаний на ее альтернативное «светское» имя [Успенские 2017: 85]. По мнению В. А. Кучкина, выбор места для пострига объяснялся тем, что в Твери на тот момент не существовало женского монастыря. Уже будучи монахиней, София основала

женскую обитель св. Афанасия [Кучкин 2006: 108, 110]. Среди текстов, вдохновлявших княжну на монашеский путь, агиограф называет «Жития прежних святыхъ дѣвъ Феклы, Февронии, Еоупраксии и прочих, како презрѣша славоу мира сего» [Ibid.: 111]. Если имена мучениц Февронии и Евпраксии встречаются в двух других женских житиях — Евфросинии Полоцкой и Евфросинии Суздальской, — то имя Феклы, спутницы апостола Петра, упомянутой в рассматриваемом выше чине женского пострига, появляется впервые. В речах к монахиням София много внимания уделяет теме девственности:

Лѣпо было комоуждо насъ того бояться, понеже дѣвы есмы. И паки о семъ молю вы, сестры, бога ради не оукаряйте стариць, глаголющи: мы дѣвы. Блюдите сего, еже глаголетъ писание: мнози от блудницъ дѣвы быша и мнози дѣвство соблюдше прокажены быша [Ibid.: 112–113].

С одной стороны, София безусловно подчеркивает важность монахинь-дев: они отдали предпочтение сохранению девственности и посвящению Христу, отказались от статуса, богатства, замужества и т. д. С другой стороны, из этой цитаты следует, что в тверском монастыре св. Афанасия жили также пожилые монахини с опытом брачной жизни (в первую очередь — вдовы [Сидоров 2002: 149]), которые явно не пользовались уважением у монахинь-дев, что вызвало реакцию Софии. И здесь возникает тот же вопрос, как и в случае с разделением монастырей и монашеского пространства в житии Евфросинии Суздальской: возможно ли, что разница в отношении к монахиням разного брачного статуса закладывалась уже на уровне чина пострижения? Также неясно, в каких случаях постриг осуществлял епископ: влияли ли на почетность обряда девственность или знатность постригаемой персоны?

В сербских и болгарских источниках конца XIII–XIV вв. известны примеры женского пострига жен и вдов правителей, а также некоторых знатных вдов, щедрых по отношению к церкви. Знаменитая сербская королева западного происхождения Елена Анжуйская приняла монашеский постриг около 1276 г., после того, как ее муж король Урош I (ок. 1243–1276), свергнутый сыном Драгутином, покинул престол и принял монашество под именем Симеон. Сербский архиепископ Данило, современник королевы, пишет в житии Елены о ее постриге очень лаконично:

призвавши же христоролюбиваа единого (*нарочитааго отъ) чрьньць своихъ, всьсѣхъстѣнааго старьца глаголѣмааго Иова, и отъ роуки того приять мнишьскыи образъ въ црькви светааго Николы въ славьнѣмъ градѣ Скъдрѣ. По сихъ аньгельскыи образъ прикъмши, и въ томъ наречена бысть монахиня Юлена [Даничић 1866: 84].

Неизвестно, по православному или латинскому обряду Елена была пострижена в Скадаре. Архиепископ подчеркнул, что она приняла не только «монашеский образ» (малую схиму), но и «ангельский образ» — большую схиму, что соответствовало широко распространенной в средневековой Сербии практике. При этом, несмотря на обе схимы, Елена сохранила свое светское имя, тогда как, например, вдова Стефана Душана царица Елена дважды меняла имя при постриге и принятии большой схимы⁹. Принять монашество для Елены означает, с точки зрения агиографа, преклонить выю под «нго Хрнстово», жить «безм[о]львьствоушти въ вьса-цѣмь исправлнии ч[е]рьнь[и]чъ[е]сцѣмь днь и ношть не въкоушаюшти въ сласть сына или покоя даюшти тѣлоу свокому» [Даничић 1866: 84]. Однако в этом описании монашеской жизни нет ни одного намека на то, что Елена была связана с каким-то конкретным монастырем или монашеской общиной. Напротив, известно, что она, приняв постриг, жила во дворце в Брняк (Косово) [Даничић 1866: 87, 88; Веселиновић 1909: 181], а православный сербский монастырь Градац, который она основала и для которого написала устав, уже будучи монахиней, был предназначен для мужчин. Очевидно, что для архиепископа, современника Елены, и для нее самой принятие монашеского пострига не означало вступления в монастырь. Похоже, что постриг Елены был частью обоюдного соглашения супругов о прекращении брака при условии, что оба принимают постриг (так же, как в случае с Анной-Анастасией и Стефаном-Симеоном Нема-ней). По-видимому, такая практика была достаточно распространенной в средневековой Сербии, поскольку в Законнике Стефана Душана (1349 г.) в статье 196 специально оговаривалась необходимость особого разрешения епископа на пострижение супругов: **И безъ благословеніа свѣтителъ да се не постризаю ни моужіе ни жене.** [Радојчић 1960: 82]. Однако в том же Законнике было дано указание монахиням и монахам не покидать монастырей¹⁰, что, очевидно, не распространялось на жен и вдов правителей, в том числе вдову Душана царицу Елену.

Помимо того, что Елена Анжуйская сама никогда не жила в женском монастыре и активно поддерживала только мужские монастыри, она, по версии жития, помогала неимущим девицам, обучая их рукоделию,

⁹ Тот факт, что Елена сохранила светское имя, может свидетельствовать о том, что она была пострижена по латинскому обряду. Для католической средневековой традиции на Балканах перемена имени при принятии монашества не была характерной [Ostojić 1963: 54]. Еще одна сербская святая, деспотица Ангелина Бранкович, сохранила светское имя при принятии монашеского пострига [Грујић 1932: 240]. О проблеме иноческих имен и смене имен при постриге на материале древнерусских источников см.: [Успенские 2017].

¹⁰ См. статью 17 Законника Стефана Душана: **Ѡ калогѣрѣхъ: И калоуѣтернѣ и калоуѣтернице кон се постризаю тере живоу оу своихъ коукяхъ — да се нждепоуѣтъ и да живоу по манастирехъ.** [Радојчић 1960: 46].

а также, что еще важнее, помогала им выйти замуж и обеспечивала их приданым¹¹ [Даничић 1866: 69]. Получается, что Елена Анжуйская, в отличие от Евфросинии Полоцкой, не считала, что девицы должны постригаться в монастырь; видимо, она полагала, что христианская правительница должна способствовать их замужеству. Считала ли она, что монашеский путь был приемлем только для мужчин, пожилых женщин и вдов? Или, возможно, что женских монастырей в начале XIV в. в Сербии просто не существовало, поэтому они не могли служить реальной альтернативой замужеству? Такое предположение может объясняться и тем, что женские монастыри традиционно связаны с городским пространством, тогда как мужские монастыри в Сербии, наоборот, основывались вдалеке от городов.

Внучка Елены Анжуйской, дочь Милутина, Ана Неда, известная больше под монашеским именем Елена, получила особое признание в сербской традиции в качестве «сестры Стефана Дечанского», монахини Елены Дечанской (в первую очередь в XIX в.) [Тодић 2011: 17–20]. В этом культе она восхваляется как монахиня и «сестра» сербского святого; можно было бы предположить, что она «обручилась» Христу в раннем возрасте. Однако это не так. Ана Неда была женой болгарского правителя и матерью его троих сыновей. Хотя о ней практически отсутствуют данные в достоверных средневековых источниках, известно, что она была замужем за Михаилом Шишманом, видинским деспотом, а позднее — болгарским царем. В 1324 г. Михаил Шишман предпочел династическому союзу с сербской принцессой брак с византийской Феодорой Палеологиной. Ана Неда короткое время правила с сыном Стефаном в Болгарии, однако вскоре была свергнута и отправилась в Сербию. Считается, что она стала монахиней в Дечанах (мужском монастыре), где позже и была похоронена. Ей приписывается основание церкви в селе Крушево, монастыря Убожац и даже монастыря Будисавцы в Косово, что, впрочем, не доказано [Петковић 1950: 50]. Однако если в истории монашеского пути Аны Неды и есть что-то достоверное, то это невольное указание на отсутствие организованного женского монашества в Сербии первой половины XIV в.

Деспотица Кераца (Петрица), мать болгарского царя Ивана Александра и сербской царицы Елены, упоминается в Бориловом синодике как «принявшая ангельский образ» монахиня Феофана [БС 2012: 165–

¹¹ Повелѣ бо съзирати въ всен области свои нѣштинѣхъ родителъ дѣштерѣ, дѣвѣнцѣ соуштекѣ, н тѣхъ питаюштинъ въ домоу своѣмъ овозѣчавааше въсакомоу благочиннию н дѣланию роучьномуу, женьскомуу полоу приличествуюштемому; н пришьдѣшнимъ имъ въ възрѣсть отъдавааше ихъ за моужѣ нтинъ въ домѣ свои, въсакинымъ богатѣствомъ исполняюштинъ ихъ, а на мѣсто тѣхъ поставлааше дроугыкѣ дѣвѣнцѣ по образоу прѣвыныхъ. [Даничић 1866: 69, прим. 3]. По другой рукописной версии жития: Таковыкѣ бо тако н дѣштерѣ хранештинъ въ домоу своѣмъ н снѣ въдавааше за моужѣ нтинъ въ домѣ свои въсакинымъ богатѣствомъ исполняюштинъ ихъ. [Ibid.: 69].

166]. Известно, что болгарка Кераца-Феофана состояла в переписке с римским папой Бенедиктом XII¹² (как ранее сербская королева Елена Анжуйская состояла в переписке с папами Николаем IV и Бенедиктом XI [Leber 2019a: 10–11]). Этот факт стал основой для дискуссий в болгарской историографии о возможном переходе Керацы в католичество [Божилев 1994: 136–139; Георгиева 1994: 117; Николова 2010: 565–566]. Царь Иван Александр, вероятно, в принудительном порядке отправил свою первую жену Феодору (монахиню Феофану: [БС 2012: 166]) в монастырь, чтобы снова жениться. Его избранницей стала еврейка, принявшая христианство и новое имя Феодора, мать Ивана Шишмана, о которой в Бориловом синодике сказано, что она заботилась о благосостоянии церквей и основывала монастыри (Феоѡѡрѡѡ бл(а) гочѡстивѡѡи ц(а)р(и)ци...сѡѡици ѡѡ рода еврейска. Въсприемѡѡи же на сѡѡ с(вя)тое крѡѡщеніе...и ц(е)рквы мнѡѡгы обновльѡѡи. И монастырѡѡ различнѡѡ въздвигоѡи) [БС 2012: 166]. Еще одна болгарская монахиня, упомянутая в Бориловом синодике, — Десислава (монахиня Девора), теща царя Ивана Шишмана (мать первой жены Шишмана Марии) [Ibid.: 167].

Сербская царица Елена, сестра вышеупомянутого Ивана Александра и супруга сербского царя Стефана Душана, после смерти мужа приняла монашеский постриг и имя Елизавета (в великой схиме Евгения). Как и Елена Анжуйская, она не «удалялась в монастырь», а, приняв постриг, продолжала активную политическую деятельность. Известно, что она поддерживала мужские монастыри в Македонии и на Афоне, сама основала мужской монастырь Матейче в Македонии, однако единственное свидетельство о том, что она заботилась и о женских монастырях, происходит из католического города Рагуза (Дубровник). По сведениям рагузинских хроник, во время визита Душана и Елены в Дубровник (1349) Елена одарила обитель местных кларисс: “La Regina donò alle monache de S.ta Chiara de perle, zoie, argento, et molte altre cose” [Annales Ragusini anonymi 1883: 39; Пурковић 2002: 52; Leber 2019a: 18–19].

Из Моравской Сербии известно и много других примеров знатных вдов-монахинь, в том числе княгини Милицы (монахини Евгении), вдовы князя Лазаря¹³, и деспотицы Елены, монахини Ефимии, вдовы деспота Угlesi. Обе приняли постриг после того, как их мужья погибли в битве на Косовом поле. Милица считается основательницей

¹² И. Дуйчев [1937] первым опубликовал письмо Бенедикта XII болгарской царице, где понтифик упоминает о ее крещении, а в приписке — о переходе царицы в католическую веру.

¹³ О сестре деспота Лазаря — Драгане — так же известно, что она после смерти супруга челника Мусы приняла монашество под именем Феодосии и основала монастырь (возможно, женский) Введения Богородицы в месте Новая Павлица (рядом с городом Брвеник) [Марковић 1920: 125; Михаиловић, Ковачевић 1989].

монастыря Любостыня, при котором, возможно, проживала ее подруга Елена-Ефимия, хотя Милица сама активно занималась политической и ктиторской деятельностью [Марковић 1920: 131–132]. Лишь в летописи Трноша (вероятно, XVI в.; рукопись конца XVIII в.) появляется рассказ о том, что Милица

по смерти же мѣжа своего Лазара, недалеко Крѣшевца, въ Расѣн созидала манастирь зовомѣи Любостинѣ, и тамо постриглася во ѣночество и совокупила многѣа сестры наипаче великихъ госпужн которѣи вдовѣи изостаѣи по мѡужьяхъ избившихъ съ Лазаремъ на Косовѡу и тамо прѣставилася и погребена [Србский Летописац: 94].

Хотя нет оснований считать, что Милица собрала вокруг себя женскую монашескую общину, можно предположить, что, помимо Милицы и Елены, действительно были другие знатные вдовы, принявшие постриг за неимением альтернатив. С точки зрения развития культа Косовских «мучеников», также было предпочтительно представить многочисленных вдов, отправляющихся в монастырь оплакивать павших мужей. С другой стороны, очевидно, что и в этом случае женское монашество ассоциируется в Сербии только со вдовами, а исторические подробности об устройстве женских монастырей отсутствуют¹⁴. Из приведенных выше примеров видно, что похожая ситуация была характерна и для средневековой Болгарии. Принципиально отличаются сведения о монашестве девиц и развитых женских монастырях только в Древней Руси¹⁵.

3. Заключение

Среди приведенных исторических примеров наибольшее место занимают сведения о постриге жен и вдов в средневековых Болгарии и Сербии, однако практически ничего не известно о существовании организованных женских монастырей и их обитательницах. Только из древнерусских летописей и житий известно о пострижении знатных девиц (Евфросинии Полоцкой и ее родственниц, Евфросинии Суздальской, Софии Тверской).

¹⁴ Лишь начиная с XV в. можно говорить о существовании в средневековой Сербии постоянных монашеских женских общин, которые включали не только вдов и бывших супругов, но и, вероятно, девиц. По крайней мере, в этот период увеличивается количество источников, свидетельствующих о женском монашестве: в житии деспотицы Ангелины Бранкович (монахини и основательницы женского монастыря на Фрушкой горе), в грамотах о сиротах, опекаемых султаншей Марой и принимающих монашество после ее смерти, в грамотах и помянниках, свидетельствующих о донациях монахинь, на ктиторском портрете монахини Ксении, изображенной с другими монахинями в монастыре Яшунь, и т. д. См. [Пејић 2018].

¹⁵ Именно в русском языке закрепляется понятие «девичьего» (а не женского) монастыря, что также свидетельствует об устойчивой средневековой практике пострижения девиц.

В житиях такие случаи представлены как исключительно драматические, с оплакиванием девиц, отправляющихся в монастырь. Именно проживание в городском монастыре, с наличием игуменьи и других сестер, является характерным описанием в древнерусских источниках. Это отличает их от современных им сербских и болгарских источников, которые ограничиваются указаниями на принятие пострига вдовами или бывшими супругами правителей. Здесь постриг, однако, не означает отказа от участия в светской жизни, вступления в монастырь под присмотр игуменьи или основания своей женской монашеской общины. Постриг — это скорее новый правовой статус, выгодный для бывшего супруга или сыновей вдовы. Незамужняя вдова правителя является потенциальной угрозой для ее сыновей. Вдова-монахиня, напротив, имеет шанс на активное участие в политической и церковной жизни в первую очередь в средневековой Сербии, в отдельных случаях и в Болгарии.

Рассмотренные исторические свидетельства принятия женщиной монашеского пострига на Руси и на Балканах показывают, что использование в богослужебной практике особого чина пострижения девы могло происходить только в Древней Руси, где женские монастыри устраивали в городах и где в житиях сохранились упоминания о постриге девиц как особой категории монахинь, «обручающихся Христу». При этом изученное нами древнейшее последование женского пострига в сербской рукописи *Гильф.21* не имеет никаких языковых следов, которые бы свидетельствовали о влиянии на него древнерусского чинопоследования: в тексте нет русизмов, нет следов русской орфографии. Поэтому нет никаких оснований связывать этот постриг с «первым восточнославянским влиянием на южнославянскую письменность», через которое он мог бы попасть в сербские требники. В *Гильф.21* содержится прямой перевод с греческого без посредства древнерусских литургических текстов. В сербской письменной традиции этот список уникален, поэтому есть все основания предполагать, что его перевод был осуществлен без какой-то конкретной цели и он, попав в сербский требник в составе других чинов пострига, в дальнейшем не применялся на практике. В Византии XI–XII вв., до захвата Константинополя крестоносцами, особая служба пострижения дев существовала: она, по-видимому, использовалась в столичных монастырях, и эта традиция могла быть перенесена на Русь. Именно в древнерусских городах возникали женские монастыри, большую роль в основании и развитии которых играли девушки из княжеского рода, выбиравшие монашеский постриг в качестве альтернативы замужеству и супружеской жизни и проповедавшие обручение небесному жениху среди знатных девиц из своего окружения. Поэтому здесь кажется наиболее вероятным существование особого типа пострижения

для дев. Этот редкий тип монашеского пострига вряд ли имел разнообразные формы, поэтому в древнерусские монастыри, скорее всего, попало именно такое последование, как в греческом евхологии Великой церкви *Coisl.213*, славянский перевод которого не сохранился до наших дней. Тем не менее, список *Гильф.21* показывает, что древнерусское домонгольское чинопоследование женского пострига по структуре, видимо, не имело существенных отличий от сербского списка. Возможно, в нем не было окончания чина (молитвы на снятие куколя), как в *Coisl.213*, однако перевод, несомненно, отличался.

Сокращения

БАН — Библиотека Российской академии наук (Научно-исследовательский отдел рукописей), С.-Петербург

ГИМ — Государственный исторический музей (Отдел рукописной и старопечатной книги), Москва

РГБ — Российская государственная библиотека (Отдел рукописей), Москва

РНБ — Российская национальная библиотека (Отдел рукописей), С.-Петербург

САНУ — Архив Српске Академије наука и уметности, Београд

BnF — Bibliothèque nationale de France, Paris

Библиография

Источники

Рукописи

Арханг. 1193

Требник русский, БАН, Архангельское собр., 2-я половина XV в.

Волок. 632

Сборник житий и похвальных слов, русский, РГБ, собр. Иосифова Волоколамского монастыря (ф. 113), XVI в.

Гильф. 21

Требник сербский, РНБ, собр. А. Ф. Гильфердинга (ф.182), XIII–XIV в.

Греч. 70

Требник, греческо-славянский палимпсест, конволют; среднеболгарский фрагмент: XII–XIII в., РНБ, собрание греческих рукописей (ф. 906).

Един. 78

Требник русский, ГИМ, Единоверческое собр., 2-я половина XV в.

Олон. 34

Требник русский, РГБ, собр. Олонецкой духовной семинарии (ф. 212), 2-я половина XV в.

САНУ 446

«Горичский сборник», САНУ, 1441–1442 г.

Солов. 1085/1194

Требник русский, РНБ, Библиотека Соловецкого монастыря (ф. 717), XVI в.

Солов. 1086/1195

Требник русский, РНБ, Библиотека Соловецкого монастыря (ф. 717), XVI в.

ТСЛ. 229

Требник русский, РГБ, основное собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304.1), 2-я половина XIV в.

Coisl. 213

Евхологий греческий, ВнФ, cod. Coislin 213, 1027 г.

Q.n.I.61

Требник сербский, РНБ, Основное собрание рукописной книги (ф. 550), 2-я половина XIV в.

Издания

БС 2012

Божилев И., Тотоманова А., Билярски И., *Борилов Синодик. Издание и превод*, София, 2012.

Даничић 1865

Даничић Ђ., *Доментијан. Живот Светога Симеуна и Светога Саве*, Биоград, 1865.

— 1866

Даничић Ђ., *Архиепископ Данило и други. Животи краљева и архиепископа српских*, Загреб, 1866.

Дуйчев 1937

Дуйчев И., *Неиздадено писмо на папа Бенедикт XII до майката на царь Иван Александра, Известия на Историческото дружество въ София*, 14–15, 1937, 205–210.

КПП 1991

Киево-Печерский Патерик, или сказания о житии и подвигах святых угодников Киево-Печерской Лавры, Киев, 1991.

ЛИБИ 2

Латински извори за българската история, 2, София, 1960.

ПСРЛ 2

Полное собрание русских летописей, 2: *Ипатьевская летопись*, С.-Петербург, 1908.

РИБ 6

Русская историческая библиотека, 6, С.-Петербург, 1880.

Србский Летописац

Шафарик Я., предгов., Србский Летописац из почетка XVI-го столетия, *Гласник Друштва Српске Словесности*, 5, Београд, 1853, 17–112.

Actes de Lavra I

Lemerle P., ed., *Actes de Lavra*, 1: *Des Origines à 1204*, Paris, 1970.

Annales Ragusini anonymi 1883

Annales Ragusini anonymi item Nicolai de Ragnina, Zagrabiae, 1883.

BMFD 1–5

Thomas J., Constantinides Hero A., eds., *Byzantine Monastic Foundation Documents*, 1–5, Washington (DC), 2000.

Monumenta montenegrina 2001

Nikčević V. D., priprem., *Monumenta Montenegrina*, 3/1, Podgorica, 2001.

Литература

Алексеев 1999

Алексеев А. А., *Текстология славянской Библии*, С.-Петербург, 1999.

Артамонов 2019

Артамонов Ю. А., *Двойные монастыри Древней Руси, Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 1 (75), 2019, 10–14.

Афанасьева 2019

Афанасьева Т. И., Евхологий Саввы Сербского и его рецепция в Древней Руси XIII–XIV вв., *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 4 (78), 2019, 144–156.

Афанасьева et al. 2019

Афанасьева Т. И., Козак В. В., Мольков Г. А., Шарикина М. Г., *Евхологий Великой церкви в славяно-русском переводе конца XIV в. Исследование и текст*, Москва, С.-Петербург, 2019.

Белякова 2011

Белякова Е. В., Женщины в церковной жизни Древней Руси, Е. В. Белякова et al., *Женщина в православии: церковное право и российская практика*, Москва, 2011, 65–92.

Божилев 1994

Божилев И., *Фамилията на Асеновци (1186–1460). Генеалогия и просопография*, София, 1994.

Веселиновић 1909

Веселиновић М., Српске калуђерице, *Глас Српске Краљевске Академије*, 80, 1909, 155–206.

Георгиева 1994

Георгиева С., Модел и действителност в аскетичния живот на жените в средновековна България, *Ricerche Slavistiche*, 41, 1994, 105–120.

Грујић 1932

Грујић Р. М., Промена имена при монашењу код средњовековних Срба, *Гласник Скопског научног друштва*, 11, 1932, 239–240.

Дмитриевский 1889

Дмитриевский А. А., Рецензия на книгу Н. Ф. Красносельцева «К истории православного богослужения. По поводу некоторых служб и обрядов, ныне не употребляющихся. Материалы и исследования по рукописям Соловецкой библиотеки», *Богословский библиографический листок*, 12, 1889, 429–446.

— 1895

Дмитриевский А. А., *Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока*, 1: *Түпжә*, Киев, 1895.

— 1901

Дмитриевский А. А., *Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока*, 2: *Евхология*, Киев, 1901.

Емченко 2002

Емченко Е. Б., Женские монастыри в России, *Монашество и монастыри в России XI–XX века. Исторические очерки*, Москва, 2002, 245–284.

— 2011

Емченко Е. Б., Женские монастыри в России, Е. В. Белякова et al., *Женщина в православии: церковное право и российская практика*, Москва, 2011, 174–299.

Клосс 2001

Клосс Б. М., *Избранные труды*, 2: *Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков*, Москва, 2001.

Красносельцев 1889

Красносельцев Н. Ф., *К истории православного богослужения. По поводу некоторых церковных служб и обрядов ныне не употребляющихся (материалы и исследования по рукописям Соловецкой библиотеки)*, Казань, 1889.

Кучкин 2006

Кучкин В. А., Житие тверской княжны Софии Ярославны, *Проблема святых и святости в истории России. Материалы XX Международного семинара исторических исследований «От Рима к Третьему Риму»*, Москва, 2006, 96–117.

- Марковић 1920
Марковић В., *Православно монаштво и манастири у средњовековној Србији*, Сремски Карловци, 1920.
- Михаиловић, Ковачевић 1989
Михаиловић М., Ковачевић М., *Нова Павлица*, Београд, 1989.
- Николова 2010
Николова Б., *Монашество, манастири и манастирски живот в средновековна България*, 2, София, 2010.
- Пальмов 1914
Пальмов Н., *Пострижение в монашество. Чины пострижения в монашество в греческой церкви. Историко-археологическое исследование*, Киев, 1914.
- Пејић 2018
Пејић С., Јашуњска ктиторица Ксенија с краја XV века. Оглед о женском монаштву, *Саопштења*, 50, Београд, 2018, 95–110.
- Пентковский 2001
Пентковский А. М., *Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси*, Москва, 2001.
- Петковић 1950
Петковић В., *Преглед црквених споменика кроз повесницу српског народа*, Београд, 1950.
- Пириватрић 1997
Пириватрић С., *Самуилова Држава. Обим и карактер*, Београд, 1997.
- Пурковић 2002
Пурковић М., *Авињонске папе и српске земље. Светитељски култови у старој Српској држави*, 2. преснимљено изд., Горњи Милановац, 2002.
- Радојчић 1960
Радојчић Н., *Законик цара Стефана Душана: 1349. и 1354.*, Београд, 1960.
- Сидоров 2002
Сидоров А. И., вст. ст., пер., комент., *У истоков культуры святости. Памятники древнецерковной аскетической и монашеской письменности*, Москва, 2002.
- Тодић 2011
Тодић Б., *Обнова сећања на Дечанску пустињу и њене подвижнике*, Д. Поповић et al., *Дечанска пустиња*, Београд, 2011, 11–20.
- Ђоровић 1939
Ђоровић В., *приред, Житије Симеона Немање од Стевана Првовенчаног, Светосавски зборник*, 2, Београд, 1939, 1–76.
- Успенские 2017
Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., *Иноческие имена на Руси*, Москва, С.-Петербург, 2017.
- Щапов 1978
Щапов Я. Н., *Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII в.*, Москва, 1978.
- Degrand 1901
Degrand A., *Souvenirs de la Haute-Albanie*, Paris, 1901.
- Delehayе 1921
Delehayе H., *Deux typica byzantins de l'époque des Paléologues*, Bruxelles, 1921.
- Eustratiades 1935
Eustratiades S., *Ανδρέας ο Κρήτης, ο Ιεροσολυμίτης, ΝΕΑ ΣΙΩΝ. Εκκλησιαστικόν περιοδικόν συγγράμμα*, 30, Ιεροσόλυμ, 1935, 462–477.
- Garland 1999
Garland L., *Byzantine empresses. Women and power in Byzantium AD 527–1204*, New York, 1999.

Gautier 1985

Gautier P., Le Typikon de la Théotokos Kécharitoménè, *Revue des études byzantines*, 34, 1985, 5–165.

Kalopissi-Verti 1992

Kalopissi-Verti S., *Dedicatory Inscriptions and Donor Portraits in Thirteenth-Century Churches of Greece*, Vienna, 1992.

Leber 2018

Leber T., *Stifterinnen und ihre Stiftungen auf dem Balkan des Spätmittelalters – im Spannungsfeld zwischen orthodoxer und lateinischer Tradition* (Inauguraldissertation zur Erlangung des Akademischen Grades eines Dr. phil., vorgelegt dem Fachbereich 07 Geschichts- und Kulturwissenschaften der Johannes Gutenberg-Universität Mainz, Mainz, 2018).

——— 2019

Leber T., Between Veil and Tomb: Nuns and their Burial Places in Early Russia (11th–12th centuries), E. Mitsiou, E. Kountoyra Galake, eds., *Women and Monasticism in the Medieval Eastern Mediterranean: Decoding a Cultural Map*, Athens, 2019, 261–282.

——— 2019a

Leber T., Female Patrons of Monasticism in the Late Medieval Balkans (13th–14th Centuries), *Endowment Studies*, 3, 2019, 1–35.

Malamut 1988

Malamut É., *Les îles de l'Empire Byzantin VIIIe–XIIe siècles*, 2, Paris, 1988.

Mitsiou 2014

Mitsiou E., Frauen als Gründerinnen von Doppelklöstern im byzantinischen Reich, L. Theis, M. Mullett et al., eds., *Female Founders in Byzantium and Beyond*, Vienna, Cologne, Weimar, 2014, 333–343.

Neville 2014

Neville L., The adventures of a provincial female founder: Glykeria and the rhetoric of female weakness, L. Theis, M. Mullett et al., eds., *Female Founders in Byzantium and Beyond*, Vienna, Cologne, Weimar, 2014, 153–162.

Ostojić 1963

Ostojić I., *Benediktinci u Hrvatskoj i ostalim našim krajevima*, 1, Split, 1963.

References

Afanasyeva T. I., “Euchologium of Savva Serbsky” and its reception in Northeastern Russia in the 13th–14th centuries, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 4 (78), 2019, 144–156.Afanasyeva T. I., Kozak V. V., Molkov G. A., Sharikhina M. G., *Evkhologii Velikoi tserkvi v slavianorusskom perevode kontsa XIV v. Issledovanie i tekst*, Moscow, St. Petersburg, 2019.Aleksiev A. A., *Textgeschichte der slavischen Bibel*, St. Petersburg, 1999.Artamonov Yu. A., “Double monasteries” in Old Rus', *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 1 (75), 2019, 10–14.Belyakova E. V., Zhenshchina v tserkovnoi zhizni Drevnei Rusi, Belyakova E. V. et al., *Zhenshchina v pravoslavii: tserkovnoe pravo i rossiiskaia praktika*, Moscow, 2011, 65–92.Bozhilov I., *Familiyata na Asenevtsi (1186–1460). Genealogiya i prosopografiya*, 2nd ed., Sofia, 1994.Bozhilov I., Totomanova A., Biliarski I., *Borilov Sinodik. Izdanie i prevod*, 2nd ed., Sofia, 2012.Ćorović V., prired, Žitije Simeona Nemanje od Stevana Prvoženčanoga, *Svetosavski zbornik*, 2, Belgrade, 1939, 1–76.Delehayne H., *Deux typica byzantins de l'époque des Paléologues*, Bruxelles, 1921.Duichev I. S., Neizdadenno pismo na papa Benedikt XII do maykata na tsary Ivan Aleksandra, *Bulletin de la Société historique à Sofia*, 14–15, 1937, 205–210.Emchenko E. B., Zhenskie monastyri v Rossii, E. V. Belyakova et al., *Zhenshchina v pravoslavii: tserkovnoe pravo i rossiiskaia praktika*, Moscow, 2011, 174–299.Emchenko E. B., Zhenskie monastyri v Rossii, *Monashestvo i monastyri v Rossii XI–XX veka. Istoricheskie ocherki*, Moscow, 2002, 245–284.Eustratiades S., Andréas o Krētēs, o Ierosolymītēs, *NEA SION. Ekklesiastikón periodikón singrámma*, 30, Jerusalem, 1935, 462–477.Garland L., *Byzantine empresses. Women and power in Byzantium AD 527–1204*, New York, 1999.Gautier P., Le Typikon de la Théotokos Kécharitoménè, *Revue des études byzantines*, 34, 1985, 5–165.

Georgieva S., Model i deystvitel'nost v asketicheskoi zhivot na zhenite v srednovekovna Bulgariya, *Ricerche Slavistiche*, 41, 1994, 105–120.

Grujić R. M., Promena imena pri monašenju kod srednjovekovnih Srba, *Glasnik Skopskog naučnog društva*, 11, 1932, 239–240.

Kalopissi-Verti S., *Dedicatory Inscriptions and Donor Portraits in Thirteenth-Century Churches of Greece*, Vienna, 1992.

Kloss B. M., *Izbrannye trudy*, 2: *Ocherki po istorii russkoi agiografii XIV–XVI vekov*, Moscow, 2001.

Kuchkin V. A., Zhitie tverskoi kniazyni Sof'i Iaroslavny, *Il problema dei santi e della santità nella storia della Russia: Atti del XX Seminario Internazionale di studi storici "Da Roma alla Terza Roma"*, Mosca, 6–7 settembre; *San Pietroburgo*, 11 settembre 2000, Moscow, 2006, 96–117.

Leber T., Between Veil and Tomb: Nuns and their Burial Places in Early Russia (11th–12th centuries), E. Mitsiou, E. Kountoyra Galake, eds., *Women and Monasticism in the Medieval Eastern Mediterranean: Decoding a Cultural Map*, Athens, 2019, 261–282.

Leber T., Female Patrons of Monasticism in the Late Medieval Balkans (13th–14th Centuries), *Endowment Studies*, 3, 2019, 1–35.

Malamut É., *Les îles de l'Empire Byzantin VIIIe–XIIe siècles*, 2, Paris, 1988.

Marković V., *Pravoslavno monaštvo i manastiri u srednjovekovnoj Srbiji*, Sremski Karlovci, 1920.

Mihailović M., Kovačević M., *Nova Pavlica*, Beograd, 1989.

Mitsiou E., Frauen als Gründerinnen von Doppelklöstern im byzantinischen Reich, L. Theis, M. Mullett et al., eds., *Female Founders in Byzantium and Beyond*, Vienna, Cologne, Weimar, 2014, 333–343.

Neville L., The adventures of a provincial female founder: Glykeria and the rhetoric of female

weakness, L. Theis, M. Mullett et al., eds., *Female Founders in Byzantium and Beyond*, Vienna, Cologne, Weimar, 2014, 153–162.

Nikčević V. D., priprem., *Monumenta Montenegro*, 3/1, Podgorica, 2001.

Nikolova B., *Monashestvo, manastiri i manastirski život v srednovekovna Bulgariya*, 2, Sofia, 2010.

Ostojić I., *Benediktinci u Hrvatskoj i ostalim našim krajevima*, 1, Split, 1963.

Pejić S., Jašunjska ktitorica Ksenija s kraja XV veka. Oglad o ženskom monaštvu, *Saopštenja*, 50, Beograd, 2018, 95–110.

Pentkovskiy A. M., *Tipikon patriarkha Aleksii Studita v Vizantii i na Rusi*, Moscow, 2001.

Petković V., *Pregled crkvenih spomenika kroz povescicu srpskog naroda*, Beograd, 1950.

Pirivatrić C., *Samuilova Država. Obim i karakter*, Beograd, 1997.

Purković M., *Avinjonske pape i srpske zemlje. Svetiteljski kultovi u staroj Srpskoj državi*, 2 prešnimljeno izd., Gornji Milanovac, 2002.

Radojčić N., *Zakonik cara Stefana Dušana: 1349. i 1354.*, Beograd, 1960.

Shchapov Ya. N., *Vizantijskoe i iuzhnoslavianskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII v.*, Moscow, 1978.

Sidorov A. I., ed., *U istokov kul'tury sviatosti. Pamiatniki drevnetserkovnoi asketicheskoi i monasheskoi pis'mennosti*, Moscow, 2002.

Thomas J., Constantinides Hero A., eds., *Byzantine Monastic Foundation Documents*, 1–5, Washington (DC), 2006.

Todić B., Obnova sećanja na Dečansku pustinja i njene podvižnike, D. Popović et al., *Dečanska pustinja*, Beograd, 2011, 11–20.

Uspenskiy B. A., Uspenskiy F. B., *Inocheskie imena na Rusi*, Moscow, St. Petersburg, 2017.

Татьяна Игоревна Афанасьева

доктор филологических наук

профессор кафедры русского языка филологического факультета

С.-Петербургский государственный университет

199034 С.-Петербург, Университетская наб., 11

Россия / Russia

t.i.afanasyeva@gmail.com

Таисия Лебер, Dr. des.,

wissenschaftliche Mitarbeiterin (post-doc)

am Lehrstuhl für Byzantinistik des Historischen Seminars

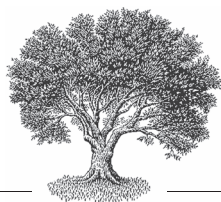
an der Johannes Gutenberg-Universität Mainz

55099 Mainz, Saarstraße 21

Deutschland / Германия

taisya.leber@gmx.de

Received October 31, 2019

Синодальный Шестоднев третьей четверти XV в.

The 15th-century Synodal Hexameron (*Shestodnevs*)

**Татьяна Владимировна
Анисимова**

Российская государственная
библиотека
Москва, Россия

Tatiana V. Anisimova

Russian State Library
Moscow, Russia

Резюме

Статья посвящена текстологическому исследованию и публикации краткого Шестодневца, вошедшего в состав Сборника Синодального собрания ГИМ (№ 951). Приводится археографическое описание рукописи (с датировкой около 1460 г.), отмечается, что 13 ее листов находятся ныне в Сборнике В. М. Ундольского (РГБ Ф. 310. № 562). Изучение Шестодневца показало, что источником его начала являлся прототип Софийского хронографа, имевшего более расширенный по сравнению с современным вид, а остальная часть произведения основана на Толковой Палее и «Слове о сотворении небеси и земли» в составе краткого хронографа Парениоса. Попытка проследить историю распространения в древнерусской книжности «Слова о сотворении небеси и земли» выявила его использование в качестве введения к лицевой Толковой Палее посл. четв. XIV в. Alexandro-Невской Лавры, находившегося на ее начальных листах, в настоящее время почти полностью утраченных. В статье установлено, что копией этих листов, помимо

Цитирование: Анисимова Т. В. Синодальный Шестоднев третьей четверти XV в. // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 1. С. 110–134.

Citation: Anisimova T. V. (2020) The 15th-century Synodal Hexameron (*Shestodnevs*). *Slověne*, Vol. 9, № 1, p. 110–134.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.9.1.4

двух известных XVI в., являются список «Слова...» в пергаменном Сборнике Троице-Сергиева монастыря рубежа XIV–XV вв. (РГБ Ф. 304/І. № 39), а также еще четыре подобных списка. Вариант «Слова о сотворении небеси» использован и в «Слове о бытии всего мира», где рассказ о сотворении мира, начиная с сюжета о Каине и Авеле, дополнен «Речью философа» Повести временных лет. Синодальный Шестоднев имеет текстологические особенности «Слова о сотворении небеси и земли» в варианте Парениоса, однако содержит и индивидуальные дополнительные фрагменты, восходящие к Книге Еноха. Делается вывод о важности вводимого в научный оборот Шестоднеца для расширения наших представлений о книжном репертуаре и принципах работы древнерусских компиляторов сер. XV в. при создании палейных сочинений. Другим значимым результатом является получение новых данных о содержании и верхней границе времени создания архетипа Софийского хронографа, наиболее ранний сохранившийся список которого датируется 30-ми гг. XVI в.

Ключевые слова

Шестоднев, Софийский хронограф, Архивский хронограф, Толковая Палея, Парениос, архетип, XIV–XVI вв.

Abstract

The article is devoted to the textual analysis and publication of the short Hexameron, titled *Shestodnevti*, which became part of the Miscellany from the Synodal collection in the State Historical museum (No. 951). An archaeographical description of the manuscript (dated to around 1460) is given; it is noted that 13 folios from it are now in the Miscellany from the V. M. Undolsky collection (RSL, col. 310, No. 562). The analysis of the *Shestodnevti* showed that the source for its initial part was the prototype of the Sofiisky chronograph, which had a more elaborate form compared to that conserved in manuscripts. The rest of the text is based on the Palaea Interpretata and “The Word about the Creation of Heaven and Earth”, which is a part of another brief chronograph, *Parénios*. An attempt to trace the history of the spread of “The Word ...” in the Old Russian literature revealed its use as an introduction to the illuminated Palaea Interpretata of the Alexander Nevsky Lavra, the initial part of which is now largely lost. It turned out that a copy of these pages, in addition to two well-known 16th-century copies, is copied from the “Word ...” in a manuscript of the Trinity-Sergius monastery, dated to the end of the 14th or the beginning of the 15th century (RSL, col. 304/І, No. 39). Four more copies of the same text were also identified. A version of the “Word about the Creation of Heaven and Earth” is also used in the “Word about the Existence of the Whole World”, where the story of the six days, starting with the narrative of Cain and Abel, is supplemented by the “Speech of the philosopher” from the Tale of Bygone Years. The Synodal *Shestodnevti* has textual features of “The Word about the Creation of Heaven and Earth” in the *Parénios* version, but it also contains individual additional fragments from the Book of Enoch. In conclusion, the importance of the *Shestodnevti* for our knowledge about the book repertoire and the guiding principles of Old Russian authors working on Palaea compilations in the middle of the XV century is underlined. Another significant result is the acquisition of new data on the content and the

terminus ante quem for the Sofiisky chronograph's archetype, the earliest copy of which dates from the 1530s.

Keywords

*Shestodnevet*s, Sofiisky chronograph, Arkhivsky chronograph, The Word about the Creation of Heaven and Earth, Palaea Interpretata, Parenios, archetype, 1300s–1500s

Энциклопедический сборник в Синодальном собрании ГИМ под № 951 [Горский, Невоструев 1862: 569–590] не раз привлекал внимание исследователей, главным образом в связи с публикацией помещенных в нем многочисленных статей космологического и естественнонаучного содержания, пересказывающих строение вселенной в рамках Шестоднева [Милюков, Полянский 2008, 2009; Баранкова 2004, 2015]. При этом аналогичный в жанровом отношении текст рукописи на л. 170–175, имеющий киноварный заголовок «Сия книги бытия небу и земли, нареченная Палея» (далее Шестодневец или *Син* 951), остался незамеченным: скорее всего по причине схожести его окончания с выписками из Толковой Палеи [Горский, Невоструев 1862: 575].

Несколько слов о Синодальном сборнике. Рукопись датируется временем около 1460 г.¹ и написана попеременно несколькими почерками (не менее чем семью, не считая позднейших приписок). При этом общность бумаги, отдельные виды которой, чередуясь, использовались в разных частях книги разными писцами, не позволяет видеть в ней конволют. В начале Сборника, судя по тетрадной пагинации, отсутствует 91 лист; 13 из них (ранее — л. 5–17), с выписками из Хроники Георгия Амартола, приплетены сейчас к Сборнику из собрания В. М. Ундольского² [Анисимова 2019].

Исследуемый текст Шестодневца (публикуемый в Приложении) в соответствии со сменой его основных источников разбит на пять фрагментов³.

Фрагмент 1 обнаруживает соответствие только с одним древнерусским хронографом: Софийским, самый ранний список которого

¹ Вод. зн.: 1) Корона (парные зн., близкие: Лихачев 1899, №№ 1035, 1036 — 1460 г.; Шварц 1989, №№ 425, 426 — 1460-е гг.); 2) Виноград (три зн., близкие: Piccard, т. 14, I, № 585 — 1455 г., №№ 598, 599 — 1454 г.); 3) Ключи (см. л. 258, 259 — близкий: Лихачев 1899, № 2595 — 1440–1450 гг.); 4) Голова быка с двумя розетками на стержне (см. л. 363, 368 — близкий: Лихачев 1899, № 1314 — 1462 г., подобный: Piccard, т. 4, XII, № 674 — 1457–1460 гг.). На л. 261 читается начало Зрячей Пасхалии: с 6968 (1460) г., отмеченное и в описании рукописи [Горский, Невоструев 1862: 583]. Исследуемый в данной статье Шестодневец помещен на листах с вод. зн. «Виноград».

² РГБ. Ф. 310. № 562. Л. 12–24 (далее — Унд 562).

³ Ниже и далее текст передан в упрощенной орфографии, с раскрытием титл, в современной пунктуации. Более подробно правила цитирования оговорены в Приложении перед его публикацией.

Соф 1454 датируется 30-ми гг. XVI в.⁴ В основе этого фрагмента лежит пересказ и небольшие извлечения из Толковой Палеи⁵ (подчеркнуты ниже) и «Богословия» Иоанна Дамаскина⁶ (выделены курсивом):

Син 951, л. 170	Соф 1454, л. 334–334 об.
<i>Прѣблагии челоувѣколюбивии богъ, хотя сего мира створити от небытия, первое помысли небесныя силы; и помышлением дѣло бысть, и словомъ созидаемо, духомъ свершаемо.</i>	<i>Прѣблагии и челоувѣколюбивии богъ, хотя сего мира сътворити от небытия, перьвие помысли на небесныя силы; и помышление дѣло бысть, словомъ съзидаемо и духомъ съврѣшаемо. Сътвори же аггелы, арханггелы, начала, господствія, силы, власти, престоли, многоочитиы херувими и шестокрилатаа серафими.</i>
И оустрой же коемуждо <u>чину</u> <u>чиноначалника</u> воеводу. Един же от <u>чиноначалник</u> <u>Сотонаилъ</u> ,	Устрой же коемуждо <u>чину</u> <u>чиноначалника</u> и воеводу. Сяде тому же чину воевода <u>Сотонаилъ</u> , иже въсприем мысль немощну, отвраща, хотѣ <u>поставити престолъ</u> <u>свои на облацѣхъ</u> . «И буду, — рече, — подобенъ Вышнему».
възгордѣвъ, себе бога мнѣвъ, отпаде сана своего, <u>свержень бысть с чиномъ</u> <u>своимъ</u> . Архангелъ же <u>Михаилъ</u> , <u>иног чину</u> , <u>видѣвъ отступника</u> <u>спадша</u> , и собра ангельския чины и рек: «Вонмѣмъ, похвалимъ гласомъ <u>всѣхъ бога</u> », рекше: вниманье въ единенье и в совокупленье.	Разгордѣвъ же и бога себе помнѣвъ, отпаде сана своего и <u>съврѣжень бысть съ небесе и с чиномъ</u> , сущимъ <u>под нимъ</u> . сии же <u>иног чину</u> <u>началникъ Михаилъ</u> <u>архистратигъ видѣ отступника</u> <u>отпадша</u> , събра аггельскыя силы, <u>рек: «Вонмѣмъ»</u> .

Одинаковая специфика пересказа источников Толковой Палеи и «Богословия» Иоанна Дамаскина не оставляет сомнений во взаимосвязи Син 951 и Соф 1454. При этом в первом списке, несмотря на его краткий вид, местами использованы более широкие цитаты из Толковой Палеи.

⁴ Текст хронографа читается на л. 334–376. Изд.: [Творогов 1982: 188–221]. Благодарю М. А. Шибаева за консультацию по датировке рукописи. Еще один список Софийского хронографа XVII в. обнаружен К. В. Вершининым, однако это открытие пока не опубликовано.

⁵ Ср. с изд.: [Палея Толковая: 1.11–18; 73.22–23; 74.4–7,12–18].

⁶ Ср. с изд. космологического раздела «Богословия» Иоанна Дамаскина, опубликованным В. В. Мильковым и С. М. Полянским по списку того же Сборника Син 951: л. 305 а (строки 18,21–22), л. 305 б (строки 1–2), л. 307 б (строки 18–24), л. 308 а (строки 1–3) [Мильков, Полянский 2008: 54, 58].

Видимо, *Син 951* восходит здесь к какому-то прототипу *Соф 1454*, впоследствии сокращенному.

Во фрагменте 2 *Син 951* и *Соф 1454* начинают соответствовать Архивскому хронографу 60-х гг. XV в.⁷ (*Арх 279*). Последний, как доказал В. М. Истрин, восходит независимо от *Соф 1454* к Иудейскому хронографу, датируемому временем около 1262 г. Помимо Библейских книг Иудейский хронограф содержал полный перевод Хроники Иоанна Малалы и рассказ о шести днях творения, составленный из Шестоднева Иоанна экзарха Болгарского и Бесед Иоанна Златоуста на Книгу Бытия (последние не известны в самостоятельных славянских списках) [Истрин 1893: 124–126; Истрин 1903: 168–169, 184–185; Истрин 1906: 52–70; Творогов 1987 а–б].

Соответствие *Арх 279*, *Син 951* и *Соф 1454* начинается с окончания беседы 2 Иоанна Златоуста на главу 1 Книги Бытия. Далее в рамках фрагмента 2 и *Син 951*, и *Соф 1454* сокращали *Арх 279* независимо друг от друга⁸ и вне связи с границами его источников, выявленных В. М. Истриным [Истрин 1893: 318–361]. Следовательно сокращения в *Син 951* и *Соф 1454* не могут быть объяснены поздними вставками в *Арх 279*, а в общем протографе *Син 951* и *Соф 1454* Шестоднев имел тот же вид, что и в *Арх 279*.

Приведем в качестве примера общее для рукописей начало фрагмента 2⁹:

<i>Син 951</i> , л. 170–170 об.	<i>Соф 1454</i> , л. 334 об.	<i>Арх 279</i> , л. 10
Сего ради и тѣ нача глаголати: «Искони створи богъ небо и землю».	начинает, глаголя: «В началѣ сътвори богъ небо и землю».	<Златоуст> Сего ради и тои нача глаголати: «Искони створи богъ небо и землю».
Почто Моисѣи от ангелъ не нача писати, но протече единѣм словом множество небесных силъ, но от небеси и земли начинается?		<Толковая Палая> Почто Моиси от аггелъ не нача писати, но протече скоро единѣмъ словом множество вышних силъ, но о небеси и земли начинается?

⁷ О датировке рукописи см.: [Клосс 1995].

⁸ В списках обнаружен лишь один общий пропуск, но и тот мало показателен, поскольку мог быть вызван повтором фразы: «земля же бѣ невидима и неукрашенна».

⁹ Отсылки к источникам текста см.: [Истрин 1893: 318–321].

Син 951, л. 170–170 об.	Соф 1454, л. 334 об.	Арх 279, л. 10
<p>Да не чюдися, возлюблене! ибо Моисѣи тѣмъ приходит путем, и сперва</p> <p>хотя сказати несмысленным еврѣем, якоже тварь си видима нѣсть богъ, якоже егупти мнят, но зданье, богомъ творено. Рече бо: «В началѣ створи б(ог)ъ небо и землю. (С)е же глаголетъ и другим еретиком загражая оуста. Глаголетъ небо и землю присно съ богомъ без начала есть.</p> <p>Того ради нача глаголати: «Искони створи богъ небо и землю».</p> <p>Не се небо, но вышнее; се бо во вторыи день створи небо. Сотвори же богъ небо вышнее, о немже Давидъ глаголетъ: «Небо небеси господеви». Се</p> <p>ти яко в полатѣ преграда посреди премощена есть.</p>	<p>Отселѣ почнемъ начало сказанию перваго дне. «Въ началѣ сътвори богъ небо и землю».</p> <p>Не се небо, но вышнее,</p> <p>о немже и Давидъ рече: «Небо небесное господеви», а се видимое въ вторыи день сътвори, якоже бо в полатѣ посреди преграда прѣмощена есть</p>	<p><Златоуст> Да не чюдися, възлюбленнѣ. ибо Моиси тѣмъ проходи поутѣ, искони и спрѣва несъставнымъ еврѣом</p> <p><Шестоднев> хотя сказати, якоже тварь си видима нѣсть богъ, якоже египтяне мнѣть, но сзданіе, богомъ сътворено. Рече бо: «Въ начаю створи богъ небо и землю. Се же глаголя и другимъ еритикомъ заграждаетъ оуста. Глаголетъ бо небо и землю присно есть съ богомъ безначална.</p> <p><ремарка составителя> Того ради начать глаголати: «Искони сътвори богъ небо и землю».</p> <p><Шестоднев> Не се небо, но вышнее; се бо въ вторыи день сътвори небо. Сътвори же богъ небо вышнее, о немже и Давидъ глаголетъ: «Небо небесное господеви». Вышнее же се есть,</p> <p>ти яко полата въ преграда посреди премощена есть.</p>

Аналогичное соответствие демонстрирует и окончание фрагмента 2, основанное на Шестодневе Иоанна экзарха Болгарского:

<i>Син 951</i> , л. 171–171 об.	<i>Соф 1454</i> , л. 335 об.–336	<i>Арх 279</i> , л. 11 об.
<p>... И распростре по плещема по небеснымъ ширины ты водныя, да напояють и оустужають е, да стерпить протиоу пламени, еже есть,</p> <p>якоже се бѣ котел оловянъ поставил бы над оугльми: аще будетъ вода в нем, то терпит протиоу огню, не растопиться, аще ли нѣсть, то разольется. Тако же и богъ постави супостата огневи воду, да присно терпит, горними водами оустужаема. Но и богъносивый Великий Василии обло и кругловато небесное тѣло проповѣдаетъ.</p>	<p>... и распростре по плещема по небеснымъ ширины ты водныя, да напаяют и устужают е.</p> <p>Есть же и притчя тому, якоже бы се котел оловян поставил на югlex, то аще будет в нем вода, то тръпит противу огню не растопяся, ащи ли нѣсть — разлиться.</p>	<p>... и распростре по плещима по небеснымъ ширины ты водныя, да напаяеть и оустужають е, да стръпить противу пламени. Есть же и притчя томоу, якоже се бы котель оловянъ поставиль над оугльми: ти аще боудеть вода в немъ, то тръпить огню противу, не ростопаются, аще ли нѣсть, разлѣется. Тако же и богъ постави соупостатъ огню вода, да присно тръпить, гръними водами оустужаемо..... Но и богъносивый Великий Василии обло и кругавато тѣло небесное проповѣдаетъ...</p>

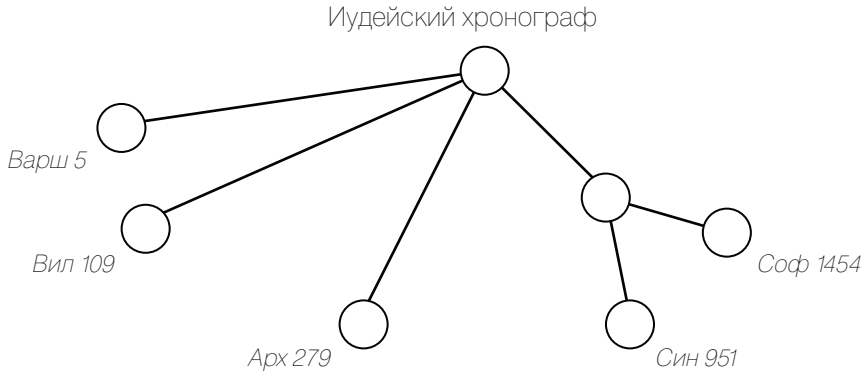
Как известно, Иудейский хронограф отразился, помимо *Соф 1454* и *Арх 279*, еще в двух хронографах: в Виленском перв. трети XVI в.¹⁰ (*Вил 109*) и Варшавском кон. XV в.—нач. XVI в.¹¹ (*Варш 83*). Оба хронографа утратили начало, но все же частично сохранили текст фрагмента 2 (см. Приложение), подтверждая его восхождение к общему архетипу — Иудейскому хронографу.

Поскольку, однако, во фрагменте 1 в *Син 951* и *Соф 1454* использована Толковая Палей в соединении с «Богословием» Иоанна Дамаскина, а в *Арх 279*, *Вил 109* и *Варш 83* в этом месте читаются выдержки из Бесед Иоанна Златоуста на Бытие, характерные и для фрагмента 2, очевиден вторичный характер фрагмента 1 по отношению к Иудейскому хронографу. Следовательно, *Син 951* восходил к некоему более пространному протографу *Соф 1454*, в котором фрагмент 1 уже заменил собой начало Иудейского хронографа.

¹⁰ См. о нем: [Истрин 1893: 124–138, 317–347; Творогов 1975: 16–17, 24, 126, 128–129; Творогов 19876].

¹¹ См.: [Томова 1990].

Выявленные соотношения могут быть продемонстрированы следующей стеммой:

На этом соответствие синодального Шестодневца с *Арх 279* и *Соф 1454* заканчивается, а его составитель начинает пользоваться другими источниками.

Фрагмент 3 продолжает окончание фрагмента 2 заимствованной из Толковой Палеи фразой о сравнении величины земли по отношению к небу с нарисованной точкой: «Но и богъносивыи Великии Василии обло и кругловато небесное тѣло проповѣдаетъ» [Палея Толковая: 141.28–142.3].

Фрагмент 4 с описанием 4-го дня творения извлечен из особого Шестодневца, бытовавшего в древнерусской письменности как в самостоятельном виде (под различными названиями, например, «Слово о сотворении небеси и земли, выписано из Палеи», далее — СоСН)¹², так и в составе «Слова о бытии всего мира» (далее — Слово о бытии или СоБ) и краткого хронографа Парениоса.

СоБ представляет собой относительно краткое изложение библейской истории от сотворения мира до Давида. Его текст был исследован еще Н. К. Никольским и А. А. Шахматовым по пяти спискам XV–XVI вв.: *МГ 370* перв. четв. XV в.¹³, *КБ 38/1115* втор. четв. XVI в., *Вил 75* нач. XVI в., *Вил 86* втор. четв. XVI в.¹⁴ и фрагменту в *Пог 890* рубежа

¹² Версии заглавий СоСН: «Слово о сотворении небу отъ Палеи» (*Пог 1560*), «О седмици» (*Син 682*), «Книга, глаголемая бытия» (*Ун 44*).

¹³ Издание текста на л. 181 об.–184: [Милюков, Полянский 2009: 414–417]; датировка: [Каталог РГАДА: 205–214]. Сборник перв. четв. XVI в. (РГБ, ф. 272, 363, л. 159–212 об.) указан Н. К. Никольским ошибочно [Никольский 1906: 15], поскольку содержит список Исторической палеи с конвоем ее Рогожского списка 40-х гг. XV в. (РГБ, ф. 247, 253, л. 1–110).

¹⁴ Описание обоих вильнюсских списков см.: [Морозова 2008: 33].

XV–XVI вв. Еще три списка памятника обнаружены Н. В. Савельевой: *Пог 1287* и *Ув 859* (1–2) [Савельева 2007: 567]. Исследователями было выяснено, что начало СоБ заимствовано из СоСН (в качестве примера для сопоставления А. А. Шахматов приводит список XVII в. *Пог 1560*), а продолжение (начиная с истории Каина и Авеля) восходит к «Речи философа» Повести временных лет [Никольский 1902: 92–96; 1906: 6–16; Шахматов 1904: 222–226; Шахматов 1940: 124–127].

Другой вариант «Слова о сотворении небеси и земли» вошел в состав краткого хронографа под названием «Парениос¹⁵ о створении небу и земли, и о всей твари, видемеи иже и невидемеи». Три списка и один фрагмент Парениоса были выявлены А. И. Яцимирским [Яцимирский 1899: 33–42]: *Муз 10261* нач. XVI в.¹⁶ и *Ар 5* нач. XVI в.¹⁷, а также М. И. Соколовым [Соколов 1910: 103–105]: *Тун 387* кон. XV в. Структура хронографа пока не исследована¹⁸. Среди его источников М. И. Соколов отметил Восьмикнижие, Толковую и Историческую Палеи¹⁹, Слово об Адаме (то же, что и в СоБ), Откровение Мефодия Патарского и Книгу Еноха [Соколов 1910: 104]. Можно добавить, что Парениос заканчивается кратким изложением начала 1 Книги Царств (до 1 Цар 5:6), продолженным фрагментом «Летописца вскоре» патриарха Никифора (от пророка Самуила до Седекии) и сокращением Хроники Георгия Амартола (начиная с царства Иероваома).

Наконец, список Шестодневца в варианте СоСН пергаменного сборника Троице-Сергиевой Лавры *Тр 39* кон. XIV в. — нач. XV в. (за пределами которого читаются многочисленные выписки из 4-го дня творения Толковой Палеи, относящиеся к устройству небесного свода и звездных орбит) опубликован В. В. Мильковым и С. М. Полянским [Мильков, Полянский 2009: 370–392]²⁰.

Как оказалось, Шестодневца в *Тр 39* представляет собой копию утраченной вводной части лицевого пергаменного списка Толковой Палеи посл. четв. XIV в., принадлежавшей Александро-Невской Лавре (*ПДА 119*). Два листа Шестодневца (л. 3–4) ошибочно вставлены сейчас

¹⁵ Видимо, от греч. *παράίνεσις* — увещание, убеждение, наставление.

¹⁶ Принадлежал А. И. Яцимирскому.

¹⁷ Современный шифр рукописи, указанной А. И. Яцимирским под шифром библиотеки Антониева-Сийского монастыря, установлен К. В. Вершининым [2016: 21–23]. Датировка и сведения о текстологии списка предоставлены мне в. н. с. ОР БАН А. Г. Сергеевым.

¹⁸ Несколько лет назад Н. В. Савельева начала подготовку издания памятника, но завершить этот проект пока не удалось.

¹⁹ По мнению Н. В. Савельевой — типа Барсовской нач. XV в. (ГИМ. Собр. Е. В. Барсова. № 619), дополненной апокрифическим Житием Моисея.

²⁰ В рукописи заглавие к статье отсутствует. Далее ссылки на листы и строки рукописи даются по этому изданию.

в *ПДА 119* в контекст Толковой Палеи, однако их текст полностью соответствует фрагменту СоСН в варианте *Тр 39*²¹ (л. 194 г.15–195 в.1). Нельзя не отметить, что, помимо основного текста СоСН, в *Тр 39* попали и надписания к двум миниатюрам в *ПДА 119*, к нему не относящиеся: «И снѣдоста възбраннаго има древа, и нага быста и стыдѣастяся» и «А Евва беседуеть съ душетлѣннымъ гадомъ и пре(л)щена бысть имъ» (*ПДА 119*, л. 4; *Тр 39*, л. 195 б.11–16).

Еще 23 начальных листа Александрo-Невской Палеи оказались утраченными, однако их содержание в значительной степени восстанавливается благодаря обнаруженным Ю. А. Грибовым двум полистным копиям рукописи (включающим не только текст, но и миниатюры), выполненным при участии одного и того же новгородского писца в 10–20-х гг. XVI в.: *Ув 85* и *М 1197* [Грибов 2009]. К сожалению, сделав это важное открытие и опубликовав несколько листов обоих списков, исследователь не смог идентифицировать текст, сопровождающий миниатюры, в связи с чем памятник получил в статье название «введение к Палее» или «апокрифический Шестоднев» [Ibid.: 254].

Сопоставление *Ув 85* и *М 1197* с *Тр 39* указывает на непосредственное копирование последним СоСН, открывавшего *ПДА 119*: об этом свидетельствует идентичность текстов этих трех рукописей²² и совпадение системы их разбивки инициалами. Последние, как выяснилось, начинали почти все утраченные листы *ПДА 119* из-за того, что на их обороте или на обороте предыдущего листа тексту предшествовали миниатюры.

Специфика происхождения *Тр 39* отразилась и на сохранности его текста: отдельные части СоСН оказались либо не на месте, либо утрачены. Так, начальная фраза *Тр 39*: «Ангели, слышавъ гласъ и свѣтъ видѣвъ, падше, поклонѣшася: тои насъ сътвори» (л. 193а.1–4) должна читаться после перечисления 7 творений первого дня. Фрагмент: «Въ 5-и день, четвергъ, рече богъ: да изведуть воды киты ... раститесь и плодитесь» (л. 193в.24–193г.8) вставлен между рассказами 4-го дня творения «Въ тои же день богъ раздѣли силы небесныя на 9 чиновъ ...» (л. 193б.14–193в.23)

²¹ Далее цит. по изд.: [Мильков, Полянский 2009: 375–376], с указанием листов и строк рукописи.

²² В *Ув 85*, с учетом перепутанного в этой рукописи порядка листов, соответствие с листами *Тр 39* (указаны первыми) выглядит следующим образом: л. 193а.1–10 (л. 10), л. 193а.11–22 (л. 11 об.), л. 193а.22–193б.4 (л. 14), л. 193б.6–14 (л. 15 об.), л. 193б.14–193в.4 (л. 20), л. 193в.5–17 (л. 13 об.), л. 193в.17–23 (л. 19), л. 193г.9–194б.4 (л. 12), л. 194в.21–194г.9 (л. 16 об.), л. 194г.15–195б.3 (л. 18), л. 195б.4–16 (л. 21 об.), л. 195б.17–195в.1 (л. 22). В *Муз 1197* на л. 17 сохранилось и окончание СоСН по списку *Тр 39*, соответствующее строкам 11–17 последнего на л. 195г., но с небольшим добавлением в конце: «от всѣхъ дѣлъ чловѣком и скотом, но славити творца своего и молитися емоу». На л. 11–13 *Муз 1197* начало СоСН, идентичное л. 10, 11 об., 14 *Ув 85*.

и продолжающим его пассажем: «Егда сана своего отпаде діяволъ съ бѣсы ...» (л. 193г.9). Для *Тр 39* характерна и утрата описания планетных орбит после фразы: «От тверди до пояса до Крона безмѣрная высота, не имѣет ничего, развѣи въздух, нарѣцається ефира» (л. 193в.17).

Однако сохранились и более исправные, чем *Тр 39*, копии СоСН. Три из них удалось обнаружить Н. В. Савельевой: *Q 1130*, *Син 682*, *Ун 44* [Савельева 2007: 567]. Правда, исследовательница не связывала их происхождение с лицевой Толковой Палеей, полагая, что списки содержат начало СоБ.

Как выяснилось, общим источником Шестодневца, представленного в СоБ, СоСН и Парениос, являлось открывающее Еллинский летописец 1-й редакции Сказание Епифания Кипрского²³. К нему независимо друг от друга восходят фрагменты 1-го дня творения: «снѣгъ, и голоть, и грады, и роса, и мрази, и громи, и лѣта, и зимы, и зноеве»; 2-го дня: «створи твердь, яже есть посреди воды; и раздѣлишася воды: полъ их взидоша на верхъ тверди, а полъ их остахася под твердью на лици всеа земля»; 3-го дня: «створи моря, и реки, и езера, и травы, и сѣмена, дрѣво плодовитое и неплодовито, и раи насади; 4 дѣла створи»; 4-го дня: «створи богъ Солнце и Луну, и звѣзды обѣсилъ. Въ от²⁴ день и дьяволъ отпаде ангелска чина»; 5-го дня: «киты великие, и рыбы, и птицы пернатые» и «си велици двѣ дѣлѣ створи богъ» и указания 6-го дня: «си 4 дѣла великая створи богъ» и «20 и 2 дѣла створи»²⁵.

Однако в ситуации, когда многие из обнаруженных исследователями списков СоСН, СоБ и Парениоса оказались неполными и включают в себя либо изложение шести дней творения, либо какой-то его фрагмент, определить их источник, а заодно и источник *Син 951*, достаточно проблематично. Сравнительное исследование доступных мне рукописей²⁶ позволило выявить 7 отличительных признаков для идентификации памятников:

I — вставки толкований в 4-м дне творения и отсутствие ряда пропусков

²³ В списке этого памятника *Син 280* рубежа XV–XVI вв. Сказание читается на л. 5–6 об. под заглавием: «Сказание святого Епифания, яко изначала створи богъ дѣлъ 22 7-ю день». Оно же предваряет и список СоБ на л. 180 об.–181 Сборника *МГ 370* [Мильков, Полянский 2009: 412].

²⁴ Вместо «тъ»; так в *Син 280* и *Син 951*.

²⁵ О Сказании Епифания Кипрского в Еллинском летописце 1-й редакции см.: [Творогов 1975: 33, 135]. Кроме того, на восхождение к Сказанию учения об ангелах стихий и народов в составе Толковой Палеи и Повести временных лет обратил внимание и В. В. Мильков [Мильков, Полянский 2009: 346].

²⁶ Подробное текстологическое сопоставление выходит за пределы данной работы. С рукописью *Пог 1560*, упомянутой А. А. Шахматовым, ознакомиться не удалось из-за ее ветхости.

II — наличие пропуска в начале 4-го дня творения между фразой: «Въ четвертѣи день в средоу солнце и лоуну и звѣзды обѣсилъ. се три дѣла великия сотвори. в тѣи же день дѣяволъ аггелскаго чина отпаде, видѣвъ землю оукрашенну» и продолжением этого сюжета: «абие про-разишася до преисподняго ада...» (цит. по Ун 44, л. 220)²⁷.

III — тип окончания 4-го дня творения

IV — тип 5-го дня творения

V — тип 6-го дня творения

VI — тип 7-го дня творения

VII — прибавления к Шестодневу: «Речь философа» (РФ), выпи-ски из Толковой Палеи, аналогичные *Тр 39* (ТП), хронограф Парениоса (Хр).

Результаты этого исследования в суммарном виде могут быть пред-ставлены следующей Таблицей²⁸:

	СоБ						СоСН					Парениос		
	M_1	K	P_1	Y_1	Y_2	P_2	T_1	C	Q	Y_3	P_3	T_2	M_2	A
I	---	---	---	---	---	ут	+	+	+	+	?	+	+	+
II	---	---	---	---	---	---	ут	+	ут	+	?	---	---	---
III	1	1	---	---	---	1	---	2	2	2	?	2 п	2 п	2 п
IV	1	1	ут	1	1	1	2	2	2	2	2	2	2	2
V	1	1	ут	2	2	1	3	4	4	4	?	5	5	5
VI	1	1	ут	1	1	1	2	2 п	2 п	2 п	?	3	3	3
VII	РФ	РФ	РФ	----	----	----	ТП	----	ТП	ТП	?	Хр	Хр	Хр

Совокупность выявленных отличий указывает прежде всего на то, что по I, III и IV признакам Парениос сближается именно с СоСН, а не с СоБ. Приведем несколько примеров.

К описанию 5-го дня творения в СоБ: «Въ 5 день, в четвергъ, створи богъ киты великия, рыбы, и гады, и птица и пернаты» (*МГ 370*, л. 183) в СоСН и Парениосе добавлено:

²⁷ В *Тр 39* от описания начала 4-го дня творения сохранились только фраза «въ 4-и день сътвори богъ» (*Тр 39*, л. 193) и продолжение рассказа об отпадении Сатаны: «Егда сана своего отпаде дѣяволъ съ бѣсы, первѣи проразѣшася до преисподняго ада...» (*Тр 39*, л. 193 об.).

²⁸ Краткие обозначения списков см. в конце статьи. Знаки + либо ---- в Таблице означают наличие либо отсутствие данного признака, сокращения «ут» — механическую утрату листов в рукописи, «п» — наличие индивидуального продолжения. Цифры в одной и той же строке указывают на несколько редакционных версий этого фрагмента.

СоСН (<i>Тр 39</i> , л. 193 об.)	Парениос (<i>Тун 387</i> , л. 26 об.)
и всякъ гадъ, и жюпелицие, мшици. си велици двѣ дѣлѣ сътвори богъ. и благослови, рекъ: раститесь и плодитесь	и всякъ гадъ, и жюпеличье, и мшицѣ. си дѣлѣ створи и благослови я, рекъ: раститесь и плодитесь, и наполните землю

Описание 6-го дня творения в СоБ также относительно краткое: «Въ 6 день в пяток створи богъ звѣри, и скоты, всякъ гадъ земны; створи же во тѣ день и в пяток и человѣка», но после него здесь читается «Слово о Адаме»: «И введе богъ человѣка в рай, егоже созда, и заповѣда ему от всякого древа ясти, и от единого не ясти ...» (*МГ 370*, л. 183). В СоСН и Парениосе начало 6-го дня иное:

СоСН (<i>Тр 39</i> , л. 194 об.)	Парениос (<i>Тун 387</i> , л. 26 об.)
Въ шестыи день въ пяток рече богъ: да изведетъ земля звѣри, и скоти четвероногая, Адамъ и Евва, от божественныя роукы създана. си 4 дѣла великая сътвори богъ. и сконча вся дѣла, елико на небеси и на земли и во водахъ, 20 и 2 дѣлѣ.	(В)ъ 6-и день в пятницу створи звѣри и скоты 4-роногая, и Адама и Евгоу от божественныя роукы созда.
В тои же день от божественныя роукы созданъ бысть Адамъ. и доуноу на лице его духъ животенъ, бысть человѣкъ въ душоу живоу.	и сконча вся дѣла своя, елико на небеси и на земли, и въ водахъ, 20 и 2 дѣлѣ створи.
Рече господь богъ: не добро быти единомуу человѣкоу на земли ...	И доуну богъ Адамоу на лице духъ живѣтенъ, и бысть Адамъ въ душоу живоу. и бѣ Адамъ со аггелы, славя бога. и рече богъ: не добро быти человѣку единому на земли ...

В 7-м дне в Парениосе, однако, использовано и Слово о Адаме СоБ, что возможно свидетельствует о привлечении его составителем обоих видов Шестодневца.

Обратим внимание на то, что список *Тр 39* завершается рядом цитат из Толковой Палеи. Логично предположить, что эти выписки были заимствованы в *Тр 39* из Александро-Невской Палеи. Однако следует отметить, что не только *Тр 39*, но и списки СоСН *Q 1130* и *Унд 44* содержат те же фрагменты Толковой Палеи при нормальной последовательности

основного текста, т. е. все списки СоСН в конечном итоге восходят к одному исправному введению в архетипной Толковой Палее (возможно — и в Александро-Невской Палее в ее первоначальном состоянии). Поскольку часть фрагмента с 4-м днем творения в *Тр 39* утрачена, его вид может быть теперь восстановлен за счет остальных списков СоСН.

Итак, Шестодневце, читающийся в СоСН, СоБ и Парениосе, был достаточно популярен среди древнерусских книжников²⁹, в связи с чем выяснить его происхождение в *Син 951* на материале одного лишь 4-го дня творения достаточно сложно.

Для начала следует отметить, что *Син 951* совпадает с СоСН и Парениосом по первому признаку (наличие толкований и отсутствие пропусков СоБ), однако порядок следования текста не искажен, что исключает восхождение синодального фрагмента непосредственно к *Тр 39*.

Присутствует в *Син 951* и второй признак СоСН — пропуск в начале описания 4-го дня после слов: «видѣвъ землю оукрашенну». Отсутствующий текст читается в СоБ и Парениосе по-разному:

СоБ (МГ 370, л. 181 об.–182).	Парениос (Тин 387, л. 24 об.)
рече: преиму землю и поставлю убо престолъ на облацѣхъ сѣверьскихъ, и буду подобенъ Вышнему. си помысли, от ангелскаго существа въ бѣсъ претворися	помышле и рече: преиму землю, боуду подобен Вышнему и поставлю си престолъ на облацѣхъ северьскихъ. <u>и абие свержень бысть, и с нимъ спадоша, и под нимъ чинъ 10-и, и в него мѣсто поставлен бысть старѣшина Михайль.</u> <u>Сотона же погрешивъ помысла и спаде</u>

В данном фрагменте Парениоса текст СоБ оказался распространенным цитатами из Толковой Палеи (подчеркнуты) [Палея Толковая: 74.5–7, 76.27–28, 77.1–2].

Связь *Син 951* с Парениосом обнаруживает и перечисление орбит планет, которое утрачено в СоСН, а в СоБ изложено с двумя пропусками (см. Приложение).

Последняя часть фрагмента 4 *Син 951* отсутствует как в списках СоБ, так и в СоСН, частично совпадая только с Парениосом:

²⁹ К. В. Вершинину удалось обнаружить и одну несомненную цитату из него в тверском Мериле Праведном сер. XIV в.: «лютосердъ ратохотець» (РГБ. Ф. 304/1. № 15. Л. 4 об.–5), сопоставленную исследователем со списком *Тр 39* [Вершинин: 48–49].

<i>Син 951</i> , л. 173–173 об.	Парениос (<i>Тип 387</i> , л. 25–25 об.)
<p>Положи богъ челоуѣкомъ в Луну знаменья годом на дѣла потребная,</p> <p>нѣсть ни единъ день в Лунѣ празденъ. Луна иматъ днии на всяки мѣсяць 29, і 1 лѣто творитъ 12 мѣсяць, а отъ года до года по лунному течению днии 300 і 50 і 4. А всякая Луна наставае во своемъ мѣсяцѣ книжномъ, аще ли 2(-я) Луна настанетъ въ одномъ мѣсяци книжномъ, то 1-я власная, а послѣдняя того мѣсяца безъ измѣны; в Лунѣ 19-ті лѣтъ 7 влазныхъ Лун. А по солнечному течению отъ года до года дни 300 і 60 і 5, і 3 часа дневныя, 3 ношныя. В тѣхъ часахъ на 4-е лѣто сбѣрается день 6(-і), а тѣци зовутся віс, рекше 6-і день.</p>	<p>И положи богъ челоуѣкомъ в Лоунѣ знамение годомъ на дѣла потребная: сѣяти, и садити, лѣчьбы челоуѣкомъ и скотомъ.</p> <p>и ни единъ день в Лоунѣ нѣсть празденъ. А всякий мѣсяць небесныи наставае въ своемъ мѣсяцѣ.</p> <p>А коли 2 Лоуна боудеть та в одномъ мѣсяцѣ книжномъ, то 1-я влазная, а послѣдняя того мѣсяца безъ измѣны.</p>

Другие индивидуальные расширения текста *Син 951* содержат сведения о 12 небесных вратах для Солнца, Луны и звезд, частично восходящие к описанию 4-го неба славянской версии Книги Еноха — одного из косвенных источников Парениоса [Соколов 1910: 11–15 (ч. 1: Текст), 103–105 (ч. 2: Исследование)]:

<i>Син 951</i> (л. 172 об.–173)	Парениос (<i>Тип 387</i> , л. 25 об.–26)	СоБ (<i>МГ 370</i> , л. 182)
<p>Понеже свѣтила въ 4-і день створена быша, Солнце постави на вѣстоцѣ на 4-мъ поясѣ; имѣть же 6-ра ворота на вѣстоцѣ, а 6 на западѣ.</p> <p>А Луна на западѣ свершена 15-ю днии, постави на нижнемъ поясѣ, иматъ ворота на вѣстоцѣ 12, а на западѣ 12.</p>	<p>Солнце стоитъ на вѣстоцѣ на 4-мъ поясѣ,</p> <p>а Лоуна на западѣ на нижнемъ поясѣ, свершена 15-ю днии</p>	<p>Солнце стоитъ на вѣстоцѣ на 4 поасѣ,</p> <p>а Лоуна на западѣ на нижнемъ поасѣ, 5 и на десяти дни свершена</p>

Таким образом, фрагмент 4 *Син 951* скорее всего восходит к какой-то более пространной черновой редакции Парениоса. При этом пропуск

СоСН в *Син 951* мог быть восполнен составителем Парениоса в окончательной редакции по СоБ и Толковой Палее.

Тему Парениоса продолжает фрагмент 5 *Син 951* с выписками из Толковой Палеи, первая из которых дополняет фрагмент 4 толкованием ангельской молитвы (Трисвятого) и выдержками с описанием устройства человеческого тела, указывая на намерение автора синодального Шестодневца рассказать и о 6-м дне творения. Разночтения *Син 951*, судя по изданию Толковой Палеи 1892 г., стабильно соответствуют только чтениям Александро-Невской Палеи.

Однако если предположить, что фрагменты 3–5 являлись черновыми материалами к Парениосу, остается непонятным, какое отношение к этому последнему имели фрагменты 1–2 с выписками из архетипа Софийского хронографа.

Подведем итоги. Невзирая на небольшой объем публикуемого ниже Шестодневца, он содержит ряд ценных сведений, свидетельствуя о существовании более пространныго вида Софийского хронографа по крайней мере в сер. XV в. и внося некоторые коррективы в реконструкцию первоначального облика Парениоса. Немаловажное значение имеет вводимый в научный оборот памятник и для расширения наших представлений о книжных источниках и принципах работы древнерусских историков середины XV в. при создании новых палейных сочинений. Учитывая, однако, фрагментарность синодального Шестодневца, трудно сказать: являлся ли он заготовкой под какой-то более обширный текст (названный в заглавии Палеей) или, наоборот, некими черновыми материалами, из него удаленными.

Приложение

Шестодневце

(ГИМ. Синодальное собр. № 951. Л. 170–175)

Текст рукописи передан в упрощенной орфографии, с раскрытием титл; из кириллических букв сохранены «еры», «и десятиричное» (і), «ять» (ѣ) и диграф «оу». Окончания слов, сокращенные при помощи надстрочных букв, восстанавливаются без прибавления «ъ» и «ь». Знаки препинания расставлены в соответствии с правилами современной пунктуации. В круглых скобках восстановлены пропущенные писцами буквы. При публикации Фрагмента 4 подчеркнуты чтения *Син 951*, общие с *Тр 39* и *Тип 387*, но отсутствующие в *МГ 370*; полужирным шрифтом выделены индивидуальные чтения *Син 951*.

Сия книги Бытия небу и земли, нареченыя Палея.

Фрагмент 1³⁰

Преблагии челоуѣколюбивый богъ, хотя сего мира створити от небытия, первое помысли небесныя силы; и помышлением дѣло бысть, и словом созидаемо, духомъ свершаемо. И оустрои же коемуждо чиною чиноначалника воеводу. Един же от чиноначалник Сотонаилъ възгордѣвъ, себе бога мнѣвъ, отпаде сана своего, сверженъ бысть с чином своим. Архангелъ же Михаилъ, иного чину, видѣвъ отступника спадша, и собра ангелския чины и рек: «Вонмѣмъ, похвалим гласомъ всѣх бога», рекше: вниманье въ единенье и в совокупленье.

Фрагмент 2³¹

Сего ради и тѣ нача глаголати: «Искони створи богъ небо и землю». Почто Моисѣи от ангелъ не нача писати, но протече единѣм словом множество небесных силъ, но от небеси и земли начинается? Да не чюди- || (л. 170 об.) ся, возлюблене! ибо Моисѣи тѣмъ приходит путем, и сперва хотя сказати несмысленным еврѣем, якоже тварь си видимая нѣсть богъ, якоже егупти мнят, но зданье, богомъ творено. Рече бо: «В началѣ створи б(ог)ъ небо и землю». (С)е же глаголетъ и другим еретиком загражая оуста. Глаголетъ небо и землю присно съ богомъ без начала есть. Того ради нача глаголати: «Искони створи богъ небо и землю». Не се небо, но вышнее; се бо во вторый день створи небо. Сотвори же богъ небо вышнее, о немже Давидъ глаголетъ: «Небо небеси господевы». Се ти, яко в полатѣхъ преграда посреди премощена есть. Тако же и господь посреди земли вышнемъ небесемъ преградѣ небо второе, створи и выше его воды. Смотри того сдѣтеля, како зданье стваряет: первѣхъ небо протягну, и тогда землю оутверди; земля же бѣ невидима, и тма верху бездны. Безденье зоветъ множество водное, а тму мыглу нарѣцает, якоже и нынѣ над рѣками. И двухъ божьи ноша- || (л. 171) шесю верху воды. Духъ же не святыи здѣ мѣнит, но духъ зоветъ вѣтры³², свое бо есть вѣтру поношающися повѣвати над тварью³³, якоже и индѣ глаголетъ: «Духомъ бурнымъ скрушилъ есть корабли фарсіиски». И рече богъ: «Буди твердь посреди вод». И буди разлучая посреде вод, и бысть тако. И разлучи богъ посреде вод, яже бѣ под твердь, и посреде вод, яже бѣ над твердь. И возва богъ твердь небо. Свидѣтельствуе Исая, глаголя: «Небо же яко дым оутверди». Состави же ся посреди воды и вознесе полъ воды на высоту, а полъ воды оставивъ. Чему же суть горы воды, на кую ли потребу? Хто ли я хочетъ пити, хто ли плавати по ним, якоже суть горы

³⁰ Ср.: *Соф 1454*, л. 334–334 об.

³¹ Ср.: *Арх 279*, л. 10 а–11 г; *Вил 109*, л. 1–3; *Варш 83*, л. 1 а–5 а; *Соф 1454*, л. 334 об.–336.

³² Далее начинается соответствие с Варшавским хронографом.

³³ Далее начинается соответствие с Вилинским хронографом

воды выше небесъ? Смотри же к тому премудрость творчю: аки лед бѣше водами ста, имже бѣше солнечное тепло, и огню, и мѣсяцю, и звѣздамъ — всѣхъ под ними быти; и бѣше все исполнь в огнь, да не теплотою згорит и растечется. И распростре по плещема по || (л. 171 об.) небесныма ширины ты водныя, да напояють и оустужають е, да стерпитъ протиоу пламени, еже есть, якоже се бѣ котел оловянъ поставил бы над оугльми: аще будет вода в нем, то терпитъ протиоу огню, не растопиться, аще ли нѣсть, то разольется. Тако же и богъ постави супостата огневи воду, да присно терпитъ, горними водами оустужаема. Но и богъносивый Великий Василии обло и кругловато небесное тѣло проповѣдаетъ.

Фрагмент 3³⁴

Глаголаша бо древнии, яко земля при небеснѣмъ величества аки графинно стреченье есть.

Фрагмент 4³⁵

Въ 4 день въ среду створи богъ Солнце и Луну, и звѣзды обѣсилъ. (Въ) от день и дьяволъ отпаде ангелска чина, видѣвъ землю оукрашену³⁶. И первии проразидоша до преисподняго ада, и суть неисходни никаможе, не могут ничего дѣйствовать, ходят во тмѣ и до вѣка не оузрятъ свѣта. По сихъ друзии падоша на землю и слышаша глас Михайловъ, о- || (л. 172) стаха на земли, и обходятъ поднебесную, и всякое зло творятъ. Ини же не доидоша земли, слышавше глас Михайловъ, обизнуша на воздухъ. Началникъ бо ихъ дьяволъ, лютосердъ ратохотецъ, и вси его бѣсове имѣють чювьствие бритко и несытохотни на зло, и движутъ сердца без вины, лукавы, люты, льстивы, лживы, проказивы, мощны, бесна, бесплотны, невидимы лицемѣрья ради, а бестудья ради видимы. И преобразоуются въ ангела и челоуѣка, и в животь, и во всякую вещь, якоже святыи Куприян, преже бѣ волховъ, прелщень бѣсы, в покаянии своемъ сказа: «И самого дьявола, и бѣсы видѣл, и чиновъ 300 и 60 и 5, всякому грѣху начальници». Въ тѣ день богъ раздѣлил силы небесныя на 9 чиновъ, постави по 3 чины: первая оутварь,

³⁴ Ср.: [Палея Толковая: 141.28–142.3].

³⁵ К сопоставлению с фрагментом 4 *Син 951* привлечены списки СоСН: *Тр 39*, л. 193б.3–193в.17; *Син 682*, л. 164 об.–167 об.; *Q 1130*, л. 268–268 об.; *Ун 44*, л. 220–222; списки СоБ: *МГ 370*, л. 181б.21–183а.7; *КБ 38/1115*, л. 270–271; *Пог 890*, л. 43–44 об.; *Пог 1287*, л. 113–113 об.; *Ув 859* (1-й), л. 203–204; *Ув 859* (2-й), л. 335–336; списки Парениоса: *Тип 387*, л. 23 об.–25 об.; *Ар 5*, л. 3–4 об.; *Муз 10261*, л. 260–262 об. Подчеркнуты чтения *Син 951*, общие с *Тр 39* и *Тип 387*, но отсутствующие в *МГ 370*. Полу жирным шрифтом выделены индивидуальные чтения *Син 951*. Пропуски, перестановки слов и разночтения использованных для сравнения списков не учитываются, поскольку задача публикации — продемонстрировать главные отличия редакций Шестодневца, а также индивидуальные отличия *Син 951*.

³⁶ Далее в *Син 951* пропуск, аналогичный СоСН, текст которого воспроизведен по СоБ и Парениосу выше, в исследовании.

иже бес родства еди́нствуют великому свѣту, шестокрилнии сирафими и многозра- || (л. 172 об.) чная херувими, и святии престолы; си неотступни от божества. Рече богъ ко Ивову: «Тогда воспѣша ми ангели мои, поютъ аллилуа». Т(олк.) Слава тебѣ, боже. Вторая же оутварь: господствія, силы и власти с(р)еднии, поют: «Свят, свят, свят, господь Саваофъ, исполни небо и землю славы твоея». Саваофъ толкуется «господь силамъ». От тверди до пояса до Крона безмѣрная высота, не имѣет ничего, разви́и воздухъ, нарѣцается эфира³⁷. 1 поясъ Кронъ, 2-и Дии, 3-и Арей, 4-и Солнце, на 4-мъ поясѣ от тверди Солнце стоитъ, 5-и А(ф)родит, 6-и Ерми, 7-и Луна, на 7-мъ поясѣ Луна стоит, а от Солнца на 4-мъ на нижнем поясѣ Луна стоит на западѣ. А на всѣхъ поясѣхъ стоят ангели, а по поясомъ стоят звѣзды, которыя поясъ ни́жѣ, тѣ звѣзды свѣтлѣе³⁸. **Понеже свѣтила въ 4-и день створена быша**, Солнце постави на востокъ на 4-мъ поясѣ; **имѣть же 6-ра³⁹ ворота на востокъ, а 6 на западѣ**. А Луна на западѣ свершена 15-ю днии, постави на нижнемъ поясѣ, **иматъ ворота на || (л. 173) востокъ 12, а на западѣ 12**. Почто богъ исполнену створи в 4-и⁴⁰ день, явится бы ей 4-рь днии? Аще бы 4-рь днии явилася, то скончанье ест(ь)ва не бы имѣла. Солнце поиде по оужней странѣ на западъ, а Луна по сѣверной странѣ на востокъ. На ту ночь почало ее оубывати, и поиде по оужней странѣ, сияя над землею к западу. 15 днѣвъ **бе свѣтъ** спрятался из нея, а Луны толико 15 днии. Прия Луна от бога болши Солнца внѣ твари 11 дни не бытѣмъ, но сіяньемъ. В тѣхъ днѣхъ на 3-ее лѣто собирается Луна, юже зоветъ блазная звѣзда 13. В томъ же кружѣ зародится новыи мѣсяцъ; егда будетъ 8 день, тогда новыи перокрой, а егда 15 днии, полна бывает. А 20 ветхii перокрой, а 29 и полъ дни тогда межѣ бывають. Положи богъ челоуѣкомъ в Луну знаменья годомъ на дѣла потребная⁴¹, нѣсть ни единъ день в Лунѣ празденъ. Луна иматъ днии на всяки мѣсяцѣ 29, і 1 лѣто творитъ 12 мѣсяцъ, а от года до года по лунному теченью днии || (л. 173 об.) 300 і 50 і 4. А всякая Луна наставае во своемъ мѣсяцѣ книжномъ, аще ли 2(-я) Луна настанетъ въ единомъ мѣсяци книжномъ, то 1-и власная, а послѣдняя того мѣсяца безъ измѣны; в Лунѣ 19-ті лѣтъ 7 влазныхъ Лун. А по солнечному теченью от года до года дни 300 і 60 і 5, і 3 часа дневныя, 3 нощныя. В тѣхъ часахъ на 4-е лѣто собирается день 6(-и), а тѣи зовутся віс, рекше 6-и день.

³⁷ В данном месте заканчивается соответствие с *Тр 39* из-за утраты в нем описания планет. Далее подчеркнуты чтения *Син 951*, соответствующие Парениосу и СоСН, но отсутствующие в СоБ.

³⁸ Здесь прерывается описание 4-го дня творения в *Q 1130* и *Унд 44*.

³⁹ Так в рукописи; далее аналогичные варианты просторечия не оговариваются.

⁴⁰ В рукописи: 14-и.

⁴¹ Далее в СоБ заканчивается описание 4-го дня творения, а в *Син 951* пропуск по сравнению с Парениосомъ: «сѣяти и садити лѣчы челоуѣкомъ и скотомъ» (*МГ 370*, л. 25 об.; *Муз 10261*, л. 262).

Фрагмент 5

Како оубо превеліцїи отци наши рѣша, подвижими духомъ святымъ: «Святыи боже», иже вся создавыи словом, поспѣшенъемъ святаго духа; «святыи крѣпки», имже отца оувидѣхом, и духъ святыи приведе в миръ; «святыи, бесмертны» оутѣшительныи духъ, иже от отца исходит и в сыну почивая, троїца свята⁴².

О вдушенъи Адама.

Вдохну, рече, богъ на лице Адаму духъ живъ, и бысть человекъ в (духъ) живъ, и жи(в)оу силу душа прия. Нужа есть видѣти о божьи водмении, святаго оубо духа сила есть, яко Спасъ дуну на лице апостоломъ и рече: «Прїимѣте духъ святыи», тако же таи водменье божье. Не оубо духъ святыи тако || (л. 174) шед, не самъ бысть душа, но душу созда; не самъ въ душу преложися, но душу створи. Мъногимъ есть, яко от существа божья подася тѣлу душа. То не лѣпо есть, истинну свѣдуще, сего глаголати: аще оубо бы душа от существа божья была. Но се оубо видим разнество, яко во иномъ есть мудра, во иномъ же буй, въ друзѣмъ же неразумива, а во иномъ размыслива и, нравомъ обдержавшися, на зло клониться, иная же на благая, иная же душа правду хвалящи и добрыя нравы любящи⁴³.

Кто не дивится, от перьсти видя толики оуди и части тѣлу, и различныя кости и члены, и на все хитрѣ двизанъемъ оудъ ко оуду сочтаем, и смотримъ оубо сами себе⁴⁴.

Но праотца нашего Адама богъ створил⁴⁵ ни бесмертна его суща, ни смертна бывша, но аки на мѣрилѣхъ поставлена: аще бо бы исперва смертна створилъ богъ, то не бы согрѣшившаго его смертью осудил; аще ли паки бесмертна его створил, то не бы кормля ему плотныя заповѣ- || (л. 174 об.) далъ во Едемѣ⁴⁶.

Есть же и зъвомое оухо, внѣ оуду видимое всѣми; есть же и другое внутри оуду, аки трубица суща в ней, иже аки в с(ъс)удѣ; всякъ глас и звучныи приходит, к мозгу же не иматъ прохода, то тѣмъ исходит ко оустнѣмъ лалощѣ, оттудѣ же протяжеся жила к мозгу, и ту абѣ доводит глас, ту же бо и оумъ. И оумъ — разоумная державная сила, бесплотная душа — яко царь, на высоцѣ престолѣ сѣдя и слышима разумѣетъ скоро⁴⁷.

Якоже рече божественныи Павелъ: «Пою духомъ, пою оумомъ», духъ и душею сказую, и оумомъ же поя владыку, емуже повинуется аки царю. В

⁴² Ср.: [Палея Толковая: 6.19–7.3].

⁴³ Ср.: [Палея Толковая: 112.14–113.9].

⁴⁴ [Палея Толковая: 114.14–21] в сокращении.

⁴⁵ Вставка в текст Толковой Палеи.

⁴⁶ Ср.: [Палея Толковая: 115.2–9].

⁴⁷ Ср.: [Палея Толковая: 118.16–28].

главѣ бо ему сѣдящу, сердечныя свѣты к себѣ горѣ возносящи протиоу воюющимъ помыслом на помысль⁴⁸.

Аще ли будета оуши велици, зѣло воздвигшеся, то оуродослова и празнословца знамянают. Посредѣ же оустъ есть язык, чютье имы о горцѣ, и о сладцѣ, и о бридцѣ, и о кислѣ. Язычная же плоть рѣтка есть, аки сот, да того ради скоро || (л. 175) разоумѣет, вкушая всяцѣх соковъ⁴⁹.

Сокращенные названия библиотек и архивов

БАН — Библиотека Академии наук РФ

БАН Литвы — Библиотека Академии наук Литвы

ГИМ — Государственный исторический музей

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РГБ — Российская государственная библиотека

РНБ — Российская национальная библиотека

Библиография

Славянские рукописи

Ар 5 (А)

БАН, Архангельское собрание, Д 5, Сборник нач. XVI в.

Арх 279

РГАДА, ф. 181 (РО МГАМИД), № 279/658, Сборник 60-х гг. XV в. с Архивским хронографом и Летописцем Переславля Суздальского.

Варш 83

Варшава, Национальная библиотека, BOZ 83, Хронограф кон. XV в. — нач. XVI в.

Вил 75

Вильнюс, БАН Литвы, F₁₉ (Фонд церковнославянских и русских рукописных книг), № 75, Сборник нач. XVI в. с Житиями Варлаама и Иоасафа и Сергия Радонежского.

Вил 86

Вильнюс, БАН Литвы, F₁₉, № 86, Патерик Печерский втор. четв. XVI в.

Вил 109

Вильнюс, БАН Литвы, F₁₉, № 109, Хронограф перв. трети XVI в.

КБ 38/1115 (К)

РНБ, собрание Кирилло-Белозерского монастыря, № 38/1115, Измарагд втор. четв. XVI в.

М 1197

ГИМ, Музейское собрание, № 1197, Толковая Палея, перв. четв. XVI в.

МГ 370 (М₁)

РГАДА, ф. 181 (РО МГАМИД), № 370/820, Сборник с Пчелой и Сказанием об ангелах Епифания Кипрского, перв. четв. XV в.

Муз 10261 (М₂)

РГБ, ф. 178 (Музейное собрание), № 10261, Сборник, нач. XVI в.

⁴⁸ Ср.: [Палея Толковая: 119.5–12].

⁴⁹ Ср.: [Палея Толковая: 121.25–122.4].

ПДА 119

РНБ, собрание Петербургской Духовной Академии, А.1.119, Толковая Палея
Александро-Невской Лавры посл. четв. XIV в.

Пог 890 (П₁)

РНБ, собрание М. П. Погодина, № 890, фрагмент Патерика Печерского (с
дополнениями) рубежа XV–XVI вв.

Пог 1287 (П₂)

РНБ, собрание М. П. Погодина, № 1287, Сборник, сер. XVI в.

Пог 1560 (П₃)

РНБ, собрание М. П. Погодина, № 1560, Сборник, XVII в.

Син 280

ГИМ, Синодальное собрание, № 280, Еллинский летописец 1-й редакции рубежа XV–
XVI вв.

Син 363

РГБ, ф. 272 (Собр. Синодальной библиот.), № 363, Сборник житий, слов и апокрифов

Син 682 (С)

ГИМ, Синодальное собрание, № 682, Сборник, 80-е гг. XV в.

Син 951

ГИМ, Синодальное собрание, № 951, Сборник энциклопедический, ок. 1460 г.

Соф 1454

РНБ, Софийское собрание, № 1454, Сборник с Софийским хронографом, 30-е гг. XVI в.

Тип 387 (Т₂)

РГАДА, ф. 381, № 387, Сборник с Предисловием Мерила Праведного и Златой цепью,
кон. XV в.

Тр 39 (Т₁)

РГБ, ф. 304/I, № 39, Сборник с Торжественником триодным и минейным, кон. XIV в. —
нач. XV в.

Ув 85

ГИМ, Уваровское собрание, № 85, Толковая Палея, перв. четв. XVI в.

Ув 859 (1) (У₁)

ГИМ, Уваровское собрание, № 859/1897, Сборник, 70-е гг. XVII в., л. 203–204 об.

Ув 859 (2) (У₂)

ГИМ, Уваровское собрание, № 859/1897, Сборник, 70-е гг. XVII в., л. 335–337.

Ун 44 (У₃)

РГБ, ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского), № 44, Сборник каноническо-богословский,
перв. четв. XVII в.

Унд 562

РГБ, ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского), № 562, Сборник-конволют, сер. XV и перв.
пол. XVI вв.

Q 1130 (Q)

РНБ. Q.I.1130, Сборник, 80-е гг. XV в.⁵⁰

⁵⁰ Выражаю глубокую благодарность Н.В. Савельевой за предоставление датировки
рукописи и набора необходимого мне фрагмента ее текста.

Литература

Анисимова 2019

Анисимова Т. В., Фрагменты Хроники Георгия Амартола в рукописи 60-х гг. XV в., *Румянцевские чтения. Материалы международной научно-практической конференции РГБ (23–24 апреля 2019)*, Москва, 2019, 34–37.

Баранкова 2004

Баранкова Г. С., *Древнерусская космология*, С.-Петербург, 2004.

——— 2015

Баранкова Г. С., Статья «О нравѣхъ, и возрастѣхъ и образѣхъ члвчскихъ» в синодальном сборнике № 951, *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*, (2014–2015), Москва, 2015, 44–68.

Вершинин 2016

Вершинин К. В. *Мерило Праведное как памятник древнерусской книжности и права* (Дисс. на соиск. учен. степени к. и. н., Москва, 2016).

Горский, Невоструев 1862

Горский А. В., Невоструев К. И., *Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 2. Писания святых отцов. 3. Разные богословские сочинения. (Прибавление)*, Москва, 1862.

Грибов 2009

Грибов Ю. А., О реконструкции новгородского иллюстрированного сборника XIV в., *Хризограф, 3: Средневековые книжные центры: местные традиции и межрегиональные связи. Труды международной научной конференции: Москва, 5–7 сентября 2005 г.*, Москва, 2009, 253–267.

Истрин 1893

Истрин В. М., *Александрия русских хронографов. Исследование и текст*, Москва, 1893.

——— 1903

Истрин В. М., Из области древнерусской литературы. 3. Краткий хронограф с хроникой Иоанна Малалы, *Журнал Министерства народного просвещения*, ноябрь, 1903, 167–185.

——— 1906

Истрин В. М., *Исследования в области древнерусской литературы*. С.-Петербург, 1906.

Каталог РГАДА

Жучкова И. Л., Мошкова Л. В., Турилов А. А. et al. сост., *Каталог славяно-русских рукописных книг XV века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов*, Москва, 2000.

Клосс 1995

Клосс Б. М., Предисловие, *Полное собрание русских летописей*, 41: *Летописец Переславля Суздальского*, Москва, 1995, V–X.

Лихачев 1899

Лихачев Н. П., *Палеографическое значение бумажных водяных знаков*, 1–3, С.-Петербург, 1899.

Мильков, Полянский 2008

Мильков В. В., Полянский С. М., *Космологические произведения в книжности Древней Руси. 1: Тексты геоцентрической традиции* (= Памятники древнерусской мысли. Исследования и тексты, 4), С.-Петербург, 2008.

——— 2009

Мильков В. В., Полянский С. М., *Космологические произведения в книжности Древней Руси. 2: Тексты геоцентрической традиции* (= Памятники древнерусской мысли. Исследования и тексты, 4), С.-Петербург, 2009.

Морозова 2008

Морозова Н., сост., *Кириллические рукописные книги, хранящиеся в Вильнюсе*. Каталог, Vilnius, 2008.

Никольский 1902

Никольский Н. К., К вопросу об источниках летописного сказания о св. Владимире, *Христианское чтение*, С.-Петербург, 7, 1902, 89–106.

— 1906

Никольский Н. К., *Материалы для повременного списка русских писателей (X–XI вв.)*, С.-Петербург, 1906.

Палея Толковая

Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Труд учеников Н. С. Тихонравова, Москва, 1892.

Савельева 2007

Савельева Н. В., Космологическая компиляция «Слово о Святой Троице» и ее бытование в составе древнерусских сборников, *Труды отдела древнерусской литературы*, 58, 2007, 557–585.

Соколов 1910

Соколов М. И., *Славянская Книга Еноха праведного. Тексты, латинский перевод и исследование*, Москва, 1910.

Творогов 1975

Творогов О. В., *Древнерусские хронографы*, Ленинград, 1975.

— 1982

Творогов О. В., Материалы к истории русских хронографов. 2. Софийский хронограф и Хроника Иоанна Малалы, *Труды отдела древнерусской литературы*, 36, 1982, 188–221.

— 1987a

Творогов О. В., Хронограф Архивский, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 1: XI в. — первая половина XIV в., Ленинград, 1987, 475–476.

— 1987b

Творогов О. В., Хронограф Виленский, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 1: XI в. — первая половина XIV в., Ленинград, 1987, 476.

Томова 1990

Томова Е., Варшавски хронограф с превод на старобългарския книжовник Григорий Презвитер, *Литературна мисъл*, 3, 1990, 137–140.

Шахматов 1904

Шахматов А. А., Толковая Палея и Русская летопись, *Статьи по славяноведению*, В. И. Ламанский, ред., 1, С.-Петербург, 1904, 199–272.

— 1940

Шахматов А. А., Повесть временных лет и ее источники, *Труды отдела древнерусской литературы*, 4, Ленинград, 1940, 9–150.

Шварц 1989

Шварц Е. М. *Новгородские рукописи XV века: кодикологическое исследование рукописей Софийско-Новгородского собрания Государственной Публичной Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина*, Москва; Ленинград, 1989.

Яцимирский 1899

Яцимирский А. И., *Новые данные о хождении архиепископа Антония в Царьград*, С.-Петербург, 1899.

Piccard, 1–17

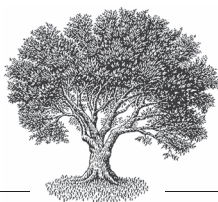
Piccard G., *Veröffentlichungen der Staatlichen Archivverwaltung Baden-Württemberg*. (= Sonderreihe: Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart, 1–17), Stuttgart, 1961–1997.

References

- Anisimova T. V., Fragments of the Chronicle of George Hamartolos in the manuscript of the 1460s, *The Rumyantsev Readings – 2019. Proceedings International Scientific and Practical Conference (April 23–24, 2019)*. Moscow, 2019, 34–37.
- Barankova G. S. The Article “O Nravekh, I Vyrastekh I Obrazekh Chelovcheskykh” (“On The Morals...”) Is In The Synodal Collection Number 951, XVth Century, *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute, 5: Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka* (2014–2015), Moscow, 2015, 44–68.
- Barankova G. S., *Drevnerusskaia kosmologiya*, St. Petersburg, 2004.
- Gribov Y. A., On the reconstruction of a 14th-century Novgorodian illustrated miscellany, E. Dobrynina, ed., *Chrysograph, 3: Mediaeval book centres: local traditions and inter-regional connections. Proceedings of the International Symposium, Moscow, 5–7 September 2005*, Moscow, 2009, 253–267.
- Kloss B. M., Introduction, V. I. Buganov, B. M. Kloss, eds., *Polnoe sobranie russkikh letopisei*, 41: *Letopisets Pereslavl'skogo*, Moscow, 1995, 5–10.
- Milkov V. V., Poliansky S. M., *Kosmologicheskie proizvedeniia v knizhnosti Drevnei Rusi*, 1: *Teksty geotsentricheskoi traditsii* (= Pamiatniki drevnerusskoi mysli. Issledovaniia i teksty, 4), St. Petersburg, 2008.
- Milkov V. V., Poliansky S. M., *Kosmologicheskie proizvedeniia v knizhnosti Drevnei Rusi*, 2: *Teksty geotsentricheskoi traditsii* (= Pamiatniki drevnerusskoi mysli. Issledovaniia i teksty, 4), St. Petersburg, 2009.
- Piccard G., *Veröffentlichungen der Staatlichen Archivverwaltung Baden-Württemberg*. (= Sonderreihe: Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart, 1–17), Stuttgart, 1961–1997.
- Savelyeva N. V., Kosmologicheskaiia kompiliatsiia “Slovo o Sviatoi Troitse” i ee bytovanie v sostave drevnerusskikh sbornikov, *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, 58, 2007, 557–585.
- Shakhmatov A. A., *Povest' vremennykh let i ee istochniki*, *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, 4, Leningrad, 1940, 9–150.
- Shvarts E. M. *Novgorodskie rukopisi 15 veka: kodikologicheskoe issledovanie rukopisei Sofiisko-Novgorodskogo sobraniia Gosudarstvennoi Publichnoi Biblioteki im. M. E. Saltykova-Shchedrina*. Moscow, Leningrad, 1989.
- Tomova E., Varshavski khronograf s prevod na starobalgarskiya knizhovnik Grigoriy Prezviter, *Literaturna Misal*, 3, 1990, 137–140.
- Tvorogov O. V., *Drevnerusskie khronografy*, Leningrad, 1975.
- Tvorogov O. V., *Khronograf Arkhivskii, Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 1: 11 – *pervaia polovina 14 v.*, Leningrad, 1987, 475–476.
- Tvorogov O. V., *Khronograf Vilenskii, Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 1: 11 – *pervaia polovina 14 v.*, Leningrad, 1987, 476.
- Tvorogov O. V., Materialy k istorii russkikh khronografov, 2: *Sofiiskii khronograf i Khronika Ioanna Malaly*, *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, 36, 1982, 188–221.
- Zhuchkova I. L., Moshkova L. V., Turilov A. A., eds., *Katalog slaviano-russkikh rukopisnykh knig 15 veka, khraniashchikhsia v Rossiiskom gosudarstvennom arkhive drevnikh aktov*, Moscow, 2000.

Татьяна Владимировна Анисимова, кандидат исторических наук
ведущий научный сотрудник
Российской государственной библиотеки
119019, Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5, стр. «Пашков Дом»
Россия / Russia
tanisim@yandex.ru

Received February 20, 2019

Полемика с иосифлянами в Житии Серапиона, архиепископа Новгородского

The Controversy against Josephites in the Life of Serapion, Archbishop of Novgorod

**Александр Александрович
Казаков**

Независимый исследователь
Москва, Россия

Alexander A. Kazakov

Independent scholar
Moscow, Russia

Резюме

Конфликт Иосифо-Волоколамского монастыря с новгородской кафедрой при архиепископе Серапионе затрагивался в немалом количестве трудов, посвященных истории русской церкви рубежа XV–XVI вв. Вне зависимости от того, кого исследователи склонны были рассматривать в качестве зачинщика распри, происхождение источников, на которые опирались ученые построения, было преимущественно иосифлянским. Настоящая работа представляет попытку взглянуть на сложные взаимоотношения волоколамского игумена с новгородским владыкой так, как они преподнесены в Житии святителя Серапиона. Предварительное рассмотрение вопроса о формировании текста этого памятника позволяет сделать вывод о его неоднородности: в Житие оказываются включенными как тексты с резкими выпадами в адрес Иосифа Волоцкого, так и максимально корректный по отношению к нему рассказ о примирении с Серапионом. Значительная

Цитирование: Казаков А. А. Полемика с иосифлянами в Житии Серапиона, архиепископа Новгородского // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 1. С. 135–162.

Citation: Kazakov A. A. (2020) The Controversy against Josephites in the Life of Serapion, Archbishop of Novgorod. *Slověne*, Vol. 9, № 1, p. 135–162.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.9.1.5

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

часть исследования посвящена вопросу о том, как сам архиепископ Серапион и его сторонники склонны были оценивать поступки Иосифа Волоцкого, которые для новгородского владыки были весьма неблагоприятными и закончились его насильственным сведением с кафедры по воле великого князя. Рассмотрение этого вопроса позволяет сделать вывод, что система самооправдания новгородского архиепископа в тексте его Жития была довольно продуманной и последовательной и основывалась прежде всего на его представлениях об архиерейских прерогативах по отношению к подчиненному его власти волоколамскому игумену.

Ключевые слова

Московская Русь начала XVI в., «священство» и «царство», история русской церкви, агиография, конфликт Серапиона Новгородского и Иосифа Волоцкого, каноническое право, Житие новгородского архиепископа Серапиона, иосифлянство

Abstract

The conflict between the Joseph-Volokolamsk monastery and the Novgorod see under Archbishop Serapion was touched upon in a considerable number of works devoted to the history of the Russian church at the turn of the 16th century. Regardless of whom the researchers were inclined to consider as the instigator of the feud, most of their studies were based on the sources of Josephite origin. The present paper is an attempt to look at the complex relationship of the Volokolamsk hegumen with the Novgorod archbishop as presented in the Life of St. Serapion. A preliminary analysis of the composition of the text shows its heterogeneity: the Life contains both passages with sharp attacks on Joseph Volotsky, and a generally quite correct account of his reconciliation with Serapion. Most of the article is devoted to the question of how Archbishop Serapion himself and his supporters were inclined to evaluate the actions of Joseph Volotsky, which were directed squarely against the Novgorod archbishop and ended with his forcible removal from the bishop's see at the behest of the Grand Prince. Consideration of this issue essentially allows us to conclude that the system of self-justification of the Novgorod archbishop in the text of his Life was quite deliberate and consistent and was based primarily on his ideas about the bishop's prerogatives in relation to the Volokolamsk hegumen subordinate to his authority.

Keywords

Muscovy in the early 16th century, priesthood and kingship, Russian church history, hagiography, conflict between Serapion of Novgorod and Joseph of Volokolamsk, Canon law, Life of Novgorod archbishop Serapion, Josephism

О конфликте новгородской кафедры с Волоколамским монастырем (1509 г.), рассматривать ли его как результат «чрезвычайно преувеличенных» представлений владыки «об архиерейской власти» [Голубинский 1900: 643] или как происшествие, которое «имело такие

печальные для Серапиона последствия оттого, что тут примешалась государственная политика» [Невострюев 1870: 138], известно из источников преимущественно иосифлянского происхождения. Вполне прав В. О. Ключевский, отметивший, что «Иосиф и его приверженцы много писали в свою защиту, гораздо менее известно, как представляла дело и оправдывалась противная сторона» [Ключевский 1871: 291]. Поэтому рассмотрение вопросов, каков был взгляд на произошедшее проигравшей стороны, какие аргументы она приводила в защиту собственной правоты, позволит уяснить некоторые моменты конфликта, до сих пор ускользавшие от внимания исследователей.

«Неправедно Иосиф сотвори, а по достоинству Серапион учини» [Зимин, Лурье 1959: 334–335] — именно так большинство современников оценивали события, в ходе которых без святительского благословения Серапиона Иосифо-Волоцкий монастырь после многочисленных притеснений удельного князя Федора Борисовича Волоколамского перешел под патронат Василия III, за что игумен Иосиф с братией были «отлучены» новгородским архиепископом¹. Вскоре волею великого князя новгородский владыка поплатился за свой опрометчивый шаг сведением с кафедры. Точка зрения современников конфликта впоследствии не единожды проецировалась в историографии. Так, А. А. Зимин полагал, что «правота Серапиона была очевидна для большинства непредвзятых людей, среди которых было много друзей Иосифа» [Зимин 1977: 87], а Р. П. Дмитриева, рассматривая содержательный аспект Жития Серапиона, отмечала, что в нем «отразилась борьба мнений о морально-этических принципах поведения» [Дмитриева 1988: 373].

Впрочем, оценка поведения конфликтующих сторон современниками отнюдь не помешала тому же А. А. Зимину увидеть более глубокие причины конфликта, связанные с размежеванием в среде духовенства. Одна часть духовенства, ярким представителем которой, по мнению исследователя, был Иосиф Волоцкий, ориентировалась на великокняжескую Москву «и была готова поддержать ее единодержавные

¹ Иногда это «отлучение» интерпретируют как отлучение Иосифа Волоцкого от Церкви [Лурье 1989: 319; Зимин 1977: 83; Витлин 2011: 68; Несин 2018а: 24], что является преувеличением. Запрет касался совершения богослужений, отлучен, следовательно, «чюж священства» [Зимин, Лурье 1959: 221] и принятия причастия: «Меня один он отлучил, — и яз не смел причаститься» [Ibid: 188]. Поэтому правильнее говорить о том, что новгородский архиепископ «в 1509 г. отлучил Иосифа от церковного общения» [Мусин 2016: 72]; ср.: [Успенский 2002: 127]. Интересно также упоминание владыки Серапиона, что его «преже суда от церкви отлучили еста, и сан сняли, и заточенью предали еста и мантию владычную сняли» и его «душу неповинну анафеме предали, не сотворившу никакова же дела виновна» [Моисеева 1965: 162]. Очевидно, наказание Серапиона было куда более суровым, чем те запреты, которым он подверг Иосифа Санина.

тенденции»². Другая часть клира, к которой принадлежал архиепископ Серапион, «упорно отстаивала устремления воинствующей церкви, пытавшейся утвердиться над великокняжеской властью и диктовать ей свои требования». Особую поддержку эта группа духовенства имела «в тех русских землях, где были сильны центробежные тенденции (и прежде всего в Новгороде)» [Зимин 1977: 86]. Такой подход к оценке противоборства двух церковных деятелей ведет свою историю со второй половины XIX в., когда было высказано мнение, что ссора архиепископа Серапиона и игумена Иосифа представляла собой «одно только недоразумение... Виноваты в этом деле были: Василий Иоаннович и Митрополит Симон, так явственно оказавшие предпочтение Московским началам пред заявившими себя в последний раз свободными началами Новгородскими; говорим: *началами*, потому что личности здесь были, так сказать, только средством к возвышению организующихся в то время идей в Москве» [Булгаков 1865: 92].

Судить о том, являлся ли Серапион во время пребывания на кафедре сторонником новгородских вольностей, исходя из показаний источников едва ли возможно. С одной стороны, в тексте Жития святителя, бесспорно, «центральное место занимает описание событий, связанных с деятельностью Серапиона как новгородского архиепископа» [Дмитриева 1988: 364]. Но с другой, повествование о его архипастырских деяниях в Новгороде сводится лишь к известиям о трех чудесах, им совершенных. Первое чудо было связано с прекращением эпидемии молитвой архиепископа, второе — с исцелением хромого на пиру у владыки по случаю праздника Успения³, а третье — с пожаром, остановленным молитвой

² Факт перехода Волоцкого монастыря из-под власти удельного князя Федора Борисовича под патронат великого князя рассматривался в рамках данного подхода как «новый этап в биографии Иосифа Санина, когда этот церковный деятель, до того опиравшийся на княжеско-боярскую группировку в своей оппозиции великокняжеской власти, переменил фронт, порвав с удельным князем и обратившись к покровительству «государя всея Руси» [Лурье 1960: 426].

³ Согласно Житию, «все люди, видевшие то преславное чудо, прославиша бога и его угодника, великаго архиепископа Серапиона» [Моисеева 1965: 158]. В то же время Иосиф Волоцкий упоминает, что в Новгороде архиепископ Серапион, «пьяницам и чмutom отворил погреб, и они, напившись, зовут его святым государем» [Зимин, Лурье 1959: 206]. Не исключено, что оба свидетельства если не относятся к одному и тому же событию, то, вероятно, фиксируют проведение владычных пиров, любимых новгородцами, которые получают в Житии Серапиона и Послании Иосифа диаметрально противоположные оценки. М. А. Несин, отметив, что «житие писал не новгородец», а чудо с исцелением хромого «не находит подтверждение в новгородском летописании», склоняется к выводу, что рассказ об исцелении на пиру «является плодом авторского вымысла москвича» [Несин 2018b: 30]. Однако не стоит забывать, что со времен архиепископа Геннадия Гонзова к Успенскому дню было привязано празднование главной новгородской святыни, Софии Премудрости Божией [Никольский 1906: 98]. Не исключено, что проведение пира было связано

Серапiona [Моисеева 1965: 158]. На основании этого можно говорить о почтительном отношении, которое сыскал архиепископ Серापion среди новгородцев, но выводы о его «политических предпочтениях» являются скорее данью ученой традиции, а не результатом прочтения источника.

Интересный подход обнаруживается в разысканиях Б. А. Успенского, оценивающего распрю игумена и владыки как «конфликт между священством и царством, поскольку Иосиф противопоставил — и демонстративно предпочел власть великого князя... власти правящего архиерея». Поэтому «Серапion обвинил Иосифа в том, что тот “отступил от небесного <царства>, а пришел к земному”». Соответственно, архиерейская власть рассматривается Б. А. Успенским как «небесное», а власть великого князя — как «земное»⁴. Кроме того, исследователь выдвигает гипотезу, «что конфликт Иосифа и Серапiona вписывается в полемику иосифлян и нестяжателей: позиция Серапiona обнаруживает вообще определенное сходство с идеологией нестяжателей» [Успенский 2002: 126–128]. «Идейное» сближение архиепископа Серапiona с последователями Нила Сорского едва ли справедливо. Этому противоречат известия источников: «Слова иного» и Жития Серапiona, где рассказывается о его активных выступлениях в бытность еще троицким игуменом против секуляризаторских поползновений Ивана III в 1503 г. [Бегунов 1964: 351–352; Моисеева 1965: 155–157]⁵.

Кроме того, едва ли на основании выдержки из неблагословенной грамоты можно делать вывод о конфликте «священства» и «царства» как подоплеке распри между новгородским архиепископом и волоколамским игуменом: восприятие событий современниками говорит не в пользу этого. Иосиф Волоцкий, цитировавший грамоту Серапiona в одном из своих посланий, дает указанной фразе принципиально иную

как раз с празднованием святой Софии, ведь, как сказано в Житии, Серапion «созывает всех старейшин, преимуших град, и множество народа на пиршество» [Моисеева 1965: 158]. Разумеется, московский автор Жития владыки мог быть не осведомлен обо всех тонкостях новгородской церковной жизни и связал пир у архиерея исключительно с праздником Успения.

⁴ В том же духе высказывался и А. А. Зимин, полагавший, что этим пассажем «Серапion хотел сказать, что Иосиф Волоцкий пошел на службу к великому государю, нарушив церковное, “божественное” установление, изменив делу церкви» [Зимин 1977: 84].

⁵ Заинтересовавшись новгородским архиепископом «как идеологическим деятелем», Я. С. Лурье пришел к выводу, что нет «оснований для того, чтобы связывать Серапiona до 1508 г. с нестяжателями». Далее исследователь обосновывает положение о том, что конфликт Иосифа Волоцкого с новгородским архиепископом стал одной из важнейших предпосылок к выступлениям нестяжателей, в первую очередь, Вассиана Патрикеева, против иосифлян. И хотя нестяжатели склонны были защищать опального архиепископа, причины, по которым они вступились за владыку, не разделявшего их взглядов, в русле рассуждений Я. С. Лурье не совсем понятны [Лурье 1960: 428–436].

интерпретацию: «Учинил Волок небом, а Москву землею, а князя Федора Волоцкого небесным, а великого князя Московьского земным!». Вне зависимости от того, насколько эта интерпретация была адекватна общему контексту не дошедшей до наших дней владычной грамоты⁶, очевидно, трактовка волоцкого игумена была использована против Серапиона на соборном суде. В ходе судебного разбирательства сам великий князь спрашивал архиепископа: «То, де, еси писал неблагословение и отлучение на Осифа, на священника и игумена, а вину еси его написал в своей грамоте, что он отступил от небеснаго, а пришел к земному, ино то еси нарек князя Феодора небесным, а меня земным. Ино аз земной то и есть, то нам скажи, почему ты князя Федора назвал небесным, да о том нам положи свидетельство от божественных правил» [Зимин, Лурье 1959: 221–223]. Таким образом, современники событий, во всяком случае, заинтересованные в осуждении Серапиона, склонны были рассматривать пассаж его грамоты о «небесном и земном» не как указание на противоречия между «священством» и «царством», а как знак особой благосклонности архиепископа к Федору Борисовичу Волоцкому в ущерб интересам Василия III. Для последнего защита владыкой интересов удельного князя (пусть, вероятно, и мнимая), по-видимому, стала решающим аргументом в пользу сведения Серапиона с новгородской кафедры⁷.

Примечательно, что Василий III, требуя от новгородского владыки пояснений, почему удельный волоколамский князь оказался причтен к «небесному», а он, великий московский князь, к «земному», предложил Серапиону привести ссылки на «божественные правила». Разумеется, «архиепископ против того не умел ни одного слова молвити» [Ibid: 223]. Это замечание позволяет рассматривать аргументацию участников конфликта уже не в плоскости их «идеологии», а с точки зрения канонического права. К тому же важное доказательство неправоты Серапиона Иосиф видел в том, что в запретительной грамоте Волоцкому монастырю архиепископ «от божественнаго писания, паче же от священных правил не написал ни одного слова» [Ibid: 206], в то время как «всякая правда бывает по свидетельству божественных правил» [Ibid: 221]. Как полагает А. И. Алексеев, в данном случае «неправомерность действий

⁶ Говорить об особой расположенности архиепископа Серапиона к князю Федору Борисовичу, очевидно, не приходится: сам Иосиф Волоцкий свидетельствовал, что «всегда была промеж их вражда несмиренна» [Зимин, Лурье 1959: 194].

⁷ И. П. Хрущов не без оснований трактовал фразу о «небесном» и «земном» «в том смысле, что Иосиф ради выгод поступил несправедливо, т. е. променял небесное царство на земные блага» [Хрущов 1868: 211]. А. И. Алексеев отмечает, что на соборном суде «это выражение трактовалось в смысле оскорбления величества московского самодержца» [Алексеев 2014: 232–233].

архиепископа была совершенно ясна», мало того, «действия архиепископа Серапиона подпадали под суровые нормы канонического права» [Алексеев 2014: 230, 234], что нашло отражение в соборной грамоте об осуждении новгородского владыки: «Поразсудив по божественным правилом и по законному обычаю, иже глаголет в правиле глава 134 Карфагенского собора, и в иных съборех главах, епископ аще не божественному правилу, ни по закону, но безсловесне, яростию и малодушием водим, коего от священнаго чина неблагословением и отлучением упразднить, великий архиерей състрастие тому епископу самому да творит, а неблагословеннаго и отлученнаго, яко неправедне осужена, да простить и благословить» [Зимин, Лурье 1959: 226]⁸.

Впрочем, «каноническая безупречность» вынесенного архиепископу Серапиону приговора никак не объясняет всеобщего сочувственного отношения к опальному владыке и осуждения поступков Иосифа Волоцкого. Последний вполне осознавал сложившуюся ситуацию и в послании к Б. В. Кутузову писал, что «и сам ты боле многих людей знаешь, кого подобает паче послушати, божественаго писания или человеки» [Ibid: 209], тем самым противопоставляя каноничность вины Серапиона и широко распространившиеся суждения о его полной невиновности. Все это, во-первых, заставляет поднять частный вопрос о том, почему отсылка к каноническим нормам не воспринималась современниками как исчерпывающее доказательство вины архиепископа; а во-вторых, в целом затрагивает проблему применения канонического права в Средневековой Руси.

Благодаря разысканиям В. М. Живова известно, что «церковнославянское право (за исключением некоторых разделов) было недействующим», имея при этом высокий культурный статус и являясь «важным идеологическим источником». Поэтому «ссылки на Номоканон, встречающиеся в русских юридических памятниках... не отражают реального использования византийских юридических текстов... а воплощают религиозную санкцию, предпосланную юридическому документу» [Живов 2002: 673–688]. Такого рода «традиция фиктивных ссылок на номоканон» [Ibid: 685], как представляется, в полной мере характерна для суда над архиепископом Серапионом. Как было показано выше, немаловажную роль в соборном разбирательстве сыграл пассаж из неблагословенной грамоты, «отступил от небеснаго, пришел к земному», который в принятой на соборном суде трактовке Иосифа Волоцкого непосредственно задевал великого князя. Видимо, именно это стало

⁸ А. Е. Мусин, в свою очередь, полагает, что в отношении игумена Иосифа и его монастыря «действия архиепископа Серапиона с канонической точки зрения были непрекеемы», однако каких-либо отсылок к каноническим нормам не приводит [Мусин 2016: 73].

основной причиной осуждения новгородского владыки, и, весьма вероятно, результат судебного разбирательства был продиктован волей великого князя, а не нарушением опальным архиепископом каких-либо канонических правил или норм обычного права⁹. А отсылка к 134 правилу Карфагенского собора, также предложенная Иосифом Волоцким, придала судебному решению необходимую религиозную санкцию.

Собственно, даже поверхностный разбор штудий, касающихся распри двух церковных деятелей начала XVI в., показывает, что большая часть выводов сделана исследователями на основе свидетельств, восходящих непосредственно к Иосифу Волоцкому и иосифлянкой интерпретации взглядов оппонентов — архиепископа Серапиона и его почитателей. Поэтому обращение к Житию архиепископа Серапиона, в котором конфликту уделено значительное внимание, представляется весьма актуальным. Особый интерес представляет включенный в состав Жития рассказ «О Иосифе неблагословение» с Посланием Серапиона митрополиту Симону, где опальный владыка весьма рьяно отстаивает свою правоту в конфликте с волоцким игуменом. Р. П. Дмитриева полагала, что «рассказ “О Иосифе неблагословение” был написан ранее Жития как предисловие к посланию Серапиона, адресованному митрополиту Симону» [Дмитриева 1988: 368]. Наблюдение исследовательницы о том, что «Послание Серапиона встречается в рукописях XVI в. и как самостоятельное произведение..., и совместно с рассказом “О Иосифе неблагословение”» позволяет выдвинуть предположение о поэтапном формировании текста: вначале Серапион пишет свое Послание митрополиту Симону, затем Послание получает предисловие, а уже после того два этих текста входят в состав Жития Серапиона. Однако особенности рассмотренного Р. П. Дмитриевой списка из сборника *Погод1554*, представляющего собой так называемый «строевский» конволют [Бычков 1882: 92–95], в котором Послание и рассказ «О Иосифе неблагословение» образуют единое произведение, приводят к заключению о дефектности этого списка. По сравнению с соответствующими текстами Послания и рассказа в списках Жития, в рукописи *Погод1554*, судя по изданию А. А. Зимина и Я. С. Лурье, отсутствуют известия об архидьяконе Иакове, отправившемся вместе с архиепископом Серапионом

⁹ В. М. Живов приводит аналогичный пример, упоминая, «что в 1471 г. великий князь Иван Васильевич велел казнить смертью Борецкого и еще трех новгородцев по подозрению в измене». Осуждение на казнь, впрочем, «могло быть — и скорее всего было — не юридическим актом, а частным волеизъявлением князя, не имевшим отношения ни к судебной деятельности, ни к юридическому обычаю», а поведение казненных «понималось не как правонарушение, а как акт личной борьбы с князем, вызвавший в ответ столь же личное возмездие» [Живов 2002: 668]. Правда, в случае с архиепископом Серапионом, учитывая его статус и положение в церковной иерархии, не обошлось без соборного суда.

в заключение, и выпущен отрывок Послания со ссылкой на правило Карфагенского собора, от слов «Слыши, господине, и вонми разумно» до слов «сниде в преисподнии ад темный» (ср.: [Моисеева 1965: 160; Зимин, Лурье 1959: 311]). Завершается текст в *Погод1554* словами «якоже глаголет великий Афонасие Александрьский ко Антиоху князю о неведомых вещех освященных» [Зимин, Лурье 1959: 333]. В тексте в составе Жития эта ссылка раскрывается, и цитируется 110 вопросо-ответ князю Антиоху Псевдо-Афанасия Александрийского [Моисеева 1965: 163, ср.: Куев 1981: 283–284], т. е. заключительная часть Послания и рассказа «О Иосифе небагословение» оказывается в *Погод1554* утраченной¹⁰.

Таким образом, происхождение как рассказа «О Иосифове небагословение» с Посланием, так и Жития святителя Серапиона, к сожалению, по сей день остается невыясненным. В. М. Ундольский предполагал, что обнаруженное им в составе сборника *Унд367* Житие Серапиона принадлежало перу Иоасафа Скрипицына, игумена Троице-Сергиева монастыря (1529–1539), а затем московского митрополита (1539–1542) [Ундольский 1870: 252]. Такая атрибуция основана на повествовании об обретении мощей святителя Серапиона при игумене Иоасафе: оно также читается в сборнике *Унд367*, вслед за текстом Жития. Однако обретение мощей святителя произошло в 1559 г., когда игуменом Троице-Сергиева монастыря был Иоасаф Черный, а не Иоасаф Скрипицын [Ключевский 1871: 291, примеч. 1; Моисеева 1965: 150]. По наблюдениям составителей описания рукописного собрания библиотеки Троице-Сергиевой лавры, завершающая часть Жития схожа с предисловием в сборнике *Троиц684*, принадлежавшем бывшему митрополиту Иоасафу (см. описание сборника, содержащего Житие Серапиона *Троиц636*: [Арсений, Иларий 1878: 217–218]). А Послание архиепископа Серапиона митрополиту Симону, включенное в состав Жития, читается в сборнике *Троиц783*, имеющем владельческую запись бывшего митрополита [Арсений, Иларий 1879: 203–206]. Я. С. Лурье, критически относившийся к атрибуции Жития Серапиона Иоасафу Скрипицыну, установил, что сборник *Троиц684* был создан книжниками на Белоозере, а концовка Жития Серапиона с вводной частью этого сборника «ничего общего не имеет» [Лурье 1960: 429, примеч. 78]. Р. П. Дмитриева, подробно рассмотрев факты биографии Иоасафа Скрипицына, показала, что рукопись *Троиц684* была получена бывшим митрополитом в Кирилло-Белозерском монастыре. Именно там Иоасаф пребывал в ссылке

¹⁰ «Конца послания не достает», — отмечал еще А. Ф. Бычков, составивший подробное описание сборника *Погод1554* [Бычков 1882: 94]. То, что ссылка на правило Карфагенского собора и окончание Послания в *Погод1554* именно утрачены, свидетельствует текст Послания в *Троиц783*, где и то, и другое читается в полном объеме [*Троиц783*, л. 650об.–651, 653–653об.]

после сведения с кафедры в 1542 г., и лишь около 1547 г. ему удалось вернуться в Троицкую обитель. Поэтому вполне оправдано заключение исследовательницы о том, что для убедительной атрибуции Жития Серапиона бывшему митрополиту Иоасафу Скрипицыну нет достаточных оснований [Дмитриева 1991].

Г. Н. Моисеева осуществила издание Жития Серапиона по нескольким спискам, однако ее публикация имеет свою специфику. В основу публикации был положен текст Жития по списку *Погод758*, а список Жития *Унд367*, который, как полагала сама Г. Н. Моисеева, «вероятно, связан с первоначальным видом этого памятника, когда он носил название «Повесть о преподобном Серапионе»» [Моисеева 1965: 149], тем не менее, использовался только для разночтений. Однако версия о связи *Унд367* с архетипом Жития имеет довольно веские основания. Во-первых, вводная часть текста памятника, которую неизвестный агиограф «дословно выписал из слова Льва Филолога на память Зосимы Соловецкого» [Ключевский 1871: 291], в *Унд367* обнаруживает наибольшую близость к своему источнику [Плигузов 2002: 340; Алексеев 2002: 267]. Во-вторых, только в *Унд367* читается рассказ об основании Дубенского монастыря, где Серапион принял монашеский постриг; рассказ этот восходит к Житию Сергия Радонежского редакции начала XVI в. [Алексеев 2002: 268]. Учитывая высокую вероятность создания Жития Серапиона в стенах Троице-Сергиева монастыря, куда опальный владыка был отправлен спустя какое-то время после соборного суда, отмеченный факт вполне может свидетельствовать в пользу первичности *Унд367*. В-третьих, входящее в состав Жития Послание митрополиту Симону, написанное Серапионом во время пребывания в заточении в Спасо-Андрониковом монастыре, обнаруживает ссылку на одно из канонических правил: «Прозвистер аще будет епископом своим отлучен, области тоя митрополиту и епископом припадати не возбраняется. Аще же к тем не припадает, не смиряется, но раскол творяй, гордяся святыня богови принесет, рекше паки начнет служити, да будет проклят» [Моисеева 1965: 160]. В тексте *Погод758* и списках его группы данная норма ошибочно обозначена как 16 правило Карфагенского собора, а в списке *Унд367* — как 11 правило того же собора, т. е. содержит более исправное (ср.: [Белякова et al. 2002: 211]) и, видимо, близкое к оригиналу чтение¹¹. Это послание, включенное в принадлежавший Иоасафу

¹¹ То, что опальный владыка апеллировал в данном случае к 11 правилу Карфагенского собора, отметил еще И. П. Хрущов [1868: 216], обратившийся к списку Послания в рукописи Епарх375. Ср.: [Хрущов 1865: XXIX–XXX; Дианова et al. 1991: 384–385]. Тем не менее в литературе по сей день можно встретить утверждение, будто в Послании сказано, что «Волоколамский игумен нарушил 16-е правило Карфагенского собора» [Витлин 2011: 70; ср.: Несин 2018a: 24].

Скрипицыну сборник, также в указанном месте обнаруживает ссылку на 11 правило Карфагенского собора [*Троиц*783, л. 650об.–651], т. е. содержит исправное чтение¹².

Безусловно, Послание митрополиту Симону в Житии полемически направлено против Иосифа Волоцкого и его сторонников и представляет суть конфликта глазами владыки Серапиона. «<...> Сей горды, — пишет опальный владыка, — и лжу приплетае теми ложными своими словесы и послании государя и великаго князя обругова на злобу и сведе, и тебе, государя моего, ненавидети нас сотвори. В тех его лжах злых, мнози от государя в темницах заключены, во многих муках продолжали. У многих имения восхищены, и мнози от государя и доселе не в любви. А не все ли, господине, тою злою ложию!» [Моисеева 1965: 160–161]. Очевидно, Иосиф Волоцкий под пером Серапиона предстает единственным виновником того незавидного положения, в котором оказался последний. Весьма вероятно, Иосифовы «лжи», на которые так настойчиво указывает архиепископ, связаны с иосифлянкой интерпретацией фразы о «небесном» и «земном», столь уязвившей Василия III. К самому великому князю Серапион, кажется, не имеет никаких претензий, ведь тот фактически тоже оказывается жертвой иосифлянской неправды, хотя гнев великого князя возымел далеко идущие последствия. Я. С. Лурье, рассматривая свидетельство о множестве попавших в опалу из-за действий волоцкого игумена, полагал, что Серапион указывал «очевидно, на бесчисленные аресты лиц, заподозренных в сочувствии разгромленной в 1504 г. новгородско-московской ереси» [Лурье 1989: 320].

Не оспаривая мнения Я. С. Лурье, отметим, что есть основания отнестись к свидетельству опального владыки к событиям 1509 г. в удельном Волоке. Анонимное послание в защиту новгородского архиепископа содержит известия, что старец Иосиф, перейдя со своим монастырем под покровительство Василия III от удельного князя Федора Волоцкого, «вооружил на него великого князя. И князь великий Василей Иванович всеа Руси на князя Федора великий свой гнев послал и с очей его сослал и бояр и дьяков его обесчестил» [Зимин, Лурье 1959: 338]. При этом анонимный автор развивает свою мысль и, обращаясь далее к Иосифу, пишет: «А ты господине, у кого научил ся ратовать, и кто тебя вооружил на брань? У кого еси взял стрелы и кто ти щит приготовил? И почему еси дворянин великого князя, сяков ли, господине, добрый

¹² Рассказ «О Иосифе неблагословение» и Послание Серапиона в *Погод*1554 обнаруживают текстологическую близость со списком *Унд*367, на что обратила внимание Р. П. Дмитриева, сделавшая вывод, что «их надо признать авторскими» [Дмитриева 1988: 369]. Впрочем, как было показано выше, список *Погод*1554 никак нельзя признать авторским по причине его дефектности.

пастырь?» [Ibid: 348]. Очевидно, учиненные Василием III экзекуции в Волоцком уделе были довольно масштабны, и непосредственным поводом для них стали жалобы Иосифа с братией на князя Федора Волоцкого и просьба принять монастырь под покровительство великого князя. Современниками вина в учиненных расправах целиком возлагалась на Иосифа Волоцкого, поступок которого расценивался как неподобающий игумену и духовному отцу обители, а допустимый лишь для «дворянина великого князя».

Попытки Иосифа Волоцкого оправдаться и представить доводы в защиту собственной правоты «от священных правил» имели прямо противоположный результат. И. И. Головин в своем Послании старцу Иосифу приводит «Правило 7 собора иже в Халкидоне: “Аще мниси или причетници церковнии, мниси убо оставльше монастырь, или причетници причет, и ризы изменше в воинский чин внидуть, или мирский сан приимут, и не покаются, и не обратятся, ни восхотят взяти своего образа, его же преж Бога ради изволиша, да будут прокляти”» [Ibid: 336]. Такого рода отсылка, во-первых, довольно ясно демонстрирует, как истолковывалась современниками роль игумена Иосифа в контексте перехода Волоколамского монастыря «под руку» Василия III. А во-вторых, дает представление о том, как функционировало каноническое право в целом, в виде тех самых «фиктивных ссылок на номоканон», которые призваны были придать авторитетность отдельным обвинениям, формировавшимся вне поля канонических норм.

Не исключено, что на неподобающее игумену поведение Иосифа Санина намекает и сам Серапион в Послании митрополиту Симону, дважды называя своего противника «ябедником» [Моисеева 1965: 160–161]. По-видимому, в начале XVI в. это слово употреблялось в двух основных значениях: «клеветник» и «служитель, должностное лицо» [Срезневский 3: 1631–1632]. Первое значение хорошо соотносится с обвинениями Иосифа во «лжах», второе — может в виде намека характеризовать образ его действия как слуги великого князя (см. подробнее: [Казаков 2019]).

Но, пожалуй, важнейшей для новгородского архиепископа виной Иосифа Волоцкого было то, что тот «из моего предела, от святыя церкви премудрости божия изскочил якоже второй Июда из лика апостольска, здался с монастырем, а мне того дела не сказал, и своих обид ни малым писанием к нам не возвестил, нашего благословения нимало от нас приял» [Моисеева 1965: 160].

Высказывание Серапиона, на первый взгляд, представляет дело так, будто Волоцкий монастырь волею своего игумена перешел из Новгородской епархии в митрополию. Такая трактовка событий характерна

для новгородского летописания, где говорится, что Иосиф «изъ архиепископѣ из Новгородцкой перешолъ и с монастырем, отказался въ митрополию за митрополита» [ПСРЛ 4/1/2: 461] (см. также: [ПСРЛ 3/2: 65, 142, 319]). Источники иосифлянскаго происхождения, однако, отрицают факт перехода Иосифо-Волоцкого монастыря в митрополию. Так, Савва Черный, автор минейного Жития преподобнаго Иосифа (1546 г.), утверждает, что Иосифов монастырь «ис прѣдѣла <...> отъ Новгородскіа архіепископїи не отшелъ», причем вкладывает эту фразу в уста великаго князя Василя Ивановича [ВМЧ 1868: 478]. «Волокъ же той быше изъначала прѣдѣл Великаго Новаграда <...> и подѣ области архіепископа того града до сего времени», — свидетельствует Досифей Топорков в Волоколамском патерике [Ольшеская, Травников 1999: 81], текст котораго, по-видимому, формировался в 20-х — начале 30-х гг. XVI в. (датировку см.: [Казакъ 2018]). Кроме того, не упоминает об отказе Волоцкого монастыря в митрополию и рассказ «О Иосифе неблагословеніе», сообщая лишь, что «Иосиф отиде и с монастырем от князя Феодора <...> И прииде к великому князю Василию». Узнав об этом, архіепископ Серапион сокрушался, «како без его совета, и не восхоте благословенія от своего архіепископа, и самоволством вознесе-ся мыслію и презорством Иосиф, и не поведав своему архіепископу и отиде и с монастырем от князя Феодора» [Моисеева 1965: 159]. Поэтому ни о каком переходе в митрополию автор рассказа «О Иосифове неблагословеніе» не знает — на первый взгляд, это говорит о противоречии между рассказом и последующем ему Посланием опальнаго владыки митрополиту Симону¹³.

Противоречіе, впрочем, оказывается мнимым при более внимательном прочтеніи Послания Серапиона. Для Серапиона главная вина Иосифа — получение игуменом Иосифом разрешенія от наложенных на него новгородским архіепископом прещеній у московскаго митрополита: «Кто убо связа, сей и разрешити может» [Моисеева 1965: 163]. Также архіепископа, очевидно, возмутил факт перехода Иосифо-Волоцкого монастыря без благословенія правящаго архіерея: «И ныне аз видех того Иосифа неправду и гордыню, и многое презорство ко отцем и ко мне, что живучи у нас, в нашем пределе, под нашею властію, и нам повинен есть от древних государей и прежних моим государем, архіепископом новгородским тоя области, и та пустынка, и в ней живущи, а у нас благословенія не требуют» [Ibid: 162]. Ни в том, ни в другом случае речи об отказе Иосифова монастыря в митрополию не шло. Но

¹³ Это заметил еще Е. Е. Голубинский, который вообще считал Послание подложным, принадлежащим перу составителя Жития Серапиона [Голубинский 1900: 638–639, примеч. 3].

факт обращения к митрополиту Симону, по-видимому, рассматривался владыкой Серапионом как умаление собственной архиерейской власти игуменом Иосифом. Тем более, как следует из Послания Иосифа Волоцкого митрополиту Симону, волоцкие старцы вообще мало надежд возлагали на своего архиепископа, прося, чтобы их «Симон митрополит сам пожаловал, а государю, великому князю Василью Ивановичу всея Руси печаловался». Результатом этой просьбы стал переход Иосифо-Волоцкого монастыря «под руку» Василия III. При выдаче запрети-тельной грамоты Серапионом ситуация повторилась: обращаясь к митрополиту, игумен Иосиф просит, чтобы тот «сам жаловал, а государю сыну своему, великому князю, печаловался, как еси в начале жаловал» [Зимин, Лурье 1959: 186]. Однако архиепископ Серапион увидел в поступках Иосифа признак того, что тот «презоривый нанес сию клятву себе, уподобися он прежнему Цамблаку, иже раскол сотвори велицей апостольстей божий церкви, святейшей велицей митрополии, иже ложно себе поставил в митрополиты» [Моисеева 1965: 160]. Надо думать, уподобление Григорию Цамблаку должно было, с точки зрения архиепископа Серапиона, не просто указывать на неканоничность поведения Иосифа Волоцкого и его пострижеников, но иметь какой-то более глубокий смысл.

Ю. К. Бегунов попытался истолковать это уподобление в ключе литературных связей. По замечанию исследователя, в Послании Серапиона «имя митрополита Киевского Григория Цамблака поминалось не с лестной стороны... Осуждение Цамблака игумену Иосифу было очевидно неприятно, так как он хорошо знал Григория как блестящего церковного писателя, чье “Надгробное слово митрополиту Киприану” послужило ему образцом для написания изысканного “Послания вельможе Иоанну о смерти князя Бориса Васильевича Волоцкого”» [Бегунов 1991: 83]. И хотя атрибуция указанного послания, равно как и то, что составление его было приурочено именно к кончине удельного волоцкого князя Бориса Васильевича, были оспорены [Морозова 1979], тем не менее игумен Иосиф действительно обращался к сочинениям Цамблака. Так, в Послании И. И. Третьякову, основной темой которого было оправдание перехода Волоколамского монастыря под покровительство Василия III, старец Иосиф активно использовал второе Житие Стефана Дечанского, принадлежащее перу Григория Цамблака [Наумов 1963]¹⁴.

¹⁴ Второе Житие Стефана Дечанского Иосиф использовал преимущественно с целью обосновать неприкосновенность монастырских имуществ, на которые неоднократно покушался волоколамский князь Федор Борисович. «Инии же князи, — пишет Иосиф, — подобно тому согреша и немилостивно казнь от владыки Христа в нынешнем веце пострадаша, а в будущем же страшнейши и лютейши, яко в бесконечныя веки во огни неугасающем мучитися, якоже написано

Впрочем, допущение, что архиепископ Серапион намеренно упомянул Григория Цамблака в негативном контексте, дабы уязвить Иосифа Волоцкого, представляется все же неправдоподобным: в этом случае нужно предположить, что и автор послания, и его адресат были осведомлены о литературном интересе волоколамского игумена к творчеству Цамблака, а для этого нет никаких оснований.

Более адекватный ситуации контекст упоминания Цамблака в Послании Серапиона может быть восстановлен на основании наблюдений Б. А. Успенского, отметившего, что в 1505–1511 гг. митрополит Симон внес «в чин поставления епископов значительное добавление, в котором кандидат в епископы отрекается от всех митрополитов, поставленных (на русскую митрополию) в Риме и Константинополе, и обещается признавать лишь таких митрополитов, которые получили поставление в Москве, в Успенском соборе», а в исповедание при хиротонии вносится характерный пассаж: «Отрицаюжесь и проклиная Григориева Цамблакова церковного раздранья, яко же и есть проклято» [Успенский 1998: 242]¹⁵. Очевидно, поставление в 1506 г. на новгородскую кафедру троицкого игумена Серапиона сопровождалось принесением именно этого архиерейского обещания, упоминание о Цамблаке в Послании являлось отсылкой к соответствующей формуле архиерейского исповедания.

Последнее представляется возможным и постольку, поскольку мотив обещаний, принесенных опальным архиепископом при хиротонии, весьма четко прослеживается в тексте его Послания. «Обещался есми тебе, моему господину и отцу, — пишет Серапион, обращаясь к митрополиту, — твоя заповеди сохранить без вреда. Исповедался есми, тебе, святейшему митрополиту и всем епископом, и всему святому собору во святей божий церкви пречистыя богородица у целбоносного гроба Петра чудотворца, что ми не бояться в правде великаго князя, ни множество народа, понеже пишет правдою пред цари не стыдяхся, и глаголах» [Моисеева 1965: 162]. И далее: «А мне же последнему не буди ми сотворити, яко же тебе обещахся, еже повиноватися неправдам» [Ibid: 163].

в житии святого мученика сербского царя Стефана чудотворца» [Зимин, Лурье 1959: 199]. Как показал А. А. Турилов, «в конце XV — начале XVI в. <...> основными культурными связями Руси со славянскими Балканами являлись, очевидно, русско-сербские». К тому времени относится появление старшего русского списка второго Жития Стефана Дечанского в иосифлянской книжности [Турилов 2012: 587].

¹⁵ Правда, В. М. Живов усомнился в датировке этой редакции 1505–1511 гг. Он полагал, что упоминание в тексте обещания Василия III и митрополита Симона говорит лишь о том, что в это время интересующая нас формула использовалась при архиерейских хиротониях, но могла возникнуть и раньше, «поскольку при копировании такого рода текстов конкретные имена могли ставиться на места имярек, находившиеся в списываемом образце» [Живов 2004: 139].

Архиепископ Серапион таким образом обосновывает свое неблагословение Иосифу Волоцкому клятвами, принесенными при архиерейской хиротонии.

Вполне возможно, доводы Серапиона в Послании являются запоздалыми ответами на вопросы, поставленные перед ним еще на соборном суде. Как свидетельствует Иосиф Волоцкий, тогда «положили священная правила, да по велению царскому и святительскому почал говорити архиепископ Ростовьской Васьян, да богоявленъскій игумен Нил Грек архиепископу Серапиону: “Почему, де, еси отлучил и не благословил Иосифа? Во се тебе священная правила, почему ти подобает не благословити и отлучати? Зане же не подобает святителем и священником ничто же творити, кроме свидетельства священннх правил, паче же не отлучити, ниже благословити ни простого человека. Ино ты отлучил Иосифа, священника и игумена, не по свидетельству божественнх правил <...>”. Да и прочли перед ним те главы в правилах, которые святителя отлучают и не благословляют и из сана измещут, тако творящему» [Зимин, Лурье 1959: 222]. Поэтому на основании отсылок к архиерейскому обещанию опальный владыка стремился показать неправоту своего оппонента и, кроме того, с этой же целью привлек три ссылки на правила Кормчей. По крайней мере две из них были так или иначе связаны с упоминанием Цамблака: 11 правило Карфагенского собора и 12 Апостольское правило, к которым апеллирует архиепископ Серапион [Моисеева 1965: 160–161, примеч. 52; *Троиц.* 783, л. 650об.–651об.], содержатся и в Послании митрополита Фотия против поставления Григория Цамблака [Кобяк et al. 2005: 129–130]. Разумеется, довольно сложно говорить в данном случае о прямом заимствовании: формулировки правил, приведенные Серапионом и Фотием, разнятся, но нельзя исключить, что опальный владыка, упомянув Григория Цамблака, ориентировался на те канонические проступки, которые вменялись ему в вину, и перенес соответствующие ссылки в свое Послание. Третья ссылка на Номоканон, к которому обращается новгородский архиепископ, упоминает «иже в Лаодикии святаго собора иже есть в средце. Правило 16: Аще поп или диакон, или кто от причта без общения от своего епископа будет и ко другому епископу сведущу прибежит, отлучена от общения от своего епископа, не подобает епископу, брату своему ругания творяща, подати ему общение, ведый отлучена от общения своего епископа» [Моисеева 1965: 161; ср.: Зимин, Лурье 1959: 332]. Во-первых, формулировка «в Лаодикии святаго собора, еже есть в средце» является путаницей, которая усугубляется некорректной передачей текста публикатором. В Кормчих содержатся правила двух поместных соборов: «иже в Лаодикии Фругиистѣи» и «иже в Сардикии, сирѣчь въ

Средци» [Корогодина 2017: 16–17, 67]. Очевидно, Серапион ссылается на правило какого-то одного из этих соборов, но при этом смешивает оба — публикатором текста это остается нераспознанным. Во-вторых, различные рукописи с Посланием содержат разный номер правила: в одних списках — 16 [Моисеева 1965: 161], в других — 15 [Троиц783, л. 651–651об.; Зимин, Лурье 1959: 332]. Судя по содержанию правила, его следует отождествить с 15 правилом Сардикского собора — в Средце, вероятно, именно на него изначально ссылался Серапион в своем Послании митрополиту Симону (ср.: [Бенешевич 1906: 294]).

Разумеется, канонические ссылки, приводимые новгородским архиепископом, играли, скорее, роль некоего фона для придания большей значимости его обвинениям в адрес своего противника: в этом отношении они не выходили, да и не могли выйти, за рамки практики «фиктивных ссылок на номоканон», о которой было сказано выше. Гораздо отчетливей звучал мотив, связанный с обещаниями, принесенными Серапионом при поставлении его в архиепископы, и его уверенность в том, что наказание Иосифу Волоцкому было вынесено в рамках врученной ему при хиротонии архиерейской власти: «И дал есть ми слово богу и вам, что ми ходити по преданию апостол и святых отец. И дал ми еси херотонию, по ней же ми еси велел творити. И дала ми есте власть вязати и решить» [Моисеева 1965: 162]. По этой же причине Серапион не признал решений соборного суда, в Послании обращался к митрополиту Симону как «заточенный архиепискуп божия церкви великаго Новаграда и Пскова» [Ibid: 160].

Сторонник архиепископа Серапиона, автор рассказа «О Иосифе неблагословение» дает понять, что суд проходил не без интриг со стороны иосифлян. По его свидетельству, Иосиф Волоцкий «подходит убо братом своим легка убо умом, легчайша же и разумом, Васияном, ростовским архиепискупом, Симона митрополита, мужа кротка, и тиха, и обходят его ласками и лестьми» [Ibid: 159–160].

Кажется, через характеристику архиепископа Вассиана автор дает оценку тех событий в целом, оценку, понятную современникам из числа книжников, но, к сожалению, затемненную историографической традицией. Е. Е. Голубинский, мельком касаясь личности Вассиана Санина, заметил, что о нем «может быть, до некоторой степени и справедливо отзывались недоброжелатели» [Голубинский 1900: 576]. А. А. Зимин, в глазах которого Вассиан — «типичный иосифлянин», по-видимому, не без умысла приводил следом характеристику ростовского архиепископа из Жития Серапиона [Зимин 1977: 39–40]. Однако принадлежность к иосифлянству отнюдь не означала для того времени непременно умственную ограниченность, скорее наоборот. Так, составитель

второй редакции анонимного Жития Иосифа Волоцкого описывает Вассиана Санина прямо противоположным образом, как «мужа разумна и добродѣтелна, и разум имуща божественнаго писанія, искусна церковному чину в пѣнїи и чтенїи» [Белокуров 1903: 31, примеч. 157]. Несмотря на то, что это — позднейшая вставка в первоначальный текст памятника, появлением своим, быть может, обязанная как раз отзыву о Вассиане в Житии Серапиона (о сложных текстологических взаимовлияниях Жития Серапиона и редакций анонимного Жития Иосифа Волоцкого см.: [Плигузов 2002: 340–348]), можно предположить, что она более адекватно характеризует брата Иосифа Волоцкого. Как показал А. С. Усачев, высокий уровень книжной выучки пострижеников Иосифо-Волоцкого монастыря способствовал тому, что вплоть до 70-х гг. XVI в. они зачастую ставились настоятелями значительных по своему влиянию монастырей и занимали архиерейские кафедры [Усачев 2017]. Вассиан Санин принадлежал к наиболее ранней плеяде такого рода волоцких пострижеников, поэтому данная ему в Житии Серапиона характеристика едва ли справедлива.

Вопрос об адекватности оценки Вассиана его оппонентами вообще может быть снят, поскольку она имеет совершенно определенный литературный источник — Житие святителя Петра, митрополита Киевского «Киприановской» редакции, — и представляет собой кальку характеристики тверского епископа Андрея, строившего козни против первосвятителя: «По времени же паки зависти делатель враг завистию подьходить Аньдреа, епископа суща Тиферьскаго предела, легька убо умом, легчайша же и разумом, и изумлена суща, и о суетне[й] се[й] славе зинувша, и поостривьша язык свой глаголати на праведнаго безаконие» [Прохоров 1978: 210]¹⁶. Очевидно, уничижительная характеристика используется для сближения двух персонажей, равно как и казусов русской церковной истории: интриги ростовского архиепископа Вассиана против владыки Серапиона оценивается по аналогии с выступлением тверского епископа Андрея против святителя Петра — это демонстрирует несправедность деяний Вассиана Санина.

Несмотря на литературные параллели в текстах, судьбы киевского митрополита Петра и новгородского архиепископа Серапиона были прямо противоположны: если первому удастся опровергнуть несправедные обвинения, второй решением соборного суда лишается кафедры и попадает в заточение: «И сводят архиепискупа свята и преподобного Серапиона со престола, и в монастыре затворяют во Андроникове. А с

¹⁶ Р. А. Седова специально отмечает, что характеристика тверского епископа Андрея в Житии святителя Петра является вставкой, принадлежащей митрополиту Киприану [Седова 1983: 260].

ним ученик бѣше Ияков, архидиакон его. Архимандрит же монастыря того, Симеон, озлобляше Серапиона зельно; ученик бо бѣше Иосифовъ» [Моисеева 1965: 160].

Со сроками заточения архиепископа Серапиона в Спасо-Андрониковом монастыре, впрочем, далеко не все ясно: по свидетельству автора рассказа, великий князь, «слышав, что Симеон Серапиона оскорбляет, и повеле Серапиону быти в дому живоначальной Троица и преподобнаго отца Сергия чудотворца, отколе и на престол возведен бысть» [Ibid: 163]. Поэтому можно заключить, что заточение опального владыки было не слишком долгим: согласно летописям, «свелъ князь велики владыкоу Серапиона с Новагорода, после Велика дни три недѣли споустя» [ПСРЛ 4/1/2: 461], ср.: [ПСРЛ 3/2: 65, 142, 319], т. е. не ранее 29 апреля (Пасха в 1509 г. приходилась на 8 апреля). Дата ареста новгородского архиепископа подтверждается показанием Типографской летописи, в которой это событие отнесено к маю 1509 г. [ПСРЛ 24: 216]. А уже 21 августа того же года обидчик Серапиона, андрониковский архимандрит Симеон стал суздальским епископом [ПСРЛ 28: 344, ср.: ПСРЛ 6/2: 390]¹⁷ — видимо, к этому времени Серапион был отослан в Троице-Сергиев монастырь. Эта хронологическая раскладка хорошо согласуется с повествованием о сведении новгородского владыки с кафедры в летописях, где сказано, что после соборного суда «Серапиону повѣлѣша пребыти в монастыри оу Троици» [ПСРЛ 28: 344, ср.: ПСРЛ 6/2: 388].

Правда, как отмечала Р. П. Дмитриева, это повествование, впервые включенное в свод 1518 г., «носит обвинительный характер против Серапиона» и содержит «противоречие с известием под 1511 г. в том же своде о прибытии Серапиона в Троицкий монастырь... Противоречие объясняется тем, что автор рассказа и составитель свода явно умышленно опустили факт заточения Серапиона в 1509 г. под иосифлянским надзором» [Дмитриева 1988: 370–371]. Но не исключено, что указанное исследовательницей противоречие во многом искусственно: летописи под 1511 г. содержат рассказ о кончине митрополита Симона, накануне которой, «по великого князя слову» смертельно больной Симон «посла по Серапиона, бывшаго архиепископа Великого Новагорода и Пскова, и благослови его, и прощение взят с ним, и отпусти его к Троици в Сергеевъ монастырь», а вскоре, 30 апреля, Симон скончался [ПСРЛ 28: 346, ср.: ПСРЛ 6/2: 392–393]. Летописи не говорят, откуда прибыл Серапион к умирающему митрополиту.

¹⁷ Тогда же, в последней декаде августа 1511 г., на тверскую кафедру был поставлен принимавший активное участие в соборном суде над новгородским архиепископом игумен московского Богоявленского монастыря Нил Грек [ПСРЛ 28: 344, ср.: ПСРЛ 6/2: 390].

Несколько иную картину предлагает Типографская летопись, ссылаясь на которую А. А. Зимин утверждает, что Серапион был отпущен из Москвы в Троицу лишь 15 мая 1511 г., подразумевая, что до этой даты опальный владыка находился под замком в Андрониковом монастыре [Зимин 1977: 93]. Однако обращение к тексту Типографской летописи обнаруживает, во-первых, отсутствие в ней подробного рассказа о суде над архиепископом Серапионом, летописец просто сообщает, что «месяца мая, поималъ князь великій Новгородскаго архиепископа Серапиона и велѣлъ его вести к Москвѣ, и оучениша на него соборъ, что посылалъ архиепископ Серапионъ грамотоу неблагословеную на старца на Іосиѡа, што Іосиѡъ отказался изъ его архиепископїи отъ князя Ѳедора и с монастыремъ к великому князю без его ведома»; далее под тем же годом следуют известия о поставлении Симеона и Нила в архиереи [ПСРЛ 24: 216]. Во-вторых, под 1511 г. после сообщения о представлении митрополита Симона 29 апреля, летописец упоминает, что 15 мая «отпустилъ князь велики бывшаго архиепископа Новгородскаго Серапиона в Сергиевъ монастырь» [Ibid: 217], не уточняя, откуда был отпущен Серапион: то ли из Андроникова монастыря, то ли (как известно из других летописей) от великого князя после примирения с почившим митрополитом. Поэтому нет оснований утверждать, что в мае 1511 г. опальный владыка был отпущен непременно из заточения. Свидетельства Жития Серапиона, отражающие точку зрения сторонников опального владыки, равно как и известия иосифлян, восходящие к летописному своду 1518 г., дополняя друг друга, позволяют сделать вывод, что новгородский архиепископ был заточен в Андрониковом монастыре в мае–августе 1509 г. Кроме того, о том, что Серапион был отпущен из заточения не в 1511, а еще в 1509 г., свидетельствуют вставки в двух, правда, поздних списках его Жития. Там рассказывается, как умирающий митрополит Симон призвал бывшего архиепископа Серапиона, примирился с ним «и паки отпусти его к Троице в Сергиев монастырь» [Моисеева 1965: 164, примеч. 83]. Очевидно, опальный владыка мог вернуться «паки» только туда, откуда прибыл в Москву.

Как видим, в 1511 г. произошло примирение опального владыки Серапиона с митрополитом Симоном и, как можно, предполагать, с великим князем Василием III¹⁸. Но едва ли то же самое можно сказать об

¹⁸ Возможно, признаком потепления отношений с великим князем стало поставление 1 апреля 1515 г. Иакова, бывшего архидьяконом при Серапионе в Новгороде, в игумены Троице-Сергиева монастыря [ПСРЛ 24: 217], что, судя по тексту Жития, было чудесным образом предсказано самим Серапионом пятнадцатью годами ранее [Моисеева 1965: 164]. В Житии Серапиона говорится, что Иаков принял игуменство, будучи «понужен самодержцем и митрополитом» [Ibid: 155].

отношениях между опальным владыкой и волоцким игуменом. Сохранившееся Послание Иосифа великому князю, из которого следует, что Василий III просил волоцких старцев примириться с бывшим архиепископом, не дает возможности судить, состоялось ли это примирение. С одной стороны, Иосиф Волоцкий соглашается с просьбой Василия III, «как ты, государь, велишь, и яз так бью челом». Но с другой стороны, старец напоминает о своей довольно жесткой позиции в отношении опального владыки: «толды писал о том тебе, государю, и ко иным, кои меня жалуют» [Зимин, Лурье 1959: 229]. Видимо, речь идет о посланиях Иосифа И. И. Третьякову и Б. В. Кутузову, просивших волоцкого игумена «бити челом и прощатися у бывшего архиепископа у Серапиона» [Ibid: 187]. На эти просьбы Иосиф довольно резко отвечал, что, если «мне ныне бити челом и прощатися и виновата себя нарицати и пред архиепископом Серапионом, — ино то мне обезчестити и уничижити священная правила и вся божественная писания и царьский и святительский суд» [Ibid: 190]. Отношение Иосифа Волоцкого к возможности примирения представляется, судя по приведенным выдержкам, однозначно отрицательным.

Куда более сговорчивым представляет Иосифа Волоцкого его анонимное Житие. Оно сообщает, что вскоре после сведения новгородского владыки с кафедры «Иосифъ извѣстовался къ Серапиону, и, познавшеся на истинѣ, смиреніе оумножиста себѣ преподобника, и любовь множае первыя оутвердиста. Сіа бо преподобным свойствена: егда коа строптивая прилучаются или въсьпрений взысканіа, не множае в семъ оукоснѣвати, но обрѣтше истину, самѣмъ въ смиреніи извѣстоватися, якоже и блаженная Епифаній и Іоаннъ, и сіа отца, Серапионъ и Иосиѡ» [Белокуров 1903: 42]. К. И. Невоструев не без оснований увидел здесь отсылку к конфликту Иоанна Златоуста с Епифанием Кипрским, отметил и совпадение приведенной нравоучительной выдержки из анонимного Жития Иосифа с отрывком Жития Серапиона [Невоструев 1870: 137–138]: «Сія преподобным свойствена: егда кая стропотная бывает им, вражду попра, на смирение приити, яко блаженный Иван и Епифаній, тако ж и сии отцы, Серапион и Осиф» [Моисеева 1965: 164]. Особый интерес здесь представляет сопоставление вражды Иосифа и Серапиона с непростыми взаимоотношениями святителей Епифания Кипрского и Иоанна Златоуста. Из Жития Епифания известна его ссора с Иоанном, которая была использована недругами последнего и в конечном итоге привела к ссылке константинопольского архиепископа [Князевская et al. 1971: 285–289] — параллель между судьбами Иоанна Златоуста и архиепископа Серапиона вполне уместна и понятна как составителю, так и читателям Жития Серапиона. Менее оправданным

такое сопоставление видится в анонимном Житии Иосифа Волоцкого, которое, однако, обнаруживает «мягкость автора в отношении к противникам Иосифа, отсутствие резких выражений о них» [Ключевский 1871: 293]¹⁹ — по-видимому, именно это определило возможность заимствований составителем Жития Серапиона.

В целом же, полемичность Жития Серапиона, стремление его составителя максимально выразительно представить позицию опального архиепископа в распре с Иосифом Волоцким, дать собственную оценку событий, несколько расширяет привычные рамки агиографического жанра: логика повествования строится таким образом, что этикетные элементы хотя и присутствуют, тем не менее несут скорее вспомогательную функцию. Характер выпадов против иосифлян в тексте традиционен, он связан с привлечением литературных параллелей с целью представить противников новгородского архиепископа в невыгодном свете. Ядром «противоиосифлянской» композиции является Послание Серапиона, которое, однако, вполне автономно по отношению к обрамляющему его агиографическому повествованию. Аргументация, приведенная в Послании, по всей вероятности, обычна для своей эпохи, во всяком случае лишена каких-либо обобщений, которые бы позволили говорить о некой «социально-политической ориентированности» Серапиона и выводить конфликт на уровень противопоставления «священства» и «царства». Стремление противопоставить отлучение Иосифа Волоцкого владыкой Серапионом действиям великого князя, принявшего Иосифов монастырь под свое покровительство, характерно для самих иосифлян. Ярким образцом именно такого подхода сторонников волоцкого игумена является летописный рассказ о конфликте, который представляет дело так, «что Серапион как бы выступил против решения самого великого князя, а не против Иосифа» [Дмитриева 1988: 370–371]. В своем Послании архиепископ Серапион совершенно иначе расставляет акценты, выводя необходимость отлучения Иосифа Санина из своих представлений об архиерейской власти и обещаний, принятых им при хиротонии. Можно сказать, что часть упреков адресуется непосредственно митрополиту, явно принявшему сторону волоцкого игумена, а текст Послания становится своеобразным ответом «лжам» Иосифа Волоцкого с его лукавым толкованием «небесного» и «земного». Композиционно связанный с Посланием Серапиона рассказ «О Иосифе неблагословение» обнаруживает ту же тенденцию, указывая с помощью формулы литературного происхождения на роль в соборном

¹⁹ Видимо, Житие создавалось вне иосифлянской среды и, вероятно, попало в нее по прошествии некоторого времени после написания; тогда же в рассказе о конфликте Иосифа и Серапиона появляются характерные вставки, призванные показать неправоту новгородского архиепископа [Белокуров 1903: 41–42].

осуждении новгородского владыки Иосифова брата, ростовского архиепископа Вассиана Санина. Заимствование обнаруживается и в сообщении автора Жития Серапиона о примирении бывшего владыки и волоцкого игумена. Не сообщая каких-либо конкретных фактов — вполне вероятно, по причине их отсутствия — жизнеописатель Серапиона почти дословно повторяет соответствующий пассаж из анонимного Жития Иосифа Волоцкого. Такого рода заимствование во многом сглаживает остроту противостояния почитателей Серапиона с иосифлянами. Можно предположить, что неизвестный автор Жития новгородского архиепископа стремился несколько дистанцироваться от тех выпадов в адрес Иосифа Волоцкого и его последователей, которые характерны и для Послания митрополиту Симону, и для рассказа «О Иосифе неблагоговение» — а это, в свою очередь, позволяет вернуться к точке зрения о том, что первоначально схожие по риторике Послание и предваряющий его рассказ бытовали в качестве самостоятельного произведения и лишь при составлении Жития были включены в его состав.

Библиография

Источники

Рукописи

Епарх375

ГИМ, Епархиальное собрание, № 375, сборник, третья четверть XVI в.; описание по: [Дианова et al. 1991: 384–385].

Погод758

РНБ, собр. Погодина, № 758, сборник, включающий тексты, связанные с почитанием святителя Серапиона: Житие, канон, кондак и тропарь; описание по: [Моисеева 1965: 147].

Погод1554

РНБ, собр. Погодина, № 1554, сборник-конволют из 8 рукописей XVI–XVII вв.; описание по: [Бычков 1882: 92–95].

Троиц636

РГБ, ф. 304.I (гл. собр. Троице-Сергиевой лавры), № 636, Служба и Житие святителя Серапиона Новгородского, XVII в.; описание по: [Арсений, Иларию 1878: 217–218].

Троиц684

РГБ, ф. 304.I (гл. собр. Троице-Сергиевой лавры), № 684, Жития святых XVI в.; описание по: [Арсений, Иларию 1879: 47–49].

Троиц783

РГБ, ф. 304.I (гл. собр. Троице-Сергиевой лавры), № 783, сборник, сер. XVI в.; описание по: [Арсений, Иларию 1879: 203–206].

Унд367

РГБ, ф. 310 (собр. В. М. Ундольского), № 367, Житие Серапиона, XVI в.; описание по: [Ундольский 1870: 252].

Издания

Белякова et al. 2002

Белякова Е. В., Илиевская К., Князевская О. А., Соколова Е. И., Старостина И. П., Шапов Я. Н., подгот. к изд., *Мазуринская Кормчая. Памятник межславянских культурных связей XIV–XVI вв. Исследование. Тексты*, Москва, 2002.

Бегунов 1964

Бегунов Ю. К., «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви, Д. С. Лихачев, отв. ред., *Труды отдела древнерусской литературы*, 20, 351–364.

Белокуров 1903

Белокуров С. А., подгот. к изд., Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным, *Чтения в обществе истории и древностей российских*, 1903, 3, 1–47.

Бенешевич 1906

Бенешевич В. Н., *Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований*, 1, С.-Петербург, 1906.

ВМЧ 1868

Великие Четы Миней, собранные всероссийским митрополитом Макарием, Сентябрь, дни 1–13, С.-Петербург, 1868.

Зимин, Лурье 1959

Зимин А. А., Лурье Я. С., подгот. текста, *Послания Иосифа Волоцкого*, Москва, Ленинград, 1959.

Князевская О. А. et al. 1971

Князевская О. А., Демьянов В. Г., Ляпон М. В., подгот. к изд., *Успенский сборник XII–XIII вв.*, Москва, 1971.

Кобяк et al. 2005

Кобяк Н. А., Плигузов А. И., Крушельницкая Е. В., Лифшиц А. Л., Шульгина Э. В., *Книга, глаголемая Фотиос*, Москва, 2005.

Куев 1981

Куев К., *Иван Александровият сборник от 1348 г.*, София, 1981.

Моисеева 1965

Моисеева Г. Н., Житие Новгородского архиепископа Серапиона, В. И. Малышев, отв. ред., *Труды отдела древнерусской литературы*, 21, Ленинград, 1965, 147–165.

Никольский 1906

Никольский А. И., София Премудрость Божия: (Новгородская редакция иконы и службы Св. Софии), *Вестник археологии и истории, издаваемый Императорским Археологическим институтом*, 17, С.-Петербург, 1906, 69–102.

Ольшевская, Травников 1999

Ольшевская Л. А., Травников С. Н., *Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик*, Москва, 1999.

Прохоров 1978

Прохоров Г. М., *Повесть о Митяе*, Ленинград, 1978 (Приложение 2, 204–213).

ПСРЛ 3/2

Полное собрание русских летописей, 3/2: *Новгородские летописи*, С.-Петербург, 1879.

ПСРЛ 4/1/2

Полное собрание русских летописей, 4/1: *Новгородская четвертая летопись*, 2, Ленинград, 1925.

ПСРЛ 6/2

Полное собрание русских летописей, 6/2: *Софийская вторая летопись*, Москва, 2001.

ПСРЛ 24

Полное собрание русских летописей, 24: Типографская летопись, Петроград, 1921.

ПСРЛ 28

Полное собрание русских летописей, 28: *Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись)*, Москва, Ленинград, 1963.

Срезневский 1903

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, 3, С.-Петербург, 1903.

Литература

Алексеев 2002

Алексеев А. И., *Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI вв.*, С.-Петербург, 2002.

——— 2014

Алексеев А. И., *Иосиф Волоцкий*, Москва, 2014.

Арсений, Иларий 1878

Арсений, иером., Иларий, иером., *Описание славянских рукописей Свято-Троицкой Сергиевой лавры*, 2, *Чтения в обществе истории и древностей российских*, 4, 1878, 1–240.

——— 1879

Арсений, иером., Иларий, иером., *Описание славянских рукописей Свято-Троицкой Сергиевой лавры*, 3, *Чтения в обществе истории и древностей российских*, 2, 1879, 1–267.

Бегунов 1991

Бегунов Ю. К., Григорий Цамблак и Иосиф Волоцкий, *Palaeobulgarica = Старобългаристика*, 1 (15), 1991, 82–85.

Булгаков 1865

Булгаков Н. А., *Преподобный Иосиф Волоколамский: церковно-историческое исследование*, С.-Петербург, 1865.

Бычков 1882

Бычков А. Ф., *Описание церковнославянских и русских рукописных сборников Императорской публичной библиотеки*, 1, С.-Петербург, 1882.

Витлин 2011

Витлин В. Э., Конфликт в русской церкви в 1507–1509 гг., *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История*, 4, 2011, 67–73.

Голубинский 1900

Голубинский Е. Е., *История русской церкви*, 2/1, Москва, 1900.

Дианова et al. 1991

Дианова Т. В., Костюхина Л. М., Поздеева И. В., *Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ*, Д. С. Лихачев, отв. ред., *Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности*, Ленинград, 1991, 122–415.

Дмитриева 1988

Дмитриева Р. П., *Житие новгородского архиепископа Серапиона как публицистическое произведение*, Д. С. Лихачев, отв. ред., *Труды отдела древнерусской литературы*, 41, Ленинград, 1988, 364–374.

——— 1991

Дмитриева Р. П., Иоасаф Скрипицын — книжник и библиофил XVI в., Д. С. Лихачев, отв. ред., *Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв.: разные аспекты исследования*, С.-Петербург, 1991, 300–312.

Живов 2002

Живов В. М., История русского права как лингвосемиотическая проблема, А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский, сост., *Из истории русской культуры*, 2/1, Москва, 2002, 652–738.

——— 2004

Живов В. М., *Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы*, Москва, 2004.

Зимин 1977

Зимин А. А., *Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI в.)*, Москва, 1977.

Казаков 2018

Казаков А. А., Когда был написан Волоколамский патерик? К научной дискуссии, *Историческое обозрение*, 19, 2018, 64–69.

——— 2019

Казаков А. А., Почему архиепископ Серапион Новгородский назвал Иосифа Волоцкого ябедником?, *Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной научной конференции (9 – 13 сентября 2019 г.)*, Москва, 2019, 92–93.

Ключевский 1871

Ключевский В. О., *Древнерусские жития святых как исторический источник*, Москва, 1871.

Корогодина 2017

Корогодина М. В., *Кормчие книги XIV — первой половины XVII века*, 2, Москва, С.-Петербург, 2017.

Лурье 1960

Лурье Я. С., *Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века*, Ленинград, 1960.

——— 1989

Лурье Я. С., Серапион, архиепископ Новгородский, Д. С. Лихачев, отв. ред., *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2/2, Ленинград, 1989.

Морозова 1979

Морозова Л. Е., Вопрос об авторстве «Послания вельможе Иоанну о смерти князя», приписываемого Иосифу Волоцкому, *Проблемы истории СССР*, 8, Москва, 1979, 37–57.

Мусин 2016

Мусин А. Е., *Загадки дома Святой Софии. Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв.*, С.-Петербург, 2016.

Наумов 1963

Наумов Е. П., Из истории русско-сербских средневековых связей (второе житие Стефана Дечанского в сочинениях Иосифа Волоцкого), *Из истории межславянских культурных связей: К семидесятилетию академика М. Н. Тихомирова* (= Ученые записки института славяноведения, 26), Москва, 1963, 37–47.

Невострев 1870

Невострев К. И., Рассмотрение книги И. Хрушова «Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого», *Отчет о тринадцатом присуждении наград графа Уварова*, С.-Петербург, 1870, 84–186.

Несин 2018а

Несин М. А., Из истории новгородской владычной кафедры в XV в. Святительство Сергия — первого архиепископа Великого Новгорода и Пскова в московский период новгородской истории; к истории взаимоотношений властей с двумя его ближайшими преемниками — Геннадием и Серапионом, *Valla*, 4, 1–2 (14), 2018, 1–33.

——— 2018b

Несин М. А., Из истории новгородского владычного дома XII — начала XVI в., *Valla*, 4, 5 (17), 2018, 17–35.

Плигузов 2002

Плигузов А. И., Соборный ответ 1503 года, *Idem*, *Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия*, Москва, 2002, 330–386.

Седова 1983

Седова Р. А., Рукописная традиция «Жития Петра» в редакции митрополита Киприана, Д. С. Лихачев, отв. ред., *Труды отдела древнерусской литературы*, 37, 1983, 256–268.

Турилов 2012

Турилов А. А., К вопросу о периодизации русско-южнославянских литературных связей XV — начала XVI в., *Idem*, *Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики*, Москва, 2012, 584–595.

Ундольский 1870

Ундольский В. М., *Славяно-русские рукописи*, Москва, 1870.

Усачев 2017

Усачев А. С., Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской Церкви XVI в.?, *Российская история*, 5, 2017, 97–113.

Успенский 1998

Успенский Б. А., *Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление)*, Москва, 1998.

——— 2002

Успенский Б. А., Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва — Третий Рим», *Idem*, *Этюды о русской истории*, С.-Петербург, 2002, 89–148.

Хрущов 1868

Хрущов И. П., *Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого*, С.-Петербург, 1868.

References

Alekseev A. I., *Iosif Volotskii*, Moscow, 2014.
Alekseev A. I., *Pod znakov kontsa vremen: Ocherki russkoi religioznosti kontsa XIV — nachala XVI vv.*, St. Petersburg, 2002.

Begunov Ju. K., Grigorii Tsamblak i Iosif Volotskii, *Palaeobulgarica*, 1 (15), 1991, 82–85.

Dianova T. V., Kostiukhina L. M., Pozdeeva I. V., *Opisanie rukopisei biblioteki Iosifo-Volokolamskogo monastiria iz Eparkhial'nogo sobraniia GIM*, D. S. Likhachev, ed., *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. Iosifo-Volokolamskii monastyr' kak tsentr knizhnosti*, Leningrad, 1991, 122–415.

Dmitrieva R. P., Ioasaf Skripitsyn — knizhnik i bibliofil XVI v., D. S. Likhachev, ed., *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi XI–XVI vv.: raznye aspekty issledovaniia*, St.-Petersburg, 1991, 300–312.

Dmitrieva R. P., *Zhitie novgorodskogo arkhiepiskopa Serapiona kak publitsisticheskoe proizvedenie*, D. S. Likhachev, ed., *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 41, Leningrad, 1988, 364–374.

Kazakov A. A., *Pochemu arkhiepiskop Serapion Novgorodskii nazval Iosifa Volotskogo iabednikom?*, *Kompleksnyi podkhod v izuchenii Drevnei Rusi. Sbornik materialov X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (9–13 sentiabria 2019 g.)*, Moscow, 2019, 92–93.

Kazakov A. A., *Kogda byl napisan Volokolamskii paterik? K nauchnoi diskussii, Istoricheskoe obozrenie*, 19, 2018, 64–69.

Korogodina M. V., *Kormchie knigi XIV — pervoi poloviny XVII veka*, 2, Moscow, St. Petersburg, 2017.

Lurye Ya. S., *Ideologicheskai bor'ba v russkoi publitsistike kontsa XV — nachala XVI veka*, Leningrad, 1960.

Lurye Ya. S., Serapion, D. S. Likhachev, ed., *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2/2, Leningrad, 1989.

Morozova L. E., *Vopros ob avtorstve «Poslaniia vel'mozhe Ioannu o smerti kniazia»*, pripisvaemogo Iosifu Volotskomu, *Problemy istorii SSSR*, 8, Moscow, 1979, 37–57.

Musin A. E., *The secrets of the house of Holy Wisdom. The church of Novgorod the Great in 10th-16th centuries*, St. Petersburg, 2016.

Naumov E. P., Iz istorii rusko-serbskikh srednevekovykh svyazei (vtoroe zhitie Stefana Dechanskogo v sochineniiakh Iosifa Volotskogo), *Iz istorii mezhsлавjanskikh kul'turnykh svyazei: K semidesiatiletiiu akademika M. N. Tikhomirova* (= Uchenye zapiski instituta slavianovedeniia, 26), Moscow, 1963, 37–47.

Nesin M. A., Iz istorii novgorodskogo vladychnogo doma XII — nachala XVI v., *Valla*, 4, 5 (17), 2018, 17–35.

Nesin M. A., Iz istorii novgorodskoi vladychnoi kafedry v XV v. Sviatitel'stvo Sergiia — pervogo arkhiepiskopa Velikogo Novgoroda i Pskova v moskovskii period novgorodskoi istorii; k istorii vzaimootnoshenii vlastei s dvumia ego blizhaishimi preemnikami — Gennadiem i Serapionom, *Valla*, 4, 1–2 (14), 2018, 1–33.

Pliguzov A. I., Sobornyi otvet 1503 goda, Idem, *Polemika v russkoi tserkvi pervoi treti XVI stoletii*, Moscow, 2002, 330–386.

Sedova R. A., Rukopisnaia traditsiia «Zhitiia Petra» v redaktsii mitropolita Kipriana, D. S. Likhachev, ed., *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 37, 1983, 256–268.

Turilov A. A., K voprosu o periodizatsii rusko-iuzhnoslavjanskikh literaturnykh svyazei XV — nachala XVI v., Idem, *Mezhsлавjanskije kul'turnye svyazi epokhi srednevekov'ia i istochnikovedenie istorii i kul'tury slavjan*, Moscow, 2012, 584–595.

Usachev A. S., Why did the «Volokolam hegemony» end in the Russian church of the 16th century?, *Russian history*, 5, 2017, 97–113.

Uspenskij B. A., Vospriiatie istorii v Drevnei Rusi i doktrina «Moskva — Tretii Rim», Idem, *Etiudy o russkoi istorii*, St. Petersburg, 2002, 89–148.

Uspenskij B. A., *Tsar' i patriarkh: Kharizma vlasti v Rossii. Vizantiiskaia model' i ee russkoe pereosmyslenie*, Moscow, 1998.

Vitlin V. E., The conflict in the Russian church in 1507–1509., *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 4, 2011, 67–73.

Zhivov V. M., *Iz tserkovnoi istorii vremen Petra Velikogo: Issledovaniia i materialy*, Moscow, 2004.

Zhivov V. M., Istoriia russkogo prava kak lingvosemioticheskaia problema, A. F. Litvina, F. B. Uspenskij, eds., *Iz istorii russkoi kul'tury*, 2, 1: *Kievskaiia i Moskovskaiia Rus'*, Moscow, 2002, 652–738.

Zimin A. A., *Krupnaia feodal'naia votchina i sotsial'no-politicheskaia bor'ba v Rossii (konets XV — XVI v.)*, Moscow, 1977.

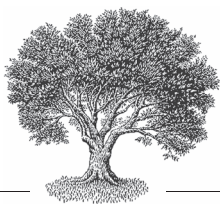
Александр Александрович Казаков, независимый исследователь

Москва

Россия / Russia

astrubal@yandex.ru

Received October 27, 2019

Загадочная форма в титуле русских царей*

An Enigmatic Form in the Title of Russian Tsars

**Борис Андреевич
Успенский**

Национальный исследовательский
университет Высшая школа экономики
Москва, Россия

Boris A. Uspenskij

National Research University Higher
School of Economics
Moscow, Russia

Резюме

В статье рассматривается написание слова *обладатель*, значимого компонента титула русских царей (*многихъ земель обладатель* или *отчичъ и дѣдичъ наслѣдникъ и обладатель*, и т. п.). Это слово в царском титуле писалось особым образом, а именно, с удвоением буквы *а*: ОБЛААДАТЕЛЬ. Как показывается в статье, такое написание отражает сакрализацию царя, которая распространяется на его титул.

Ключевые слова

царский титул, обладатель, господарь, государь, обучение грамоте, чтение по складам, написания под титлом, *nomina sacra*, сакрализация царя

* Автор глубоко признателен Р. Н. Кривко за ценные указания и замечания. —
Технические выделения в цитатах (разрядка и курсив), равно как и текст, взятый в
квадратные скобки, во всех случаях принадлежат автору настоящей работы.

Цитирование: Успенский Б. А. Загадочная форма в титуле русских царей // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 1. С. 163–184.

Citation: Uspenskij B. A. (2020). An Enigmatic Form in the Title of Russian Tsars. *Slověne*, Vol. 9, № 1, p. 163–184.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.1.6

This is an open access article distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

Abstract

The article deals with the spelling of the word *обладатель* ('dominator, possessor'), an important component of the title of Russian Tsars (e. g. *многихъ земель обладатель* от *отчичь и дядичь наслѣдникъ и обладатель*, etc.). This word was written in the title in a special manner, namely with two letters *a*, as *ѠБЛААДАТЕЛЬ*. It is demonstrated in the article that the form with double *a* reflects the sacralization of the Tsar and his title.

Keywords

Tsars' title, dominator, Slavonic primers, ABC learning, syllabification, nomina sacra, sacred abbreviations, sacralization of the Tsar

§ 1. Появление на Руси обряда венчания на царство (1547 г.) меняет семиотический статус монарха, и это самым непосредственным образом отражается на его титуловании. В царском титуле появляются такие значимые наименования, как *царь*, *государь*, *самодержец* и, наконец, *обладатель*, — наименования, объединенные общей функцией презентации власти. Последнее слово будет специально нас интересоваться; оно замечательно особой формой написания, которое нам предстоит объяснить.

Из перечисленных терминов только два слова, а именно, *государь* и *обладатель*, являются новыми наименованиями, специфическими для царского (не великокняжеского!) титула. Что касается слов *царь* и *самодержец*, то они спорадически встречаются уже в титуле великокняжеском, однако употребляются непоследовательно (так сказать, по случаю) и не воспринимаются как неотъемлемый атрибут правителя, как органическая часть его наименования; с официальным принятием царского титула слово *царь* лишь становится обязательным компонентом титула (начиная с Ивана Грозного), тогда как слово *самодержец* появляется в интитуляции (начиная с Федора Ивановича). Слово *государь*, по единодушному мнению исследователей, представляет собой результат преобразования слова *господарь*, которое фигурировало ранее в титуле московских великих князей (см.: [Золтан 2014: 71; Золтан 2002: 586])¹. Этимологически слова эти друг с другом не связаны, и та-

¹ Оба слова писались одинаково под титлом: сокращения гдѣрь и гѣдѣрь могут читаться как тем, так и другим образом. — Будучи близки по своему значению, слова *господарь* и *государь* не являются абсолютными синонимами: слово *господарь* по своему исходному смыслу связано с владением, обладанием и означает в первую очередь 'хозяин, владетель'. Между тем *государь* означает прежде всего 'повелитель': акцент здесь делается не на владельческих, а на властных полномочиях. Слово *господарь* в значении 'хозяин, владетель' является общеславянским; вторичное значение повелителя, главы государства отмечается только в восточнославянских и в сербском языке (см.: [Золтан 2014: 46–47; Золтан 2002: 554–555]). Напротив, слово *государь* является чисто великорусским и, скорее всего, непосредственно московским образованием.

ким образом *государь* представляет собой, по-видимому, искусственную (книжную) форму, продукт ассоциативного этимологизирования. Между тем *обладатель* является во всех отношениях новым словом в титуле. Если определение *царь* выступает в начале царского титула, то *обладатель* находится обычно в заключительной части пространного титула (в тех случаях, когда титул представлен в более или менее полном виде). Таким образом, эти два наименования определенным образом соотносятся друг с другом.

Слово *обладатель* в царском титуле отражает архаическое значение, связанное не с обладанием как таковым, а с властью. Подобно тому, как этимологически родственное слово *область* исходно означает 'власть', а не 'владение, подвластная территория', так и *обладатель* по своему первоначальному смыслу означает прежде всего властителя, а не владетеля. Именно это значение и актуализируется в титуле: *обладатель* выступает здесь как производное от *обладати* не в значении 'possideo, possedere', а в значении 'dominor, dominari'; закономерным образом устойчивым латинским соответствием этого слова является *dominator*². О том значении, которое могло придаваться этому наименова-

² Приведем перевод заключительной части титула царей Ивана и Петра Алексеевичей в сочинении «Status modernus Magnae Russiae seu Moscoviae» Георгия Давида, 1690 г.: «[...] nec non aliorum multorum orientalium, occidentalium ac septentrionalium Dominiorum et ditionum paterni et aviti haeredes, successores Domini ac *Dominatores*» [David 1965: 76], что соответствует тексту: «[...] и иных многих Государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичи и дѣдичи и наслѣдники и Государи и *Облаадатели*» [СГД, 4: 455, № 151]; аналогично в корреспонденции с Козимо III, герцогом Тосканским, 1687–1688 гг. [Boutourlin, 1: 33, 44, 49, 52, ср. 41]. Ср. перевод титула Петра I у И. Г. Корба в его описании путешествия в Московию в 1688–1699 гг.: «[...] nec non aliorum multorum Orientalium, Occidentalium & Septentrionalium Dominiorum & Ditionum paternus & avitus Haeres, Successor Dominus, & *Dominator*» [Korb 1700: 2], что отвечает тексту: «[...] и инѣхъ многихъ восточныхъ, западныхъ и сѣверныхъ Государствъ и земель отечественный и дѣдичный дѣдичъ, Наслѣдникъ, Государь и *Облаадатель*» ([Ibid.]; аналогично в союзном договоре России со Священной Римской империей и Венецианской республикой 1697 г. [Мартенс, 1: 15, № 2; Письма и бумаги Петра, 1: 125, № 134]).

Фердинанд II, герцог Тосканский, в послании к царю Алексею Михайловичу 1659 г. заканчивает его титул следующим образом: «[...] ac multarum dictionum ac terrarum Occidentalium, Orientalium et Septentrionalium Haero, heredi, successori, Domino ac *Dominatori*» [Boutourlin, 1: 55]; другие его послания того же времени заканчиваются словами: «[...] et aliorum multorum Dominiorum et terrarum Orientalium et Occidentalium et Septentrionalium Patria, Haeres, Dominus et Imperator» [Boutourlin, 2: 25, 75, ср. 36]; в итальянском варианте: «[...] et d'altre molte Signorie et Terre d'Oriente et Occidente e di Settentrione, da Bisavi et Atavi Ereditario Signore et *Dominatore*» [Ibid.: 74, 77]. Ср. также итальянский перевод этой части титула Алексея Михайловича в его послании венецианскому дожу Франческо Молино 1655 г.: «[...] e d'altri molti verso 'l Levante, Ponente, e Mezanotte, Signorie e Paesi, Otschitsch, Deditsch, e Herede, Signore e *Dominatore*» [Карданова 2004: 862]; вообще об итальянских переводах этих терминов см.: [Giraud 1992: 129]. — Якоб Рейтенфельс, впрочем, переводит слово *обладатель*

нию, мы можем в какой-то мере судить по дипломатической переписке Ивана Грозного, первого носителя этого титула. В посланиях в Польшу и Швецию русский царь постоянно подчеркивает, что он является природным государем, противопоставляя себя правителям, которые не получили власть по наследству, а были избраны: естественный порядок получения власти, установленный самим Богом, противопоставляется при этом людскому желанию. Так, в послании польскому королю Стефану Баторию (1581 г.) он называет себя «царем и великим князем всеа Руси [...] по Божью изволенью, а не по многоятежному человеку хотенью» [Иван Грозный 1951: 213]. В другом послании (1579 г.) Иван Грозный писал Баторию:

Господь [...] поставляет царя и князя и властеля во вся страны и дает власть ему же хочет. И никто же приемлет честь о себе, токмо званный от Бога приемлет [...] Государствуем от великаго Рюрика 717 лет, а ты вчера на таком великом государстве. В своем роду первое [т. е.: впервые в твоём роду] тебя по Божей милости обрали народи и ст[р]аны королевства Польскаго, да посадили тебя на те государства устроить их, а не владети ими. А они люди во свое[й] повольности, а ты им на маистате все земли присягаешь, а нам всемогущая десница Божия дала государство, а от человека ни то же, и Божию десницею и милостию владеем своим государством сами, а не от человека приемлем государство. Разве сын от отца отеческое наследие по благословению приемлет самовластно и самодержавно? [Уо 1972: 360–361]

Это рассуждение, как нам кажется, проясняет значение слова *обладатель* в царском титуле: очевидно, что именно русский царь, а не польский король является *обладателем*, властителем в подлинном смысле этого слова: он обладает властью, полученной от Бога³.

в царском титуле как *dominus* — по-видимому, тем же словом, что и *государь* [Рейтенфельс 1905: 76–77].

Перевод царского титула мог принадлежать русским переводчикам Посольского приказа. Известны случаи, когда иностранные дворы, получив послание из России, просили прислать текст на латинском или немецком языке; этот текст содержал, конечно, титул русского царя, который должен был отразиться в ответном послании [Scerbacev 1915: 16, 263, №№ 13, 150].

³ Ср. *обладати* 'властвовать, господствовать' в «Повести временных лет» (в Речи Философа): и покори Бѣъ Адаму звѣри и скоты. и овладаше всѣми [ПСРЛ, 1/1, 1926: стлб. 88; ср.: ПСРЛ, 2, 1908: стлб. 75–76]. — В Радзивилловском списке «Повести временных лет» под 1015 г. приводятся слова Господа из Книги пророка Исаии, III, 4 (в связи с Святополком Окаянным): и поставлю оуношу кнѣзѣ ихъ. и ругателѣ овладателѣ ими [Радз. лет., 1: л. 79]; т. е.: 'и поставлю юношу им в князья, глумца во властители им'. В других списках «Повести временных лет» вместо *овладателѣ* читается *овладѣющѣ* [ПСРЛ, 1/1, 1926: стлб. 140; ПСРЛ, 2, 1908: стлб. 127], в греч. *κυριεύουσιν* (3 л. мн. числа буд. времени от *κυριέω* 'господствовать'). Приведем древнейший славянский текст этого стиха: и поставѣ юношѣ князѣ им и ругателѣ овладѣатѣ ими (Григоровичев паремейник XII — нач. XIII в., см.: [Григ.

В 1667 г. выходит указ «О титуле Царском и Государственной печати» [ПСЗ, 1: 734–738, № 421], где определяется соответствие между титульными наименованиями царя и геральдической символикой двуглавого орла как герба Российского государства; слову *обладатель* усваивается при этом символика державы (*яблока*) как царской инсигнии, которую орел держит в своих когтях. Здесь читаем:

в пазноктѣхъ скипетръ и яблоко и[зъ]являютъ милостивѣйшаго Государя Его Царскаго Величества *Самодержца* и *Обладателя* [ПСЗ, 1: 737–738, № 421]⁴.

Таким образом, наименование *обладатель* в царском титуле связывается с державой (*яблоком*) как эмблемой царской власти. Само слово *держав* в этом значении появляется в XVII в., вытесняя первоначальный термин *яблоко*⁵. *Обладатель* выступает при этом как *держатель* власти.

§ 2. Итак, *обладатель* в царском титуле означает ‘властитель’, т. е. собственно то же, что и *государь*: царский титул начинается и оканчивается словом с одним и тем же значением — значением господства, власти.

Мы не знаем, когда в точности появилось в титуле слово *государь*: мы можем только предположить, исходя из общих оснований и косвенных данных, что это случилось после венчания на царство в 1547 г.⁶

Пар. 1998: л. 20об.)).

⁴ Ср. такое же объяснение печати Российского государства при посылке царских грамот в Бранденбург и Курляндию в 1667 г. [СГГД, 4: 209, № 57]. Аналогично в Титулярнике 1672 г. [Титулярник, л. 70].

⁵ Слово *держав* как эмблема царской власти фиксируется в сер. XVII в.; в ранней части описи Большого Государева наряда (1642 г.) сказано: «Яблоко золотое чеканное с финифты, на нем крест, *держав* *Росискаго царствия*» [Мартынова 2019: 22–23, со ссылкой: РГАДА, ф. 396, оп. 2, д. 6, л. 25об.]. Слово *держав* — калька с греческого *κράτος* ‘сила, мощь, крепость’, от *κρατέω* ‘держу, управляю, господствую, властвую’ [Miklosich 1862–1865: 177–178; Золтан 2002: 588, примеч. 170]. Слово *яблоко* как наименование царской инсигнии представляет собой заимствование из польского (ср. польск. *jabłko* с тем же значением). В чине венчания на царство Алексея Михайловича (1645 г.) *держав* именуется *державным* (или: *самодержавным*, *вседержанным*, *владомым*) *яблоком* [ДРВ, 7: 238, 234, 248, 272].

⁶ А. Золтан предположил, что форма *государь* возникла в XVI в. в разговорной речи, «когда слово *господарь* из великокняжеского титула превратилось в общепотребительную форму обращения» [Золтан 2014: 70; ср.: Золтан 2002: 585]. Полагаем, что дело обстоит противоположным образом: слово *государь* как искусственное новообразование появилось в царском титуле и оттуда проникло в разговорную речь в качестве вежливой формы наименования собеседника (или адресата при письменном обращении). В самом деле, легко себе представить усвоение высокого, титульного слова в разговорной речи, тогда как обратный процесс — усвоение вульгаризма в официальном языке — кажется маловероятным. Есть основания полагать при этом, что слово *государь* заменило слово *господарь* в титуле русских царей не сразу, а постепенно: какое-то время эти два слова могли, видимо, сосуществовать друг с другом. Так, слово *господарь* в полном написании встречается на печатях Ивана Грозного, Федора Ивановича,

Между тем появление в титуле слова *обладатель* определяется достаточно точно: впервые это слово встречается в царском титуле Ивана Грозного, и, таким образом, есть все основания связывать появление этого слова с его венчанием на царство.

Так, в послании Ивана Грозного шведскому королю Юхану III (1572 г.) полный царский титул с подробным перечислением подвластных земель заканчивается словами:

[...] и инымъ многимъ землямъ восточнымъ и западнымъ и сѣвернымъ отчича и дѣдича и наслѣдника и *облаадателя* [РИБ, 22: стлб. 31–32, № V; Иван Грозный 1951: 144])⁷.

Равным образом в послании Ивана Грозного королю Сигизмунду II

Бориса Годунова, Лжедмитрия I, Лжедмитрия II, Василия Шуйского и даже еще на печати Михаила Федоровича [Снимки печатей 1880: №№ 9, 12, 16, 19, 22, 27, 30, 34, 38, 40, 42], ср. московский «золотой угорский» с изображением Бориса Годунова и словами великий государь царь [Борис Годунов... 2015: № 90]. Это не означает, на наш взгляд, что в титуле этих царей не было слова *государь* и что это последнее слово появляется (в титуле) не раньше первой четверти XVII в. Новое слово (*государь*) лишь постепенно вытесняло старое (*господарь*); последнее оставалось особенно устойчивым на печатях, где практиковалось вообще использование старых матриц.

Слово *государь* во всяком случае было известно при Борисе Годунове (предположительно оно было известно и раньше). Об этом свидетельствует, в частности, сокращение *осу* (из *осударь*) как форма обращения, принятая в это время. Ср. в «Царском жалованном слове» 1604 г.: «Говорити чашнику Микитѣ Дмитреевичу Вельяминову боярину князю Ѳеодору Ивановичу Мстиславскому: “Князь Ѳеодоръ-осу! Государь Царь и Великий Князь Борисъ Ѳеодоровичъ всеа Русіи и сынъ его Царского Величества Царевичъ Князь Ѳеодоръ Борисовичъ всеа Русіи жалуютъ тебя: велѣли тебѣ челомъ ударить”» и т. п. [ААЭ, 2: 77, № 27]. Будучи связано со словом *государь*, слово *осу*, по-видимому, было одновременно ему и противопоставлено: можно предположить, что в официальной речи обращение (*государь*) было возможно только по отношению к царю: в тексте, произнесенном от имени царя («царском слове»), оно едва ли было уместно. Форма *осу* отразилась, вероятно, в ударении слова *сударь* (еще одно сокращение из *государь*); в свою очередь альтернативная форма *сударь* отражает произношение *государь*. В словаре Марка Ридлея, врача Бориса Годунова (1594–1599 гг.) мы находим уже слова *государь* (prince, lord, master), *госодарина*, *государина* (ladie), *государива* (lordshipe), *госодаревою* (lordshipes), *госодарово* (lordle), *госодарества*, *государства* (soveranitie, dominion); ср. здесь также *господарь*, *господаре* (lord) [Stone 1996: 112].

⁷ Выражение *отчич* и *дѣдич* восходит к титулу деда Ивана Грозного, великого князя Ивана Васильевича (Ивана III), который последовательно называл себя таким образом в переписке с крымским ханом, турецким султаном и каффинским наместником 1492–1500 гг.: «Іоаннъ Божією милостію единъ правой государь всеа Русіи *отчичъ* и *дѣдичъ* и инымъ многимъ землямъ отъ сѣвера и до востока государь» [СГД, 5: 12, № 22, ср. 13, 22, №№ 23, 36; Сб. РИО, 41/1: 161–162, 184, 212, 280–281, 293, №№ 36, 41, 47, 60, 63]; слово *государь* в титуле Ивана III принадлежит публикаторам: в оригинале, надо полагать, стоит сокращенная форма, которая должна раскрываться как *господарь* (ср. выше, примеч. 1). Еще ранее *отчичем* и *дѣдичем* называет Василия II митрополит Иона в послании в Псков сер. XV в. [РИБ, 6: стлб. 673–676, № 90; РФА 2008: 178–180, № 43]. К истории этого выражения см.: [Золтан 2014: 72–78].

Августу, написанном от имени князя И. Д. Бельского (1567 г.), полный титул царя заканчивается словами:

[...] и многих земель *облаадателя* и всегда прибавителя [Иван Грозный 1951: 241]⁸

В летописных свидетельствах можно встретить указание, что слово *обладатель* фигурирует уже в титуле Василия III, но это не что иное, как анахронизм. Так, один из русских хронографов говорит, что Василий III

[...] титулу великия державы себѣ состави и тако въ посольскихъ грамотахъ и въ лѣтописныхъ исторьяхъ писати себе повелѣ, имѣ же званьемъ въ Руской земли даже и от великого князя Рюрика никто отъ рода ихъ таковымъ самодержательствомъ не писашеся и не нарицашеся, яко же сие сей: Божіею милостию царь и великій князь Василей Ивановичъ Владимерскій и Московскій и Новгородскій и Псковскій и Казанскій и Астраханскій [...] и всея Русіи Государь и *обладатель* [Попов 1869: 181–182].

Этот титул, со всей очевидностью, не может относиться к Василию III, который никак не мог именоваться царем Казанским и Астраханским; в действительности здесь цитируется титул Ивана Грозного, т. е. на Василия III ретроспективно переносится титул его сына.

Итак, в титуле Ивана Грозного — первого русского царя, венчанного на царство, — появляется слово *обладатель*. Слово это становится характерной принадлежностью царского титула. Мы встречаем его затем в титулах всех последующих царей — до Петра I включительно. В императорском титуле оно исчезает, подобно тому как не было его и в титуле великокняжеском. Таким образом, слово *обладатель* представляет собой специфическое наименование царя как главы Российского государства — не великого князя, не императора, но именно царя как такового.

§ 3. Нельзя не обратить внимание на особое написание слова *обладатель* в царском титуле. Это слово, как правило, пишется с удвоением буквы *а* (с двумя азами: *облаадатель*). Такого рода написание встречается и с к л ю ч и т е л ь н о в царском титуле; во всех других случаях

⁸ Выражение *всегда прибавитель* восходит к лат. *semper augus* и заимствовано, по-видимому, из титула императора Священной Римской империи. Непосредственным источником могла быть переписка Ивана Грозного с императором Максимилианом II, где тот именуется *всегда прибавитель* (ср. послание Ивана Грозного Максимилиану II 1572 г.: [РИБ, 22: стлб. 75, № 10]). Вместе с тем, в актуальных условиях того времени, когда писалось послание королю Сигизмунду, слово *прибавитель* в царском титуле имело очевидный политический подтекст: шла Ливонская война, и русские войска ко времени написания письма захватили значительную часть территории Великого княжества Литовского.

слово это пишется стандартным образом — с одной буквой *а* (с одним азом: *обладатель*).

Форма *обладатель* (с одной буквой *а*) тоже встречается в титуле, но значительно реже. Положение затрудняется тем, что форма *облаа-датель* может трактоваться позднейшими публикаторами как ошибка и не передаваться при издании текста.

Написание *облаадатель* (с двумя буквами *а*) в царском титуле я в л я е т с я р е г у л я р н ы м и никоим образом не может рассматриваться как результат непреднамеренной ошибки (как это, очевидно, нередко воспринималось публикаторами, исправлявшими форму *облаа-датель* на *обладатель* при воспроизведении царского титула). Напротив, написание *обладатель* (с одной буквой *а*) в царском титуле кажется скорее исключением, чем правилом. Если принимать во внимание только публикации, где в какой-то мере передается орфография источника, примеров такого рода окажется совсем немного⁹.

⁹ Так, например, в посольской книге, посвященной учреждению патриаршества в Московском царстве (1588–1595 гг.), форма *облаадатель* в царском титуле встречается 11 раз [Пос. кн. 1988: 51–52, 53, 62, 67, 80, 88, 103, 107, 116, 118, 146], а форма *обладатель* — всего 2 раза [Ibid.: 148, 150]. Отметим еще форму *обладатель* (с одной буквой *а*) в надписях на печатях Бориса Годунова, Лжедмитрия I, Василия Шуйского, Михаила Федоровича и Алексея Михайловича [Снимки печатей 1880: №№ 30, 34, 38, 44, 52]; в других случаях это слово пишется на печатях с двумя буквами *а*: *облаадатель* [Ibid.: №№ 29, 42, 50, 53, 54]. Форма *обладатель* (с одной буквой *а*) читается в жалованной грамоте Лжедмитрия II от 21 января 1610 г., тщательно изданной в соответствии с принятыми правилами публикации исторических документов [Моисеев, 2004: 201, № 2]; в том же издании опубликована аналогичная грамота Лжедмитрия I от 5 января 1605 г., где значится *облаадатель* (с двумя буквами *а*) [Ibid.: 199, № 1]. Форма *обладатель* с одной буквой *а* представлена в двух грамотах Ивана Грозного 1558 г. — константинопольскому патриарху Иоасафу и молдавскому воеводе Александру Богдановичу [Каштанов, Столярова 2004: 247, 250, №№ 113, 116]. Такая же форма (*обладатель*, с одной буквой *а*) фигурирует в обоих изданиях Второго послания Ивана Грозного к князю Курбскому (1577 г.), где сообщается полный титул царя, — как в издании Г. С. Кунцевича, так и в издании Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыкова [Курбский 1914: стлб. 117–118; Иван Грозный и Андрей Курбский 1981: 103]. Текст в этих последних изданиях представляет собой компиляцию нескольких рукописей; по крайней мере в одной из них [РГАДА, ф. 79, дело в столбцах № 1, л. 31 об.] читается *облаадатель* с двумя буквами *а* (см. фотографию в изд.: [Иван Грозный 1951: 208–209, вкладка]). Написание *обладатель* с одной буквой *а* встречается иногда в азбуках-прописях, см. такое написание в азбуке 1691 г. [РГБ, ф. 37, № 76, л. 1, — Дубовик, 1: 122, 428; Дубовик, 2: 107] или в азбуке нач. XVIII в. [РГБ, ф. 194, № 157, л. 10, — Дубовик, 1: 124; Дубовик, 2: 143], ср. также *облодатель* в азбуке 1645–1654 г. [РГБ, ф. 178, № 704, л. 6, — Дубовик, 1: 115; Дубовик, 2: 33]. В азбуке-прописи из Стокгольмского гос. архива [Rüßische Alphabeet, in: Riksarkivet: Ockupationsarkivet från Novgorod, Serie 2, № 365]: слово *облаадатели* (во мн. числе) в титуле царей Ивана и Петра Алексеевичей и царевны Софьи Алексеевны написано с одной буквой *а* и с титлом над буквой *л*. В других случаях в азбуках-прописях пишется *облаадаатель* (с двумя буквами *а*), ср., например азбуку 1639 г. [РГБ, ф. 173, № 76, л. 1, — Дубовик, 1: 116; Дубовик, 2: 46], азбуку 1654–1667 гг. [РГБ, ф. 37,

Итак, в абсолютном большинстве случаев слово *обладатель* пишется в царском титуле с двумя азами (буквами *а*) — как *облаадаатель* или *облаадаатель*. Написание с одним азом (*обладатель* или *обладатель*) встречается гораздо реже и в общем должно рассматриваться как нетипичный случай. Кроме того, известны уникальные (единичные) случаи воспроизведения данного слова — своего рода *hарах legomena*, — которые сами по себе могут представлять определенный интерес. Так, в грамоте новгородского воеводы Василия Ивановича Буйносова-Ростовского в Полоцк (1604 г.), дошедшей до нас в западнорусском списке, слову *обладатель* соответствуют две формы, оба раза нестандартные. Ср.:

Божею милостью Великого Государа Царя и Великого Князя Бориса Ѳеодоровича, всеа Руси Самодержьцы Владымерского, Московьского, Новгородского [...] и иных многих государствъ Государа и *Обовладѣтеля* [АИ, 2: 61, № 50].

Далее в той же грамоте титул царя выглядит следующим образом:

Великій нашъ Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳеодоровичъ, всеа Руси Самодержьца и многихъ государствъ Государь и *Обовладца*... [Ibid.].

По-видимому, западнорусский писец столкнулся с новым для себя словом и испытывал затруднения при его воспроизведении. Слово *обовладца*, вероятно, отражает польск. *władca* ‘властитель’.

О других случаях нестандартного или не вполне обычного написания данного слова будет сказано ниже (см. §§ 5 и 7).

§ 4. Форма *облаадаатель* (с двумя азами, т. е. с двумя буквами *а*), столь наглядно представленная в царском титуле, не может не вызвать удивления и нуждается в объяснении. Очевидным образом эта форма связана со стандартной формой данного слова — *обладатель* — и образована из этой последней. Следует отметить, что слово *обладатель* — единственное наименование в царском титуле, которое само по себе (в своем основном, внеконтекстном значении) не имеет непосредственных коннотаций с верховной властью. В самом деле, такие слова и выражения, как *царь*, *государь*, *великий князь*, *самодержец* в принципе, по основному словарному значению, означают именно верховного правителя; между тем слово *обладатель* в языке не имеет такого значения: оно получает его лишь в соответствующем контексте. Можно предположить, что написание *облаадаатель* (с двумя азами) каким-то образом связано со

№ 427.77, л. 1, — Дубовик, 1: 118; Дубовик, 2: 54], азбуку 1667 г. [РГБ, ф. 178, № 1373, л. 15, — Дубовик, 1: 118–119; Дубовик, 2: 73].

стремлением противопоставить это слово в его специальном значении — как наименование царя — его обычному, так сказать, профанному употреблению.

Но как появляется такое противопоставление? Как могла возникнуть такого рода форма (написание с двумя азами)? Слово *обладатель*, вообще говоря, прозрачно как по смыслу, так и по своей этимологии: оно непосредственно восходит к церковнославянскому *владати* (из *об, владати*, см.: [Фасмер, 3: 102; ЭССЯ, 31: 83])¹⁰. Форма *облаадаватель* (с двумя буквами *а*) отсюда никак не выводится.

Фонетически эта форма не объяснима. Равным образом нельзя увидеть здесь следствие языковых контактов. Таким образом, традиционный инвентарь лингвистических средств оказывается в данном случае бесполезным.

Очевидным образом *облаадаватель* представляет собой отклонение от этимологически правильной и общеупотребительной формы *обладатель*. В сущности, это не что иное, как искажение стандартной формы. Но искажение царского титула, вообще говоря, считалось преступлением и было делом небезопасным¹¹. Последовательное употребление такой именно формы в царском титуле говорит о том, что писцы ни в коем случае не рассматривали ее как искажение, т. е. считали эту форму правильной.

Более того, такого рода написание (с повторением буквы *а*) может распространяться на однокоренные слова — но только в том случае, когда речь идет о верховном правителе. Действительно, аналогичным образом (с двумя азами) могли писаться в этом случае такие слова, как *облаадати*, *облаадательство* и т. п. Так, например, в послании Ивана Грозного Сигизмунду II Августу, написанном от имени кн. М. И. Воротынского (1567 г.), говорится:

[...] наши великие государи [...] от Августа кесаря, *облаадающего* всею вселенную, и брата его Пруса и даже до великого государя Рюрика и от Рюрика до нынешнего государя, его царского самодержьства, все государи самодержьцы... [Иван Грозный 1951: 260].

¹⁰ Ср. аналогичное развитие в церковнославянизме *область* (из *об, власть*) при русских соответствиях *волость* и *оболость*.

¹¹ Еще Сумароков указывает, что подьячие при написании царского титула «опасались наказания, когда вместо *Императорского* поставят *Императорскаго*, как того правописание требует» [Сумароков, 10: 31]; формы на *-ого* Сумароков считал специфически канцелярскими (ср. аналогичные указания А. А. Барсова в его «Российской грамматике» 1783–1788 гг.: [Барсов 1981: 147, 468]). Когда Тредиаковский сочинил стихи по случаю коронации Анны Иоанновны, где государыня именуется словом *императрикс* («Да здравствует днесь императрикс Анна...», ср. лат. *imperatrix* 'императрица'), ему пришлось давать объяснения в Тайной канцелярии (см.: [Тредиаковский 1963: 55, 471]).

Ср. в переводе послания греческого архимандрита Христофора к Борису Годунову (1591 г.), выполненном переводчиками Посольского приказа:

И чтобы Бог подаровал [царю Федору Ивановичу] *облаадати* всею Вселенною от конца и до конца... [Пос. кн. 1988: 59]

В Утвержденной грамоте об избрании на царство Михаила Федоровича Романова (1613 г.) читаем:

По Игоре же содержаше Росийское государство в Киеве сынъ его, князь великийъ Святославъ, исполнен храбрского подвига, и по Дунаю восьмдесят градов *облаадаше* [Белокуров 1906: 23].

У Котошихина мы встречаем форму *облаадател[ь]ство*. Отвечая на вопрос о том, почему русский царь в дипломатической переписке с христианскими государями Востока и Запада обращается к ним как повелитель к своим подданным, Котошихин писал:

[...] негораздо тѣхъ двухъ сторонъ г[о]с[у]д[а]рства и земли поддаются ему во *облаадател[ь]ство* и в подданство [Котошихин 1980: л. 57].

Такое написание отразилось и в словаре Спарвенфельда 1684–1705 гг.:

В'ладáю: повелѣваю, *об'лаадáю*. Impero [...], regno, jubeo, praecipio, mando, *imperium teneo* [Sparwenfeld, 1: 167, № 2070]¹².

§ 5. Очевидно, что написание всех этих слов с двумя азами (с двумя буквами *а*) тем или иным образом связано с с е м а н т и к о й ц а р с к о й в л а с т и. Не вызывает сомнения при этом, что как *облаадатель*, так и *облаадати*, *облаадающий* или *облаадател[ь]ство* — это и с к у с с т в е н н ы е к н и ж н ы е ф о р м ы, которые воспринимались как безусловно правильные.

Вообще удвоение буквы *а* — это, несомненно, книжное явление.

¹² Ср. также в одном из списков словаря: «*облаадатель*: владѣтель. Dominus, imperator, herus, is qui domus praeest» [Sparwenfeld, 2: 281, № 5386, примеч.]; в другом списке читается *обладáтель* (с одним азом). В прочих случаях эти и однокоренные слова пишутся у Спарвенфельда с одним азом: «Началствовáти: обладáти. Imperare, dominare, regnare» [2: 211, № 4060], «обладáю: господствáю. Dominor, impero, imperium et principatum exerceo» [2: 281, № 5387], «обладáемый: подданный. Subditus, subjectus, suppositus, et alterius imperio parens» [2: 281, № 5385], «Подданíи: обладаемíи. Subjices, subjecti, qui a terius imperii dediti sunt» [3: 51, № 1037], «Началствáйи: обладáйи. Impera, munus obeas» [2: 211, № 4062], «Лютóе обладáние: мѣчителство. Tyrannis [...], saevum ac violentum imperium» [2: 121, № 2330], «Мучителство: томленье, лютóе обладáние. Criciabilitas [...], carnificium tyrannis, tortura» [2: 166, № 3204], «Насилóвание: гвал'тъ, тиран'ство, мучител'ство, лютóе обладáние. Potentia [...], potestas, vis, tyrannis, saevum ac violentum imperium» [2: 203, № 3901].

Написание с двумя азами встречается в древнерусском письме лишь в особых случаях.

Во-первых, оно возможно в иноязычных именах собственных, таких как *Авраамъ* или *Исаакъ*. В церковнославянской Библии противопоставлены формы *Аврамъ* и *Авраамъ*, причем подчеркивается сакральность последней формы, ср. слова Бога, обращенные к *Авраму*: «И не наречется к томѣ имя твое *Аврамъ*, но бѣдетъ имя твое *Авраамъ*» (Быт. XVII, 5). Как бы ни был интересен этот пример, он не имеет отношения к нашей теме¹³.

Во-вторых, оно встречается в искусственных книжных формах, появившиеся в эпоху так называемого второго южнославянского влияния. В это время в книжной орфографии после гласной пишется а там, где ранее писались ѣ или ѧ, т. е. появляются формы типа *добраа*, *Николѧа* и т. п., не отражающие интервокальной йотации гласных; это было чисто орфографическое явление, которое никак не отражалось на произношении соответствующих форм¹⁴. Древнерусские орфографические руководства рекомендовали писать -аа в окончании прилагательного ед. числа (им. падежа жен. рода) с тем, чтобы отличать их от фонетически тождественных прилагательных мн. числа с собирательным значением: «единственное число аа, яко ангѣлскаа, мн[ожественное] ангѣлская» [Калайдович 1824: 205–206]. Помимо того, удвоенное а появляется в ту же эпоху в нестяженных формах прилагательных (*добрааго*, *невеснааго* и т. п.), причастий (*хранѧщааго*, *стѣжажѧщааго* и т. п.) и имперфекта (*глаголаашѧ*, *поѣѧахѧ*, *поношаахѧ* и т. п.) (см.: [Успенский 2002: 308, § 113.1; Гальченко 2001: 320–321]).

Понятно, что форма *обладатель* не может быть объяснена таким образом: она никак не вписывается в только что приведенный перечень случаев, связываемых со вторым южнославянским влиянием.

Отметим вместе с тем уникальный пример в надписи на большой государственной печати царя Алексея Михайловича: *гдѣрь ѿ облададѧтель* [Снимки печатей 1880: № 56; ср. воспроизведение этой печати в изд.: Олеарий 1906: 223]¹⁵. По-видимому, форма *обладатель* (с двумя азами) могла восприниматься как южнославянизм (подобный таким формам, как *добраа* и т. п.). При таком восприятии она могла читаться с интерво-

¹³ Ср. также тюркизмы, такие, например, как *саадак*, *саандак* и т. п. [Сл. XI–XVII вв., 23: 9].

¹⁴ Этот принцип правописания ассоциировался, по-видимому, с написанием грецизмов, в которых и до второго южнославянского влияния после гласных могла писаться буква а вместо ѣ или ѧ, а также ѧ вместо ю, и т. п. См.: [Успенский 2002: 308, § 113.1; Гальченко 2001а: 343–344].

¹⁵ Буква я в этой надписи — такой же формы, как буква я в современном гражданском алфавите.

кальной йотацией — что и отразилось в данном случае на написании. Это пример гиперкорректного чтения (предполагалось в этом случае, что форма *облаадаатель* должна читаться как *облаядатель*, подобно тому как форма *добраа* читалась как *добрая*). Едва ли такое чтение было общепринятым; как бы то ни было, оно никак не объясняет интересующую нас форму — написание этого слова с двумя азами.

В рассмотренном только что случае можно предположить, что написание повлияло на произношение (будучи осмыслена как южнославянизм, форма *облаадаатель* стала читаться с интервокальной йотацией). Как мы увидим, есть основания думать, что в принципе дело обстояло иначе: по всей видимости, само написание *облаадаатель* отражает манеру чтения данного слова, т. е. в этом случае как раз произношение оказало влияние на написание (см. ниже, § 6). В любом случае необходимо понять, откуда взялось написание *облаадаатель* (с двумя азами).

§ 6. Что же заставляло древнерусских книжников связывать написание *облаадаатель* / *ѡблаадаатель* (с двумя азами, т. е. с двумя буквами *а*) с семантикой царской власти? Полагаем, что объяснение кроется в практике написания под титулом слов с сакральным значением.

Оказавшись в составе царского титула, слово *обладатель* обрело особые, сакральные коннотации. Соответственно, это слово в его стандартном написании (*обладатель*, с одним азом) было воспринято как *сокращенное* (сакральное слово, написанное сокращенным образом) — по аналогии с другими наименованиями монарха, такими как *царь*, *государь* или *князь*. Все эти наименования писались в титуле сокращенно, как это свойственно вообще *nomina sacra*, словам с сакральной семантикой: так, слово *царь* писалось как *цѣрь* или *цѣрьь*, *государь* — как *гѣдрь* или *гѣрьь*, *князь* — как *кнѣзь*; их полная форма раскрывалась при произнесении соответствующего слова, т. е. при чтении титула. По аналогии с этими словами и слово *обладатель*, добавленное к новому, царскому титулу, было осмыслено как сокращенное, подтительное слово¹⁶.

Сочетание *бл* в словах с сакральной семантикой раскрывалось как *бла*: так, например, *благо* писалось под титулом как *бл҃го*, *благодать* как *бл҃гѣть*, *благословенъ* как *бл҃гѣвенъ*, *блаженъ* как *бл҃женъ* и т. п. Такое соответствие усваивалось в процессе обучения грамоте: при прохождении складов (т. е. при обучении чтению по складам) сочетание *бл* учили читать как слог *бла*: «буки люди — читай *бла*». Отсюда слово *обладатель* в стандартном написании (с одним *а*), будучи воспринято как *nomen sacrum*, должно было читаться *облаадаатель*.

¹⁶ Подтительными написаниями традиционно считаются как написания со знаком титула, так и сокращенные написания слова (как со знаком титула, так и без него).

Можно предположить, что слово *обладатель* в царском титуле первоначально писалось со знаком титла, подобно тому как писались другие титульные слова. Хорошо известны случаи, когда знак титла ставится над формой в полном (не сокращенном) написании. Нечто подобное могло иметь место и здесь: над словом *обладатель* было поставлено титло, сигнализирующее о его сакральности, — после чего эта форма была понята как сокращенная, откуда и появилась форма *облаадапель*. Эта форма (отражающая произнесение подтительного слова) закрепились в написании титула¹⁷.

Вместе с тем такое предположение не обязательно: подтительные сокращения могут не иметь знака титла, и в интересующем нас случае знак титла мог, так сказать, домысливаться. Вполне возможно, что слово *обладатель* в царском титуле, написанное с одной буквой *а*, было воспринято как подтительное слово при отсутствии знака титла — и понята как запись формы **облаадапель*. Полное, а не сокращенное написание данного слова (*облаадапель* с двумя *а*, а не *обладатель* с одним) было принято с тем, чтобы наименование царя отличалось от стандартного (профанного) употребления слова *обладатель* (ср. выше, § 4).

В любом случае форма *облаадапель* (с двумя азами) определенно отражает с а к р а л и з а ц и ю ц а р с к о г о т и т у л а.

Что касается таких форм, как *облаадати* или *облаадапельство* (с двумя азами), то они очевидным образом связаны с царским титулом и соответствуют написанию *облаадапель* в его составе. Надо полагать вместе с тем, что и эти слова были осмыслены как подтительные и отражают то же явление, что и форма *облаадапель*.

При таком объяснении мы должны предположить, что в титуле царя отразилось его произнесение. В таком предположении нет ничего невероятного: так, например, слово *господарь* в титуле московского великого князя могло писаться как *господарь* или же как *осподарь* (*осподарь всея Руси*); форма *осподарь* отражала реальное произношение, но не отвечала книжной (церковнославянской) орфографии (см.: Успенский 2002: 157, § 7.6; Зализняк 1993: 233–241, § 33–36)¹⁸. Выражение *осподарь всея*

¹⁷ Мы можем указать поздний пример написания данного слова под титлом в азбуке-прописи из Стокгольмского гос. архива 1680-х гг.: *ѡбладатели* (во мн. числе) в титуле царей Ивана и Петра Алексеевичей и царевны Софьи Алексеевны [Rüßische Alphabeet, in: Riksarkivet: Ockupationsarkivet från Novgorod, Serie 2, № 365].

¹⁸ Форма *осподарь* в Великой Руси косвенно отражает норму русского книжного произношения, которая предписывала произносить букву *з* («глаголь») как фрикативный звук: звонкий заднеязычный спирант (см.: [Успенский 1968: 40–44; Успенский 2002: 155–159, § 7.6]). В северновеликорусских говорах, где в соответствующих словах звучал смычный согласный [g], книжное произношение по этому признаку было противопоставлено произношению разговорному. Чтение буквы *з* («глаголь») как спиранта не отвечало в этих говорах артикуляционным навыкам, и такое чтение приходилось осваивать искусственным образом в

Руси или же *осподарь всея Русския земли* и т. п. является обычным на монетах московских великих князей¹⁹.

Царский титул вообще был предназначен для провозглашения, т. е. предполагал произнесение вслух; устная форма в данном случае отразилась на написании — видимо для того, чтобы противопоставить слово *обладатель* как наименованию царя профанному употреблению того же самого слова (ср. выше, § 4).

§ 7. Наше объяснение написания *облаадаатель* (с двумя азами) находит косвенное подтверждение в форме *облагодатель*, появляющейся иногда — в относительно редких случаях — в царском титуле. Приведем титул Лжедмитрия II (грамота астраханского воеводы князя Ивана Дмитриевича Хворостинина ногайскому князю Иштереку и мурзам о учинении шерти Лжедмитрию II, 1608 г.):

Бѣиену млѣтию, Великого Гѣдаря Црѣя і Великого Кнѣзя Дмитрея Ивановича всеа Рѣси Само-
держца и многихъ Гѣдртвѣзъ Гѣдаря и Облѣгодателя и Его Црѣского Величества [СГГД, 2:
326, № 155].

Слово *облѣгодателя* написано под титулом и должно читаться, несомненно, *облагодателя*.

Аналогичную форму мы находим в титуле царя Михаила Федоровича — в статейных списках посольства Ивана Брехова в Персию 1614–1616 гг.:

процессе азбучного обучения: так, например, слог га учили читать как [га], слог ге — как [ге] и т. п. Такое произношение принято было в церковном чтении, тогда как в светской бытовой речи оно отражалось лишь в отдельных словах, в частности, в титульных наименованиях: так, например, произносили [гу]осподин, [гу]осподарь, [гу]осударь, кня[гу]иня. Связанные с этим артикуляционные трудности обусловило появление таких форм, как *осподарь*, *осударь*, *кнеиня*; тот же эффект утраты фрикативного звука в начальной или интервокальной позиции может наблюдаться при передаче иностранных слов: так, например, *Гамбург* (Hamburg) передавалось как *Амбург*, и т. п. Форма *осподарь* закрепляется в письменной (бытовой и деловой) речи; в Новгороде этот процесс относится к сер. XIV в. (см.: [Зализняк 1993: 235, § 34]), примерно так же, по всей вероятности, обстояло дело и в Москве.

¹⁹ Впервые такого рода титул появляется на монетах Дмитрия Шемяки во время правления его в Москве (1446–1447 гг.): *осподарь в[сей земли Русской]* [Чижов 1910: 3; Орешников 1896: № 716; см. также: Алеф 2002: 601–602; Мец 1974: 35]. В 1647–1648 гг. монеты Василия II выпускаются с надписью *осподарь всея Русския земли* или *осподарь всея Руси* [Чертков 1834: 12–13; Алеф 2002: 601]; после 1448 г. на монетах Василия II, выпущенных вместе с его сыном и соправителем Иваном Васильевичем (будущим Иваном III), также обозначен титул *осподари*, в частности, *осподари всеа Русии* [Чертков 1834: № 67, 83, 84; Чертков 1837: № 450; Орешников 1896: №№ 615, 617, 632, 634; Алеф 2002: 601; Мец 1974: 35]. Все без исключения деньги Ивана III имеют надпись *Осподарь всея Руси* [Федоров 1949: 71]. Такая же надпись читается и на монетах Василия III [Орешников 1896: №№ 673–676].

[...] многихъ государствъ государь и *облагодатель* [Пос. Брехова 1892: 338].

В том же источнике говорится об *облагодательстве* царя: слово *облагодательство*, производное от титульного наименования *облагодатель*, оказывается контекстно связанным при этом с глаголом *обладать*:

И Богъ де ему, государю, далъ великое счастье и *облагадательство* [sic!], и будетъ де онъ, государь, *обладать* не токмо своею землею и своими недруги, но и многими земли [Ibid.: 420].

Форма *облагодатель* встречается и в Пискаревском летописце (первой пол. XVII в.), который начинается словами:

Яз, книга, глаголемая криница временная, царьственная, глаголю о древних летех на сказание и мудрость человеком. И поведаю славу и державу, и величества великих князей, и царей собрателей и *облагодателей* всяя Руския земля [ПСРЛ, 34: 32].

И далее мы читаем здесь о кончине царя Федора Ивановича:

За многи грехи христианския преставися последнее светило, собратель и *облагодатель* всяя Руския земли государь царь и великий князь Федор Иванович... [Ibid.: 198]²⁰

Очевидным образом *облагодатель* замещает в титуле слово *обладатель* и выступает в том же значении: ‘властитель’ (а не ‘благодетель, покровитель’, ср.: Сл. XI–XVII вв., 12: 63). Несомненно, эти слова связаны друг с другом и имеют общее происхождение. Мы можем предположить, что слово *обладатель* могло писаться под титулом как *обѣдатель, и эта сокращенная форма была прочитана как *облагодатель*: сочетание *бл* в этом случае было понято как запись слова *благо*.

Таким образом, формы *облаадатель* (с двумя азами) и *облагодатель* получают сходное объяснение: как в том, так и в другом случае перед нами результат осмысления стандартной формы *обладатель* (с одним азом). В одном случае сочетание *бл* в слове *обладатель* воспринимается как запись слога *бла*, в другом — как запись слова *благо*; в первом случае образуется форма *облаадатель* (с двумя азами), во втором случае — форма *облагодатель*. Принцип порождения формы в обоих случаях — в сущности, один и тот же²¹.

²⁰ В цитированных нами только что изданиях (статейные списки посольства в Персию, Пискаревский летописец) сокращения раскрыты, и мы не знаем, как были написаны слова *облагодатель* и *облагодательство* — под титулом или полностью.

²¹ В послании митрополита Ионы новгородскому архиепископу Евфимию II Вязищскому 1453–1458 гг. цитируются слова Иоанна Златоуста: «Не единѣмъ

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

ГИМ — Государственный исторический музей

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РГБ — Российская государственная библиотека

Библиография

ААЭ, 1–4

Акты, собранные ... Археографическою экспедициею Академии наук, 1–4, С.-Петербург, 1836.

АИ, 1–5

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, 1–5, С.-Петербург, 1841–1842.

Алеф 2002

Алеф Г., Политическое значение надписей на московских монетах эпохи Василия II, в: *Из истории русской культуры*, 2, 1: *Киевская и Московская Русь*, А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский, сост., Москва, 2002, 591–609.

Барсов 1981

Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова, подг. текста и текстол. коммент. М. П. Тоболовой. Под ред. и с предисл. Б. А. Успенского, Москва, 1981.

Белокуров 1906

Белокуров С. А., предисл., ред., *Утверженная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова*, Москва, 1906.

Борис Годунов... 2015

Борис Годунов: От слуги до государя всея Руси. Каталог, И. А. Бобровницкая, О. А. Цицинова, сост., Москва, 2015.

Гальченко 2001

Гальченко М. Г., Об особенностях оформления почерка и орфографии Псалтири с дополнениями, памятника последней четверти XV века из собрания И. М. Фадеева, в: *Eadem, Книжная культура, книгописание, надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы*. Москва, С.-Петербург, 2001, 300–324.

— 2001a

Гальченко М. Г., Второе южнославянское влияние в древнерусской книжности (Графико-орфографические признаки второго южнославянского влияния и хронология их появления в древнерусских рукописях конца XIV – первой половины XV в.), в: *Eadem, Книжная культура, книгописание, надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы*. Москва, С.-Петербург, 2001, 325–382.

бо образомъ творити къ *обладаемымъ* потребно есть, но къ *благымъ* и усердно послушающимъ учителя — *благу* и *милосерду*, къ *злымъ* же и *жестосердымъ* — *жесточайшу* и *лютю* [...] Ибо честну быти *лъпо* учителю, и не *възносну* и *приступну* и *облагодательну* и *общительну...*» [РИБ 6: 546, № 65 — по списку ГИМ, Увар512/4 первой трети XVI в.]. В другом списке того же времени вместо *обладаемымъ* значитъ *обладаемым*, а вместо *облагодательну* — *обладательну* [РФА 2008: 163, № 35 — по списку ГИМ, Син562]. Оба списка представляют собой копии, выполненные в московской митрополичьей канцелярии. Надо полагать, что в подлинной грамоте митрополита Ионы соответствующие слова стояли под титулом: *обѣдаемымъ(ъ)*, *обѣдатель(ь)нѣ*; при переписывании сокращения были раскрыты, причем один писец заменил *бѣ* на *бла* (*обладаемым*, *обладательну*), а другой — на *благо* (*обладаемымъ*, *облагодательну*). Слово *обладательный* означает здесь 'властный', *обладаемый* — 'подвластный'.

Григ. Пар. 1998

Рибарова З., Хауптова З., *Григоровичев паримејник*, 1: *Текст со критички апарат*. Скопје, 1998.

Дубовик, 1–2

Дубовик В. В., *Азбуки-прописи XVII–XVIII веков: Исследование и тексты*, 1–2, Тюмень, 2011.

Зализняк 1993

Зализняк А. А., К изучению языка берестяных грамот, в: В. Л. Янин, А. А. Зализняк, *Новгородские грамоты на бересте*, 9: *Из раскопок 1984–1989 гг.*, Москва, 1993, 191–321.

Золтан 2002

Золтан А., К предыстории русск. «государь», в: *Из истории русской культуры*, 2, 1: *Киевская и Московская Русь*, А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский, сост., Москва, 2002, 554–590.

— 2014

Золтан А., *Interslavica: Исследования по межславянским языковым и культурным контактам*. Москва, 2014.

Иван Грозный 1951

Послания Ивана Грозного, Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье, подг. текста; Я. С. Лурье, пер. и коммент. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, Москва, Ленинград, 1951.

Иван Грозный и Андрей Курбский 1981

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков, подг. текста, Москва, 1981. [репр.: Москва, 1993].

Калайдович 1824

Алфавит, како которая речь говорити или писати, в: Калайдович К., *Иоанн Ексарх Болгарский: Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий*, Москва, 1824, 198–207. (Публикация по рукописи XVII в., РНБ, собр. Толстого, отд. III, № 92).

Карданова 2004

Карданова Н. Б., Грамота царя Алексея Михайловича и современный ей перевод на итальянский язык, в: *Герменевтика древнерусской литературы*, 11, Москва, 2004, 828–865.

Каштанов, Столярова 2004

Каштанов С. М., Столярова Л. В., подг. изд., *Посольская книга 1509–1571 гг. по связям русского государства с Балканами и Ближним Востоком («Греческие дела». Книга № 1)*, в: С. М. Каштанов, ред, *Россия и греческий мир в XVI веке*, 1, Москва, 2004, 127–306.

Котошихин 1980

Grigorij Kotošixin. O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajloviča. Text and Commentary, A. E. Pennington, ed., comen., Oxford, 1980. Ссылаемся на листы рукописи Котошихина, а не на страницы издания.

Курбский 1914

Сочинения князя Курбского, 1: *Сочинения оригинальные*, под ред. Г. С. Кунцевича, С.-Петербург, 1914.

Мартенс, 1–15

Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. По поручению Министерства иностранных дел составил Ф. Мартенс, 1–15. С.-Петербург, 1874–1909.

Мартынова 2019

Мартынова М. В., Венчание на царство, в: *Московский Кремль: Древние святыни и исторические памятники*, 1, Москва, 2019, 15–29.

Мец 1974

Мец Н. Д., *Монеты великого княжества Московского (1425–1462 гг.)*
(= Нумизматический сборник. Материалы к сводному каталогу, 3). Москва, 1974.

Моисеев 2004

Моисеев М. В., К истории землевладения рода Юсуповых в начале XVII века, в: *Русский дипломатический*, 10, Москва, 2004, 197–202.

Олеарий 1906

Олеарий А., *Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно*. Введ., пер., примеч. и указатель А. М. Ловягина. С.-Петербург, 1906.

Орешников 1896

Русские монеты до 1547 года, А. Орешников, сост. (= Императорский Российский исторический музей имени императора Александра III. Описание памятников, 1), Москва, 1896.

Письма и бумаги Петра, 1–13

Письма и бумаги императора Петра Великого, 1–13, С.-Петербург, Москва, 1887–2003.

Попов 1869

Попов А., *Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции*, Москва, 1869.

Пос. Брехова 1892

Посольство Ивана Брехова [1614–1616 гг.], в: *Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией*, под ред. Н. И. Веселовского, 2 (= Труды Восточного отделения имп. Русского археологического общества, 21), С.-Петербург, 1892, 313–445.

Пос. кн. 1988

Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями) 1588–1594 гг., подг. текста М. П. Лукичева и Н. М. Рогожина. Москва, 1988.

ПСЗ, 1–45

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года [Собрание 1-е: с 1649 по 12 декабря 1825 г.], 1–45, С.-Петербург, 1830.

ПСРЛ, 1–43

Полное собрание русских летописей, 1–43, С.-Петербург (Петроград, Ленинград), Москва, 1841–2004.

Радз. летопись, 1–2

Радзивилловская летопись: Текст, исследование, описание миниатюр, 1–2, Москва, 1994.

Рейтенфельс 1905

Рейтенфельс Я., *Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680 г.: Изданием книгопродавца Петра Мария Фрамботти: С разрешения старших*. Москва, 1905.

РИБ, 1–39

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею, 1–39, С.-Петербург (Петроград, Ленинград), 1872–1927.

РФА 2008

Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века, А. И. Плигузов, сост., Москва, 2008.

Сб. РИО, 1–148

Сборник Русского исторического общества, 1–148, С.-Петербург (Петроград), 1867–1916.

СГГД, 1–5

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии

- иностранных дел*, 1–5, Москва, 1813–1894.
- Сл. XI–XVII вв., 1–30
Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30. Москва, 1975–2015.
- Снимки печатей 1880
Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц, 1, Москва, 1880.
- Сумароков, 1–10
 Сумароков А. П., *Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе [...]. Собраны и изданы в удовольствие Любителей Российской учености Николаем Новиковым [...]*, 1–10, 2-е изд., Москва, 1787.
- Титулярник
Царский титулярник, 1: *Титулярник 1672 г.* [факсим. воспроизв.], Москва, 2007.
- Тредиаковский 1963
 Тредиаковский В. К., *Избранные произведения*, вступ. ст. и подг. текста Л. И. Тимофеева; примеч. Я. М. Строчкова, Москва, Ленинград, 1963.
- Уо 1972
 Уо Д. К., *Неизвестный памятник древнерусской литературы: «Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси к Степану, королю польскому» [Псков, 1 октября 1579 г.]*, в: *Археографический ежегодник за 1971 год*, Москва, 1972, 357–361.
- Успенский 1968
 Успенский Б. А., *Архаическая система церковнославянского произношения (Из истории литургического произношения в России)*, Москва, 1968.
- 2002
 Успенский Б. А., *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, 3-е изд., испр. и доп., Москва, 2002.
- Фасмер, 1–4
 Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева, 1–4, Москва, 1964–1973.
- Федоров 1949
 Федоров Г. Б., *Московские деньги времени великих князей Ивана III и Василия III*, в: *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*, 30, Москва, Ленинград, 1949, 70–76.
- Чертков 1834
 Чертков А. Д., *Описание древних русских монет*, Москва, 1834.
- 1837
 Чертков А. Д., *Описание древних русских монет. Прибавление первое*. Москва, 1837.
- Чижов 1910
 Чижов С. И., *Московская деньга в[еликого] к[нязя] Дмитрия Шемяки*, в: *Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1910 г., предоставленный директором музеев г. министру народного просвещения*, Москва, 1911, 60–62.
- ЭССЯ, 1–41
Этимологический словарь славянских языков, 1–41, Москва, 1974–2018.
- Boutourlin, 1–2
 Boutourlin M. D., ed., trans., *Documenti che si conservano nel R. Archivio di Stato in Firenze, sezione Medicea, riguardanti l'antica Moscovia (Russia)*, 1–2 = *Бумаги Флорентинского центрального архива, касающиеся до России. Итальянские и латинские подлинники с русским переводом* гр. М. Д. Бутурлина, 1–2, Mosca, 1871.

David 1965

Georgius David S. J., *Status modernus Magnae Russiae seu Moscoviae (1690)*, A. V. Florovskij, ed., introduct., London, Hague, Paris, 1965 (= Slavistic printings and reprintings, 54).

Giraud 1992

Giraud G., La titulature des souverains moscovites dans la littérature historique et les documents diplomatiques vénitiens (XV-e – XVII-e siècles), in: *Annali di Ca' Foscari. Serie occidentale*, 1–2 (31), 1992, 109–133.

Korb 1700

Korb J. G., *Diarium itineris in Moscoviam* [...], Wien, [1700].

Miklosich 1862–1865

Miklosich F., ed., *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum: emendatum auctum*, Vindobonae, 1862–1865.

Scerbacev 1915

[Ю. Н. Щербачев], *Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории*, 1: 1326–1569 гг. = *Acta Hafniensia, ad historiam Rossicam pertinentia. Collegit et typis imprimenda curavit G. Scerbacev, Fasc. I. A[nni] MCCCXXVI–MDLLXIX*, Москва, 1915.

Sparwenfeld, 1–4

Sparwenfeld J. G., *Lexicon Slavonicum*, 1–4, Index. U. Birgegård, ed. and comment., (= Acta Bibliothecae R. Universitatis Upsaliensis, 24, 1–5). Uppsala, 1987–1990.

Stone 1996

Stone G., ed., introduct., *A Dictionarie of the vulgar Russe tongue: attributed to Mark Ridley* (= Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte, 8), Köln, 1996.

References

Alef G., The Political Significance of the Inscriptions on Muscovite Coinage in the Reign of Vasiliy II, A. F. Litvina, F. B. Uspenskij, eds., *Iz istorii russkoi kul'tury*, 2, 1: *Kievskaja i Moskovskaja Rus'*, Moscow, 2002, 591–609.

Bobrovnikskaya I. A., Tsitsinova O. A., eds., *Boris Godunov. From A Courtier to The Sovereign of All Russia*. Exhibition book, Moscow, 2015.

Dubovik V. V., *Azbuki-propisi XVII–XVIII vekov: Issledovanie i teksty*, 1–2, Tyumen, 2011.

Fedorov G. B., Moskovskie den'gi vremeni velikikh kniazei Ivana III i Vasiliia III, *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury*, 30, Moscow, Leningrad, 1949, 70–76.

Galchenko M. G., Ob osobennostiakh oformleniia pocherka i orfografii Psaltiri s dopolneniiami, pamiatnika poslednei chetverti XV veka iz sobraniia I. M. Fadeeva, Eadem, *Knizhnaia kul'tura, knigopisanie, nadpisi na ikonakh Drevnei Rusi: Izbrannye raboty*, Moscow, St. Petersburg, 2001, 300–324.

Galchenko M. G., Vtoroe iuzhnoslavianskoe vliianie v drevnerusskoi knizhnosti (Grafiko-ortograficheskie priznaki vtorogo iuzhnoslavianskogo vliianiia i khronologiia ikh poavleniia v drevnerusskikh rukopisakh kontsa XIV – pervoi poloviny XV v.), Eadem, *Knizhnaia kul'tura, knigopisanie, nadpisi na ikonakh Drevnei Rusi: Izbrannye raboty*, Moscow, St. Petersburg, 2001, 325–382.

Georgius David S. J., *Status modernus Magnae Russiae seu Moscoviae (1690)*, A. V. Florovskij, ed., introduct. (= Slavistic printings and reprintings, 54), London, Hague, Paris, 1965.

Giraud G., La titulature des souverains moscovites dans la littérature historique et les documents diplomatiques vénitiens (XV-e – XVII-e siècles), *Annali di Ca' Foscari. Serie occidentale*, 1–2 (31), 1992, 109–133.

Kardanova N. B., Gramota tsaria Alekseia Mikhailovicha i sovremennii ei perevod na ital'ianskii iazyk, *Hermeneutics of Old Russian Literature*, 11, Moscow, 2004, 828–865.

Kashtanov S. M., Stolyarova L. V., eds., *Posol'skaia kniga 1509–1571 gg. po sviaziam russkogo gosudarstva s Balkanami i Blizhnim Vostokom («Grecheskie dela»*, Kniga № 1), Kashtanov S. M., ed., *Rossii i grecheskii mir v XVI veke*, 1, Moscow, 2004, 127–306.

Likhachev D. S., Lurye Ya. S., Adrianova-Petretz V. P., eds., *Poslaniia Ivana Groznogo*, Moscow, Leningrad, 1951.

Lurye Ya. S., Rykov Yu. D., eds., *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim*, Moscow, 1981. [repr.: Moscow, 1993].

Martynova M. V., Venchanie na tsarstvo, *Moskovskii Kreml': Drevnie sviatyni i istoricheskie pamiatniki*, 1, Moscow, 2019, 15–29.

Mets N. D., *Monety velikogo kniazhestva Moskovskogo (1425–1462 gg.)* (= Numizmaticheskii sbornik.

Materialy k svodnomu katalogu, 3), Moscow, 1974.

Moiseev M. V., K istorii zemlevladieniia roda Iusupovykh v nachale XVII veka, *Russkii diplomatarii*, 10, Moscow, 2004, 197–202.

Pennington A. E., ed., comment., *Grigorij Kotošixin. O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajloviča. Text and Commentary*, Oxford, 1980.

Pliguzov A. I., ed., *Russkii feodal'nyi arkhiv XIV–pervoi treti XVI veka* (= *Studia historica*), Moscow, 2008.

Ribarova Z., Hauptová Z., *Paroimiarion Grigorovici*, 1: *Tekst so kritički aparát*, Skopje, 1998.

Rogozhin N. M., Lukichev M. P., eds., *Posol'skaia kniga po sviaziam Rossii s Gretsiei (pravoslavnyimi ierarkhami i monastyriami) 1588–1594 gg.*, Moscow, 1988.

Sparwenfeld J. G., *Lexicon Slavonicum: Index*, 1–4, U. Birgegård, ed. and comment. (= *Acta Bibliothecae R. Universitatis Upsaliensis*, 24, 1–5), Uppsala, 1987–1990.

Stone G., ed., introduct., *A Dictionarie of the vulgar Russe tongue: attributed to Mark Ridley* (= *Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte*, 8), Köln, 1996.

Timofeev L. I., Storchkov Ia. M., eds., *Trediakovsky V. K., Izbrannye proizvedeniia*, Moscow, Le-

ningrad, 1963.

Tobolova M. P., Uspenskij B. A., eds., *Rossiiskaia grammatika Antona Alekseevicha Barsova*, Moscow, 1981.

Uspenskij B. A., *Arkhaicheskaia sistema tserkovnoslavianskogo proiznosheniia (Iz istorii liturgicheskogo proiznosheniia v Rossii)*, Moscow, 1968.

Uspenskij B. A., *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)*, 3rd ed., Moscow, 2002.

Waugh D. C., *Neizvestnyi pamiatnik drevnerusskoi literatury: "Gramota gosudaria tsaria i velikogo kniazia Ivana Vasil'evicha vsea Rusii k Stepanu, koroliu pol'skomu"* [Pskov, 1 oktiabria 1579 g.], *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1971 god*, Moscow, 1972, 357–361.

Zaliznyak A. A., K izucheniiu iazyka berestianykh gramot, V. L. Yanin, A. A. Zaliznyak, *Novgorodskie gramoty na bereste*, 9: *Iz raskopok 1984–1989 gg.*, Moscow, 1993, 191–321.

Zoltán A., *Interslavica: Issledovaniia po mezhslovianskim iazykovym i kul'turnym kontaktam*. Moscow, 2014.

Zoltán A., K predystorii russk. "gosudar'", A. F. Litvina, F. B. Uspenskij, eds., *Iz istorii russkoi kul'tury*, 2, 1: *Kievskaiia i Moskovskaiia Rus'*, Moscow, 2002, 554–590.

Борис Андреевич Успенский, профессор, доктор филологических наук
заведующий Лабораторией лингвосемиотических исследований

Школы филологии Факультета гуманитарных наук

Национального исследовательского университета

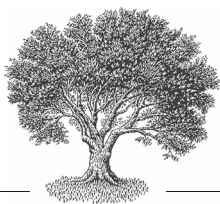
«Высшая школа Экономики»

105066 Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1

Россия / Russia

borisusp@gmail.com

Received April 15, 2020

Подлинные и мнимые имена Бориса Годунова*

Анна Феликсовна Литвина

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

**Федор Борисович
Успенский**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия

The True and Fake Names of Boris Godunov

Anna F. Litvina

National Research University
Higher School of Economics
Moscow, Russia

Fjodor B. Uspenskij

National Research University
Higher School of Economics
Vinogradov Institute of Russian
Language of the Russian Academy
of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

В первой части работы предложен общий обзор моделей одноименности и многоименности в средневековой Руси, причем авторы стремились сосредоточиться в первую очередь на антропонимических практиках XVI — начала XVII столетия. Далее была предпринята попытка показать, каковы были

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Культурные модели европейского Средневековья», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г.

Цитирование: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Подлинные и мнимые имена Бориса Годунова // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 1. С. 185–231.

Citation: Litvina A. F., Uspenskij F. B. (2020) The True and Fake Names of Boris Godunov. *Slověne*, Vol. 9, № 1, p. 185–231.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.1.7

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

системные возможности для наречения царя Бориса Годунова и как они были реализованы на деле. В частности, были рассмотрены все имена, которыми царь обладал бесспорно, и те, что ему приписывались (*Борис, Боголеп, Иаков, Богдан, Феодот*). Особое внимание уделено истории культа личных патрональных святых членов царской семьи, прежде всего св. Феодоту.

Ключевые слова

Борис Годунов и его семья, историческая ономастика, средневековая Русь, многоименность, месящесловная традиция, имянаречение в допетровской Руси, культ святых, светская христианская двуименность, личные небесные покровители

Abstract

This paper takes a new look at the “anthroponymical dossier” of Boris Godunov and his family. Insufficient familiarity with the structure of the Medieval Russian polyonymy (that is, the practice of using many names for the same person) has been known to lead not only to the introduction of redundant and never-existing people to research papers, but also to real people taking redundant, imaginary names, which they did not and often could not have taken in reality. This paper takes a look at both the names the tsar had, without a doubt, and the names under which he existed in previous research (*Boris, Bogolep, Iakov, Bogdan, Theodot*). Special attention is given to the personal patron saints’ cult in Godunov’s family, mostly to St. Theodotus. Some problems of attribution and dating of several artifacts are raised.

Keywords

Boris Godunov and his family, onomastics, name-giving in pre-Petrine Rus’, Medieval Russian polyonymy, dual naming of lay Christians, saints’ cult, Church calendar, holy patrons

Вводные замечания

Феномен светской христианской двуименности — наличие у одного и того же человека в миру одновременно двух имен из церковного календаря — до недавнего времени крайне редко становился предметом самостоятельного интереса исследователей. Разумеется, отдельные казусы фиксировались специалистами самых разных областей, историками, филологами и искусствоведами, однако эта фиксация порой сопровождалась всевозможными ошибками и неточностями в определении статуса различных именований человека: имя, полученное при крещении, но почти не употреблявшееся в официальных документах, принимали за монашеское; имя публичное, фигурирующее во множестве источников, безоговорочно признавали именем крестильным и т. д. и т. п. Подобная путаница, в свою очередь, естественным образом

вела к дальнейшим ошибкам генеалогического и просопографического свойства. Один обладатель двух христианских имен превращался под пером исследователя в двух самостоятельных персонажей — родных братьев или отца и сына, другому приписывались неосуществленные на деле поступки вроде иноческого пострига или перехода в великую схиму, одна и та же женщина преобразовывалась в двух жен одного и того же лица, и, соответственно, для этих несуществующих персонажей реконструировались обстоятельства браков и кончин.

Перечисленные недоразумения легко возникают, когда исследователь не обращает внимания на тот факт, что у мирянина может быть не одно христианское имя. Однако не к лучшим последствиям ведет и «синдром избытка» — убежденность в том, что некое дополнительное сокровенное именование, почерпнутое из церковного календаря, непременно было у каждого, или в том, что у кого-то в мирской жизни могло быть неограниченное количество христианских имен.

Различные заблуждения такого рода, порожденные малой заинтересованностью и/или недостаточной осведомленностью в самом явлении светской христианской двуименности, распространялись в научной литературе не только на фигуры второстепенные, но и на тех, кто, казалось бы, всегда находился в центре исследовательского внимания. Исключением здесь не стали даже русские цари — своеобразным чемпионом в области антропонимических ошибок суждено было сделаться Борису Годунову. Теперь, когда мы, с одной стороны, располагаем более или менее системными представлениями об устройстве христианской полиномии в XVI в. [Литвина, Успенский 2020: 9–44], а с другой — способны оценить всю важность этого явления для культурной истории целой эпохи, у нас, кажется, появляется шанс разобраться в его антропонимическом досье.

Каков же мог быть набор имен у человека, родившегося на Руси в XVI веке и скончавшегося в XVII столетии? Так или иначе, все разнообразие в области имянаречения в ту эпоху сводится, в сущности, к нескольким условным моделям, составляющим целостную систему.

Обязательным для всякого христианина был один антропоним — то имя из православного месяцеслова, которое он получал в крещении. Для многих людей оно и оставалось единственным на протяжении всей жизни, от рождения до смерти: им он пользовался во всех мыслимых ситуациях, домашних и публичных, церковных и светских. Так, из современников царя Бориса одноименными были, например, скончавшийся в 1607 г. князь и боярин Борис Петрович Татев и двое его сыновей — Федор и Петр, а также зять этих Татевых, знаменитый «спаситель отечества» Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, умерший в 1625 г.

Рядом с ними жили и действовали их двуименные родственники и современники¹, причем двуименность эта, в свою очередь, бывала реализована двумя разными способами.

С одной стороны, помимо строго обязательного крестильного имени у человека любого статуса и состояния — от царя до холопа, от крестьянской девочки до знатной вдовы — могло быть еще одно христианское имя, которое подходило ему по семейным, родовым или социальным соображениям. Такое имя становилось публичным, употреблялось в большинстве сфер социальной деятельности своего обладателя, а имя, данное при крещении, появлялось лишь в определенных ситуациях, связанных с религиозной жизнью².

При этом публичное имя (как и имя крестильное) черпалось из православного месяцеслова, а его присутствие обеспечивало человеку покровительство еще одного святого тезки, культ которого, как и почитание небесного тезки по имени, полученному при крещении, мог запечатлеваться в церковных вкладах, заказе самых разнообразных предметов благочестия, в церковном строительстве, а иногда и в определенных датах поминовения. Два этих молитвенных предстоятеля могли как выступать вместе (на одной иконе, в пределах одного храмового комплекса), так и по одному свидетельствовать о радении своего земного тезки³.

¹ Так, еще один сын только что упомянутого Бориса Петровича Татеева обладал двумя мирскими христианскими именами — *Сергей* и *Иван*, двуименными в миру были отец и родной брат Дмитрия Тимофеевича Трубецкого: один из них был *Тимофеем* / *Фотием*, а другой — *Александром* / *Меркурием*.

² Так, тетка царя Бориса, жена его дяди Дмитрия Ивановича, была обладательницей крестильного имени *Матрона* и публичного *Стефанида*, и оба эти имени упоминаются в связи с различными церковными пожертвованиями, сделанными ею и ее мужем [Литвина, Успенский 2018]. Родственники царя, сыновья Василия Годунова, в публичной жизни звались *Григорием* и *Степаном* (*Стефаном*), тогда как в крещении были *Харитоном* и *Евдокимом*; у царственного свойственника Годуновых, Федора Ивановича, было дополнительное имя *Ермий*, а младший единокровный брат царя Федора, царевич Дмитрий Углицкий, обладал еще одним именем — *Уар*.

³ Примеры такого рода весьма и весьма многочисленны. Так, сын Василия Темного, великий князь Иван / Тимофей, возводит церковь Иоанна Златоуста с приделом, посвященным апостолу Тимофею, а при его сыне — Василии / Гаврииле — в тульском кремле освящается первый соборный храм в честь архангела Гавриила и Василия Парийского. После кончины царя Федора / Ермия Ивановича его вдова Ирина Годунова отдает вкладом в Архангельский собор знаменитое кадило с изображением святых покровителей членов своей семьи: Феодора Стратилата и апостола Ермия, мучениц Ирины и Фотины и св. Феодосии. В свою очередь князь Дмитрий / Косма Пожарский завещает в Макариевский Желтоводский монастырь икону, где на одной стороне изображен Дмитрий Солунский, а на другой — св. Косма. Вместе с тем относительно тех же самых лиц, будь то царь Федор или князь Пожарский, известно множество примеров, когда в их даяниях манифестируется культ лишь одного святого — тезки по публичному имени. Так, Дмитрий / Косма устраивает в нижегородской церкви Вознесения Христова придел Дмитрия Солунского;

Очень часто, хотя и не всегда, между двумя мирскими христианскими именами одного и того же лица прослеживается своеобразная календарная соотнесенность: дни празднований двум личным патрональным святым, как правило, не слишком далеко отстоят друг от друга в месяцеслове. Своеобразный временной коридор, охватывающий две-три недели до и две-три недели после даты рождения, позволял выбрать имя, отвечающее родовым предпочтениям. Часто нужное имя отыскивалось и совсем недалеко от дня появления на свет. Так, человек мог получить в крещении имя *Акила* (память апостола Акилы приходится на 14 июля), а в обиходе зваться *Владимиром* (память князя Владимира 15 июля) [Вахрамеев 1896: 22], быть в крещении *Софонией* (память пророка Софонии празднуется 3 декабря), а в публичной жизни и во множестве официальных текстов именоваться *Юрием* (по празднику освящения церкви св. Георгия в Киеве, 26 ноября), причем после кончины его поминали на обе эти даты [Майков 1909: 8; Алексеев 2010: 41–42 (л. 55об.–57)]. Представитель бюрократической элиты XVI в. запечатлевал во множестве государственных актов свое публичное имя *Борис* (память князя Бориса 24 июля), будучи при этом крещен *Каллиником* — во имя св. Каллиника Гангрского (память 29 июля) [Алексеев 2010: 38 (л. 44об–45)] и т. д. и т. п.

С другой стороны, в ту же эпоху у многих людей мирская двуименность была устроена на более архаичный лад: кроме неизменно обязательного крестильного имени человек мог обладать еще и некалендарным именем, не имеющим непосредственной связи ни с церковным месяцесловом, ни с практикой христианского имянаречения. Он мог именоваться *Голица*, *Овчина*, *Первой*, *Третьяк*, *Девятой*, *Алмаз*, *Смирной*, *Томила*, *Адаш*, *Каравай*, *Осока* и т. п.; иногда такие имена обладали благочестивой или квазиблагочестивой семантикой (*Бажен*, *Кондак*, *Келарь*, *Игумен*, *Молитва*, *Катавасия*, *Аминь*, *Обедня*, *Богдан*), однако даже и в этом случае они безошибочно опознавались традицией как имена немесецесловные и никак, разумеется, не могли даваться в крещении⁴. Во второй половине XVI в., как, впрочем, и на всем протяжении

весьма велико и число храмов, посвященных в эпоху правления Федора Ивановича именно Феодору Стратилату. Еще более частотны, пожалуй, случаи, когда двуименный донатор выделяет в своем вкладе собственного тезку по имени крестильному. Так, дьяк Федор / Конон Апраксин строит в церкви мч. Василиска придел св. Конона Градаря, а княжеская семья Ногтевых-Татевых вкладывает в монастыри иконы, где на полях среди прочих семейных святых изображены свв. Митрофан и Елевферий, покровители князя Федора / Митрофана Татева и его зятя Даниила / Елевферия Ногтева (свв. Феодор и Даниил на этих артефактах отсутствуют) [Литвина, Успенский 2020a].

⁴ Некалендарная, нехристианская природа таких антропонимов в эпоху позднего русского Средневековья была отчетливо оторефлектирована, ср. кочующее из одного текста в другой рассуждение книжника: «Предисловіе толкованію именъ чловѣческихъ, яже здѣ по буквамъ писаны. Прежде убо Словяне, еще

существования «классической» двуименности (крестильное имя + нехристианское имя), эти нехристианские имена, будь то *Алмаз* или *Богдан*, употреблялись публично и открыто: они фигурировали в любых официальных документах, от царских грамот до монастырских актов⁵. Им был заказан путь лишь в некоторые — сердцевинные, по-видимому, непосредственно связанные с таинствами — сферы церковной жизни.

Строго говоря, один и тот же человек мог быть одновременно носителем обоих типов двуименности, т. е. иметь три имени кряду (два христианских и одно некалендарное — *Петр / Евфимий / Шаран*), хотя такое случалось, по всей видимости, довольно редко. Бывало и так, что у одного и того же лица было два нехристианских имени и одно крестильное (*Истома / Поньрка / Фрол*). При этом, если человек не переживал столь кардинальных перемен, как, скажем, смена конфессии, более двух христианских имен у него в миру быть не могло — этим отечественная традиция многоименности заметно отличается от традиции западной, вполне допускавшей одновременное существование целой гирлянды христианских антропонимов.

На Руси новые возможности в области полиномии открывало иночество. Если человеку случалось принимать монашеский постриг — в расцвете лет, в старости или на смертном одре — в интересующую нас эпоху он в подавляющем большинстве случаев получал новое христианское имя. Весьма любопытно и характерно для собственно русской практики то обстоятельство, что прежние его имена отнюдь не исчеза-

сущии поганин, не имяху книгъ, понеже неразумѣху писания, и того ради и дѣтемъ своимъ даху имена, якоже восхоцѣть отецъ или мати, яко же суть сия: Богданъ, Бажень, Второй, Третьякъ и прочая подобная симъ, яже нынѣ прозвища имянуются» («Книга, глаголемая Алфавит», РГБ. Ф. 173.1. № 199. Л. 77об.–78; ср.: [Леонид (Кавелин), 1: 359]; здесь и далее разрядка в цитатах всегда принадлежит авторам настоящей статьи). Ср. замечание Н. М. Тупикова: «Самый яркий пример того, что русские имена имели значение лишь прозвищ, представляет следующее место: “Богданъ, а имя ему Богъ въсть”, 1642, казак» [Тупиков 1903: 71]. В связи с антропонимом *Богдан* см. также: [Успенский 1969: 204–205; Белякова 2013].

⁵ Достаточно вспомнить лишь нескольких Богданов, игравших самые разные роли на исторической сцене в интересующую нас эпоху: Богдана Бельского, подозревавшегося в том, что он вместе с Борисом Годуновым задушил Ивана Грозного, или воеводу Богдана Сабурова, приходившегося Ивану Грозному сватом, знаменитого придворного XVII столетия Богдана Хитрово, который в крещении был *Иовом*, или Богдана Хмельницкого, крещеного как *Зиновий*, а заодно и целую череду менее прославленных Богданов XVI–XVII вв.: Богдана / Силуана Яковлева сына Соловцова, Богдана Минина сына Дубровского, Богдана Владимировича сына Сурвацкого, Богдана / Варфоломея Петрова сына Некрасова и многих других (ср. также: [Тупиков 1903: 107–112]). Для них всех, как и для десятков, если не сотен других, *Богдан* — это публичное имя, раз за разом повторяющееся в документах. Христианские же имена этих Богданов (*Иов, Зиновий, Силуан, Варфоломей* и проч.) зафиксированы в куда меньшем числе источников, так что отыскать их порой бывает непросто.

ли полностью: по крестильному имени инок мог праздновать именины, публичное имя (календарное или некалендарное) продолжало использоваться в деловых документах, практически любое из них могло появиться на надгробной плите, посмертное поминавание монаха нередко назначалось на день того святого, кто был тезкой усопшего по мирскому крестильному имени, и т. д. и т. п.

Таким образом, благочестивый христианин эпохи Годунова на протяжении жизни мог накопить от одного до четырех имен в почти любой их комбинации, причем только один из элементов — крестильное имя — присутствовал в ней обязательно.

Существенно, что в этой матрице из четырех базовых потенциальных элементов (крестильное имя, публичное некалендарное имя, публичное христианское имя, монашеское имя)⁶ нехристианские имена функционировали автономно и независимо от всех прочих. Какая бы то ни было смысловая и культурно-ассоциативная их соотнесенность с христианскими — явление довольно редкое, и уж тем более раритетна ситуация, когда некалендарное имя становилось бы калькой, семантической вариацией или переводом имени календарного. Подобного рода казусы, лишенные опоры на источники, можно обнаружить скорее в построениях и догадках первых историков Нового времени (В. Н. Татищева, М. М. Щербатова) или отдельных ученых XIX столетия, нежели в какой бы то ни было реальной практике⁷.

Что же касается христианских имен одного и того же лица, то все они, как правило, были соотнесены друг с другом. О календарной близости двух мирских христианских имен мы уже упоминали выше, монашеское имя также присоединялось к ним далеко не случайным образом.

Приблизительно с середины XV в. на Руси стала доминировать тенденция, согласно которой иноческое имя подбиралось по созвучию

⁶ Под базовыми элементами мы имеем в виду те, что были хоть сколько-нибудь широко представлены в практике имянаречения той эпохи. Строго говоря, кажется вполне допустимой ситуация, когда у одного и того же лица в миру было бы два христианских и два некалендарных имени (а постригшись в монахи, он присоединил бы к ним еще и пятое), однако на деле нам такие случаи не встречались. С другой стороны, много позже, с середины XVII в., на Руси широко распространилась практика, когда инок получал новое имя не единожды: пострижение в рясофор, в малую схиму и в великую схиму — каждый из этапов мог сопровождаться приобретением нового антропонима. Для XVI — начала XVII столетия, той эпохи, когда жил Борис Годунов, практика двукратной перемены имени в монашестве еще представляла собой большую редкость, а троекратная перемена не встречается вовсе.

⁷ Именно здесь, под пером исследователей, появляются такие русские княгини домонгольской поры, как, например, Добродея / Евпраксия, при том, что имя *Добродея* не фиксируется ни одним источником. О мнимых конвертациях христианских и языческих имен см. подробнее: [Литвина, Успенский 2006: 253–254, примеч. 48]; ср. также: [Усачев 2005: 251–255].

к тому мирскому христианскому имени, которое постригаемый получил в крещении. На практике в большинстве случаев это созвучие сводилось к совпадению начальных звуков крестильного и монашеского именования. В данном случае фактически не имело значения, одним или двумя христианскими именами человек обладал в миру — в расчет при таком подборе всегда бралось лишь то из них, что было у каждого — имя, данное в крещении. Таким образом, дядя царя Бориса Дмитрий Годунов при постриге стал *Дионисием*, а дед царя Михаила Федоровича Никита Романов — *Нифонтом*. С другой стороны, современник Годунова, которого царь заточил в Кожеозерском монастыре, князь Иван Васильевич Сицкий был «во иноцѣхъ Сергій» именно потому, что «в крещеніи имя его Софроній» [Снегирев 1843: 131; Кормовая книга Новоспасского монастыря 1903: IV], а князь Тимофей / Фотий Романович Трубецкой (отец уже упоминавшегося «одноименного» Дмитрия Трубецкого), приняв схиму, стал *Феодоритом*. В XVII в. знаменитый старообрядческий деятель, известный как Иван Неронов, постригается с именем *Григорий*, «зане от святаго крещения Гавриил имя ему, Иоанн же прозвание» [Сапожникова et al. 2012: 45]. Такие люди, как Иван / Шигона Юрьевич Поджогин или Василий / Пестерь Исаков сын, вполне закономерно становятся в иночестве *Ионой* и *Варлаамом* [Шаблова 2012: 126 (л. 200об.), 345, примеч. 37].

Правило это — коль скоро задействуется принцип подбора по созвучию монашеского имени к мирскому, то подбираться оно должно исключительно к имени крестильному — соблюдалось твердо и неотменно⁸. Собственно, таким образом и замыкалась связь между всеми тремя христианскими именами, которыми потенциально мог обладать один и тот же человек. В центре этой микросистемы располагалось имя крестильное: если человеку давалось еще одно христианское имя в миру, то оно чаще всего подбиралось к крестильному по календарю, а если в монашестве — то по созвучию.

Целостная матрица имен, допускающая присутствие четырех элементов, способна доставить современному исследователю немало хлопот. В самом деле, между несколькими именованиями одного и того же лица существовало своеобразное функциональное распределение, а потому все вместе и одновременно в источниках они представлены достаточно редко. Далеко не всегда упоминание конкретного имени снабжено прямым указанием на его статус, и если христианские имена

⁸ При этом необходимо иметь в виду, что сам по себе этот принцип подбора не обладал статусом абсолютного закона. Иногда монашеское имя, как и встарь, определялось датой пострига, а изредка оно могло выбираться по иным соображениям — решающую роль здесь играла воля игумена.

отличить от нехристианских относительно легко, то остальные этапы реконструкции антропонимического досье — имеем ли мы дело, например, с крестильным именем, с монашеским или с публичным некрестильным — требуют определенных исследовательских усилий. Вдобавок ко всему, на XVI столетие приходится расцвет древнерусской полиномии (в особенности христианской двуименности), но в эту же пору проступают и первые признаки ее перестройки, ведущей к постепенному размыванию и угасанию.

В частности, примерно в эту пору в правящей московской семье несколько меняется соотношение между двумя христианскими именами — крестильным и родовым, династическим.

Если прежде, решившись дать ребенку два имени, родители крестили его тем из них, что выпадало ему по дню рождения, а в династической жизни именовали другим, традиционным для правителей, то в конце XV–XVI в. отпрыска великокняжеской или царской семьи крестят непосредственно именем династическим. Имя же, выпавшее ему по дате появления на свет, уже не имеет, в сущности, строго закреплённой функции, остается чем-то вроде «благочестивого придатка», факультативного дополнения в церковном обиходе [Литвина, Успенский 2019; Eidem 2020: 32–33]. Так, если сына Дмитрия Донского, родившегося в конце XIV в., крестят по дню рождения *Максимом*, а в династической жизни зовут *Андреем* (Андрей Дмитриевич Можайский), то в XVI в. Ивана Грозного несомненно крестили *Иваном*, тем самым именем, под которым он правил, а имя *Тит*, доставшееся ему по дню рождения, появляется лишь в довольно ограниченном круге письменных памятников да на ряде царских вкладов. Подобное положение дел с тремя христианскими именами правителя (Иван / Тит Грозный в монашестве стал *Ионой*) постепенно сводится к тому, что мирская христианская двуименность как таковая замещается простым почитанием тех святых, на память которых отпрыскам самодержца довелось родиться. Окончательно это произошло в XVII в., в династии Романовых, у которых с восшествием на престол христианской двуименности попросту не стало⁹. Существенно, однако, что ни в XVI, ни в XVII столетии за пределы правящих родов отмеченная тенденция как будто бы не распространяется: подданные Рюриковичей и Романовых отнюдь не отказываются от полноценной христианской двуименности и весьма активно используют возможность крестить младенца одним именем, а в публичной жизни называть другим. Иными словами, приходится

⁹ Так, Петр I несомненно почитал св. Исакия Далматского, на день которого родился (30 мая 1672 г.), но имени *Исакий* как такового у него, судя по всему, не было, как не было вторых имен у его отца, деда и всех их детей.

учитывать, что матрица из четырех имен внутри династии и за ее пределами может быть устроена в это время несколько по-разному.

Трудности с точным и однозначным установлением личных небесных покровителей того или иного лица усугубляются еще и тем, что, помимо разнообразной «новой» путаницы, привнесенной неверными исследовательскими трактовками, существует еще и путаница «древняя», явленная в самих текстах и артефактах второй половины XVI–XVII столетия.

Этой эпохе присущи своеобразные черты «барокко прежде барокко», когда страсть к дифференцирующей точности в культе святых, увлечение подробностями и деталями неожиданно, но вполне закономерно перерастает порой в стремление к наведению мостов, в поиск точек пересечения, позволяющих людям XVI–XVII вв. по каким-то особым признакам и ассоциациям присваивать себе или своим родичам объединенный патронат сразу нескольких небесных покровителей. Тождество или сходство имен или совпадение дней празднований оказываются наиболее наглядным и удобным средством, запускающим механизм подобного объединения, конечная цель которого — создание для того или иного человека целого сонма личных заступников.

Так, у родной сестры царя Бориса, царицы Ирины Годуновой, было две основных небесных покровительницы — св. Ирина Иллирийская и св. Фотиния Самаряныня. При этом на одном из образов Ипатьевского монастыря, особо почитаемом семьей Годуновых, представлена не только св. Ирина, но и ее сомученицы Агапия и Хиония, чья память отмечается в тот же день¹⁰. Не будучи тезками царицы, они, таким образом, тоже почитались ею и рассматривались как ее непосредственные заступницы — подобно тому, как св. Глеб мог считаться покровителем обладателя имени *Борис* (см., например, примеч. 14 на с. 197). При этом в большинстве случаев на годуновских вкладах рядом со св. Ириной все же появляются не Агапия и Хиония (память 16 апреля), а св. Фотиния, на память которой (20 марта) будущая царица скорее всего появилась на свет.

Обыкновенно из множества небесных тезок благочестивый человек XVI–XVII столетия тщательно выделял именно того, в честь кого был наречен, но иной раз мы сталкиваемся с проявлениями личного культа сразу двух соименных святых — древнего, общехристианского, и не так давно прославленного, собственно русского, например, свв. Дмитрия

¹⁰ Ср. описание вклада Дмитрия Ивановича Годунова, дяди царицы: «да велель те золотые на мѣдные нити възнизати и прикласти къ мѣстнымъ образомъ [...] у великомучениць Ирины, Агапии и Хеонии 2 золотыхъ и всехъ золотыхъ въ цекве [sic! — А. Л., Ф. У.] у мѣстныхъ образовъ и у малыхъ пядницъ у Федора Стратилата 126 золотыхъ» [Соколов 1890: 55]. Ср. также: [Литвина, Успенский 2019a].

Солунского и царевича Дмитрия¹¹, свв. Иоанна Предтечи и Иоанна, архиепископа Новгородского (ср., например, казус Ивана Михайловича Шуйского [Литвина, Успенский 2019б: 12–14]), или свв. Григория, просветителя Армении, и Григория Печерского (ср., например, историю поминовений Малюты / Григория Скуратова, установленных Иваном Грозным [Ibid.]). Обратим внимание, что даты празднований этим святым, старым и новым, в календаре не совпадают — главную роль здесь играло тождество имен, которое позволяло сформировать некий символический треугольник личного благочестия, включавший трех тезок (древнего святого и двух названных в его честь людей, один из которых, в свою очередь, был недавно канонизирован).

Картина подобного рода пересечений и объединений оказывается тем более пестрой и разнообразной, что рядом с продуманными конструкциями личного благочестия сосуществуют, с одной стороны, еще и рудименты давнего, восходящего к домонгольскому времени «наивного» синкретизма в обобщенном почитании всех небесных тезок, а с другой стороны, не столь уж редки простые ошибки переписчиков, знаменщиков, иконописцев, путающих нескольких одноименных святых или присваивающих одному святому эпитеты или атрибуты другого. Казусы такого рода переноса и объединения по смежности чрезвычайно многочисленны, механизмы подобного смешения сами по себе заслуживают отдельного исследования. Упомянем здесь лишь два эпизода, устроенные совершенно по-разному, но равным образом вызванные к жизни календарным соседством. Так, во Вкладной и кормовой книге московского Симонова монастыря князя Бориса / Емелиана Лыкова — современника Годунова и зятя будущего патриарха Филарета — предписывается поминать 18 июля, «на память святого великомученика Емелияна, и же во Амастриде...» [Алексеев 2006: 36 (л. 28)]. Великомученика Емелиана Амастридского не существовало в природе — князь, как мы знаем по многим другим источникам, был крещен во имя св. Емелиана Доростольского. Однако в тот же день, 18 июля, отмечается память мученика Иакинфа, и же во Амастриде: имя одного святого ошибочно соединилось с местом мученичества другого, и в результате появился некий месяцесловный фантом. В низовой среде подобное

¹¹ Очень характерна в этом отношении история посмертного поминовения уже появлявшегося в нашей работе князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, который был современником царевича Дмитрия и ни в коем случае не мог быть наречен в его честь. Оба они, со всей очевидностью, были крещены в честь св. Дмитрия Солунского. Судя по всему, это обстоятельство сыграло весьма важную роль в том, что царевич-мученик воспринимался как заступник князя Трубецкого и его изображение было помещено на дробнице фелони — поминальном вкладе его жены в Троице-Сергиев монастырь — среди святых, соименных членам семьи [Литвина, Успенский 2019б: 12].

смешение могло доходить до того, что имена двух сомучеников, чья память отмечалась под одной датой, объединялись и сливались воедино (такова, по всей видимости, история появления на русской почве имени *Провоторх* или *Провотор*)¹².

Между тем — при всей своей трудоемкости — воссоздание верной и полной картины имянаречения каждого человека той эпохи совершенно необходимо для того, чтобы составить правильное представление о его личном благочестии, бытовой, церковной и официально-прагматической жизни, о его месте в отдельно взятом роду и в социуме. Сколько же потенциальных ячеек описанной выше матрицы были заполнены в антропонимическом досье Бориса Федоровича Годунова — и как они заполнялись? Или, формулируя несколько иначе, сколько имен было у этого русского царя и каков был статус каждого из них?

Борис и Боголеп

Доподлинно известны и хорошо задокументированы два ономастических факта: царь правил под именем *Борис*, а перед кончиной принял постриг и получил монашеское имя *Боголеп*.

В XVI в. *Борис* — это полноценное христианское имя с весьма своеобразной историей. Как известно, в церковный месяцеслов оно попало благодаря общерусскому прославлению собственных святых — князей, каждый из которых обладал двумя именами, *Борис / Роман* и *Глеб / Давид*. Первоначально они почитались под своими крестильными, привычными для церковного обихода именами (*Роман* и *Давид*), но очень быстро в этом культе закрепились их княжеские, языческие по происхождению имена. Соответственно, имя *Борис* на совершенно легитимных основаниях проникает в русские месяцесловы [Лосева 2001: 330, 391] и на протяжении многих столетий весьма охотно дается в крещении. Небесным покровителем всех его обладателей был единственный святой с этим именем — русский князь Борис Владимирович, причисленный к лику мучеников. Поскольку борисоглебский культ предполагал совместное почитание двух братьев, то зачастую оказывалось, что нареченный в честь одного из них автоматически попадал под патронат обоих.

Замечательно, что в подавляющем большинстве случаев человек, получивший в крещении имя *Борис*, либо делался обладателем публич-

¹² Как известно, память сомучеников Прова, Тарха (Тараха) и Андроника Киликийских отмечается в один день (12 октября). Точные причины и обстоятельства их слияния нуждаются в отдельном рассмотрении. Существенно при этом, что в ту же эпоху оба имени, *Тарх* и *Пров*, употребляются и по отдельности, в качестве полноценных самостоятельных имен.

ного *Глеб*¹³, либо — что происходило гораздо чаще — вовсе не нуждался во втором христианском имени, потому что заступничество еще одного покровителя было ему уже обеспечено. В русской религиозной практике, при всей ее склонности к совместному, парному почитанию соучеников, трудно отыскать другой пример столь тесной сопряженности культа двух святых. Подобная сопряженность могла доходить до того, что раздельное изображение князей Бориса и Глеба считалось чуть ли не греховным — хотя такую точку зрения едва ли можно назвать общепринятой, именно этот упрек недоброжелатели Годунова могли бросать его сторонникам, видя в отдельном почитании св. Бориса без св. Глеба неподобающую форму угождения нелегитимному правителю¹⁴. Существенно, впрочем, что подобная парность патроната Бориса и Глеба по отношению к конкретному человеку — это все же тенденция, а не закон: известны отдельные случаи, когда при публичном имени *Борис* все-таки давалось иное крестильное имя¹⁵.

Существенно, с другой стороны, что имя *Борис*, не прошедшее горнило византийской огласовки, оказалось единственным на все православные святцы именем христианского святого, начинающимся на букву –Б–. В домонгольское время это обстоятельство, судя по всему, не имело большого значения, так как в ту пору сосуществовали разные способы монашеского именаречения и правило созвучия крестильного

¹³ Аналогичным образом обладателям крестильного имени *Глеб* также «по умолчанию» был обеспечен патронат св. Бориса, и потому в каких-то других небесных заступниках, приобретаемых путем тезоименитства, у них тоже зачастую уже не было необходимости.

¹⁴ См. упреки Ивана Тимофеева, который утверждает, что на иконах при Годунове недолжным образом стали изображать одного св. Бориса, отторгая св. Глеба [РИБ, 13: 337 (л. 113–113об.); Державина 1951: 61].

¹⁵ Так, человек, ставший в крещении *Емелианом*, *Калинником*, *Иваном*, *Леонтием*, или *Карпом*, вполне мог в повседневном обиходе зваться *Борисом* или *Глебом* (скончавшийся в 1644 г. боярин Борис / Емелиан Лыков, стольник Борис / Иван Бутурлин (в 1683 г. — новгородский воевода), родившийся в XVI в. Борис / Карп Левашов, князь и сенатор Борис / Леонтий Куракин, умерший в 1764 г., дьяк и печатник XVI в. Борис / Калинин Сукин и воевода эпохи Грозного, князь Глеб / Калинин Оболенский). Хорошей иллюстрацией к этой довольно сложной модели служит антропонимическая история живших в XVII в. братьев Морозовых. Один из них, воспитатель будущего царя Алексея Михайловича, был *Ильей* в крещении и *Борисом* в публичной жизни, тогда как другой — супруг знаменитой боярыни Морозовой — в крещении был *Борисом*, а в публичной жизни именовался *Глебом*. Особняком стоит казус атамана верхотурских беломестных казаков, основателя Красноярской слободы Иакова / Бориса Лепихина (в монашестве Боголепа), у которого имя *Борис*, судя по всему, было крестильным, но при этом все же появилось второе христианское имя *Яков* (о Лепихине и его именах см. подробнее: [Литвина, Успенский 2018: 274–275]). Казус этот довольно сложен, тем более что принадлежит он к концу XVII столетия, эпохе во многих отношениях переломной, но все же он сигнализирует нам, что описанная выше особенность использования имен *Борис* и *Глеб* является весьма мощной тенденцией, а не абсолютным законом.

и иноческого имени отнюдь не было доминирующим. Однако много позже, когда в Московской Руси возобладал именно этот принцип, обнаружилось, что носители столь популярного имени, принимая постриг, не имеют возможности следовать общераспространенному благочестивому обычаю. Ради преодоления подобной алфавитной ущербности предпринимается не имеющий precedентов в русской антропонимической практике шаг: создается уникальное для церковного обихода имя *Боголеп*, которое на протяжении всего Средневековья функционировало исключительно как имя монашеское. Во всех случаях, когда нам известно крестильное имя его обладателя, это непременно не что иное, как *Борис*.

Так, в первой половине XVI в. имя *Боголеп* получил в монашестве князь Борис Иванович Горбатый, скончавшийся в 1538 г. [Леонид Кавелин 1879: 83]. В середине XVI в. *Боголепом* стал Борис Цветной, отец некоего Ивана / Тучко¹⁶; примерно в ту же пору жил и священноинок Боголеп, в миру *Борис*, строитель Троицкого Сергиева монастыря в Великих Луках, постригший св. Мартирия Зеленецкого¹⁷. В 1559 г. с именем *Боголеп* принял постриг великокняжеский ловчий Борис Васильевич Дятлов [Алексеев 2006: 59]. В 1639 г. с этим именем постригся Борис Васильевич Львов, насельник Кожеозерского монастыря и автор Жития Никодима Кожеозерского [Понырко 1992]. Существует, наконец, святой с именем *Боголеп* — Боголеп Чернойарский (в миру Борис Яковлевич Ушаков), он принял это имя в середине XVII в.¹⁸

Число примеров такого рода можно многократно умножить. В нашей перспективе они недвусмысленно свидетельствуют, что Годунов сделался в монашестве *Боголепом* именно потому, что в крещении был *Борисом*: такое имяназачение было вполне закономерным, традиционным и естественным. С другой стороны, публичный характер имени *Борис* в биографии Годунова засвидетельствован в сотнях, если не в тысячах документов, относящихся как ко времени его правления, так и к периоду его постепенного возвышения при двух царях из династии

¹⁶ Ср. Данную 1566 г.: [Либерзон, 1: 192, № 292].

¹⁷ См.: [Бычков 1897: 343; Крушельницкая 2005: 678]; ср. о нем также в Житии Мартирия [Кушелев-Безбородко, 4: 52–53].

¹⁸ См.: [Романова, Андроник Трубаев 2002]. Казалось бы, это обстоятельство открывает возможность для использования данного имени при крещении мирян, однако на деле сколько-нибудь заметного распространения оно в таком качестве не получило. В конце XVII–XVIII столетия отыскиваются лишь некоторые намеки, позволяющие заподозрить, что в ту пору оно иногда употреблялось как мирское, но все эти данные скудны, ненадежны и невыразительны. Так, в источниках встречаются: родовое прозвание *Боголепов*, соответствующее патронимическое образование и упоминание некой Боголеповской торговой лавки («...лавка пуста Боголѣповская Плетнева» [Дионисий 1892: 37]), однако нет упоминаний мирян, которые напрямую именовались бы этим именем.

Юриковичей. Иными словами, это имя, судя по всему, занимало сразу две ячейки в существующей антропонимической матрице, совмещая в себе функции крестильного и публичного¹⁹, что обычно бывало у тех, кто в миру был одноименным. Помимо всего прочего, такая ситуация была вполне типична для тех, кто в крещении был *Борисом*: как уже упоминалось выше, им как бы не требовался еще один святой тезка, потому что второй небесный покровитель, св. Глеб, у них без того был.

Остается ли в таком случае в антропонимическом досье Бориса (Боголепа) место для каких-либо еще дополнительных именовании? В различных исследованиях можно обнаружить целых два полноценных христианских имени, которые связываются с фигурой этого русского государя, и еще одно нехристианское. Остановимся подробнее на каждом из этих антропонимов.

Иаков (Яков)

В некоторых исследованиях, в частности, в труде замечательного этнографа Н. Н. Харузина (который одним из первых обратил особое внимание на феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси и отметил необходимость его специального изучения) можно встретить вполне уверенное утверждение, что у царя Бориса было второе мирское имя *Иаков*²⁰. Харузин не считал необходимым сопроводить это указание ссылками и аргументами, поскольку оно было почерпнуто из источника действительно общедоступного и общеизвестного — «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Здесь это известие появляется как некий элемент подлинной генеалогии Лжедмитрия I (Григория Отрепьева), где утверждается между прочим, что настоящего

¹⁹ С хорошей вероятностью именины Бориса Годунова приходились на 24 июля, память свв. Бориса и Глеба (а, скажем, не на 2 мая, когда праздновалось перенесение мощей князей-мучеников). Во всяком случае, судя по показаниям вкладной книги костромского Ипатьевского монастыря (родовой обители Годуновых), в 1595 г. Борис Федорович, еще в бытность свою боярином и царским конюшим, дал вклад по себе и по своей жене. Соответственно, дата заздравного корма по нему самому определялась как «июля въ кѣд <24> день, на пама^а Бориса Глѣба» [Книга вкладная 1728: л. 15об.]. «Память царю Борису, во иноцех Боголепу» указана под 24 июля и в других источниках коммеморативного типа: во Вкладной книге московского Новодевичьего монастыря [Павлов-Сильванский 1985: 205 (л. 380)] и Кормовой книге Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря [Суворов 1861: 309]. Вместе с тем в отдельных синодиках XVII в. Бориса Годунова предписывалось поминать на 2 мая, когда также празднуется память св. Бориса (ср., например: [Титов 1902: 6]). Замечания об именинах Годунова по данным разрядных книг см. в работе: [Козляков 2017: 48, 279, примеч. 29].

²⁰ «Борис Годунов назывался кроме того и Я к о в о м » [Харузин 1899: 170]. Утверждение Н. Н. Харузина было воспроизведено в работах: [Антонова, Мнева, 2: 186, примеч. 2; Маргвелашвили 1967].

отца самозванца звали *Яковом* и он был тезкой Годунова по одному из имен:

См. [...] современную *Повесть о Борисе Годунове и Разстриге* (принадлежащую А. И. Ермолаеву), где сказано, что отец Разстригин назывался *Яковом*, как и сам Годунов (следственно *Яков-Борис*) [Карамзин, 12: 38, гл. II, примеч. 194].

Ни в каком другом источнике сведений об имени *Яков* у Бориса Годунова обнаружить не удастся. Вообще говоря, сам по себе этот факт не должен непременно насторожить исследователя: при наличии у человека двух христианских имен одно из них всегда остается более интимным и куда реже проникает в письменные тексты. Ситуация, когда оно дошло до нас в одном-единственном памятнике, вполне типична для истории этого явления.

Как же именно упоминаемый Н. М. Карамзиным источник говорит о двуименности русского царя?

Здесь мы сталкиваемся с некоторой неожиданностью. Подробное и добросовестное чтение «Повести како восхити царский престол Борис Годунов», того самого текста, принадлежавшего А. И. Ермолаеву, который Н. М. Карамзин именует «Повестью о Борисе Годунове», не позволяет обнаружить в нем никаких упоминаний о втором мирском имени государя. Зато такое чтение дает возможность восстановить механизм возникновения этих целиком ошибочных сведений.

В «Повести» мы находим некий пассаж, содержащий сложную сравнительно-уподобительную конструкцию:

И попусти на него такова же врага и законопреступника, Російскія же области, града зовомаго Галича, отъ малые чади сынчишка боярского Юшку Яковлева сына Отрепьева, яковъ и самъ той святоубійца Борисъ Годуновъ [РИБ, 13: 154].

Совершенно очевидно, что при беглом просмотре рукописи сам Н. М. Карамзин — а скорее, кто-то из его сотрудников — принял элемент синтаксической конструкции *таков... яков* за имя собственное²¹, и ошибка эта дала жизнь несуществующему царскому именованию.

Сама эта ошибка в своем роде тоже показательна: можно сказать, что Н. М. Карамзин, в отличие от позднейших отечественных историков, жил и работал в ту пору, когда светская христианская двуименность

²¹ Ср. сходный, но иначе оформленный пассаж в «Сказании о царстве царя Феодора Иоанновича»: «Попустил Богъ на него окаянного, грѣхъ ради нашихъ, такова жъ богоотступника и еретика, законопреступника, Російскія области, града Галича сынчишка боярскаго Гришку Яковлева сына Отрепьева, та кой же святоубица, что и Борисъ Годуновъ» [РИБ, 13: 795–796].

хотя и сделалась уже явлением скорее периферийным, но еще оставалась в русской повседневной жизни чем-то понятным, привычным и естественным, своего рода знакомой приметой уходящей эпохи. Присутствие у того или иного исторического лица второго христианского имени было вполне ожидаемым, и всякий намек на его существование охотно подхватывался и шел в дело.

Замечательно, что вся эта ситуация с вчитыванием несуществующего царского имени была отмечена еще С. Ф. Платоновым в 1888 г. Уже в ту пору исследователь заметил казус с превращением относительного местоимения *яков* в имя собственное и совершенно справедливо подчеркнул, что «ни грамматический строй, ни логический смысл речи нашей Повести» не позволяют читать соответствующее место таким образом [Платонов 1888: 28–29, примеч. 1]. Однако авторитет Карамзина был столь высок, что рецензировавший монографию «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник» П. Н. Полевой предпочел довериться автору «Истории государства Российского», а не молодому своему современнику, и хотя никаких источников с указанием имени *Яков* привести он не смог, но полагал, что где-нибудь в рукописи А. И. Ермолаева они существуют, раз уж Карамзин их там увидел [Полевой 1888: 490–491]. Так карамзинский фантом и поселился в историографии, а через десяток лет получил дополнительное подкрепление в труде Н. Н. Харузина.

Иначе говоря, перед нами ситуация, весьма близкая к той, которая описана в знаменитом рассказе Ю. Н. Тынянова о подпоручике Кижее, где несуществующая личность появляется из-за ошибки при переписывании документа и, однажды материализовавшись на бумаге, обретает патологическую жизнеспособность и оберегается от уничтожения.

Нам же остается только подчеркнуть, что решительно никаких оснований присваивать Борису Годунову имя *Иаков (Яков)* не существует.

Феодот и Богдан

Еще чаще в исследовательской литературе — включая работы самых последних лет — можно встретить уверенное рассуждение о том, что в миру Борис Годунов обладал именами *Феодот* и *Богдан*²². Поскольку ни в одном средневековом письменном источнике не сказано, что они у царя были, уместно задаться вопросом, что же послужило основанием для таких утверждений.

²² См.: [Антонова, Мнева, 2: 185–186, № 588]; ср.: [Ibid.: 156–157, № 550; Маясова 1966: 306, примеч. 63; Трубачева 1990: 14, 16; Алпатов, Родникова 1990: 317; Баталов 1996: 79–80; Мартынова 1999: 333, примеч. 16; Ульяновский 2006: 25; Абраменко 2012: 203; Васильева 2012: 48; Зюзева 2016: 68; Козляков 2017: 264, 308; Макарий Веретенников 2018: 53].

Дело в том, что на иконах, окладах и росписях, определенно связанных с семьей Годуновых, нередко появляется св. Феодот: он фигурирует среди небесных тезок членов царской семьи, соседствуя со свв. Борисом, Феодором Стратилатом, Марией Магдалиной и преподобной Ксенией Миласской (Римлянкой)²³. Вообще говоря, всевозможные артефакты, отражающие культ личных небесных покровителей, дают весьма значительную долю информации, помогающую в поисках непубличных христианских имен самых разных людей той эпохи. Зачастую целая семья именно так запечатлевает сведения о своих тезках по крестильным именам. Очевидная сложность при работе с этим типом источников заключается в том, что подобные коллективные изображения не дают однозначного соотнесения небесного покровителя и его земного тезки: мы, как правило, не располагаем прямыми указаниями, является ли тот или иной святой на дробнице, иконе или фреске покровителем тестя или зятя, отца или сына, живого или умершего члена того или иного рода. Здесь приходится читать и атрибутировать имена, сопоставляя известное с неизвестным.

При этом мы можем быть уверены, что св. Борис (и часто фигурирующий вместе с ним св. Глеб) были небесными патронами самого царя Бориса. Мария Магдалина — это патрональная святая царицы Марии Григорьевны Годуновой, о чем недвусмысленно свидетельствует, например, запись во Вкладной книге Ипатьевского костромского монастыря²⁴. В свою очередь, св. Ксения Римлянка, вне всякого сомнения, была покровительницей их дочери, Ксении Борисовны. Что же касается св. Феодора Стратилата, то он явно соотносится с фигурой царевича — Федора Борисовича, который был наречен в честь своего деда, Федора Ивановича Кривого, и, по всей видимости, унаследовал его патронального святого²⁵. Фигура св. Федота могла бы показаться здесь несколько избыточной, однако мы знаем, что на такого рода групповых

²³ Ср.: [Антонова, Мнева, 2: 185–186, № 588, 331 № 805, 332, № 806; Маясова 1966: 306; Трубачева 1990; Баталов 1996: 79–80; Абраменко 2012: 203–206; Мартынова 1999: 322, 333, примеч. 16; Зюзева 2016: 68–69; Козляков 2017: 264; Макарий Веретенников 2018: 53].

²⁴ «...на Марыны иманины Григорьевны, июля въ кв <22> де^н: на пама^т Маріи Магдалины» [Книга вкладная 1728: л. 15об.].

²⁵ Фигура Феодора Стратилата присутствует среди изображений других святых, помещенных «в гробнице надъ родители [...] Бориса Федоровича <Годунова>» в костромском Ипатьевском монастыре [Соколов 1890: 44], а во Вкладной книге этой обители заупокойный корм по отцу Бориса Годунова был назначен именно на 8 февраля, т. е. на празднование Феодору Стратилату [Книга вкладная 1728: л. 9]. Правда, если судить исключительно по набору святых на плащанице из мастерской Агриппины, жены Дмитрия Ивановича Годунова, как это делала Н. А. Маясова, небесным покровителем Федора Кривого мог быть и св. Федор Тирон, а не Федор Стратилат [Маясова 1984: 36].

патрональных изображениях могут быть отражены сразу два имени кого-то из членов семьи, публичное и непубличное. С кем же в таком случае связана фигура св. Феодота?

В свое время в «Каталоге древнерусской живописи» В. И. Антоновой и Н. Е. Мневой было предложено безальтернативное решение, согласно которому фигуру св. Феодота следует связывать непосредственно с царем Борисом. Авторитет этого замечательного труда был настолько высок, что в дальнейшем версия «Каталога...» не только никем не оспаривалась, но многократно тиражировалась, неуклонно трансформируясь из исследовательской гипотезы в непреложный факт, хотя никаких дополнительных аргументов в ее пользу с тех пор предложено не было.

Между тем гипотеза В. И. Антоновой и Н. Е. Мневой была сформулирована в ту эпоху, когда сведения о христианской многоименности на Руси носили довольно хаотичный и фрагментарный характер, еще не сделавшись, вопреки пожеланию Н. Н. Харузина, предметом самостоятельного системного описания. В комментарии «Каталога...» относительно фигуры св. Феодота на годуновских вкладах нет никаких объяснений и доказательств — это всего лишь краткая реплика, вставившая в себя, однако, целый ряд ошибочных суждений:

Святые, соименные Борису Годунову и его семье. Феодот Анкирский соответствует «прямому» имени Годунова, которое было Богдан (славянская форма греческого имени Феодот). Борис Годунов назывался, кроме того, и Яковом²⁶.

Во-первых, существование имени *Богдан* у Бориса Годунова решительно ничем не подтверждено: его не фиксирует ни один из многочисленных письменных источников эпохи; нет его, разумеется, и ни на одном годуновском артефакте. В «Каталоге» по этому поводу не приводится ни одной ссылки на аутентичный текст, а единственное библиографическое указание на работу Н. Н. Харузина имеет отношение исключительно к имени *Яков* — об имени *Богдан* у Годунова в статье Харузина не говорится ни слова.

Во-вторых, по отношению к имени *Богдан* (которого, повторимся, у царя не было) совершенно неуместна и неадекватна характеристика

²⁶ См.: [Антонова, Мнева, 2: 185–186, № 588]; ср.: [Ibid.: 156–157, № 550]. В том или ином виде эта точка зрения некритически воспроизводится в большинстве работ о Борисе Годунове (ср. выше примеч. 22). Так, например, В. Н. Козляков [2017: 308] говорит, что при крещении будущий царь получил «имя Феодот (Богдан) в память святого Феодота Анкирского», а Э. А. Гордиенко [1984: 220, примеч. 54] утверждает, что «Борис Годунов имел “прямое имя” Богдан, соответствующее греческому Феодот», причем ссылается на работу Н. Н. Харузина, где говорится, однако, лишь о том, что «Борис Годунов назывался кроме того и Яковом» (см. об этом выше в настоящей статье), но ни слова не сказано о наличии у царя имен *Богдан* или *Феодот*.

«прямое имя»: этим словосочетанием в традиции обозначались исключительно имена из церковного месяцеслова. Как правило, так характеризуется крестильное имя человека, а иногда (гораздо реже) — имя того святого, на память которого человек родился, но не получил его при крещении. *Богдан*, как мы помним, имя некалендарное (см. подробнее с. 190) и, соответственно, ни тем, ни другим быть никак не могло и никогда так не обозначалось. Напротив, в источниках оно стабильно противопоставляется христианскому имени («Богдан, прямое имя Митрофан», «Богдан, а прямое имя Иван»)²⁷ и маркируется как некрестильное обиходное имя²⁸.

В-третьих, для этой эпохи мы не знаем ни одного случая, когда кому бы то ни было подбирался святой покровитель путем перевода его славянского нецерковного имени на греческий язык. Более того, не прослеживается никакой мало-мальски выраженной тенденции наделять обладателей нехристианского имени *Богдан* крестильным именем *Феодот*. Иными словами, имени *Богдан* у царя Бориса в «Каталоге» Антоновой и Мневой невозможно присвоить даже статус реконструкции: тех моделей, по которым его пытаются ввести в оборот, в русской антропонимической практике попросту не наблюдается.

И наконец, в-четвертых, признание за царем Борисом имени *Иаков* в данном случае не просто воспроизводит ошибку Н. М. Карамзина и Н. Н. Харузина, о которой мы писали выше, но и создает совершенно немыслимую путаницу из трех мирских христианских имен (*Борис* / *Феодот* / *Яков*) у одного и того же лица.

Итак, построение, предложенное в «Каталоге древнерусской живописи», приходится целиком отвергнуть, а о додуманном исследователями имени *Богдан* у Бориса Годунова — окончательно забыть. Однако это не избавляет нас от необходимости объяснить появление св. Феодота на годуновских вкладах.

Свв. Феодоты

Любая аргументация в пользу патроната св. Феодота над одним из членов семьи Годунова поневоле оказывается сложной и едва ли может быть безапелляционной, потому что здесь мы вновь сталкиваемся со своего рода путаницей, и при этом речь идет о путанице древней, распространяющейся не только на труды исследователей, но и на источники XVI–XVII столетия. Путаница эта связана со сложностью

²⁷ Ср. также: «...по Богдане по Пуповском, а имя ему Варфоломей» [Шаблова 2012: 124, л. 193].

²⁸ Ср., например: «Семион а прозвище Богдан» [Либерзон, 2: 141, № 723]; «Селуян Яковлев сын Соловцов, прозвище Богдан» [Рогожин, 2004: 97, л. 172об.].

отождествления соответствующего святого, изображаемого на иконах и других артефактах, пожертвованных Годуновыми.

В месяцеслове есть несколько святых с именем *Феодот*. С кем же из них была связана интересующая нас семья?

Довольно регулярно на соответствующих артефактах фигурирует надпись «Феодот Анкирский»²⁹. Так, мы видим ее, например, на двух иконах письма Прокопия Чирина (и та и другая называются «Избранные святые», на них представлены свв. Борис и Глеб, Феодор Стратилат, Феодот Анкирский, Мария Магдалина и Ксения Римлянка) [Антонова, Мнева, 2: 331–332, № 805, 806], есть соответствующая подпись и на черновой дробнице с оклада иконы «Богоматерь Смоленская» (см. *ил. 1*)³⁰, на дробнице сударя «Троица» (вклад Бориса Годунова)³¹ и на дробнице с надгробного покрова царевича Федора Борисовича³². Судя по описи ризницы Кирилло-Белозерского монастыря, там имелся «образъ мѣстной Господь Саваоѣъ, по сторонамъ въ моленіи Борисъ и Глѣбъ да Феодоръ Стратилать да Феодотъ Ангирскій да Марія Магдалина да преподобная Ксенія» [Савваитов 1861: 138–139]. В Приходно-расходной книге Новодевичьего монастыря 1603–1604 гг. сообщается, что в келье царицы-инокини Ирины Годуновой в числе прочих имелись иконы «Борис и Глеб и Мария Магдалина» и «Феодора Стратилата, Феодота Анкирского и преподобной Ксении» [Павлов-Сильванский 1985: 85 (л. 11об.)].

Лишь единожды на иконах годуновского круга мы обнаруживаем эпитет «Киринейский», который обычно применяется к другому обладателю этого же имени (о нем нам еще предстоит говорить ниже).

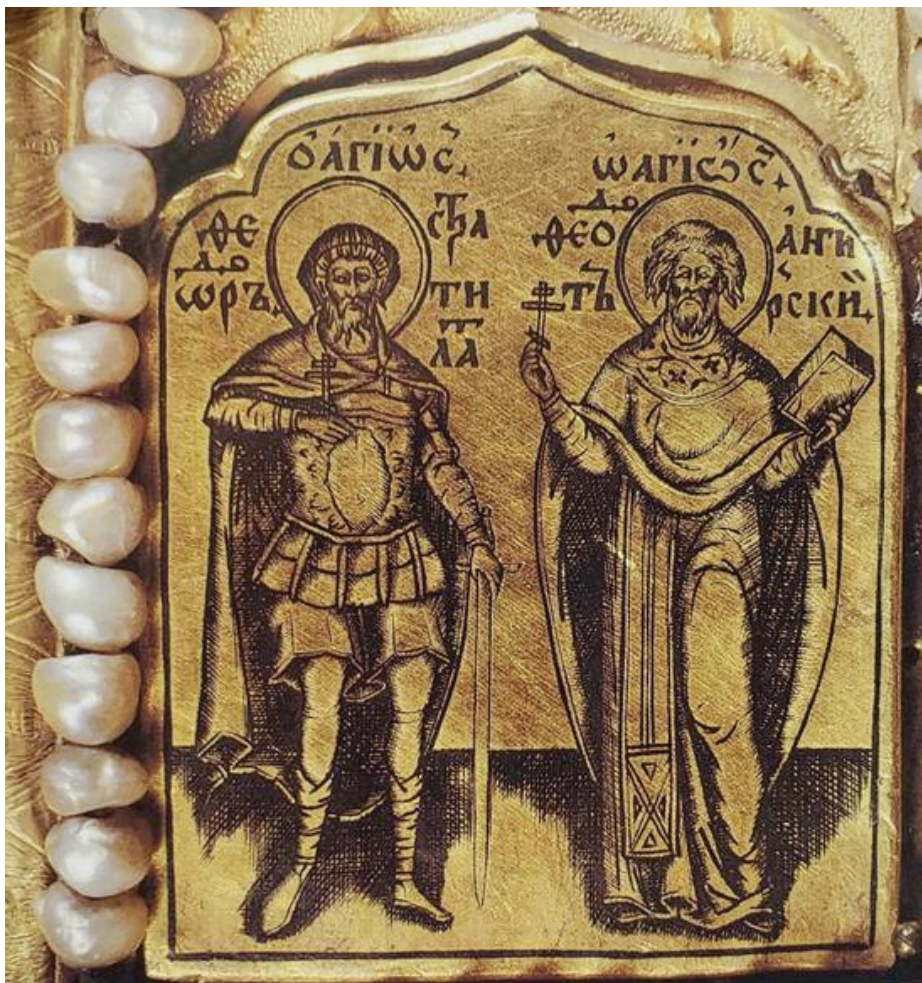
Кроме того, в целом ряде случаев иконы и предметы озаменованы лишь общим указанием, что перед нами мученик или священномученик Феодот, а какой бы то ни было уточняющий эпитет на них отсутствует. Так, в частности, на одной из дробниц знаменитого золотого оклада к

²⁹ Память св. Феодота Анкирского отмечается 7 июня, 7 ноября и 18 мая.

³⁰ См.: [Тренев 1902: 54, 64–65, табл. VI, № 15; Мартынова 1999: 318, 322, *ил. 4*]. Кроме того, в работе Д. К. Тренева упоминается икона с соименными членам семейства Бориса Годунова святыми, изображенными предстоящими по сторонам композиции «Предста Царица», однако присутствует ли на ней среди прочих Феодот Анкирский, из описания автора остается неясным, как неясна и судьба самого этого артефакта: «[...] икона эта была выставлена в одной иконной лавке в Москве и отличалась достоинством письма и [...] хорошей сохранностью» [Тренев 1902: 73, 154, примеч. 132].

³¹ См.: [Балдин, Манушина 1996: 383, *ил. 312*]. В описании В. Т. Георгиевского интересующий нас святой идентифицирован как «мученик Феодотий Гизский», однако святого с таким наименованием вроде бы нет; по-видимому, перед нами результат ошибочного прочтения эпитета *Ангирский* (= Анкирский) [Георгиевский 1914: 22].

³² Ср.: [Спирина 1981: 460]. Об этом артефакте см. также далее в настоящей работе.

Ил. 1. Дробница с оклада иконы «Богоматерь Смоленская»
[Мартынова 1999: 322, ил. 4]

иконе «Троица» из местного ряда Троицкого собора костромского Ипатьевского монастыря (вклад Дмитрия Ивановича Годунова) мы видим изображения апостола Филиппа (слева), Феодора Стратилата (в центре) и св. Феодота (справа) в виде святителя с Евангелием и подписью «священномученик Феодот»³³. На внешней стороне одной из створок

³³ «СТА СВШНАМУ ΘΕ//Ω//Δ//ΟΤЪ» [Зюзева 2016: 68–69, ил. 3]. Изображение апостола Филиппа вполне закономерным образом связывает святых покровителей царской семьи с посвящением церкви, где находилась икона: придел в Троицком соборе в Ипатьевском монастыре был посвящен апостолу

Ил. 2. Святые, соименные членам семьи Бориса Годунова (складень-«кузов» с иконой «Богоматерь Владимирская») [Гнутова 2018: 29]

складня-«кузова» с иконой «Богоматерь Владимирская» (возможно, также вклад царского дяди Д. И. Годунова) между изображениями Феодора Стратилата и преподобной Ксении мы находим фигуру в святительских одеждах с надписью «ΘΕΩΔΟΤЪ» [Гнутова 2018: 23, 29] (см. ил. 2).

На одной из икон из частного собрания, приписываемой (по-видимому, без должных оснований) Прокопию Чирину, изображены Мария Магдалина, преподобная Ксения, свв. Борис и Глеб и св. Феодот (см. ил. 3), причем над фигурой последнего имеется надпись «свѣщенны Феωδοτѣ»³⁴ (несколько забегая вперед, обратим внимание, что здесь отсутствует св. Феодор Стратилат).

Сохранился, кроме того, рукописный лист греческого Евангелия-апракос, переписанного в 1596 г. в Москве Арсением Элассонским и украшенного русскими художниками, которые изобразили в медальонах уже привычных нам покровителей членов царской семьи и среди них св. Феодота с Евангелием и подписью «ΘΕΩΔΟΤЪ»³⁵ (см. ил. 4).

Филиппу и священномученику Ипатию Гангрскому, явившимся прародителю Годуновых, мурзе Чету (в крещении *Захарии*).

³⁴ См.: [Icons 1991: 106–107, № 556]. В каталоге Сотбис интересующий нас святой идентифицирован как Feodor of Ankara, а в работе Н. М. Абраменко [2012: 203–204] — как Феодот Киринейский. Кроме того, следует иметь в виду, что сами надписи на иконе вызывают определенные сомнения в своей аутентичности.

³⁵ Рукопись была вложена Арсением в лавру св. Саввы Освященного и хранилась в библиотеке Иерусалимской Патриархии, ныне известно иное местонахождение кодекса: Иерусалим, Скевофилаксия храма Воскресения, №5 [Фонкич 1977: 52–54, № 6; Idem 2003: 48–49]. В своем описании исследователь не указывает

Ил. 3. Икона «Избранные святые», приписываемая Прокопию Чирину [Icons 1991: 106–107, № 556]

вырезанный лист с изображениями евангелистов и с началом соответствующих чтений — интересующий нас фрагмент рукописи с началом чтений Евангелия от Марка, где на заставке есть фигуры годуновских святых, оказался в Дублине, в библиотеке Честер Битти (W.143.5.3). Авторы весьма признательны А. С. Преображенскому и Д. Г. Полонскому за указание на этот памятник и сообщение основных сведений о нем. В исследовании Б. Л. Фонкича содержится описание еще одной рукописи, хранящейся там же (№18) — роскошного Евангелия-апракос, предназначавшегося Борисом Годуновым для передачи

Ил. 4. Фрагмент листа греческого Евангелия-апракос, переписанного в Москве Арсением Элассонским (Dublin, Ireland, Chester Beatty Library W 143.5.3)

Есть священномученик Феодот и на одной из дробниц так называемой жемчужной пелены «Крест на Голгофе» из Троице-Сергиевой лавры (вклад царя Бориса 1599 г.), где присутствуют и все остальные покровители членов семьи Годунова [Николаева 1968: 150–151, 153; Балдин, Манушина, 1996: 383, ил. 320, 321]. Святой, именуемый *священномученик Феодот*, был, судя по описи 1641 г., и на несохранившейся золотой панагии, подвешенной к венцам оклада на рублевской «Троице» (вклад Федора Борисовича), здесь он был изображен вместе со св. Феодором Стратилатом³⁶. Еще в одном документе XVII в., в Описных

в церковь Воскресения в Иерусалиме. В этом втором кодексе № 18 имеется вкладная запись на двух языках, сделанная от имени Бориса и его сына Федора [Фонкич 1977: 54–56, № 7; Idem 2003: 49–50]..

³⁶ В этой самой ранней рукописной описи ризницы Троице-Сергиева монастыря 1641 г. святые на панагии, вне всякого сомнения, называются *Феодор* и *Феодот* («Понагя золота, а в ней в гнездех камень яшма, на камени вырезан святой мученик Георгий [...] назади у понагяи святыи мученикъ Феодоръ Стратилать да священномученикъ Феодотъ [...] приклад царевича

книгах старицкого Успенского монастыря, упомянута икона: «предстоящие страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ да Ѳеодоръ стратилать, да мученикъ Ѳеодотъ, да преподобная Марія и Ксенія» [Историческая библиотека 1879: 33].

Кто же из свв. Феодотов — Анкирский или Киринейский — представлен на этих — не содержащих дополнительных помет — артефактах?

Казалось бы, многое здесь могла бы подсказать иконография, тем более что при обращении к житиям св. Феодота Анкирского и св. Феодота Киринейского трудно не заметить явного контраста, как будто бы заставляющего говорить о различных типах святости. В самом деле, св. Феодот Киринейский был священнослужителем, епископом на Кипре, тогда как св. Феодот Анкирский — содержателем корчмы, которая служила убежищем для гонимых христиан. Можно было бы заключить, таким образом, что только одному из них — Феодоту Киринейскому — приличествуют эпитет «священномученик» и изображение в святительских одеждах с Евангелием в руках, а, соответственно, всякая икона или иной артефакт, где св. Феодот фигурирует с подобными атрибутами, именно к Феодоту Киринейскому нас и отсылает. Именно такой путь рассуждения избирает целый ряд исследователей, так или иначе затрагивающих проблему атрибуции артефактов, связанных с семьей Бориса Годунова³⁷, однако они не учитывают, как кажется, одно весьма важное обстоятельство.

Федора Борисовича») (Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, инв. № 289, л. 7–7об.). Однако в 20-е годы XX столетия, копируя эту рукопись для печати, С. Н. Дурьлин, Ю. А. и М. Ю. Олсуфьев допустили опisku, в результате которой в их копии вместо имени *Феодот* на л. 7–7а было еще раз указано имя *Федор* («...святыи мученикъ Ѳеодоръ Стратилать да священномученикъ Ѳеодоръ») (Рукописная копия. Фонд 173.П. Дополнительное собрание библиотеки МДА /М 7397/). Как мы увидим ниже, ошибки подобного рода были свойственны отнюдь не только исследователям Нового времени, однако в данном случае она сослужила дурную службу истории культа царских святых: позднейшие исследования разделились на два русла. Одни авторы, обращавшиеся непосредственно к оригинальной рукописи, говорили в связи с интересующим нас артефактом о свв. Феодоре и Феодоте [Балдин, Манушина 1996: 486, примеч. 38], тогда как другие, прибегавшие к копии Олсуфьевых и Дурьлина, воспроизводили их ошибку и говорили о двух Федорах — Федоре Стратилате и некоем священномученике Феодоре [Спирина 1981: 460; Воронцова 2006: 178; Спирина 2008: 20; Маханько 2019]. Л. М. Спирина [1981] полагала, например, что то был священномученик Федор Анкирский, благо такой святой и в самом деле присутствует в месяцеслове (возможно, исследовательница дополнительно опиралась при этом на историческое описание Новодевичьего монастыря И. Ф. Токмакова [1885: 54], где именно св. Федор Анкирский ошибочно назван среди покровителей, тезоименитых семейству Годунова — ср. в этой связи: [Мартынова 1999: 333, примеч. 4]). Повторимся, однако, что в рукописи XVII в. в соответствующем месте значится отнюдь не *Феодор*, а *Феодот* (за уточнение относительно этого фрагмента Описи 1641 г. авторы сердечно благодарят С. В. Николаеву).

³⁷ См., например: [Трубачева 1990; Абраменко 2012: 203–206].

Уже на уровне служебных текстов, как греческих, так и славянских, происходит некое сложное смешение, отмеченное еще архиепископом Сергием (Спасским): в минеях и в прологе Феодот Анкирский именуется, подобно святителям, «священномучеником», и тропарь ему составлен по священномученическому канону [Сергий Спасский, 3: 186, 212]. Как указывается в заметках к «Полному месяцеслову Востока», некий риторический образ, провоцирующий именно такую форму прославления, содержится в самом тексте проложного Жития Феодота Анкирского, ибо там говорится, что он был учитель веры и благочестия, а корчемница его была храмом молитвенным и алтарем для иереев Божиих [Ibid.: 212].

Иначе говоря, то, что в житии являлось скорее частью метафоры, в последующих текстах трансформируется в устойчивую характеристику. Насколько эта характеристика закрепились в традиции, свидетельствует, в частности, подлинная грамота патриарха Иова 1599 г. на постройку связанной с Годуновыми надвратной церкви Феодота Анкирского: патриарх без тени сомнения именует его *священномучеником*:

...воздвигнути новой каменной храмъ, во имя святаго священномученика Феодота Анкирскаго, да на тотъ храмъ и онтимись дати и освящати [Рождественский 1866: 23, 127, № 3/22]³⁸.

Закономерным образом эпитет вызывает к жизни и соответствующие изображения: благочестивый корчемник предстает в иерейском облачении. Более того, именно этот иконографический тип и является господствующим в изображении Феодота Анкирского на Руси XVI–XVII вв.

Соответственно, видя перед собою икону с надписью «священномученик Феодот» и фигурой святителя в пастырских одеждах с Евангелием в руке, мы не можем знать, кто перед нами — Феодот Кириный или Феодот Анкирский, а на подавляющем числе таких изображений годуновского круга, где фигура святого подписана более пространно, он назван именно Феодотом Анкирским. Собственно говоря, на всех перечисленных выше предметах, содержащих уточнение *Анкирский*, мы неизменно имеем дело с иконографическим образом священномученика: святительское облачение, Евангелие, благословляющий жест — все эти атрибуты присутствуют здесь в различных комбинациях. Таким образом, у нас есть все основания полагать, что именно Феодот Анкирский изображен и на тех артефактах, где его имя не снабжено уточняющей пометой.

³⁸ В серпуховском Владычном монастыре, где была возведена эта надвратная церковь, имелась также икона священномученика Феодота, который представлен в святительском облачении с Евангелием в руках. В описании начала XX в. он уверенно определяется как Феодот Анкирский [Тренев 1902: 24–25, табл. III, № 4].

Как же быть, однако, с той единственной иконой, где в надписи над одним из святых покровителей семьи Годуновых отчетливо читается эпитет *Киринейский*? Здесь, по всей видимости, мы сталкиваемся с другим витком смешения святых с тождественными и похожими именами и характеристиками, относящемся к концу XVI столетия.

В самом деле, существуют две иконы, которые по композиции весьма сходны между собой, и при этом несколько отличаются от прочих артефактов годуновского круга. Одна из них находилась в соборе Рождества Богородицы новгородского Антониева монастыря, а другая — та, что нас сейчас более всего интересует — оказалась в Псковском музее-заповеднике, но по своему происхождению, возможно, также была связана с Новгородом. На обеих иконах слева от зрителя изображены св. Борис и Мария Магдалина (патрональные святые царя и его жены), а справа — преподобная Ксения и святой, обладающий иконографическими атрибутами священномученика. На обеих иконах над этой последней фигурой имеются надписи: на иконе из Антониева монастыря мы читаем ³⁹ АГГӨЄДОРЪАНГГРЪСКИИ (т. е. св. Федор Анкирский — см. *ил. 5*)³⁹, тогда как на иконе, волею судеб оказавшейся в Пскове, надпись выглядит как ОАГӨЄДоКИРИНѢСКИИ (т. е. св. Федо(т/р?) Киринейский — см. *ил. 6*), где конечная буква имени и начальная буква эпитета являют собой лигатуру, в результате чего подпись с равным успехом можно читать и как «Федор Киринейский», и как «Федот Киринейский»⁴⁰.

Ил. 5. Прорись подписи на иконе из новгородского Антониева монастыря

³⁹ См.: [Святые 2010: 36–37, Кат. 10, ил. № 6]. Икона, ныне хранящаяся в Государственном Русском музее, указана в каталоге как «Святой князь Борис, священномученик Федот Киринейский, святая Мария Магдалина, преподобная Ксения Римляныня». Ср. также: [Абраменко 2012: 204]. Соответственно, составители каталога намеренно или случайно пренебрегают надписью на иконе, гласящей «Федор Анкирский».

⁴⁰ См.: [Алпатов, Родникова, 1990: № 149; Васильева 2012: 48–55, № 134]. Авторы описаний, И. С. Родникова и О. А. Васильева, уверенно полагают, что на этой иконе изображен «Феодот Киренийский, епископ г. Кирении на о. Кипр, пострадавший в нач. IV в. во времена гонения на христиан при императоре Ликийнине» [Ibid.: 317]. Ср. также: [Трубачева 1990; Абраменко 2012: 204].

ДА СЕ АКИРИНСКИ

Ил. 6. Прорись подписи на иконе из Псковского музея⁴¹

Совершенно очевидно, что знаменщики, выполнявшие надписи на иконах, оказались здесь в плену некой путаницы, да не между двумя, а сразу между четырьмя святыми, присутствующими в православных месяцесловах. Дело в том, что в святцах есть не только свв. Феодот Анкирский и Феодот Киринейский, но и свв. Феодор Анкирский и Феодор Киринейский. Дополнительная сложность заключается еще и в том, что вместе с епископом Феодором Анкирским, празднование которому приходится на 3 ноября, отмечается и память его сомучеников Дасия, Севира, Андрона, Феодота и Феодоты, а в один день со священномучеником Феодором Киринейским (4 июля) в некоторых месяцесловах обнаруживается память мучеников Феодота и Феодотии, пострадавших при Траяне⁴² [Сергий Спасский, II: 199–200, 343].

Как мы знаем, подобная календарная близость в русской коммеморативной традиции нередко провоцирует смешение эпитетов и атрибутов даже и у святых с несходными именами. Перекрестное же смешение Феодоров и Феодотов, часть из которых более известны, а другие — более раритетны, выглядит в этой ситуации, переплетающей имена и даты, почти неизбежной. Иначе говоря, знаменщику было чрезвычайно легко запутаться среди двух мучеников анкирских и двух мучеников киринейских, именовавшихся *Феодорами* и *Феодотами*, тем более что каждый из них обыкновенно изображался как священномученик.

Причудливые пути, по которым может осуществляться подобное смешение, очень интересны сами по себе и способны многое поведать о культе святых на Руси на рубеже XVI–XVII вв. Очевидно, однако, что результат этой путаницы — эпитет «Киринейский» на одной-единственной годуновской иконе возле имени, которое можно прочесть и как *Феодор*, и как *Феодот*, — никак не может служить решающим аргументом в вопросе о том, кто из свв. Феодотов почитался в царской семье. Во всяком случае, эти противоречивые и неопределенные данные никак не перевешивают свидетельств достаточно многочисленных икон и других артефактов, прямо связанных с Годуновыми, где имеется

⁴¹ Обе прориси выполнены С. М. Михеевым, которому авторы приносят свою глубокую благодарность.

⁴² В других же календарных источниках эта память отнесена на 3 июля, т. е. на дату, непосредственно предшествующую памяти св. Феодора Киринейского.

недвусмысленное указание на Феодота Анкирского. Иначе говоря, именно этот святой, чья память празднуется 7 ноября, 18 мая и 7 июня, был личным небесным покровителем одного из членов царской семьи.

Кому из Годуновых покровительствовал Феодот Анкирский?

До сих пор все исследователи исходили из одной-единственной возможности и полагали, что св. Феодот — раз уж он присутствует на семейных иконах и артефактах — непременно должен был быть патроном самого царя Бориса. Какое место имя *Феодот* могло бы в таком случае занимать в антропонимическом досье царя? Как было показано выше, ни крестильным, ни публичным оно не являлось — обе эти функции выполняло имя *Борис*; не было оно и монашеским, потому что в иночестве царь, как мы помним, сделался *Боголепом*. На его долю оставалась только роль пресловутого «благочестивого придатка», особым образом маркирующего день появления будущего царя на свет⁴³. Полностью исключить эту версию мы не можем, однако и предпочтение отдавать ей не склонны.

В самом деле, насколько можно судить по дошедшим до нас сведениям, такой обычай, когда ребенка не крестили по дню рождения, но все же сохраняли для него выпавшее по календарю именование в качестве дополнительного, в XVI в. практиковался только в правящем доме московских Рюриковичей, к которому Годунов по рождению, разумеется, не принадлежал. Конечно, можно допустить, что Борис попросту подражал своим предшественникам на троне и задним числом ввел в свой личный благочестивый обиход Феодота Анкирского как святого, на день памяти которого он появился на свет. Но и это предположение выглядит не вполне надежным.

Здесь следует принять в расчет календарные соображения: Борис, по всей видимости, праздновал именины 24 июля (память Бориса и Глеба)⁴⁴, а все дни поминовения св. Феодота Анкирского отстоят от этой даты довольно далеко. Нужны какие-то специальные основания, чтобы ребенка, родившегося, например, 7 июня, 18 мая или 7 ноября, крестили *Борисом*, тем более что родовым и частотным у Годуновых это имя отнюдь не было. Кроме того, носители крестильного имени *Борис* в миру как правило не нуждались еще в одном святом тезке, поскольку им уже был обеспечен патронат двух святых братьев, Бориса и Глеба, что и отражено на множестве артефактов годуновского времени.

Все эти препятствия — неопределенность функционального статуса, отсутствие календарной связности, специфика имени *Борис* в русском антропонимическом обиходе — полностью исчезнут, если мы обратимся

⁴³ Такую возможность допускала, например, М. В. Мартынова [1999: 333, примеч. 6].

⁴⁴ См. примеч. 19 на с. 199.

к иной возможности и предположим, что под непосредственным патронатом Феодота Анкирского находился не царь Борис, а его сын Федор. Действительно, обращаясь к антропонимическому досье царевича, нетрудно убедиться, что *Федором* он был наречен в честь Феодора Стратилата. Такое именование замечательно подходило ему сразу по двум линиям преемственности: собственно семейной и властно-элитарной. *Федором* был его родной дед по отцу, скончавшийся за много лет до появления внука на свет⁴⁵, и, с другой стороны, по Феодору Стратилату, как известно, был наречен царь Федор Иванович⁴⁶, супруг родной тетки мальчика, тот самодержец, преемником которого суждено было сделаться его отцу.

При этом трудно не заметить, что одно из празднований Феодоту Анкирскому, 7 июня, приходится прямо на канун летнего празднования Феодору Стратилату — именно в этот день, 8 июня, царь Федор Иванович отмечал свои именины⁴⁷. Роль такого рода канунов при выборе христианского имени для ребенка на Руси трудно переоценить, в частности, они дают богатейшую почву для наречения двумя календарными именами сразу. Так, родившийся 21 марта получает крестильное имя *Иаков* (в честь Иакова Исповедника, чья память отмечается в этот день) и публичное имя *Василий* (по Василию Анкирскому — 22 марта), те, кто становился в крещении *Иакинфами* (по св. Иакинфу Кесарийскому, 3 июля), в публичной жизни легко делались *Андреями*, поскольку 4 июля празднуется память Андрея Критского, а ставшие *Емелианами* по празднованию св. Емелиану Тревильскому (18 августа) получали второе имя *Андрей* по Андрею Стратилату (19 августа). В результате более популярное и расхожее имя очень часто образует своеобразную антропонимическую пару с именем святого, чья память отмечается в предшествующий или последующий день. Это происходило, судя по всему, и с именами *Феодот* и *Федор*: их оба носили, например, тесть Ивана Грозного Федор / Феодот Федорович Нагой⁴⁸, дьяк XVII в. Федор /

⁴⁵ В этой перспективе весьма характерно, что *Федором* был наречен и первенец Бориса Годунова, который, судя по надписи на надгробной плите из костромского Ипатьевского монастыря, скончался во младенчестве в 1572 г. [Панова 2019: 50].

⁴⁶ См. подробнее: [Литвина, Успенский 2019а: 62–63].

⁴⁷ В частности, дата 8 июня названа именинами царя во Вкладной книге костромского Ипатьевского монастыря ([Книга вкладная 1728: л. 3]; ср. также: [Бурдина 2010: 255]) и в других источниках такого же типа ([Кириченко, Николаева 2008: 219 (л. 225); Левицкая 1994: 125]; ср.: [Сахаров 1851: 80, 89]). В. Н. Козляков [2007: 61] приводит документ, согласно которому боярин Дмитрий Шуйский присутствовал на царских именинах («государев ангел»), но в качестве даты здесь ошибочно указывается 8 июля.

⁴⁸ См. так называемый Ермоловский родословец XVII в.: «А у Феодора Михайловича Нагова дети Семен да Феодор, а прозвище Феодот» [Мятлев 1915: 317, Прилож. II].

Феодот Грибоедов⁴⁹, и, по всей видимости, живший в первой половине XVI столетия Федор / Феофан Поп Сабуров⁵⁰.

Таким образом, вполне естественно допустить, что сын Бориса Годунова появился на свет 7 июня⁵¹ и Феофан Анкирский стал его «святым дня рождения», а имя *Федор* (и патронат Феодора Стратилата) идеально подошло ему как по календарным, так и по всевозможным семейным соображениям.

В пользу данного предположения свидетельствуют, как кажется, и композиционные особенности тех годуновских артефактов, на которых присутствуют все святые покровители этой семьи. В самом деле, всюду, где появляются парные изображения (двое святых на одной дробнице, в одном медальоне и т. п.), св. Феофан Анкирский непременно соседствует именно со св. Феодором Стратилатом. Такое сочетание мы можем наблюдать, например, на окладе иконы «Богородица Смоленская» (см. *ил. 1*), на дробнице с золотого оклада иконы «Троица» из костромского Ипатьевского монастыря, на одной из дробниц с сударя из Троице-Сергиевой

⁴⁹ Ср. [У-й 1863: 4–5, примеч. 4].

⁵⁰ О Сабурове ср.: [Маштафаров 2014: 18, примеч. 45].

⁵¹ Точная дата рождения царевича в источниках, как известно, отсутствует. М. Д. Хмыров предполагал, что Федор Борисович родился до июня 1589 г. Единственное основание для такой гипотезы — грамота цареградского патриарха Иеремии, датируемая, по утверждению историка, 2-м июня 1589 г., где иерарх пишет царю следующее: «Пресветлейшему славному и тихомирному государю и великому господину Борису Федоровичу о Святем Дусе сыну нашего смирения благодать тебе государю и мир и милость от Бога Вседержителя со всем твоим преблагословенным домом и со возлюбленными твоими чады, и им Божия благодать...» ([ДРВ, 12: 341–342]; русский перевод греческой грамоты, подлинник которой, по-видимому, не сохранился, переиздан в составе 3-й греческой Посольской книги (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Пк № 3) [Лукичев, Рогожин 1988: 57–58]). «Стало быть», приходит к выводу М. Д. Хмыров [1863: 5–6], «в июне 1589 г. у Бориса было уже не одно чадо, и Федор Борисович родился ранее этого месяца» Такая аргументация представляется нам заведомо недостаточной, поскольку *pluralis* при упоминании чад и/или домочадцев — это чаще формула, нежели констатация фактического числа родных детей. Не вполне ясны и хронологические координаты этого документа: указание на год здесь отсутствует, а внутри самого текста встречается иная дата — 4-е (а не 2-е!) июня: «... да которая грамоты пошлю отселе в честныя твои руки, и ты прикажи воеводам Смоленским и Черниговским, которые и впредь грамоты и людей своих пошлю, и они бы отсылали тебе государю, да извещав тебе месяца июня в 4 день, в среду в пятом часу Божиею милостию и здравием тихомирна и свята царя нашего Федора Ивановича и благоверныя царицы Ирины в Смоленску тут нам отдали царские люди Григорий да Семен и Василий и всякие запасы сполна...» [ДРВ, 12: 342; Лукичев, Рогожин 1988: 58 (л. 71)]. Однако даже если следовать логике Хмырова и исходить из того, что патриарх, с одной стороны, был очень хорошо осведомлен о семейной ситуации Годунова, и с другой — имел намерение это знание подчеркнуть, то такое благопожелание весьма актуально для семейной пары, где на днях супруга должна разрешиться от бремени. О составе семьи Бориса Годунова и о его детях, скончавшихся в младенчестве, см. также: [Панова 2019].

лавры⁵², а также, судя по Описи 1641 г. (см. примеч. 36 на с. 209–210), на одной из золотых панагий (медальонов), приложенных Федором Борисовичем к иконе «Троица» Андрея Рублева. Обыкновенно совместное изображение святых, никак не связанных между собой агиографически, на личных или семейных вкладах обусловлено тем, что они являются небесными покровителями-тезками одного и того же лица.

Коль скоро же святые на том или ином годуновском вкладе представлены по одному, свв. Феодор Стратилат и Феодот Анкирский, как правило, соседствуют друг с другом, нередко соотносясь тем или иным способом с изображением прп. Ксении, или, формулируя несколько иначе, святые покровители родителей (свв. Борис, Глеб и Мария Магдалина) составляют одну группу, а патроны детей — другую. Разумеется, подобные наблюдения над композицией куда менее бесспорны (очевидно, что взаиморасположение относительно небольшой группы святых зачастую может прочитываться по-разному), однако в иных случаях и они могут быть довольно определенны и выразительны.

В такой перспективе очень интересен надгробный покров царевича Федора Борисовича, изготовленный попечением его единственной сестры Ксении. Здесь несколько десятков дробниц с одиночными изображениями святых выложены в форме голгофского креста⁵³. В самом основании креста находится дробница со св. Феодотом Анкирским, на соседней же дробнице мы видим Феодора Стратилата, относительно близко — Ксению Римлянку (их разделяют дробницы со св. Кириллом и апостолом Филиппом) (см. *ил.* 7 и №№ 26, 27, 28, 29, 30 в Приложении).

Изображения же свв. Бориса, Глеба и Марии Магдалины находятся на значительном удалении — Борис и Глеб расположены в самой верхней части креста, обрамляя с двух сторон дробницу с фигурой Богоматери (см. Приложение, №№ 2, 4). Дробница со св. Марией Магдалиной находится лишь немногим ниже, непосредственно под пересечением с верхней планкой креста (см. Приложение, № 13)⁵⁴. Подобная комбинация дробниц достаточно определенно, на наш взгляд, подталкивает к выводу, что св. Феодота Анкирского (как и Феодора Стратилата) следует считать личным небесным заступником скончавшегося царевича Федора, небесными же патронами его отца — святых братьев Бориса и Глеба.

Еще более в предположении о патронате св. Феодота нас укрепляет источник неиконографического характера, также восходящий, по-видимому, к тому временному отрезку, когда ни царя Бориса, ни его жены,

⁵² См.: [Борис Годунов 2015: 318–319, № 131, автор описания Г. П. Черкашина].

⁵³ Схему расположения дробниц на покрове см. в Приложении к настоящей статье.

⁵⁴ Авторы сердечно благодарят С. Ю. Шокарева за консультации и помощь в описании надгробного покрова Федора Борисовича.

Ил. 7. Свв. Феодот Анкирский и Феодор Стратилат на дробницах с надгробного покрова Федора Борисовича (Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, инв. № 2428)

ни самого Федора Борисовича уже не было на свете, а в живых оставалась лишь царевна Ксения Борисовна. Речь идет о синодике Стефанова Махрищского монастыря, которому в целом свойственна фиксация светской христианской двуименности. Запись о поминовении царской семьи выглядит следующим образом:

Родъ царя Бориса. Царя и великаго князя Бориса во иноцѣхъ Боголѣпа. Царицу и великую княгиню Марію. Царевича князя Феодора. Феодота. Феодора. иноку Сандулю. Младенцевъ: Іоанна. Бориса. Феодора. Матрону. Анастасію. Мины. Василія. Ирины. Григорія... [Леонид Кавелин 1878: 3].

Как мы видим, здесь есть мирское и монашеское имя царя Бориса, имя его жены (*Мария*), имена родителей царя (мирское христианское отца, *Федор*, и иноческое матери — *Сандулия*), целый список царских детей, скончавшихся во младенчестве, и два стоящих рядом и названных напрямую имени царевича — *Федор* и *Феодот*. Это уникальное свидетельство, как кажется, устраняет последние сомнения в том, что св. Феодот Анкирский был покровителем не царя, а его сына.

Достигнутое нами решение, помимо всего прочего, вносит определенные коррективы в сложившуюся датировку нескольких уже упоми-

навшихся в данной работе икон⁵⁵. В самом деле, до сих пор, руководствуясь убеждением, что св. Феодот это патрон Бориса, а единственный покровитель царевича — Феодор Стратилат, исследователи полагали, что отдельные семейные иконы Годунова, где Стратилата нет, написаны до того, как Федор Борисович появился на свет, т. е. до 1589 г. [Трубачева 1990: 15]. Однако поскольку священномученик Феодот или его, так сказать, условный заместитель (святой, именуемый «Феодор Анкирский», или «Федо(т/р?) Киринейский», см. *ил. 5, 6*) в таких композициях присутствует, мы, по всей видимости, имеем дело с вполне возможной в XVI–XVII столетии практикой, когда на патрональной иконе или вкладном артефакте изображается лишь один из двух небесных заступников того или иного лица. В некоторых других случаях в качестве покровителя царевича может появиться только Феодор Стратилат⁵⁶, хотя, повторимся, куда более типичной является ситуация, когда на годуновских вкладах фигурируют оба его святых.

Следует ли полагать, что *Феодот* было крестильным именем Федора Борисовича? Как кажется, тот факт, что изображение Феодота Анкирского было помещено в самое основание Голгофского креста на надгробном покрове царевича, может повлечь за собой именно такой вывод. Или Борис Годунов, который к моменту рождения этого сына де факто управлял страной и был шурином государя Федора Ивановича, решил во всем подражать последним Рюриковичам на престоле и дал тому в крещении родовое имя *Федор*, а *Феодот* оставил в качестве благочестивого дополнения? Решить этот вопрос однозначно мы едва ли сможем — слишком мало антропонимических данных сохранилось о сыне Годунова, который не пробыл на престоле и трех месяцев и не смог в качестве самодержца укрепить культ своих патрональных святых. Так или иначе, повторимся, Федор Борисович — куда более надежный кандидат на наречение во имя Феодота Анкирского в семье Годуновых, нежели его отец Борис.

Итак, наиболее обоснованным нам представляется такой антропонимический сценарий, согласно которому у Бориса Годунова в миру был лишь один святой тезка и два небесных заступника — Борис и Глеб, но зато два имени и, соответственно, два небесных тезки было у его сына Федора Борисовича — Феодор Стратилат и Феодот Анкирский.

⁵⁵ Речь идет об иконах из Антониева монастыря, Псковского музея и иконе из частного собрания, которая приписывается Прокопию Чирину (*ил. 3*). См. о них выше, с. 207–208, 212.

⁵⁶ Ср., например: [Зюзева 2019: 114–116].

Надгробный покров Федора Борисовича
(Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, инв. № 2428)

⁵⁷ Фотография надгробного покрыва и схема расположения дробниц на нем любезно выполнены по нашей просьбе С. Ю. Шокаревым.

1. Св. Троица	24. Св. Авраамий Ростовский
2. Св. князь Борис	25. Преп. Сава (sic!)
3. Богоматерь с младенцем. Оранта	26. Преп. Ксения
4. Св. князь Глеб	27. Апостол Филипп
5. Св. Иоанн Златоуст	28. Преп. Кирилл
6. Апостол Петр	29. Св. Феодот Анкирский
7. Архангел Гавриил	30. Св. Феодор Стратилат
8. Богоматерь	31. Св. Дмитрий Солунский
9. Иисус Христос	32. Св. Екатерина
10. Иоанн Предтеча	33. Преп. Феодосий
11. Архангел Гавриил	34. Св. Пятница
12. Апостол Павел	35. Св. Петр митрополит
13. Св. Мария Магдалина	36. Преп. Пафнутий
14. Св. Петр царевич	37. Св. Леонтий Ростовский
15. Св. Алексий митрополит	38. Св. Василий Кесарийский
16. Св. Иона митрополит	39. Преп. Антоний
17. Св. Николай	40. Преп. Зосима
18. Св. князь Владимир Киевский	41. Муч. Никита
19. Св. Сергей	42. Преп. Варлам («Варламе»)
20. Св. князь Михаил Черниговский	43. Св. Андрей Стратилат
21. Св. Никон	44. Св. Максим Исповедник
22. Св. Василий Блаженный	45. Ст. муч. Варвара
23. Св. Александр Свирский	46. Преп. Савватий

Сокращенные названия древлехранилищ

КГИАХМЗ — Костромской государственный историко-архитектурный художественный музей-заповедник

Библиография

Источники

Рукописи

Книга вкладная 1728

КГИАХМЗ, КОК 24010, № 91, Книга вкладная кто что по обещанию дал вкладу в вечный поминок в дом Живоначальные Троицы в Ыпацкий монастырь, 1728.

Издания

Алексеев 2006

Алексеев А. И., подгот. текста, вступ. ст., сост. коммент. и словаря терминов, Алексеев А. И., Маштафаров А. В., сост. именного указателя, Вкладная и Кормовая книга Московского Симонова монастыря, *Вестник церковной истории*, 3, 2006, 5–184.

— 2010

Алексеев А. И., подгот. текста, вступ. ст., Первая редакция Вкладной книги Кириллова Белоозерского монастыря (1560-е гг.), *Вестник церковной истории*, 3–4 (19–20), 2010, 17–117.

Вахрамеев 1896

Вахрамеев И. А., публ., *Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. 3: Выписи из писцовых и переписных книг. Дополнение: Книга кормовая*, Москва, 1896.

Державина 1951

Державина О. А., подгот. к печати, пер. и коммент., Адрианова-Перетц В. П., ред., *Временник Ивана Тимофеева*, Москва, Ленинград, 1951.

Дионисий 1892

Дионисий, *Можайские акты 1506–1775*, С.-Петербург, 1892.

ДРВ 1–10

Древняя российская вивлиофика... изданная Николаем Новиковым, изд. 2-е, вновь испр., 1–10, Москва, 1788–1791.

Историческая библиотека 1879

Историческая библиотека Тверской епархии, 1, Тверь, 1879.

Кириченко, Николаева 2008

Кириченко Л. А., Николаева С. В., *Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследования и публикация)*, С. М. Каштанов, отв. ред., Москва, 2008.

Кормовая книга Новоспасского монастыря 1903

Кормовая книга Московского ставропигиального Новоспасского монастыря, Москва, 1903.

Крушельницкая 2005

Крушельницкая Е. В., подгот. текста, пер. и комм., Автобиографическая повесть Мартирия Зеленецкого, *Библиотека литературы Древней Руси*, 13: XVI век, С.-Петербург, 2005, 678–692.

Кушелев-Безбородко, 1–4

Кушелев-Безбородко Г., *Памятники старинной русской литературы*, 1–4, С.-Петербург, 1860–1862.

Левицкая 1994

Левицкая Н. В., Вкладная книга Переславль-Залесского Федоровского монастыря, *История и культура Ростовской земли*, 1993, Ростов, 1994, 122–129.

Леонид Кавелин 1878

Леонид (Кавелин), арх., Махрицкий монастырь. Синодик и вкладная книга, *ЧОИДР*, 1878, 3, 1–37.

Либерзон, 1–2

Либерзон И. З., сост., *Акты социально-экономической истории Севера России XV–XVI вв.*, 1–2: *Акты Соловецкого монастыря, 1479–1571 гг. Акты Соловецкого монастыря, 1572–1584 гг.*, Ленинград, 1988–1990.

Лукичев, Рогожин 1988

Лукичев М. П., Рогожин Н. М., подгот. текста, *Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями)*, Москва, 1988.

Майков 1909

М[айков] В., *Книги Кормовая*, С.-Петербург, 1909.

Маштафаров 2014

Маштафаров А. В., Синодик Коневского Богородицкого Рождественского монастыря XVI в., *Вестник церковной истории*, 3/4 (35/36), 2014, 5–30.

Павлов-Сильванский 1985

Павлов-Сильванский В. Б., подгот. текста и вступ. ст., Корецкий В. И., ред., *Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря*, Москва, 1985.

РИБ, 1–39

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею, 1–39, С.-Петербург (Петроград, Ленинград), 1872–1927.

Рогожин 2004

Рогожин Н. М., отв. ред., вступ. ст., Кадик В. А., подгот. текста, *Боярская книга 1658 года*, Москва, 2004.

Савваитов 1861

Савваитов П. И., Церкви и ризницы Кирилло-Белозерского монастыря (По описным книгам 1668 г.), *Записки Отделения русской и славянской археологии имп. русского Археологического общества*, 2, С.-Петербург, 1861, 126–343.

Сапожникова et al. 2012

Сапожникова С. Д., подгот. текста к изд., Сидаш Т. Г., ст. и коммент., Кожурин К. Я., отв. ред., *Протопоп Иван Неронов: собрание документов эпохи*, С.-Петербург, 2012.

Сахаров 1851

Сахаров И. П., публ., Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря, *Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Археологического общества*, 1, отд. 3, С.-Петербург, 1851, 46–105.

Соколов 1890

Соколов М. И., *Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года*, Москва, 1890.

Суворов 1861

Суворов Н. И., Кормовая книга Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря, *Известия императорского Археологического общества*, 3/4, 1861, 301–327.

Титов 1902

Титов А. А., *Синодики XVII века Переславского Горицкого монастыря*, Москва, 1902.

Шаблова 2012

Шаблова Т. И., подгот. текстов и исследование, *Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках. Публикация: Синодичное предисловие; Книга кормовая; Синодик кормовой*, С.-Петербург, 2012.

Исследования

Абраменко 2012

Абраменко Н. М. Образы святых князей Бориса и Глеба в иконописи и прикладном искусстве конца XVI — начала XVII в. Патрональная тема в искусстве времени Бориса Годунова, А. В. Захарова, ред., *Актуальные проблемы теории и истории искусства: Сборник научных статей*, 2, С.-Петербург, 2012, 201–208.

Алпатов, Родникова 1990

Алпатов М. В., вступ. ст., Родникова И. С., вступ. ст., сост., *Псковская икона XIII–XVI веков*, Москва, 1990.

Антонова, Мнева 1–2

Антонова В. И., Мнева Н. Е., *Каталог древнерусской живописи*, 1–2, Москва, 1963.

Балдин, Манушина 1996

Балдин В. И., Манушина Т. Н., *Троице-Сергиева лавра: Архитектурный ансамбль и художественные коллекции древнерусского искусства XIV–XVII вв.*, Москва, 1996.

Баталов 1996

Баталов А. Л., *Московское каменное зодчество конца XVI века: Проблемы художественного мышления эпохи*, Москва, 1996.

Белякова 2013

Белякова Е. В., публ., Сказание об именах из Кормчей Кирилло-Белозерской редакции, *Slověne*, 2/2, 2013, 184–198.

Борис Годунов... 2015

Борис Годунов: От слуги до государя всея Руси: Каталог, И. А. Бобровницкая, О. А. Цицинова, сост., Москва, 2015.

Бурдина 2010

Бурдина Л. В., Синодики и Вкладная книга Ипатьевского монастыря, *Светочъ*, 6, 2010, 251–260.

Бычков 1897

Бычков И. А., *Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева*, С.-Петербург, 1897.

Васильева 2012

Васильева О. А., *Иконы Пскова, 2: Каталог: вторая половина XVI–XVIII в.*, изд. 3-е, испр. и доп., Москва, 2012.

Воронцова 2006

Воронцова Л. М., Геммы оклада иконы «Троица» письма Андрея Рублева, Т. Н. Манушина, сост. и отв. ред., *Сергиево-Посадский музей-заповедник: Сообщения 2005*, Москва, 2006, 175–199.

Георгиевский 1914

Георгиевский В. [Т.], Древнерусское шитье в ризнице Троице-Сергиевой лавры, *Светильник: Религиозное искусство в прошлом и настоящем*, 11–12, 1914, 3–26.

Гнутова 2018

Гнутова С. В., автор-сост., *Реликвия рода Годуновых: Складень-кузов с избранными праздниками и святыми: Каталог выставки*, Москва, 2018.

Гордиенко 1984

Гордиенко Э. А., Большой иконостас Софийского собора (по письменным источникам), Б. Д. Греков, отв. ред., *Новгородский исторический сборник*, 2 (12), Ленинград, 1984, 211–229.

Зюзева 2016

Зюзева С. Г., Золотой оклад иконы «Троица» конца XVI века: Иконографические и стилистические особенности лицевых изображений, *Московский Кремль в государственной жизни России: Четыре столетия истории*, (= Музеи московского Кремля: Материалы и исследования, 27), Москва, 2016, 64–80.

——— 2019

Зюзева С. Г., Оклад иконы «Богоматерь Знамение». История создания и проблемы атрибуции, *Московский Кремль в XVII в. Древние святыни и исторические памятники: Сборник статей в 2 книгах*, 2, Москва, 2019, 111–120.

Карамзин, 1–12

Карамзин Н. М., *История государства российского*, 1–12, изд. 5-е., С.-Петербург, 1842–1843 [репр. с приложением «Ключа, или Алфавитного указателя, составленного П. М. Строевым», Москва, 1988.]

Козляков 2007

Козляков В. [Н.], *Василий Шуйский*, Москва, 2007.

——— 2017

Козляков В. [Н.], *Борис Годунов: Трагедия о добром царе*, 2-е изд., Москва, 2017.

Леонид Кавелин, 1–2

Леонид (Кавелин), арх., *Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной*

семинарии в 1747 году (ныне находящиеся в библиотеке Московской духовной академии), 1–2, Москва, 1887.

——— 1879

Леонид (Кавелин), Приложения к Историческому описанию Свято-Троицкия Сергиевы лавры, Горский А. В., *Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры, составленное по рукописным и печатным источникам в 1841 г. с приложениями архимандрита Леонида* (= ЧОИДР, 1879, 2), Москва, 1879.

Литвина, Успенский 2006

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики*, Москва, 2006.

——— 2018

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси, А. А. Горский, отв. ред., *Средневековая Русь*, 13, Москва, 2018, 241–280.

——— 2019

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Христианская двуименность в правящей династии на Руси: Этапы эволюции, *Die Welt der Slaven*, 64/1, 2019, 108–127.

——— 2019a

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., К уточнению имен и дат в семье царя Федора Ивановича, *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 1 (75), 2019, 61–66.

——— 2019b

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Особенности почитания соименных святых на Руси XVI–XVII вв., *Вопросы ономастики*, 16/3, 2019, 9–29.

——— 2020

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., «Се яз раб Божий...» Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры, С.-Петербург, 2020.

——— 2020a

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Из истории вкладов княжеских семей Татевых и Ногтевых («Богоматерь Владимирская» и «Спас Вседержитель»), *Сборник статей и публикаций, посвященный Андрею Алексеевичу Булычеву. На 60-летие со дня рождения и 35-летие начала научной деятельности*, Москва, 2020, 144–152.

Лосева 2001

Лосева О. В., *Русские месяцесловы XI–XIV веков*, Москва, 2001.

Макарий Веретенников 2018

Макарий (Веретенников), арх., Первый патриарх Иов и его время, *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*, 1 (21), 2019, 11–170, DOI: 10.24411/2224-5391-2018-10101.

Маргвелашвили 1967

Маргвелашвили В., Второе отчество М. Ю. Лермонтова, *Смена*, 11 (961), июнь, 1967, 23.

Мартынова 1999

Мартынова М. В., Оклад иконы «Богоматерь Смоленская» и черневая гравюра XVI в., *Благовещенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования*, Москва, 1999, 318–335.

Маханько 2019

Маханько М. А., Наперсная панagia Константинопольского патриарха Иеремии II московской работы: несохранившаяся инсигния от эпохи учреждения в России патриаршества, *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 10/3 (77) (= *Византия — Христианский Восток — Россия: проблемы истории и культуры*), 2019 (<https://history.jes.su/issue.2019.1.3.3-77/>; последнее обращение 11.05.2020).

Маясова 1966

Маясова Н. А., Литературный образ Ксении Годуновой и приписываемые ей произведения шитья (К вопросу о взаимоотношении литературы, искусства и действительности), *Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси* (= Труды отдела древнерусской литературы, 22), Москва, Ленинград, 1966, 294–310.

— 1984

Маясова Н. А., «Светлицы» в доме боярина Дмитрия Ивановича Годунова, *Произведения русского и зарубежного искусства XVI — начала XVIII века: Материалы и исследования*, Москва, 1984, 32–56.

Мятлев 1915

Мятлев Н., К родословию князей Мстиславских, *Сборник статей, посвященных Л. М. Савелову*, Москва, 1915, 300–317.

Николаева 1968

Николаева Т. В., *Собрание древнерусского искусства в Загорском музее*, Ленинград, 1968.

Панова 2019

Панова Т. Д., Состав семьи царя Бориса Годунова. По письменным источникам и археологическим данным, *Московский Кремль в XVII в. Древние святыни и исторические памятники: Сборник статей в 2 книгах*, 1, Москва, 2019, 47–54.

Платонов 1888

Платонов С. Ф., *Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник*. С.-Петербург, 1888.

Полевой 1888

Полевой П. [Н.], [Рец.]: С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник, *Исторический вестник: Историко-литературный журнал*, 34, 1888, 485–492.

Понырко 1992

Понырко Н. В., Боголеп (в миру Борис Васильевич Львов), *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 3/1, С.-Петербург, 1992, 140–141.

Рождественский 1866

Рождественский В. А., *Историческое описание Серпуховского владычного общежительного девичьего монастыря*, Москва, 1866.

Романова, Андроник Трубацев 2002

Романова А. А., Андроник (Трубацев) игум., Боголеп Черноярский (Ушаков Борис Яковлевич), *Православная энциклопедия*, 5, Москва, 2002, 455–456.

Святые 2010

Святые земли русской, С.-Петербург, 2010.

Сергий Спасский, 1–3

Сергий (Спасский), арх., *Полный месяцеслов Востока*, 1–3, Владимир, 1901.

Снегирев 1843

Снегирев И. [М.], *Новоспасский монастырь*, Москва, 1843.

Спирина 1981

Спирина Л. М., Неизвестные произведения искусства и исторические документы, связанные с погребальным комплексом Годуновых, *Памятники культуры. Новые открытия: Письменность, искусство, археология. Ежегодник*, 1980, Ленинград, 1981, 455–464.

— 2008

Спирина Л. М., *Царская усыпальница Годуновых на территории Троице-Сергиевой лавры, Сергиев Посад*, 2008.

Токмаков 1885

Токмаков И. Ф., *Историческое описание Московского Новодевичьего монастыря*, Москва, 1885. [Значительно переработанное и дополненное переиздание труда И. М. Снегирева «Новодевичий монастырь в Москве», Москва, 1857.]

Тренев 1902

Тренев Д. К., *Иконостас Смоленского собора московского Новодевичьего монастыря: Образцовый русский иконостас XVI–XVII веков, с прибавлением краткой истории иконостаса с древнейших времен*. [Б. м.], 1902.

Трубачева 1990

Трубачева М. С., Патрональная икона семьи Бориса Годунова, *Реставрация и исследование темперной живописи и деревянной скульптуры*, Москва, 1990, 13–21.

Тупиков 1903

Тупиков Н. М., *Словарь древнерусских личных собственных имен*, С.-Петербург, 1903.

У-й 1863

У-й В. [В. Успенский?], Краткое описание бывшего Преображенского женского монастыря, что на Рогоже, иначе называвшегося Пелагеиною пустынью, с приложением относящихся к нему древних грамот, памятей и указов, *Памятная книжка Тверской губернии на 1863 г.*, 3, Тверь, 1863, 1–71.

Ульяновский 2006

Ульяновский В., *Смутное время*, Москва, 2006.

Усачев 2005

Усачев А. С., Степенная книга и памятники русской средневековой лексикографии, *Лестница: Материалы научной конференции по проблемам источниковедения и историографии памяти проф. В. П. Макарихина, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 22 мая 2003 г.*, Нижний Новгород, 2005, 248–258.

Успенский 1969

Успенский Б. А., *Из истории русских канонических имен (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам)*, Москва, 1969.

Фонкич 1977

Фонкич Б. Л., *Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв.*, Москва, 1977.

——— 2003

Фонкич Б. Л., *Греческие рукописи и документы в России в XIV — начале XVIII вв.*, Москва, 2003.

Харузин 1899

Харузин Н. Н., К вопросу об употреблении некалендарных имен в допетровской Руси, *Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине*, 2, Нежин, 1899, 150–171.

Хмыров 1863

Хмыров М. Д., *Федор Борисович Годунов (1589–1605): Историко-биографический очерк*, С.-Петербург, 1863.

Icons 1991

Sotheby's: Icons, Russian Pictures and Works of Art: London, Thursday 28th November 1991, London, 1991.

References

- Abramenko N. M., Images of the Russian Saints Princes Boris and Gleb in the Art of the Period of the Tsar Boris Godunov. Tradition of the Veneration of the Tutelar Saints of Russian Tsars, A. V. Zakharova, ed., *Actual Problems of Theory and History of Art. Collection of Articles*, 2, 2012, 201–208.
- Alekseev A. I., Mashtafarov A. V., eds., Vkladnaia i Kormovaia kniga Moskovskogo Simonova monastyrja, *Vestnik tserkovnoi istorii*, 3, 2006, 5–184.
- Alekseev A. I., The First Recension of the Book of Donations (Vkladnaia kniga) of Kirillov Belozersky Monastery, *Vestnik tserkovnoi istorii*, 3–4 (19–20), 2010, 17–117.
- Alpatov M. V., Rodnikova I. S., (eds.), *Pskov icon of the 13th–16th centuries*, Leningrad, 1990.
- Antonova V. I., Mneva N. E. *Katalog drevnerusskoi zhivopisi*, 1–2, Moscow, 1963.
- Baldin V. I., Manushina T. N., *The Trinity-Saint Sergius Lavra: The Architectural Ensemble and Old Russian Art Collections 14th–17th Centuries*, Moscow, 1996.
- Batalov A. L., *Moskovskoe kamennoe zodchestvo kontsa XVI veka: Problemy khudozhestvennogo myshleniia epokhi*, Moscow, 1996.
- Belyakova E. V., The Treatise on Names from the Nomocanon (Kormchaia) of the Kirillo-Belozersk Redaction, *Slověne. International Journal of Slavic Studies*, 2 (2), 2013, 184–198.
- Bobrovnikskaya I. A., Tsitsinova O. A., eds., *Boris Godunov. From A Courtier to The Sovereign of All Russia. Exhibition book*, Moscow, 2015.
- Burdina L. V., Sinodiki i Vkladnaia kniga Ipat'evskogo monastyrja, *Svetoch*, 6, 2010, 251–260.
- Derzhavina O. A., Adrianova-Peretz V. P., eds., *Vremennik Ivana Timofeeva*, Moscow, Leningrad, 1951.
- Fonkich B. L., Grecheskie rukopisi i dokumenty v Rossii v XIV–nachale XVIII v., Moscow, 2003.
- Fonkich B. L., Grechesko-russkie kul'turnye sviazi v XV–XVII vv., Moscow, 1977.
- Gnutova S. V., *Relikviia roda Godunovykh: Skladen'-kuzov s izbrannymi prazdnikami i sviatymi. Katalog vystavki*, Moscow, 2018.
- Gordienko E. A., Bol'shoi ikonostas Sofiiskogo sobora (po pis'mennym istochnikam), B. D. Grekov, ed., *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 2 (12), Leningrad, 1984, 211–229.
- Kirichenko L. A., Nikolaeva S. V., eds., *Kormovaia kniga Troitse-Sergieva monastyrja 1674 g.: issledovanie i publikatsiia*, Moscow, 2008.
- Kozlyakov V. N., *Vasilii Shuiskii*, Moscow, 2007.
- Kozlyakov V. N., *Boris Godunov: Tragediia o dobrom tsare*, 2nd ed., Moscow, 2017.
- Krushelnitskaya E. V., *Avtobiograficheskaia povest' Martirii Zelenetskogo, Biblioteka literatury Drevnei Rusi*, 13: XVI vek, St. Petersburg, 2005, 678–692.
- Levitskaia N. V., Vkladnaia kniga Pereslavl'-Zalesskogo Fedorovskogo monastyrja, *Istoriia i kul'tura Rostovskoi zemli*, 1993, Rostov, 1994, 122–129.
- Liberzon I. Z., ed., *Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severa Rossii XV–XVI vv.*, 1–2, Leningrad, 1988.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., «Se iaz rab Bozhii...» *Mnogoimennost' kak faktor i fakt drevnerusskoi kul'tury*, St. Petersburg, 2020.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., Iz istorii vkladov kniazheskikh semei Tatevykh i Nogtevykh («Bogomater' Vladimirskaia» i «Spas Vsederzhitel'»), *Sbornik statei i publikatsii, posviashchennyi Andreiu Alekseevichu Bulychyevu. Na 60-letie so dnia rozhdeniia i 35-letie nachala nauchnoi deiatel'nosti*, Moscow, 2020, 144–152.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., Khristianskaia dvuimennost' v praviashechei dinastii na Rusi: Etopiia evoliutsii, *Die Welt der Slaven*, 64 (1), 2019, 108–127.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., Monasheskoe imia i fenomen svetskoi khristianskoi dvuimennosti v dopetrovskoi Rusi, A. A. Gorsky (ed.), *Srednevekovaiia Rus'*, 13, Moscow, 2018, 241–280.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., Names and Dates in the Family of Tsar Fedor Ivanovich, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 1 (75), 2019, 61–66.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., Veneration of Baptismal Saints in Russia in the 16th–17th Centuries, *Problems of Onomastics*, 16/3, 2019, 9–29.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv.: dinasticheskaia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki*, Moscow, 2006.
- Loseva O. V., *Russkie mesiatsestory XI–XIV vekov*, Moscow, 2001.
- Lukichev M. P., Rogozhin N. M., eds., *Posol'skaia kniga po sviaziam Rossii s Gretsiei (pravoslavnyimi ierarkhami i monastyrjami)*, Moscow, 1988.
- Maiasova N. A., Literaturnyi obraz Ksenii Godunovoi i pripisyaemye ei proizvedeniia shit'ia (K voprosu o vzaimootnoshenii literatury, iskusstva i deistvitel'nosti), *Vzaimodeistvie literatury i izobrazitel'nogo iskusstva v Drevnei Rusi* (= Trudy otdela drevnerusskoi literatury, 22), Moscow, Leningrad, 1966, 294–310.
- Maiasova N. A., «Svetlitsy» v dome boiarina Dmitriia Ivanovicha Godunova, *Proizvedeniia russkogo i zarubezhnogo iskusstva XVI – nachala XVIII veka: Materialy i issledovaniia*, Moscow, 1984, 32–56.
- Makarij (Veretennikov), archim., The First Patriarch Job and His Time, *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 1(21), 2019, 11–170, DOI: 10.24411/2224-5391-2018-10101.

Makhanko M. V., Panagia for Patriarch Jeremia II of Constantinople Made in Moscow: One Not Survived Insignia of the Beginning Age of Moscow Patriarchate, *The Journal of Education and Science "ISTORIYA" ("History")*, 10/3 (77) (= Byzantium – Christian East – Russia: Problems of History and Culture), 2019 (<https://history.jes.su/issue.2019.1.3.3-77/>).

Margvelashvili V., Vtoroe otchestvo M. Yu. Lermontova, *Smena*, 11 (961), 1967, 23.

Martynova M. V., Oklad ikony «Bogomater' Smolenskaia» i chernaia graviura XVI v., *Blagoveshchenskii sobor Moskovskogo Kremli: Materialy i issledovaniia*, Moscow, 1999, 318–335.

Mashtafarov A. V., Sinodik Konevskogo Bogoroditskogo Rozhdestvenskogo monastyrja XVI v., *Vestnik tserkovnoi istorii*, 3/4 (35/36), 2014, 5–30.

Nikolaeva T. V., *Sobranie Drevnerusskogo iskusstva v Zagorskoi muzee*, Leningrad, 1968.

Panova T. D., Sostav sem'i tsaria Borisa Godunova. Po pis'mennym istochnikam i arkhologicheskim dannym, *Drevnie sviatyni i istoricheskie pamiatniki: Sbornik statei v 2 knigakh*, 1, Moscow, 2019, 47–54.

Pavlov-Sil'vanskii V. B., Koretskii V. I., eds., *Istochniki po sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Rossii XVI–XVIII vv. Iz arkhiva Moskovskogo Novodevich' ego monastyrja*, Moscow, 1985.

Petrova E., ed., *Saints of the Russian Land*, St. Petersburg, 2010.

Ponyrko N. V., Bogolep (v miru Boris Vasil'evich L'vov), *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3/1, St. Petersburg, 1992, 140–141.

Rogozhin N. M., Kadik V. A., eds., *Boiarskaia kniga 1658 goda*, Moscow, 2004.

Romanova A. A., Andronik (Trubachev), igum., Bogolep Chernoiarskii (Ushakov Boris Iakovlevich), *Pravoslavnaiia entsiklopediia*, 5, Moscow, 2002, 455–456.

Sapozhnikova S. D., Sidash T. G., Kozhurin K. Ia., eds., *Protopop Ivan Neronov: sobranie dokumentov epokhi*, St. Petersburg, 2012.

Shablova T. I., *Kormovoe pominovanie v Uspenskom Kirillo-Beozerskom monastyre v XVI–XVII*

vekhakh: Sinodichnoe predislovie. Kniga kormovaia. Sinodik kormovoi, publ., St. Petersburg, 2012.

Spirina L. M., Neizvestnye proizvedeniia iskusstva i istoricheskie dokumenty, svyazannye s pogrebal'nym kompleksom Godunovykh, *Pamiatniki kul'tury. Nove otkrytiia: Pis'mennost', iskusstvo, arkhologiiia. Ezhegodnik*, 1980, Leningrad, 1981, 455–464.

Spirina L. M., *Tsarskaia usypal'nitsa Godunovykh na territorii Troitse-Sergievoi lavry*, Sergiev Posad, 2008.

Trubacheva M. S., Patronal'naia ikona sem'i Borisa Godunova, *Restavratsiia i issledovanie tempernoi zhivopisi i dereviannoi skulptury*, Moscow, 1990, 13–21.

Ulyanovsky V., *Smutnoe vremia*, Moscow, 2006.

Usachev A. S., Stepenaia kniga i pamiatniki russkoi srednevekovoi leksikografii, *Lesvitsa: Materialy nauchnoi konferentsii po problemam istochnikovedeniia i istoriografii pamiatni prof. V. P. Makarikhina, Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N. I. Lobachevskogo*, 22 maia 2003, Nizhny Novgorod, 2005, 248–258.

Uspenskij B. A., *Iz istorii russkikh kanonicheskikh imen (Istoriia udarenii v kanonicheskikh imenakh sobstvennykh v ikh otnoshenii k russkim literaturnym i razgovornym formam)*, Moscow, 1969.

Vasilieva O. A., *Pskov Icons. Catalogue*, 2: the Second Half of the 16th –18th Century, 3rd ed., Moscow, 2012.

Vorontsova L. M., Gemmy oklada ikony «Troitsa» pis'ma Andreia Rubleva, T. N. Manushina, ed., *Sergievo-Posadskii muzei-zapovednik: Soobshcheniia* 2005, Moscow, 2006, 175–199.

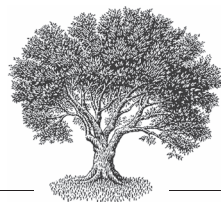
Zyuzeva S. G., Oklad ikony «Bogomater' Znamenie». Istoriia sozdaniia i problemy atributsii, *Moskovskii Krem' v XVII v. Drevnie sviatyni i istoricheskie pamiatniki: Sbornik statei v 2 knigakh*, 2, Moscow, 2019, 111–120.

Zyuzeva S. G., Zolotoi oklad ikony «Troitsa» kontsa XVI veka: Ikonograficheskie i stilisticheskie osobennosti litseykh izobrazhenii, *Moskovskii Krem' v gosudarstvennoi zhizni Rossii: Chetyre stoliia istorii*, (= Muzei moskovskogo Kremli: Materialy i issledovaniia, 27), Moscow, 2016, 64–80.

Анна Феликсовна Литвина, кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник Лаборатории лингвосомиотических
исследований
Национального исследовательского университета «Высшая школа
экономики»,
Школа филологии, Факультет гуманитарных наук
105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4
Россия / Russia
annalitivina@gmail.com

Федор Борисович Успенский, доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
ведущий научный сотрудник Лаборатории медиевистических исследований
Национального исследовательского университета «Высшая школа
экономики»,
Школа исторических наук, Факультет гуманитарных наук
заместитель директора Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
Россия / Russia
fjodor.uspenskiy@gmail.com

Received March 4, 2020

Почему казнили Павла Негребецкого?

Улла Биргегорд

Уппсальский университет
Уппсала, Швеция

Why was Pavel Negrebetskii Executed?

Ulla Birgegård

Uppsala University
Uppsala, Sweden

Резюме

Статья является репликой в дискуссии об исторической ценности записей, которые вели работавшие в России иностранные дипломаты. Два молодых человека, Гильдебранд фон Горн, чрезвычайный посланник датского короля, и швед Юхан Габриель Спарвенфельд, королевский стипендиат, изучавший русский язык и культуру, встретились в Москве летом 1684 г. Они познакомились еще в 1682 г. в Копенгагене, но в Москве они общались в качестве представителей двух стран, имевших в России разные политические цели. Фон Горн был в России в третий раз, прекрасно говорил по-русски и был знаком с влиятельными лицами при дворе. Он рассказывал Спарвенфельду о закулисной жизни двора, которую хорошо представлял. Эту информацию Спарвенфельд записывал в дневник, который вел во время поездки (опубликован автором этой статьи в 2002 г.). В июле 1684 г. фон Горн рассказал Спарвенфельду о казни «одного поляка, знатного и ученого человека по имени Негребецкий». Речь шла о Павле Негребецком, занимавшем важное положение при дворе во время правления Федора Алексеевича, но потерявшем свое влияние после смерти царя. В августе друзья еще раз обсуждали дело Негребецкого, обстоятельства его пыток до казни, а также и роль И. М. Милославского в его судьбе. Негребецкий обвинялся

Цитирование: *Birgegård U.* Почему казнили Павла Негребецкого? // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 1. С. 232–260.

Citation: : *Birgegård U.* (2020) Why was Pavel Negrebetskii Executed? *Slověne*, Vol. 9, № 1, p. 232–260.
DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.1.8

в участии в заговоре против Софьи и ее сторонников, возникшем после стрелецкого бунта в мае 1682 г. Попытки были прекращены Василием Васильевичем Голицыным. Негребецкого секретно отвезли на Красную площадь и казнили. Почему Негребецкого казнили именно так, через два года после его предполагаемого преступления? После обсуждения различных аспектов данного вопроса в статье предлагается возможный ответ. Настоящей причиной поспешной казни было то, что Негребецкий продолжал склонять польского короля выступить на стороне Нарышкиной, матери Петра, в борьбе за власть между кланами Милославских и Нарышкиных. Поскольку в мае–июне 1684 г. в Москве находилось австрийское посольство, у Негребецкого появился надежный канал связи с Польшей в лице габсбургского резидента в Варшаве И. Жировского. Возможно, Негребецкий воспользовался случаем и попытался послать письмо польскому королю с просьбой о поддержке Нарышкиной и ее сына. Письмо было обнаружено, после чего Софья и Милославский наконец решили избавиться от раздражающего поляка. Его казнь позволила им дать отчетливый сигнал сторонникам Петра, что их прежние планы известны и что они находятся под наблюдением. Главных участников несостоявшегося заговора нельзя было трогать по политическим причинам (самый энергичным заговорщиком был Борис Алексеевич Голицын, двоюродный брат Василия Васильевича). Таким образом, запись ночных разговоров двух иностранцев в русской столице, кажется, помогла выяснить, как и когда умер Павел Негребецкий, а также высказать обоснованное предположение о причинах казни.

Ключевые слова

иностранцы, дипломаты, Негребецкий, фон Горн, Спарвенфельд, русско-польские связи, русско-датские связи, Милославские, Нарышкины, Жировский

Abstract

The paper seeks to contribute to the discussion among historians about the value, as historical sources, of foreign diplomats stationed in Russia. Two young men, Hildebrand von Horn, an envoy extraordinaire of the Danish king, and the Swede Johan Gabriel Sparwenfeld, a student of the Russian language and Russian affairs on a scholarship granted by the Swedish king, met in the Russian capital during the summer of 1684. They had met before—in 1682 in Copenhagen—but this time their roles were quite different, as they were in Moscow as representatives of countries with opposite political aims vis-à-vis Russia. Von Horn was in Russia for the third time, knew many influential people at court and mastered the Russian language. He kept Sparwenfeld informed about what was going on behind the scenes at court. This information was written down by Sparwenfeld in his diary of the Russian journey, published by the author of this paper in 2002.

In July 1684 von Horn told Sparwenfeld about the execution of “a noble and learned Pole, Negrebetskii”. This person, Pavel Negrebetskii, had had an important position at court during the reign of Fyodor Alekseevich but lost his influence after the death of the Tsar. In August the two friends once more discussed Negrebetskii, his torture, and the role of I. M. Miloslavskii in his

fate. Negrebetskii was accused of having taken part in a conspiracy against Sof'ia and her supporters in the aftermath of the streltsy uprising in May 1682. The torture was stopped by Vasilii Vasil'evich Golitsyn, and Negrebetskii was hastily and secretly taken to the Red Square and executed. Why was Negrebetskii executed in this way two years after his stated crime? After discussing various aspects of the question, this paper gives a possible answer. It seems that the real reason was that Negrebetskii did not stop trying to make the Polish king intervene on Naryshkina's side in the struggle for power between the Miloslavskii and Naryshkin clans. In connection with the arrival of an Austrian embassy in Moscow in May–June 1684, a new possibility for Negrebetskii to get in contact with Poland offered itself in the person of the Habsburg resident in Warsaw, I. Zierowsky. Negrebetskii, it seems, took advantage of the opportunity and tried to send a letter with Zierowsky to the Polish king, begging the king for help and support of Naryshkina and her son. The letter was intercepted, and Sof'ia and Miloslavskii decided to get rid of the irritating Pole once and for all. His execution also gave a clear signal to Peter's supporters that their previous plans were known and that their activities were under surveillance. It was not possible to touch the main actors in the unrealized conspiracy for political reasons; the most active among them was Vasilii Vasil'evich's cousin, Boris Alekseevich Golitsyn.

So, the entries in Sparwenfeld's diary about nightly conversations between two foreigners in the Russian capital help to shed light on how and when Pavel Negrebetskii died, and, hopefully, also why.

Keywords

Foreign diplomats, Negrebetskii, von Horn, Sparwenfeld, Russian-Polish relations, Russian-Danish relations, the Miloslavskiis, the Naryshkins, Zierowsky

Донесения иностранных дипломатов и дискуссия о них

В последние десятилетия было опубликовано несколько монографий о весьма сложной и противоречивой политической ситуации в России последней четверти XVII в. — со времен смерти Алексея Михайловича (1676 г.) до падения правительства царевны Софьи и возвращения власти царю Петру (1689 г.) [Hughes 1990; Лавров 1999a; Bushkovitch 2001; Седов 2008; Кочегаров 2008]. В них представлено много нового, до этого неизвестного архивного материала, который иногда заставлял исследователей по-новому толковать давно известные факты и переоценивать причинные связи событий актуального периода. Среди новых материалов, вошедших в научный оборот в связи с вышеупомянутыми публикациями, заметное место занимают источники иностранного происхождения. В последнюю четверть XVII в. особое значение приобрели донесения иностранных дипломатов, находившихся на службе в России. Среди историков велась интересная дискуссия о достоверности и ценности этих «новых» иностранных источников.

М. И. Белов, автор нескольких работ об одном из иностранных источников «нового типа» — о документах первого голландского резидента в России Иоганна Келлера — считает, что иностранные сочинения старого типа, т. е. описания путешественников, очень отличаются от донесений дипломатов. Он пишет: «Отличие этих дипломатических документов от сочинений иностранцев о России заключается в том, что они написаны по горячим следам событий, чаще всего в ходе событий, и представляют собой как бы моментальную фотографию» [Белов 1964: 375]. А. С. Лавров в своей статье о донесениях датского дипломата Хильдебрандта фон Горна пишет: «Роль иностранных источников в восстановлении политической истории России в XVII в. трудно преувеличить» [Лавров 1999б: 15]. Но он только частично согласен с Беловым и считает, что, несмотря на то что источники старого типа, в отличие от донесений дипломатов, написаны в ретроспективе, они не отличаются друг от друга. Авторы-иностранцы в обоих случаях смотрят на Россию, исходя из своих стереотипных представлений. Лавров цитирует В. А. Возгрина, который ввел в научный оборот донесения Х. фон Горна, и считал, что «...иностранцы-дипломаты, защищенные своим статусом, имевшие свободный доступ к разнообразным источникам информации и не испытывавшие особой привязанности или вражды ни к одной из группировок» [Возгрин 1982: 157] в результате являлись более беспристрастными свидетелями, чем их русские современники. Лавров возражает Возгрину, указывая на то, что иностранные дипломаты могли быть беспристрастными только в тех случаях, когда они сами являлись очевидцами событий, а в остальных случаях они зависели от своих русских источников, которые, скорее всего, были далеко не беспристрастными. Он добавляет, что зависимость иностранного дипломата от информантов была связана с тем, до какой степени он ориентировался в русской действительности и насколько хорошо он знал русский язык (если вообще знал). Эти соображения, по его мнению, становятся актуальными в связи с донесениями фон Горна [Лавров 1999б: 15]. К этой дискуссии можно добавить, что иностранные дипломаты, возможно, толковали одни и те же события по-разному — в свете собственных целей, связанных с поручениями из дома. П. Бушкович, говоря об отчетах иностранных резидентов и агентов о событиях в России, пишет:

Но дипломаты не были обыкновенными сплетниками. Они всячески старались отмечать источник информации, указывая, что узнано из первых рук — по личным наблюдениям или непосредственно из разговоров с петровскими сановниками, что известно от достойных доверия рассказчиков, что — из общих разговоров, а что — просто по слухам [Бушкович 2009: 14].

П. В. Седов, наконец, пишет: «Ценность иностранных источников состоит в первую очередь в том, что они дают иной угол зрения на русское общество, нежели отечественные источники» [Седов 2008: 9]. Далее в своем исследовании он констатирует в связи с конкретным случаем:

Следует учитывать, что они [иностранцы. — У. Б.] наблюдали ход придворной борьбы со стороны, пользовались ограниченной информацией и по недостатку данных невольно придавали отдельным фактам обобщенный характер, сводя все многообразие придворной борьбы к влиянию одного лица. В основу реконструкции хода придворной борьбы следует положить современный событиям актовый материал, дающий надежные ориентиры [Ibid.: 201].

Вероятно, можно резюмировать все эти цитаты следующим образом: иностранные источники могут добавлять новую информацию к русским источникам, но нужно использовать их с осторожностью.

Этот вопрос становится актуальным при оценке сведений иностранных дипломатов о судьбе главного героя этой статьи, Павла Негребецкого. Напомним, кто он такой.

Кто такой Павел Негребецкий?

Павел Негребецкий родился в Галиции, он был православным русином. В 1647 г., когда первый русский резидент в Варшаве Василий Михайлович Тяпкин сблизился с ним, он служил секретарем польского короля. Негребецкий стал работать у Тяпкина в качестве переводчика с польского и латинского языков, он также передавал резиденту секретную информацию о том, что обсуждалось на сеймах и в польском правительстве. Через полтора года он понял, что оставаться в Польше больше не может, и попросил помощи, чтобы получить службу в Москве. За него ходатайствовал В. М. Тяпкин, который вернулся в Москву после польской службы, он представил Негребецкого в Посольский приказ в июле 1677 г.

Дела Негребецкого двигались очень медленно. К. В. Харлампович отмечал [Харлампович 1914: 434], что русские власти, по всей видимости, не особенно оценили Негребецкого и не спешили принять его на службу. Он сблизился с Сильвестром Медведевым, однако в начале 1680-х гг. они оба начали борьбу за место в академии, которую хотел организовать Симеон Полоцкий в Новоспасском монастыре, что послужило причиной их ссоры. Среди конкурентов также был Ян Белобоцкий, который переехал в Москву в надежде получить работу учителя в новой академии. Негребецкий считал, что Белобоцкий явный лютеранин-кальвинист, поэтому он не может претендовать на статус учителя в

академии¹. В научной литературе довольно много написано о полемике вокруг этой академии и о том, кто является основным автором обвинительных челобитных — сам Негребецкий или Сильвестр Медведев². Патриарх Иоаким с подозрением следил за полемикой, не доверяя ни Медведеву, ни Негребецкому, ни тем более Белобоцкому. Несмотря на все проекты, челобитные и прения, академия так и не была создана [Сазонова 2006: 104–105]. Статья о Негребецком в Русском биографическом словаре заканчивается следующим образом: «Дальнейших сведений о жизни и деятельности Негребецкого не встречается; вероятно, он потерял значение вместе с падением своего покровителя Сильвестра Медведева» [РБС 1914: 188].

Новые данные в работе П. В. Седова

Две работы, вышедшие в 2008 г., проливают новый свет на деятельность Негребецкого. Одна из них — «Закат московского царства» П. В. Седова — содержит много до сих пор неизвестного архивного материала о нашем герое. Покровитель Негребецкого В. М. Тяпкин был назначен на свой дипломатический пост в Варшаву тогдашним главой Посольского приказа А. С. Матвеевым. Но когда Тяпкин вернулся из Польши, Матвеев уже был в ссылке, поэтому на старания Тяпкина обеспечить хорошие условия для своего подопечного в приказе не обратили никакого внимания. Негребецкого приняли оскорбительно плохо, и он с огромным трудом нашел себе место. Но «ловкий шляхтич», как пишет о нем П. В. Седов очевидно был сообразительным, и со временем его перевели в служилые иноземцы. Под влиянием И. М. Милославского, который тогда был главой Новгородского приказа и желал избавиться от Негребецкого, его назначили объезжим головой в Холмогоры. Но наш герой отказался от предложения и остался в Москве, в результате чего ему пришлось полгода жить без кормовых денег. Негребецкий неустанно обращался в Новгородский приказ за деньгами и наконец добился своего. Вероятно, И. М. Милославский хорошо запомнил этого требовательного шляхтича.

Спустя некоторое время положение Негребецкого изменилось. Это было связано с тем, что, часто посещая Заиконоспасский монастырь, он через Медведева познакомился с Федором Алексеевичем, который также там бывал. Негребецкий довольно рано, кажется, обратился прямо к царю. Федор Алексеевич доверил ему составление гербовой книги для московского дворянства [Седов 2008: 401]. Кажется, что и Негребецкий,

¹ О Негребецком см.: [РБС 1914: 187–188]. О его борьбе с Яном Белобоцким см. статью А. Х. Горфункеля в Словаре книжников XVII в.: [Горфункель 1992: 128].

² См. литературу в Словаре книжников: [Буланин 2004: 500].

и его покровитель Тяпкин пользовались благоволением царя. Обсуждая вопрос о возможном участии Негребецкого в разных проектах Федора Алексеевича, например, в отмене местничества и в работе над новым Уложением, Седов упоминает, что среди покровителей польского шляхтича находился и В. В. Голицын [Ibid.: 474–476]. Так что неудивительно, что Негребецкий внезапно становится советником царя Федора. После выхода в свет работы Седова стало ясно, что Негребецкий вошел в историю не только как один из конкурентов за позицию в новой академии, но и как политически влиятельный советник царя Федора, известного своими полонофильскими наклонностями.

После смерти Федора Алексеевича в конце апреля 1682 г. и тем более после стрелецкого бунта в начале мая положение Негребецкого изменилось кардинально. А. С. Матвеев был убит в первый день бунта, Иван был назначен первым царем, Петр — только вторым, и Софья оказалась победительницей. Негребецкий в этой борьбе, кажется, явно выбрал сторону Петра, тем самым вызвав гнев Софьи и тем более И. М. Милославского. Далее мы на время отвлечемся от фактов биографии Негребецкого для того, чтобы познакомиться с некоторыми иностранными источниками.

Новые данные в дневнике Ю. Г. Спарвенфельда

Для установления обстоятельств кончины Негребецкого имеет большое значение один источник, который сравнительно недавно стал доступным научной общественности. Речь идет о дневнике шведа Ю. Г. Спарвенфельда [Sparwenfeld 2002]. Юхан Габриель Спарвенфельд (1655–1727), ученый-книголюб, полиглот и путешественник, впоследствии церемониймейстер шведского королевского двора, провел 13 лет своей жизни за границей и говорил на 14 языках. Европейские ученые того времени знали его как знатока иностранных языков, прежде всего славянских, и в частности — русского языка. Причиной этой репутации был его большой «*Lexicon Slavonicum*», славяно-латинский словарь в четырех томах, который он составил после трехлетнего пребывания в Москве (1684–1687)³.

Интерес Спарвенфельда к русскому языку начался во время его участия в шведском посольстве Конрада Гюлленшерны в Москву весной 1684 г. [Форстен 1899: 47–54]. По рангу он был первым среди молодых дворян, составлявших в посольстве почетную свиту, и в этом качестве являлся личным ассистентом Гюлленшерны. Посольство покинуло Москву

³ Спарвенфельд пытался напечатать свой словарь много лет, но ему так и не удалось этого сделать. В результате он подарил свой труд библиотеке Уппсальского университета, где рукописи находятся до сих пор; в конце прошлого века он был опубликован, см.: [Birgegård 1985; Sparwenfeld 1–4].

в начале июня 1684 г., но Спарвенфельд остался, т. к. ему удалось получить от шведского короля денежные средства для изучения русского языка и русской культуры. Он оставался в Москве почти три года.

Во время своих путешествий Спарвенфельд вел дневники, как правило, на языке той страны, в которой он находился. Но из них сохранился только один — русский. Однако в этом случае он писал не на языке страны, а по-шведски, по-французски и немного по-итальянски, т. к. русским языком он владел еще недостаточно: он только начал изучать его. Со временем, однако, он начинает записывать кириллицей географические названия и наименования некоторых местных реалий. В своем дневнике Спарвенфельд дает подробное и вместе с тем персонализированное описание своего путешествия из Стокгольма в Москву, а также первой части своего пребывания в Москве. По обширному названию работы по-итальянски, «*Giornale dun Viaggio di Muscouia...*», видно, что дневник написан «в помощь памяти» («*pell' aiuto di memoria*») и не рассчитан на публикацию, по крайней мере, не в этой форме. Это видно и по тексту, в котором собраны случайные, спонтанные рассказы о том, что Спарвенфельд встречал по пути [Sparwenfeld 2002: 19–21].

Шведское посольство 1684 г.

Вернемся к самому посольству. В 1682 г., после первого стрелецкого бунта и венчания на царство Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича, требовалось документально зафиксировать смену правителя. И России, и Швеции вновь пришлось подтверждать действие старых соглашений, а именно — мирных договоров в Кардисе 1661 г. на реке Плюссе 1667 г.. Осенью 1683 г. в Стокгольм прибыло русское посольство во главе с Иваном Прончищевым, и 30 октября на торжественной церемонии в кафедральном соборе договоры были ратифицированы. В феврале следующего года в Москву отправилось крупное шведское посольство во главе с Конрадом Гюленшерной, чтобы аналогичным образом закрепить эти мирные договоры. Посольство прибыло в Москву в конце апреля 1684 г. Но внутривполитическая ситуация в принимающем государстве несколько осложняла миссию шведских дипломатов [Биргегорд 2014].

Находясь в пути, руководство посольства получило информацию о сложном положении в русской столице. Девятого марта, когда посольство находилось в Нарве, за столом у богатого купца Юрия Тундера (Jorgen Tunderfeldt) говорили о московских делах. В частности, что «*les grans seigneurs*», т. е. бояре, были на стороне царя Ивана, что его плохое физическое и психическое состояние давало им шанс беспрепятственно обогащаться. Скрывая свои настоящие цели, они были показными сторонниками царевны Софьи. Спарвенфельд в своем дневнике пишет:

Она же, несмотря на свою чрезвычайную набожность, позволяет своему фавориту, Василию Васильевичу Голицыну⁴, который является одним из самых властных господ в стране, управлять собой и целовать себя, и делает это так открыто, что даже простой народ говорит об этом и в Москве, и здесь [т. е. в Нарве. — У. Б.]. У этого князя есть двоюродный брат, Борис Алексеевич Голицын⁵, который, несмотря на то что он князь и родственник прежнего [фаворита], является близким другом чрезвычайного посла датского короля Хильдебрандта фон Горна, моего друга из Копенгагена [о нем см. примеч. 16. — У. Б.].

На полях написано:

У младшего царя, Петра Алексеевича, было три дяди по матери⁶, которые были такие несносные, что в результате ненавидели их, а заодно и царя, на чьей стороне они были. Так что боярская дума встала на сторону старшего, либо из-за собственных интересов, либо по какой-то другой причине. [...] По всей вероятности, однако, когда у Ивана и Петра будут сыновья, будет ссора и гражданская война, когда каждый будет отстаивать свое право на власть перед другим, и это значит, что нам будет нечего бояться с их стороны [Spragwensfeld 2002: 60; оригинал на французском, здесь и далее перевод мой. — У. Б.].

Из этого отрывка ясно, что шведы хорошо знали, кем были главные действующие лица в игре и какой была расстановка сил. Информантом был, по всей вероятности, хозяин дома, богатый купец и видная персона в местном управлении города Юрий Тундер [Международные связи 1966: 10, примеч. 11]. Он был хорошо осведомлен о событиях, так как через Нарву проезжали и купцы, и дипломаты, а сам он торговал в России.

Пятого апреля, когда посольство находилось в Торжке, Спарвенфельд записал, что пристав Мирон Григорьевич Баищев за ужином рассказывал о семье усопшего царя (т. е. Алексея Михайловича), в том числе о Софье,

⁴ Василий Васильевич Голицын (1643–1714) стал боярином в 1676 г. [Crummey 1983: 199], после стрелецкого восстания в мае 1682 г. его назначили главой Посольского приказа. Во время регентства Софьи он был самым могущественным человеком в стране после нее [Hughes 1984: 23–24].

⁵ Борис Алексеевич Голицын (1654–1714) — двоюродный брат Василия Васильевича. В ноябре 1683 г. он стал судьей в Приказе Казанского дворца [Лавров 1999а: 84]. Дядька Петра, кравчий, самый видный и активный сторонник молодого царя. Он стал боярином в 1690 г. [Crummey 1983: 210]

⁶ Иван Кириллович, Афанасий Кириллович и Лев Кириллович Нарышкины (кроме них было еще два младших брата). Афанасий Кириллович был убит в самом начале майского бунта 1682 г., Ивану Кирилловичу удавалось скрываться два дня, но под конец он сдался и был убит толпой после страшных пыток. Льва Кирилловича вместе с одним из младших братьев выслали после майских событий [Hughes 1990: 59–60].

которая божьей милостью была наделена умом и благоразумием и была всеми почитаема и любима, так как она одна поставила все на свои места в последних волнениях [речь идет о стрелецком восстании в мае 1682 г. — У. Б.]. Без нее все продолжалось бы вечно. Она ведет себя совсем не так, как другие царевны. Она выходит публично и показывает лицо, дает аудиенцию иностранцам [см. примеч. 8. — У. Б.] и *en passant* принимает челобитные и решает дела по ходу, а также отдает приказы, так как ее младший единокровный брат еще молод, а старший слишком глуп. Иван на самом деле уже совершеннолетний, т. к. ему исполнилось уже почти тридцать лет⁷. Но никто ничего не получит, ни места, ничего, если не обратится сперва к ней на аудиенции [Sparwenfeld 2002: 120, 122, текст на шведском].

Наконец посольство прибыло в Москву: прием был роскошным, были аудиенции, визиты иностранных дипломатов, переговоры с русскими. Цари подтвердили действие старых соглашений и дали присягу. Гюлленшерну и других послов даже допустили к руке Софьи, чего раньше никогда не было⁸.

Австрийское посольство 1684 г.

Но во время пребывания посольства Гюлленшерны в Москве в русскую столицу приехало еще одно посольство, куда меньше шведского: это было посольство Габсбургов. Австрийское посольство, которое было принято 14 мая, включало в свиту пять или шесть дворян (по сравнению с 21 у шведов), но они взяли с собой больше 40 лошадей, а шведы постоянно ругались с принимающей стороной из-за того, что предоставленных им лошадей было недостаточно. По данным дневника Спарвенфельда, австрийское посольство наотрез отказались от транспорта и денег, предлагаемых русской стороной, а также от аудиенции у Софьи. Русские предложили Гюлленшерне наблюдать въезд Габсбургов в город, и тот впоследствии дал очень подробное описание этого события, сохранившееся в дневнике Спарвенфельда [Sparwenfeld 2002: 156–168, исходный текст на шведском; см. также: Бирегорд 2014: 170–171]. Главной целью этого описания было сравнение приемов шведов и австрийцев: сколько важных людей принимали участие в приеме, сколько было задействовано стрельцов? Какие они принесли подарки — и т. д. По тону Спарвенфельда чувствуется: он считает, что посланники Габсбургов,

⁷ Спарвенфельд грубо ошибается насчет возраста Ивана. Он родился в августе 1666 г., значит, ему было 17 лет.

⁸ Аудиенция состоялась 28 мая и вызвала негативную реакцию не только со стороны иностранных дипломатов, но и со стороны патриарха и других лиц. Современники критиковали В. В. Голицына за то, что он дал разрешение на аудиенцию [Sparwenfeld 2002: 174; Лермонтова 1912; Hughes 1990: 189–190, Бирегорд 2014: 172–173].

быть может, вели себя более достойно, чем шведы, и что хозяева как будто обратили больше внимания на них.

Записи Спарвенфельда, посвященные казни Негребецкого обращает на себя внимание запись Спарвенфельда от 11 июля, когда шведское посольство уже больше месяца как уехало из Москвы:

Сегодня казнили одного поляка, знатного и ученого человека по имени Негребецкий, и вместе с ним другого⁹, которого обвинили в переписке с Польшей. И говорят, что Жировский¹⁰, посол императора, был замешан в этом деле, так как он симпатизирует Польше. Полагают, что именно он переслал обратно сюда ко двору то письмо, которое Негребецкий написал и послал с [императорскими. — У. Б.] послами в Польшу, чтобы получить от этого выгоду для себя. Но никто не знает, так ли обстоит дело. Некоторые считают, что Негребецкий был невиновен и что царевна Софья, которая отдала приказ казнить его, теперь раскаивается. Однако до своей смерти Негребецкий написал обвинительный документ, касающийся этой ситуации, который хранится у кого-то, кто является сторонником царя Петра, возможно, у князя Б. А. Голицына [см. примеч. 5. — У. Б.], князя И. И. Голицына¹¹ или кого-то др. Говорят, в этом документе есть данные, далеко не лестные для царевны Софьи. Мне сегодня сказали также, что В. В. Голицын делает все возможное, чтобы возвести царевну Софью на трон, но что бояре, особенно Иван Михайлович Милославский¹², усердно сопротивляются этому [Sparwenfeld 2002: 182; текст частично на шведском, частично на французском].

Судя по всему, источник этих новостей — датский чрезвычайный посол Хильдебрандт фон Горн.

⁹ По всей вероятности — Дмитрий Поплавский, см. ниже.

¹⁰ Жировский, Ганс Кристофор (Zierowsky, Johann Christian, von Zierowa, Hans Christoph) был послом вместе с Себастьяном Блюмбергом (Sebastian von Blumberg) в императорском посольстве. Главной задачей посольства было заставить Россию присоединиться к Священной лиге против Турции. Жировский был габсбургским резидентом в Польше в 1674–1685 гг. Спарвенфельд пишет в своем дневнике [Sparwenfeld 2002: 159], что Блюмберг был первым послом, Жировский — вторым, и что оба хорошо говорили по-польски. По другим источникам также ясно, что Блюмберг был ключевой фигурой в переговорах, например [O'Brien 1952: 92–96; Шлейссингер 1970: 123].

¹¹ Иван Иванович Голицын большой, стал боярином в 1685 г. [Crummey 1983: 207; Лавров 1999а: 90].

¹² Иван Михайлович Милославский, родственник Ильи Даниловича Милославского, отца первой жены Алексея Михайловича Марии Ильиничны Милославской. Он стал окольничим в 1660 г. и боярином в 1676 г. [Crummey 1983: 193]. Некоторое время он был главой многих приказов, но после майского восстания лишился этих должностей. В принципе он принадлежал к лагерю Софьи, но его собственные амбиции осложняли его отношения с ней и с В. В. Голицыным (так, он все громче критиковал «сребролюбие» последнего). См. письмо фон Горна от десятого марта 1684 г.: [Horn 1879: 177–178].

Спарвенфельд вернулся к этой теме через полтора месяца:

...ночью 26 [августа] у нас с фон Горном был длинный разговор о разных делах, как публичных, так и частных. Особенно обсуждали смерть Негребецкого, которого по приказу царевны и Ивана Милославского пытали, а потом обезглавили, как сказано выше, из-за его участия в Троице [т. е. во время пребывания Петра в Троице-Сергиевом монастыре] на стороне Петра и против царя Ивана и царевны во время бунта. Сотни бунтовщиков, которые поддерживали царевну, были помилованы, но со временем несколько сотен, а потом и тысяч были обезглавлены из тех, кто поддержал Петра. И до сих пор она иногда мстит с подачи кровожадного Милославского, хотя князь Василий Васильевич не одобряет такое. То же самое случилось и с Негребецким, так как он был сторонником Петра и в Троице был осведомлен о большей части, хотя не обо всем, что делали приверженцы Петра, в первую очередь князь Борис Алексеевич Голицын, князь Иван Иванович Голицын, грузинские князья¹³ и т. д. А также и фон Горн, который помогал словом и делом и который сам говорил с матерью Петра о решительных мерах. Он советовал им, чтобы они, воспользовавшись своей властью, которая была у них в то время, когда бунт почти успокоился, перехватили власть у другого клана, посадили несколько человек насильственно в монастырь и убили бы некоторых, но без крови и внешнего насилия, т. к. такие меры не гарантировали бы личную безопасность царю Петру. Но так как Кирила [Наталья Кирилловна], мать царя, смогла решиться на такие решительные меры только через несколько дней, когда было уже упущено время, то ничего не состоялось, о чем она в присутствии фон Горна часто потом жалела. Существование заговора против царевны и царя Ивана Негребецкий подтвердил, главную роль отводя князю Б. А. Голицыну, князю И. И. Голицыну и фон Горну. Он продолжал признаваться во время пыток и назвал их имена (это случилось 8 или 9 июля) в присутствии Милославского, который является врагом фон Горна. Там же присутствовал и В. В. Голицын. Но когда князь Василий Васильевич услышал о фон Горне и о своем брате Борисе Голицыне, он сразу приказал прекратить пытки, чтобы не было разоблачения и чтобы отвести беду от фон Горна и своего брата, объясняя, как мог, царевне их невиновность. Но когда И. М. Милославский потребовал, чтобы пытки были продолжены, князь Василий Васильевич спросил его, хочет ли он, чтобы князя Бориса Голицына били кнутом? В таком случае, сказал он, тебя тоже следовало бы подвергнуть пыткам, т. к. ходили слухи, что ты добиваешься смерти Петра¹⁴ и т. д. На этом пытки прекратили, и Негребецкого

¹³ Речь идет, возможно, о братьях Панкрате Хохоновиче Давидове (Давитишвили, ум. в 1724 г.) и Потапе (Paata) Хохоновиче Давидове (Давитишвили, ум. в 1718 г.), с которыми Спарвенфельд в это время общался в Москве [Sparwenfeld 2002: 339, примеч. 743].

¹⁴ Ходили разные слухи о несчастных случаях, которые, возможно, являлись покушениями на жизнь Петра: в ноябре 1682 г. был пожар в доме, где ночевал Петр. Фон Горн пишет об этом в своем письме датскому королю от 28 ноября. Этот случай упоминается и многими историками. А месяцем раньше, когда Петр

повели на казнь. Тот, однако, написал подробный документ обо всем, что он знал¹⁵, копию с которого Милославский послал Жировскому. Когда это случилось, князь Борис Голицын, князь И. И. Голицын и фон Горн оказались в опасности и решили держаться в тени. Они не смели открыто посещать друг друга, только тайно. Но дело не получило никакого развития, так как князь Василий Васильевич по своей доброте прекратил пытки, чтобы ничего больше не обнаружилось. Теперь эти трое братьев не смеют ходить друг к другу в гости как раньше, так как их братство было связано твердым решением пролить кровь и посадить царя Петра на престол. В таком случае фон Горн мог бы сообразить интересы своего короля, как он и хотел. Главная причина его позиции, похоже, была в том, что Петр был венчан на царство первым и что царь Иван был готов отказаться от престола и объявить себя холопом Петра, а не братом. Но богу было угодно другое [Sparwenfeld 2002: 186, 188; текст на шведском].

Кто такой фон Горн?

В этом сюжете опять упомянут фон Горн. Этот молодой дипломат заслуживает серьезного внимания историков. Он был агентом датского короля, находился в Москве уже в третий раз¹⁶, прекрасно говорил по-русски и был знаком с представителями аристократии. Его секретное поручение в этот раз состояло в том, чтобы склонить Россию к союзу с Францией и Бранденбургом против Швеции, и для этого воспрепятствовать подтверждению мирных соглашений между Россией и Швецией [Lossky 1964: 74–77]. Это, однако, не мешало ему дружить со Спарвенфельдом, который находился в Москве в составе шведского посольства. Молодые люди познакомились в Копенгагене в 1682 г., когда

лежал в горячке в Воздвиженском, вспыхнул пожар, и Петра еле-еле спасли [Шмурло 1896: 52]. О втором случае упоминает Спарвенфельд в своем дневнике 21 апреля 1684 г. Источником информации был голландский купец, которого шведский комиссар фон Кохен встретил по пути, и это он рассказал историю Спарвенфельду. Фон Кохен сам пишет об этом случае 30 апреля Ю. Бергенъелму [*Muscovitica* 115]. Подробный отчет о том же случае дает фон Горн королю в середине апреля и еще раз в конце месяца [Возгрин 1982: 155, примеч. 239]. Лавров [1999б: 19–20; 1999а: 86–87] дает официальную версию данного события (дело подьячего Приказа большой казны Т. Назарьева) и свое толкование случившегося.

¹⁵ Вероятно, речь идет о письменном признании, полученном у Негребецкого под пытками.

¹⁶ Хильдебранд фон Горн (1655–1686), дипломат из Гольштейна, был на службе у датского короля Христиана V. Он был в России первый раз в 1676–1678 гг. в качестве секретаря посольства Ф. Габеля. Второй раз — с лета до конца 1681 г. [Возгрин 1982: 152, примеч. 219]. Часть его писем датскому королю и другим адресатам опубликованы в «Aarsberetninger fra det kongelige Geheime Archiv» [Horn 1989]; см. также: [Форстен 1904: 67], [Возгрин 1982: 152, примеч. 217] сообщает, что в архиве Ленинградского отделения Института истории имелось 300 микрокопий с подлинных писем Горна объемом более 400 страниц.

Спарвенфельд возвращался домой из своей первой пятилетней поездки по Европе [Jacobowsky 1932: 47]. Они подружились¹⁷, а в 1684 г. случайно снова встретились в Москве. Несмотря на то что они являлись представителями двух враждующих стран, они проводили свободное время вместе¹⁸. После того, как шведское посольство уехало, благополучно исполнив свое поручение (а Горн, следовательно, не смог исполнить свое¹⁹), они общались еще более тесно. Горн как знаток России информировал Спарвенфельда о том, что происходит за кулисами в русской столице. Что касается последнего отрывка, мы точно знаем, что непосредственным источником информации был фон Горн. А кто же в свою очередь рассказал фон Горну о допросе и пытках Негребецкого? Кто был их свидетелем? Если сведения правильны, там присутствовали князья И. М. Милославский и В. В. Голицын. Но как информация попала во внешний мир из камеры пыток? По всей вероятности, о случившемся кто-то рассказал двоюродному брату Василия Васильевича, Борису Алексеевичу Голицыну. Скорее всего, это сделал сам Василий Васильевич. Одновременно он, возможно, настоятельно попросил брата быть осторожным и не выделяться. Как известно, братья, несмотря ни на что, заботились друг о друге²⁰. Борис Алексеевич рассказал о случившемся своему близкому другу и, кажется, соучастнику фон Горну. Фон Горн написал о казни Негребецкого Ревентлову в письме от 21 июля²¹. В нем он отметил, что Жировский, первый посол в императорском посольстве, хочет вернуться в Москву в качестве резидента. Поэтому, когда посольство находилось на обратном пути, Жировский остановился в 250 километрах от Москвы в ожидании разрешения от царей. Со двора послали дьяка²² узнать, почему он остановился. Фон Горн продолжает:

¹⁷ Судя по всему, они были близкими друзьями. В списке, в котором Спарвенфельд перечисляет своих знакомых из разных стран (*Nomina illustrium virorum* [...]), он пишет: «[...] и в Копенгагене, и в Москве Гильдебранд фон Горн, датский чрезвычайный посол во время московского троевластного правления царя Ивана, царя Петра и их сестры Софьи Алексеевны, с которым я четыре года жил в крайне теплой и положительной дружбе, как Давид и Ионат» [Jacobowsky 1932: 374]. Об их теплой дружбе свидетельствуют и девять сентиментальных писем Спарвенфельду, написанных Горном после того, как он уехал из Москвы. Самое последнее письмо было написано им в мае 1686 г. в поле боя в Греции. Фон Горн скончался от горячки в октябре того же года [Ibid.: 66]. Об их корреспонденции см. еще: [Sparwenfeld 2002: 312–313, примеч. 533].

¹⁸ Согласно дневнику, они общались и пятого, и седьмого, и пятнадцатого, и тридцатого мая, в последний день они пили брудершафт друг с другом.

¹⁹ [Форстен 1904: 83]. Ему удалось, однако, включить русско-датский договор, оказавшийся значительным в дальнейшем [Возгрин 1982: 152, примеч. 218].

²⁰ См., например: [Кочегаров 2012: 58].

²¹ Конрад Ревентлов (Conrad Reventlow, 1644–1708) — датский дворянин, должностное лицо, канцлер [DBL, 14: 42–46].

²² Из Посольского приказа послали П. Б. Возницына [Кочегаров 2012: 277].

«Пять или шесть дней назад обезглавили одного знатного человека при дворе по имени Негребецкий, из-за того, говорят, что он написал несколько писем польскому королю о нынешнем правительстве» [Horn 1879: 190; текст написан по-французски].

Рингубер и его описание казни Негребецкого

Есть и один свидетель самой казни Негребецкого: саксонец Лаврентий Рингубер (Laurentius Rinhuber) [Dumschat 2006: 404–407]. Врач, дипломат, переводчик и, в общем, искатель приключений, он прожил в России в целом несколько лет. В этот — четвертый — раз он находился в Москве несколько месяцев. Вероятно, он случайно оказался на Красной площади. Вот его описание происходившего:

26 июля на большой площади я видел одного знатного человека, пана Негребецкого. Он, похоже, оказывал сопротивление тем, кто был с ним. Это был московский дворянин или камер-юнкер, хорошо воспитанный и всеми уважаемый. Неожиданно палач отрубил ему голову без всяких церемоний, а затем несколько мужиков обернули тело красной шелковой тканью 5 или 6 раз и убежали с ним оттуда, как будто тело было горячее. Никто не знал, что это было такое. Но Негребецкий хвастался тем, что ухаживал за женщиной-государыней и что он в своем письме в Польшу писал, что, может быть, даже привезет с собой Ц. С. [Царевну Софью? — У. Б.] к польскому двору. И его подлинное письмо было перехвачено в Киеве, а затем было доставлено на московский двор [Rinhuber 1883: 245–246]²³.

О чем говорят все эти документы?

Многие данные в этих рассказах сходятся, но далеко не все. Спарвенфельд называет датой казни 11 июля, фон Горн в своем письме Ревентлову — «около 15-го», а Рингубер — 26. Эту разницу в датах частично можно объяснить разницей нового и старого стиля. Если так, фон Горн (и Спарвенфельд) пользуется юлианским календарем, а Рингубер григорианским (разница должна быть 10 дней).

Во всех трех текстах сказано, что Негребецкий написал письма в Польшу. Именно это было поставлено ему в вину, но только Спарвенфельд

²³ Рингубер пишет в конце цитаты: «Negrebizky aber hatte gerühmet wie Er mit dem frauenzimmer d'Estat courtoisiret, und in seinem briefe nach Pohlen vorgeben, das Er wol gar die Z. S. nachm polnischen hof mit sich hinzuführen gedächte...» [Rinhuber 1883: 246].

Правдоподобным кажется предположение, что за аббревиатурой Z. S. скрывается «Zarewna Sophia». В таком случае он ошибся насчет «dem frauenzimmer d'Estat» (женщины-государыни), скорее всего, Негребецкий хвастался по поводу своих планов, связанных с Натальей Нарышкиной, не Софьей; см. ниже. Ср. и [Кочегаров 2012:49], который ссылается на Аделунга.

указывает, что в разоблачении этой корреспонденции, возможно, был замешан Жировский. Секретность и быстрота в совершении казни Негребецкого показывают, что власти не хотели гласности. Жировский упоминается также в письме фон Горна Ревентлову от 29 июля. Там сказано: «Господин Жировский не хотел возвращаться в Москву после того, как он узнал о казни одного поляка, который был его близким доверенным» [Horn 1879: 190; текст написан по-французски].

Роль Жировского в истории Негребецкого

Весьма желательно уточнить роль Жировского в этом деле. Главной целью австрийского посольства И. Жировского и С. Блюмберга было заставить Россию вступить в Священную лигу против Турции. Но кажется, что императорское посольство было плохо подготовлено к ведению переговоров с русской стороной. Из дневника Спарвенфельда выходит, что от Габсбургов давно не было посольств такой важности, что у них, следовательно, было мало опыта и мало инструкций. В. В. Голицын сказал им, что они сами виноваты в том, что не достигли никаких результатов. Русские настаивали на том, что об их участии в Священной лиге не может быть и речи без разрешения польской проблемы (т. е. заключения договора о вечном мире с Польшей). Австрийцы предлагали свое содействие и свое посредничество, но русские не приняли этого предложения. Велись долгие переговоры, австрийцы вносили различные предложения, чтобы сдвинуться с места, но безрезультатно. Наконец 23 июня им пришлось покинуть Москву, но они уверяли, что намерены вернуться через несколько месяцев с более подробными инструкциями и с согласием польской стороны навсегда отдать Киев и Смоленск. Старания австрийцев продолжались и после отъезда. По пути в Смоленск они попросили разрешить Жировскому вернуться в Москву для новых переговоров, намекая на то, что они получили новые инструкции из Вены (что не было правдой). Но и в этом им отказали. Тогда Жировский предложил остаться в Москве как частное лицо, но и на эту идею последовал отказ²⁴. К роли Жировского в связи с разными письмами и документами вернемся ниже.

Свидетельство папского нунция в Речи Посполитой

Иностранные державы с интересом следили за политической обстановкой в Москве. Шмурло пишет: «За границей толковали, будто царица Наталья обращалась даже к польскому королю с просьбой помочь и

²⁴ Эти сведения встречаются в дневнике Спарвенфельда [Sparwenfeld 2002: 179–181] и у Кочегарова [2008: 275–277].

поддержать сына. Слух, разумеется, не верен; но самая возможность его ярко рисует положение дела» [Шмурло 1896: 52]. При этом он приводит одну ссылку — [Monuments historiques 1859: 291]. Она относится к отчету Опцио Паллавичини, папского нунция в Речи Посполитой, данному Папе 6 декабря 1684 г., где сказано:

Кроме того, меня беспокоят сведения о том, что московиты могут принять новые меры по поводу содержания некоторых писем, написанных королю матерью Петра (младшего царя), перехваченных ими, в которых она просит короля защищать ее сына, который, по ее словам, имеет право на все просторное государство, и она добавляет, что из-за известного восстания и угнетения, ее сын был вынужден разделить престол с братом. Если разоблачение договора между королем и матерью Петра кончится нашествием могущественного клана царя Алексея [т. е. Милославских!], боюсь, что будет намного труднее исправить причиненный ущерб. Но король, кажется, надеется на лучшее, и, видимо, рассчитывает на свое умение разрешить все и потушить пожар уже в начале, что крайне необходимо²⁵.

Б. А. Голицын и фон Горн

Без сомнения, у сторонников Петра были контакты и с другими иностранными правителями. В Москве того времени было хорошо известно, что отношения между Борисом Алексеевичем Голицыным и видным датским дипломатом фон Горном были самые близкие. Судя по письменным источникам, Б. А. Голицын, как и другие сторонники Петра, начал постепенно сближаться с иностранным министром в начале 1683 г. В письме фон Горна из Москвы датскому королю 22 января 1683 г. сказано, что три дня назад на вечере у Бутенанта²⁶ он встретил, кроме В. В. Голицына, также и Б. А. Голицына, при этом Борис Алексеевич говорил в слезах об опасности, в которой находились царь Петр и он сам. Из письма от 20 февраля следует, что фон Горн и Борис Алексеевич обсуждали ту же тему и что они сблизились еще: «...eine rechte vertrauliche Freundschaft machten» [нашли друг друга в искренней дружбе. — У. Б.]. В письме фон Горна от 15 мая 1683 г. сообщается, что царь Петр попросил его поехать вместе с ним за город. Софья узнала об этом и отреагировала крайне отрицательно. Она обратилась к Нарышкиной

²⁵ [Monuments historiques 1859: 291] (от 6-го декабря 1684 г.). Отчет написан по-итальянски, см. также: [Кочегаров 2012: 50].

²⁶ Андрей И. Бутенант фон Розенбуш (Hendrick Boutenant von Rosenbusch, 1634–1702), датский фактор. Бутенант был лично вовлечен в страшные события в мае и написал отчет о бунте, который считается достоверным. Этот текст (Eigentlicher Bericht...) был опубликован в Гамбурге в том же году, а также у Устрялова [1858: 330–346].

и сказала в гневе, что та не только настроила своих людей против старшего царя, но и пытается привлечь «иностранных министров» на свою сторону [Horn 1879: 146]. Из письма фон Горна от 19 июня становится ясно, что поездка не состоялась: из-за политической ситуации сторонники Петра не хотели уезжать далеко от Москвы.

Б. А. Голицын, несомненно, был самым энергичным сторонником Петра. Вероятно, он пытался воздействовать на фон Горна, потому что, как хорошо известно, датчане всеми способами хотели убедить русское правительство начать войну со Швецией. Молодой Петр сочувственно относился к этой идее [Bushkovitch 2001: 140]. Кроме того, фон Горн располагал к себе. Он прекрасно говорил по-русски, у него широкий круг знакомств, в том числе среди представителей власти. Судя по его письмам датскому королю и другим, он хорошо ориентировался в придворных интригах. Фон Горн описывает своему королю 16 июля 1683 г., как Б. А. Голицын пришел к нему и со слезами говорил о том, в какой опасности находился Петр. Борис Алексеевич даже зачитал текст на латыни, адресованный датскому королю и включенный в письмо фон Горна, в котором он умолял короля убедить своих союзников Францию, Англию и Бранденбург в том, что нужно оказать поддержку Петру против Софьи. Этим странам, по его мнению, следовало назначить в Москву таких послов, которые — хотя бы тайно — оказывали поддержку Петру [Horn 1879: 149–151].

В то время как Дания ратовала за войну России со Швецией, Швеция выступала за войну России с Турцией. Как известно, Софья и В. В. Голицын впоследствии отдали предпочтение войне с Турцией, в первую очередь с Крымом, и в результате в 1686 г. заключили вечный мир с Польшей, чтобы в союзе с ней и императором взяться за турецкий вопрос.

События 1682 г. и записи фон Горна о них

Если и были планы заговора со стороны Нарышкиных, то принимал ли фон Горн активное участие в них, и если да, то каким образом? Судя по дневниковым записям Спарвенфельда, заговор планировали в Троице-Сергиевом монастыре осенью 1682 г., после кровавых майских событий в Москве. Фон Горн тогда еще не прибыл в Россию, но он узнал о случившемся еще в пути от Андрея Бутенанта. В этой ситуации он решил остаться на некоторое время в Гамбурге и подождать, когда все успокоится. Туда же в это время приехал и направлявшийся в Россию Франц Лефорт, будущий соратник Петра, и они решили ехать вместе [Поссельт 1871: 89], но в Смоленске Лефорт оставил фон Горна и поспешил дальше. Он приехал в Троице-Сергиев монастырь около

20 сентября и там объявил новому начальнику Посольского приказа, князю В. В. Голицыну, о скором приезде фон Горна. Голицын приказал Лефорту немедленно поехать навстречу датскому посланнику и находиться при нем в качестве пристава до тех пор, пока фон Горн не получит аудиенцию у царей. В сопровождении Лефорта фон Горн приехал в монастырь 18 октября и уже на следующий день представлялся царям.

В своем длинном и чрезвычайно интересном письме датскому королю, написанном 23 октября [Horn 1879: 191], фон Горн рассказывает, что, когда он находился недалеко от Москвы, ему предложили выбор: поехать в Москву и остаться там в ожидании возвращения царей в столицу — или поехать в Троице-Сергиеву лавру, где находились цари и весь двор. Фон Горн, к удивлению и восхищению хозяев, выбрал второй вариант. Его приняли роскошно, со всеми возможными знаками почтения, о которых он подробно сообщал своему королю. Особенно лестно было явное внимание, уделенное ему Василием Васильевичем Голицыным. Тот не скрывал своего желания узнать настоящую, секретную миссию датского посла. Царевна Софья Алексеевна подслушивала их разговоры за черным занавесом.

В том же письме фон Горн дает подробный отчет о стрелецком бунте, хотя он не был его непосредственным свидетелем, но о присутствии матери Петра и Б. А. Голицына в монастыре он ничего не пишет.

В Лавре Горн пробыл всего несколько дней, потом Лефорту поручили проводить его в Москву, куда он приехал 28 октября [Посселят 1871: 92–93]²⁷. Если доверять рассказу фон Горна Спарвенфельду, именно в это время велись дискуссии о заговоре. Главную роль в обсуждении играли Б. А. Голицын, И. И. Голицын, фон Горн и грузинские князья, принимала участие и Наталья Нарышкина. В монастыре находился, судя по всему, и Павел Негребецкий. Но у заговорщиков ничего существенного не вышло, так как Наталья Нарышкина в последний момент отказалась участвовать²⁸. Почему об этих неосуществившихся планах вновь заговорили через полтора с лишним года и почему нужно было казнить именно Негребецкого?

²⁷ Царский двор оставил Лавру 27 октября и входил в Москву в процессии 3-го ноября [Hughes 1984: 29].

²⁸ Ср.: «Но если бы 27 апреля судьба решила спор в пользу Милославских, смеем ли мы утверждать, что в этом случае царица Наталья примирилась бы с своею долей и также не стала бы вырывать короны из рук падчерицы? Возможно, что у нее не хватило бы на это решимости, уменья осуществить свое желание, энергии довести дело до конца; но в душе она питала бы *те же самые чувства*, руководилась бы *теми же самыми желаниями* — в этом едва ли возможно сомневаться!» [Шмурло 1896: 50–51]

Документы и письма, написанные Негребецким

В вышеприведенных свидетельствах фигурируют разные письма и документы, возможно, написанные Негребецким. Об этих событиях есть и другие сведения. Так, шведский комиссар фон Кохен в письме шведскому королю от 20 марта 1683 г. писал, что несколькими неделями раньше в царских покоях нашли документ, где сказано, что Софья собиралась взять власть в свои руки. Для того, чтобы отвлечь опасность, хотели сослать Ивана в монастырь и угрожали Милославскому и другим, кто был на стороне Ивана. Из-за этой находки начали следствие [*Muscovitica* 114]. По всей видимости, о том же случае пишет фон Горн датскому королю 26 марта: «Недавно нашли в Кремле в одной из комнат царевны Софьи клеветническое письмо, где страшно нападали не только на саму царевну, но и на Ивана Михайловича и Голицына» [Ногн 1879: 146]. По этому делу начали следствие, но ничего не нашли. Содержание упомянутого письма напоминает о планах, обсуждавшихся в Троице-Сергиевой лавре. Может быть, письмо было написано Негребецким — или были такие подозрения? Или из всех возможных заговорщиков он был единственным, кого можно было наказать, даже если он не входил в число руководителей заговора. Напоминаем и о приведенном выше фрагменте дневника Спарвенфельда (см. выше с. 241):

Однако до своей смерти Негребецкий написал обвинительный документ, касающийся этой ситуации, который хранится у кого-то, кто является сторонником царя Петра, [...]. Говорят, в этом документе есть данные, далеко не лестные для царевны Софьи [Sparwenfeld 2002: 182].

Можно предположить, что в какой-то момент этот документ попал в руки враждебной стороны.

Новые данные: работы К. А. Кочегарова

В 2008 г. вышла еще одна очень важная для нас работа, а именно книга К. А. Кочегарова о польско-русских отношениях в интересующее нас время: «Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 гг. Заключение договора о вечном мире» [Кочегаров 2008]. Его работа содержит очень ценный новый материал. В 2012 г. автор возвращается к некоторым проблемам, обсуждавшимся в книге, и уточняет свои выводы [Idem 2012]. Он упоминает о любопытном источнике, обнаруженном З. Вуйчиком (Z. Wójcik) в Архиве древних актов в Варшаве. Документ имеет заглавие «*Relatia Nehrebeckiego ze stolicy*» [Idem 2008: 147, примеч. 94]. Кочегаров пишет, что речь идет не о реляции, а скорее о пересказе реляции. В связи с этим документом он сообщает, что галицкий шляхтич Негребецкий выехал в Москву из Польши в конце 1670-х гг., перешел в православие и получил

чин стольника. После стрелецкого бунта Наталья Кирилловна решила обратиться за помощью к польскому королю Яну Собескому. Это деликатное поручение она доверила Негребецкому. В письме она, напоминая о своем польском происхождении (она была родом из Смоленска), жаловалась на опасность, которая грозила ее сыну и ей самой, и умоляла короля содействовать тому, чтобы ее сын стал царем²⁹.

«Реляция» датирована 5 сентября без указания года. Вуйчик считает, что можно датировать ее 1684 г. Кочегаров сомневается в этом и относит документ скорее к 1682 г. [Кочегаров 2012: 50]. Он полагает, что данный текст является не пересказом письма царицы, а скорее записью какого-то устного рассказа: «Вряд ли бы кто-то решился написать или везти с собой письмо подобного содержания, тем более через границу» [Idem 2008: 136].

Автор тщательно прослеживает карьеру Негребецкого по «Списку кормовщиков московского чину» 7190–7194 (1681/82–1685/86). Здесь мы не будем углубляться в данные, относящиеся к дворам и кормовым деньгам, но из списка следует, что где-то в 1682–1683 гг. Негребецкий «пропал» из виду властей, а затем появился вновь в 1683/84, но с понижением статуса. В списке за 1685/86 гг. и далее его имя отсутствует. Не был ли он в 1682–1683 гг. отправлен с секретной миссией в Речь Посполитую, спрашивает Кочегаров, а вслед за ним и мы. Он считает, что данные источников явно указывают на немилость со стороны Милославских и что в таком случае можно было ожидать самых печальных последствий. Кочегаров добавляет: «При этом отсутствие письменных улик его миссии и то, что он ехал в Польшу по поручению матери одного из царей, было причинами, по которым Милославские не посмели придать этому делу официальный характер» [Кочегаров 2008: 137]. Исследователь считает, что Милославские делали все, чтобы не допустить контактов враждебной группировки с польским двором.

Пример этой бдительности можно было видеть в 1683 г., когда в Москву приехали эмиссары польского короля — судя по русским источникам, это были Дмитрий Поплавский и его брат Гаврила [Кочегаров 2008: 139; Idem 2012: 48]. Как полагает Кочегаров, Негребецкий попытался установить с ними контакт, но был схвачен, подвергнут пыткам и казнен [Кочегаров 2008: 137]. Ссылаясь на сведения польского

²⁹ «Я, царица Наталья Кирилловна, мой сын — царь Петр, сперва бояре его посадили на царство. Второй царь — Иван, чернь из злости посадила его на царство. Этот Иван глупый, слепой, страдает параличом, править не может. Его сестра Софья всем сама заправляет. Я сирота, никто меня с моим сыном не почитает из-за того, что я польского роду, не на кого мне надеяться, только на тебя, король польский [...] чтобы ты, король, имел для меня и для этого дитя милосердие, чтобы мой сын мог стать царем с твоей королевской помощью» (цит. по переводу Кочегарова с польского, см.: [Кочегаров 2008: 135]).

историка Пердени, Кочегаров упоминает о письме польского короля познанскому воеводе К. Гжимултовскому: в начале 1684 г. Ян Собеский пишет, что в России в 1683 г. казнили как шпионов королевского агента Поплавского и одного стольника — из-за того, что они пытались помочь Нарышкиной. По всей вероятности, Негребецкий пытался установить контакт именно с Поплавскими.

В работе Кочегарова содержится также интересный материал о польском королевском агенте Иосифе Лядинском: он должен был поехать в Москву по поручению польского короля «для разговора с духовной особой» (согласно инструкции). Кочегаров предполагает, что эта духовная особа — тетка Лядинского Антонина Даниловна, игуменья Новодевичьего монастыря [Кочегаров 2008: 137–138]. Одной из его задач, по мнению Кочегарова, было обеспечение поездки Натальи Кирилловны Нарышкиной и Петра на богомолье в Киев, откуда они могли добраться до польской территории. Лядинский приехал в Москву в январе 1683 г. [Ibid.: 138]. Хотя из этих планов ничего не вышло, Ян Собеский, как кажется, был готов предложить убежище Наталье Кирилловне и ее сыну. Но игуменья Антонина Даниловна была близка царевне Софье, и, возможно, через нее планы польской стороны поддержать Нарышкину стали известны клану Милославских [Ibid.: 140]. Со ссылкой на польского историка Я. Перденю Кочегаров утверждает [Ibid.: 139], что письмо Натальи Кирилловны было перехвачено Милославскими, которые, как он считает, могли узнать и о миссии Негребецкого.

Все эти данные представляют чрезвычайный интерес и добавляют важные кусочки к нашей мозаике.

Возможный сценарий дела Негребецкого

С помощью ценнейшего польского материала, представленного в работах Кочегарова, постараемся предложить возможный сценарий дела Негребецкого, учитывая, разумеется, тот факт, что обнаружение новых источников сможет исправить и уточнить картину.

Итак, положение Павла Негребецкого во время правления Федора Алексеевича было очень хорошим, но после смерти царя 27 апреля 1682 г. оно мгновенно ухудшилось. Сильное польское влияние времен правления Федора исчезло, Милославские и Нарышкины начали бороться за власть. Сперва сторонники Петра взяли верх, и, несмотря на то что мальчику было всего десять лет, его провозгласили царем. Но вскоре вспыхнул стрелецкий бунт. После кровавых майских дней обстановка стала совсем другой: первым царем стал Иван, Петр только вторым, и власть перешла к Софье (в качестве регента) и ее фавориту В. В. Голицыну, т. е. победителями стали Милославские. В этой ситуации

Негребецкий выбрал сторону Петра и, возможно, открыто показал это. У Ивана Михайловича Милославского явились новые причины ненавидеть уже знакомого ему шляхтича. Наталья Нарышкина боялась за жизнь сына и за себя. Ее энергичный сторонник Борис Алексеевич Голицын начал обращаться за поддержкой к иностранным дипломатам, в том числе к датскому посланнику Гильдебранду фон Горну. Тот написал письмо своему королю с просьбой о поддержке.

С точки зрения Нарышкиной, была еще одна страна, которая могла оказать помощь. Так как она была родом из Смоленска, ранее относившегося к Польше, Наталья Нарышкина решила обратиться к польскому королю за поддержкой и написала письмо Яну Собескому. О существовании такого текста знал, например, нунций римского папы в Польше. Но как можно было переслать такое рискованное письмо через границу?

Возможно, она обратилась к Негребецкому, который принадлежал к их лагерю, и он согласился помочь (но может быть, что это было его собственной идеей). Судя по приведенным Кочегаровым документам, Негребецкого не было в Москве в 1682/1683 гг. Возможно, в это время он тайно оставил Москву и отправился в Варшаву с этим письмом или с устным сообщением. Но он там не остался, а вернулся в Москву. Кочегаров, ссылаясь на Перденю, упоминает о письме от польского короля воеводе в Познани, где написано, что одного его агента, Поплавского, и одного стольника — имя не названо — казнили как королевских шпионов из-за того, что они попытались помочь Нарышкиной. Это, кажется, случилось в 1683 г. (письмо Собеского было написано в начале 1684 г.).

Но возможно, упомянутый «стольник» был *не* Негребецкий а кто-то другой (ведь в Москву приехали вместе братья Гаврила и Дмитрий Поплавские). Или «шпионы» тогда еще были живы и находились в тюрьме. Клан Милославских мог долго обсуждать вопрос, как поступать с этими пленниками, особенно если один из них недавно был советником царя (Федора). В начале 1683 г. польский король посылает Иосифа Лядинского в Москву к Антонине Даниловне в Новодевичий монастырь. Он должен был узнать, каково положение Нарышкиной и какие у нее планы. Еще он должен был предложить ей с сыном убежище в Польше. Из этого ничего не вышло. Можно предположить, что эти планы стали известны Софье, так как у нее с Антониной Даниловной были близкие отношения. Негребецкий в это время был еще жив и, возможно, на свободе, но, по всей видимости, под наблюдением. Но вдруг он опять начал действовать — из-за того, что в Москве появился надежный контакт с Польшей в лице И. Жировского, резидента Габсбургов в Варшаве.

Роль Жировского в этом деле трудно установить. Его ситуация была сложна. Несмотря на победу союзных войск под командованием

Яна Собеского около Вены 12 сентября 1683 г. война с Турцией продолжалась, угроза не была окончательно предотвращена. Было непременно нужно включить Россию в Священную Лигу. Россия в этой ситуации видела возможность раз и навсегда решить «польский вопрос», связывая с этим свое возможное участие в Лиге. Как поступал Жировский, не имея нужных инструкций, после резкого отказа русской стороны от всяких переговоров, пока польский вопрос не решен? Он, наверное, лично был на стороне Польши (по словам Спарвенфельда, он был «хорошим поляком»). Возможно, когда австрийское посольство находилось в Москве, каким-то образом могли быть установлены контакты между Жировским и Негребецким (неизвестно, по чьей инициативе). Если это было так, то Негребецкий должен был в это время быть на свободе.

Можно предположить следующий сценарий. Ян Собеский попросил Жировского узнать, как обстоит дело с Нарышкиной и ее сыном и какие у нее желания. Тогда возникает вопрос, не могла ли она (или Негребецкий) написать еще одно письмо, предназначенное для польского короля, чтобы передать его через Жировского? Возможно ли, что последний взял это письмо с собой, но сторонники Милославских перехватили его по пути? Или (в соответствии с ранними слухами — см. с. 242 данной статьи) Жировский передумал по пути и переслал опасное письмо русскому двору, рассчитывая получить пользу для своего дипломатического поручения из Вены? Последнее кажется нам маловероятным.

Скорее всего, письмо было перехвачено сторонниками Милославских. Известно, что Жировский остановился по пути в ожидании чего-то (как говорили, разрешения вернуться в Москву). Но возможно, он ждал реакции Софьи и Голицына после конфискации письма. После вести о казни Негребецкого он решил не возвращаться в Москву. Какое еще содержание письма можно себе представить? Возможно, был перехвачен документ, написанный Негребецким, с информацией о политическом состоянии в Москве, далеко не лестный для Софьи (ср. с. 242).

И наконец, почему же казнили Негребецкого?

Поводы для этого были и раньше. В конце 1682 или в 1683 г. он передал (письменно или устно) просьбу Нарышкиной польскому королю о поддержке. Его, возможно, после этого держали в заключении, допрашивали и пытали, но не решились казнить. Обвинение — помощь матери молодого царя в поисках убежища в соседней стране — было политически слишком чувствительным, а Негребецкий был слишком известен. Но в этот раз, когда Негребецкий не прекратил свою деятельность, Иван Милославский и Софья не выдержали и решили быстро избавиться от

него. Обвинением — для внутренних нужд — стало старое преступление, которое казалось политически менее проблематичным: он принимал участие в заговоре Нарышкиных против клана Милославских, который планировался почти двумя годами назад. Но, используя именно это обвинение, в котором Негребецкий признался под пытками, Милославские заставили другой лагерь молчать, т. к. главные лица заговора являлись одновременно и главами враждебного клана. Кажется очевидным, что данное обвинение было предлогом для того, чтобы окончательно избавиться от раздражающего шляхтича, который все продолжал свои упорные старания связаться с Польшей, что в будущем могло нанести ущерб Милославским. И казнь его стала предостережением и для главных заговорщиков, которым предлагалось прекратить свои козни, и для Польши, которой таким образом рекомендовалось не вмешаться во внутренние дела могучей соседней державы. Вспомним также, что по данным фон Горна (см. с. 244 данной статьи), И. М. Милославский послал Жировскому копию признания Негребецкого.

Через два года был подписан Вечный мир с Польшей, Россия стала членом Священной Лиги, и про Негребецкого забыли. Последствия русского членства в Лиге, начиная с крымских походов под командованием В. В. Голицына, со временем привели Софию и Голицына к утрате власти, а Петра — к окончательной победе.

И вновь о достоверности иностранных источников

В заключение вернемся к дискуссии об иностранных источниках, в первую очередь о донесениях из России Хильдебранда фон Горна. Возгрин в своей статье комментирует высокую информативность его писем:

Для нас пока остается загадкой [...] почему перед ним раскрывались портфели русских и иностранных дипломатов, почему с послом иностранной державы, не связанной с Россией никаким союзным договором, первые лица государства доверительно говорили о судьбах страны и царствующего дома, почему ему доверяли не только московские, но и приезжие противники всемогущей в те годы Софии? [Возгрин 1982: 154]

Ответ на этот вопрос может заключаться в широких социальных связях фон Горна, о которых мы говорили выше. Он был, наверное, также человеком общительным и обаятельным, знакомым со всеми важными людьми, т. е. был во всех отношениях «своим» человеком.

Он также был представителем Дании, самого надежного возможного будущего союзника в войне против Швеции. По поводу высказывания Возग्रина о том, что иностранцы являются более беспристрастными свидетелями, чем их русские современники (см. с. 235 данной статьи),

то нужно сказать, что фон Горн, кажется, был в высшей степени пристрастным, если он действительно принимал активное участие в планировании заговора против лагеря Софьи (однако можно предположить, что он преувеличивал свою роль, чтобы произвести впечатление на друга). Эта позиция соответствовала интересам Дании и, кажется, его собственным убеждениям. При этом нельзя не восхищаться многосторонностью и высокой информативностью его писем.

Библиография

Источники

Рукописи

Muscovitica 114

RA (Riksarkivet, Stockholm), Diplomatica Muscovitica, SE/RA/2113/2113.1/1/45/114, Brev till kanslirådet Bergenhielm och till Kungl. Maj:t 1679–1683.

Muscovitica 115

RA (Riksarkivet, Stockholm), Diplomatica Muscovitica, SE/RA/2113/2113.1/1/45/115, Brev till Kungl. Maj:t, kanslipresidenten och kanslirådet Bergenhielm 1684–1690.

Издания

Де ла Невиль 1996

Невиль Ф., де ла, *Записки о Московии*, предисл., подгот. текста, пер. и коммент. А. С. Лаврова, Москва, 1996.

Шлейссингер 1970

Шлейссингер Г. А., Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII века, вступ. ст. Л. П. Лаптевой, *Вопросы истории*, 1, 1970, 103–126.

Horn 1879

Horn H., von, Relationer til K. Christian den Femte fra den danske envoyé i Moskov Hildebrand von Horn, *Aarsberetninger fra det kongelige Geheime Archiv*, 6/3, Kobenhavn, 1879.

Monuments historiques 1859

Theiner A., *Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand, czars de Russie*. Extraits des archives du Vatican et de Naples par Augustin, Rome, 1859.

Rinhuber 1883

Rinhuber L., Warhafte Relation von der Moscovischen Reise und occupation, so ich im Monat April[is] 1684 angetreten, und mense Septembr[is] 1684 in Moscau volzogen, wobey auch zu finden un abbregé d'Estat de Moscovie, *Relation du Voyage en Russie fait en 1684 par Laurent Rinhuber*, Berlin, 1883, 201–276.

Sparwenfeld 1–4

Sparwenfeld J. G., *Lexicon Slavonicum*, Birgegård U., ed., comm., 1–4, Uppsala, 1987, 1988, 1989, 1990, 1992.

Sparwenfeld 2002

Sparwenfeld J. G., *Sparwenfeld's Diary of a Journey to Russia 1684–1687*, ed., transl. and comment. by U. Birgegård (= Slavica Suecana. Series A. Publications, 1), Stockholm, 2002.

Литература

Белов 1964

Белов М. И., Письма Иоганна фан Келлера в собрании нидерландских дипломатических документов, *Труды Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР*, 7: *Исследования по источниковедению отечественной истории*, Москва, Ленинград, 1964, 374–382.

Биргегорд 2014

Биргегорд У., Страдания посольские. Спарвенфельд и посольство 1684 года, пер. со швед. А. Савицкая, *Серебряные дары правителей Швеции российским государям в XVII веке*, руководитель проекта С. Сильверстоле, авт.-сост. С. Сильверстоле, А. Кудрявцева, И. Загородняя, Стокгольм, 2014.

Буланин 2004

Буланин Д. М., Негребецкий Павел, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 3: XVII век, 4: Т–Я. Дополнения, С.-Петербург, 2004, 498–500.

Возгрин 1982

Возгрин В. Е., Источники по русско-скандинавским отношениям XVI–XVIII веков, *Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР: археографический сборник*, Ленинград, 1982, 124–157.

Горфункель 1992

Горфункель А. Х., Белобоцкий Ян (Андрей Христофорович), *Словарь книжников и книжности древней Руси*, 3: XVII век, 1, С.-Петербург, 1992, 128–131.

Кочегаров 2008

Кочегаров К. А., *Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о вечном мире*, Москва, 2008.

——— 2012

Кочегаров К. А., Борьба боярских группировок вокруг планов женитьбы царя Петра и русско-польские отношения в 1684–1689 гг., *Россия, Польша, Германия в европейской политике: исторический опыт взаимодействия и императивы сотрудничества*, Москва, 2012, 45–88.

Лавров 1999а

Лавров А. С., *Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг.*, Москва, 1999.

——— 1999б

Лавров А. С., Политическая борьба в России 1680-х годов в донесениях Хильдебрандта фон Горна (Источниковедческие заметки), *Вестник СПбГУ. Серия 2: История. Языкознание. Литературоведение*, 3 (16), 1999, 15–23.

Лермонтова 1912

Лермонтова Е., Самодержавие царевны Софьи Алексеевны, по неизданным документам. (Из переписки, возбужденной графом Паниным), *Русская старина*, Февраль, 1912, 425–445.

Международные связи 1966

Международные связи России в XVII – XVIII вв. (экономика, политика и культура). Сборник статей, Л. Г. Бескровный, отв. ред., Москва, 1966.

Погодин 1875

Погодин М. П., *Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. 1672–1689*, Москва, 1875.

Поссельт 1871

Поссельт М., *Генерал и адмирал Франц Яковлевич Лефорт: [Его жизнь и его время]: по соч. Морица Поссельта «Der General und Admiral Franz Lefort: Sein Leben und seine Zeit»*, излож. Я. Турунов, С.-Петербург, 1871.

РБС 1914

Русский биографический словарь, С.-Петербург, 1914.

Сазонова 2006

Сазонова Л. И., *Литературная культура России. Раннее Новое время*, Москва, 2006.

Седов 2008

Седов П. В., *Закат московского царства. Царский двор конца XVII века*, С.-Петербург, 2008.

Словарь книжников 1992

Словарь книжников и книжности Древней Руси, 3: XVII век, 1, С.-Петербург, 1992.

Устрялов 1858

Устрялов Н., *История царствования Петра Великого*, 1: Господство Царевны Софии, С.-Петербург, 1858.

Форстен 1899

Форстен Г. В., *Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648–1700)*, С.-Петербург, 1899.

— 1904

Форстен Г. В., Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII века, *Журнал министерства Народного просвещения*, 356, Ноябрь, 1904, 67–101.

Харлампович 1914

Харлампович К. В., *Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь*, 1, Казань, 1914 [Репр.: The Hague, Paris, 1968].

Шмурло 1896

Шмурло Е. Ф., Падение царевны Софьи, *Журнал министерства Народного просвещения*, 303, Январь, 1896, 7, 76–133.

Birgegård 1985

Birgegård U., *Johan Gabriel Sparwenfeld and the Lexicon Slavonicum. His Contribution to 17th Century Slavonic Lexicography*, Uppsala, 1985.

Bushkovitch 2001

Bushkovitch P., *Peter the Great. The Struggle for Power, 1671–1725*, Cambridge, 2001.

Crummey 1983

Crummey R. O., *Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia, 1613–1689*, Princeton, 1983.

DBL 1–19

Dansk biografisk Lexikon, tillige omfattende Norge for tidsrummet 1537–1814, 1 udgave af C. F. Bricka, Gyldendal, 1887–1905.

Dumschat 2006

Dumschat S., *Ausländische Mediziner im Moskauer Russland*, Stuttgart, 2006.

Hughes 1984

Hughes L., *Russia and the West, the Life of a Seventeenth-Century Westernizer, Prince Vasily Vasil'evich Golitsyn (1643–1714)*, Newtonville, 1984.

— 1990

Hughes L., *Sophia, Regent of Russia: 1657–1704*, New Haven and London, 1990.

Jacobowsky 1932

Jacobowsky C. V., J. G. Sparwenfeld. *Bidrag till en biografi*, Stockholm, 1932.

Lossky 1964

Lossky A., La Piquetière's Projected Mission to Moscow in 1682 and the Swedish Policy of Louis XIV, A. D. Ferguson, A. Levin, eds., *Essays in Russian History: a Collection Dedicated to George Vernadsky*, Hamden, 1964, 71–106.

O'Brien 1952

O'Brien C. B., *Russia under Two Tsars 1682–1689. The Regency of Sophia Alekseevna*, Berkeley, Los Angeles, 1952.

Zernack 1958

Zernack K., *Studien zu den schwedisch-russischen Beziehungen in der 2. Hälfte des 17. Jahrhunderts, 1: Die diplomatischen Beziehungen zwischen Schweden und Moskau von 1675 bis 1689*, Gießen, 1958.

References

- Belov M. I., Pis'ma Joganna fan Kellera v sobranii niderlandskikh diplomaticheskikh dokumentov, *Trudy Leningradskogo otdeleniia Instituta istorii Akademii nauk SSSR, 7: Issledovaniia po istochnikovedeniiu otechestvennoi istorii*, Moscow, Leningrad, 1964.
- Birgegård U., ed., transl., *Sparwenfeld's Diary of a Journey to Russia 1684–1687* (= Slavica Suecana. Series A. Publications, 1), Stockholm, 2002.
- Birgegård U., *Johan Gabriel Sparwenfeld and the Lexicon Slavonicum. His Contribution to 17th Century Slavonic Lexicography*, Uppsala, 1985.
- Birgegård, U., Stradaniia posol'skie. Sparvenfel'd i posol'stvo 1684 goda, A. Savitskaya, transl., *Serebrianye dary pravitelei Shvetsii rossiiskim gosudarium v XVII veke*, S. Silverstolpe, A. Kudriavtseva, I. Zagorodniaia, eds., Stockholm, 2014.
- Bulanin D. M., Negrebetskii Pavel, *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3: XVII vek, 4: T–Ya, *Dopolneniia*, St. Petersburg, 2004, 498–500.
- Bushkovitch P., *Peter the Great. The Struggle for Power, 1671–1725*, Cambridge, 2001.
- Crummey R. O., *Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia, 1613–1689*, Princeton, 1983.
- Dumschat S., *Ausländische Mediziner im Moskauer Russland*, Stuttgart, 2006.
- Gorfunkel A. H., Belobotskii Ian (Andrei Khristoforovich), *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3: XVII vek, 1, St. Petersburg, 1992, 128–131.
- Hughes L., *Russia and the West, the Life of a Seventeenth-Century Westernizer, Prince Vasily Vasil'evich Golitsyn (1643–1714)*, Newtonville, 1984.
- Hughes L., *Sophia, Regent of Russia: 1657–1704*, New Haven and London, 1990.
- Jacobowsky C. V., J. G. Sparwenfeld. *Bidrag till en biografi*, Stockholm, 1932.
- Kochegarov K. A., Bor'ba boiarskikh gruppirovok vokrug planov zhenit'by tsaria Petra i russkopol'skie otnosheniia v 1684–1689 gg., *Rossia, Pol'sha, Germaniia v evropeiskoi politike: istoricheskii opyt vzaimodeistviia i imperativy sotrudnichestva*, Moscow, 2012, 45–88.
- Kochegarov K. A., *Rech' Pospolitaia i Rossia v 1680–1686 godakh. Zakliuchenie dogovora o vechnom mire*, Moscow, 2008.
- Lapteva L. P., introd., publ., Shleissinger G. A., Rasskaz ochevidtsa o zhizni Moskovii kontsa XVII veka, *Voprosy istorii*, 1, 1970, 103–126.
- Lavrov A. S., ed., transl., Neuville F. de la, *Zapiski o Moskovii*, Moscow, 1996.
- Lavrov A. S., Politicheskaiia bor'ba v Rossii 1680-kh godov v doneseniakh Khil'debrandta fon Gorna (Istochnikovedcheskie zametki), *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seria 2, Istoria, iazykoznanie, literaturovedenie*, 3 (16), 1999, 15–23.
- Lavrov A. S., *Regentstvo tsarevny Sofii Alekseevny. Sluzhiloe obshchestvo i bor'ba za vlast' v verkhakh Russkogo gosudarstva v 1682–1689 gg.*, Moscow, 1999.
- Lossky A., La Piquetière's Projected Mission to Moscow in 1682 and the Swedish Policy of Louis XIV, A. D. Ferguson, A. Levin, eds., *Essays in Russian History: a Collection Dedicated to George Vernadsky*, Hamden, 1964, 71–106.
- O'Brien C. B., *Russia under Two Tsars 1682–1689. The Regency of Sophia Alekseevna*, Berkeley, Los Angeles, 1952.
- Sazonova L. I., *Literaturnaia kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremia*, Moscow, 2006.
- Sedov P. V., *Zakat moskovskogo tsarstva. Tsarskii dvor kontsa XVII veka*, St. Petersburg, 2008.
- Vozgrin V. E., Istochniki po russko-skandinavskim otnosheniiam XVI–XVIII vekov, *Rukopisnye istochniki po istorii Zapadnoi Evropy v arkhive Leningradskogo otdeleniia Instituta istorii SSSR: Arkheograficheskii sbornik*, Leningrad, 1982.
- Zernack K., *Studien zu den schwedisch-russischen Beziehungen in der 2. Hälfte des 17. Jahrhunderts, 1: Die diplomatischen Beziehungen zwischen Schweden und Moskau von 1675 bis 1689*, Gießen, 1958.

Ulla Birgegård, Fil. Dr., Professor i ryska

Institutionen för moderna språk

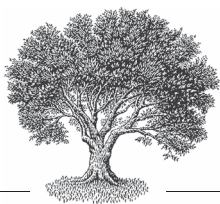
Uppsala universitet

751 26 Uppsala, Engelska parken, Thunbergsvägen 3 L

Sverige / Sweden

ulla.birgegard@moderna.uu.se

Received February 24, 2020

Россия в поисках «исторического Иисуса»: Л. Толстой и Ф. Достоевский vs Д. Ф. Штраус*

**† Георгий Ореханов,
протоиерей**

Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет

Москва, Россия

Алексей Андреев, иерей

Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет

Москва, Россия

Russia's Quest for the "Historical Jesus": Tolstoy and Dostoevsky vs Strauss

**† Protoiereus
Georgy Orekhanov**

Saint Tikhon's Orthodox University
of the Humanities

Moscow, Russia

Iereus Alexey Andreev

Saint Tikhon's Orthodox University
of the Humanities

Moscow, Russia

Резюме

Труды немецкого теолога Давида Фридриха Штрауса и французского библиста Эрнеста Ренана — значимые вехи в становлении научного проекта, известного как «Поиск исторического Иисуса». В рамках «Поиска» исследователи пытались реконструировать жизнь, учение и личность Иисуса из

* Статья подготовлена в рамках проекта «Русская религиозная мысль второй половины 19 — начала 20 в.: проблема немецкого влияния в условиях кризиса духовной культуры» при поддержке Фонда Развития ПСТГУ.

Цитирование: Ореханов Г., прот., Андреев А., иер. Россия в поисках «исторического Иисуса»:

Л. Толстой и Ф. Достоевский vs Д. Ф. Штраус // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 1. С. 261–291.

Citation: Orekhanov G., prot., Andreev A., ier. (2020) Russia's Quest for the "Historical Jesus": Tolstoy and Dostoevsky vs Strauss. *Slověne*, Vol. 9, № 1, p. 261–291.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.1.9

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

Назарета с помощью историко-филологического исследования евангельского текста с позиций строгого позитивизма.

Цель представленной статьи — показать, что работы Штрауса оказали значительное влияние на логику и эволюцию религиозных поисков Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Толстой познакомился с идеями Штрауса в момент напряженных идейных поисков второй половины 1870-х гг., приведших к острому религиозному кризису и отказу от церковного взгляда на христианство. В статье показывается, что писатель в конечном итоге был вынужден отвергнуть идеи Штрауса и Эрнеста Ренана, богословский «реализм новой школы», который Толстой был склонен трактовать как попытку «оправдать» христианство в свете требований буржуазной культуры, для которой, с его точки зрения, центральным становятся понятия «прогресс» и «цивилизация». В то же время некоторые элементы концепции Штрауса были настолько близки Толстому, что можно делать вывод об определенном влиянии идей Штрауса на базовую религиозную концепцию писателя.

Ф. М. Достоевский имел возможность познакомиться с идеями Штрауса еще в кружке Петрашевского. Этот опыт стал и для Достоевского источником глубочайшего жизненного кризиса. С одной стороны, писатель крайне негативно воспринимал идеи, связанные с трудами Штрауса и Ренана, о чем недвусмысленно свидетельствуют поздние записи в «Дневнике писателя». С другой стороны, все художественное творчество Достоевского непосредственно связано с преодолением влияния «штраусовско-ренановского нарратива» и является свидетельством эволюции взглядов писателя на веру и религию.

Ключевые слова

либеральная теология, «исторический Иисус», Д. Ф. Штраус, Э. Ренан, проблема восприятия в России, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, роман «Идиот»

Abstract

The works of theologian David Friedrich Strauss are significant milestones in the development of an academic project known as the "Quest for the Historical Jesus". As part of the Quest, various researchers tried to reconstruct the life, teachings, and personality of Jesus of Nazareth using historical and philological methods, that is, operating from the standpoint of strict positivism.

The purpose of this article is to show that the works of Strauss had a significant impact on the logic and evolution of the religious quests of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoevsky.

Tolstoy became acquainted with Strauss's ideas around the late 1870s, in a period of intensive intellectual search, which eventually led him to an acute religious crisis and rejection of the official church view on Christianity. The article shows that the writer was ultimately compelled to reject the ideas of Strauss and Renan. At the same time, some elements of Strauss's theory were so close to Tolstoy that these ideas had a definite influence on his basic religious conception.

Dostoevsky had the opportunity to become acquainted with the ideas of Strauss in the Petrashevsky Circle. This experience led to a deep life crisis on Dostoevsky's part, too. On the one hand, the writer had a negative view of

ideas associated with the works of Strauss and Renan. On the other hand, all of Dostoevsky's artistic work is directly related to his overcoming the influence of the "Strauss-Renan narrative", which itself is evidence of the evolution of the writer's views on faith and religion.

Keywords

Liberal theology, historical Jesus, David Friedrich Strauss, Ernest Renan, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoevsky, *The Idiot*

«Жизнь Иисуса» Д. Ф. Штрауса

Немецкий теолог Давид Фридрих Штраус (1808–1874) — один из наиболее значительных участников богословского движения XIX в., которое получило в историографии название «поиск исторического Иисуса»¹. Данное течение в новозаветной библеистике зародилось веком раньше, его основателем считают немецкого деиста, профессора восточных языков Гамбургского университета, члена Петербургской академии наук Германа Самуила Реймаруса (1694–1768), автора сочинения «Апология, или в защиту разумных почитателей Бога»². В этой пространной работе, в целом характерной для XVIII в., Реймарус посвящает отдельную главу собственной реконструкции жизни и учения Иисуса из Назарета.

В отличие от своих предшественников, Реймарус полагал, что он может научно доказать неисторичность евангельского повествования об Иисусе Христе и реконструировать то, кем на самом деле был основатель христианства. В своих выводах Реймарус был крайне радикален: Иисус не считал Себя Сыном Божиим, Он был политическим революционером, надеющимся с помощью Своих сторонников свергнуть римских оккупантов и установить традиционное еврейское владычество над Палестиной. Однако Его труды потерпели крах, Он был распят римлянами как бунтарь и умер обычной человеческой смертью. После столь трагической кончины своего Наставника апостолы решили «подкорректировать» провозвестие Иисуса (которое изначально носило исключительно политический характер), сделав из него программу новой мировой религии, открытой как для иудеев, так и для язычников [Reimarus 1970: 64]. После того как Г.Э.Лессинг издал сочинение Реймаруса (сам автор не решался на публикацию столь провокативного текста), в Европе все больше и больше исследователей подключаются к изучению вопроса о том, кем в действительности был Иисус, чему Он

¹ Подробно о данном течении и его современном этапе см.: [Андреев 2016].

² «До Реймаруса никто не пытался взяться за историческую реконструкцию жизни Иисуса» [Schweitzer 1910: 13]. Здесь и далее перевод наш, если не указано иное.

учил и как проходила Его жизнь. Именно так возникает течение «поиск исторического Иисуса».

Все участники данного движения разделяли исходную идею о том, что евангельский текст не вполне точно отображает описываемую в нем историческую действительность. Более консервативные авторы (преимущественно протестантские академические теологи, напр., И. Я. Гесс, И. Г. Гердер) утверждали, что Евангелия лишь в некоторых незначительных аспектах расходятся с реальной историей, в то время как наиболее радикальные исследователи (Б. Бауэр, В. Вреде и проч.) констатировали, что практически все каноническое повествование о Христе является мифом и вымыслом.

В 1835 г. Штраусу исполняется 27 лет. Он уже закончил полный семинарский курс в Тюбингене, «переболел» романтизмом Шеллинга и мистицизмом Бёме, побывал на лекциях Гегеля и Шлейермахера, начал блестящую преподавательскую карьеру в родном теологическом факультете Тюбингенской семинарии³. Однако, прочитав три семестра учебных курсов, он приостанавливает преподавательскую деятельность, чтобы написать свою главную работу раннего периода жизни. Так, в 1835–1836 гг. издается эпохальный двухтомник «Жизнь Иисуса, критически обработанная Д. Ф. Штраусом».

Книга Штрауса за очень короткое время стала весьма популярна во всей Европе, причем не только в академических, но и в широких читательских кругах. О большой востребованности этого издания свидетельствует тот факт, что 27-летняя Мэри Энн Кросс, взявшая впоследствии псевдоним «Джордж Элиот», анонимно издала в 1846 г. английский перевод этого сочинения [Pelikan 1985: 187].

В чем заключался основной замысел книги, ее автор в 1832 г. сообщил в письме своему другу Кристиану Мэрклину. Штраус пишет о том, что он поглощен идеей рассмотреть жизнь Иисуса и что его задача по сути необъятна: отчасти разрушить, отчасти расшатать веру во Христа, но только для того, чтобы ее снова восстановить и реконструировать в более «высоком» виде. Эта реконструкция имеет трехчастную структуру: во-первых, неотесанный супранатурализм или вера в наличие сверхъестественного (*нем. die rohe des Supranaturalismus*), во-вторых, чистый рационализм (*нем. die leere des Rationalismus*) и, наконец, венчает пирамиду истинная наука (*нем. die wahre der Wissenschaft*) [Zwink 2008: 62]. Именно поэтому один из выдающихся немецких исследователей вопроса о «поисках исторического Иисуса» Р. Сленска указывает, что Штраус, всецело посвятив свою работу критике, направил фокус исследования не на «выявление исторического зерна из-под ми-

³ Жизненный путь Штрауса отражен в публикации: [Целлер 2011].

фических напластований», а на тотальную «деструкцию исторического», что было отмечено уже критиками его первого издания [Slenczka 1967: 49].

Таким образом, ясно, что в своей первой книге Штраус полемизирует сразу с двумя группами академических богословов: традиционными теологами (супранатуралистами) и представителями рационалистической теологии. Первые (а это в действительности большинство консервативных современников Штрауса) придерживались традиционного для христианской ортодоксии мнения, что все, написанное в Евангелиях об Иисусе Христе, — действительная историческая правда. Рационалисты (Г. Э. Г. Паулюс, К. А. фон Газе, Ф. Ф. Рейнхард) не могли признать историчность евангельских рассказов о чудесах Иисуса, поскольку это противоречило ньютоно-картезианской парадигме видения мира, принимаемой большинством интеллектуалов эпохи Просвещения.

Штраус хотел преодолеть недостатки, как он полагал, обоих подходов. Критикуя обе эти герменевтические традиции, Штраус вводит центральную для него категорию «мифического» (*нем. das Mythische*). А. М. Каримский, давая характеристику этому важному для Штрауса концепту, указывает, что философ

оперирует понятием мифического для обозначения как собственно мифического, так и мифологического. Мифическое относится ко всем сверхъестественным характеристикам природы и деятельности Иисуса. Мифологическое обозначает, с одной стороны, механизм экстраполяции мифических моментов Ветхого завета на псевдоисторические реалии Нового завета (прежде всего, перенесение мессианских ожиданий иудаизма на личность Иисуса), с другой — интерпретацию евангелической истории (следовательно, становление самого христианского вероучения) в свете принципов такого механизма [Каримский 1992: 14].

Джеймс Данн так описывает «миф» в понимании Штрауса:

Штраус расширил содержание термина «миф», применив его ко всем чудесам Евангелий [...] Для него миф стал выражением идеи. Идея воплощается не в историческом событии, а в повествовании. В Евангелиях такой идеей или убеждением является мессианство Иисуса. Рассказ становится средством передачи этой идеи [Данн 2001: 24].

Другими словами, с точки зрения Штрауса, евангельские тексты, изобилующие повествованиями о сверхъестественных событиях, — это не корректные описания реальной истории (традиционный церковный взгляд), это не превратные описания реальной истории (взгляд рационалистов), это и не заведомо ложные вымыслы (взгляд сторонников

просветительской «теории обмана» и отчасти Реймаруса). По Штраусу, это результат спонтанного, неосознанного мифотворчества раннехристианской общины, которая интерпретировала жизнь и учение Иисуса в категориях и образах ветхозаветной традиции, прежде всего мессианских пророчеств.

В последующих изданиях «Жизни Иисуса» Штраус указывал, что в первом издании этой книги он «выдвинул понятие мифа в качестве ключа к пониманию евангельских рассказов о чудесах и иных неисторических моментов», так как современному человеку, воспитанному на идеях Просвещения, невозможно признать естественными чудеса, описанные в Евангелиях, а значит, соответствующие места Евангелий есть художественный вымысел, ориентированный на ветхозаветные пророчества и мессианские ожидания. Именно поэтому первая христианская община «могла, и даже обязательно должна была, создавать мифические рассказы об Иисусе, бессознательно их измышляя» [Штраус 1992: 139, 141].

С точки зрения Штрауса, исторический Иисус не был Богом, Он не мог совершать никаких чудес, поскольку чудеса невозможны как таковые. При этом Штраус не был атеистом, однако мыслил Бога как абстрактный абсолют. Этот Бог-абсолют проявляется в мире посредством коллективной человеческой деятельности, Он «выражает свое богатство среди множества индивидов, которые взаимно дополняют друг друга» [Strauß 1836: 734]. Фактически уже в поздних изданиях своей первой книги, а также в сочинении догматического характера «Christliche Glaubenslehre» (1840–1841) Штраус, подвергая критике христианскую церковную догматику, переходит на позиции пантеизма, отрицая божественное достоинство Христа, но не Божественное начало в мире, которое есть бытие во всем бытийствующем — нем. «das Sein in allem Dasein», жизнь во всем живом — нем. «das Leben in allem Lebendigen», нравственный мировой порядок — нем. «sittliche Weltordnung», дух во всех духах — нем. «Geist in allen Geistern», мышление во всех мыслящих — нем. «das Denken in allen Denkenden» [Strauß 1841: 400].

Для Штрауса исторический Иисус — это наиболее полное воплощение Бога в человеке, полное, но не абсолютное. Штраус подчеркивал идею человеческого совершенства, которая «облекается в разные формы у разных народов в зависимости от естественных условий и исторических отношений и прогрессирует или развивается в самом процессе истории», причем «в ряду подобных разработчиков человеческого идеала одно из первых мест в любом случае занимал Иисус», который

сообщил идеалу некоторые новые черты, которые ранее в нем отсутствовали или были недостаточно развиты [...] придав ему религиозную окраску, он

сообщил ему характер высокого священного авторитета, а воплотив его в своем лице, он оживил его, и учрежденная им религиозная община насадила этот идеал во всем человечестве.

При этом, однако, на пути создания мифа о совершенном человеке Христос «был ни первым, ни последним деятелем», но имел предшественников и преемников, «которые продолжали развивать идеальный прототип человека, дополняя его и сглаживая в нем противоречивые черты» [Штраус 1992: 491].

Книга Штрауса, изначально запланированная для узкого круга библеистов и теологов, вызвала огромную волну критики со стороны самого широкого круга читателей. В критике Штрауса к протестантам примкнули немецкие католики, а позднее и французские. Помимо обвинений в подрыве основ вероучения, исходящих преимущественно от представителей клира и теологов, Штрауса критиковали и его коллеги по академической науке, в том числе и учитель самого Штрауса и основатель «тюбингенской школы» богословия Ф. К. Баур. Последний справедливо указывал, что в работе Штрауса преобладает «негативная» критика — автор показывает, что в евангельских повествованиях не является историей, в то время как «позитивного» портрета исторического Иисуса не предоставляет [Baur 1847; Ullmann 1836: 772].

Из-за шквала обвинений в подрыве учения Церкви Штрауса лишили преподавательской должности в Тюбингене. В 1837 г. он издает три сборника «Полемических заметок», в которых пытается ответить на критику. Однако на следующий год немецкий профессор понимает, что не в силах противостоять столь широкому фронту оппонентов. В 1838 г. выходит новое издание «Жизни Иисуса», в котором автор смягчает свои выводы⁴. В 1840 г. исследователь все же решает не отступать от своих первоначальных позиций, и выходит последнее — четвертое — прижизненное издание без правок.

После этого Штраус отходит от богословской работы на 25 лет: занимается политикой, пишет литературоведческие статьи, рецензии, работы о музыке и т. п. Однако в 1863 г. в Европе происходит еще одно знаменательное событие — выходит в свет «Жизнь Иисуса» французского библеиста и археолога Эрнеста Ренана. Замыслом Ренана было пересказать евангельскую историю об Иисусе в такой форме, которая была бы понятна современному европейцу. Ренан, чей литературный талант был по праву оценен и современниками, и более поздними критиками, смог настолько искусно перефразировать евангельское повествование,

⁴ Это третье по счету издание. Второе издание 1836 г. копировало первое без изменений. Всего за четыре года «Жизнь Иисуса, критически обработанная Д. Ф. Штраусом» была издана четыре раза, что, безусловно, свидетельствует о чрезвычайной популярности данного сочинения.

что во второй половине XIX в. практически каждый образованный европеец читал или хотя бы знал этот труд.

Вероятно, завидуя успеху французского коллеги, чей труд вызвал скорее всеобщее одобрение, чем критику, Штраус решает «написать для немцев такую книгу, какую написал для французов Ренан» [Штраус 1992: 30]. Так в 1864 г. появляется «Жизнь Иисуса, обработанная для немецкого народа». В реальности, это на треть уменьшенная версия изначальной «Жизни Иисуса» Штрауса, написанная более простым языком и без отсылок к узкоспециальным вопросам библеистики. Именно эта книга в 1907 г. была переведена на русский язык и вышла в издательстве «Мысль» (Лейпциг — Санкт-Петербург).

В 1872 г. выходит в свет «Старая и новая вера» — наиболее значительное из поздних работ Штрауса богословское сочинение (первый русский перевод — 1906 г.). В этой книге Штраус окончательно декларирует, что ни идея Бога как Личности, ни вечная жизнь уже не могут занимать устойчивого положения в мировоззрении современного образованного европейца. Христианская религия еще возможна, но только в виде пантеистической убежденности в возможности «высшего» развития мира. Источником всего «доброе и разумное» является Универсум:

Ни на минуту не забывай, что ты и все то, что ты находишь внутри и вокруг себя, все, что делается с тобой и другими, все это не бессвязные обрубки, не дикий хаос атомов и случайностей, а единое целое, вытекающее из одного единого первоисточника всей жизни, всего разумного и доброго — вот сущность всей религии [Штраус 2011: 94].

«Новая вера» Штрауса есть, таким образом, очередной манифест неогуманизма, в котором религия — это ощущение зависимости от Универсума-Вселенной, вместилища всего доброго и разумного, и стремление к постоянному самоусовершенствованию и овладению этим разумным и добрым.

Работы Давида Фридриха Штрауса, в первую очередь «Жизнь Иисуса», оказали влияние на многих интеллектуалов XIX в. Достаточно упомянуть только два имени. В 1873 г. Ф. Ницше напишет работу «Давид Штраус в роли исповедника и писателя», а в 1885 г. так ответится о немецком теологе: «Далеко то время, когда я, подобно всякому молодому ученому, с благоразумной медлительностью утонченного философа смаковал произведения несравненного Штрауса» [Ницше 2009: 84]. Чтение Штрауса было важным событием в жизни Ф. Энгельса: «Благодаря Штраусу я нахожусь теперь на прямом пути к гегельянству» [Маркс, Энгельс 1965: 333]. В целом, можно констатировать, что именно работы Штрауса определили основное направление развития академического

проекта «поиска исторического Иисуса», его исследовательские интуиции до сих пор актуализируются современными библеистами.

Однако влияние Штрауса на интеллектуальную среду XIX в. было намного шире. Одна из областей, где это влияние явно прослеживается, — русская классическая литература.

Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский и Д. Ф. Штраус:
постановка проблемы

Сочинение Д. Ф. Штрауса «Жизнь Иисуса» практически сразу после своего выхода получила распространение среди русских интеллектуалов в немецком подлиннике и французском переводе. Конечно, мимо этого явления не могли пройти и великие русские писатели — Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский⁵, причем в контексте всеобщего увлечения гегельянством, которое царило в России в 1840-е — 1850-е гг. [Орвин 2006: 21–22].

В связи с этим следует указать на весьма важный исследовательский пробел. Насколько нам известно, ни в отечественной, ни в зарубежной научной литературе по-настоящему серьезно не ставился до сих пор вопрос о сравнительном анализе восприятия двумя выдающимися русскими писателями тех или иных представителей либеральной теологии XIX в. В отношении Штрауса и Ренана, безусловно, самых известных и широко популярных в Европе представителей этой научной школы, подобная лакуна затрудняет ответ на ряд принципиальных вопросов, связанных с эволюцией религиозных взглядов Толстого и Достоевского, отражением взглядов на религию в их художественном и публицистическом творчестве, наконец, существенными отличиями в их отношении к христианской традиции в целом и православию в частности.

Однако вопрос о влиянии идей Д. Ф. Штрауса на русскую культуру осложняется двумя обстоятельствами.

Во-первых, исследователи, занимающиеся изучением этого влияния, не всегда отдают себе отчет в том, что следует учитывать разницу между «ранним» и «поздним» Штраусом, о которой шла речь выше. Игнорирование этого обстоятельства приводит к значительной исторической аберрации. В качестве примера укажем на то обстоятельство,

⁵ В данной статье все цитаты из произведений Ф. М. Достоевского даются по изданию: [Достоевский 1972–1990]. В скобках после буквы «Д» римскими цифрами и точки дается номер цитируемого тома, после двоеточия арабскими цифрами — номер цитируемой страницы. Все цитаты из произведений Л. Н. Толстого даются по изданию: [Толстой 1928–1958]. В скобках после буквы «Т» римскими цифрами и точки дается номер тома, после двоеточия арабскими цифрами — номер цитируемой страницы. Все выделения курсивом в цитатах принадлежит автору цитируемого текста, курсив в тексте статьи принадлежит ее авторам.

что Достоевский, как будет сказано ниже, уже в молодости познакомился с первым изданием книги Штрауса, которое имелось в библиотеке Петрашевского, и вряд ли знал работу «Старая и новая вера» — никаких следов такого знакомства в сочинениях Достоевского мы не находим. Толстой же в период рождения большого интереса к религиозным вопросам познакомился с обеими книгами Штрауса⁶.

Во-вторых, следует учитывать различия между Штраусом и Ренаном. Об этом уже шла речь выше, но здесь еще раз подчеркнем то важное, что имеет непосредственное отношение к творчеству двух выдающихся русских писателей.

Конечно, оба библеиста преследовали одну и ту же цель — пытались на основании научных данных понять, где и в чем евангелисты и церковная традиция исказили, с их точки зрения, образ исторического Иисуса. Именно поэтому в России Ренан и Штраус практически всегда выступают в тандеме: это исследователи, переосмысляющие евангельский рассказ об Иисусе на основании неких внешних научных данных (хотя гипотезы обоих авторов не лишены мировоззренческой обусловленности).

Но их книги, посвященные «жизни Иисуса», разделяет временной промежуток более чем в двадцать лет. Эти авторы принадлежали к разным научным школам. По своему психологическому складу, по манере изложения материала это разные авторы.

Штраус — типичный немецкий профессор-теолог, работающий в русле определенной традиции, для него главной составляющей метода является критика источников и выверенная аргументация. Его гипотезы основываются на филологическом и историческом анализе (весьма фундаментальном для его времени) и обладают четкой логикой. Из-за этого все труды Штрауса по библеистике весьма сложны для понимания со стороны неподготовленного читателя.

В отличие от Штрауса, Ренан, также прошедший академическую школу и бывший известным исследователем в области библейских древностей, в своем творчестве — в большей степени литератор, обращающий внимание на то, что для немецкого автора является вторичным — на природу, характеры, психологические характеристики евангельских персонажей. Ренан основывает свой рассказ об историческом Иисусе преимущественно на собственных впечатлениях и талантливых в литературном отношении образах, в этом смысле он менее связан с академи-

⁶ Это однозначно следует из письма Толстого Н. Н. Страхову от 26–27 ноября 1877 г., в котором первый указывает, что «желал бы знать Страуса — не Жизнь Христа, а последнюю, где он, как помнится, предлагает новую религию» [Донсков, Громова, Никифорова 2003: 379].

ческой традицией (хотя и хорошо с ней знаком). Свою работу он пишет на основании впечатлений от экспедиции на Святую Землю, где участвует в раскопках.

Ренан сделал свою книгу об Иисусе интересной для простого читателя, щедро добавив туда сентиментальных отступлений и живописных зарисовок. По стилистике авторы очень отличаются. С точки зрения строгой научности, гипотезы об историческом Иисусе Ренана намного более слабы и непродуманы. Однако благодаря литературному таланту книга Ренана становится бестселлером.

Таким образом, в общем контексте XIX в. Штраус и Ренан — «равноположные» авторы. Такими они наверняка виделись большинству их русских читателей. Многие отечественные исследователи это прекрасно понимали и понимают. К их числу следует отнести Е. И. Кийко [Кийко 1980: 106–107], К. А. Степаняна [Степанян 2003: 144–145], Н. М. Перлину [Перлина 2017: 124, 141].

Идеи Д. Ф. Штрауса, и в частности его книга «Жизнь Иисуса», стали тем важным аспектом, в котором очень хорошо видна разница в подходах к христианской традиции и ее критике в России и Европе [Орекханов 2016: 180–193]. Примечательно, что сочинение Штрауса в 1836 г. было безусловно запрещено в России Комитетом иностранной цензуры, причем в качестве обоснования такого шага высказывалась мысль, что автор книги «потрясает христианскую веру в самых ее основаниях и уничтожает не только догматическую, но и историческую оной сторону» [Трапезников 1925: 196].

Л. Н. Толстой и Д. Ф. Штраус

В ноябре 1877 г., в самый разгар размышлений, приведших писателя к решению разорвать отношения с Церковью, в переписке с Н. Н. Страховым Л. Н. Толстой просит последнего порекомендовать книги «о религии» и далее ставит самый принципиальный для себя вопрос: «Есть ли в философии какое-нибудь определение религии, веры, кроме того, что это есть предрассудок? И какая есть форма самого очищенного христианства? Вот в неопределенной форме те два вопроса, на которые я желал бы найти ответы в книгах» [Донсков, Громова, Никифорова 2003: 379]. В следующем письме, по поводу статьи В. С. Соловьева «Критика отвлеченных начал», этот вопрос еще больше конкретизируется в направлении, которое можно условно назвать философско-религиоведческим: «Что такое божественное? Что это за знание или мышление, при котором предполагается Бог, и что такое Бог?» [Ibid.: 385].

С точки зрения истории генезиса религиозных представлений Толстого очень важен еще один источник. Это черновой отрывок, озаглав-

ленный «Собеседники» и датированный 1877–1878 гг. В нем писатель попытался представить себе диалог сторонников очень разных взглядов на религию и подходов к ней. Данный отрывок крайне примечателен, особенно запись от 20 декабря 1878 г. с вопросом «Что такое вера-религия?» и дальнейшими вопросами некоего К., суть которых сводится к попытке отделить веру от других видов знания [Толстой, 17: 369, 372]. Ответ самого писателя на эти вопросы заключается в том, что «вера-религия» есть фактически религиозный опыт, являющийся одной из форм постижения реальности. Нужно признать полную справедливость слов Х. МакЛина, который подчеркивает, что отношение Толстого к Штраусу (как и к Ренану) было столь же критическим, как и отношение к трудам известного православного богослова, митрополита Макария (Булгакова), догматическую систему которого писатель подверг очень негативно окрашенному анализу. Эта критичность, которая проявилась очень рано, еще в период подготовки «Войны и мира», была связана с общим недоверием писателя к тем представителям позитивизма, которые сложную оппозицию «свобода — необходимость» были склонны трактовать слишком прямолинейно [Толстой, 15: 241–242]. Х. МакЛин подчеркивает, что уже в этом отрывке Штраус и Ренан стоят рядом, причем во множественном числе [McLean 2008: 120, Medzhibovskaya 2008: 187–188].

Действительно, формула «ивановско-штраусовско-ренановский» станет для Л. Толстого маркером «реализма новой школы», который превращает Христа в «революционера или мудреца», как, например, в «Анне Карениной», где речь идет о живописи [Толстой, 19: 34]. Эта же формула присутствует и в трактате «В чем моя вера?», где «Штраусы, Ренаны и другие» охарактеризованы как «неверующие, свободные толкователи учения Христа», которое, с их точки зрения, «не имеет никакого прямого приложения к жизни, а есть мечтательное учение, утешающее слабоумных людей» [Толстой, 23: 330].

Уже в этом отрывке выявляется главная претензия, которую Толстой предъявляет представителям школы либерального богословия. Для них, с точки зрения писателя, ценность представляет не учение Христа, которое так важно для самого Толстого, а буржуазная культура, которая может мириться только с тем из этого учения, «что не нарушает этой жизни» [Толстой, 23: 330].

Именно поэтому существует важная грань, которая отличает Толстого от свободомыслящих богословов его времени. Это уверенность в значимости и обостренной актуальности учения Христа, в его способность менять мир, в первую очередь в сторону неприятия любых форм насилия. Именно в этом главная причина парадоксального, на первый

взгляд, неприятия Толстым «ивановско-штраусовско-ренановского» дискурса, который, с точки зрения писателя, абсолютно индифферентен по отношению к социальным реформам [McLean 2008: 122].

Отношение Толстого к Штраусу основывалось на критическом взгляде писателя на «большинство научных людей», которые рассматривают высшее, божеское «жизненное нравственное учение Христа с низшей точки зрения общественного непонимания». Представители такого подхода в своей критике религии делают акцент на ее профессиональном характере и обрушиваются на те или иные особенности традиционных подходов «в католичестве, протестантстве, догматах, борьбе с светской властью», т. е., по мысли Толстого, к чему-то внешнему, что не затрагивает фундамента религии. В результате эти люди не понимают «смысла речей Христа» и того, к чему и зачем они сказаны. Более того, авторы этого направления совершают значимую подмену: по чувству культурной снисходительности они поправляют Христа, предполагая, «что Христос хотел сказать то самое, что они думают, но не сумел этого сделать». К таким авторам Толстой относит, наряду с О. Контом, Г. Спенсером, Ренаном, и Д. Ф. Штрауса [Толстой, 28: 71].

В своих произведениях Штраус подчеркивал роль разума в жизни человека XIX в., разума, без контроля которого никакая религия, с его точки зрения, не может иметь прямого отношения к действительности и человеческой повседневности. В особенной степени это относилось к учению Христа, которого Штраус был склонен толковать как своеобразного мечтателя, учение которого никак не может быть связано с практической жизнью. В этой связи примечательно, что в своей «Жизни Иисуса» Штраус ставил под сомнение не только данные синоптиков о биографии Христа, но и достоверность происхождения его проповедей, то есть его моральное учение. В то же время Штраус полагал, что только последнее может иметь какую-то ценность для современного человека, правда, не безусловную, так как и мораль Христа несет на себе печать своеобразной мечтательности⁷.

Этот тезис не мог вызвать сочувствия Толстого. С точки зрения писателя, любые попытки реконструкции аутентичной «жизни Иисуса», которые проделываются вне главного контекста — Учения Христа — излишни и даже бессмысленны. Кроме того, писателя в целом не удовлетворяла секулярная трактовка образа Христа, которая присутствует в произведениях Штрауса и Ренана. Показательно, что в апреле 1878 г., в момент напряженных поисков смысла и религиозной оправданности жизни, Толстой указывает в письме Н. Н. Страхову, своему главному доверенному лицу в это время, что говее, читает Евангелие и Ренана,

⁷ См. подробнее: [Philipp 1959: 59].

который его совершенно не удовлетворяет тем, что позитивистски настойчиво подчеркивает значение чисто человеческих проявлений природы Христа и не видит в Нем больше ничего: «Нравственную истину можно и должно изучать, и конца ее изучения нет, но это изучение идет вглубь, как и ведут его люди религиозные, а это детская, пошлая и подлая шалость» [Донсков, Громова, Никифорова 2003, 429–430]⁸.

Прояснить, в чем, собственно, заключалась претензия Толстого именно к Штраусу, помогает дневниковая запись, сделанная 1 февраля 1878 г.: «Страуса заключение. — Христос не полный идеал, потому что не вносит *семьи, государства, искусства, ремесла*. — А полный идеал религии это прогресс. Это уже решено» [Толстой 48: 349; здесь и далее в цитатах курсив Толстого и Достоевского, если не указано иное. — Г. О., А. А.]. С точки зрения Л. Толстого, главная проблема новых критиков христианства заключается в том, что для них большой ценностью является именно отношение к цивилизации: «Штраус критикует все учение Христа, потому что жизнь немецкая расстроится, а он к ней привык» [Толстой, 24: 406]. Именно в этом, с точки зрения Толстого, главная слабость аргументов Штрауса и подобных ему авторов, которые относятся к учению Христа избирательно, фактически провозглашая, что современная цивилизация представляет собой не менее ценное приобретение прогресса:

Учению этому нельзя следовать немножко: они сами говорят, что оно — истина. Если же оно истина, то истины немножко не может быть — истина или ложь. Для того, чтобы понимать истину немножко, надо уже совсем одуреть, как одурели люди мнимой науки: Ренан, Штраус, Баур, Рейс и все риторически рассматривающие религию [Толстой, 24: 403].

В таком отношении к немецкому богослову заключается своеобразный парадокс. Действительно, в своей критике Штрауса русский писатель близко подходит к взглядам Ф. Ницше, который в августе 1873 г. выпустил резкий сатирический памфлет «Давид Штраус в роли исповедника и писателя». В нем, апеллируя в первую очередь к «Старой и новой вере», Ницше представил Штрауса типичным прусским филистером,

⁸ Ренан появится приблизительно в это же время совсем в другом по жанру тексте Толстого: это предварительные варианты «Анны Карениной», где речь идет о религиозных размышлениях героини и ее противодействии «смешному, ненужному обману», развеянному чтением Ренана [Толстой, 20: 547]. Обратим внимание на один примечательный момент. Ренан к тому времени стал уже столь популярен, что интеллектуалы, интересующиеся вопросами религии, похоже, без него не обходились при чтении Евангелия. В подготовительных материалах к «Идиоту» Ф. М. Достоевского эта мысль также подчеркивается: «В Швейцарии — мы там часто Евангелие читали, и я после книги Ренана доктора спросил про крест» [Достоевской, 9: 183].

пытающимся построить на зыбких, прогнивших культурно-этических основаниях новое религиозное здание.

В то же время важно подчеркнуть, что многое в концепции Штрауса было Толстому близко настолько, что мы имеем право говорить о влиянии немецкого богослова на формирование базовой религиозной концепции писателя. Это в первую очередь критика догматического христианства и любых аспектов конфессиональности, неприятие нетолерантности «исторических Церквей» к своим оппонентам и, наоборот, подчеркивание исключительного значения морального учения Христа. Некоторые конкретные идеи Толстого очень близки концептуальным построениям Штрауса. Например, это относится к категории «Сын», которая Толстым интерпретируется в дневнике 1884 г. как собирательная: неверно утверждать, что «Сын» полностью тождественен со Христом, так как «сыновство» «выражается вечно и выразится только во всем человечестве» [Толстой, 49: 100]. Именно поэтому позднее, в трактате «О жизни» (1887), евангельский «глас Сына Божия» Толстой интерпретирует, в соответствии со своим учением, как «голос всего разумного сознания человечества, который высказывается и в каждом отдельном человеке, и в лучших людях человечества» [Толстой, 16: 439].

Ф. М. Достоевский и Штраус

Комментаторы 30-томного полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского отмечали, что уже в своих ранних произведениях, созданных до печальных событий 1849 г., писатель стремился дать отклик на важнейшие идейные споры своего времени. Характерно, что в повести «Хозяйка» (опубл. в 1847) главный герой Ордынов пишет сочинение по истории Церкви, стараясь создать оригинальную и самобытную систему и тем самым реагируя на вызовы эпохи [Достоевский, 1: 508].

Такой вывод не случаен. Еще в кружке М. В. Петрашевского, как показала Ф. Г. Никитина, Достоевский узнал о взглядах И. В. Ф. Гегеля и его последователей на личность Христа, причем, что немаловажно, в прямой связи с идеями христианского социализма, нашедшего яркое выражение в работах таких французских теоретиков этого движения, как Этьен Кабе, Пьер Леру (с его принципами «Любите Христа в вас и в других» и «Ваше спасение не на небе, а на земле») и, наконец, аббат Фелисите Робер де Ламенне [Никитина 2004; Eidem 2005].

В библиотеке Петрашевского имелись немецкое и французское издания Штрауса, причем исследователями было точно установлено, что Достоевский брал французский перевод этой книги для чтения в 1847 г. Более того, уже давно было высказано предположение, что именно чтение Штрауса натолкнуло писателя на создание философско-сим-

волического толкования евангельского эпизода о трех искушениях Христа в пустыне. Элементы такого толкования присутствуют в подготовительных материалах к «Бесам» и «Подростку», а в более развернутом виде оно включено в «Легенду о Великом инквизиторе» (см. комментарий к роману «Братья Карамазовы»: [Достоевский, 15: 465])⁹. Более того, в 1929 г. И. И. Лапшин высказал идею, что именно чтение Штрауса натолкнуло Достоевского (как и В. С. Соловьева, причем, возможно, не без влияния Достоевского) на символическое толкование судьбы христианства как реализации в истории трех евангельских искушений. Причем у Достоевского прямо присутствует утверждение, что Католическая Церковь этих искушений не выдержала [Лапшин 1990: 374–377].

В кружках В. Г. Белинского и Петрашевского книге Штрауса придавалось такое большое значение, что один из видных петрашевцев, И. М. Дебу, даже попытался сделать конспект ее первого издания, преследуя при этом совершенно определенную цель — отделить «главное» от «второстепенного», «реальное» от «фантастического», «научное» от «ненаучного». Ф. Г. Никитина высказывает предположение, что подвигнуть Дебу на составление подобного конспекта мог совершенно определенный эпизод — чтение Достоевским 15 апреля 1849 г. на «пятнице» Петрашевского письма Белинского Н. В. Гоголю [Никитина 2004: 141–142]. Сам Достоевский вспоминал в связи с вопросом о круге авторов, оказавших влияние на Белинского, что на вечерах Белинского «о Штраусе говорилось с благоговением» [Достоевский, 21: 11].

Следует признать очень точным вывод К. А. Степаняна: книги из библиотеки Петрашевского стали для молодого Достоевского источником глубокого жизненного кризиса, «мистического ужаса», преодоленного уже только после ареста [Степанян 2003: 156]. Это действительно «гуманистическая тревога», которая «ищет себе обоснования в религии», ««мечтательная» религия гуманизма» [Комарович 2018: 195, 231].

Анализируя поздние записи в «Дневнике писателя», можно утверждать, что в зрелые годы Достоевский относился к радикальным тенденциям западной мысли, в том числе и богословской, с глубоким неприятием. Одной из причин такого отношения было опасение слишком большой популярности произведений европейских корифеев 1840–60-х гг. XIX в. у русской молодежи, «интеллигентной, горячей и учащейся», способность к самостоятельности и творчеству. С точки зрения писателя, уже в начале жизненного пути молодые люди сталкиваются с произведениями Штрауса, Ч. Дарвина и других популярных авторов, при том, что Штраус «ненавидит Христа и поставил осмеяние и оплева-

⁹ См. также: [Никитина 2004: 133–142].

ние христианства целью всей своей жизни» [Достоевский, 21: 132]. При этом цензура, запрещавшая в России книги подобного содержания, не достигала своей цели, ибо «каждая запрещенная мысль тотчас же, чуть запрещена, ставится на пьедестал самими же запретителями. Не запрещали бы Страуса и Ренана, и кто бы знал про них у нас, например?» [Достоевский, 24: 95].

Проблема восприятия либерального протестантизма в творчестве Достоевского нашла яркое выражение в дискуссии об одном из самых загадочных произведений писателя — романе «Идиот». Вышедший в 2001 г. сборник статей «Роман “Идиот”: современное состояние изучения» демонстрирует разброс мнений практически по каждому вопросу. Как нужно воспринимать личность главного героя романа? Является ли роман репликой его автора на вышедшую незадолго до публикации «Идиота» книгу Ренана «Жизнь Иисуса»? Почему так радикально меняется образ главного героя в ходе развития сюжета? Что значит запись «Князь Христос» в подготовительных материалах романа [Достоевский, 9: 246, 249, 253], которая, по мысли С. Г. Бочарова, осталась «утаенной и проблематичной» [Бочаров 2001: 131]? Эти и другие подобные вопросы разделили исследователей даже не на два, а на гораздо большее количество лагерей.

Следует подчеркнуть, что некоторые авторы, говоря о сложной проблематике «Идиота», ставят вопрос о влиянии на Достоевского идей Ренана, главная книга которого появилась незадолго до издания первых глав романа. Учитывая сказанное выше, нам кажется более правильным говорить все-таки о влиянии на Достоевского сложного комплекса идей, некоего цельного богословского «штраусо-ренановского тренда», с которым писатель впервые имел возможность познакомиться в молодости¹⁰.

Исследователям хорошо известно, что главная цель романа «Идиот» была сформулирована самим автором в письмах А. Н. Майкову и С. А. Ивановой так: «изобразить вполне прекрасного человека» или «положительно прекрасного человека» [Достоевский, 28-2: 241, 251]. В подготовительных материалах к роману есть еще одно важное указание по поводу личности главного героя: «Может быть, в Идиоте человек-то более действителен» [Достоевский, 9: 276]. Гораздо позже, в 1878 г., в письме Н. А. Любимову, поясняя центральные идеи романа «Братья Карамазовы», Достоевский найдет еще одну важную формулировку:

Если удастся, то сделаю дело хорошее: *заставляю сознаться*, что чистый,

¹⁰ Конечно, учитывая разницу в трактовке образа Христа у Штрауса и Ренана, о которой подробно шла речь выше.

идеальный христианин — дело не отвлеченное, а образно реальное, возможное, воочию предстоящее, и что христианство есть единственное убежище Русской Земли от всех ее зол [Достоевский, 30-1: 68].

Таким образом, целью писателя было показать *реального человека*, в котором христианские ценности и мотивы поведения определяют содержание личности, позволяют явить другим героям именно идеал человека. Еще в завязке, при первом визите князя в дом Епанчиных, их камердинер почувствовал необычность ситуации, когда то, «что совершенно прилично человеку с человеком», оказывается совершенно неприлично с «человеком», т. е. со слугой [Достоевский, 8: 18]. Но главный герой и пришел в этот мир из швейцарского небытия, чтобы сделать этот мир другим. Именно поэтому другие герои романа узнают в нем этот человеческий идеал: «[...] в первый раз человека видела» [Ibid.: 148] (Настасья Филипповна); «Да был ли когда другой такой человек!» [Ibid.: 266] (генеральша Епанчина); «Чуден ты человек, Лев Николаевич, на тебя подивиться надо» [Ibid.: 302] (Рогожин); «Я с Человеком прошусь» [Ibid.: 348] (Ипполит); «Я говорил, что Лев Николаич человек...человек...» [Ibid.: 456] (генерал Епанчин)¹¹.

Уже приблизительно двадцать лет в современном литературоведении идут довольно ожесточенные дискуссии вокруг понимания мотивов и ценностных ориентиров князя Льва Николаевича Мышкина.

Одни исследователи видят в образе главного героя попытку автора изобразить действительно «прекрасного человека», человека истинно христианского, а не «ренановского», мировосприятия, который противопоставляет свою веру бунту другого героя романа — Ипполита Терентьева и в конечном итоге одерживает победу: «[...] он заставляет людей, сталкивающихся с ним, меняться. Он открывает в них то лучшее, что в них есть» [Соломина-Минихен 2001: 105]¹².

Другие литературоведы, наоборот, подчеркивают возникшее уже в ходе работы над романом изменение первоначального замысла (или замыслов) автора, приведшее в конечном итоге Достоевского к стремлению продемонстрировать беспочвенность, слабость и духовную неукорененность главного героя в христианской традиции, благодаря чему швейцарский гуманист Мышкин фактически оказался способен нести окружающим его людям только несчастья, жизненные катастрофы, духовное зло. Авторы этой группы обращают внимание на одержимость

¹¹ Примечательно, что несколько позже, уже в «Дневнике писателя», Ф. М. Достоевский хотя и отзывается о книге Ренана, как о «полной безверия», но подчеркивает, что в изображении Ренана «Христос все-таки есть идеал красоты человеческой» [Достоевский, 21: 11].

¹² Ср. с такой позицией статью: [Ермилова 2002: 137–149].

князя Мышкина демоном, его «двойные мысли», посещающее его чувство внутреннего отвращения ко всему, уныние, стыд и отчаяние [Достоевский, 8: 187, 188, 193, 194, 258, 499]. С точки зрения этих исследователей, Мышкин терпит в финале романа вполне закономерный крах: «[...] в образе Мышкина то, что полагалось вечным, показано временным» [Янг 2001: 35], «Положительно прекрасный человек — еще не Христос» [Меерсон 2001: 56], сам роман «является как бы микромоделлю того, что было бы, не явись в мир Христос — или явись кто-то другой, просто человек или самозванец» [Степанян 2001: 155].

Таким образом, желая видеть в романе прямой и непосредственный ответ Ренану, эти исследователи утверждают, что Мышкин, «Князь Христос», фактически является обманщиком или обманывает самого себя. В лучшем случае, при всех своих добрых намерениях, он только имитатор, плохой христианин, неудачный «подражатель Христу». Такая имитация, сознательная или бессознательная, своим итогом способна иметь лишь поражение, чем и вызван глубоко трагический финал романа «Идиот», за который его главный герой несет ответственность. В демонстрации этой неудачи якобы и заключалась главная цель Достоевского. В доказательство справедливости указанного вывода авторы упомянутой группы прибегают к различным псевдо-богословским ухищрениям, полагая, что вообще понимание истинных целей и замыслов Достоевского оказывается доступным «только избранному читателю, обладающему «мистической» интуицией» [Арсентьева 2005: 387]¹³. Налицо ситуация, когда для «доказательства» справедливости гипотезы исследователь «находит» в источнике все для себя нужное.

В задачу данной статьи не входит подробное обсуждение вопроса о содержании романа «Идиот» и образе его главного героя. Но важно понять, мог ли Достоевский во второй половине 1860-х гг., когда задумывался и создавался этот роман, сознательно строить законченную и догматически выверенную анти-ренановскую (анти-штраусовскую?) модель, и если писатель преследовал подобную цель, то как нужно понимать основную идею романа?

Никакой серьезный исследователь сегодня не может отрицать того факта, что первоначальный замысел романа кардинально изменился, можно даже сказать, постоянно менялся, причем в ходе работы Достоевского над произведением¹⁴. К. В. Мочульский указывает на вероят-

¹³ Как кажется, очень убедительная критика такого подхода дана в статье: [Соломина-Минихен 2005], а также в работе: [Захаров 2013].

¹⁴ Первая запись к роману сделана 14 сентября 1867 г., закончен он был 29 января 1869 г. На этот период попадает кардинальное изменение первого замысла в декабре 1867 г., напряженнейшие размышления над произведением весной — летом 1868 г. и, что очень важно, смерть дочери писателя, младенца Софии, в

ную внезапность, с которой у Достоевского 4 декабря 1867 г. фактически рождается понимание необходимости создать совершенно новый роман, не соответствующий большинству сделанных до этого записей: «[...] рождение князя Мышкина было для автора неожиданным, чудесным событием, которое сразу разрушило всю его первоначальную работу» [Мочульский 1995: 389].

Тем не менее, с нашей точки зрения, подготовительные записи к роману «Идиот», которые делались параллельно с его печатанием, прямо противоречат выводу о том, что в замысел Достоевского входило показать морального неудачника и тем более имитатора, бессознательно ведущего других героев произведения к гибели.

Такой вывод с некоторыми оговорками может быть справедлив для самой первой версии романа, отвергнутой писателем 4 декабря 1867 г. В дальнейшем же, как нам представляется, речь идет о чрезвычайном динамизме, лабильности, неустойчивости образа главного персонажа и его прототипов, неустойчивости, за которой можно видеть напряженный внутренний поиск самого автора романа. Достаточно обратить внимание на следующие авторские ремарки: «В нем начало глубокого христианства»; «*Двойственность глубокой натуры*»; «Та удивляется его *простоте и смирению*»; «Выдержит ли Князь? [...] Воскресает в достоинстве, но не переносит на деле [...] все прощает»; «Он задает себе по минутно (внутренно) вопрос: “Или я прав, или они правы?”»; «Взгляд его на мир: он все прощает, видит везде причины, но не видит греха непростительного и *все* извиняет [...] считает себя ниже и хуже всех. Мысли окружающих видит насквозь»; «[...] действует по чувству непосредственной христианской любви»; «Целомудрие и смирение. *Но тверд в деле*» [Достоевский, 9: 184, 185, 202, 217, 218, 220, 227].

Важно также, что автор романа поставил перед собой задачу показать три совершенно разных типа любви: «страстно-непосредственную» (Рогожин), тщеславную (Ганя Иволгин) и христианскую (Князь) [Достоевский, 9: 220], причем «главное социальное убеждение» Князя заключается в том, что этот христианский тип любви реализуется в единичных, т. е. конкретных поступках [Достоевский, 9: 227]. Осуществить эту жизненную программу он не может: он видит все бедствия, но бессилён помочь, а в финале романа «все его обманули». Князь был способен только прикоснуться к жизни остальных героев, но «где только он не *прикоснулся* — везде он оставил неисследимую черту» [Достоевский, 9: 241–242]. Эта неисследимая черта в образе князя заключается в его бесконечном, не знающем границ сострадании ко всем и всему.

Женева в мае 1868 г. Последнее обстоятельство, с нашей точки зрения, оказало очень большое влияние на работу над романом.

Князь Мышкин уже в печатной версии романа свидетельствует об этом прямо: «Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества» [Достоевский, 8: 192]; в подготовительных материалах так: «Сострадание — все христианство» [Достоевский, 9: 270]).

В контексте обсуждения главного героя необходимо по традиции обратиться к главному символу романа — картине Ганса Гольбейна «Мертвый Христос» (более точно — «Христос в гробнице»). С нашей точки зрения, глубокую попытку «интерконфессионального» анализа этого образа дает Юлия Кристева. Она подчеркивает, что оригинальность Гольбейна заключается в том, что в его картине гуманизация образа Христа «достигает своей высочайшей отметки». Для Кристевой картина — определенный этап развития сознания европейского человека, которое «достигает нового измерения»: «Не обязательно измерения атеизма, но наверняка измерения стойкости, лишившейся иллюзий, трезвой и достойной». В ситуации разрушения традиционных ценностей «то, что могло показаться отказом или смертоносным крушением, будет восприниматься уже в качестве гармоничного достоинства». Примечательно, что для самого Гольбейна, как указывает Кристева, эти идейные метания сопровождаются переходом в протестантизм в 1530 г. и требованием «лучшего объяснения Святого Причастия» (типичная проблематика для ранней Реформации) [Кристева 2010: 125, 129, 133–134].

Идеи Кристевой, как представляется, могут помочь понять сложность и динамизм замысла Достоевского. В силу особенностей развития своей духовной биографии, особенностей своей религиозной эволюции, наконец, в силу особого, динамичного характера своей веры, Достоевский во второй половине 1860-х гг. просто не мог ставить перед собой задачу дать догматически безукоризненный с точки зрения православного вероучения ответ либеральному богословскому тренду, содержанием которого явились борьба с христианской традицией и редукция образа Христа, превратившегося в морального проповедника (как у Толстого) или даже в неуверенного в себе и рефлектирующего интеллигента (как у Н. Н. Ге на полотне «Тайная вечеря»). Скорее здесь речь должна идти об особенностях *эволюции, развития* образа Христа у самого Достоевского, развития «единой глубинной мысли текстов» [Касаткина 2019: 117] писателя 1860-х гг. Развития сложного, продолжавшегося, как кажется, на протяжении всей жизни писателя, развития, бывшего «болью и мукой» Достоевского и связанного с осмыслением ряда фундаментальных философских и богословских концепций, когда «одно (представление об Иисусе как воплощенном идеале) для

Достоевского не исключает другого (безверия)», а сама вера Достоевского была постоянным поиском и нахождением «принципа связи» Идеала и реальности, Христа и истины [Тихомиров 2012: 29, 36]. Развития, которое может пониматься как эволюция, утверждение представлений самого Достоевского, как непрерывная дискуссия и попытка дать комплексный ответ на главную идею «Штрауса — Ренана». В этом смысле глубоко прав К. В. Мочульский: в «Идиоте» воплотилось «противоречие между отчаянием и надеждою, безверием и верою», потрясающий контраст «мрака и света, смерти и воскресения» [Мочульский 1995: 393].

Спор с либеральным богословским трендом велся писателем художественными методами и включал в 1860-е гг. переход от «подпольного человека» через образ Раскольникова с его принципом разрешения «крови по совести» к попытке создания «положительно прекрасного человека», несущего принципы моральной правды и красоты в мир, детерминированный законами соблазна, страсти, греха, власти ревности и денег. Мир, в котором нет никого честнее ростовщика Птицына, мир, в котором каждый персонаж ради своих собственных интересов фактически готов на любое моральное преступление, не исключая иногда грабежа и даже убийства. По поводу таинственной записи «Князь Христос», трижды появившейся в подготовительных материалах к роману, В. А. Котельников указывает: «[...] это еще не Христос Евангелия, не Христос Церкви — это идеал человечества, увиденный еще глазами гуманиста, но возлюбленный уже сердцем христианина, которое и подсказало Достоевскому, что Иисус не лучший из людей, а безмерно выше всего человеческого, выше всякой земной истины» [Котельников 1998: 23].

Очень важный акцент в понимание проблематики романа вносит Г. Гессе — «кроткий безумец» Мышкин «отрицает целиком жизнь, мышление, чувство — вообще мир и реальность всех прочих людей» и именно в этом уподобляется Христу, поэтому в романе «Идиот» он противопоставлен всем без исключения иным героям: «Для него действительность совершенно иная, нежели для них. Их действительность ему кажется всецело призрачной. И вот потому, что он видит совершенно новую действительность и требует осуществления ее, он делается врагом для всех» [Гессе 1987: 116–117]¹⁵.

Да, «кроткому безумцу» Мышкину суждено потерпеть поражение в борьбе с людскими страстями. Да, его фигура в чем-то утопична, как подчеркивает К. В. Мочульский, князь живет в «фантастическом мире», он «фантазер, мечтатель, терпящий полное поражение при столкновении с действительностью», в его детской мечте о рае на земле «вся трагедия утопизма», он, «как ребенок, не знает, что в падшем мире светлая

¹⁵ См. подробнее: [Исупов 2007: 30].

сила любви пленена темной стихией эроса» [Мочульский 1995: 392–393, 401–402, 406]¹⁶. Наверное, именно поэтому в письме А. Н. Майкову, датируемом концом октября 1868 г., Достоевский указывает, что в его литературной биографии не было «ни одной поэтической мысли лучше и богаче, чем та, которая выяснилась теперь» для 4-й части романа, да еще «в подробнейшем плане». Далее Достоевский указывает, что «идея “Идиота” почти лопнула» [Достоевский, 28-2: 321].

Художественное чутье писателя подсказало ему закономерный финал деятельности «положительно прекрасного человека». Принцип «все позволено» торжествует в романном пространстве. Если Христос — только человек, как утверждают Штраус и Ренан, то стихия зла на земле обладает огромной потенциальной силой, но вовсе не потому, что в главном герое автор романа изобразил имитатора христианства. А потому, что роман Достоевского — книга о мире, отрекающемся от Христа [Фудель 2005: 59]. Но в этом мире живет вочеловеченный идеал — «явление “положительно прекрасного человека” среди людей». В этом мире, благодаря болезни князя Мышкина, которая ослабляет действие «земного закона», явлен «божественный потенциал» человека [Тихомиров 2012: 39], потенциал, столь часто терпящий в *человеческой истории* поражение: «Невозможно символизировать божественную благодать в истории ничем, кроме полного бессилия» [Соломина-Минихен 2005: 375]¹⁷.

Но вот что примечательно. В мире страсти и греха погибают в первую очередь те, кто пытается осуществить главную «заповедь» идеологов Достоевского: «[...] убийцей всех этих самоубийц и убитых является формула “все позволено”, которая, по смыслу автора, должна в их лице убить самое себя — свою же собственную идею» [Голосовкер 1963: 43]. Вопреки уверениям «семинариста-карьериста» Ракитина, одного из главных носителей концепта «Штрауса — Ренана», все попытки человечества найти в себе силу «жить для добродетели, даже и не веря в бессмертие души» [Достоевский, 14: 76], с точки зрения Достоевского, обречены на неудачу.

В романе «Идиот» Ипполит Терентьев говорит о «беспрерывном и вечном» открывании (а не открытии) жизни [Достоевский, 8: 327]. Ипполит указывает при этом на пример Колумба, который до конца верил в правильность своего движения вперед, вопреки бунту и отчаянию разочаровавшейся команды. Концепт «Штрауса — Ренана» и стал символическим выражением этого общеевропейского бунта.

¹⁶ Ср.: [Исупов 2007: 53].

¹⁷ См. также работу: [Кунильский 2006], в которой высказываются очень содержательные соображения по поводу кенотического и жертвенного характера образа князя Мышкина.

Представляется, что Достоевский дает устами главного героя ответ на этот бунт. В диалоге в доме Рогожина князь Мышкин, рассказывая о своих встречах, говорит о религиозном чувстве, которое не подходит ни под какие «атеизмы». Эти «атеизмы», игнорируя религиозное чувство, будут вечно скользить мимо него и будут вечно «не про то говорить» [Достоевский, 8: 184]¹⁸.

В другом месте мы уже имели возможность указать на то, какое значение в связи с философскими концепциями 1840-х — 1860-х гг. имели для Достоевского понятия «закон» и «закон природы» [Ореханов 2019]. В произведениях 1860-х гг. писатель настойчиво ищет «противоядие» для того сугубо позитивистского понимания человека и мира, которое в момент писания и издания «Идиота» тотально восторжествовало в науке. Фактически в произведениях Достоевского этого периода заложена важнейшая дилемма, связанная с различным пониманием природы вообще и природы человека, в частности. Естественнонаучному «реализму», часто очень упрощенному, биологизированному пониманию человека, Христу «Штрауса — Ренана» писатель пытается противопоставить тот «реализм в высшем смысле», из которого рождается другой идеал, превращающий человека в «существо только развивающееся» и поэтому «не оконченное, а переходное», а Христа делающий «вековечным идеалом», к которому человек должен стремиться именно по закону природы (цитаты из знаменитой записи «Маша лежит на столе», сделанной сразу после смерти первой жены писателя: [Достоевский, 20:172–173]).

Таким образом, как «Мертвый Христос» Гольбеина был определенной ступенью в процессе религиозного развития Европы первой половины XVI в., а позже становится символом метаний европейского человека перед вызовами науки, прогресса и просвещения, так и роман «Идиот» следует рассматривать, как попытку напряженного религиозного поиска, в первую очередь, самого Достоевского в атмосфере фундаментальных идейных вызовов европейской культуры середины XIX в.¹⁹ Скорее даже, в атмосфере полной растерянности человека, может быть, впервые в своей христианской истории, оказавшегося в мире без Христа и Воскресения.

¹⁸ Примечательно, что концепция религиозного чувства занимает важнейшее место в построениях немецкого богослова Фридриха Шлейермахера. Связано ли у Достоевского употребление этого словосочетания с именем Шлейермахера? Вопрос остается открытым.

¹⁹ Конечно, роман «Идиот» — не единственный пример такого поиска в 1860-е гг. К таким примерам можно отнести, наряду с литературными текстами, и произведения искусства, такие как «Тайная вечеря» Н. Н. Ге (о ней было сказано выше). Эта картина сразу после появления вызвала острую дискуссию и негативную реплику Достоевского [Достоевский, 21: 76–77].

Итоги

Изучая творчество Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, можно с некоторой осторожностью выделить общие черты их «метода» в отношении критики идей Д. Ф. Штрауса. Для двух больших художников это не столько анализ источников христианского вероучения и определение их аутентичности, сколько поиск места религии и «религиозного чувства» в современном им мире.

Но есть и принципиальные различия, которые, впрочем, распространяются в целом на все творчество двух писателей.

Толстой вообще был более склонен к «академическому дискурсу», чем Достоевский. Этот момент, в частности, сказывается в знакомстве Толстого с более поздними сочинениями Штрауса и, следовательно, более глубоком понимании эволюции идей последнего. В произведениях же Достоевского нигде знакомства писателя с книгой «Старая и новая вера» нами не обнаружено.

Штудии Толстого в области современного ему западного богословия и более основательное, как кажется, изучение западных философских источников сразу обращает на себя внимание. Именно здесь можно найти корни того различия «Личности Христа» и «Учения Христа», которое столь характерно для западных богословов-рационалистов. Для Толстого первое, в сущности, не имеет никакого значения, так как именно учение, с его точки зрения, является главным признаком истинности христианства.

Отношение к Штраусу у Толстого было сложным, так как его собственные поиски шли в параллельном либеральному богословию направлении. Здесь уже можно говорить, как минимум, о рецепции некоторых идей немецкого автора русским писателем. Эту рецепцию можно проследить в трех аспектах.

Во-первых, в целом в формировании взглядов Толстого на религию Штраус сыграл определенную роль в том смысле, что стал одним из тех писателей, которые укрепили Толстого в стремлении видеть во Христе только великого учителя человечества. Особенно должна была импонировать Толстому жесткая и тотальная критика христианской догматики, предпринятая в работе Штрауса 1872 г.

Во-вторых, Толстому был близок общепантеистический пафос «позднего» Штрауса, стремление последнего найти в религии способ не личного общения с Богочеловеком Христом, а некий универсальный закон развития общества и личности, носителем которого, в частности, был «исторический Иисус».

Наконец, в-третьих, Толстому должен был быть близок и общегуманистический пафос немецкого богослова, его стремление выйти за

любые конфессиональные рамки, создать «новую веру» — сообщество христиан, свободных от любых конфессионально-догматических ограничений, но живущих при этом по евангельским заповедям.

Для Достоевского вопрос стоит несколько в иной плоскости. Много раз в своих произведениях (в том числе и в романе «Идиот») он указывает на беспочвенность учения Христа, если оно не подкрепляется опытом мистической встречи с его носителем.

На первый взгляд, для Достоевского Штраус был только символом атеистического безверия и разрушения традиции. Однако анализ романа «Идиот» дает право говорить о том, что «отталкивание» от пары «Штраус — Ренан» стало для писателя важным этапом переосмысления собственных гуманистических идеалов, которые молодой Достоевский вынес из опыта общения с Белинским и Петрашевским. Учитывая большой промежуток времени между выходом книг Штрауса и Ренана, промежуток, который был крайне значимым для самого Достоевского, мы можем утверждать, что критика штраусовско-ренановского христианства была для Достоевского жизненной задачей, имела глубокую личную мотивацию. Преодолевая влияние окружения молодости, Достоевский интуитивно находил ответ на один из самых мощных вызовов европейского интеллектуального тренда.

В этом контексте более глубокое исследование различий в восприятии Штрауса и Ренана в русской культуре середины XIX в. является важной исследовательской задачей, до сих пор даже не поставленной.

Может быть, в рассматриваемой проблематике Толстого и Достоевского *в наибольшей степени* объединяют два момента.

Первое. Это напряженный поиск, настойчивая попытка найти ответ на вопрос о месте религии в жизни образованного европейца середины и второй половины XIX в. и роли в этом процессе западной философской и богословской мысли. Речь идет о поиске выхода из глубокого мировоззренческого кризиса, когда человек поставлен перед выбором между традицией и современной западной культурой.

И второе. Какие бы пути совмещения традиционного христианства и европейского просвещения два писателя не находили, их роднит категорическое неприятие попыток создать некую буржуазную синтетическую религию, которая фактически превращалась в одну из опций удобной и комфортной жизни. И Штраус, и Ренан, разрушая традиционные христианские представления о Евангелии и Христе, находились в русле этих попыток и поэтому должны были быть двумя русскими писателями отвергнуты.

Библиография

Андреев 2016

Андреев А. В., Кем был Иисус из Назарета? Реконструкции образа исторического Иисуса конца XX — начала XXI века, *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение*, 68, 2016, 9–25.

Арсентьева 2005

Арсентьева Н. А., «Крик осла» и «локус идиота»: размышления над межвузовским сборником научных трудов «Роман Достоевского “Идиот”: раздумья, проблемы», *Достоевский. Материалы и исследования*, 17, С.-Петербург, 2005, 367–390.

Бочаров 2001

Бочаров С., «О бессмысленная вечность!». От «Недоноска» к «Идиоту», *Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения*, Т. А. Касаткина, ред., Москва, 2001, 111–136.

Гессе 1987

Гессе Г., *Письма по кругу. Художественная публицистика*, Москва, 1987.

Голосовкер 1963

Голосовкер Я. Э., *Достоевский и Кант: Размышления читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума»*, Москва, 1963.

Данн 2001

Данн Дж., Миф, *Мир Библии. Альманах Библейско-богословского института св. апостола Андрея*, 8, 2001, 18–25.

Дебу 2007

Дебу И. М., Конспект книги Штрауса «Жизнь Иисуса», *Достоевский и мировая культура*, 22, С.-Петербург, 2007, 304–314.

Донсков et al. 2003

Донсков А. А., Громова Л. Д., Никифорова Т. Г., ред., *Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов, Полное собрание переписки*, 1–2, Москва, 2003.

Достоевский, 1–30

Достоевский Ф. М., *Полное собрание сочинений в 30 томах*, Ленинград, 1972–1990.

Ермилова 2002

Ермилова Г. Г., Идея «приобщенной личности» в романе Достоевского «Идиот», *Достоевский. Материалы и исследования*, 16, С.-Петербург, 2002, 137–149.

Захаров 2013

Захаров В. Н., *Имя автора — Достоевский. Очерк творчества*, Москва, 2013.

Исупов 2007

Исупов К. Г., Введение в метафизику Достоевского (Статья первая), *Достоевский. Материалы и исследования*, 18, С.-Петербург, 2007, 27–61.

Каримский 1992

Каримский А. М., Давид Фридрих Штраус и его «Жизнь Иисуса», Штраус Д. Ф., *Жизнь Иисуса*, Москва, 1992, 4–28.

Касаткина 2019

Касаткина Т. А., *Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания*, Москва, 2019.

Кийко 1980

Кийко Е. И., Достоевский и Ренан, *Достоевский. Материалы и исследования*, 3, Ленинград, 1980, 106–121.

Комарович 2018

Комарович В. Л., Юность Достоевского, Idem, «Весь устремление»: *Статьи и исследования о Ф. М. Достоевском*, Москва, 2018, 192–235.

Котельников 1998

Котельников В. А., Христорожденье Достоевского, *Достоевский и мировая культура*, 11, С.-Петербург, 1998, 20–28.

Кристева 2010

Кристева Ю., *Черное солнце. Депрессия и меланхолия*, Москва, 2010.

Кунильский 2006

Кунильский А. Е., «Лик земной и вечная истина». О восприятии мира и изображении героя в произведениях Ф. М. Достоевского, Петрозаводск, 2006.

Лапшин 1990

Лапшин И. И., Как сложилась Легенда о Великом инквизиторе, О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 гг., Москва, 1990, 374–386.

Маркс, Энгельс 1965

Маркс К., Энгельс Ф., *Из ранних произведений*, Москва, 1965.

Меерсон 2001

Меерсон О., Христос или «Князь-Христос»? Свидетельство генерала Иволгина, *Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения*, Т. А. Касаткина, ред., Москва, 2001, 42–59.

Мочульский 1995

Мочульский К. В., *Гоголь. Соловьев. Достоевский*, Москва, 1995.

Никитина 2004

Никитина Ф. Г., Достоевский против Гегеля, *Достоевский и мировая культура*, 20, С.-Петербург, 2004, 132–147.

——— 2005

Никитина Ф. Г., «Слова верующего» Ламенне – настольная книга петрашевцев, *Достоевский: дополнение к комментарию*, Т. А. Касаткина, ред., Москва, 2005, 686–691.

——— 2007

Никитина Ф. Г., Ипполит Матвеевич Дебу. Конспект книги Штрауса «Жизнь Иисуса», *Достоевский и мировая культура*, 22, С.-Петербург, 2007, 297–316.

Ницше 2009

Ницше Ф., *Антихрист*, Москва, 2009.

Орвин 2006

Орвин Д., *Искусство и мысль Толстого. 1847–1880*, С.-Петербург, 2006.

Ореханов 2016

Ореханов Г., прот., *Лев Толстой. «Пророк без чести». Хроника катастрофы*, Москва, 2016.

Ореханов 2019

Ореханов Ю. Л., «Признание человеческой природы за высший закон»: Л. Толстой и Ф. Достоевский против одного интеллектуального тренда эпохи, *Философия. Журнал Высшей школы экономики*, 4, 2019, 30–58.

Паперно 2018

Паперно И., «Кто, что я?»: Толстой в своих дневниках, письмах, воспоминаниях, трактатах, Москва, 2018.

Перлина 2017

Перлина Н. М., *Тексты-картины и экфразисы в романе Достоевского «Идиот»*, С.-Петербург, 2017.

Соломина-Минихен 2001

Соломина-Минихен Н. Н., О роли книги Ренана «Жизнь Иисуса» в творческой истории Достоевского, *Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения*, Т. А. Касаткина, ред., Москва, 2001, 100–110.

——— 2005

Соломина-Минихен Н. Н., «Я с человеком прощусь» (К вопросу о влиянии Нового Завета на роман «Идиот»), *Достоевский. Материалы и исследования*, 17, С.-Петербург, 2005, 346–376.

Степанян 2001

Степанян К. А., Юродство и безумие, смерть и воскресение, бытие и небытие в романе «Идиот», *Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения*, Т. А. Касаткина, ред., Москва, 2001, 137–163.

——— 2003

Степанян К. А., «Это будет, но будет после достижения цели» («Жизнь Иисуса» Д. Ф. Штрауса и Э. Ж. Ренана и роман Ф. М. Достоевского «Идиот»), *Вопросы литературы*, 4, 2003, 140–158.

Тихомиров 2012

Тихомиров Б. Н., «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: Статьи и эссе о Достоевском, С.-Петербург, 2012.

Толстой, 1–90

Толстой Л. Н., *Полное собрание сочинений в 90 томах*, Москва, 1928–1958.

Трапезников 1925

Трапезников В., В стране неволи, *Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник*, 6, 1925, 196–221.

Фудель 2005

Фудель С. И., *Собрание сочинений в трех томах*, 3, Москва, 2005.

Целлер 2011

Целлер Э., Биография Давида Фридриха Штрауса, Штраус Д. Ф., *Старая и новая вера: Христиане ли мы еще?*, Москва, 2011, 3–11.

Штраус 1992

Штраус Д. Ф., *Жизнь Иисуса*, Москва, 1992.

——— 2011

Штраус Д. Ф., *Старая и новая вера: Христиане ли мы еще?*, Москва, 2011.

Янг 2001

Янг С., Картина Гольбеина «Христос в могиле» в структуре романа «Идиот», *Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения*, Т. А. Касаткина, ред., Москва, 2001, 28–41.

Baur 1847

Baur F. C., *Kritische Untersuchungen über die kanonischen Evangelien, ihr Verhältniß zu einander, ihren Charakter und Ursprung*, Tübingen, 1847.

Bryner 2014

Bryner E., Protestantismus, M. George, J. Herlth, C. Munch, U. Schmid, Hrsg., *Tolstoj als theologischer Denker und Kirchenkritiker*, Göttingen, 2014, 541–553.

Hamilton 1993

Hamilton W., *A Quest for the Post-Historical Jesus*, London, 1993.

McLean 2008

McLean H., *In Quest of Tolstoy*, Boston, 2008.

Medzhibovskaya 2008

Medzhibovskaya I., *Tolstoy and the Religious Culture of His Time: A Biography of a Long Conversion, 1845–1887*, Lanham, 2008.

Pelikan 1985

Pelikan J., *Jesus through the Centuries. His Place in the History of Culture*, London, 1985.

Philipp 1959

Philipp F. H., *Tolstoj und der Protestantismus*, Giessen, 1959.

Reimarus 1970

Reimarus H. S., Concerning the Intention of Jesus and His Teaching, *Ibid*, *Fragments*, Philadelphia, 1970, 59–269.

Schweitzer 1910

Schweitzer A., *The Quest of the Historical Jesus: a critical study of its progress from Reimarus to Wrede*. London, 1910.

Slenczka 1967

Slenczka R., *Geschichtlichkeit und Personsein Jesu Christi. Studien zur christologischen Problematik der historischen Jesusfrage*. Göttingen, 1967.

Strauss 1836

Strauss D. F., *Das Leben Jesu. Zweiter Band*, Tübingen, 1836.

——— 1841

Strauss D. F., *Die christliche Glaubenslehre in ihrer geschichtlichen Entwicklung: und im Kampfe mit der modernen Wissenschaft dargestellt. Zweiter Band*, Stuttgart, 1841.

Ullmann 1836

Ullmann C., Das "Leben Jesu" von Strauss, *Theologische Studien und Kritiken*, 9, 1836, 770–890.

Zwink 2008

Zwink E., *David Friedrich Strauss 1808 bis 1874*, Stuttgart, 2008.

References

Andreev A. V., Who was Jesus of Nazareth: Reconstructions of the Historical Jesus from the Late 20th to the Beginning of the 21st Century, *St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy. Philology*, 68, 2016, 9–25.

Arsentieva N. A., "Krik osla" i "lokus idiota": razmyshleniya nad mezhvuzovskim sbornikom nauchnykh trudov "Roman Dostoevskogo 'Idiot': razum'ia, problemy", *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, 17, St. Petersburg, 2005, 367–390.

Bocharov S., "O bessmyslennaiia vechnost'!". Ot "Nedonoska" k "Idiotu", T. A. Kasatkina, ed., *Roman F. M. Dostoevskogo "Idiot": sovremennoe sostoianie izucheniia*, Moscow, 2001, 111–136.

Bryner E., Protestantismus, M. George, J. Herlth, C. Munch, U. Schmid, Hrsg., *Tolstoj als theologischer Denker und Kirchenkritiker*, Göttingen, 2014, 541–553.

Debu I. M., Konspekt knigi Shtrausa "Zhizn' Iisusa", *Dostoevskii i mirovaia kul'tura*, 22, St. Petersburg, 2007, 304–314.

Donskov A. A., Gromova L. D., Nikiforova T. G., eds., *L. N. Tolstoj — N. N. Strakhov, Polnoe sobranie perepiski*, 1–2, Moscow, 2003.

Dunn J., Mif, *Mir Biblii. Al'manah Bibleisko-bogoslovskogo instituta sv. apostola Andreyia*, 8, 2001, 18–25.

Fudel S. I., *Sobranie sochinenii v trekh tomah*, 3, Moscow, 2005.

Golosovker J. E., *Dostoevskii i Kant. Razmyshleniia chitatelia nad romanom "Brat'ia Karamazovy" i traktatom Kanta "Kritika chistogo razuma"*, Moscow, 1963.

Hamilton W., *A Quest for the Post-Historical Jesus*, London, 1993.

Isupov K. G., Vvedenie v metafiziku Dostoevskogo (Stat'ia pervaiia), *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, 18, St. Petersburg, 2007, 27–61.

Karimsky A. M., David Fridrikh Shtraus i ego "Zhizn' Iisusa", Strauss D. F., *Zhizn' Iisusa*, Moscow, 1992, 4–28.

Kasatkina T. A., *Dostoevskii kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyi sposob vyskazyvaniia*, Moscow, 2019.

Kiiko E. I., Dostoevskii i Renan, *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, 3, Leningrad, 1980, 106–121.

Komarovich V. L., Iunost' Dostoevskogo, Idem, "Ves' ustremlenie": Stat'i i issledovaniia o F. M. Dostoevskom, Moscow, 2018, 192–235.

Kotel'nikov V. A., Hristoditseia Dostoevskogo, *Dostoevskii i mirovaia kul'tura*, 11, St. Petersburg, 1998, 20–28.

Kristeva J., *Chernoe solntse. Depressiia i melankholiia*, Moscow, 2010.

Kunil'skiy A. E., "Lik zemnoi i vechnaia istina". O vospriatii mira i izobrazhenii gerioia v proizvedeniakh F. M. Dostoevskogo, Petrozavodsk, 2006.

Lapshin I. I., Kak slozhilas' legenda o Velikom inkvizitore, O Dostoevskom. Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoi mysli 1881–1931 gg. Moscow, 1990, 374–383.

McLean H., *In Quest of Tolstoj*, Boston, 2008.

Medzhibovskaya I., *Tolstoj and the Religious Culture of his time: A Biography of a Long Conversation, 1845–1887*, Lanham, 2008.

Meerson O., Khristos ili "Knyaz'-Khristos"? Svidetel'stvo generala Ivolgina, T. A. Kasatkina, ed., *Roman F. M. Dostoevskogo "Idiot": sovremennoe sostoianie izucheniia*, Moscow, 2001, 42–59.

- Mochulsky K. V., *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskii*, Moscow, 1995.
- Nikitina F. G., "Slova veruiushchego" Lamenne – nastol'naya kniga petrashevtsa, T. A. Kasatkina, ed., *Dostoevskii: dopolnenie k kommentariu*, Moscow, 2005, 686–691.
- Nikitina F. G., Dostoevskii protiv Gegelia, *Dostoevskii i mirovaia kul'tura*, 20, St. Petersburg, 2004, 132–147.
- Nikitina F. G., Ippolit Matveevich Debu. Konsept knigi Shtrausa "Zhizn' Iisusa", *Dostoevskii i mirovaia kul'tura*, 22, St. Petersburg, 2007, 297–303.
- Orekhanov G., *Lev Tolstoi. "Prorok bez chesti". Khronika katastrofy*, Moscow, 2016.
- Orekhanov Y. L., "Priznanie chelovecheskoi prirody za vysshii zakon": L. Tolstoi i F. Dostoevskii protiv odnogo intellektual'nogo trenda epokhi, *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 4, 2019, 30–58.
- Orwin D. T., *Tolstoy's Art and Thought, 1847–1880*, St. Petersburg, 2006.
- Paperno I., "Kto, chto ia?": Tolstoi v svoikh dnevnikh, pis'makh, vospominaniakh, traktatakh, Moscow, 2018.
- Pelikan J., *Jesus through the Centuries. His Place in the History of Culture*, London, 1985.
- Perlina N., *Teksty-kartiny i ekfrazisy v romane Dostoevskogo "Idiot"*, St. Petersburg, 2017.
- Philipp F. H., *Tolstoj und der Protestantismus*, Giessen, 1959.
- Reimarus H. S., Concerning the Intention of Jesus and His Teaching, *Ibid. Fragments*, Philadelphia, 1970, 59–269.
- Slenczka R., *Geschichtlichkeit und Personsein Jesu Christi. Studien zur christologischen Problematik der historischen Jesusfrage*. Göttingen, 1967.
- Solomina-Minihen N. N., "Ia s Chelovekom proshchus" (K voprosu o vlianii Novogo Zaveta na roman "Idiot"), *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, 17, St. Petersburg, 2005, 346–376.
- Solomina-Minihen N. N., O roli knigi Renana "Zhizn' Iisusa" v tvorcheskoi istorii Dostoevskogo, T. A. Kasatkina, ed., *Roman F. M. Dostoevskogo "Idiot": sovremennoe sostoianie izucheniia*, Moscow, 2001, 100–110.
- Stepanyan K. A., "Eto budet, no budet posle dostizheniia tseli" ("Zhizn' Iisusa" D. F. Shtrausa i E. Zh. Renana i roman F. M. Dostoevskogo "Idiot"), *Voprosy literatury*, 4, Moscow, 2003, 140–158.
- Stepanyan K. A., Iurodstvo i bezumie, smert' i voskresenie, bytie i nebytie v romane "Idiot", T. A. Kasatkina, ed., *Roman F. M. Dostoevskogo "Idiot": sovremennoe sostoianie izucheniia*, Moscow, 2001, 137–162.
- Tikhomirov B. N., "...Ia zanimaius' etoi tijnoi, ibo hochu byt' chelovekom": Sta' i i esse o Dostoevskom, St. Petersburg, 2012.
- Trapeznikov V., V strane nevoli, *Katarga i ssylka. Istoriko-revoliutsionnyi vestnik*, 6, 1925, 196–221.
- Yermilova G. G., Ideia "priobshchennoi lichnosti" v romane Dostoevskogo "Idiot", *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, 16, St. Petersburg, 2002, 137–149.
- Young S., Kartina Gol'beina "Khristos v mogile" v strukture romana "Idiot", T. A. Kasatkina, ed., *Roman F. M. Dostoevskogo "Idiot": sovremennoe sostoianie izucheniia*, Moscow, 2001, 28–41.
- Zakharov V. N., *Imia avtora — Dostoevskii. Ocherk tvorchestva*, Moscow, 2013.
- Zeller E., Biografiia Davida Fridrikha Shtrausa, Strauss D. F., *Staraiia i novaia vera. Khristiane li my eshche?*, Moscow, 2011, 3–11.
- Zwink E., *D. F. Strauß 1808 bis 1874*, Stuttgart, 2008.

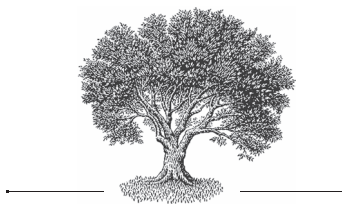
† Георгий Ореханов, протоиерей

доктор исторических наук, доктор церковной истории,
профессор кафедры всеобщей и русской церковной истории
и канонического права
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета
127051, Москва, Лихов пер., 6
Россия / Russia
ogeorgo@pstbi.ru

Алексей Андреев, иерей

преподаватель кафедры библеистики
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета,
127051, Москва, Лихов пер., 6
Россия / Russia
alexey.andreevtf@gmail.com

Received May 19, 2019

Чешский полонофил Эдвард Елинек и тема России в его творчестве

Петр Калета

Университет им. Масарика
Брно, Чехия

The Czech Polonophile Edvard Jelínek and the Topic of Russia in his Work

Petr Kaleta

Masarykova univerzita
Brno, Czech Republic

Резюме

Имя чешского писателя и публициста Эдварда Елинека в кругах специалистов известно в связи с его интересом к польской тематике. Среди поляков у него также было больше всего друзей и коллег. Этому соответствовали и его многочисленные публикации, касавшиеся главным образом традиций польской культуры. Елинек, однако, был хорошо осведомлен о культурной, политической и общественной жизни в других славянских землях, что он применил на практике в качестве главного редактора журнала «Славянский сборник», выходившего в 1881 и после перерыва, в 1883–1887 гг. В настоящей статье мы покажем, что в ранних публикациях Елинек подробно развивал и темы, связанные с Россией, особенно с русской литературой, культурой и театром, а также с началом русско-чешских связей. Большинство этих текстов он печатал после своей первой поездки в Россию, начиная с 1877 г. В 1870-е гг. заметное влияние на него оказал российский офицер Николай Матвеевич Ендогуров, помогавший ему в Праге разобраться в некоторых славянских проблемах, а также улучшить знание русского

Цитирование: Калета П. Чешский полонофил Эдвард Елинек и тема России в его творчестве // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 1. С. 292–321.

Citation: Kaleta P. (2020) The Czech Polonophile Edvard Jelínek and the Topic of Russia in his Work. *Slověne*, Vol. 9, № 1, p. 292–321.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.1.10

языка. Начиная с 1880-х гг., однако, Елинек в нескольких статьях высказался по вопросам российско-польского конфликта, выражая несогласие с русификацией польской культурной среды и подчеркивая право польского населения на собственный язык. При этом его тексты не имели антирусской направленности; напротив, он признавал достоинства русской культуры. Тема российско-польских отношений звучала и в его художественном творчестве, например, в романе «Бабочка из Норвежской сказки».

Ключевые слова

Э. Елинек, полонофильство, русофильство, Н. М. Ендогуров, чешская печать, тема России

Abstract

In scholarly circles, the name of the Czech writer and journalist Edvard Jelínek is usually associated with interest in Polish topics. Most of his friends and scholarly contacts were Polish, which also was in line with his numerous publications concerning Polish cultural traditions. However, Jelínek also had significant knowledge of the cultural, political, and social life in other Slavic areas, which he utilized as the editor of «Slovanský sborník» (Slavic Proceedings), a journal focused on all Slavic areas (published in 1881, 1883–1887). In this article, we demonstrate that, mostly at the beginning of Jelínek's career, Russian topics also appeared in his texts, mainly Russian literature, culture, theater, and the issue of the beginning of Russian-Czech contacts. He published these texts primarily after his first visit to Russia in 1877. In the 1870s, the retired Russian officer Nikolaj M. Yendogurov had a significant influence on him, helping him to understand some Slavic issues and to perfect his knowledge of Russian. Starting from the 1890s, he expressed his opinions regarding the Russian-Polish conflict in several texts. There, he disagreed with the Russification of the Polish cultural environment and drew attention to the language rights of the Polish people. However, his works were not anti-Russian in character, and he expressed appreciation for Russian culture. The issue of Russian-Polish relations also appears in his literary prose works, e.g. in the novel «Motýlek z Norské pohádky» (The Butterfly from the Norwegian Fairytale).

Keywords

E. Jelínek, Polonophilism, Russophilism, N. M. Yendogurov, Czech publications, Russian topics

1. Введение

Писатель, переводчик и публицист Эдвард Елинек (1855–1897) был одним из чешских образованных самоучек, которые в последней трети XIX в. интересовались славянской проблематикой и, сосредоточившись на изучении одного или нескольких славянских народов, информировали о них общественность на страницах книг и периодической печати. С самого начала проявляя интерес прежде всего к польским делам, Елинек вскоре стал главной фигурой в среде чешских полонофилов. Эту

его репутацию подкрепляли сотни опубликованных им статей, сообщений, рецензий, переводов и значительное число сочинений, вышедших в виде книг¹. Однако Елинек занимался не только польскими сюжетами²: в его наследии мы находим также работы о лужицких сербах, о южных и восточных славянах. Его публикации на русские темы, которые в количественном отношении находятся на втором месте после полонистических работ, до сих пор не были предметом специального изучения. Опорными для нашего исследования стали лишь фрагментарные сведения, которые сообщают Йозеф Йирасек [Jirásek 1945: 185–188] и Отакар Бартош [Bartoš 1963]. Основным же источником для нашей статьи послужили публикации Елинека³ в периодике того времени, изданные им воспоминания, а также беллетристические сочинения, к каким относятся в основном его очерки. Значительная часть публикаций Елинека рассредоточена по разным изданиям и до сих пор не собрана воедино; в особенности это касается его работ за пределами полонистики. Наша задача — показать картину России и русской культуры, какой представлял ее Елинек в своих публикациях начиная со второй половины 1870-х гг. В статье мы уделяем основное внимание русским темам (некоторые из них, связанные с первыми проявлениями интереса чехов

¹ Это, например, книги «Польские женщины и девушки. Незабудки из книг дорог и жизни» («Polské paní a dívky. Nezabudky z knih cest a života»; Прага, 1884), «Казацкие очерки» (Črty kozácké; Прага, 1885), «Литовские очерки» («Črty litevské»; Прага, 1886), «Ради чешско-польского согласия. Несколько заметок насущных и исторических» («Pro shodu česko-polskou. Několik úvah věcných i historických»; Прага, 1887), «Дамы давних польских салонов» («Dámy starších salonův polských»; Прага, 1888), «В гостях у славян. Воспоминания» («Slovanské návštěvy. Paměti a vzpomínky»; Прага, 1889), «Варшавские очерки» («Črty varšavské»; Прага, 1890), «Письма о чешской выставке» («Listy o wystawie czeskiej»; Краков, 1891), «Письма о делах моравских, написанные чехом» («Listy o gieczach morawskich pisane przez Czecha»; Краков, 1894) и многие другие.

² Существующая литература о Елинеке посвящена в основном его полонистическим интересам, см.: [Juřina 1951; Jaroszewicz-Kleindienst 1968] и др.

³ Довольно обширное архивное наследие Эдварда Елинека хранится в Литературном архиве Музея национальной письменности в Праге. Преобладающую часть фонда составляют письма чешских и польских корреспондентов. Переписка с русскими авторами занимает скромное место. Сохранились только письма и визитные карточки следующих лиц: Н. П. Апраксин, П. А. Верещагин, Н. М. Ендогуров, В. П. Карпов, П. А. Кулаковский и Т. Д. Флоринский, причем во всех случаях это от одной до четырех единиц хранения. Переписка с российскими учреждениями в наследии Елинека не представлена, имеются лишь рукописи нескольких небольших заметок, затрагивающих темы, связанные с Россией. Кроме личного архива, заслуживает внимания также библиотека Эдварда Елинека, которая насчитывает порядка 2000 томов. После смерти владельца его брат Виктор Елинек 8 апреля 1897 г. передал это собрание книг в дар Национальному музею в Праге. В наши дни они разобщенно хранятся в библиотеке Национального музея. В первую очередь это польские книги, однако среди них попадаются и некоторые русские. Другая часть библиотеки Елинека (в основном книги на чешском языке) находится в Ягеллонской библиотеке в Кракове, см.: [Jelínek].

к России, мы осветим подробнее⁴), лишь в исключительных случаях упоминаем о Литве и Белоруссии, но не касаемся украинской проблематики. Так как противоречивой составляющей формировавшегося у Елинека образа России был польский элемент, в настоящей статье мы с неизбежностью затронем и польскую проблематику.

2. Влияние Н. М. Эндогурова на увлечение Елинека славянами

Начало интереса Елинека к славянским и в первую очередь к российским делам связано с личностью российского подполковника в отставке Николая Матвеевича Эндогурова, который в середине 1870-х гг. переехал на постоянное жительство в Прагу, где поселился в доме на нынешней набережной Сметаны, в районе бывших бань Папоушека (в наши дни на их месте стоит дом, известный под названием «Бельвю»). В Праге Эндогуров вращался в среде русских прихожан православного храма св. Николая, освященного в августе 1874 г. Подполковник, с самого начала благожелательно относившийся к чешскому языку и чешской общественности, начал устраивать у себя дома чайные вечера, в которых обычно участвовало несколько человек, говоривших по-русски. Из известных представителей чешской интеллигенции, посещавших вечера у Эндогурова, можно назвать, например, юриста и политика консервативной ориентации Франтишека Августа Браунера (1810–1880). Этот «старочех» был пламенным русофилом и всегда горячо приветствовал в Праге русских гостей, поэтому не удивительно, что он наведывался к Эндогурову, хотя его русский язык, вероятно, был — по словам писателя Антала Шташека — далек от совершенства⁵. В то время молодой Елинек с несколькими другими чехами брал уроки у псаломщика церкви св. Николая, в дальнейшем — первого настоятеля церкви св. Петра и Павла в Карловых Варах, Николая Петровича Апраксина (1847–1907) [Русский православный храм... 2007: 130–135], у которого усердно учился русскому языку⁶.

Эндогурову полюбился молодой чешский славянофил Эдвард Елинек, который также начал захаживать к подполковнику в гости. Повидавший многое Эндогуров стал для Елинека важным посредником в деле более основательного знакомства со славянством. К сожалению, никакие сведения о карьере офицера до его приезда в Прагу до нас не

⁴ При разысканиях сочинений Елинека на русские темы нашим главным ориентиром была библиография, составленная В. Юржиной [Juřina 1951: 126–139].

⁵ О русофильстве Браунера см. [Dolanský 1959: 34].

⁶ «Театральные посиделки (веселые и меланхолические)», чешское название — «Divadelní táčky. (Veselé i melancholické)». Цит. по: [Černý 1904: 51]; см. также: [Jirásek 1945: 187].

дошли, поэтому мы можем лишь догадываться о некоторых обстоятельствах его прежней жизни. Пытливый Елинек внимательно его слушал, и кое-что запомнилось ему на всю жизнь: в частности, упоминание о польском восстании. «Также о поляках он многое мне рассказывал, а именно о последнем восстании, притом всякий раз с какой-то меланхолией в лице и голосе. Думаю, что Николай Матвеевич в злосчастном восстании лично участвовал...»⁷.

Эдварду Елинеку русский подполковник тоже с самого начала понравился. Взаимная приязнь позволила им в дальнейшем наладить более тесное сотрудничество. Так, Эндогуров внес весомый вклад в подготовку первой поездки Елинека по славянским землям в 1876 г., когда последний посетил Краков, Варшаву, Вильно и Петербург. Сильное впечатление, прежде всего из-за гнетущей атмосферы напряженности, на молодого чешского путешественника произвел переезд австро-русской границы, а позднее — Варшава. Он познакомился с богатой местной культурной жизнью, но, как человек, которому были новинку здешние политические и национальные трения, уловил также ощущение конфликта между польской и русской средой. В своих воспоминаниях он замечал по этому поводу: «Русский язык, к которому я питал огромную, в самом широком смысле слова, симпатию (и с этой симпатией пересек российскую границу), начал мне быть в Варшаве... не по душе»⁸. Российский Петербург, следующая остановка на его пути, показался молодому Елинеку уже не таким славянским, как Варшава, зато там он в полной мере проникся сознанием русской силы и мощи. О русском языке в Петербурге он написал:

Гигантская масса русского языка, которая здесь обрушивается на тебя всем своим величием, льстила славянскому чувству. Что мне в Варшаве казалось неуместным, что меня там расстраивало, здесь наполняло чувством какого-то удовлетворения⁹.

Первым, кого навещил Елинек по возвращении, был не кто иной, как Н. М. Эндогуров, которому писатель подробно рассказал о своих впечатлениях от Петербурга, Варшавы и Литвы.

Эндогуров не только активно изучал чешский язык, но занимался также переводами с чешского на русский, дабы познакомить читающую публику в Российской империи с чешской словесностью. В помощники

⁷ «Варшава. Путешествие первое» («Varšava. První cesta»). Цит. по: [Černý 1904: 99]. Здесь и далее перевод из Елинека наш.

⁸ «Варшава. Путешествие первое», цит. по: [Černý 1904: 109]. В оригинале: «Ruština [...] začala se mně ve Varšavě... nezamlouvat».

⁹ «Варшава. Путешествие первое», цит. по: [Černý 1904: 110–111].

себе он выбрал Елинека, который, хотя еще не настолько хорошо освоил русский язык, но, приложив все старания, при помощи словаря помог Ендогурову перевести пьесы «Ян Гус» («Jan Hus») Йозефа Каетана Тыла, «Элишка Пршемысловна» («Eliška Přemyslovna») Вацлава Влчка и «Смерть Жижки» («Žižkova smrt») Йозефа Иржи Коларжа. Елинек вспоминает, что подполковник, опасаясь российской цензуры, медлил с отправкой этих переводов в московский театр. В некрологе Ендогурову, упоминая о его военной карьере и жизни в России, Елинек отмечает:

Ендогуров был русским патриотом, он всем сердцем любил свой народ, говорил о нем с неизменным воодушевлением и любовью, но вернуться в Россию — насколько мне известно — не хотел. В Чехии он чувствовал себя как дома [...] [Jelínek 1877f].

Наряду с переводами и литературным трудом Ендогуров занимался также рисованием и живописью. Его живописные работы предназначались главным образом для церкви (одна из них, по словам Елинека, была вывешена в церкви св. Николая); кроме того, он рисовал портреты выдающихся представителей российской истории и литературы. Умер он в Праге 7 ноября 1877 г. и был похоронен на Ольшанском кладбище¹⁰. Воспоминания о старшем русском друге Елинек пронес через всю оставшуюся жизнь, а предисловие к одной своей небольшой работе «Украинские думы» («Ukrajinské dumy»; Прага, 1888) предварил посвящением: «Памяти русского подполковника Николая Матвеевича Ендогурова, отечески покровительствовавшего мне в молодые годы» [Jelínek 1888].

3. Русская проблематика в ранней публицистике Елинека

Начиная свою научную и публицистическую деятельность, проникнутую глубоким интересом к славянской культуре и истории, Елинек усердно собирал любой доступный материал из всех, насколько было возможно, славянских областей. Итогом этих занятий стала обширная статья «Духовные труды побратимских народов славянских в 1876 году» («Duševní práce pobratimých národův slovanských v r. 1876») [Jelínek

¹⁰ Ендогуров был похоронен на втором участке III отделения, могила № 215. На средства чешского писателя Й. Ранка на могиле был установлен крест и надгробие с фотографией. Эти сведения приводит Владимир Сис: в своей публикации он, однако, неверно указал год смерти Ендогурова: 1871 вместо 1877 [Sis 1929: 54].

Могила Ендогурова на Ольшанском кладбище в Праге, согласно регистрационной записи в информационном центре, все еще существует. Саму могилу нам, однако, не удалось обнаружить даже с помощью работников кладбища, поскольку значительная часть надгробий на этом участке заросла плющом. Последний снимок надгробия Ендогурова находим в книге [Szabo 2010: 64 (фото), 72 (текст)].

1877с] — своего рода комментированный библиографический обзор за указанный год. Елинек дал положительную оценку развития славянской литературы, которая, по его мнению, постепенно догоняла передовые европейские литературы по своему уровню. Это заметно уже в авторском предисловии:

Нет сомнения в том, что литература славянская, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, оказавшие пагубное влияние на отдельные племена, достигла такой высоты совершенства, что ее можно поставить вровень с любой из литератур мира, которых не коснулись никакие злоключения [Jelínek 1877с: 285].

В своем обзоре, разбитом на части по областям гуманитарного знания, он уделил основное внимание польским и русским сочинениям, но не забыл и о южных славянах.

В качестве важнейшего в России научного учреждения, осуществлявшего исследовательскую и издательскую деятельность, Елинек назвал Императорское Русское историческое общество с журналами «Русский архив» и «Русская старина». В своей статье он отметил и некоторые работы, опубликованные в этих журналах, присовокупив к ним несколько наиболее примечательных монографий по истории: например, очередные тома монументального сочинения Соловьева «История России с древнейших времен». Автор не упустил из вида и переводы зарубежных трудов, вышедшие в России, и новейшие литературно-критические, библиографические, юридические или философские сочинения, упомянул и продолжающееся издание «Русского энциклопедического словаря» И. Н. Березина. О российском языкознании автор пишет коротко, указывая, что объем литературы, выходящей в этой области, весьма значителен и что российским лингвистам принадлежит ведущее место среди славян. В области поэтического творчества он выделил стихотворения А. К. Толстого и Я. П. Полонского, отметив, что русская поэзия издавалась и за границей (произведения Пушкина и Лермонтова в Лейпциге). В связи с особым интересом к театру Елинек уделил немало места славянской драматургии. Говоря о России, он подчеркнул, что развитию драматургии здесь способствует объявление конкурсов с денежными премиями. Ситуацию российских драматургов он оценил позитивно: «Драматург в России вообще находится в намного более благоприятном положении, чем в других славянских землях, и плоды его труда составляют его доходный капитал, на который никто не вправе покушаться»¹¹ [Jelínek 1877с: 301]. Кроме

11 В оригинале: «[...] plody jeho jsou výnosným jeho kapitálem, kterého se nikdo dotknouti nesmí».

опубликованных пьес Островского, он называет, например, и некоторые сочинения А. К. Толстого и В. А. Александрова.

Разумеется, в своем обзоре Елинек не мог обойти вниманием славянский роман. В этой области он однозначно признает величайшими творцами Тургенева у русских (его он называет самым переводимым из славянских авторов) Крашевского у поляков. У Тургенева Елинек подчеркивает умение прекрасно выразить душу русского народа. Перечисляет он и некоторые новые сочинения других выдающихся писателей (в частности, Л. Н. Толстого), как и переиздания более ранних произведений. В разделе о журналах, выходящих в отдельных славянских странах, он указал на доминирующую роль российских, которые в то время вполне могли сравниться с лучшими французскими или английскими периодическими изданиями. Российские журналы насчитывали значительное количество сотрудников и подписчиков, и взыскательный читатель получал на их страницах подробное представление о русской литературе. В конце Елинек не забыл упомянуть и о зарубежных центрах, издающих новейшие произведения русской литературы, и иногда журналы, — таких как вышеупомянутый Лейпциг, а также Берлин и Лондон. В заключение чешский публицист остановился на сочинениях, посвященных славянской взаимности, среди которых преобладали работы русских авторов. Здесь он отметил описания путешествий российских ученых в Чехию и к южным славянам. Оценивая ситуацию в целом, он констатировал, что идее славянской взаимности до сих пор наименьшее внимание уделяли поляки, что объяснял проблемным характером их отношений с некоторыми славянами. В самом конце Елинек поместил перечень недавно умерших славянских писателей и ученых.

В этой статье Елинек, только начинавший свою публицистическую деятельность, выступает последователем идеи славянской взаимности Яна Коллара: не случайно литературную продукцию разных славянских народов он трактует здесь как единое целое. И уже в этот период его творчества заметно стремление автора не вставать на сторону одного из славянских народов, а как можно объективнее информировать о культурной жизни различных регионов и о некоторых их политических проблемах.

Наряду с объемными работами Елинек начал публиковать в чешской периодике сообщения о литературе и культуре отдельных славянских областей. Например, после возвращения из первой поездки по России он напечатал сообщение о III томе петербургского «Славянского сборника», который заинтересовал Елинека как разнообразием славянских сюжетов, так и тем, что значительная его часть была посвящена

польской проблематике [Jelínek 1877b]. Углубляя свои познания в области истории русской словесности, Елинек обратил внимание на «Домострой», один из важнейших русских исторических источников XVI в., с которым он познакомил чешских читателей в статье 1879 г. «Домострой. Страница из истории общественной жизни на Руси» («Domostroj. List z dějin společenského života na Rusi») [Jelínek 1879a].

Посещение Петербурга сильно подействовало на молодого Елинека, что отразилось в нескольких его путевых очерках. Особенно ошеломляющее впечатление произвела на него река Нева, которой Елинек посвятил очерк «На Неве» («Na Něvě») [Jelínek 1877e]. Здесь он, не скрывая восторга, поделился воспоминаниями о прогулке на корабле. Он перечисляет значительные сооружения и архитектурные доминанты города, мимо которых проплывал, и коротко характеризует их. Стараясь быть понятным чешским читателям, автор перемежает свой текст отрывками из стихотворения чешского писателя Антала Сташека «На Неве» («Na Něvě»; 1843–1931). Уже в начале своего очерка Елинек пишет, как вид славной реки укреплял его мощное чувство:

Всякий раз, приближаясь к Неве, я замедлял шаг и задерживался, ибо столько интересного и разнообразного заключено в ней, что иностранец, коему дано несколько мгновений наслаждаться ее красотами, не в силах от нее оторваться, хотя бы сотни дел призывали его идти дальше [Jelínek 1877e: 34].

В очерке «Фонтанка» («Fontanka») [Jelínek 1877d] Елинек сосредоточился на описании всевозможного товара в лавках русских мелких торговцев и их обычаев, с которыми он столкнулся, гуляя по берегам этой протоки Невы в Петербурге. Здесь он красочно передает атмосферу традиционного русского рынка и лавочек 1870-х гг., где продавалось все что угодно. Елинек подчеркивает настойчивость, ловкость и усердие петербургских лавочников, и не скрывает, как понравилось ему то, что он не увидел среди них ни одного еврея¹². Здесь торговлю он находит «чисто русским» явлением. Говоря о русских торговцах, автор пишет: «Никакому еврею не превзойти их в этом отношении, чем и объясняется то, что вдоль всей Фонтанки я ни единого еврея не приметил» [Jelínek 1877d: 303]. Восхваляя сметливость русских торговцев, Елинек умалчивал об ограничениях для евреев в царской России, в частности, о «черте оседлости». В связи с господствующим положением русских торговцев он прибавляет:

¹² Как это было довольно обычно в атмосфере, царившей в Европе в конце XIX в., отношение Елинека к еврейскому населению было в целом не слишком благоприятным. В данном фрагменте текста он, однако, хотел особо подчеркнуть то, что славяне вполне могут сравниться с евреями и в такой традиционной для них области, как торговля.

Вообще достойно внимания, что еврей, который особенно в новое время охватил своей коммерцией едва ли не весь мир, из России до сего дня не выжал ни малейшей выгоды. Израэлиту не тягаться с русским купцом, и если он явится к русскому купчику, добром для него это не кончится¹³ [Jelínek 1877d: 303].

Елинек, который приобрел у местных «купчиков» немало вещей (как водится, торгуясь), включил в свой очерк даже один русский анекдот — опять же о том, что еврейскому торговцу не сравниться с русским.

Будучи заядлым театралом, Елинек во время своих поездок в Россию и разделенную Польшу с самого начала пристально наблюдал за местной театральной жизнью. Первые свои впечатления о драматургии двух славянских соседей, подкрепленные изучением специальной и популярной литературы, он печатал на страницах нового чешского журнала «Музыкальный и театральный вестник» («Hudební a divadelní věstník»), выходявшего в 1877–1888 гг. Вначале это была публикация о польских театрах, а вскоре за ней последовала статья «Славянские театры. II. Петербург» («Divadla slovanská. II. Petrohrad») [Jelínek 1877a]. Современную русскую драматургию, прежде, по его мнению, отстававшую от западноевропейской и польской, он считал одной из лучших на континенте. Российская столица Петербург была в это время мировой театральной столицей. Помимо русских, там существовали и итальянская опера и балет, немецкий и французский театры. Эдвард Елинек наблюдал все это разнообразие с нескрываемым восторгом. Его восхищали колоссальные петербургские здания театров и впечатляющий состав исполнителей, выступавших на их подмостках. Удивила его довольно высокая цена входных билетов на оперу (на балет, по его словам, билеты стоили вдвое меньше) в Большом театре. Чешский путешественник был поражен богатым репертуаром петербургских театров, которые, как видно из его текста, он с интересом посещал. Наряду с известными актерами он пишет и о драматургах. В доказательство их высокого положения в обществе он сообщает, что Людмиле Шестаковой, сестре М. И. Глинки, после смерти композитора выплачивалась из царской казны пенсия в 1500 рублей в год.

В эти годы Елинек подробно изучал также литературу о первых шагах русского драматического искусства и о его выдающихся представителях. Особенно его заинтересовала фигура одного актера и драматурга, которому он посвятил публикацию «Из мемуаров русского актера П. А. Каратыгина» («Z paměti ruského herce P. A. Karatygina») [Jelínek

¹³ В оригинале: «Vůbec jest pozoruhodno, že žid, který jmenovitě v nové době celý téměř svět obchodem svým ovládl, z Ruska do dnešního dne ani nejmenšího nevytěžil. Vedle ruského kupce neobstojí israelita, a přijde-li k ruskému kupčiku, dobře nepochodí».

1889: 89–102]¹⁴. В ней, основываясь прежде всего на воспоминаниях этого театрального деятеля, напечатанных в журнале «Русская старина», Елинек охарактеризовал не только жизненный и творческий путь Каратыгина, но и вообще театральную жизнь в России прежде всего в 1830-е гг. В статье, однако, допущены некоторые неточности: в частности, указывается, что актер умер 9 мая 1839 г. [Jelínek 1889: 102], тогда как настоящая дата его смерти — 24 сентября (6 октября) 1879 г.

Установив контакты с редакциями заграничных журналов, Елинек в свою очередь стал посылать туда статьи о чешском театре. В основном это были польские, но также и русские периодические издания. Так, известно, что для петербургского литературно-художественного еженедельника «Искусство» (№ 23 за 1883 г.) он написал статью «Национальный театр», в которой показал значение пражского Национального театра для чешского народа [Jirásek 1945: 187].

После 1876 г. Елинек стал много писать на славянские темы. Хотя основная масса его статей касалась польских земель, русская проблематика для него была тоже очень важна. В доступных ему источниках Елинек искал различные сведения о контактах русских с другими славянами. В итоге он собрал материал для статьи о начале чешско-русских связей на рубеже XVIII–XIX вв., озаглавленной «Русские в Праге (1799–1813)» («Rusové v Praze (1799–1813)») [Jelínek 1878]. В ней он информировал чешских читателей о пребывании союзнических российских войск в Чехии, и прежде всего в Праге, во время французских революционных войн (в период Второй коалиции) и в конце наполеоновских войн. Речь шла о фактически наиболее раннем непосредственном соприкосновении чешского населения с русскими, которое затем оказало немалое влияние на ориентиры чешского движения возрождения в XIX в. В первой части статьи Елинек описал ситуацию между 11 и 21 июля 1799 г., когда через Прагу прошло более 35 000 солдат вспомогательной русской армии. Главным источником для него стала глава «Марш вспомогательного войска русского столичными городами пражскими» («Tažení pomocného vojska ruského přes hlavní města pražská») [Rulík 1800: 198–202], входящая в «Календарь исторический» («Kalendář historický») пражского деятеля чешского возрождения Яна Рулика (1744–1812). Елинек воспроизвел с мелкими поправками изложенное Руликом и вслед за ним подчеркнул, что чехи в то время сблизились с русскими солдатами, прежде всего благодаря родству русского и чешского языков. Пражане проявляли уважение к русским военным и считали для себя честью, если могли засвидетельствовать кому-либо из них свое почтение. На тот же источник Елинек опирался в следующей,

¹⁴ Оригинал статьи 1879 г. нам в чешской печати того времени найти не удалось.

более короткой части статьи, посвященной пребыванию генералиссимуса А. В. Суворова (1730–1800) и его штаба в Пльзене и особенно в Праге, куда он прибыл 20 декабря 1799 г. [Rulík 1800: 256–258]. Из-за разногласий между Россией и Австрией русские войска после побед, одержанных над Францией на севере Италии, были отозваны, и Суворов с лаврами успешного военачальника возвращался через Чехию обратно в Россию. Его пребывание в Праге в течение пяти недель, когда он квартировал в доме полковника Якуба Виммера, расположенном в одном из престижнейших в то время районов Нового города на улице На Пршикопех, было знаменательным общественным событием для пражан, которые внимательно следили за каждым шагом русского военачальника.

Во второй раз Прага стала местом пребывания ряда заметных российских деятелей в завершающий период наполеоновских войн. После того как 27 августа 1813 г. армии Австрии, Пруссии и России потерпели поражение от Франции в битве под Дрезденом, французские войска начали продвигаться на чешскую территорию. Русский царь с двумя великими князьями и многочисленной свитой находился в Праге, тогда как российская армия направилась на северо-запад Чехии, где 29–30 августа 1813 г. в окрестностях населенных пунктов Хлумец и Пршестанов близ города Усти-над-Лабем в значительной мере способствовала победе австро-пруссских войск над силами французского генерала Доминика-Жозефа Вандама. Особая заслуга русских была в том, что они остановили наступление французов на Прагу [Pernes et al. 2003: 234]. Елинек излагает ход этих событий главным образом на основании мемуаров российского адмирала и писателя А. С. Шишкова (1754–1841) [Шишков 1870], который вначале сопровождал русскую армию, двигавшуюся к Хомутову, но затем из-за болезни вынужден был вернуться в Прагу, где находились вышеперечисленные представители верхушки российского общества. Елинека в записках адмирала заинтересовало как то, что русские в Праге страдали от отсутствия чая, который был в Чехии редкостью, так и то, что Шишков в Праге часто принимал у себя одного из основоположников славистики Й. Добровского (1753–1829) и других чешских патриотов, с которыми обсуждал проблемы славянства.

Битва под Хлумцем унесла не менее 6 000 жизней со стороны союзников (преимущественно русских); еще больше потерь было у французов. Кроме того, на поле боя остались тысячи раненых, которых перевозили в госпитали в близлежащие города Северной и Центральной Чехии вплоть до Праги. Елинек со слов Шишкова сообщает, что большинство русских раненых было размещено в пражских лазаретах, где многие из них вскоре скончались от полученных ран. Похоронили их

на военном кладбище в районе Жижкова. Шишков тогда написал обращение к пражанам с просьбой пожертвовать средства для сооружения памятника погибшим солдатам. Вскоре было собрано достаточно денег, и памятник был установлен¹⁵. Более шестидесяти лет спустя Елинек хотел напомнить чешским читателям об этих важных событиях истории чешско-русских отношений.

Материалы из этой статьи, связанные с пребыванием в Чехии российских солдат и офицеров, Елинек использовал также в обширной публикации «Славянская взаимность в Чехии» («Vzájemnost slovanská v Čechách») [Jelínek 1879d], печатавшейся с продолжением в нескольких номерах журнала «Коледа» («Koleda») за 1879 г. В ней он дал подробный обзор связей чехов с остальными славянами и охарактеризовал концепцию славянской взаимности у ведущих фигур чешского национального движения, в которой связи с Россией играли ключевую роль. В этой обзорной работе автор не ставил своей целью освещать и разбирать споры между отдельными славянами и теневые стороны их отношений. Однако он все же обратил внимание и на некоторые разногласия, например, на речь политика «старочешской» ориентации Франтишека Ладислава Ригера, произнесенную 2 июня 1867 г. в Сокольниках в рамках так называемого паломничества славян на Русь. В своей речи Ригер высказался по вопросу русско-польских отношений и по поводу отсутствия среди «паломников» поляков. Елинек для своей статьи выбрал ту часть речи Ригера, в которой чешский политик указал на ошибочные взгляды российской стороны, заявив, в частности, что истинный панславизм может быть достигнут лишь тогда, когда каждый славянин будет уважать самобытность и права другого славянина [Jelínek 1879d: 71]. Ф. Л. Ригер, однако, говорил и об ошибках поляков, о том, что восстание 1863 г. было несчастьем для них и всего славянства [Prelog 1931: 102–103]. Этой своей речью Ригер нажил себе врагов как в России, так и среди поляков.

Елинек основательно знакомился с наследием выдающихся деятелей славянского мира и рассказывал о них читателям чешских периодических изданий. Одним из тех, чьи усилия нашли у чешского автора отклик, был известный российский историк и писатель Погодин (1800–1875), которому он посвятил статью «Михаил Петрович Погодин в Польше и в Чехии» («Michail Petrovič Pogodin v Polsku a v Čechách») [Jelínek 1879c]. Примечательно объединение в статье чешской, польской

¹⁵ В 1945 г. памятник русским солдатам и офицерам, умершим в 1813 г. в Праге после военных действий на территории Саксонии и Северной Чехии, был перемещен с I коммунального кладбища на место захоронения красноармейцев на Ольшанском кладбище.

и русской тематики, т. е. всего того, что было приоритетным для Елинека. Главным источником для статьи стали российские публикации¹⁶, в том числе сочинения самого Погодина. В контексте отношения русского историка к полякам и чехам представляет интерес такая фраза Елинека: «Польский “патриотизм” не вызывал у него издевательской усмешки, а чешская “заброшенность”, “убогость” — неуважительного отношения либо пренебрежения»¹⁷ [Jelínek 1879с: 486].

Говоря о контактах Погодина с польскими коллегами, автор отметил, прежде всего, его общение со славистом Самуэлем Линдой (1771–1847) и познакомил читателей с некоторыми важными высказываниями историка о русско-польских связях, например: «Мы будем учиться польскому, а поляки — русскому, и таким образом мы будем все яснее сознавать наше братство» [Jelínek 1879с: 486]. Впрочем, Елинек к этому добавил, что Погодин изменил некоторые свои прежние взгляды после польского восстания 1863 г., выступив против требований и действий поляков. Из обширных контактов Погодина с чешскими патриотами автор статьи упомянул его дружеские связи с библиотекарем Патриотического музея Чехии (ныне Национальный музей) русофилом В. Ганкой, панславистами историком П. Й. Шафариком и поэтом Я. Колларом, физиологом и деятелем национального возрождения Я. Э. Пуркине и др. В заключение Елинек сообщил, что Погодин составил для российского министерства просвещения обзор о современном положении славян, в котором, в частности, отстаивал права чехов и поляков. Чешский сочинитель выражал сожаление в связи с тем, что в России не было услышано пожелание Погодина, чтобы польскому языку уделялось должное внимание в образовательных учреждениях и в общественной жизни Царства Польского.

На склоне лет российский историк в последний раз посетил Прагу, где, кроме прочего, присутствовал на театральном представлении по комедии И. А. Крылова «Пирог», которое было дано в память о хорватском поэте Петаре Прерадовиче (1818–1872). В спектакле, поставленном на русском языке, роль Милона, любовника Прелесты, сыграл молодой Эдвард Елинек. С ролью он, вероятно, справился хорошо (хотя сам критически отзывался о своем исполнении), поскольку, по его словам, его игру похвалил сам Погодин¹⁸.

Важной темой для публикаций Елинека стало освещение деятельности выдающихся женщин в славянском обществе. Особое внимание

¹⁶ Прежде всего работа Н. А. Попова «М. П. Погодин как славянский публицист» (Попов Н. А. Родное племя. Москва, 1877).

¹⁷ В оригинале: «Polské “vlastenectví” nevzbuzovalo v něm zlověstné úšklebky a česká “opuštěnost”, česká “chudoba” nevedly ho k nevážnosti neb dokonce k snižování».

¹⁸ «Театральные посиделки (веселые и меланхолические)», цит. по: [Černý 1904: 52–53]; см. также: [Jirásek 1945: 187].

он уделял женщинам в польской культуре¹⁹, однако искал параллели этой темы и в российской среде. Здесь его заинтересовала история Е. Р. Дашковой (1743–1810. Основываясь на изучении опубликованных мемуаров Дашковой, других документов того времени и специальной литературы, Елинек в статье «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Страница истории общественной и государственной жизни на Руси» («Kněžna Kateřina Romanovna Dašková. List z dějin společenského a státního života na Rusi») [Jelínek 1880a] представил ее чешским читателям как личность, которая, для того чтобы заручиться благосклонностью влиятельных особ, не раз прибегала к интригам, за что на родине ее не слишком любили.

На страницах ежедневной прессы чешский литератор печатал сообщения и очерки, посвященные разнообразной славянской проблематике — в том числе русской. Здесь можно назвать, например, очерк «Семья русских миллионеров (Демидовы)» («Rodina ruských milionářů. (Demidové.)») [Jelínek 1880b], где автор познакомил чешских читателей с некоторыми представителями этого богатого рода и обрисовал их деятельность.

Кроме культурных, литературных и исторических тем, сочинитель описывал и характерные особенности славянских народов. В одной из своих заметок под названием «Характеры в речи славянской» («Karakteristika v mluvě slovanské») [Jelínek 1879b] он пытался показать, как отражают национальный характер двух соседних славянских народов, русских и поляков, часто используемые в их речи слова и обороты. Национальный характер русских, по его мнению, передает слово «ничего», которое можно услышать в избе и во дворце, в деревне, и в городе. Елинеку в нем слышалось некое всепроникающее спокойствие — антипод отчаяния и жалоб. Сравнивая затем русский национальный характер с польским, он заметил: «Если дух русский обнаруживает неоспоримую простоту, глубину и явное нерасположение к соблюдению так называемых пустых формальностей, то едва ли не полная противоположность этому проявляется в Польше»²⁰ [Jelínek 1879b: 1].

1880 год условно завершает первый этап публицистической деятельности Елинека, когда он посылал свои работы на русские темы в чешскую прессу (чаще всего в журнал «Лумир» («Lumír»)), завязав тем самым ценные контакты на будущее в редакциях ведущих чешских периодических изданий. В эти годы он также обзавелся друзьями и

¹⁹ Ср., например, «Польские женщины и девушки. Незабудки из книг дорог и жизни» («Polské paní a dívky. Nezabudky z knih cest a života», Прага, 1884) или «Дамы давних польских салонов» («Dámy starších salonův polskich», Прага, 1888).

²⁰ В оригинале: «Jeví-li se v duchu ruském nepopíratelná prostota, jadrnost a patrná nechuť ku holdování tak zvaným zbytečným formalitám, jeví se téměř pravý opak toho v Polsku».

установил связи с коллегами в кругах зарубежных славистов, что вскоре оказалось весьма полезным. Пять больших своих ранних публикаций, посвященных русским сюжетам, Елинек вновь издал в конце 1880-х гг. в книге «Славянские очерки из жизни общественной, литературной и художественной» («Slovanské črty ze života společenského, literárního i uměleckého»; Прага, 1889)²¹.

4. Редактор «Славянского сборника»

Опыт, приобретенный Елинеком в ходе путешествий в славянские земли, изучения литературы и публикации своих работ на родине и за рубежом, внушил ему идею создать новый специальный журнал, посвященный всем славянским регионам, который первоначально назывался «Сборник славянских статей из области этнографии, истории культуры, литературной и общественной жизни» («Sborník slovanských statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života»; 1881). Елинек намеревался печатать в «Славянском сборнике»²² специальные, научно-популярные статьи и образцы литературы (прозы и поэзии), доступные в том числе непрофессиональной общественности. Свое место в журнале занимала и русская проблематика. В первом томе Елинек, занимавшийся, как главный редактор подготовкой издания, перепиской с авторами и редактированием текстов, сам опубликовал только одну статью под названием «Просвещение в России» («Osvěta v Rusku») [Jelínek 1881], где, основываясь на новейших статистических данных, обрисовал картину тогдашнего состояния в области образования в России. Из статьи следует, что по среднему уровню образованности тогда на первом месте находилась Новороссия, за которой следовали Московская и Петербургская губернии.

Наиболее богат статьями с российской проблематикой был второй том «Славянского сборника» (1883). Наряду с публикациями самого Елинека в нем, как и в последующих томах, было также немало статей других авторов на русские темы. Одним из любимых регионов Елинека во время его путешествий к славянам стала Литва, которой в данном томе посвящена его статья «В Литве тишина» («Na Litvě ticho» [Jelínek 1883d: 567–572]. В этом типичном для него очерке выражена ностальгия,

²¹ Из 14 очерков, собранных в этой книге, с Россией связаны следующие: «Русские в Праге (1799–1813)», «Русский “Домострой”», «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова», «Из мемуаров русского актера П. А. Каратыгина» и «Михаил Петрович Погодин в Польше и в Чехии».

²² Начиная со второго тома, журнал выходил под названием «Славянский сборник статей из области этнографии, истории культуры, литературной и общественной жизни» («Slovanský sborník statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života»).

печаль и сочувствие автора в связи с тогдашней ситуацией в Литве. Следует пояснить, что понятия «Литва» и «литовский» имели для него географическое, а не этническое содержание. Елинек писал прежде всего о славянской среде и культуре в Литве, а именно польской в лице таких ее представителей, как А. Мицкевич, И. Лелевель, Э. Ожешко, А. Г. Киркор и др. Елинек напоминает о роли Виленского университета как центра образования, и всю его статью пронизывают аллюзии, связанные с кульминационными периодами развития польской науки и культуры с ее неизменной шляхетской составляющей. Автор перечисляет этапы упадка польской жизни в Литве в XIX в., переломными моментами в котором стали два польских восстания, но воздерживается от критических высказываний в адрес российских властей. Возможно, не желая задеть русских друзей, он подписал статью псевдонимом Й. Правда.

Из поездки в Россию в 1882 г. Елинек вынес сильные впечатления от Всероссийской художественно-промышленной выставки в Москве, о которой он информировал читателей своего журнала в довольно объемной статье [Jelínek 1883e]. В литературе величайшим авторитетом для него стал И. С. Тургенев. Глубоко опечаленный его кончиной, Елинек написал и опубликовал в журнале некролог с автобиографическим фрагментом одного из произведений писателя [Jelínek 1883b]. Не пропуская круглых дат выдающихся представителей славянских литератур, он к столетию со дня рождения В. А. Жуковского опубликовал его краткую биографию [Jelínek 1883i]. От русских коллег Елинек получал информацию также об отдаленных российских регионах. Подтверждением этого служит его заметка «Из сибирской литературы» («Ze sibiřské literatury») [Jelínek 1883h], где он говорит о современном развитии научных исследований и издательского дела в Сибири, обращая особое внимание на сочинения по географии и этнографии, и знакомит читателей с избранными статьями нового журнала «Восточное Обозрение». В другой публикации он рассказал об издании в России специальной литературы по картографии в течение последних десятилетий [Jelínek 1883c]. Елинек печатал также перечни журналов, выходивших в отдельных славянских областях, указывая и стоимость подписки²³. Уделяя неизменное внимание вопросу образования в России, он высоко оценил деятельность Санкт-Петербургского комитета грамотности, о задачах которого информировал чешских читателей в сообщении по случаю двадцатилетия этого учреждения. Его работу он назвал «одной из прекраснейших страниц в истории российского просвещения» [Jelínek 1883a]. В течение 1883 г. Елинек в «Славянском сборнике» высказывался также по разным вопросам славянской жизни в серии публикаций

²³ О российских журналах см.: [Jelínek 1883f: 584].

под общим названием «Славянские главы», среди которых, конечно же, были и тексты, связанные с Россией.

В следующих четырех томах журнала российская проблематика по-прежнему занимала одно из ведущих мест, хотя публикаций самого Елинека на эти темы стало меньше. В 1884 г. он откликнулся на российские новинки лишь в рубрике «Обзоры о литературе» («Rozhledy v literatuře») [Jelínek 1884]; аналогично обстояло дело и в дальнейшем. Интересуясь славянами, Елинек путешествовал и по неславянскому миру, разыскивая там их следы. Одной из его целей стала Франция, где он, кроме чешской, познакомился также с польской и русской общинами. Сведения о приблизительно трехтысячной русской эмиграции здесь он изложил в первой части публикации «Славянские впечатления из Франции. Несколько страниц из дневника» («Slovanské dojmy z Francie. Několik z deníku vytržených listů») [Jelínek 1885f]. В 1885 г. он включил в «Славянский сборник» один очерк из литовской жизни [Jelínek 1885e] и три некролога восточнославянских деятелей: российского археолога А. С. Уварова [Jelínek 1885c], писателя Ю. С. Анненкова [Jelínek 1885d] и белорусского литератора Винцента Дунина-Марцинкевича [Jelínek 1885g]. В 1886 г., вероятно, из-под его пера (в чем нет уверенности) вышел и был напечатан в «Славянском сборнике» только некролог русского драматурга А. Н. Островского [Jelínek 1886], а в следующем году он лишь касался русских тем в некоторых своих сообщениях.

В период, когда Елинек был редактором «Славянского сборника», как и позднее, в его публикациях не раз возникала тема Сибири — прежде всего в связи с российско-польскими отношениями. Сибирь в его текстах выступает обычно воплощением скорби и бедствий. Трагические судьбы поляков, отправленных царскими властями в сибирскую ссылку, Елинек показал в очерке о семье Фелиньских [Jelínek 1885b], основанном на опубликованных воспоминаниях Эвы Фелиньской и на книге ее сына, архиепископа Зигмунта Шченсного-Фелиньского о его сестре Паулине Фелиньской. Чувство напряжения и горя Елинек воссоздал, используя переписку между сосланной матерью и ее дочерью. В мемуарном очерке «Последний друг» [Jelínek 1894: 85–96] Елинек передал гнетущую атмосферу на железнодорожной станции в Ивангороде (у Елинека — «Ивангород»), где он наблюдал группу приговоренных к отправке в Сибирь, конвоируемых солдатами. Говоря об отношении русских к осужденным, он замечает:

Русские люди отнюдь не «сентиментальны», но преступника, которого гонят в Сибирь, они называют нежным словом «несчастный». Простой крестьянин Болдаров выстроил на сибирском тракте «гостевой дом для преступников», назначив капитал, за счет которого этих «несчастных» принимают и

щедро оделяют. Уже ввиду этой черты характера я не могу неблагоприятно судить о русском народе...²⁴ [Jelínek 1894: 88].

Впервые же чешский писатель встретил ссылаемых в Сибирь в Варшаве в 1880 г., о чем он лишь вкратце упоминает в своих воспоминаниях. Став свидетелем этапирования осужденных, скованных одной цепью, через ночную Варшаву, он записал в своих заметках: «В темноте и струях дождя от разразившейся ровно тогда весенней грозы, в дрожащем мерцании газовых фонарей сцена сия невольно напомнила мне известный рисунок Гротгера “Путь в Сибирь”. Картина ожила»²⁵.

Тема Сибири возникает также в статье «Следы сибирского беглеца» [Jelínek 1892]²⁶, где Елинек изложил историю Феликса Суйковского, поляка, сосланного за участие в восстании 1863 г. в Иркутскую губернию. Здесь ему предстояла бессрочная служба в российской армии, откуда он, однако, сумел бежать и оказался в Праге, где вскоре после этого, в 1877 г., умер. Елинека его история заинтересовала еще и потому, что о Суйковском он слышал и раньше, в частности, в 1885 г., встречаясь в Варшаве с группой амнистированных сибирских ссыльных. Последняя сибирская нота, о которой здесь стоит упомянуть, звучит в путевом очерке из белорусской жизни под названием «Материнское сердце» («Matčino srdce») [Jelínek 1891a: 83–95]. Елинек описал в ней суд, на котором сам присутствовал, над умственно отсталым белорусским пастухом, убившим свою мать, за что его сослали в Сибирь.

Из русских писателей для Елинека по-прежнему оставался образцом Тургенев, которому чешский редактор уделял много внимания не только в «Славянском сборнике». После того как к нему в руки попал первый том писем Тургенева, изданный 1885 г., он опубликовал сообщение о нем в чешской печати [Jelínek 1885a]. Елинек ценил как творчество Тургенева, так и его характер и взгляды, которые не изменились и после продолжительного пребывания за границей. По этому поводу он заметил:

Тургенев не изменился — как лицо его до последнего оставалось прекрасным лицом русского человека, так и душа его не удалялась от родины. Отличие только в том, что Тургенев не был ретроградом и не считал, что благое

²⁴ В оригинале: «Ruský národ jistě není „sentimentální“, ale zločince na Sibiř hnaného jmenuje měkkým slovem „nešťastného“. Prostý sedlák Boldarov vystavěl na poušti vedoucí k Sibiři „pohostinný dům pro zločince“, a při tom domě založil kapitál, z něhož „nešťastní“ zločinci bývají pohostováni a štědře obdarováni. Již pro tuto charakteristickou stránku nemohl bych o ruském lidu smýšleti nepřívětivě».

²⁵ «Варшава. Путешествие второе», цит. по: [Černý 1904: 115].

²⁶ Позже статья была перепечатана в [Černý 1904: 130–141].

дело русское — благое лишь потому, что это дело русское и православное²⁷ [Jelínek 1885a: 1].

Елинек также выразил удовлетворение в связи с тем, что в изданный том не особенно вмешивалась российская цензура.

5. Отношение Елинека к России и славянскому вопросу

Для чешской интеллигенции — представителей национального возрождения XIX в. — интерес к России и русофильские настроения были с самого начала крайне важны. Перелом произошел в начале тридцатых годов в связи с восстанием 1830 г. в Польше, когда царскую Россию начали более критически воспринимать, например, П. Й. Шафарик и Ф. Л. Челаковский, в особенности же молодое поколение. Аналогично складывалась ситуация после польского восстания 1863 г. Однако симпатии, которые чешские политики, публицисты и интеллектуалы (преимущественно представлявшие «младочешское» течение) проявляли тогда к полякам, в последующие годы стали постепенно затухать, так что на рубеже 1860–70-х гг. в чешской политике и журналистике вновь возобладало русофильство. Создание австро-венгерской дуалистической монархии в 1867 г. воспринималось как крах чешских национальных устремлений, поэтому чешские политики и журналисты опять повернулись лицом к Российской империи. Вследствие разногласий чешских политиков с польскими представителями в государственном совете и с католическими кругами интерес чешского общества к польским делам притупился.

Как убежденный полонофил выступал — например, в своей публикации «Поляки и чехи» («*Poláci a Češi*»; Прага, 1863) — чешский публицист, педагог и политик, сменивший «младочешскую» ориентацию на «старочешскую», Эмануэл Тоннер (1829–1900). Он, однако, в начале 1870-х гг. умерил свои полонофильские взгляды и в книге «Искреннее слово к полякам и русским» («*Slovo upřímné Polákům a Rusům*»; Прага, 1871) советовал полякам, чтобы в ожидавшемся тогда российско-германском конфликте они, поборов вражду, встали на сторону России. Вместе с тем он рекомендовал им отказаться от части своих требований (например, возвращения границ польского государства к состоянию до 1772 г.), а русским — признать некоторые права польского населения. Из других известных представителей чешской культурной и политической жизни от полонофильских настроений отказались, перейдя к русофильству, в

²⁷ В оригинале: «Ale Turgeněv se nezměnil; tak jak tvář jeho do poslední chvíle byla překrásným typem ruského muže, tak duch jeho nevzdaloval se od vlasti. Rozdíl jen v tom, že Turgeněv nebyl zpátečníkem a že nepřipouštěl, že dobrá věc ruská je dobrá jen proto, že je ruská a pravoslavná».

частности, поэт и журналист Ян Неруда (1834–1891), «младочешский» политик и журналист Карел Сладковский (1823–1880) или журналист, соучредитель газеты «Народни листы» и также «младочешский» политик Юлиус Грегр (1831–1896) [Krejčí 1955: 354]. У последнего перемена взглядов произошла в 1867 г., когда он, до тех пор заядлый полонофил, принял активное участие в «паломничестве на Русь»²⁸. Главным чешским полонофилом в 1870-е гг. оставался католический священник, каноник и настоятель Вышеградского капитула Вацлав Штулц (1814–1887), переводивший на чешский язык польскую литературу. Чешско-польские связи на практике развивал также другой католический священник, поэт и деятель национального возрождения Болеслав Яблонский (наст. имя Карел Тупы), настоятель монастыря премонстранток в деревне Звежинец (ныне часть Кракова) [Bartoš 1963: 53–54].

Чешское русофильство 1880-х гг., однако, было далеко не единым. Внутренний кризис царского самодержавия, кульминацией которого стало убийство царя Александра II народовольцами в 1881 г., отозвался и в чешских политических и культурных кругах. Общество расколола так называемая проблема двух Россий (царской и революционной), которая проявлялась зачастую еще резче, чем споры между русофилами и полонофилами [Krejčí 1955: 354].

Со второй половины 1870-х гг. свое место среди представителей чешского общества, занимавших разные позиции в славянском вопросе, искал и Эдвард Елинек. Можно сказать, что своим взглядам, которые сформировались у него к началу 1880-х гг., он остался верен до конца своей жизни. Его романтическому видению действительности наиболее отвечала концепция славянской взаимности Яна Коллара. Приверженный ей, он выражал веру в будущее славянства, в освобождение и сближение славянских народов, вместе с тем признавая их право на индивидуальность, собственный язык и свободное развитие. Из чешских политиков на него оказали влияние видные деятели «старочешской» партии Франтишек Палацкий и Франтишек Ладислав Ригер, стоявшие на русофильских позициях, но не относившиеся к Российской империи безоговорочно некритически. Другим заметным деятелем чешского национального возрождения, формировавшим отношение Елинека к славянам, был поэт, журналист и политик, представитель «австрославизма» Карел Гавличек (1821–1856), который изложил свои изменившиеся взгляды на Россию в публикации, печатавшейся с продолжением под названием «Зарисовки с Руси» («Obrazy z Rusi»; 1843–1846).

Елинек был идеалистом-романтиком, опиравшимся на выше-названные авторитеты, и в то же время он принадлежал к тем чехам,

²⁸ Об этом «преображении» Грегра см. [Doubek 2004: 145–149].

которые стремились глубже познать какой-либо иной славянский этнос, помимо русского. В центре его интересов находилась Польша, и со временем он стал ведущим представителем чешских полонофилов. Следует, однако, подчеркнуть, что его полонофильство — хотя он и указывал на несправедливость России в отношении поляков — не подразумевало вражды или неприязни к России и к русскому народу. Напротив, как это демонстрирует прежде всего «Славянский сборник», он интересовался Россией и в своих работах уделял должное внимание русской проблематике. Взгляды Елинека на славянство отличали гуманизм, уважительность и деликатность. Характеризуя понимание им славянства, Йозеф Йирасек писал: «Эдвард Елинек — это чешский Леже²⁹. Популяризатор, который не закрывает глаза на ошибки, но старается взвешенно подходить к недостаткам или мягко на них указывать»³⁰ [Jirásek 1945: 186]. С научной точки зрения, согласно Елинеку, каждый народ имеет право рассматриваться объективно; важны люди — славяне, не большие или малые, богатые или бедные и т. д. В связи с этим он напоминал:

Таких принципов упорно держался наш Гавличек; единым оком, сердцем и разумом он судил о правах и поступках первого из польских магнатов и последнего русского мужа, российского премьер-министра и последнего польского «хлопа»³¹ [Jelínek 1883g: 211–212].

После восстания 1863 г. российско-польский конфликт стал неотъемлемой частью многочисленных дискуссий на чешской политической сцене, в литературе и журналистике. Елинек при каждом своем посещении России, а в ее составе и Царства Польского, и Литвы с Белоруссией, знакомился с политической, религиозной, национальной и культурной ситуацией в царской империи. В 1880-е гг. его позиция в российско-польском вопросе уже достаточно сформировалась, и он изложил свои взгляды в нескольких сочинениях. Первой была публикация, адресованная польской общественности, «Славянская идея в Чехии» («Idea Słowiańska w Czechach»; Краков, 1881). За ней последовала книга «Ради чешско-польского согласия. Несколько заметок насущных и исторических» [«Pro shodu česko-polskou. Několik úvah věcných i historických»] (Прага, 1887), в которой автор развил положения своей

²⁹ Луи Леже (1843–1923), профессор славянских языков и литературы в Коллеж де Франс. Занимался главным образом славянской мифологией; свободно говорил и писал по-чешски.

³⁰ В оригинале: «Edvard Jelínek — toť český Léger. Je popularizátorem, oči před chybami sice nezavírá, nedostatky však hledí vyrovnávatí nebo jen jemně naznačovatí».

³¹ В оригинале: «Takových zásad vzdorně držel se náš Haviček; jedním okem, jedním srdcem a jedním rozumem posuzoval právo i čin prvního polského magnáta i posledního mužika ruského, prvního ministra ruského a posledního chlopa polského».

польскоязычной работы. Считая российско-польский конфликт одним из ключевых моментов для чешско-польских связей в тот период, он захотел поделиться с соотечественниками своими наблюдениями и результатами изучения данного вопроса. Так же как и в последующих своих публикациях, Елинек комментировал проблему и указывал на камни преткновения в тогдашних российско-польских отношениях, но вместе с тем подчеркивал, что его суждения относятся не к русскому народу, а к системе власти. Это были основательные комментарии, зачастую опиравшиеся на новейшую русскую и польскую литературу, но в них не прослеживается авторская концепция и отсутствуют предложения по преодолению конфликта. Наряду с этим Елинек обозначил свое мнение по поводу украинской ситуации: «Что до единства великорусской и малорусской ветви, разбирать это не буду; замечу лишь, что данный вопрос еще не решен, как заявляют многие»³² [Jelínek 1887: 27].

Свои взгляды он уточнял и в других работах. Некоторые из них появились в связи с полемикой в журнале «Час» («Čas») в 1891 г., которую начал «младочешский» политик Карел Крамарж (1860–1937) серией публикаций под названием «Впечатления от России» («Dojmy z Ruska»; №№ 1, 2, 4, 5, 6). Елинек по предложению редакции откликнулся на них статьями «О споре русско-польском» («Ke sporu rusko-polskému»; №№ 9–10), в которых отстаивал свои давние убеждения. Здесь он, кроме прочего, писал: «Я не противник России, но я противник русификации нерусских народов славянских» [Jelínek 1891b: 140]. На заметки Елинека отреагировали в одноименных статьях (в № 12) славист и публицист Адольф Черны (1864–1952), затем вновь Карел Крамарж (в № 13) и последним (в №№ 14–15) философ и в тот период «младочешский» политик Томаш Гарриг Масарик (1850–1937). В частности, Масарик попытался предложить решение спора, заявляя, что русские должны предоставить полякам полную автономию и обеспечить права польского языка в учебных заведениях и учреждениях. Вместе с тем он утверждал, что в данных политических обстоятельствах поляки не могут иметь собственного государства [Masaryk 1891: 239–240].

Прежнюю точку зрения на обсуждаемый конфликт Елинек развил после своей двенадцатой поездки по польским областям, совершенной в 1892 г. Свои наблюдения он обобщил в книге «Дела польские. Славянские чаяния» («Věci polské. Slovanské tužby»; Прага, 1893). В ней Елинек вновь размышляет о германизации и русификации, возведенных разделившими Польшу державами в ранг государственной политики. Польское восстание 1863 г. он считал неверным шагом, но в то же время

³² В оригинале: «Co se jednotnosti větve velkoruské a maloruské dotýče, rozlušťovati to nehodlám, podotýkám jen, že otázka ta není ještě překonána, jak mnozí prohlašují».

выражал несогласие с репрессиями со стороны царских властей после его поражения. В связи с этим он писал:

Мы осуждаем последнее польское восстание как несчастливое и ошибочное предприятие, но в его внутренней сущности, и еще менее — в его последствиях для России мы не усматриваем никаких причин для обоснования или даже оправдания всего того, что произошло после этого востания и что по сей день толкуется и изображается как результат 1863 года³³ [Jelínek 1893: 13].

Тема неблагоприятных российско-польских отношений Елинека как славянского идеалиста волновала настолько, что он воплотил ее даже в своем беллетристическом произведении «Бабочка из Норвежской сказки. Роман молодой девушки» («Motýlek z Norské pohádky. Román mladé dívky»; Прага [1895]). Действие романа разворачивается в русской среде после восстания 1863 г.; главная героиня, девушка-приемыш Надежда, в конце концов узнает, что она не русская, а полька, после чего знакомится со своими оставшимися в живых сестрами и братом, и они все вместе переезжают в родную литовскую усадьбу. В книге Елинека, через которую отчетливо проходит тема русско-польского конфликта, звучат мотивы любви к родине, странствий и возвращения, но сюжет проработан слабо, и все повествование сентиментально до слащавости.

К российско-польскому вопросу Елинек обратился также в сборнике лирических зарисовок в прозе под названием «Мелочи. Наброски мелом» («Nahodilosti. Křídové rysy»; Прага, 1895). Так, в очерке «Варшавские колокола» («Zvony varšavské») он показал различия между польской и русской Варшавой на фоне празднования католической и православной Пасхи [Jelínek 1895b: 75–76].

В обществе славян Елинек находил естественным говорить на каком-либо славянском языке (по-польски или по-русски); если кто-то в ходе такой беседы обращался к нему по-немецки, это вызывало его возмущение. Подобную ситуацию он описал в своих воспоминаниях³⁴, рассказав, как в 1890-е гг. встретился в мастерской своего друга, польского художника Яна Стыки в Кельце с русским генералом (в тексте он выступает под фамилией Девийе). Когда после короткого общения Елинек предложил генералу, упорно говорившему только по-немецки, перейти на польский (прослужив много лет среди поляков, тот, конечно же, понимал польский язык и, скорее всего, мог на нем изъясняться),

³³ В оригинале: «Zavrhujeme poslední polské povstání jako podniknutí nešťastné a chybné; ale v jeho podstatách vnitřních, tím méně v jeho konsekvencích pro Rusko nespatrijeme nikterak odůvodnění neb dokonce ospravedlnění všeho toho, co se po tomto povstání událo a podnes jako následek roku 1863 se vykládá a předstírá».

³⁴ «“Мистическое” открытие польского художника и встреча с русским генералом», цит. по: [Černý 1904: 89–97].

его поразили ответ собеседника, что в России среди офицеров считается неприличным говорить по-польски. Весь этот диалог велся на фоне патриотических картин Стыки. Тем самым автор указал на нетерпимое отношение к польскому языку в русском обществе.

6. Заключение

В обширном наследии Елинека российской проблематике посвящена лишь небольшая часть им написанного: в его творчестве преобладают сочинения на польские темы, где автор воспевае жизнь шляхты в Литве и Белоруссии, восхищается варшавскими салонами или старинным Краковом. Тем не менее тема России поднимается в нескольких десятках его произведений, часть из которых, вероятно, еще остается разбросанной по разным периодическим изданиям. Это статьи, рецензии, сообщения, библиографические обзоры, публикации о польско-русских отношениях, очерки и роман.

Наиболее пристальный интерес Елинека к России замечен в начале его творчества, когда он во время своих путешествий знакомился с Россией, русским народом и его культурой. В те годы на страницах чешской печати появилось больше всего его публикаций о России и русско-чешских связях. Неоспоримая заслуга в этом принадлежала его русскому другу в Праге подполковнику Ендогурову. После того как Елинек стал главным редактором «Славянского сборника», он напечатал там не так много собственных работ о России (прежде всего это были обзоры и рецензии), однако неукоснительно следил за тем, чтобы публикации, посвященные России, занимали в этом периодическом издании должное место. Сам он писал здесь преимущественно на польские темы, но и в этих работах, которые касались территорий Польши до 1772 г., вошедших в состав Российской империи (Царство Польское, Литва, Белоруссия), российская проблематика также была с неизбежностью представлена.

В 1880-е гг. стабилизировались взгляды Елинека на славянский вопрос и российско-польский конфликт. Последовательно по той и другой проблеме он высказался в нескольких своих работах. В Чехии первой из них была книга «Ради чешско-польского согласия. Несколько замечаний насущных и исторических» («Pro shodu česko-polskou. Několik úvah věcných i historických»). Публикации Елинека нельзя назвать строго научными, скорее это были популярные или научно-популярные тексты. Автор в них воздавал должное русской литературе и театру и информировал о деятельности культурных учреждений. Эти его сочинения уточняли представления чешских читателей о русском обществе того времени и служили важным источником познания русской культуры в

период с 1870-х гг. Говоря в своих работах на польскую тему в том числе о нетерпимости правительства к польскому языку и образованию, Елинек указывал на ошибки царских властей. Однако, как мы уже отмечали выше, он не предлагал путей решения кризиса в отношениях двух близких славянских народов. Елинек был лишь комментатором польской ситуации в царской России, но при отстаивании прав поляков выступал умеренно, избегая конфронтации. Для читателей той поры, как и для современных исследователей, возможно, наибольший интерес представляют краткие этнографические очерки, в которых он освещал те или иные темы, основываясь на впечатлениях, вынесенных из его собственных путешествий. В остальном сочинения Елинека пронизаны духом романтизма и порой чрезмерной сентиментальностью, в чем иногда отдавал себе отчет и сам автор.

Библиография

Интернет-ресурсы

Jelínek

Jelínek, Edvard, 1855–1897 (<http://provenio.net/authorities/42173>).

Источники

Černý 1904

Černý A., vyd., *Vzpomínky Edvarda Jelínka*, Praha, 1904.

— 1877a

Jelínek E., Divadla slovanská. II. Petrohrad, *Hudební a divadelní věstník*, 12 (1), 20. 8. 1877, 89–92.

— 1877b

E. J. [Jelínek E.], Divadlo, umění, literatura, *Posel z Prahy*, 104, 16. 4. 1877, 2.

— 1877c

Jelínek E., Duševní práce pobratimých národův slovanských v r. 1876, *Nitra. Dar dcerám a synům Slovenska, Moravy, Čech a Slezska obětovaný*, 7, *Turčiansky Svätý Martin*, 1877, 285–322 [322–325 Dodatek redakce „Nitry“].

— 1877d

Jelínek E., Fontanka, *Lumír*, 19 (5), 10. 7. 1877, 303–304.

— 1877e

Jelínek E., Na Něvě, *Koleda. Čtení pro náš lid*, 3 (2), 20. 1. 1877, 34–36.

— 1877f

Jelínek E., Nikolaj Matvějevič Endogurov. Upomínka, *Pokrok*, 11, 9. 11. 1877, 1.

— 1878

Jelínek E., Rusové v Praze (1799–1813), *Lumír*, 12 (6), 30. 4. 1878, 186–188.

— 1879a

Jelínek E., Domostroj. List z dějin společenského života na Rusi, *Lumír*, 9 (7), 30. 3. 1879, 133–135; 10 (7), 10. 4. 1879, 150–151.

- 1879b
Jelínek E., Charakteristika v mluvě slovanské, *Národní listy*, 90 (19), 16. 4. 1879, 1–2.
- 1879c
Jelínek E., Michail Petrovič Pogodin v Polsku a v Čechách, *Lumír*, 31 (7), 10. 11. 1879, 485–488.
- 1879d
Jelínek E., Vzájemnost slovanská v Čechách, *Koleda. Čtení pro náš lid*, 2 (4), 10. 1. 1879, 22–25; 3 (4), 20. 1. 1879, 38–42; 4 (4), 1. 2. 1879, 53–57; 5 (4), 10. 2. 1879, 69–72; 6 (4), 20. 2. 1879, 85–88.
- 1880a
Jelínek E., Kněžna Kateřina Romanovna Dašková. List z dějin společenského a státního života na Rusi, *Lumír* 22 (8), 10. 8. 1880, 342–344; 23 (8), 20. 8. 1880, 358–360.
- 1880b
Jelínek E., Rodina ruských milionářů. (Demidové), *Národní listy*, 81 (20), 3. 4. 1880, 1.
- 1881
J[elínek E.], Osvěta v Rusku, *Sborník slovanský. Statí z ohoru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 1, 1881, 165–166.
- 1883a
J[elínek E.], Dvacetiletí petrohradského komitétu „Gramotnosti“ (С.-Петербургский комитет грамотности), *Slovanský sborník. Statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 2, Praha, 1883, 153.
- 1883b
J[elínek E.], Ivan Sergejevič Turgeněv, *Slovanský sborník. Statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 2, Praha, 1883, 524–526.
- 1883c
J[elínek E.], Kartografická literatura na Rusi, *Slovanský sborník. Statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 2, Praha, 1883, 523–524.
- 1883d
Jelínek E., Na Litvě ticho, *Slovanský sborník. Statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 2, Praha, 1883, 567–572.
- 1883e
Jelínek E., Průmyslová a umělecká výstava v Moskvě r. 1882, *Slovanský sborník. Statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 2, Praha, 1883, 28–33.
- 1883f
J[elínek E.], Přehled slovanského časopisectva (kromě politického), *Slovanský sborník. Statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 2, Praha, 1883, 530–532; 584; 632.
- 1883g
Pravda E. J. [Jelínek E.], Slovanské kapitoly. II. O slovanské pravdě v poučné literatuře», *Slovanský sborník. Statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 2, Praha, 1883, 211–212.
- 1883h
Jelínek E., Ze sibiřské literatury, *Slovanský sborník. Statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 2, Praha, 1883, 373–374.
- 1883i
J[elínek E.], Žukovského jubilejní slavnost. (1783–1883), *Slovanský sborník. Statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 2, Praha, 1883, 208–209.
- 1884
Jelínek E., Rozhledy v literatuře, *Slovanský sborník*, 3, 1884, 221.

- 1885a
Jelínek E., Feuilleton. Slované rozhlady. II, *Pokrok*, 191, 14. 7. 1885, 1–2.
- 1885b
Jelínek E., Feuilleton. Slované rozhlady, *Pokrok*, 222, 14. 8. 1885, 1–3.
- 1885c
J[elínek E.], Hrabě A. S. Uvarov, *Slovaný sborník: statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 4, Praha, 1885, 161–162.
- 1885d
Jelínek E., Jurij Semenovič Anněnkov, *Slovaný sborník: statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 4, Praha, 1885, 275–276.
- 1885e
Jelínek E., Na panství Něšvěžském. Litevská črta, *Slovaný sborník: statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 4, Praha, 1885, 374–383.
- 1885f
Jelínek E., Slované dojmy z Francie. Několik z deníku vytržených listů, *Slovaný sborník: statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 4, Praha, 1885, 422–428.
- 1885g
J[elínek E.], V. Dunin Marcinkěvič, *Slovaný sborník: statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 4, Praha, 1885, 276–277.
- 1886
[Jelínek E.], Aleksandr Nikolajevič Ostrovskij, *Slovaný sborník: statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 5, Praha, 1886, 384–386 [s kresbou].
- 1887
E. J. [Jelínek E.], *Pro shodu česko-polskou. Několik úvah věcných a historických*, Praha, 1887.
- 1888
Jelínek E., *Ukrajinské dumy*, Praha, 1888.
- 1889
Jelínek E., *Slované črty ze života společenského, literárního i uměleckého*, Praha, 1889.
- 1891a
Jelínek E., *Jasem i stínem: slované črty z různých stran*, 1, Praha, 1891.
- 1891b
Jelínek E., Ke sporu rusko-polskému, *Čas. List věnovaný veřejným otázkám*, 9 (5), 28. 2. 1891, 139–142.
- 1892
Jelínek E., Stopy sibiřského zběha, I. Herrmann, red., *Černá hodinka. Vzpomínky členů Máje*, 1, Praha, [1892], 173–183.
- 1893
Jelínek E., *Věci polské. Slované tužby*, Praha, 1893.
- 1894
Jelínek E., *Jasem i stínem: slované črty z různých stran*, 2, Praha, 1894.
- 1895a
Jelínek E., *Motýlek z Norské pohádky. Román mladé dívky*, Praha, [1895].
- 1895b
Jelínek E., *Nahodilosti. Křídové rysy*, Praha, 1895.
- Masaryk 1891
Masaryk T. G., Ke sporu rusko-polskému, *Čas. List věnovaný veřejným otázkám*, 15 (5), 11. 4. 1891, 236–240.

Rulík 1800

Rulík J., *Kalendář historický, obsahující krátké a summovní poznamenání všechněch proměn, příběhů, nejvyšších nařízení, válek, atd. jak v slavném národu a království českém, tak i na díle v jiných národech a zemích zběhlých*, 3: Od léta 1798 až do léta 1800, Praha, 1800.

Русский православный храм 2007

Русский православный храм Святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Карловых Варах, Москва, 2007.

Шишков 1870

Шишков А. С., *Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова*, 1–2, Berlin, 1870.

Литература

Bartoš 1963

Bartoš O., Vztah českých polonofilů k Rusku, *Bulletin Ústavu ruského jazyka a literatury*, 7, Prague, 1963, 53–60.

Dolanský 1959

Dolanský J., *Masaryk a Rusko předrevoluční*, Prague, 1959.

Doubek 2004

Doubek V., *Česká politika a Rusko (1848–1914)*, Prague, 2004.

Jaroszewicz-Kleindienst 1968

Jaroszewicz-Kleindienst B., *W kręgu polonofilskiej działalności Edwarda Jelínka*, Wrocław, Warszawa, Kraków, 1968.

Jirásek 1945

Jirásek J., *Rusko a my. Dějiny vztahů československo-ruských od roku 1867 do roku 1894*, 3, 2 vyd., oprav., Prague, 1945.

Krejčí 1955

Krejčí K., Svatopluk Čech a Rusko, *Česká literatura*, 4 (3), 1955, 350–377.

Pernes et al. 2003

Pernes J., Toman K. M. et al., *Pod císařským praporem. Historie habsburské armády 1526–1918*, Prague, 2003.

Prelog 1931

Prelog M., *Poutí Slovanů do Moskvy roku 1867*, Prague, 1931.

Sís 1929

Sís V., *Olšanské hřbitovy*, Prague, 1929.

Szabo 2010

Szabo M., *Pražské hřbitovy. Olšanské hřbitovy I & II*, Prague, 2010.

References

Bartoš O., Vztah českých polonofilů k Rusku, *Bulletin Ústavu ruského jazyka a literatury*, 7, Praha, 1963, 53–60.

Dolanský J., *Masaryk a Rusko předrevoluční*, Praha, 1959.

Doubek V., *Česká politika a Rusko (1848–1914)*, Praha, 2004.

Jaroszewicz-Kleindienst B., *W kręgu polonofilskiej działalności Edwarda Jelínka*, Wrocław, Warszawa, Kraków, 1968.

Jirásek J., *Rusko a my. Dějiny vztahů československo-ruských od roku 1867 do roku 1894*, 3, 2nd ed., Praha, 1945.

Krejčí K., Svatopluk Čech a Rusko, *Česká literatura*, 4 (3), 1955, 350–377.

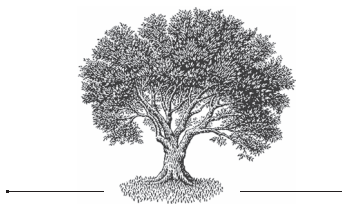
Prelog M., *Poutí Slovanů do Moskvy roku 1867*, Praha, 1931.

Sís V., *Olšanské hřbitovy*, Praha, 1929.

Szabo M., *Pražské hřbitovy. Olšanské hřbitovy I & II*, Praha, 2010.

prof. PhDr. **Petr Kaleta**, Ph.D.
profesor katedry historie
Masarykova univerzita, Pedagogická fakulta,
603 00 Brno, Poříčí 7
Česká republika / Czech Republic
kaleta@ped.muni.cz

Received August 31, 2019

Полемика Ф. Сологуба с реализмом (Ф. Сологуб и А. П. Чехов)*

**Вера Владимировна
Филичева**

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
С.-Петербург, Россия

Polemics of F. Sologub with Realism (F. Sologub and A. P. Chekhov)

Vera V. Filicheva

Institute of Russian Literature
(Pushkinskij Dom) of the Russian
Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Резюме

В статье анализируются высказывания Ф. Сологуба о творчестве А. П. Чехова, как публицистические, так и художественные, рассмотренные в контексте представлений писателя о месте его собственного творчества в литературном процессе. Выявлены не привлекавшие ранее внимания исследователей аллюзии и отсылки к имени Чехова в текстах Сологуба. Вписав Чехова в круг литературы, следующей толстовской традиции, Сологуб одновременно спорил с обоими авторами. Упомянув в романе «Мелкий бес» рассказ «Человек в футляре», Сологуб задал вектор восприятия собственного творчества, однако современными писателю критиками он был понят превратно: сравнение Сологуба с Чеховым, как и с другими писателями

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-78-10012: «Писатель — критик — читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России на рубеже XIX–XX веков)», в ИРЛИ РАН.

Цитирование: Филичева В. В. Полемика Ф. Сологуба с реализмом (Ф. Сологуб и А. П. Чехов) // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 1. С. 321–339.

Citation: Filicheva V. V. (2020) Polemics of F. Sologub with Realism (F. Sologub and A. P. Chekhov). *Slověne*, Vol. 9, № 1, p. 321–339.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.1.11

реалистического направления, проводилось только в плане содержания. Между тем на страницах прозы Сологуба разворачивается спор не только с основным постулатом «философии надежды», но и с формой повествования. Анализ рассказа «Смутный день», персонажи которого открыто полемизируют с идеями Л. Н. Толстого, как показано в статье, на самом деле приводит к выводу о несогласии одновременно с обоими авторами, как в подходе к теме смерти, так и в вопросе творческого метода — во взгляде на точку зрения всезнающего повествователя, что в большей степени является полемическим по отношению к Чехову, чем к Толстому.

Ключевые слова

Ф. Сологуб, А. П. Чехов, литературная репутация, Л. Н. Толстой, роман «Мелкий бес», рассказ «Смутный день»

Abstract

The paper analyzes the statements of Fyodor Sologub (both in periodical journalism and in belles-lettres) about the works of Anton Chekhov, examined in the context of the writer's ideas about the place of his own creativity in the literary process. There is a number of allusions and references to Chekhov's name in the texts of Sologub that had not previously attracted the attention of researchers. Though Sologub had introduced Chekhov's works into the circle of literature that followed the Tolstoy tradition, he at the same time argued with both authors. Having called Chekhov's story *A Man in the Case* in his own novel *The Petty Demon*, Sologub set the vector for the perception of his own works. However, he was misunderstood by contemporary critics, who only compared Sologub and Chekhov, as well as other writers of a realistic direction, in respect to the contents of their works. Meanwhile, on the pages of Sologub's prose, a debate unfolds not only with the basic postulate of the "philosophy of hope", but also with the form of the narrative. An analysis of the story *The Troubled Day*, whose characters openly debate Leo Tolstoy's ideas, is carried out in the paper. One can conclude, based on it, that Sologub actually disagrees with both Tolstoy and Chekhov at the same time, in their approaches both to the topic of death and to creative method, meaning the point of view of an omniscient narrator, the latter being more polemical in relation to Chekhov than to Tolstoy.

Keywords

Fyodor Sologub, Anton Chekhov, literary reputation, Leo Tolstoy, *The Petty Demon*, *The Troubled Day*

Сопоставление творчества А. П. Чехова и Ф. Сологуба имеет давнюю традицию в исследовательской литературе. Основопологающей является вышедшая в 1979 г. работа З. Г. Минц, которая выделила рассказ «Человек в футляре» по отношению к «Мелкому бесу» в категорию «Мифы» (= тексты) русской реалистической литературы, связанные темой провинциальной жизни», наряду с произведениями Н. В. Голя и М. Е. Салтыкова-Щедрина [Минц 1979]. Подобное обсуждение

произведения, в данном случае «Человека в футляре», Минц называет характерной особенностью символистских текстов-мифов.

Одновременно с Минц к вопросу соотнесенности Сологуба и Чехова обратилась томская исследовательница М. В. Смирнова, обозначив близость их произведений по-своему («У Чехова тезисно, у Сологуба развернуто, но доказано одно и то же») и объяснив различие авторской позиций: «[...] “Человек в футляре” оказывается масштабнее и значительнее романа о “Мелком бесе”, благодаря чеховскому отношению к миру и людям» [Смирнова 1979: 58–59]. Она же поставила вопрос — зачем так «открыто указывать на связь романа с рассказом Чехова?» — и предположила следующий ответ: «Может быть потому, что это просто невозможно было скрыть. [...] Роман Сологуба — следствие очень внимательного, очень вдумчивого чтения Чехова» [Ibid.: 56].

Зачастую исследователи строят сопоставление Сологуба и Чехова на типологическом сходстве, соотнесенности темы провинциального города, образов провинциальных учителей или же на сравнении поэтики отдельных рассказов писателей [Охотина 1993; Луценко 2012; Одесская 1998; Ерохина 2012]. Нельзя обойти и вопрос о влиянии драматургии Чехова на модернистов. Тексты Сологуба в этом контексте рассматривают в своих работах В. В. Полонский и Т. А. Меликян [Полонский 2007; Меликян 2010].

О. В. Иванова, анализируя роман «Мелкий бес», включила рассказ Чехова в ряд текстов, которые работают на создание иронической игры путем пародирования не самого мира, а его изображения в литературе: «Сологуб иронически переосмысляет мотивы русской социально-политической сатиры (“Мертвые души”, “Ревизор”, “История одного города”, отчасти “Бесы” и “Человек в футляре”), превращая сатиру в “орудие иронии» [Иванова 2000: 15]. Даже в этом отнюдь не полном списке текстов, параллель к которым исследователи находят в романе Сологуба, рассказ Чехова выделяется не только тем, что он прямо назван в тексте, но и тем, что относится к современной Сологубу литературе.

В текстах Сологуба уже его современники заметили многие точки пересечения с произведениями других авторов. В прижизненной критике Сологуба и его прозу стремились вписать в круг классической традиции и для этого чаще всего прибегали к сопоставлениям с Н. В. Гоголем, М. Е. Салтыковым-Щедриным, реже — И. С. Тургеневым. Как прозаик реалистической традиции возникает в этом ряду и Чехов.

Одним из первых такое соположение сделал А. Белый в историко-литературной характеристике Сологуба 1908 г.: «[...] не страшнень Сологуба с действительности русской. Плотью он связан с ней и кровью. [...] Чехов оказался внутренним, но тайным врагом реализма, оставаясь

реалистом. Сологуб поднял знамя открытого восстания в недрах реализма» [Белый 1–2, 2: 357]¹.

Выстраивая линию развития литературы от Гоголя к Сологубу, Белый включил в эту цепочку именно Чехова, объединяя его с Сологубом по принципу отношения к реализму. Тем самым он уловил ту особенность в текстах Сологуба, которую позже Виктор Ерофеев на примере «Мелкого беса» определит как грань разрыва с реализмом [Ерофеев 1985].

Постановка «Мелкого беса» на сцене в 1910 г. всколыхнула прения о романе и его авторе с новой силой; в этих спорах зашла речь и о том, что Сологуб наследует взгляду Чехова на действительность [Один из молодых 1910]. От читателей не могла скрыться и генетическая связь Передонова с чеховским героем: «Его педагог Передонов займет свое место в истории той управы благочиния, которая носит у нас название храма науки, рядом с учителем Чичикова, чеховским человеком в футляре Беликовым и Мироновичем Чирикова» [Арн 1910]². Рассказ «Человек в футляре» оказался идеальным претекстом, в сравнении с которым можно было оценить новаторство Сологуба в подходе к изображению действительности.

Прежде всего нужно акцентировать внимание на том, что Сологуб вызвал такое соположение сам, упомянув рассказ «господина Чехова» в «Мелком бесе» (1897–1902; опубли. 1905; отд. издание 1907). Это особенно важно отметить, учитывая, что в художественной прозе Сологуба нет прямых отсылок (в форме называния имен) к Гоголю³, Салтыкову-Щедрину, Тургеневу⁴ и даже Достоевскому, значимость которых для Сологуба генетически и психологически более понятна, чем Чехова. Взяв актуальный текст своего современника, Сологуб сумел задать вектор для сопоставления и иллюстрации различий реализма и модернизма, который подхватили критики. Но насколько осознанно было сделано это упоминание «господина Чехова» и именно рассказа «Человек в футляре»?

¹ Впервые под заголовком «Далай-лама из Сапожка. О творчестве Сологуба» [Белый 1908: 63].

² См. также статьи других рецензентов: [Боцяновский 1909; Idem 1910; Чаров 1909].

³ За исключением указания в рассказе «Маленький человек» (опубл. 1907) на «традиции сослуживцев Акакия Акакиевича Башмачкина» [Сологуб 1–8, 1: 621].

⁴ Подробнее о вопросе влияния творчества Тургенева на символистов см.: [Пильд 1998; Eadem 1999]. К примеру, у Пильд находим возможное объяснение, почему имя Тургенева замалчивается Сологубом: «[...] авторам становящегося русского символизма использовать имя Тургенева было тактически невыгодно из-за полемического противостояния враждебной по отношению к символизму литературной критике» [1999: 24].

Логичным объяснением представляется предположение, что в современных ему и признанных выдающимися литературных произведениях Сологуб мог искать опору. Как в первом романе «нового Гоголя», призванном обновить «гоголевское направление», его главный герой читает «Шинель», так и Сологуб обращается к Чехову как к предшественнику, текст которого должен оттенить следующий виток литературы. В ранних произведениях Сологуба — романах «Тяжелые сны» и «Мелкий бес» — названы всего три актуальных литературных имени — К. М. Фофанов, Л. Н. Толстой и А. П. Чехов⁵.

Однако имена писателей вводились в тексты по-разному. Имя Фофанова встречается на страницах «Тяжелых снов» (1895) не как прямая отсылка, а как упоминание различных толков о поэте: «А вот теперь есть еще очень хороший поэт, господин Фофанов, совсем вроде Пушкина. *Говорят*, ему одно время запретили писать. [...] Да, а теперь, *говорят*, опять пишет. Тоже, *говорят*, очень хорошие стишки» [Сологуб 1–8, 1: 232; курсив наш. — В. Ф.]. Разговор о литературе и писателях здесь сводится к сатирической характеристике персонажей (так же и в «Мелком бесе» будут говорить о Пушкине, Писареве, Мицкевиче, Герцене [Сологуб 2004: 60–61, 78–79]).

Тот же сатирический характер находим и в разговорах о Толстом. Именно последний привлекает наиболее внимание персонажей Сологуба. Но и в этом случае речь идет не о художественных произведениях, а о репутации: о моральной проповеди и ее влиянии на общество, что отражает не отношение к Толстому Сологуба, повествователя или героев, а разговоры, характеризующие провинциальную читательскую среду. В «Тяжелых снах» Коноплев пишет книгу «против Льва Толстого и атеизма вообще. Полнейшее опровержение в пух и прах» и заявляет: «[...] Сокрушу вдребезги, как Данилевский Дарвина. [...] книги его сжечь! На площади, — через палача!» [Сологуб 1–8, 1: 105–106]. На что другой персонаж — Шестов — замечает: «Просто вы это потому, что *теперь мода* такая [...]» [Ibid.: 106; курсив наш. — В. Ф.]. Критика Толстого, да еще устами героя, который тут же выступает против науки и даже арифметики, — не только выпад против такого типа «литераторов», но и отражение современной полемики.

Позже этот вопрос снова возникает в речи учительницы Ирины Ивакиной, которая, в отличие от Коноплева, придерживается теории Дарвина⁶: «Я отношусь к великому русскому писателю с глубочайшим

⁵ Одним из связующих звеньев могло бы явиться то, что все они печатались на страницах «Северного вестника», в котором с 1893 г. начал публиковаться и Сологуб.

⁶ См. ее рассуждения: «С тех пор как Дарвин доказал [...]» [Сологуб 1–8, 1: 223].

уважением, но нахожу, что пресловутые доктрины о непротивлении злу, о неделании, — ошибки гениального человека» [Ibid.: 223].

Появление имени Чехова в «Мелком бесе» отличается от рассмотренных случаев и внешне напоминает традицию характеристики персонажей через читаемые ими книги. Здесь важна не отсылка к писателю и его славе, а конкретное произведение. Рассказ «Человек в футляре» корреспондирует с «Мелким бесом» благодаря не только сходству персонажей, но, возможно, и актуальной для Сологуба проблеме образования. Как отметила М. М. Павлова, своеобразным комментарием к выбору рассказа является его упоминание в статье Сологуба 1904 г. «После катастрофы» [Сологуб 2004: 774]⁷. Однако, на наш взгляд, именно здесь становится понятно коренное отличие этого приема в реалистическом тексте и у Сологуба. Напомним: при попытке обсудить актуальное произведение литературы обнаружилось, что из четырех участников разговора лишь двое читали «Человека в футляре», сам разговор свелся к выяснению маловажного обстоятельства, а именно в каком номере журнала помещен рассказ Чехова. В то время как для реалистического героя чтение — это повод к размышлению, осознанию мира вокруг, герой Сологуба даже не подозревает о такой возможности. В произведениях самого значимого, как кажется, для Сологуба автора — Ф. М. Достоевского — читающие герои и избранные ими книги служат в качестве характеристики персонажей и создания подтекста сюжета⁸. Первый и наиболее значимый в этом плане роман — «Бедные люди». Чтение «Шинели» пробудило в Макаре Деушкине сознание (и вызвало протест против сочинителей, которые подсматривают у людей свои сюжеты и героев); для Передонова протест против «подсматривания» вряд ли мог стать поворотным моментом. Ирония Сологуба заключается даже не в том, что Передонов не узнал себя, а в том, что он не читал рассказ и читать не собирается.

Чехов, как один из признанных представителей реалистического направления, близкий хотя бы тематически, оказался самой подходящей литературной фигурой, к которой можно было обратиться, но пока Сологуб, кажется, сам этого до конца не осознает. Его оптика еще настраивается и выдать собственное метаописание Сологуб еще не готов.

Стоит отметить, что в процессе написания романа сменилось упо-

⁷ См.: «Так уж сложилась наша тусклая, бездарно-мещанская жизнь, что на всех путях стерегут нас чеховские страхи. И что мы ни делаем, куда ни идем, на что ни обращаем наши взоры, — везде мерещится нам страшное, и сердце тоскливо сжимается опасениями и предчувствиями. [...] Опасение "человека в футляре", — как бы чего ни вышло, — не чуждо каждому из нас» [Сологуб 1904а: 2].

⁸ См. об этом, к примеру, в работах Н. В. Черновой: [Чернова 2007; Чернова 2010], и т. д.

минаемое произведение. В ранних набросках назывался другой текст Чехова — повесть «Мужики» (1897). Это рассказ о беспросветной, нищей жизни деревни, о семье и ненормальности обстановки, которая соотносится и с обстановкой в «Мелком бесе»: «В течение лета и зимы бывали такие часы и дни, когда казалось, что эти люди живут хуже скотов, жить с ними было страшно; они грубы, нечестны, грязны, нетрезвы, живут не согласно, постоянно ссорятся, потому что не уважают, боятся и подозревают друг друга» [Чехов 1–30, 9: 311]. Один из персонажей повести кажется близким по некоторым психологическим чертам Передонову — при описании отца семейства говорится: «Он подолгу рассказывал сыну про каких-то врагов, жаловался на обиды, которые он будто бы терпел каждый день от соседей, и было скучно его слушать» [Ibid.: 290]. Эти фрагменты — единственные, которые связывают роман модерниста и рассказ Чехова; в «Мужиках» они не акцентируются, и то, что Сологуб их, по-видимому, заметил, говорит о нем как о внимательном и действительно «очень вдумчивом» читателе Чехова⁹.

Решить вопрос о смысле, вкладываемом в эпизод разговора о Чехове, и об осознанности мог бы помочь автокомментарий, которого Сологуб не оставил, но судить об отношении к Чехову мы можем по другим указаниям: воспоминаниям, письмам, упоминаниям в публицистике. Когда «Мелкий бес» Сологуба был уже закончен, но еще не опубликован, Сологуб не раз высказывался о Чехове. Несмотря на то что среди упоминаемых имен в публицистике писателя Чехов встречается чаще других, реплики Сологуба не дают возможности однозначно сказать об интересе к текстам Чехова, так как мы не находим ни одного развернутого суждения, касающегося творчества последнего. В 1904 г. Сологуб как сотрудник газеты «Новости» своеобразно откликнулся на смерть писателя (15 июля) в нескольких своих заметках.

В заметке «Из окна» от 8 августа, посвященной детским самоубийствам, Сологуб задается вопросом «Как устроить, чтобы этого не было?» и, признаваясь в том, что не знает, иронически завершает рассуждения цитатой из «Дяди Вани»: «Может быть, самое верное — подождать лет

⁹ В библиотеке Сологуба было девять томов из «Собрания сочинений» Чехова (СПб.: А. Ф. Маркс, 1899–1901) [Шаталина 1997: 470]. Единственным свидетельством пересечения Сологуба и Чехова является обмен книгами с дарительными надписями между ними. В описании библиотеки Сологуба зафиксировано 10-е издание «Рассказов» Чехова (СПб., 1896), с автографом: «Федору Сологубу на добрую память от автора. 27 июня 1897 г.» [Шаталина 1997: 439]. Присылка книги была ответным жестом на отправку Сологубом двух собственных изданий с надписями: «Стихи. Книга первая» (СПб., 1896. «Многоуважаемому Антону Павловичу Чехову от автора») и «Рассказы и стихи. Книга вторая» (СПб., 1896. «Многоуважаемому Антону Павловичу Чехову от автора») [Балухатый 1930: 290]. Сологуб отправил свои книги 2 июня 1897 г. [РО ИРЛИ-82: 40].

триста-четыреста, когда “мы увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся, и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой”» [Сологуб 1904б]. Этот тезис-мечта некоторых героев Чехова о жизни и людях через несколько столетий¹⁰ более всего раздражал Сологуба. Это высказывание он упоминает и на страницах «Мелкого беса» (и именно оно трактуется исследователями как самый верный признак «профанации “философии надежды”» [Сологуб 2004: 215, 804]).

Имя Чехова в заметке «Книголюбцам» (9 августа) служит зачином рассуждения о русской литературе (русском книгоиздании) и ее изучении:

В одной газете недавно было сосчитано, что Чехов описал столько-то сотен разных людей; все они в статейке были тщательно распределены на группы: столько-то судейских, столько-то учителей, столько-то врачей и т. д.: [...] На эту несколько забавную статистику в другой газете не менее резонно заметили, что для характеристики Чехова такие подсчеты не имеют существенного значения [...] Ведь, надо удивляться, до какой степени остаются неизученными у нас величайшие писатели, и неизвестны многие меньшие, но в своем роде превосходные авторы.

Сетую на плохую изученность русской литературы, отсутствие «исправных собраний сочинений», на неточности и пробелы в научных изданиях, небрежность и произвол редакторов и издателей, Сологуб завершает текст восклицанием:

Право, не все же и не всем же спасать отечество, — хоть бы пушкинский словарь составили. Прилежные, досужие работники, займитесь! [Сологуб 1904в]¹¹.

Вслед за этим, 11 августа, появилась заметка памяти писателя — «Поминание», в которой также речь идет скорее не о Чехове, а о развитии литературы:

Сороковой уже близится день со дня кончины дорогого нам всем А. П. Чехова, но горькая утрата опять и опять больно вспоминается. И вот, от печали о нем невольно переходишь к его печалям, — и у тяжелой скорби о

¹⁰ Ср. слова Астрова в «Дяде Ване»: «Те, которые будут жить через сто, двести лет после нас и которые будут презирать нас за то, что мы прожили свои жизни так глупо и так безвкусно, — те, быть может, найдут средство, как быть счастливыми, а мы...» и Вершинина в «Трех сестрах»: «Через двести-триста, наконец, тысячу лет, — дело не в сроке, — настанет новая, счастливая жизнь»; «А пройдет еще немного времени, каких-нибудь двести-триста лет, и на нашу теперешнюю жизнь также будут смотреть и со страхом, и с насмешкой, все нынешнее будет казаться и угловатым, и тяжелым, и очень неудобным, и странным. О, наверное, какая это будет жизнь, какая жизнь!» [Чехов 1–30, 12: 108, 146, 163].

¹¹ Отклик вызван участием самого Сологуба в работе над словарем Пушкина.

гибели столь ранней и жестокой, дарования столь блистательного и славного, примешиваются иные горькие скорби, ибо, воистину, не истощила еще свирепая судьба русской литературы своей слепой ярости, своих бессмысленных гонений. Наше общество, преклоняясь перед шумными успехами, все еще по-детски не умеет беречь великих избранных, посылаемых ему на утешение и на славу, на озарение его темных и тонких путей. Чехов ли не имел успеха и поклонения! Но вот обрушились же какие-то, ничем от него неотраженные камни, на его грудь, и раздавили ее [Сологуб 1904г].

По поводу литературы XIX в. Сологуб восклицает: «[...] сколько мучений, гонений, злобы, клевет, гибелей!» и приводит список пострадавших «во славу родной литературы» [Ibid.].

В заметке от 19 августа имя Чехова появляется уже в контексте педагогических вопросов:

Из всех получивших аттестат зрелости в таганрогской гимназии вместе с Антоном Чеховым самым зрелым казался для преподавателей Зельманов; по мнению учителей, он подавал наибольшие надежды на то, что сделает дальнейшие успехи в русском языке. Зельманов эти ожидания оправдал: он был дельным и трудолюбивым журналистом, писал гладко и бойко, хотя и не прославился. Прославился почему-то другой, не столь надежный, Чехов.

И далее, рассуждая о таланте и влиянии на него школы, Сологуб объясняет ситуацию, при которой таланты не находят необходимой поддержки:

Законность отступления определяется правильным вкусом ценителя, — а быть учителем русского языка — еще не значит иметь правильный вкус. [...] школа так озабочена исполнением всех лежащих на ней обязанностей, что лишена возможности открывать литературные таланты своих учеников [Сологуб 1904д].

Эти высказывания, вызванные известиями о смерти Чехова (отсюда и явные или скрытые отсылки к статьям других публицистов — «в одной газете», история Зельманова), — в то же время попытка Сологуба привлечь внимание к проблемам, которые были важны для него и находили развитие в его рассказах и статьях.

И только в статье «Беспорядок», уже в ноябре 1904 г. появляется единственное суждение о Чехове, которое носит характер развернутого высказывания о писателе и его произведении:

В одном из бесконечно-милых рассказов Чехова унылый Милитон тоскует о том, что и в жизни, и в природе замечается беспорядок, и вся природа явно клонится к падению, к смерти. Существо беспорядка, — предсмертное расстройство, предчувствие конца, — понято им совершенно верно. Ошибка

его только в том, что непорядком кажутся ему явления совершенно обычные и никакого порядка не нарушающие [Сологуб 1904e]¹².

Неудивительно, что Сологубу оказался близок рассказ со значимым для модерниста названием — «Свирель» (1887)¹³, где возникает тема разрушения природы, которая Сологубом понимается скорее как естественное развитие мира¹⁴.

Позиция Сологуба в восприятии мира природы отличается от взгляда реалиста Чехова; хотя отличие и неявно выражено, но оформлено как принципиальный тезис. Пожалуй, он уступает по своей важности лишь еще одному высказыванию Сологуба, в котором он осознанно противопоставляет себя предшественникам-реалистам. В ответ на открытое письмо С. А. Толстой в феврале 1903 г. против произведений Леонида Андреева Сологуб сформулировал тот важный признак, который отделяет друг от друга «реалистов» и модернистов:

Преимственность несомненная — от Льва Толстого к Антону Чехову, от Чехова к Максиму Горькому, от Горького к Леониду Андрееву. [...] Все обличает в них духовное их родство: от манеры рассказа до отношения к верховным вопросам человеческого познания и человеческой совести. Манера почти одна у всех четырех: о чем бы ни говорилось, что бы ни изображалось, — постоянно рядом с читателем идет, как бы подталкивая его, чтобы он не сбился с дороги, заботливый автор, и маленькими, но прелестными инсинуациями внушает ему неотразимо убедительно все, что хочет. И открывается мир не совсем верный действительности, но обаятельно-живой [Сологуб 1903]¹⁵.

¹² У Сологуба опечатка: в рассказе Чехова 1887 г. главного героя зовут Мелитон. «Свирель» входит в сборник, присланный Сологубу Чеховым.

¹³ В стихотворениях Сологуба свирель — распространенный образ (особенно в стихах 1908 г. и позже: «Помнишь, мы с тобою сели...», «Мета души моей, полночная луна...», «На заре, заре румяной», «Заряла, озаряла...», «Блаженство в жизни только раз...», «Пришла и розы рассыпаешь...», «За плохое знание урока...» и т. д.), см. также сборник «Свирель. Русские бергереты» (1922).

¹⁴ В рассказе «Рождественский мальчик» (1905) поэт-декадент Приклонский так отзываясь о природных силах: «Мы живем среди природы, которая вся насквозь проникнута стремлением к жизни. Тысячелетия тому назад волевая энергия природы была так велика, что возникли бесчисленные разновидности жизни на земле. Теперь энергия природы принимает иной характер: природа стремится не только к бытию, — она стремится к тому, чтобы осознать себя. [...] Те домашние маленькие нежити, которых вы давно чувствовали вокруг себя, настойчиво стучались в двери вашего сознания» [Сологуб 1–8, 1: 635].

¹⁵ Еще одна преимственность и «линия литературы» была сформулирована Сологубом позже: «[Зощенко] идет по линии великой русской литературы от Марлинского, Сенковского, Маркевича, — вплоть до Лейкина... Причем такие писатели — как Толстой Лев — и Достоевский — разумеется, совсем от этой линии в стороне» [Смиринский 1997: 403].

Это существенное свойство «манеры рассказа» предстает едва ли не главной особенностью «реализма» в металитературных высказываниях Сологуба.

В переписке писателя находится и опосредованное указание на отношение к творчеству Чехова. В письмах к Сологубу в конце мая — начале июня 1908 г. будущая супруга писателя Ан. Н. Чеботаревская постоянно упоминает Чехова [Лавров 2016: 411, 413, 414]¹⁶: «У меня душа болит от того, что Вам не удастся работать. Я знаю это состояние — к несчастью, сама больна им — хуже нет — чувствуешь, как будто не имеешь права жить... А сколько людей живут, ничего не делая... *(это, впрочем, кажется, из Чехова — извините)*» [Ibid.: 413; курсив наш. — В. Ф.]. Оговорка Анастасии Николаевны, вызванная, видимо, личными разговорами с Сологубом, приоткрывает то раздражение, которое в дальнейшем сказалось в эксплицитных отсылках к чеховским темам и идеям в художественных текстах писателя. В статьях позднего времени Сологуб ограничивался упоминанием Чехова в ряду других, чаще всего употребляя распространенное определение для его творчества — неврастения: «[...] мы знаем, что в тонах чеховской неврастении пушкинское творчество не вообразимо» [Сологуб 1915]; «На смену Чацким и Онегиным пришли Карамазовы и Смердяковы, бесконечно размышляющие безвольники Льва Толстого, неврастеники Чехова, освобожденные от возвышающей традиции персонажи Горького и Андреева, и работу немногих героически настроенных тупо и самоуверенно портили Передоновы» [Idem 1918]¹⁷.

В текстах после «Мелкого беса» отсылки к произведениям писателя носят иной характер¹⁸.

¹⁶ Вместе с Чеботаревской Сологуб ходил на постановку «Вишневого сада» в МХТ 8 мая 1908 г. [Лавров 1997: 313].

¹⁷ Мы не учитываем здесь также записи В. В. Смиренского разговоров с Сологубом, относящихся к 1920-м гг., где последнему приписывается такое суждение: «О письмах: Я очень люблю читать чужие письма. Особенно — Чехова» [РГАЛИ-9: 2]. Это неожиданное заявление отмечено Смиренским только в документе, готовившимся им для печати в 1975 г. (но не опубликованном). Материалы строились на основе его записей 1927 г., среди которых фраза о Чехове отсутствует [Смиренский 1997]). К сожалению, подлинность этого высказывания невозможно установить, однако необходимо привести еще один факт, с которым может быть связано его появление. В журнале Ф. Сологуба и Ан. Чеботаревской «Дневники писателей» в статье за подписью «Читатель» (псевдоним В. Ф. Матвеева) было высказано такое суждение: «Взять хотя бы письма Чехова. Можно смело сказать, что письма Чехова не только лучше великого множества художественных произведений, но и произведений самого Чехова» [Матвеев 1914: 50]. Авторство было установлено в недавней работе А. Л. Соболева [Соболев 2016: 607].

¹⁸ Помимо рассказа «Крутильда и семь других» (1916), где главная героиня в образе которой, вполне вероятно, проступают черты Чеботаревской, читает Чехова: «Оказалось, что Крутильда одна и хохочет-заливается, читая маленькие рассказы Чехова, — те, в которых еще так много молодости и веселости» [Сологуб 1–8, 5: 587].

Пик этих отсылок приходится на 1912 год. В «Картинах из романа Толстого, избранных и приспособленных для сцены Федором Сологубом» (на самом деле создававшихся совместно с Чеботаревской в 1911–1912 гг.), где, как утверждалось Сологубом, он «покорно следовал за автором, не дерзая присочинять свое» [Павлова 1999: 225], неожиданно звучат патетические интонации Сони из «Дяди Вани». Такое вкрапление Чехова в текст Толстого в самом сильном месте пьесы расставляет, как кажется, акценты: Чехов ближе, актуальнее, его драматургическая манера подчиняет себе текст Толстого [Филичева 2017].

Другому произведению того же времени, посвященному Ан. Чеботаревской, — «Заложникам жизни» (1912) — также оказалась свойственна эта перекличка с чеховскими настроениями. Именно на анализе этого произведения В. В. Полонский строит свое сопоставление творчества двух писателей и заключает: «Финал реального плана пьесы подан как своеобразный синтез переосмысленных финалов чеховских пьес и “философских” размышлений их героев [...] о будущем и о счастье» [Полонский 2007: 157]. Напомним, драма Сологуба завершается рассуждением о счастье. Михаил собирается вести Катю к «жизни свободной и радостной, к творчеству жизни новой и счастливой, такой жизни, какой не было» до них, хотя до этого «звал [...] к смерти» [Сологуб 1–8, 5: 301].

Отголоски финала «Дяди Вани» Сологуб использовал и в прозе. Они отчетливо видны в произведении, которое создавалось в это же время — в 1911–1912 гг. — рассказе «Смутный день». Финал его, как нам кажется, связан генетически с «Заложниками жизни» и «Картинами из романа “Война и мир”...».

Рассказ начинается с разговора о Толстом. Имя писателя, использовано в разговоре одним из персонажей — Ковровским, литератором, ухаживающим за светской дамой, увлекающейся искусством, вдовой Полынцевой, — как нарицательное для указания идеологических склонностей возлюбленной. «Видно, что мы читали прилежно Льва Толстого. Он прав во многом, может быть, прав в самом главном, в самом существенном. Но его ошибка в том...» — говорит Ковровский и дальше приводит распространенные взгляды на выпады Толстого против искусства, цивилизации, опровергая их: «Мы не смеем выйти из истории и разорвать преемственность культуры. [...] на нас лежит и обязанность все это сберечь» [Сологуб 1–8, 6: 56]. Но эта явная полемика подкрепляется и полемикой скрытой: не только с идеями Толстого, но и с его манерой письма, по представлению Сологуба, сопровождающей читателя и подводящей его к мнению «всезнающего» автора.

После того как героиня влюбилась в Ковровского, она почувствовала, что живет «приблизительной» жизнью. Эта приблизительность —

есть неосознанность, а выход из нее начался с любви: «Когда же Людмила Григорьевна влюбилась, ей вдруг показалось, что все это [ее прежняя жизнь. — В. Ф.] не то, что надо человеку» [Ibid.: 47]. На возражения Ковровского Полынцева начинает рассуждать о единственном исходе из такой неправильной жизни — смерти: «Мы так слабы, мы только одно можем, — умереть вместе [...] Одно счастье — умереть вместе» [Ibid.: 58]. Людмила Григорьевна при этом стала «радостна и весела». Здесь так же, как в другом рассказе, отразившем перипетии личных отношений с Чеботаревской — «Путь в Дамаск» (1910) — появляется автоцитирование (хоть и скрытое) стихотворения «В поле не видно ни зги...» (1897)¹⁹.

И вот тогда с героем случается «толстовский» переворот по форме — скорый и наполняющий все существо (подобный тому, который переживают герои «Смерти Ивана Ильича», «Хозяина и работника»²⁰), но чеховский по содержанию: «Ему не было страшно умереть, и оттого, что в нем умер в эту минуту страх смерти, в нем воскресла такая жажда жизни, какой еще никогда он в себе не ощущал» [Ibid.: 58]²¹. При этом Иван Андреевич начинает говорить уже патетически и воодушевленно, как чеховская Соня, об изменении «лживой» жизни, которое не будет «ни смешно, ни страшно, ни стыдно» с верой в «небо в алмазах», но в сологубовском изводе: «[...] жизнь, творимая по воле нашей, прекрасная, добрая, разумная» [Ibid.: 58].

И финал рассказа несмотря на то, что разговор героев идет о Толстом, обращен идейно не только к Толстому, но и к Чехову, представляя собой, таким образом, диалог сразу с двумя авторами: с Чеховым в «Дяде Ване» и с Толстым в «Хозяине и работнике» (само название рассказа — «Смутный день» — при этом взгляде звучит полемично). Последняя фраза текста — «А увидят ли они новый день, этого мы не знаем» [Ibid.: 58]²² — отсылает к чеховскому мотиву надежды на время через двести-триста лет и при этом полемична по отношению не только

¹⁹ Необходимо сказать, что мотив одиночества и смерти вдвоем — самый распространенный в творчестве Сологуба. Появившийся еще до встречи с Чеботаревской, этот мотив тогда связывался не с образом женщины, а, к примеру, с образом мальчика (см. рассказ «Рождественский мальчик» 1905 г.).

²⁰ Повесть «Хозяин и работник» появилась в мартовском номере «Северного вестника» за 1895 г., где в тот момент сотрудничал Сологуб и где публиковались «Тяжелые сны».

²¹ Ср.: «Он хочет встать — и не может, хочет двинуть рукой — не может, ногой — тоже не может. Хочет повернуть головой — и того не может. И он удивляется; но нисколько не огорчается этим. Он понимает, что это смерть, и нисколько не огорчается и этим» [Толстой 1–90, 29: 43–44]; «Он искал своего прежнего привычного страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? Страху никакого не было, потому что и смерти не было. Вместо смерти был свет» [Ibid., 26: 113].

²² Ср.: «Лучше или хуже ему там, где он, после этой наступающей смерти, проснулся? [...] — мы все скоро узнаем» [Толстой 1–90, 29: 45].

к «философии надежды», но и к особенному способу повествования целой «линии русской литературы» — реалистического направления.

Позже позиция Сологуба (утверждение важности фантазии) как черта, отличающая его творческий метод от реализма, была ясно выражена в последнем известном отзыве писателя о Чехове, зафиксированном в воспоминаниях Е. Я. Данько. Рассуждая о сущности искусства и упоминая в разговоре с мемуаристкой слова из монолога Тригорина, Сологуб отрицает ценность визуальных образов и утверждает словесный:

Помните, как у Чехова — один писатель, все, что ни увидит — в книжечку записывал. Увидит, что облако похоже на рояль, и записывает: «облако похоже на рояль» — к чему это? Это не творчество. Сам Чехов и страдал тем же — записывал, какие бывают облака. Зрительный образ только мешает словесному. [...] Зрительными впечатлениями живет тот, у кого внутри пустота. [...] Неужели внешний мир может соперничать в богатстве с тем, что я вижу в воображении, с теми прекрасными образами, которые я творю? [Данько 1992: 219–220].

Итак, обратившись к «Человеку в футляре» Чехова в романе «Мелкий бес», Сологуб дал подсказку читателю, который, сопоставив тексты, мог оценить различие миров, изображенных в двух произведениях. Это упоминание повлияло и на восприятие критиками собственного творчества Сологуба. Роман «Мелкий бес», построенный уже не по реалистическим канонам, но все-таки очень близкий к ним, отсекал ту возможность «узнавания» и «осознания», которую в сцене обсуждения рассказа «господина Чехова» мог бы предложить реалистический роман. Чехов, как представитель линии литературы, идущей от Льва Толстого, по мысли Сологуба, отличающейся особенным способом письма, не мог быть ему близок.

К именам Толстого и Чехова, в отличие от имен многих литераторов-предшественников или же современных представителей символистского круга, Сологуб часто возвращался в публицистике и художественных текстах, возможно, именно потому, что Чехов и Толстой (крупные фигуры, которые невозможно было игнорировать) становились не только своеобразными маркерами времени, но представителями актуального литературного поля (о том, что Сологуб это хорошо понимал, свидетельствуют хотя бы те заметки, которые появились летом 1904 г., номинально называющие Чехова для составления высказывания на тему, которая интересна и волнует Сологуба). В позднейших художественных текстах, в частности в рассказе «Смутный день», позиция Сологуба относительно «реалистического направления», уже четко сформулированная, проявляется более открыто через апелляцию к самым известным цитатам Чехова. Это могло быть связано с переоценкой

Сологубом своего положения в литературе, утвердившейся позицией и осознанием своей инакости, порожденных в том числе сопоставлением двух писателей критикой в 1909–1910 гг. Пытаясь отмежеваться от предшественников, в лице Чехова писатель спорил не только с «философией надежды», но со всей реалистической традицией.

Библиография

Источники

РО ИРЛИ-82

РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 82, *Запись исходящих и входящих писем с указанием их содержания.*

РГАЛИ-9

РГАЛИ, ф. 1825, оп. 1, ед. хр. 9, *Смиренский В. В., Сологуб о литературе. Воспоминания, 1975, авторизованная машинопись.*

Литература

Арн 1910

Арн (Solus) К. [Арабажин К. И.], У рампы. «Мелкий бес» и быт, *Биржевые ведомости*, 11620 (18 марта), 1910.

Балухатый 1930

Балухатый С., Библиотека Чехова, *Чехов и его среда*, Ленинград, 1930, 197–423.

Белый 1–2

Белый А., *Критика. Эстетика. Теория символизма*, 1–2, Москва, 1994.

——— 1908

Белый А., Далай-лама из Сапожка. О творчестве Сологуба, *Весы*, 3, 1908, 63–76.

Боцяновский 1909

Боцяновский В., Три сестры Чехова и Сологуба, *Театр и искусство*, 27, 1909, 466–469.

——— 1910

Боцяновский В., Мелкий бес, *Новая Русь*, 68, 1910.

Данько 1992

Данько Е. Я., Воспоминания о Федоре Сологубе, *Лица: Биографический альманах*, 1, Москва; С.-Петербург, 1992, 190–234.

Ерофеев 1985

Ерофеев В., На грани разрыва: Мелкий бес Ф. Сологуба на фоне русской реалистической традиции, *Вопросы литературы*, 2, 1985, 140–158.

Ерохина 2012

Ерохина Т. И., Провинциальный текст и контекст романа Ф. Сологуба «Мелкий бес», *Культурологический журнал*, 4 (10), 2012 (<http://cr-journal.ru/rus/journals/>; последнее обращение: 11.04.2020).

Иванова 2000

Иванова О. В., *Ирония как стилиобразующее начало в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес»*. (автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва, 2000).

Лавров 1997

Лавров А. В., вступ. статья, публ. и комм., Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская, *Неизданный Федор Сологуб*, Москва, 1997, 290–302; 371–384.

——— 2016

Лавров А. В., Новонайденные письма Анастасии Чеботаревской к Федору Сологубу (1907–1916), *Федор Сологуб: Разыскания и материалы*, Москва, 2016, 399–421.

Луценко 2012

Луценко К. В., Особенности самоопределения героев в рассказах А. П. Чехова и Ф. Сологуба о провинциальных учителях, *Таганрог и провинция в творчестве А. П. Чехова. Материалы Международной научной конференции «XXIV Чеховские чтения в Таганроге» 2011*, Таганрог, 2012, 76–85.

Матвеев 1914

Читатель [Матвеев В. Ф.], Редакции, *Дневники писателей*, 1, 1914, 47–53.

Меликян 2010

Меликян Т. А., Чехов и русский модернизм (Мережковский, Сологуб, Пастернак), *А. П. Чехов: русская и национальные литературы*, Ереван, 2010, 139–147.

Минц 1979

Минц З. Г., О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов, *Блоковский сборник*, 3: *Творчество А. А. Блока и русская культура XX века*, Тарту, 1979, 76–120.

Одесская 1998

Одесская М. М., Н. Готорн, А. Чехов, Ф. Сологуб. Архетип сада, *Молодые исследователи Чехова*, Москва, 1998, 260–266.

Один из молодых 1910

Один из молодых [Устимович П. М.], Диспут о Недотыкомке, *Новая Русь*, 85 (28 ноября), 1910.

Охотина 1993

Охотина Г. А., Федор Сологуб и Чехов, *Анализ художественного произведения*, Киров, 1993, 58–82.

Павлова 1999

Павлова М. М., ред., сост., Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым, *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома*, 1995, С.-Петербург, 1999, 194–293.

Пильд 1998

Пильд Л., К вопросу о рецепции Тургенева в 1900–1910-х годах, *Тыняновский сборник*, 10: *Шестые–Седьмые–Восьмые Тыняновские чтения*. Москва, 1998, 143–158.

——— 1999

Пильд Л., *Тургенев в восприятии русских символистов (1890–1900-е годы)* (= *Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis*, 6), Тарту, 1999.

Полонский 2007

Полонский В., Чеховский след в драматургии русских символистов: О «страсти уныния», «заложниках жизни» и «будущей радости», *Вопросы литературы*, 6, 2007, 147–162.

Смиренский 1997

Смиренский В. В., Воспоминания о Федоре Сологубе, вступ. статья, публ. и комм. И. С. Тимченко, *Неизданный Федор Сологуб*, Москва, 1997, 395–422.

Смирнова 1979

Смирнова М., Беликов Чехова и Передонов Сологуба, *Художественное творчество и литературный процесс*, 2, Томск, 1979, 55–60.

Соболев 2016

Соболев А. Л., К истории журнала «Дневники писателей» (1914), *Федор Сологуб: Разыскания и материалы*, Москва, 2016, 555–614.

Сологуб 1–8

Сологуб Ф., *Собрание сочинений*, 1–8, Москва, 2000–2004.

——— 1903

Сологуб Ф., По поводу письма гр. С. А. Толстой, *Новости и Биржевая газета*, 45 (14 февраля), 1903.

——— 1904а

Сологуб Ф., После катастрофы, *Новости и Биржевая газета*, 181 (3 июля), 1904.

——— 1904б

Сологуб Ф., Из окна, *Новости и Биржевая газета*, 217 (8 августа), 1904.

——— 1904в

Сологуб Ф., Книголюбцам, *Новости и Биржевая газета*, 218 (9 августа), 1904.

——— 1904г

Сологуб Ф., Поминание (Чехов), *Биржевые ведомости*, 407 (11 августа), 1904.

——— 1904д

Сологуб Ф., Самый зрелый, *Новости и Биржевая газета*, 228 (19 августа), 1904.

——— 1904е

Сологуб Ф., Беспорядок, *Новости и Биржевая газета*, 304 (3 ноября), 1904.

——— 1915

Сологуб Ф., Забытое искусство (По поводу драмы Пушкина в Московском Художественном театре), *Биржевые ведомости* (утр. вып.), 14821 (3 мая), 1915.

——— 1918

Сологуб Ф., Без праздника, *Новые ведомости*, 64 (8 мая), 1918.

——— 2004

Сологуб Ф., *Мелкий бес*, М. М. Павлова, подг. изд., С.-Петербург, 2004.

Толстой 1–90

Толстой Л. Н., *Полное собрание сочинений*, 1–90, Москва; Ленинград, 1928–1964.

Филичева 2017

Филичева В. В., Трансформации претекста: «Война и мир» в 1912 году (инсценировка Ф. Сологуба по роману Л. Н. Толстого), *Что и как читали русские классики? (От круга чтения к стратегиям письма)*, С.-Петербург, 2017, 377–386.

Чаров 1909

Чаров Н. [Федорченко Л. С.], Из дневника журналиста. Ф. Сологуб, *Русская Ривьера (Ялта)*, 12 (16 января), 1909.

Чернова 2007

Чернова Н. В., Литературные пристрастия персонажей Достоевского как способ их характеристики, *Достоевский и мировая культура*, 23, С.-Петербург, 2007, 107–120.

Чернова 2010

Чернова Н. В., Последняя книга Настасьи Филипповны: случайность или знак? («героиня с книгой» как сквозной мотив в творчестве Достоевского), *Достоевский. Материалы и исследования*, 19, 2010, 192–202.

Чехов 1–30

Чехов А. П., *Полное собрание сочинений и писем*, 1–30, Москва, 1974–1983.

Шаталина 1997

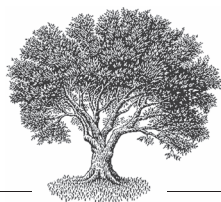
Шаталина Н. Н., Библиотека Ф. Сологуба: Материалы к описанию, *Неизданный Федор Сологуб*, Москва, 1997, 435–521.

References

- Balukhatyi S., Biblioteka Chekhova, *Chekhov i ego sreda*, Leningrad, 1930, 197–423.
- Chernova N. V., Posledniaia kniga Nastas'i Filippovny: sluchainost' ili znak? («geroinia s knigoi» kak skvoznoi motiv v tvorchestve Dostoevskogo), *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, 19, 2010, 192–202.
- Chernova N. V., Literaturnye pristrastiiia personazhei Dostoevskogo kak sposob ikh kharakteristiki, *Dostoevskii i mirovaia kul'tura*, 23, St. Petersburg, 2007, 107–120.
- Danko E. Ya., Vospominaniia o Fedore Sologube, *Litsa: Biograficheskii al'manakh*, 1, Moscow, St. Petersburg, 1992, 190–234.
- Erofeev V., Na grani razryva: Melkii bes F. Sologuba na fone russkoi realisticheskoi traditsii, *Voprosy literatury*, 2, 1985, 140–158.
- Filicheva V. V., Transformatsii preteksta: «Voina i mir» v 1912 godu (instsenirovka F. Sologuba po romanu L. N. Tolstogo), *Chto i kak chitali russkie klassiki? (Ot kruga chteniia k strategiiam pis'ma)*, St. Petersburg, 2017, 377–386.
- Lavrov A. V., Fyodor Sologub and Anastasia Chebotarevskaya, *Unpublished Fedor Sologub*, A. Yu. Galushkin, M. Yu. Lyubimova, eds., Moscow, 1997, 290–302; 371–384.
- Lavrov A. V., Novonaidennye pis'ma Anastasii Chebotarevskoi k Fedoru Sologubu (1907–1916), *Fedor Sologub: Razyskaniia i materialy*, Moscow, 2016, 399–421.
- Lutsenko K. V., Osobennosti samoopredeleniia geroev v rasskazakh A. P. Chekhova i F. Sologuba o provintsial'nykh uchiteliakh, *Taganrog i provintsiia v tvorchestve A. P. Chekhova. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «XXIV Chekhovskie chteniia v Taganroge»*, 2011, Taganrog, 2012, 76–85.
- Melikian T. A., Chekhov i russkii modernizm (Merezhkovskii, Sologub, Pasternak), *A. P. Chekhov: russkaia i natsional'nye literatury*, Yerevan, 2010, 139–147.
- Mints Z. G., O nekotorykh «neomifologicheskikh» tekstakh v tvorchestve russkikh simvolistov, *Blokovskii sbornik*, 3: *Tvorchestvo A. A. Bloka i russkaia kul'tura XX veka*, Tartu, 1979, 76–120.
- Odesskaya M. M., N. Gotorn, A. Chekhov, F. Sologub. Arkhetip sada, *Molodye issledovateli Chekhova*, Moscow, 1998, 260–266.
- Okhotina G. A., Fedor Sologub i Chekhov, *Analiz khudozhestvennogo proizvedeniia*, Kirov, 1993, 58–82.
- Pavlova M. M., ed., Sologub F., *Melkii bes* (= Literaturnye pamiatniki), St. Petersburg, 2004.
- Pavlova M. M., ed., Fedor Sologub i An. N. Chebotarevskaya. Perepiska s A. A. Izmailovym, *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma*, 1995, St. Petersburg, 1999, 194–293.
- Pild L., K voprosu o retseptsii Turgeneva v 1900–1910-kh godakh, *Tynianovskii sbornik*, 10: *Shes'tye–Sed'mye–Vos'mye Tynianovskie chteniia*, Moscow, 1998, 143–158.
- Pild L., *Turgenev v vospriiatii russkikh simvolistov (1890–1900-e gody)* (= Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis, 6), Tartu, 1999.
- Polonsky V., Chekhovskii sled v dramaturgii russkikh simvolistov: O «strasti unyniia», «zalozhnikakh zhizni» i «budushchei radosti», *Voprosy literatury*, 6, 2007, 147–162.
- Shatalina N. N., Biblioteka F. Sologuba: Materialy k opisaniiu, *Unpublished Fedor Sologub*, A. Yu. Galushkin, M. Yu. Lyubimova, eds., Moscow, 1997, 435–521.
- Smirnova M., Belikov Chekhova i Peredonov Sologuba, *Khudozhestvennoe tvorchestvo i literaturnyi protsess*, 2, Tomsk, 1979, 55–60.
- Sobolev A. L., K istorii zhurnala «Dnevnik pisatelei» (1914), *Fedor Sologub: Razyskaniia i materialy*, Moscow, 2016, 555–614.
- Timchenko I. S., ed., Smirenskiy V. V., Vospominaniia o Fedore Sologube, *Unpublished Fedor Sologub*, A. Yu. Galushkin, M. Yu. Lyubimova, eds., Moscow, 1997, 395–422.

Вера Владимировна Филичева,
старший лаборант-исследователь
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
125993 С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Россия / Russia
Intfmd@rambler.ru

Received November 18, 2019

Об одном случае прагматикализации в русском языке: микродиахроническое исследование частицы *же* в составе вопроса*

Ольга Евгеньевна Пекелис

Российский государственный
гуманитарный университет
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

A Case of Pragmaticalization in Russian: Micro- diachronic Analysis of the Particle *že* in Questions

Olga E. Pekelis

Russian State University for the
Humanities
National Research University Higher
School of Economics
Moscow, Russia

Резюме

Частица *же* относится к числу наиболее исследованных частиц русского языка, однако ее употребление в составе вопросительных конструкций (ср. *Когда же мы вернемся домой?*), хотя и имеет свои особенности, до сих

* Статья подготовлена участником «Программы стажировок работников и аспирантов российских вузов и научных организаций в НИУ ВШЭ» на базе Школы лингвистики факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ на основе данных, полученных в период стажировки. Автор глубоко признателен руководителю стажировки Е. В. Рахилиной, а также анонимному рецензенту за советы и замечания.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Цитирование: Пекелис О. Е. Об одном случае прагматикализации в русском языке: микродиахроническое исследование частицы *же* в составе вопроса // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 1. С. 340–361.

Citation: Pekelis O. E. (2020) A Case of Pragmaticalization in Russian: Micro-diachronic Analysis of the Particle *že* in Questions. *Slověne*, Vol. 9, № 1, p. 340–361.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.9.1.12

пор подробно не изучалось. В настоящей работе сопоставляются семантические и синтаксические свойства частицы *же*, входящей в состав частного или общего вопроса, в текстах XVIII–XIX веков и в современном языке. На материале Национального корпуса русского языка демонстрируется, что в современных текстах «вопросительное» *же* может выступать в четырех значениях, каждое из которых прагматически окрашено, тогда как в XIX в. и ранее в ряду значений *же* имелось также прагматически нейтральное — присоединительное — значение, сегодня утраченное. Такое диахроническое развитие соответствует типологически распространенному сценарию, представляя собой образец прагматикализации. Предлагаемое семантическое описание частицы *же* далее рассматривается сквозь призму синтаксических закономерностей в эволюции этой частицы. Оно позволяет объяснить запрет на употребление *же* в общем вопросе, действующий в современном русском языке, но отсутствовавший в языке XVIII–XIX вв., а также существование ряда общевопросительных конструкций, не подчиняющихся запрету. Кроме того, предположение об утрате частицей *же* присоединительного употребления в вопросе согласуется с известной тенденцией к снижению частотности присоединительного *же* в составе утвердительных предложений.

Ключевые слова

прагматикализация, микродиахрония, частица *же*, корпус, история русского языка, частный вопрос, общий вопрос

Abstract

Že is one of the most closely studied particles in Russian, but its use within interrogative sentences, although it is a separate type of use, has not been investigated in detail. In this paper, I deal with the semantic and syntactic properties of *že* as part of a constituent or a polar question in the 18th–19th centuries and in modern usage. Based on the Russian National Corpus data, it is demonstrated that, in modern texts, *že* can appear in questions in four different meanings, each of them pragmatically coloured, whereas in the 19th century and earlier, *že* could also have a pragmatically neutral meaning, close to a conjunctive one, which has today been lost. This diachronic development corresponds to a typologically widespread scenario and represents the process known as pragmaticalization. The proposed semantic analysis of *že* is further considered in the light of syntactic tendencies in the evolution of this particle. This analysis can explain the absence of *že* in the polar questions in modern Russian and its presence in such types of questions in the Russian language of the 18th–19th centuries. The assumption that *že* has lost its conjunctive-like meaning in interrogative sentences is consistent with the observation that the conjunctive *že* is the less frequent type of *že* in declarative sentences.

Keywords

pragmaticalization, history of Russian, corpus studies, constituent question, polar question, discourse particles

1. Введение

В статье анализируется эволюция свойств частицы *же* в составе вопроса начиная с XVIII века. Исследование продолжает проект Школы лингвистики НИУ ВШЭ по описанию русского языка XIX в. (см. подробнее [Рахилина et al. 2016]), главная задача которого состоит в поиске и интерпретации тех явлений в грамматике и лексике языка XIX в., которые сегодня могут быть признаны устаревшими. Основным материалом для решения этой задачи на настоящем этапе служит роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1840 г.). Поэтому и при анализе частицы *же* в вопросе текст романа стал своего рода отправной точкой, позволившей увидеть контексты с *же*, к XXI веку вышедшие из употребления. В качестве следующего шага были привлечены тексты других авторов этого и более раннего периодов, подтвердившие предположение о том, что найденные устаревшие употребления *же* принадлежат не только языку М. Ю. Лермонтова, но и русскому языку XVIII–XIX вв. в целом. Исследование опиралось на данные Национального корпуса русского языка [НКРЯ]: его основной и исторический подкорпусы при анализе текстов предшествующих веков и газетный подкорпус при анализе современных текстов.

Употребление *же* в вопросе, не отвечающее современной норме, иллюстрирует пример (1):

- (1) *Грушницкий пришел ко мне в шесть часов вечера и объявил, что завтра будет готов его мундир, как раз к балу. — Наконец я буду с нею танцевать целый вечер... Вот наговорюсь! — прибавил он. — Когда же бал?* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]

Чтобы обосновать архаичность данного употребления *же*, были расклассифицированы и описаны современные значения *же* в вопросе по материалам газетного корпуса (см. раздел 2). Оказалось, что все такие значения прагматически окрашены. Между тем, как демонстрируется в разделе 3, *же* в контекстах типа (1) выступает в прагматически нейтральной функции — присоединительной, т. е. маркирует связь вопроса с предтекстом. Путь, пройденный *же*, тем самым представляет собой типичный пример прагматикализации.

Предложенное описание послужило основой для объяснения того факта, что сегодня *же* не может употребляться в общем вопросе в тех же значениях, в которых оно употребляется в частном вопросе, тогда как в XIX в. и ранее такого запрета не было (см. раздел 4). Кроме того, это описание согласуется с историей развития *же* за пределами вопросительных конструкций (см. раздел 5).

2. Же в частном вопросе: современное употребление

Хотя частице *же* посвящена значительная литература [Paducheva 1987; Плунгян 1987; Бонно, Кодзасов 1998; Валова, Слюсарь 2017 и др.], свойства *же* в составе частного вопроса, насколько нам известно, пристально не исследовались. В [СлРЯ XVIII в. 7: 100] *же* в составе вопроса выделяется как отдельное употребление, но семантика этого употребления не описывается. В [СлРЯ XI–XVII вв. 5: 78] *же* в вопросе не рассматривается как отдельное употребление; примером с вопросительным словом (2) иллюстрируется «усилительное» употребление *же*:

- (2) *Чесо же ради* попусти ему (диаволу) бгѣ ратовати родъ чловѣчский. Скрижаль, IV, 14, 1656 г.

В работе [Падучева 2018], систематизирующей современные употребления *же*, вопросительное *же* получает следующую краткую характеристику: «поставленное после вопросительного местоимения, *же* выражает вопрос, порожденный предшествующим контекстом, иногда выражающий нетерпеливое требование ответа» [Ibid.: 344].

Более подробно вопросительное *же* рассмотрено в [Бонно, Кодзасов 1998], где разграничены собственно вопросы с *же* (3) и вопросы, выражающие возражения (4) или восклицания¹.

- (3) *Когда же он придет?*

- (4) — *Смотри-ка — Ваня идет. — Какой же это Ваня?*

Собственно вопросительное *же*, по мысли авторов, сигнализирует о стремлении говорящего «восстановить полную картину релевантной области» [Ibid.: 419]. Не вполне ясным остается, однако, чем вопрос с *же* отличается от вопроса без *же*, поскольку любой вопрос свидетельствует о стремлении говорящего восстановить картину, фрагменты которой ему неизвестны.

В [Hagstrom, McCoy 2003] вопрос с *же* квалифицируется как близкий к риторическому вопросу². Других функций у вопросительного *же* не усматривается.

Между тем анализ 100 вхождений вопросов с *же* (или с *ж*) в газетном корпусе НКРЯ позволяет предположить, что в современном языке частный вопрос с *же* может выражать целый пучок разных, хотя и тесно

¹ К восклицаниям отнесены экскламаты с вопросительным словом, ср.: «Сколько же фонтанов!». В настоящей работе экскламаты не рассматриваются.

² «We might characterize the meaning of *wh-z* questions as something like: *What is the answer, given that all of the possible/reasonable answers are false?*» [Hagstrom, McCoy 2003: 210].

связанных значений, каждое из которых прагматически окрашено³. Будем различать следующие значения, составляющие прагматический вклад *же* / *ж* (риторический вопрос с *же* близок значению 1, а формулировка «нетерпеливое требование ответа», цитируемая выше, отвечает значению 4; пересечения с классификацией значений *же*, предлагаемой в [Бонно, Кодзасов 1998], более разнообразны и ниже комментируются отдельно).

- 1) Недоумение, порожденное предшествующим контекстом.
- (5) *Талантливые дети у нас есть, а вундеркиндов — нет. Куда же они делись? Вымерли, как мамонты в ледниковый период?* [Комсомольская правда, 2014.07.09]
- (6) *Компьютерщиками оказались и трое последующих — просто какой-то клуб любителей информатики! Но где же возжеленные банкиры и держатели крупных акций?!* [Комсомольская правда, 2014.06.26]
- (7) *Он — мою — потом бросил. А я — его — оставил на память... — До сих пор хранится? — Да, конечно. — Что же вы нам ее не принесли показать?* [Комсомольская правда, 2014.06.15]

С данным значением, повторим, сближается риторический вопрос с *же*:

- (8) *Мы, родители, закрыли глаза (а что делать? кто же будет деньги зарабатывать?) на то, что творят наши дети.* [Комсомольская правда, 2014.06.28]
- (9) *Мы сделали столько для покаяния, такие жертвы принесли, что куда же еще дальше?* [Комсомольская правда, 2014.06.19]

2) Несогласие с мнением, высказанным в предшествующем контексте.

От недоумения, близкого по значению, несогласие отличается, во-первых, тем, что всегда является реакцией на некоторое высказанное в предтексте мнение (так, в (6) мнения нет, а есть констатация факта), а во-вторых, отличается наличием у говорящего обоснования для собственного противоположного мнения («деньги есть, потому что есть долг СССР перед Югославией» в (10); «нельзя воздерживаться от сахара, потому что мозгу нужна глюкоза» в (11)).

- (10) *Для России ельцинского периода единственным партнером был Вашингтон. Мы хотели купить оружие. Нам в ответ: у вас нет денег. Почему же? Есть*

³ Запрос: «(SPRO|APRO|ADVPRO|PRAEDICPRO) г:rel на расстоянии 1 от же|ж на расстоянии 10 от bques».

долг СССР перед Югославией на сумму почти два миллиарда долларов. Возьмите эти деньги и дайте нам ракеты и самолеты. [Комсомольская правда, 2014.06.10]

- (11) *Я люблю вкусно поест, но воздерживаюсь от сахара. — А как же глюкоза? Говорят, мозгу без нее никак.* [Комсомольская правда, 2014.07.25]

Же в вопросах, выражающих несогласие («возражение»), выделяется и в [Бонно, Кодзасов 1998: 421–422] (ср. (4)), однако интерпретируется шире, что не позволяет разграничить несогласие и недоумение. Так, к возражениям отнесен вопрос в (12), хотя никакого мнения, против которого этот вопрос мог бы возражать, в предтексте не выражено; мы усматриваем в (12) же в значении недоумения.

- (12) *Ты ведь знал, чем это кончится. Почему же ты его не остановил?*

3) Непонимание.

Вопрос с же в этом значении является реакцией на поступившее в предшествующем контексте сообщение, тот или иной аспект которого автору вопроса остался непонятен. От значений недоумения и несогласия это значение отличается, в частности, относительной эмоциональной нейтральностью. Так, в (13) говорящий стремится уточнить, в чем именно выражается застой в американском кино, не испытывая в связи с содержанием вопроса явно выраженных эмоций:

- (13) *В одном из своих интервью вы говорили, что в американском кино сейчас наблюдается застой, подобный тому, что разрушил советское кино в 70-е годы. В чем же он выражается?* [«Я не вижу себя американским режиссером» // РБК Daily, 2008.07.02]

- (14) — *Видишь ли, болгарские власти сделали из Ванги местную достопримечательность. Официальные делегации, артистов, других высоких гостей обычно везли на Шипку, символ русско-болгарской дружбы, а потом к ясновидящей. [...]* — *Так кем же была Ванга, на твой взгляд?* [Комсомольская правда, 2014.08.07]

По-видимому, именно с данным значением сближается собственно вопросительное же («же дополнения») в классификации [Бонно, Кодзасов 1998]. Ср. замечание о «интеллектуальном усилии говорящего» [Ibid.: 420] в связи с одним из разбираемых примеров с таким же.

4) Нетерпеливое требование ответа.

- (15) *Когда нам было по четырнадцать, нам сказали: «Сейчас будут шесть человек выбирать и «на контракты сажать». И все ребята спрашивали: «Кто же? Кто же это будет»* [Советский спорт, 2009.10.27]

- (16) *Больше не придется отводить глаза, отвечая в Севастополе на вопрос: «Когда же вы заберете нас в Россию?»* [Известия, 2014.03.20]

Отметим, что перечисленные значения *же* прагматически окрашены в разной степени: у значения непонимания, эмоционально наиболее нейтрального, прагматическая окрашенность менее выраженная, чем, скажем, у значения недоумения. Тем не менее и в значении непонимания вопрос с *же* отличается от вопроса без *же* наличием прагматического (связанного с ментальной сферой говорящего) компонента.

Прокомментируем это различие, воспользовавшись примером (17) из [Бонно, Кодзасов 1998: 419] (по сравнению с оригиналом в пример добавлен предтекст: первая реплика собеседника А).

- (17) А: *Что-то я не вижу Иванову.* В: *Она в отпуске. Только что уехала.* А: *И когда же она вернется?*

- (18) А: *Где Иванова?* В: *Она в отпуске.* А: *А когда она вернется?*

В (17) вопрос с *же*, как кажется, демонстрирует «осадок непонимания», оставленный у А ответом собеседника В. Такой вопрос уместен, например, в ситуации, когда А ожидал застать Иванову на месте (ср. реплику *Что-то я не вижу Иванову*), поэтому сообщение о том, что она в отпуске, не вполне его удовлетворяет. В (18), между тем, сообщению *она в отпуске* предшествует прямой вопрос *Где Иванова?* При условии, что такой вопрос произнесен с нейтральной интонацией, он означает, что у А, скорее всего, не было предварительных ожиданий относительно местонахождения Ивановой (кроме ожидания, что Иванова может оказаться на своем рабочем месте). Вопрос без *же* представляется в этом случае более естественным, чем вопрос с *же*; а если бы *же* в (18) все-таки присутствовало, оно привносило бы тот же оттенок непонимания в связи с обнаруженным положением дел (отсутствием Ивановой).

Таким образом, задавая вопрос без *же*, говорящий декларирует свое незнание ответа и просит адресата этот ответ указать, тогда как *же* в значении непонимания дополнительно маркирует тот факт, что говорящий не понял некоторый аспект предшествующего сообщения и просит уточнить его.

3. *Же* в частном вопросе: устаревшее употребление

В текстах XVIII–XIX вв. современное прагматически окрашенное *же* тоже встречается. Ср. *же* как маркер недоумения в (19) и *же* в значении непонимания в (20).

- (19) *Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады?* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]
- (20) *Я раз насилу ноги унёс, а ещё у мирнова князя был в гостях. — Как же это случилось?* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]

Однако вклад *же* в вопрос в этот период мог и отличаться от всех вышеперечисленных значений: он мог быть свободен от прагматического компонента и состоял в этом случае лишь в том, чтобы *маркировать связь вопроса с предтекстом*. В «перевод» на современный язык такое *же* может быть опущено или в некоторых случаях заменено на начальную частицу *и* или *а*, выполняющих сегодня близкую функцию.

В соответствии с принятым подходом, обратимся сначала к тексту «Героя нашего времени» и лишь затем — к текстам другим авторов. Устаревшее, прагматически нейтральное *же* фигурирует в следующем фрагменте из романа Лермонтова (в скобках приведен предполагаемый «перевод» вопроса с *же*).

- (21) (= (1)) *Грушницкий пришел ко мне в шесть часов вечера и объявил, что завтра будет готов его мундир, как раз к балу. — Наконец я буду с нею танцевать целый вечер... Вот наговорюсь! — прибавил он. — Когда же бал?* (→И/А когда бал?) [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]

Убедимся, что *же* не выполняет здесь прагматических функций 1–4, выделенных в разделе 2. Очевидно, вопрос с *же* в (21) не выражает ни недоумения говорящего, ни его несогласия с собеседником (значения 1 и 2). Значения 3 ‘непонимание’ здесь, по-видимому, тоже нет. Такое значение возникает при желании говорящего уточнить предшествующее сообщение, некоторый аспект которого остался ему непонятен. Ср. (13) и (14), а также:

- (22) *И это было классно, ... (следует крепкое выражение. — Прим. ред.)! — В чем же заключался класс?* [Комсомольская правда, 2013.02.14]

Однако в (21) сообщение Грушницкого посвящено тому, что он планирует делать на балу, а не собственно балу (в частности, не тому, что бал состоится). Для сравнения, современное значение ‘непонимание’ реализуется в (21)’:

- (21)’ — *Наконец я буду с нею танцевать целый вечер... Вот наговорюсь! прибавил он. — О чем же ты будешь с ней говорить?*

Наконец, нет оснований усматривать в (21) и значение нетерпения (значение 4). Нетерпения в этом контексте естественней было бы ожидать от слушающего (Грушницкого), который предвкушает бал, а не от говорящего (Печорина).

Устаревшее *же* фигурирует также в (23):

- (23) — *Согласен?.. — Согласен, — прошептал Азамат, бледный как смерть. — Когда же? (→ Когда?) — В первый раз, как Казбич придет сюда; он обещался пригнать десяток баранов: остальное — моё дело. Смотри же, Азамат!* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]

В (23) значения недоумения или несогласия не выражены. Нет и значения ‘непонимание’, поскольку нет эксплицитного сообщения в предшествующем контексте, уточнением которого является вопрос. По-видимому, нет и нетерпения. Печорину ухищрениями удастся получить у Азамата согласие на то, что тот выкрадет для него Бэлу; в этих условиях нетерпеливый вопрос о времени встречи скорее был бы уместен в устах Печорина, но не Азамата.

Еще одно устаревшее употребление *же* находим в (24):

- (24) — *Да, убит — продолжали они, — пойдём скорее. — Да куда же? (→ Куда?) — Дорогой узнаешь.* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]

Заметим, что в (24) *же* выполняет присоединительную функцию вместе с частицей *да*. Ср. пример XIX в., в котором *да* выступает в той же функции, но без *же*:

- (25) — *Сами посудите, Антон Иванович, один сын, и тот с глаз долой: умру — некому и похоронить. — А мы-то на что? что я вам, чужой, что ли? Да куда еще торопитесь умирать? того гляди, замуж бы не вышли!* [И. А. Гончаров. Обыкновенная история (1847)]

В (24) *же* не выражает ни нетерпения, ни несогласия. Значения ‘непонимание’, как кажется, здесь тоже нет, потому что в предтексте отсутствует эксплицитное сообщение, уточнить которое призван вопрос. Реплика *пойдём скорее* — в императиве, и ассерции, по крайней мере эксплицитной, не несет. Для сравнения, в современном примере (26) вопрос *куда же* в ответ на императив *давай на выход* выражает не эмоционально нейтральную просьбу об уточнении, а недоумение:

- (26) *Сейчас соберешь вещички — и давай на выход. <...> Куда же я теперь пойду?.. У меня же нет никого!..* [Марина Палей. Дань саламандре (2008)]

Напротив, в (27) вопрос *куда же* выражает просьбу уточнить, куда именно могут быть потрачены деньги, и в соответствии с этим ему предшествует сообщение о том, что назначение этих трат известно.

- (27) *Да к тому же есть, куда потратить деньги, которые Владимир Вольфович выплатит в качестве компенсации за нанесение морального вреда. — Куда же? — У меня две подшефные школы — одна в Муроме, другая в селе Городня Тверской области.* [Комсомольская правда, 2012.04.21]

Против интерпретации *же* в (24) как маркера недоумения свидетельствует следующая закономерность: в вопросах, подобных (24), т. е. не содержащих ничего, кроме вопросительного слова, частицы *же* и, возможно, начальной частицы *ну, и, а* и под., в современном языке *же* не может выступать в значении недоумения. Проанализированные нами 100 вхождений таких вопросов (будем называть их «короткими») в газетном корпусе не содержали ни одного вхождения *же* в значении недоумения, зато содержали *же* в трех других значениях⁴. Ср. 'несогласие' в (28), 'непонимание' в (29), 'нетерпение' в (30):

- (28) *И ничего не боитесь в жизни? — Ну как же? Я очень боюсь за свою семью.* [Советский спорт, 2013.07.29]
- (29) *Но я склоняюсь к другому варианту. — Какому же?* [Советский спорт, 2012.04.30]
- (30) *«Сериал кончился», — говорили те, кто его посмотрел. «Чем же?!» — интересовались те, кто его не видел, но кого постоянно пытали рассказами о происходящем в маленьком американском городке.* [Известия, 2014.06.23]

Указанное ограничение на употребление *же* в значении недоумения, как можно предположить, связано с тем, что полный вопрос необходим для идентификации предмета недоумения, тогда как предмет несогласия, непонимания и нетерпения поддается идентификации и в контексте короткого вопроса. В самом деле, предмет несогласия интерпретируется исходя из предшествующего высказывания (в (28) несогласие говорящего направлено на предположение адресата о том, что говорящий ничего не боится в жизни). Предмет непонимания и нетерпения интерпретируется по вопросительному слову. Между тем предмет недоумения выражен не в предтексте и не в одном вопросительном слове, а в исходном предположении вопроса, содержащего *же* (см. подробнее раздел 4.2). Поэтому эксплицитное формулирование вопроса способствует идентификации предмета недоумения. Так, в (26)

⁴ Запрос: «(SPRO|APRO|ADVPRO|PRAEDICPRO) r:rel на расстоянии 1 от же bques».

предметом недоумения служит исходное предположение вопроса ‘мне есть куда идти’, эксплицируемое полным вопросом. Ср., однако, в (26)’ замену полного вопроса (26) коротким вопросом, в результате чего вопрос перестал соответствовать современной норме. Единственное значение, которое можно было бы приписать *же* в (26)’, — это значение непонимания, однако оно противоречит контексту:

(26)’ *Сейчас соберешь вещички — и давай на выход. *Куда же?.. У меня же нет никого!*

Отметим, что в подкорпусе XVIII — первой половины XIX вв. основного корпуса НКРЯ коротких вопросов с вопросительными словами *куда* и *когда* больше, чем в газетном корпусе (см. данные в Таблице 1). Это находит объяснение в том, что в XVIII–XIX вв. у частицы *же* было больше значений, в которых она могла выступать в таком вопросе: кроме значений ‘несогласие’, ‘непонимание’ и ‘нетерпение’, было еще и устаревшее сегодня присоединительное значение. Ср. (31), где, как кажется, *же* служит только для соединения вопроса с предтекстом:

(31) *Бахтиаров не обратил, кажется, должного внимания на этот прекрасный монолог, потому что занят был какими-то собственными соображениями, и при последних словах он встал и взялся за шляпу. — Куда же? — спросила Юлия. — Нужно.* [А. Ф. Писемский. Тюфяк (1850)]

Таблица 1. Частотность «коротких» вопросов с *же* и вопросительными словами *куда* и *когда* в газетном корпусе и подкорпусе 1700–1850 гг. основного корпуса НКРЯ

	газетный корпус		подкорпус 1700–1850 гг.	
	объем корпуса: 226 975 485 слов		объем корпуса: 117 899 476 слов	
	N	ipm	N	ipm
<i>Куда</i>	5	0,022	17	0,144
<i>Когда</i>	17	0,075	22	0,187

Итак, во фрагментах (21), (23) и (24) из «Героя нашего времени» не представлено ни одно из современных прагматически окрашенных значений *же*. При этом предполагаемое прагматически нейтральное употребление *же* обнаруживается в текстах других авторов XVIII–XIX вв., и значит, не является особенностью языка Лермонтова. Приведем без комментария несколько примеров (ср. также выше (31)):

- (32) *Ибо кто был Кир, Царь Персицкий? Кто же и Соломон? (→ И кто был Соломон?) Обоих оных не толко светская, но и самая Священная История славит.* [А. И. Богданов. Описание Санктпетербурга (1751)]
- (33) *«Я вопрошал сам себя, — вещал он, — что такое есть людска слава? Она есть звук, в углу земли восстающий и исчезающий. Что же похвала дворская? (→ А что такое похвала?) Есть дань, приносимая от корысти силе или от подлости гордыне. Что же власть? (→ А что такое власть?) Величайшее злосчастье для такого, кто не есть человек добродетельнейший».* [Д. И. Фонвизин. Слово похвальное Марку Аврелию (1777)]
- (34) *«Слушай, Настасья-королевна, когда ты станешь шить шелками, то, пожалуйста, немного мне принеси шелчку на струны к цимбалу». Она обещалась сие исполнить, а между тем спросила: «Куда же мне положить шелк?» (→ А куда мне положить шелк?) — «Под чепчик», — отвечал Вихорь-королевич.* [Сказка о Вихоре-королевиче (1794–1795)]
- (35) *Какой блеск!.. Подари мне ее. Не то поменяйся со мною. — Что же ты мне дашь? (→ А/И что ты мне дашь?) — Дам тебе свой ум: видишь, какой славный, крепкий, прочный, основательный.* [О. И. Сенковский. Похождения одной ревижской души (1834)]

Остановимся подробнее на вопросе о том, что именно представляло собой прагматически нейтральное присоединительное значение *же*. Как отмечено выше, в качестве современного аналога такого *же* можно рассматривать начальные частицы *а* и *и*. Обе частицы могут выступать сегодня в роли межфразового коннектора, обеспечивающего связность текста (см. [Зализняк, Микаэлян 2018: 337] про *а*, [Урысон 2011: 256] про *и*). Отличие *а* от *и* в [Урысон 2011: 256] усматривается в том, что *а* создает «ощущение начала новой темы внутри продолжающегося повествования», тогда как *и* создает ощущение «продолжения ранее начатой темы». Так, в примере (36а) (=1)) частица *же* как будто с одинаковым успехом может быть заменена на *а* (36б) и на *и* (36в), при этом семантическое различие между этими вариантами состоит в том, что в (36б) говорящий, задавая вопрос, вводит новую тему (о времени проведения бала), тогда как в (36в) говорящий продолжает тему, начатую адресатом (о бале).

- (36) (=1)) а. *Грушницкий пришел ко мне в шесть часов вечера и объявил, что завтра будет готов его мундир, как раз к балу. — Наконец я буду с нею танцевать целый вечер... Вот наговорюсь! — прибавил он. — Когда же бал?* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]

б. <...> — **А** когда бал?

в. <...> — **И** когда бал?

Тот факт, что частица *же* в устаревшем употреблении может допускать замену и на *а*, и на *и*, указывает на то, что *же* не была конкретизирована относительно значений, по которым *а* и *и* противопоставлены, и сближалась то с одним, то с другим значением под влиянием контекста. Тем самым, собственно значением архаичного *же* видится чистое присоединение: маркирование вопроса как реакции на предшествующий контекст.

4. *Же* в общем вопросе

По наблюдению Е. В. Падучевой [2018: 344], в современном языке *же* в общем вопросе не употребляется (за некоторыми исключениями, о которых см. раздел 4.2):

(37) **Так пошел же он в магазин?*

Это предположение подтверждается данными НКРЯ, если принять его в уточненной формулировке: в общем вопросе *же* не употребляется в тех же значениях, в которых употребляется в частном вопросе. Так, в (38) и (39) *же* входит в состав общего вопроса, однако значение *же* иное, чем в частном вопросе: *же* обоснования, синонимичное частице *ведь*, в (38), и *же* тождества в (39):

(38) *Хотя, конечно, Джоли развелась, но вряд ли же из-за него?* [Ирина Плытквич. Мужчина в поиске: основные ошибки желающих познакомиться (2017.08.26)]

(39) *А. П. Каждый считал это изуверством. А я думаю — не то же ли это самое, что у Сезанна?* [Г. С. Померанц. Записки гадкого утенка (1998)]

Только в таких, не собственно вопросительных значениях *же* встречается в газетном корпусе и в подкорпусе 1950–2019 гг. в сочетании с частицей *ли*, вводящей общий вопрос.

Между тем, как демонстрируется в разделе 4.1, в языке XVIII–XIX вв. ситуация была иной: *же* употреблялось в составе общего вопроса в том же значении, что и в частном вопросе. При этом отличие современной нормы от нормы XVIII–XIX вв. получает объяснение, если принять предложенное выше описание современных употреблений *же* в частном вопросе (см. об этом раздел 4.2).

4.1. Устаревшее употребление *же* в общем вопросе

Употребление *же* в общем вопросе, неприемлемое с точки зрения современной нормы, иллюстрируют примеры (40)–(44). При «перевode» на современный язык *же*, по-видимому, следует просто опустить или в некоторых случаях заменить на начальное *а* или *так*.

- (40) Он называл ее вчерась червонной десяткой, подавая тем знать, что она многим отдает свое сердце. Она говорила, что одно только имеет, и следовательно, дать его не может более, как одному. Государь Цесаревич спрашивал у нее: — «Отдано ли **же** ее сердце кому или нет?» (→ А отдано ли ее сердце кому или нет?) [С. А. Порошин. Семена Порошина записки, служащие к истории Его Императорского Высочества Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича [Извлечения] (1764–1765)]
- (41) За мое ослушание падет множество голов христианских; бедных россиян толпами поведут в плен. Мне надобно будет умереть и тогда: не лучше ли **же** ныне, когда могу еще свою погибелию спасти других? (→ Так не лучше ли ныне?) [Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 4 (1808–1820)]
- (42) Г-жа Простакова (Стародуму). Ну, мой батюшка! Ты довольно видел, каков Митрофанушка? Скотинин. Ну, мой друг сердечной! Ты видишь, каков я? Стародум. Узнал обоих, нельзя короче. Скотинин. Быть ли **ж** за мною Софьюшке? (→ Быть ли за мною Софьюшке?) Стародум. Не бывать. [Д. И. Фонвизин. Недоросль (1782)]
- (43) Ничего этого в Гурове нет; он как будто не понимает этого необходимого закона любви, как будто не сознает, что любовь нужно поддерживать, подстрекать, иначе она умрет, зачахнет при самом своем рождении. Могу ли **же** я любить этого человека?.. (→ Так могу ли я любить этого человека?) [М. Е. Салтыков-Щедрин. Противоречия (1847)]
- (44) Размыслив, что это почти необходимо для Лизаветы Васильевны, потому что только этим одним могли прекратиться городские толки насчет ее отношений к Бахтиярову, он был рад ее отъезду. — Надолго ли **же** Лиза уехала? — спросил он. (→ Надолго ли Лиза уехала?) [А. Ф. Писемский. Тюфяк (1850)]

Семантический вклад такого *же*, как кажется, состоит в том, чтобы маркировать связь вопроса с предтекстом, т. е. совпадает с тем вкладом, который, по нашему предположению, мог быть присущ *же* в частном вопросе, а сегодня из значений вопросительного *же* исчез. В самом деле, в (40)–(44) *же* как будто не выражает ничего, кроме того, что вопрос порожден предшествующим контекстом. Именно поэтому элиминация *же* ощущается как семантически малозначимая: любой вопрос, как правило, является реакцией на предтекст, так что специальный маркер связи с предтекстом, каковым мы считаем *же*, просто подчеркивает и так наличествующее текстовое отношение. Ту же функцию обеспечения связи с предтекстом выполняют сегодня частицы *а* и *так*, которые

поэтому иногда уместны в качестве переводного эквивалента устаревшего *же* в общем вопросе⁵.

Обратим внимание, что порядок *ли же*, отличающий все примеры (40)–(44), противоречит правилу расположения энклитик, действовавшему в древнерусском языке (т. н. «ранговый принцип», [Зализняк 2008: 28 ff.]). В основном корпусе встретился пример общего вопроса (45) и с обратным порядком — *же ли*, датированный 1839 годом:

- (45) *Что ему за радость узнать от нее, что она любит не Молчалина, а Скалозуба или что она любит не Скалозуба, а Молчалина? Не все же ли это равно для него?* [В. Г. Белинский. «Горе от ума». Комедия в 4-х действиях, в стихах. Сочинение А. С. Грибоедова (1839)]

Между тем хронологически последний пример в основном корпусе с «неправильным» порядком *ли же* относится уже к началу XX в.:

- (46) — *Да чего же тут думать, — обрадовался я, — альбом со мною, вернемся к твоему Алатырь-камню, где ты сидел и сейчас же начнем. — А много ли же вы мне дадите?* — сказал он отчаянно как-то, понизив голос и опустив голову. — *Да как тогда говорил, как всем плачу: посидишь часок и получишь двугривенный.* [И. Е. Репин. Далекое близкое (1912–1917)]

Кроме того, пример общего вопроса с *же* встретился в старорусском подкорпусе исторического корпуса НКРЯ, и порядок частиц в нем соответствует ранговому принципу, действовавшему в древнерусском, — *же ли*:

- (47) *Подобно же тому и Павел глаголет: «Князи бо не суть боязнь благимъ дѣлом, но злым. Хочещи же ли не бояться власти? Благое твори, и имаша похвалу от нея: Божий бо слуга есть ти в благое.* [Иосиф Волоцкий. Слово об осуждении еретиков Иосифа Волоцкого (1504–1513)]

Приведем перевод примера (47) авторства А. А. Алексеева, в котором *же* просто опущено, что косвенно подтверждает высказанные выше предположения о вкладе такого *же*⁶:

- (48) *Согласно с ним говорит и Павел: «Князья ведь страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и заслужишь похвалу от нее: ибо слуга Бога и тебе во благо.*

⁵ Частица *и*, которую можно считать аналогом архаичного *же* в частном вопросе (см. раздел 3), в общем вопросе обычно не может быть использована вместо *же*. Это связано, по-видимому, с тем, что *и* как маркер связи с предтекстом в общем вопросе обычно соединяет вопрос с предшествующим вопросом, но не с предшествующим утверждением. Ср. (i) и (ii):

(i) *Почему так случилось? И как она перенесла забвение?* [Известия, 2014.05.07]

(ii) *Почему так случилось, не знаю. ? И как она перенесла забвение?*

⁶ Перевод взят с сайта ИРЛИ РАН.

Корпусные данные о линейном порядке *же* и *ли* в общем вопросе указывают на то, что употребление *же* в общем вопросе в XIX в. было унаследовано из более раннего периода, с той разницей, что в это время линейное расположение двух частиц перестало отвечать древнерусской системе расположения энклитик (в русле более общей и хорошо известной тенденции к ее распаду).

4.2. Ограничение на употребление *же* в общем вопросе: объяснение

Выделенные во втором разделе значения *же* в составе частного вопроса ('недоумение', 'несогласие', 'непонимание', 'нетерпение') имеют сферой действия исходное предположение (ИП) вопроса. ИП вопроса представляет собой пропозицию, полученную заменой вопросительного слова переменной, связанной квантором существования ([Падучева 1985: 239]; о семантике частного вопроса см. также [Siemund 2001]). Так, вопрос *Куда ты едешь?* имеет ИП '($\exists x$) адресат едет в x '.

Говоря точнее, значения вопросительного *же* нацелены на переменную, входящую в состав ИП. В вопросе (49), где *же* выражает недоумение, сферой действия этого недоумения является связанная квантором существования переменная в ИП '($\exists x$) адресат едет в x '. Произнося (49), говорящий выражает недоумение относительно того, что адресату есть куда ехать.

(49) *Куда же ты едешь?* [Федор Кнорре. Каменный венок (1973)]

В примере (50), где *же* имеет значение несогласия, его мишенью служит существование причины, по которой утверждение «Витязь» теперь вообще не будет играть в жесткий силовой хоккей» может считаться истинным. ИП имеет вид: '($\exists x$) «Витязь» теперь вообще не будет играть в жесткий силовой хоккей по причине x '.

(50) *То есть «Витязь» теперь вообще не будет играть в жесткий силовой хоккей? — Почему же? Многие наши новички могут это делать.* [Советский спорт, 2013.06.06]

В (51) *же* употреблено в значении 'непонимание', и переменная в составе ИП '($\exists x$) класс заключался в x ' является мишенью непонимания: говорящий просит слушающего уточнить значение x . Отличие от предыдущих двух случаев состоит, по-видимому, в том, что в сферу действия *же* попадает собственно значение переменной, но не связывающий ее квантор существования.

(51) (= (22)) *И это было классно... (следует крепкое выражение. — Прим. ред.)! — В чем же заключался класс?* [Комсомольская правда, 2013.02.14]

Наконец, в (52), где *же* выражает нетерпение, его мишенью выступает переменная в составе ИП '(Э момент *x*) пустят в *x*': говорящий с нетерпением ждет ответа на вопрос, в какой момент пустят.

(52) *Все волнуются и заглядывают за ограду. Ну, когда же пустят?* [Комсомольская правда, 2008.11.27]

Заметим, что нацеленность *же* именно на переменную в составе ИП, но не на все ИП в целом, особенно заметна при сопоставлении *же* с частицей *это*, также выражающей недоумение в составе частного вопроса [Пекелис 2019]. В отличие от *же*, недоумение, выражаемое посредством *это*, имеет сферой действия ИП как таковое. Ср.:

(53) *Пойдем. — Куда это мы пойдем?*

(54) *Пойдем. — Куда же мы пойдем?*

В (53) выраженное с помощью *это* недоумение касается всей ситуации 'мы куда-то пойдем'. В (54) недоумение, выраженное посредством *же*, касается того, что *нам есть куда идти*, т. е. касается связанной квантором существования переменной в составе ИП. Можно сказать, что *это* и *же* различаются семантической сферой действия: как «более» фразовая и «более» локальная частица, соответственно.

Обратимся к общему вопросу. Релевантное для *же* отличие общего вопроса от частного состоит в том, что его ИП не представляет собой утверждения, которое могло бы стать мишенью для значений недоумения, несогласия и проч., выражаемых *же* в частном вопросе. Ср. в [Падучева 1985: 239] идею о том, что ИП общего вопроса следует определять как дизъюнкцию утвердительного и отрицательного ответа. В отсутствие такого утверждения значения *же*, которые реализуются в частном вопросе, в общем вопросе реализоваться не могут. Так, в примере (55а) (= (49)), как отмечалось выше, посредством *же* выражено недоумение говорящего относительно того, что адресату есть куда ехать. Однако в (55б), неприемлемом с точки зрения современной нормы, значению недоумения «не за что зацепиться» и оно не реализуется: (55б) не выражает недоумения ни по поводу того, что адресат куда-то едет, ни по поводу того, что он едет, возможно, надолго.

(55) а. *Куда же ты едешь?* [Федор Кнорре. Каменный венок (1973)]

б. *Надолго ли же ты едешь?* [А. Н. Островский. Бедность не порок (1853)]

Отметим две конструкции, не подчиняющиеся ограничению на употребление *же* в общем вопросе: вопросы с частицами *разве* и *неужели*⁷. Ср.:

+ В [Падучева 2018: 344], со ссылкой на [Paillard 1987], отмечается, что *же* сочетается с *неужели* и не сочетается с *разве*. Это предположение опровергается

- (56) *Это ж на каждого местного пять приезжих получается. Разве ж уследишь за порядком?* — сокрушается баба Вера. [Комсомольская правда, 2007.10.17]
- (57) *Между тем у границ Ирака уже сосредоточились более 150 тысяч американских солдат. Неужели же потребовавшиеся для этого два миллиарда долларов истрачены пустой показухи ради?* [Труд-7, 2003.02.18]

Общее в семантике *разве* и *неужели* состоит в том, что обе частицы выражают сомнение говорящего в истинности положительного ответа на вопрос⁸. Это значение вносит в вопрос тот утвердительный компонент смысла, который может составить сферу действия для *же* (подобно ИП в составе частного вопроса). Так, в (57) вопрос с *неужели* выражает сомнение в том, что предположение ‘два миллиарда долларов истрачены ради пустой показухи’ истинно, и именно это предположение становится мишенью для семантики *же*. *Же* в (57) выражает недоумение говорящего в связи с указанным предположением.

То, что в вопросе с *разве* и *неужели* частица *же* (*ж*) выражает именно недоумение, подтверждается несколькими соображениями. Во-первых, недоумение в ряду других значений *же* наиболее близко значению сомнения, привносимому словами *разве* и *неужели*. Во-вторых, три других значения *же*, выделяемых нами в вопросе (несогласие, непонимание, нетерпение), в контекстах типа (56) и (57) усмотреть, как кажется, невозможно. В частности, значение несогласия предполагает уверенность говорящего в своей позиции, тогда как уверенность пришла бы в противоречие со значением сомнения. В-третьих, в (56) и (57) не представлены и значения *же* (*ж*), в которых *же* (*ж*) употребляется и в общем вопросе, и в утверждении: обоснование и тождество (этот факт особенно важен, поскольку именно он позволяет говорить о том, что в вопросе с *разве* и *неужели* нарушается ограничение на употребление *же* в общем вопросе, действующее в современном языке). Так, *же* (*ж*) в (56) и (57) не заменяется на частицу *ведь* (58), при том что *же* обоснования «можно вставить практически в любое предложение с *ведь*» [Падучева 2018: 340].

- (58) *Между тем у границ Ирака уже сосредоточились более 150 тысяч американских солдат. *Ведь неужели потребовавшиеся для этого два миллиарда долларов истрачены пустой показухи ради?*

корпусным материалом: в газетном корпусе НКРЯ сочетание *разве же/ж* даже чуть частотнее, чем *неужели же/ж* (114 вхождений против 34, что составляет 0,7 % и 0,4 % от общего числа вхождений *разве* и *неужели*, соответственно).

- + Между *разве* и *неужели* имеются и существенные различия. Говоря коротко, *разве* выражает собственно сомнение, а *неужели* — «удивление говорящего перед лицом фактов или высказываний, которые представляются ему крайне мало правдоподобными» [Апресян 1980: 52].

Таким образом, за исключением контекстов с *разве* и *неужели*, значения, выражаемые *же* в частном вопросе, в общем вопросе не могут найти применения, поэтому такое *же* в общем вопросе не употребляется⁹. Однако в XVIII–XIX вв., как мы предположили, в частном вопросе существовала возможность употребить *же* в функции прагматически нейтрального маркера связи с предтекстом. Эта функция не вступает в противоречие с семантикой общего вопроса, поэтому в указанный период запрета на употребление *же* в общем вопросе в значении, в котором *же* употребляется в частном вопросе, не было.

5. Вместо заключения

Анализ текстов XVIII–XIX вв. позволил предположить, что частица *же* в этот период могла употребляться в частном и общем вопросе как прагматически нейтральный маркер связи вопроса с предтекстом. Для такого предположения наряду с вышеперечисленными имеется еще один довод: сфера употребления *же* в присоединительной функции не ограничивалась вопросительными предложениями. В самом деле, частица *же* засвидетельствована как средство соединения клауз в утвердительном предложении (иначе — как «скрепа» двух клауз) еще в древнерусском языке [Зализняк 2004: 192; Зализняк 2008: 28–29].

В современном языке *же* также может выступать в функции, близкой функции скрепы, в утвердительном контексте, ср. так называемое «присоединительное» *же* в (59) (пример заимствован в работе [Санников 1989: 178])¹⁰.

(59) *Коля добр, доброта же зачастую беззащитна.*

Однако способность выступать в присоединительном значении в вопросительном контексте сегодня, в отличие от XVIII–XIX вв., частицей *же* утрачена. Заметим, что, по наблюдению [Валова 2014: 32], «присоединительное» *же* и в утвердительном контексте сегодня встречается намного реже остальных семантических разновидностей *же*.

С типологической точки зрения диахроническое развитие *же* от прагматически нейтрального межклаузного коннектора к частице с богатым прагматическим наполнением совсем не уникально и обычно

⁹ В корпусе встречается употребление *же* в общем вопросе, введенном архаичной частицей *уж ли*, по-видимому, семантически родственное современному употреблению *же* при *неужели*:

На прошлой неделе дурнота была... Господи твоя святая воля, уж ли же Маруся и с рыжим чертом согрешила? [П. Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени (книга 1) (1922)]

¹⁰ По свидетельству [Касаткина 2004], эта функция широко распространена в диалектах.

квалифицируется как *прагматикализация* [Günter, Mutz 2004; Beijering 2012; Degand, Evers-Vermeul 2015 и др.] или, в других терминах, *субъектификация* [Traugott 2010; Athanasiadou et al. 2006 и др.].

Библиография

Апресян 1980

Апресян Ю. Д., *Типы поверхностно-семантической информации для описания языка в рамках модели «Смысл Текст»* (= Wiener Slawistischer Almanach, 1), Wien, 1980.

Бонно, Кодзасов 1998

Бонно К., Кодзасов С. В., Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линеаризацию и интонирование (на примере частиц «же» и «ведь»), К. Киселева, Д. Пайар, ред., *Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания*, Москва, 1998, 382–446.

Валова 2014

Валова Е. А., Синтаксические свойства русской энклитической частицы *же*, *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология*, 4 (39), 2014, 16–33.

Валова, Слюсарь 2017

Валова Е. А., Слюсарь Н. А., Исследование синтаксических свойств энклитики *же*: корпусный и экспериментальный подход, *Вопросы языкознания*, 2, 2017, 33–48.

Зализняк 2004

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, изд. 2-е., Москва, 2004.

——— 2008

Зализняк А. А., *Древнерусские энклитики*, Москва, 2008.

Зализняк, Микаэлян 2018

Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Русское *а*: опыт интегрального описания, *Russian Linguistics*, 3 (42), 2018, 321–344.

Касаткина 2004

Касаткина Р. Ф., Частица *же* в роли текстового коннектора (на материале русской диалектной речи), Т. М. Николаева, отв. ред., *Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей*, Москва, 2004, 71–82.

НКРЯ

Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>).

Падучева 1985

Падучева Е. В., *Высказывание и его соотнесенность с действительностью*, Москва, 1985.

——— 2018

Падучева Е. В., *Эгоцентрические единицы языка*, Москва, 2018.

Пекелис 2019

Пекелис О. Е., Слово *это* в частном вопросе: о признаках, отличающих частицу от местоимения, *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной конференции «Диалог» (Москва, 29 мая – 1 июня 2019 г.)*, 18 (25), 2019, 484–496.

Плунгян 1987

Плунгян В. А., Оценка вероятности в значении частицы *же* (к формализации семантического описания служебных слов), *Научно-техническая информация. Серия 2*, 8, 1987, 36–40.

Рахилина et al. 2016

Рахилина Е. В., Бородин М. А., Резникова Т. И., «Тамань сегодня»: корпусное исследование русского языка XIX века, *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 10, 2016, 242–255.

Санников 1989

Санников В. З., *Русские сочинительные конструкции: семантика, прагматика, синтаксис*, Москва, 1989.

СлРЯ XI–XVII вв., 1–30–

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30–, Москва, 1975–2015–.

СлРЯ XVIII в., 1–22–

Словарь русского языка XVIII в., 1–22–, С.-Петербург, 1984–2019–.

Урысон 2011

Урысон Е. В., *Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания*, Москва, 2011.

Athanasiadou et al. 2006

Athanasiadou A., Canakis C., Cornillie B., Introduction, Eidem, eds., *Subjectification: Various paths to subjectivity*, Berlin, 2006, 1–13.

Beijering 2012

Beijering K., *Expressions of epistemic modality in Mainland Scandinavian: A study into the lexicalization-grammaticalization-pragmaticalization interface*, (Rijksuniversiteit Groningen PhD dissertation in linguistics, Groningen, 2012).

Degand, Evers-Vermeul 2015

Degand L., Evers-Vermeul J., Grammaticalization or pragmaticalization of discourse markers? More than a terminological issue, *Journal of Historical Pragmatics*, 16, 2015, 59–85, DOI: <https://doi.org/10.1075/jhp.16.1.03deg>

Hagstrom, McCoy 2003

Hagstrom P., McCoy S., Presuppositions, Wh-questions, and discourse particles: Russian *žě*, W. Brown, J. Kim, B. Partee, R. Rothstein, eds., *Formal Approaches to Slavic Linguistics*, 11: *The Amherst Meeting 2002*, Michigan, 2003, 201–218.

Paducheva 1987

Paducheva E. V., La particule *že*: Semantique, syntaxe et prosodie, *Les particules énonciatives en russe contemporain*, 3, 1987, 11–44.

Paillard 1987

Paillard D., *Že* ou la sortie impossible, *Les particules énonciatives en russe contemporain*, 2, 1987, 173–225.

Siemund 2001

Siemund P., Interrogative constructions, M. Haspelmath, E. König, W. Österreicher, W. Raible, eds., *Language Typology and Language Universals: An International Handbook*, 2, Berlin, New York, 2001, 1010–1028.

Traugott 2010

Traugott E. C., (Inter)subjectivity and (inter)subjectification: A reassessment, K. Davidse, L. Vandelanotte, H. Cuyckens, eds., *Subjectification, intersubjectification and grammaticalization*, Berlin, 2010, 29–71.

References

Apresyan Yu. D., *Tipy poverkhnostno-semanticheskoi informatsii dlia opisaniia iazyka v ramkakh modeli «Smysl ↔ Tekst»*, (= Wiener Slavistischer Almanach, 1), Wien, 1980.

Athanasiadou A., Canakis C., Cornillie B., Introduction, Eidem, eds., *Subjectification: Various paths to subjectivity*, Berlin, 2006, 1–13.

Beijering K., *Expressions of epistemic modality in Mainland Scandinavian: A study into the lexicalization-grammaticalization-pragmaticalization interface*, (Rijksuniversiteit Groningen PhD dissertation in linguistics, Groningen, 2012).

Bonnot Ch., Kodzasov S. V., *Semanticheskoe var'irovanie diskursivnykh slov i ego vlianie na linearizatsiiu i intonirovanie (na primere chastits «zhe» i «ved'»)*, K. Kiseleva, D. Paillard, eds., *Diskursivnye slova russkogo iazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniia*, Moscow, 1998, 382–446.

Degand L., Evers-Vermeul J., Grammaticalization or pragmaticalization of discourse markers? More than a terminological issue, *Journal of Historical Pragmatics*, 16, 2015, 59–85, DOI: <https://doi.org/10.1075/jhp.16.1.03deg>

Hagstrom P., McCoy S., Presuppositions, Wh-questions, and discourse particles: Russian *že*, W. Brown, J. Kim, B. Partee, R. Rothstein, eds., *Formal Approaches to Slavic Linguistics*, 11: *The Amherst Meeting 2002*, Michigan, 2003, 201–218.

Kasatkina R. F., *Chastitsa zhe v roli tekstovogo konnektora (na materiale russkoi dialektnoi rechi)*, T. M. Nikolaeva, ed., *Verbal'naiia i neverbal'naiia opory prostranstva mezhfrazovykh svyazei*, Moscow, 2004, 71–82.

Paducheva E. V., *Egotsentricheskie edinitsy iazyka*, Moscow, 2018.

Paducheva E. V., La particule *že*: Semantique, syntaxe et prosodie, *Les particules énonciatives en russe contemporain*, 3, 1987, 11–44.

Paducheva E. V., *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu*, Moscow, 1985.

Paillard D., *Že ou la sortie impossible*, *Les particules énonciatives en russe contemporain*, 2, 1987, 173–225.

Pekelis O. E., The word *eto* in a wh-question: on the differences between a pronoun and a particle, *Computational Linguistics and Intellectual Technologies Papers from the Annual International*

Conference "Dialogue" (2019), 18 (25), 2019, 484–496.

Plungian V. A., Otsenka veroiatnosti v znachenii chastitsy *zhe* (k formalizatsii semanticheskogo opisaniia sluzhebnykh slov), *Automatic Documentation and Mathematical Linguistics*, 8, 1987, 36–40.

Rakhilina E. V., Borodina M. A., Reznikova T. I., "Taman today": corpus research of 19th century's Russian language, *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, 10, 2016, 242–255.

Sannikov V. Z., *Russkie sochinitel'nye konstruksii: semantika, pragmatika, sintaksis*, Moscow, 1989.

Siemund P., Interrogative constructions, M. Haspelmath, E. König, W. Östreichner, W. Raible, eds., *Language Typology and Language Universals: An International Handbook*, 2, Berlin, New York, 2001, 1010–1028.

Traugott E. C., (Inter)subjectivity and (inter)subjectification: A reassessment, K. Davidse, L. Vandelanotte, H. Cuyckens, eds., *Subjectification, inter-subjectification and grammaticalization*, Berlin, 2010, 29–71.

Uryson E. V., *Opyt opisaniia semantiki soizov: Lingvisticheskie dannye o deiatel'nosti soznaniia*, Moscow, 2011.

Valova E. A., Slioussar N. A., Syntactic properties of the Russian enclitic *ze*: corpus-based and experimental approaches, *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*, 2, 2017, 33–48.

Valova E. A., Syntactic properties of Russian enclitic particle 'zhe', *St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*, 4 (39), 2014, 16–33.

Zalizniak Anna A., Mikaelian I. L., The Russian *a*: toward an integral description Russian linguistics, *Russian Linguistics*, 3 (42), 2018, 321–344.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2-nd ed., Moscow, 2004.

Zaliznyak A. A., *Drevnerusskie enklitiki*, Moscow, 2008.

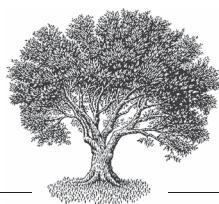
Ольга Евгеньевна Пекелис, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Российского государственного гуманитарного университета 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6;

Россия / Russia

opekelis@gmail.com

Received September 26, 2019

О необходимости разноаспектного изучения видового противопоставления

Ласло Ясаи

Университет им. Лоранда Этвёша
Будапешт, Венгрия

On the Necessity of a Multiple-viewpoint Analysis of Aspectual Opposition

László Jászay

Eötvös Loránd University
Budapest, Hungary

Резюме

В первой части статьи анализируется оппозиция видов русского глагола с точки зрения как привативного, так и эквиолентного характера с учетом абстрактного плана семантического инварианта и конкретного плана частных значений. На этой основе объясняются разновидности случаев так называемого сильного и слабого противопоставления, а также тривиальные позиции видов. Во второй части уделяется внимание особенностям основных (самых распространенных) семантических типов видовых пар, возникших под влиянием характера лексического значения глагола. Согласно концепции автора, выделенные типы представлены: 1) предельными парами, 2) парами с относительным пределом действия совершенного вида, 3) тривиальными парами, 4) перфектным типом пар, 5) парами типа мультипликатив-семель-фактив, и 6) делимитативными парами.

Ключевые слова

категория вида, оппозиция привативная, эквиолентная, градуальная, сильная, слабая, тривиальная, относительный предел, семантические типы видовых пар

Цитирование: Ясаи Л. О необходимости разноаспектного изучения видового противопоставления // *Slověne*. 2019. Vol. 9, № 1. С. 362–380.

Citation: Jászay L. (2020). On the Necessity of a Multiple-viewpoint Analysis of Aspectual Opposition. *Slověne*, Vol. 9, № 1, p. 362–380.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.9.1.13

Abstract

In the first part of the paper, the aspectual opposition of the Russian verb is analyzed both as a privative and as an equipollent opposition, taking into account two different levels of approach: an abstract approach of the semantic invariant and a specific relation to contextual meanings. On this basis, the types of cases of the so-called strong and weak opposition are explained, as well as the trivial positions of aspects. In the second part special attention is given to the peculiarities of the basic semantic types of aspectual pairs that have arisen under the influence of the verbal lexical meaning character. According to the conception put up by the author, the types distinguished are 1) telic/bounded-pairs, 2) pairs with relative boundary of the perfective action, 3) trivial pairs, 4) pairs with perfective meaning, 5) pairs with multiplicative-semelfactive relation and 6) delimitative pairs as representations of poetic topoi typical for the first third of the 19th century.

Keywords

category of verbal aspect; privative opposition; equipollent opposition; gradual opposition; strong opposition; weak opposition; trivial opposition; relative boundary; semantic types of aspectual pairs

0. Вступительные замечания

В ряде работ, посвященных вопросам категории вида, с давних пор указывается на то, что глагольный вид — один из наиболее сложных феноменов в русской грамматике [см., в частности: Пешковский 1923: 85; Черткова 1996: 9; Титаренко 2019: 6]. В самом деле, проблематика категории вида по сей день ставит перед исследователями актуальные вопросы; а что касается трудностей, возникающих в процессе практического усвоения видовых форм иностранцами, то данную категорию можно считать едва ли не самым сложным разделом грамматики. Как справедливо отмечает М. Ю. Черткова, феномен вида «представляет собой “сплав”, порожденный взаимодействием единиц практически всех уровней языка: лексики, словообразования, грамматики (морфологии, синтаксиса), текста, а также фонологии» [Черткова 1996: 15].

Стремление к полному раскрытию семантического содержания видовой оппозиции русского глагола — один из центральных вопросов аспектологии, более того, это явление представляет также интерес для ее прикладных целей, в частности, для преподавания русского языка как иностранного. В аспектологической литературе характер противопоставления соотносительных глаголов совершенного и несовершенного видов (далее — СВ и НСВ) в первую очередь рассматривался с позиции семантической маркированности [Маслов 1975; Шелякин 1975].

Исследования касались, по существу, вопроса о том, представляют ли противоположные виды привативную оппозицию с маркированным членом СВ или эквиполентную, в которой семантически оба вида равносильно положительны. В настоящей статье мы уделим внимание вынесенной в заголовок проблематике с учетом лексико-семантического аспекта глагола. Эксплицитно этот аспект раскрывается при формировании соотносительных глаголов СВ и НСВ, при образовании видовых пар, а именно при различении их семантических типов. Мы убеждены, что рассмотрение разнородных типов оппозиций окажется конструктивным не только в теоретическом плане, но и с точки зрения прикладного аспекта вопросов, связанных с категорией вида.

1. К вопросу о привативности или эквиполентности видового противопоставления

Дискуссия о том, представляет ли категория вида привативную или эквиполентную оппозицию, относится к классическим проблемам русской аспектологии, и большинством исследователей эта дилемма решается в пользу привативности. Согласно концепции привативного противопоставления, НСВ как семантически немаркированный член не выражает какого-либо другого (определенного) признака по отношению к СВ (т. е. к признаку ограниченного пределом целостного действия). НСВ относится к СВ семантически нейтрально, и поэтому определяется отрицанием или отсутствием признака. Иными словами, НСВ характеризуется, по существу, нулевым значением («аспектуальным нулем»), что впервые находит отражение в статьях Р. О. Jakobsona — ср. такие наименования, как «*signe zéro*», «*das Nullzeichen*», «*Nullwert*», «*Nullaspekt*» [Jakobson 1971]. Идея Jakobsona, отразившись в работах некоторых авторов, привела к прямому отрицанию какого-либо значения у НСВ [Спагис 1969: 251; Forsyth 1970: 14]. Однако она представляется несколько односторонней — особенно будучи не раскрытой. Примером «перегибания палки» в этом плане является, в частности, высказывание А. А. Спагиса: «Основная сущность глаголов несовершенного вида — это передача им **невидового** значения: названия действия» [ibid.; выделение полужирным наше. — Л. Я.]. Говоря в таком ключе о привативном противопоставлении, на наш взгляд, необходимо уделить внимание и другим особенностям рассматриваемого феномена.

1.1. Следует иметь в виду, что при исследовании данной категории традиционно различаются два уровня: абстрактный план, отвлеченный от контекстуальных элементов, и конкретный, с привлечением контекста. Абстрактному плану приписывается общее значение, иначе говоря, инвариант (инвариантное значение), а конкретный план представлен

определенным набором частных значений — это «варианты инварианта». В качестве привативной оппозиции противопоставление видов несомненно может характеризоваться на уровне общего значения, при подразумевании членов оппозиции с маркированностью СВ. Однако на синтагматическом уровне, а именно в аспектуально релевантном контексте, когда мы имеем дело с конкретными вариантами общего значения (т. е. с частными реализациями инварианта), естественным образом может создаваться и эквиолентная оппозиция. В связи с оппозицией частных значений Ю. С. Маслов писал: «Взаимодействия между частными значениями противоположных видов оказываются в разных случаях неодинаковыми. Иногда СВ и НСВ четко противопоставлены друг другу, они “подразумевают” что-то абсолютно различное, даже диаметрально противоположное. В этих случаях мы говорим о видовой антонимии, а сама видовая оппозиция, будучи в общем привативной, ведет себя как эквиолентная» [Маслов 1984: 72].

Следовательно, при истолковании вида в плане частных значений реализуются по меньшей мере две основные формы противопоставления: 1) если противоположные виды занимают сильные позиции, создается эквиолентная оппозиция (например, процессно-длительное значение противопоставит конкретно-фактическому — *доказывал, но не доказал; решал и наконец решил*); 2) если НСВ выступает в слабой позиции (в общефактическом значении), то он под влиянием контекстных элементов иногда проникает в семантическую сферу перфективности и в той или иной степени сближается со значением СВ. Это сближение может привести даже к конкуренции видов, к принципиальной возможности их взаимной замены. Очевидно, что это явление обусловлено именно привативным характером видовой оппозиции.

1.2. Из сказанного следует, что в практике употребления видов (т. е. в конкретном плане, на синтагматическом уровне) можно различать не два, а на самом деле три типа противопоставления: во-первых, сильную (и тем самым эквиолентную) оппозицию (ср.: *Весь вечер читал книгу — К вечеру прочитал книгу*), во-вторых, слабую оппозицию (напр., *Вы читали ≈ прочитали этот роман?*), и, в-третьих, относительную синонимию как особую разновидность слабой оппозиции с нейтрализацией основных видовых различий (напр., *Этот подарок мы покупали / купили вместе*). Трудно оставить без внимания и тот факт, что конкуренция видов, выводимая из привативного характера оппозиции, описывается в работах многих авторов отдельно, как особое явление нейтрализации рассматриваемого противопоставления [см., в частности: Бондарко 1971: 36–42; Рассудова 1982: 67–71; Шведова 1984; Падучева 1996: 53–65; Петрухина 2009: 69–70]. Надо заметить, что конкуренция возникает не только в формах прошедшего времени (как принято

иллюстрировать это явление), но реже и в спрягаемых формах глагола, например при выражении так называемого потенциального значения (ср. *Он поднимает / поднимет и центнер*), а также в форме инфинитива. М. А. Шелякин приводит весьма многочисленные примеры, когда в инфинитивах СВ и НСВ, в сущности, стирается видовое различие [Шелякин 2006: 137–142].

1.3. Вернемся к характеристике оппозиции видов с учетом общего значения (подразумеваемого в абстрактном плане) и сделаем несколько дополнительных замечаний. По нашему мнению, безоговорочное признание привативности в случае глаголов НСВ, характеризующихся определенными семантическими особенностями, вызывает сомнения. 1) Обширная группа глаголов НСВ выражает становление, процесс изменения (напр., *холодать, вянуть, неметь, худеть, слабеть, крепнуть, выздоравливать, устаревать* и т. п.), и такими имперфективами это значение выражается постоянно и без какого-либо аспектуально релевантного контекста. См. значение сочетаний типа *больной выздоравливал, голос его креп(нул); старик худел и слабел; воздух холодал, ветер усиливался* и т. п. 2) Для других глаголов затруднено именно выражение процесса, их естественная позиция в прошедшем времени — общефактическое значение. Укажем на высоковероятную реализацию общефактического значения таких форм, как *отмечал, указывал, предлагал, обещал*, которым свойственно выражать данное значение и без поддержки специальных контекстных элементов. 3) Большое число имперфективов (входящих в разные семантические группы) неспособно передавать действие как длящееся (напр., *находить, приходить, побеждать, замечать, нарушать, лишать*). Эта «дефектность» объясняется своеобразным характером лексического значения: по Маслову, «скачкообразным переходом» действия в другое состояние. Здесь же упомянем о некоторых вторичных имперфективах, а именно о тех (в целом немногочисленных) глаголах, которые можно квалифицировать как результативно-многократные, как «глаголы достижения» (напр., *вызубривать, вылечивать, съедать, прочитывать*). Они вообще не выступают ни в процессном, ни в общефактическом значении — эти дериваты практически во всех своих контекстах выражают многократное действие с достижением предела [см. об этом: Петрухина 1990; Ясаи 2001; Титаренко 2005, Храковский 2005; Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015: 228–232]. Относительно терминологии обращает на себя внимание и то, что Е. В. Петрухина (со ссылкой на С. Иванчева) именует «глаголы достижения НСВ» «семантическими перфективами» НСВ [Петрухина 2009: 90–91]. Вышеперечисленное скорее опровергает, чем подтверждает представление об одностороннем привативном

характере видового противопоставления русского глагола. Ввиду того что в случае указанных глаголов — особенно выражающих процесс перехода в другое состояние (напр., *таять* — *растаять*) — речь идет о достаточной степени семантической определенности, «квалифицированности» НСВ, им можно приписать семантическую маркированность, то есть говорить об эквиполентном характере оппозиции СВ и НСВ. Дело в том, что категория вида тесно взаимодействует и с лексической семантикой глагола, на что впервые и в подчеркнутой форме внимание обратил Ю. С. Маслов [Маслов 1948]. С тех пор этот аспект в той или иной степени учитывают многие исследователи [Авилова 1976; Гловинская 1982; Гиро-Вебер 1990; Петрухина 2009: 88–92; Зализняк, Михалев, Шмелев 2015: 285–296; Урысон 2019]. Что касается анализа характера видового противопоставления, то роль лексического значения должна учитываться потому, что в лексике, как известно, преобладают именно эквиполентные оппозиции [Апресян 1995: 8]. В этом плане мы опираемся в том числе на работу Е. В. Петрухиной. Обратим внимание на следующий дополнительный аргумент в защиту эквиполентности: в западнославянской славистике — особенно при привлечении данных из чешского и словацкого языков — видовому противопоставлению приписывают эквиполентный (или в большей степени эквиполентный) характер потому, что возможность передачи процессного значения парным глаголом НСВ — его общая и постоянная характеристика [Петрухина 2000: 63–106].

1.4. В связи с появлением вторичных имперфективов можно поставить также вопрос о возникновении особого рода оппозиции внутри семантической сферы НСВ. Если вторичный имперфектив не выражает процесса (см. дериваты *выучивать*, *вылечивать*, *прочитывать*, *съедать*), то его синонимическое употребление с исходным глаголом НСВ (*учить*, *лечить*, *читать*, *есть*) становится возможным при одновременной передаче многократного и результативного значений. Однако, в то время как при использовании исходного глагола данные значения могут актуализироваться лишь при поддержке специальной конструкции, при использовании вторичного имперфектива они передаются в первую очередь морфологически (посредством префикса и суффикса), и контекст представляет собой лишь подходящий фон для выражения данного содержания. Ср. первичный и вторичный имперфективы в распределительной конструкции: *Раньше я читал* (*≈ прочитывал*) *по книге в день*; *Мы ели* (*≈ съедали*) *по два яблока в день*. Как кажется, здесь мы имеем дело с особым типом градуальной оппозиции¹, в которой как формально,

¹ В этом плане можно приравнять данное явление к таким двувиновым глаголам, при которых имеется морфологический коррелят *определенного* вида (это и есть семантически маркированный член оппозиции) — либо префиксальный (напр.,

так и семантически маркирован вторичный имперфектив. При обозначении разной степени представления результативного значения рассматриваемые имперфективы иногда могут употребляться в одном и том же контексте, взаимодополняя друг друга: *Хотя я тоже начинаю с того, что **прочитываю** книгу, но **читаю** ее только один раз* (С. Флорин, «Муки переводческие»).

2. О тривиальной оппозиции

Семантически речь идет о простом техническом приеме. Имеется в виду противопоставление в так называемых тривиальных позициях, где СВ и НСВ обозначают одно и то же событие. Поскольку в таком случае замена противоположных видов должна происходить без изменения лексического значения, применение субституции СВ на НСВ в тривиальной позиции заодно и тестирует лексическую тождественность глаголов и тем самым подтверждает их видовую соотносительность. Положительный результат на такой тест в аспектологии называется и критерием Маслова [см., в частности: Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015: 55–60; Урысон 2019].

Известны два типа такого рода преобразований, оба они связаны с обязательной имперфективацией: 1) тест на настоящее историческое, когда перфективное действие прошедшего времени изображается формой парного глагола НСВ, и 2) тест на многократность, когда перфективное действие (которое достигло / достигнет своего предела) представлено в плане итеративности (на самом деле «множественности»), — в этом случае собственно то же самое действие каждый раз достигает / достигало своего предела. Нетрудно заметить, что лексическая тождественность глаголов противоположного вида должна допустить данные преобразования или по крайней мере одно из них. Формальная оппозиция прошедшего совершенного и настоящего исторического возникает вследствие нейтрализации видовых значений [Маслов 1948: 307], а другой тип тривиального противопоставления — на основе однократности и многократности действия. Однако с опорой на Е. В. Падучеву [1996: 105] сделаем оговорку: существуют несколько перфективов, трактуемых традиционно как парные (напр., *пожалеть* при *жалеть*, *пренебречь* при *пренебрегать*, а также и *отнестись* при *относиться*), тем не менее не допускающих преобразования в настоящее историческое. Этот факт служит у автора аргументом против признания упомянутых глаголов в качестве соотносительных. С другой стороны, преобразование однократного перфективного действия в многократное, как кажется, не

проиллюстрировать СВ при *иллюстрировать* СВ/НСВ), либо суффиксальный (напр., *организовывать* НСВ при *организовать* СВ/НСВ — последний лишь в позиции настоящего времени).

ограничено семантическими факторами или ограничено ими в меньшей мере. При итерации, конечно, должен учитываться тот факт, что глаголы типа *умирать*, *погибать* предполагают в многократной позиции разносубъектное действие, множественность субъекта (например: *Раньше люди от инфаркта умирали*).

3. О характере разнородного соотношения глаголов видовых пар

Идея о необходимости различения разных семантических типов видовых пар восходит к основополагающей статье Ю. С. Маслова [Маслов 1948]. Позднее, также на семантической основе, вопросу классификации видовой соотносительности были посвящены специальные исследования, из которых выделяются работы двух авторов: [Гловинская 1982; Падучева 1996: 88–102]. Основываясь на результатах проведенных исследований, мы предложим разграничить нижеследующие разряды. В этой классификации типы (1)–(4) являются основными, а в типах (5) и (6) возникает проблема разграничения видового значения и значения способа глагольного действия.

3.1. *Предельные пары с абсолютным пределом СВ*. Сущность данного противопоставления определяется следующим образом: с помощью НСВ выражается предельный процесс (в таком случае действие направлено на достижение предела), а через СВ реализуется достижение абсолютного предела (значит, результат начатого процесса — это естественное завершение действия). В эту группу входят наиболее многочисленные пары — независимо от способа их образования — префиксации, суффиксации, чередования в корне или супплетивизма: *делать — сделать*, *решать — решить*, *убирать — убрать*, *ловить — поймать* и др. Разумеется, глаголы таких пар могут быть и непереходными: *таять — растаять*, *вянуть — увянуть*, *умирать — умереть*.

В группе предельных видовых пар переходные глаголы при поддержке контекста легко развивают в своем противопоставлении содержание «попытка — успех» (тенденцию — осуществление): *ловил, но не поймал*; *решил и наконец решил* и др. [ср.: Маслов 1948]. Данный тип употребления представляет собой характерную разновидность в противопоставлении видов на основе направленности действия и достижения абсолютного предела, ср.: *Меня убивали, да не убили, вот почему я здесь* (А. Н. Толстой. Гадюка).

3.1.1. По предложению Е. В. Падучевой, целесообразно выделить в отдельный подтип такие пары, как, например, *опаздывать — опоздать*, *успевать — успеть*, *выигрывать — выиграть*, *проигрывать — проиграть*, *умирать — умереть*. Несмотря на то, что имперфективы данных пар

также выражают тенденцию, приводящую к результату, они своеобразны тем, что в момент наблюдения важна не «динамика» изменения, как процесс осуществления, а положение дел в данный момент. На первый план выдвигается действие как состояние, говорящий как бы констатирует ‘наличие признаков того, что неизбежно приводит к качественному изменению’. На основе работы Падучевой [1996: 113–114] мы это значение проиллюстрируем следующим толкованием: *X опаздывает* = ‘в момент наблюдения имеются признаки того, что (в близком будущем) наступит состояние: *X опоздал*’.

3.2. *Пары с относительным пределом СВ*. Различение абсолютного и относительного предела было предложено в статье А. В. Бондарко [1986]. В парах с относительным пределом действие НСВ характеризуется также направленностью на достижение предела, однако корреляции данной группы отличаются от видовых пар первого типа тем, что здесь действие СВ ограничивается не абсолютным пределом, обозначающим полное исчерпание действия, а пределом, допускающим (по крайней мере в принципе) продолжение. М. Я. Гловинская демонстрирует наличие относительного предела применением диагностических контекстов: *Цены уже очень повысились и продолжают повышаться* [Гловинская 1982: 9]. Такое значение СВ обозначается перфективным коррелятом многочисленных пар, где соотносительные имперфективы выражают процесс изменения: *сокращать(ся) — сократить(ся), увеличивать(ся) — увеличить(ся), усиливать(ся) — усилить(ся), слабеть — ослабеть, худеть — похудеть, толстеть — потолстеть, крепнуть — окрепнуть* и др. Надо заметить, что принципиальная возможность продолжения перфективного действия в концепции М. Я. Гловинской служит аргументом против той точки зрения, чтобы считать наличие предела в глаголах СВ всеобщим явлением, характеризующим все перфективы [ср. Гловинская 1982: 9]. Мы в этом отношении безоговорочно принимаем идею В. В. Виноградова (сформулированную в книге 1947 г.), согласно которой все действия СВ ограничены пределом, характер которого, однако, может быть разным [ср.: Виноградов³ 1986: 409]. В свете этого и нет необходимости идти вразрез с концепцией А. В. Бондарко о семантике предела [Бондарко 1986], и нельзя отрицать понятие «относительный предел» как разновидность данной «критической точки» действия. Мы считаем терминологически уместным применительно к «относительно-предельным» парам название «градативы» [Падучева 1996: 118–119] или «градационные пары» [Зализняк, Шмелев 2000: 57].

3.3. *«Тривиальные пары»*. Этот термин часто встречается в работе [Падучева 1996]. Такое соотношение характеризуется достижением предела действия (СВ), с одной стороны, и многократным достижением

предела (НСВ), с другой, ср., например, соотношение *найти* — *находить*. Очевидно, что в парах, относящихся к этому разряду, имперфективы не передают процессного значения из-за «скачкообразного перехода» действия в состояние результата [ср.: Маслов 1948]. Иначе говоря, в связи с обозначением достигнутого результата (у СВ) не может выражаться его подготовительная фаза (ср. написанное выше о «тривиальной оппозиции»), следовательно, таким имперфективом выражается либо каждый раз достигнутый результат, либо настоящее время (а именно настоящее историческое). Как уже указывалось, такими глаголами НСВ являются вторичные имперфективы некоторых видовых троек, как, например, *съесть*, *прочитывать*, *выучивать*, *вылечивать*. Также ярко выражается значение достижения при отсутствии процессного значения у глаголов *находить*, *приходить*², *приносить* (вообще у глаголов движения с приставкой *при-*), *побеждать*, *лишать(ся)*. К этому разряду можно отнести и глаголы моментального действия типа *замечать*, *бить* (*по воротам* при *пробить*) с включением, конечно, и глаголов случайного действия — *спотыкаться*, *терять*, *схватывать* (*насморк*) и др. Заметим, что в работе Ю. Д. Апресяна понятие моментального действия понимается весьма широко и по существу отождествляется с невозможностью выражения процессного значения [Апресян 1988: 61–63].

3.4. «Перфектный тип» видовых пар. Этот термин ввела в научный обиход Е. В. Падучева [1996: 152–160]. В данный разряд входят пары, в основе которых лежит следующее соотношение: с помощью НСВ обозначается состояние, наступившее как результат того, что предварительно имело место действие, выраженное через СВ. Так, например, состояние *я понимаю* (*вижу*, *слышу*, *чувствую* и т. п.) возникает в результате того, что *я понял* (*увидел*, *услышал*, *почувствовал*). В прототипическом случае при обозначении одной и той же ситуации акцентируются разные аспекты данного содержания: перфективная форма прошедшего времени выделяет возникновение нового состояния, а с помощью НСВ обозначается сохранение данного состояния: *я понял* = *я понимаю*. Другие употребительные пары, характеризуемые перфектным значением: *увлечься* — *увлекаться*, *выразить* — *выражать*, *вообразить* — *воображать*, *ощутить* — *ощущать* (ср.: *Его лицо выразило / выражало / выражает испуг*).

При сравнении предельных пар с парами перфектного типа становится очевидным, что в рассматриваемом соотношении видов касательно изменения действия обнаруживаются противоположные направления.

² В случае глаголов *находить* и *приходить* имеется в виду только их прямое (конкретное) значение. Глаголы *находить* в значении 'считать' (редк.), а также *приходить* в выражении *приходить в себя* / *в чувство*, конечно, не относятся к данному разряду. Ср.: *Эту тему он находил интересной; Он приходил в себя с каждой минутой*.

В связи с этим заслуживают специального внимания те случаи, когда один и тот же глагол в зависимости от значения входит в разные семантические типы. М. Я. Гловинская показала, что, в частности, пара *заваливать* — *завалить* в значении динамического действия относится к предельным парам: *Я заваливал / завалил стол книгами*. В статальном же значении это соотношение проявляет особенности пар перфектного типа: *Мы подошли к пещере, но вход в нее заваливали / завалили камни* [ср.: Гловинская 1982: 94; Гловинская 2001: 112]. Л. Лёнгрен, посвятивший отдельную статью анализу данного глагола, обратил внимание и на то, что отнесение пары *заваливать* — *завалить* к предельному типу возможно и в сочетании с неодушевленным субъектом, если он участвует в действии активно — ср., с одной стороны, перфектное значение у глагола в контексте *Камни заваливают дорогу*, с другой стороны, предельное значение при изменении контекста: *Камни с грохотом заваливают дорогу* [Лёнгрен 1974: 129].

Обращают на себя внимание и другие особенности НСВ в рассматриваемом соотношении. Их своеобразие состоит и в том, что соответствующие имперфективы способны выражать усиление состояния, сближаясь таким образом со значением развивающего процесса, т. е. с имперфективами предельных пар. Возможность сочетания с показателями типа *всё лучше* свидетельствует о способности выражать некоторую степень изменения (*всё лучше видел / слышал / чувствовал / удивлялся*). Проиллюстрируем такое соотношение на примере пары *понимать* — *понять*: действие, выражаемое глаголом НСВ, предшествует достижению предела, что указывает на переход в предельный тип видовой пары: *Сначала я не понимал эту проблему, но внимательно читая этот анализ, я все лучше понимал ее (стал все лучше понимать ее) и, наконец, полностью понял данную проблему*.

3.5. Соотношение «мультипликатив-семельфактив». В особую группу входит противопоставление глаголов многоактного и одноактного способа действия (*прыгать* — *прыгнуть*, *толкать* — *толкнуть*, *дергать* — *дернуть*, *мигать* — *мигнуть*, *колоть* — *кольнуть* и т. п.)³. Функциональное своеобразие таких пар состоит в двояком поведении глагола НСВ: с одной стороны, мультипликатив в самом деле выражает процесс повторения (серию) актов однородного действия (например, действие *прыгать* означает выполнение нескольких прыжков). С другой стороны, в определенных условиях этот же глагол обозначает лишь один акт.

³ Несмотря на аналогичный способ образования, пара *отдыхать* — *отдохнуть* не входит в данный семантический разряд. Главной причиной этого является отсутствие моментального значения в глаголе СВ, что подтверждается, в частности, возможностью его сочетания с предлогом *за* в темпоральном значении: *За это время мы как следует отдохнули*.

На эту особенность мультипликатива обращает внимание, в частности, Е. В. Горбова [Горбова 2011: 32, 40]: в позиции настоящего исторического форма *прыгает* может заменить форму прошедшего времени семельфактивного глагола так же, как это происходит и в случае любой прототипической пары (например, *Вор прыгнул через забор и убежал* → *Вор прыгает через забор и убегает*). Кроме этого, существуют и другие контексты для представления «одноквантового» действия *прыгать* [см. Храковский 1997: 236], но функциональная особенность мультипликатива, которая дает основание признать данный тип противопоставления видовой парой, раскрывается прежде всего на основе теста Ю. С. Маслова.

Что касается значения процесса, то он у мультипликативов естественным образом воспринимается как немонолитный, многоактный, характеризующийся небольшими временными интервалами — ср. *Дети долго (целый час, несколько минут) прыгали на батуте; Они уже полчаса прыгают*. С другой стороны, при анализе этого глагола можно поднять вопрос и о том, что в принципе один отдельный акт (выделенный из серии данного движения) также может восприниматься как процесс, например в том случае, если речь идет о специальном виде спорта. Постановка этого вопроса мотивируется тем, что в терминологии спорта «прыжок» включает не только момент отталкивания (как компонент, несовместимый с процессностью), но и фазу полета и момент приземления. От отталкивания до приземления проходит физически измеримое время — в случае прыжка на лыжах это несколько секунд. Следовательно, фраза типа *Смотрите, сейчас прыгает Иванов* (в принципе) может иметь не только значение ‘он собирается прыгать’ [ср. толкование в: Храковский 1997: 235], но и значение конкретного процесса, так как нельзя исключить истолкование, согласно которому ‘выполнение прыжка происходит как раз в момент наблюдения’. Тем не менее важно заметить, что такие действия (*прыгает / прыгал, толкает / толкал* и т. п.) при указании на один акт — в отличие от глаголов НСВ, выражающих процесс без всяких оговорок, — не допускают сочетания с обстоятельствами времени, обозначающими степень длительности. Невозможно: **Лыжный прыгун прыгает (прыгал) 4 секунды*, если имеется в виду, что выполнение прыжка (с включением фазы полета и приземления) занимает именно 4 секунды (тогда как в нормальном случае вполне возможна интерпретация процесса с указанием длительности: *Она читает эту страницу полчаса*). На основе этого факта естественно сделать вывод, что в сознании носителя языка «одноквантовое» восприятие рассматриваемого действия — независимо от того, как данное движение определяется в терминологии спорта — не связывается с представлением о временной протяженности.

3.6. *Делимитативные пары*. Выделение делимитативных пар в качестве видовых (соотносительных) является дискуссионным вопросом. С одной стороны, ни у кого не вызывает сомнения, что делимитативная перфективация связана в первую очередь с образованием способа глагольного действия (т. е. с акциональной модификацией исходного глагола). Этим обстоятельством можно объяснить, что противопоставления типа *стоять — постоять, спать — поспать, работать — поработать* и т. п. традиционно не относят к (чисто)видовым парам. Причиной отрицания парности может явиться и то обстоятельство, что неопределенная семантика таких имперфективов противоречит представлению об их естественном завершении. (Что отражается и в их принятой лексико-графической трактовке, а также и в том, что в учебной практике избегают подачи таких корреляций в качестве видовых пар.) Поэтому отнесение делимитативных пар к основным типам видовой коррелятивности в самом деле может показаться сомнительным. С другой стороны, однако, можно привести аргументы и в пользу того, чтобы считать исходный глагол и его производный делимитив соотносительными. Во-первых, об этом свидетельствуют их функциональные особенности (причем, как известно, видовая парность должна определяться на функциональной основе, с учетом контекстуальных критериев). Во-вторых, делимитативная деривация, представляющая продуктивную модель⁴, может иметь место, в частности, и в таких контекстах, в которых актуализация значения кратковременной длительности отнюдь не очевидна, и тем самым перфектив воспринимается как соотносительный глагол СВ (см. примеры, приведенные ниже). В свете сказанного понятно, почему в современной аспектологии уже несколько десятилетий аргументируется и такая точка зрения, согласно которой делимитативы функционально сближаются с парными глаголами СВ, более того, в некоторых позициях (например, при выражении последовательных действий) они признаются парными [ср.: Lehmann 1988: 177–180; Мелиг 1997: 186; Черткова 1997: 250; Петрухина 2000: 188; Горбова 2011: 42–43].

Мы принимали такую трактовку делимитативов раньше с некоторыми оговорками [Ясаи 1997: 79]⁵, но позднее стали поддерживать вышеописанный подход, ссылаясь, в частности, на тот прикладной аспект такого явления, в соответствии с которым при обучении русскому

⁴ О семантических факторах, допускающих или не допускающих делимитативной деривации, см. подробнее в [Горбова 2010: 35–49].

⁵ Уточнению статуса «подлинных» (чистых, полноценных, прототипических, стандартных) пар и «не подлинных» (приблизительных, неполноценных, «незаконных») пар может способствовать, если представить и сопоставить рассматриваемые отношения в полевой структуре по принципу центра и периферии [Ясаи 1997].

языку как иностранному, как нам кажется, на функциональной основе более естественно опираться на расширенное понимание видовой соотносительности [Ясаи 2015: 48–50]⁶. В самом деле, данные противопоставления также проходят тест Маслова: *Он пришел домой, посмотрел новости, **почитал** газету и лег спать* → *Он приходит домой, смотрит телевизор, **читает** газету и ложится спать* [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015: 226]. Кроме того, нельзя обойти вниманием и следующий момент: говорящий часто употребляет делимитатив не потому, что он хочет подчеркнуть ‘значение ограниченной длительности, оцениваемой как сравнительно кратковременное действие’ (т. е. значение данного способа действия). Дело скорее в том, что иногда определенные правила русского языка заставляют говорящего употребить глагол СВ. Помимо последовательности действий (например, *Поработал, погулял и пошел домой*) здесь приведем еще следующие два контекста: 1) *Я хочу с вами **поговорить*** (модальный глагол + инфинитив в позиции конкретного единичного действия) или в диалоге 2) *Садитесь. — Спасибо, я **постою*** (выражение простого будущего СВ). При признании соотносительности подчеркнем, что такие факты не отрицают того, что в основе семантики делимитатива лежит сема кратковременной длительности ограниченности действия, что относит данный тип модификации и к категории способа действия. Несмотря на это, сколько бы ни соответствовало лингвистическим фактам указание на промежуточный характер данного соотношения, вряд ли было бы целесообразно говорить на школьных уроках о том, что исходный глагол и образованный от него делимитатив как будто находятся «на грани соотносительности и несоотносительности». Наиболее логичным кажется разрешение этой дилеммы на функциональной основе, и такой подход дает основание отнести противопоставление исходного глагола и производного делимитатива к видовым парам особого типа. В педагогическом аспекте такой путь оказывается несомненно более приемлемым, чем категоричное исключение делимитативов из системы видовой соотносительности⁷.

⁶ В пользу широкого понимания видовой соотносительности (помимо лингвистической аргументации) можно привести и весьма простой практический аргумент: учащегося (при стремлении к овладению видами глагола и усвоению русского языка) интересует не вопрос о том, является ли данное противопоставление чистой (подлинной) видовой парой или лишь «приблизительной» («видовым партнерством»), а скорее вопрос о том, какой глагол следует употребить в данном предложении, в той или иной позиции — глагол СВ или НСВ.

⁷ В принципе, в рамках другой модели без труда можно включить в понятие аспектуальных корреляций не только делимитативы, но и другие (наиболее продуктивные) способы действия: таким образом поступает Л. Янда, разработавшая концепцию «видового гнезда» [см., напр.: Янда 2012]. Однако при таком рассмотрении вопроса по существу теряется ключевая роль понятия

4. Итоги

4.1. При содержательной характеристике видовой оппозиции следует различать уровень семантического инварианта, соответствующего абстрактному плану описания, и уровень частных значений, представляющий конкретный план функционирования видов. В первом случае принято говорить о привативном характере оппозиции с семантической маркированностью СВ (это ограниченное пределом целостное действие), а во втором — в зависимости от «внешних факторов» — противопоставление может быть и эквиполентное (т. е. «сильное» — с семантической маркированностью обоих видов), и привативное («слабое»).

4.2. Однако с нашей точки зрения, привативное противопоставление видов в абстрактном плане не является универсальным, так как оно охватывает не все пары. Было показано, что лексическая семантика некоторых глаголов может оказывать на соотношение видов влияние, вследствие которого относительно семантического содержания НСВ более точно говорить об эквиполентном (равносильном) характере оппозиции (см. пары типа *крепнуть* — *окрепнуть*, *худеть* — *похудеть*, в которых оба члена являются сильными).

4.3. При анализе видовой соотносительности достаточно очевидно, что роль лексического значения глагола проявляется и в семантической разнородности видовых пар. Пары семантически распадаются на разные типы, среди которых мы анализировали шесть семантических разрядов. В этой классификации мы расцениваем первые четыре типа как основные.

4.4. Согласно этому, выделение *предельных пар с абсолютным пределом СВ* (1), *пар с относительным пределом СВ* (2), *тривиальных пар* (3), а также *пар перфектного типа* (4) можно считать более или менее общепринятым. Признание же противопоставления *мультипликатива* и *семельфатива* (5), а также так называемых *делимитативных пар* (6) в качестве видовых вызывает споры. В этой дискуссии мы выдвигаем аргументы в защиту их соотносительности на функциональной основе.

Библиография

Авилова 1976

Авилова Н. С., *Вид глагола и семантика глагольного слова*, Москва, 1976.

Апресян 1988

Апресян Ю. Д., *Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке, Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование*, отв. ред. Ю. Н. Караулов, Москва, 1988, 57–78.

видовой пары (это отражается и в терминологии автора, в которой парный коррелят СВ вытесняется термином «естественный перфектив»).

- 1995
Апресян Ю. Д., *Избранные труды*, 1: *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*, 2-е изд., испр. и доп., Москва, 1995.
- Бондарко 1971
Бондарко А. В., *Вид и время русского глагола*, Москва, 1971.
- 1986
Бондарко А. В., Семантика предела. *Вопросы языкознания*, 1, 1986, 14–25.
- Виноградов³1986
Виноградов В. В., *Русский язык. (Грамматическое учение о слове)*, изд. 3-е, Москва, 1986.
- Гиро-Вебер 1990
Гиро-Вебер М., Вид и семантика русского глагола, *Вопросы языкознания*, 2, 1990, 102–112.
- Гловинская 1982
Гловинская М. Я., *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*, Москва, 1982.
- 2001
Гловинская М. Я., *Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола*, Москва, 2001.
- Горбова 2010
Горбова Е. В., *Акциональность глагольной лексики и аспектуальные грамемы. Вопросы взаимодействия*, С.-Петербург, 2010.
- 2011
Горбова Е. В., Видовая парность русского глагола: проблемы и решения, *Вопросы языкознания*, 4, 2011, 20–45.
- Зализняк, Шмелев 2000
Зализняк Анна А., Шмелев А. Д., *Введение в русскую аспектологию*, Москва, 2000.
- Зализняк et al. 2015
Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д., *Русская аспектология: в защиту видовой пары*, Москва, 2015.
- Лёнгрен 1974
Лёнгрен Л., К анализу глаголов типа *заваливать*, *Scando-Slavica*, 20, 1974, 129–147.
- Маслов 1948
Маслов Ю. С., Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке, *Известия АН СССР. Отд. лит. и языка*, 4 (7), 1948, 303–316.
- 1975
Маслов Ю. С., Русский глагольный вид в зарубежном языкознании последних лет, *Известия Воронежского государственного педагогического института*, 146 (= *Вопросы русской аспектологии*), 1975, 28–47.
- 1984
Маслов Ю. С., *Очерки по аспектологии*, Ленинград, 1984.
- Мелиг 1997
Мелиг Х. Р., Ответы на вопросы анкеты аспектологического семинара фил. факультета МГУ, *Труды Аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*, 2, 1997, 183–186.
- Падучева 1996
Падучева Е. В., *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*, Москва, 1996.

Петрухина 1990

Петрухина Е. В., К вопросу о конкуренции первичных и вторичных имперфективов в современном русском языке, *Русский язык за рубежом*, 4, 1990, 82–87.

——— 2000

Петрухина Е. В., *Аспектуальные категории глагола в русском языке. В сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*, Москва, 2000.

——— 2009

Петрухина Е. В., *Русский глагол: категории вида и времени*, Москва, 2009.

Пешковский 1923

Пешковский А. М., *Методическое приложение к книге «Наш язык»*, Москва, 1923.

Рассудова 1982

Рассудова О. П., *Употребление видов глагола в современном русском языке*, Москва, 1982.

Спагис 1969

Спагис А. А., *Парные и непарные глаголы в русском языке*, Москва, 1969.

Титаренко 2005

Титаренко Е. Я., К вопросу о семантике суффиксов вторичной имперфективации русского глагола, *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология»*, 18 (57), 2, 2005.

——— 2019

Титаренко Е. Я., *Имплицитная аспектология русского глагола*, Симферополь, 2019.

Урысон 2019

Урысон Е. В., Лексическое значение глагола в видовой паре: семантическая теория и критерий Маслова, *Вопросы языкознания*, 3, 2019, 45–70.

Храковский 1997

Храковский В. С., Мультипликативы и семьelfактивы (проблема видовой пары), *Семантика и структура славянского вида*, 2, С. Кароляк, ред., Kraków, 1997, 227–239.

——— 2005

Храковский В. С., Аспектуальные тройки и видовые пары, *Русский язык в научном освещении*, 9, 2005, 46–59.

Черткова 1996

Черткова М. Ю., *Грамматическая категория вида в современном русском языке*, Москва, 1966.

——— 1997

Черткова М. Ю., Видовая пара в современном русском языке: к определению понятия, *Семантика и структура славянского вида*, 2, С. Кароляк, ред., Kraków, 1997, 241–252.

Шведова 1984

Шведова Л. Н., *Трудные случаи функционирования видов русского глагола*, Москва, 1984.

Шелякин 1975

Шелякин М. А., Основные проблемы современной русской аспектологии. *Известия Воронежского государственного педагогического института*, 146 (= *Вопросы русской аспектологии*), 1975, 5–27.

——— 2006

Шелякин М. А., *Русский инфинитив (морфология и функции)*, Москва, 2006.

Янда 2012

Янда Л. А., Русские приставки как система глагольных классификаторов, *Вопросы языкознания*, 6, 2012, 3–47.

Ясаи 1997

Ясаи Л., О принципах выделения видовой пары в русском языке, *Вопросы языкознания*, 4, 1997, 70–84.

——— 2001

Ясаи Л., О специфике вторичных имперфективов видовых корреляций, *Исследования по языкознанию к 70-летию члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко*, отв. ред. С. А. Шубик, С-Петербург, 2001, 106–118.

——— 2015

Ясаи Л., О соотношении лексико-семантической категории предельности и глагольного вида, *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1 (60), 2015, 43–53.

Forsyth 1970

Forsyth J., *A Grammar of Aspect, Usage and Meaning in the Russian Verb*, Cambridge, 1970.

Jakobson 1971

Jakobson R., Das Nullzeichen, Idem, *Selected writings*, 2: *Word and Language*, The Hague–Paris, 1971, 220–222.

Lehmann 1988

Lehmann V., Der russische Aspekt und die lexikalische Bedeutung des Verbs, *Zeitschrift für slavische Philologie*, 1 (48), 170–181.

References

Apresyan Yu. D., *Izbrannye trudy*, 1: *Leksicheskaia semantika. Sinonimicheskie sredstva iazyka*, 2-nd ed., Moscow, 1995.

Apresyan Yu. D., Glagoly momental'nogo deistviia i performativy v russkom iazyke, Yu. N. Karaulov, ed., *Rusistika segodnia. Iazyk: sistema i ee funkcionirovanie*, Moscow, 1988, 57–78.

Avilova N. S., *Vid glagola i semantika glagol'nogo slova*, Moscow, 1976.

Bondarko A. V., Semantika predela, *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*, 1, 1986, 14–25.

Bondarko A. V., *Vid i vremia russkogo glagola*, Moscow, 1971.

Chertkova M. Yu., *Grammaticheskaia kategoriia vida v sovremennom russkom iazyke*, Moscow, 1966.

Chertkova M. Yu., Vidovaia para v sovremennom russkom iazyke: k opredeleniiu poniatii, S. Karolak, ed., *Semantika i struktura slavianskogo vida*, 2, Kraków, 1997, 241–252.

Forsyth J., *A Grammar of Aspect, Usage and Meaning in the Russian Verb*, Cambridge, 1970.

Glovinskaya M. Ya., *Mnogoznachnost' i sinonimii v vido-vremennoi sisteme russkogo glagola*, Moscow, 2001.

Glovinskaya M. Ya., *Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavlenii russkogo glagola*, Moscow, 1982.

Gorbova E. V., *Aktsional'nost' glagol'noi leksiki i aspektual'nye grammy. Voprosy vzaimodeistviia*, St. Petersburg, 2010.

Gorbova E. V., Aspectual pairs in the Russian verb: problems and solutions, *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*, 4, 2011, 20–45.

Guiraud-Weber M., Vid i semantika russkogo glagola, *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*, 2, 1990, 102–112.

Jakobson R., Das Nullzeichen, Idem, *Selected writings*, 2: *Word and Language*, The Hague–Paris, 1971, 220–222.

Janda L. A., Russian prefixes as a verb classifier system, *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*, 6, 2012, 3–47.

Jászay L., On the relation between the lexico-semantic category of the limit and the verb form, *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1 (60), 2015, 43–53.

Jászay L., O spetsifike vtorichnykh imperfektivov vidovykh korreliatsii, S. A. Shubik, ed., *Issledovaniia po iazykoznaniiu k 70-letiiu chlena-korrespondenta RAN A. V. Bondarko*, St. Petersburg, 2001, 106–118.

Jászay L., On the principles of determining aspectual pairs in Russian, *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*, 4, 1997, 70–84.

Khrakovskij V. S., Aspektual'nye troiki i vidovye pary, *Russian Language and Linguistic Theory*, 9, 2005, 46–59.

Khrakovskij V. S., Mul'tiplikativy i semel'faktivy (problema vidovoi pary), S. Karolak, ed., *Semantika i struktura slavianskogo vida*, 2, Kraków, 1997, 227–239.

Lehmann V., Der russische Aspekt und die lexikalische Bedeutung des Verbs, *Zeitschrift für slavische Philologie*, 1 (48), 170–181.

Lönnegren L., K analizu glagolov tipa zavalivat', *Scando-Slavica*, 20, 1974, 129–147.

Maslov Yu. S., *Ocherki po aspektologii*, Leningrad, 1984.

Maslov Yu. S., Russkii glagol'nyi vid v zaru-bezhnom iazykoznanii poslednikh let, *Izvestiia Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, 146 (= *Voprosy russkoi aspektologii*), 1975, 28–47.

Maslov Yu. S., Vid i leksicheskoe znachenie glagola v sovremennom russkom literaturnom iazyke, *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i iazyka*, 4 (7), 1948, 303–316.

Mehlig H. R., Otvet na voprosy anketi aspektologicheskogo seminar filologicheskogo fakul'teta MGU, *Trudy Aspektologicheskogo seminar filologicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova*, 2, 1997, 183–186.

Paducheva E. V., *Semanticheskie issledovaniia. Semantika vremeni i vida v russkom iazyke. Semantika narrativa*, Moscow, 1996.

Peshkovsky A. M., *Metodicheskoe prilozhenie k knige «Nash iazyk»*, Moscow, 1923.

Petrukhina E. V., *Aspect Verb Categories in Russian in comparison to Check, Slovak, Polish and Bulgarian languages*, Moscow, 2000.

Petrukhina E. V., K voprosu o konkurentsii pervichnykh i vtorichnykh imperfektivov v sovremennom russkom iazyke, *Russian Language Abroad*, 4, 1990, 82–87.

Petrukhina E. V., *Russian verb: the category and the type of time (In the context of modern linguistic research)*, Moscow, 2009.

Rassudova O. P., *Upotreblenie vidov glagola v sovremennom russkom iazyke*, Moscow, 1982.

Shelyakin M. A., Osnovnye problemy sovremennoi russkoi aspektologii, *Izvestiia Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, 146 (= *Voprosy russkoi aspektologii*), 1975, 5–27.

Shelyakin M. A., *Russkii infinitiv (morfologii i funktsii)*, Moscow, 2006.

Shvedova L. N., *Trudnye sluchai funktsionirovaniia vidov russkogo glagola*, Moscow, 1984.

Spagis A. A., *Parnye i neparnye glagoly v russkom iazyke*, Moscow, 1969.

Titarenko E. Ya., *Implitsitnaia aspektologiiia russkogo glagola*, Simferopol, 2019.

Titarenko E. Ya., K voprosu o semantike suf-fiksov vtorichnoi imperfektivatsii russkogo glagola, *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 18 (57), 2, 2005.

Uryson E. V., Russian Aspectual Pairs: Semantic Theory and Maslov's Criterion, *Voprosy Jazykoznaniia (Topics in the Study of Language)*, 3, 2019, 45–70.

Vinogradov V. V., *Russkii iazyk. (Grammaticheskoe uchenie o slove)*, 3-rd ed., Moscow, 1986.

Zaliznyak Anna A., Mikaelian I. L., Shmelev A. D., *Russkaia aspektologiiia: v zashchitu vidovoi pary*, Moscow, 2015.

Zaliznyak Anna A., Shmelev A. D., *Vvedenie v russkuiu aspektologiiu*, Moscow, 2000.

László Jászay, DSc, professor

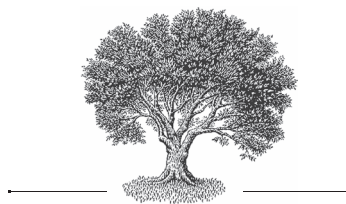
Department of Russian Language and Literature of Eötvös Loránd University

1088 Budapest, Múzeum krt. 4/D

Magyarország / Hungary

jaszay.laszlo@btk.elte.hu

Received October 20, 2019

Patterns and
Mechanisms of
Lexical Changes in the
Languages of Symbiotic
Communities:
Kinship Terminology
in Karashevo
(Banat, Romania)

Daria V. Konior

The Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Паттерны и
механизмы
лексических
изменений в языках
симбиотических
сообществ: термины
родства в Карашево
(Банат, Румыния)

**Дарья Владимировна
Конёр**

Институт лингвистических исследований
Российской академии наук
С.-Петербург, Россия

Abstract

This article deals with the ethnolinguistic situation in one of the most archaic areas of language and cultural contact between South Slavic and Eastern Romance populations—the Karashevo microregion in Banat, Romania. For the first time, the lexical-semantic group of kinship terms in the Krashovani dialects from the Slavic-speaking village of Caraşova and the Romanian-speaking village of Iabalcea is being analysed in a comparative perspective as two

Цитирование: Konior D. V. Patterns and Mechanisms of Lexical Changes in the Languages of Symbiotic Communities: Kinship Terminology in Karashevo (Banat, Romania) // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 1. С. 381–411.
Citation: Konior D. V. (2019) Patterns and Mechanisms of Lexical Changes in the Languages of Symbiotic Communities: Kinship Terminology in Karashevo (Banat, Romania). *Slověne*, Vol. 9, № 1, p. 381–411.
DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.1.14

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

separate linguistic codes which “serve” the same local culture. The main goal of the research was to investigate patterns of borrowing mechanisms which could link lexical (sub)systems of spiritual culture under the conditions of intimate language contact in symbiotic communities. It will be shown that, in such situations, the equivalent translation becomes relevant as a specific strategy of linguistic code interrelationships. Even though kinship terminology in closely contacting dialects has the potential to help linguists trace back the socio-historical conditions and outcomes of language contact (such as marriage patterns), linguistic methods have their limitations in the case of poorly documented vernaculars. These limitations could be overcome by compiling more data on “isocontacting” communities and, possibly, by analysing this data using quantitative tools.

Keywords

kinship terms, Romano-Slavic language contact, Karashevo, Banat, borrowing mechanisms, symbiotic communities, Balkan dialectology, Balkan lexicology

Резюме

Статья посвящена этнолингвистической ситуации в зоне древнего языкового и культурного контакта южнославянского и восточнороманского населения — микрорегионе Карашево в Банате, Румыния. Впервые лексико-семантические группы терминов родства в карашевских диалектах славяноязычного с. Карашево и румыноязычного с. Ябалча анализируются в сравнительной перспективе как два различных языковых кода, которые «обслуживают» единую локальную культуру. Основная цель исследования — выяснить, какие паттерны и механизмы заимствования могут связывать лексические (под)системы духовной культуры в условиях тесного языкового контакта в симбиотических сообществах. Сообщается, что в таких ситуациях релевантно выделение эквивалентного перевода в качестве особой стратегии взаимодействия языковых кодов. Терминология родства в языках тесно контактирующих сообществ в большинстве случаев может помочь лингвистам проследить социо-исторические условия и последствия языкового контакта (например, брачные стратегии), однако чисто лингвистические методы обладают некоторыми ограничениями в случае плохо задокументированных идиомов. Эти ограничения могут быть преодолены с помощью привлечения большего количества данных из «изоконтактирующих» сообществ, а также, возможно, с помощью методик количественного анализа.

Ключевые слова

терминология родства, романо-славянский языковой контакт, Карашево, Банат, механизмы заимствования, симбиотические сообщества, балканская диалектология, балканская лексикология

1. The research problem

The linguistic and cultural processes taking place in bilingual and multilingual communities have often been the focus of attention of linguists and anthropologists in recent decades. Increases in various kinds of migration flows

in the modern world have led to a drive to understand newly formed mixed communities, and provoked a growing interest in “old” contact situations that have directly affected the ethno- and linguogenesis of tribes and peoples around the world. One of the “watersheds” generally accepted in the (socio) linguistic typology of contact is the introduction of the concept of so-called “intimate language contact”, which is characterised by the following features. First of all, it requires prolonged intimacy between two communities (typically, through intermarriage over generations); secondly, it affects all parts of the linguistic structure; and finally, lexical borrowings are observed to affect all parts of the lexicon as a whole (as opposed to being localised in some semantical groups) [Clark 1994: 113].

Many attempts have been made to explore the genesis, functioning and consequences of intimate language contact using various approaches and lines of research, from case studies of language contacts conducted in the multilingual regions of Australia and Oceania, West Africa, Southeast Asia and Southeastern Europe to attempts to discover the origins of this phenomenon¹. The latter include the biolinguistic point of view, according to which small, compactly living bilingual or multilingual communities can be a rudiment (or a later, certainly modified form) of so-called “societies of intimates”. Such communities have played a crucial role in the emergence of various forms of modern society [Givón 2002: 301–305]. As social structures, they were not fully integrated into national states, so many archaic cultural norms, including models of trust and interaction, have been maintained (or had been maintained until recently) by their members². Apparently, sharing the same origin, i. e. belonging to the same tribe or nation, was not a prerequisite for the functioning of “societies of intimates”. Common confession, horizontal bonds between community members and similar economic and social status in a particular territory were of greater importance [Givón 2002: 306–309].

To all appearances, the concept of small-scale³ multilingualism also represents an attempt to describe a similar scientific object, i.e. “small socio-political groups which have no overarching hierarchical political structure joining them [Singer, Harris 2016] with the type of societal multilingualism characterised

¹ The most recent overview of important works and theories is presented in [Grant 2020].

² T. Givón names the following characteristics of “societies of intimates”: small number of community members, resource economy, geographically limited distribution, limited gene pool, cultural homogeneity, information homogeneity and stability, consensual leadership, kinship-based social interaction, refusal to interact with outsiders [Givón 2002: 306–309].

³ There are different terms used by different scholars in this regard: “reciprocal” [Jourdan 2007], “balanced” [Aikhenvald 2007], “traditional” [Brandl, Walsh 1982; Di Carlo 2016; Wilkins, Nash 2008], and “egalitarian” [François 2012]. The list of terms is given in [Dobrushina, Khanina 2018].

by the absence of power or prestige relationships between languages” [Do-brushina, Khanina 2018]. Traditionally, small-scale multilingualism is linked to the “non-Western” world, which means that multilingual areas of Europe are not typically discussed in this context. However, I suggest that southeastern Europe (the Balkans) should not be excluded from this framework. Present or past contact situations in this peripheral region often respond to the general parameters of small-scale multilingualism settings (“a geographically confined basis; many shared cultural traits in the entire setting making it a meaningful geographic entity; complex exchange dynamics relying on a dialectic relationship between similarity and alterity; extensive multilingualism instead of or alongside a *lingua franca*” [Lüpke 2016: 63]).

For several recent decades, contacting Balkan languages and dialects have been studied by linguists from the RAS Institute of Linguistic Studies (recent joint publications are [Соболев et al. 2018; Sobolev et al. 2020]). In our work, we proceed from the assumption that the formation of the Balkan ethnolinguistic and cultural space was influenced by “mutual” language shifts of large groups of people. We focus on different local communities (often living near borders) and the linguistic contact which is occurring, or has occurred, in them between Greek and Albanian [Соболев 2017]; Slavic and Albanian [Морозова, Русаков 2018]; Slavic and Romance [Конѐр 2020; Козак 2017]; and Slavic, Romance and Albanian [Makarova 2017] dialects. They are studied at the grammatical, lexical, phonological, and syntactical levels, often within the context of cultural and social practices. For this research, the connection between such practices and the language life of the community is particularly important. My goal was to use the material of the Slavic and Romance dialects of the bilingual Krashovani people living in the Romanian Banat to approach an understanding of the issues listed below.

(1) What role do spiritual culture and religion play in the speech behaviour of bilingual community members?

(2) What are the characteristics of a bilingual kinship terminology?

(3) Are borrowing mechanisms in bilingual communities different from those which we observe in (mostly) monolingual environments?

(4) And finally, what are the possibilities and what are the limitations of linguistic (e. g. lexicological) tools for solving these and similar problems?

Based on a case study of the Krashovani⁴ people, I will try to find some answers to the above questions.

⁴ In this article, the following proper names are used: *Karashevo*, a toponym naming the whole Slavic-speaking microregion (7 villages); *Caraşova*, the name of the largest village and economic and cultural centre of the microregion; and *Krashovani*, an adjective which has the meaning of affiliation to the Karashevo microregion.

2. Methodology and data

The centre of my attention was the Krashovani kinship terminology in the Slavic-speaking village of Caraşova and in the Romanian-speaking village of Iabalcea. This lexical-semantic group was chosen for analysis for the following reasons. In the scientific literature, one can easily find arguments about the ethno-linguistic and socio-anthropological aspects of kinship terminology in the Balkan languages and dialects⁵. At the same time, its sociolinguistic dimension has been discussed only occasionally (see, for example: [Morozova 2019]). However, in the case of multilingual communities, kinship terminology may contain testimonies about certain stages of their formation. Since a significant proportion of names of family members are related to the basic (core) vocabulary, we can assume that the occurrence of foreign elements in this lexical-semantic group will denote corresponding “facts of life”, i.e. marriages (or the establishment of other types of kinship relations) between speakers of donor and recipient languages at certain stages of the community’s history. The recipient language speakers’ will to associate themselves with the culture that the donor language represents also plays an important role⁶. Thus, kinship terminology can be directly related to the question of the first and second language (L1 and L2) acquisition and their functioning in the mind and speech of bilingual people. With all this in mind, my goal was to establish (and justify as far as possible) a relationship between the social conditions under which language contact has taken place in the Karashevo microregion and its linguistic outcomes.

The present research was conducted in several stages. During my first fieldwork trips⁷ in the microregion, I gathered words and word combinations related to the kinship system in the Slavic-speaking village of Caraşova. To

⁵ Studies on the system and terminology of kinship in various societies and languages are discussed in the issue-related journal “Алгебра родства” (“Algebra of kinship”) [Попов 1995–2014]; for instance, see A. Zhugra’s article on the Albanian kinship system published there [Журпа 1998]. The Slavic kinship system was described by O. N. Trubachev in his book “История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя” (“History of the Slavic kinship terminology and of some of the oldest social system terms”) [Трубачев 1959], whereas the Romanian one was explored by the linguist V. Scurtu; see his monograph “Termenii de înrudire în limba română” (“Kinship terminology in Romanian”) [Scurtu 1996]. For respective lexis in some of the Balkan dialects, see [МДАБЯ 2006]. Other important works on this topic (in general, typological, and case-oriented perspectives) include [Szemerényi 1977; Tukey 1962; Needham 2013; Nikolayeva 2014].

⁶ A good example of this phenomenon in the Balkans is the Pomak idiom. Pomaks, being Slavic people in origin, borrowed certain terms of close kinship and numerals from the Turkish language. The reason for this could be the fact that they consider Turkish as a marker of their Muslim identity [Friedman, Joseph 2017: 72].

⁷ I conducted four field trips in the villages of Caraşova and Iabalcea in 2014–2017. I would like to thank Prof. Dr. M. Radan and Prof. Dr. A. N. Sobolev for the organisational help.

achieve this, I used principally a standard BCSM lexeme which was normally intelligible to local people⁸. After Slavic lexemes from Carașova had been recorded, I started gathering their equivalents in the Romanian-speaking Krashovani village of Iabalcea, using practically the same method, except that this time my consultants were asked to translate a word recorded in Carașova into their local dialect (the issue of their bilingualism and L2 knowledge will be discussed in more detail later). Subsequently, I analysed the data from Carașova and Iabalcea as one cultural code, but two different linguistic codes. To do this, I needed to discover the etymologies of all their elements and then deduce how a certain notion found its way into Slavic or Romanian code. However, in order to be valid, the results of this analysis need to take into consideration the historical, cultural and language background of the Banat Krashovani.

3. The contact setting: Banat, Karashevo

To begin with, I shall briefly describe the language contact situation in the microregion of Karashevo, situated in the Romanian part of the Banat Highlands. In the case of Krashovani, both the broader territorial context (on a regional level) and the narrower one (on a microregional level) are of a great importance.

Banat is a historical region which nowadays belongs to three different states: Romania (two-thirds, or 18,966 km²), Serbia (one-third, or 9,276 km²), and Hungary, which now incorporates a small fragment of less than 300 km² of the region. There is evidence that Banat has existed as a multilingual area for centuries and, notably, it has been an area of Romano-Slavic language and culture contact, some stages of which have even been referred to as symbiosis⁹. This symbiosis is supposed to have begun in the 5th or 6th centuries, when Slavic tribes came to the Balkans. The Slav presence in the plains of the Romanian Banat is proved by some archaeological finds, by the local toponymic terminology, mostly noted in the areas near the Tisa and Danube rivers, and by

⁸ Although Krashovani dialects have been traditionally quite isolated from the Slavic-speaking world, many modern channels of communication with both the Serbian and Croatian languages have appeared lately. As for the former, these channels include Serbian television, which is available in many Krashovani households, and also oral contact with musicians from Serbia, whom it has become very prestigious to invite to weddings, baptisms and other important ceremonies. Croatian seems to have begun to take a diglossia position above the Krashovani dialects to some extent, as this language is being actively spread in the microregion by the Catholic church and by the local governmental organisation "Zajedništvo Hrvata u Rumunjskoj/Uniunea Croaților din România" ("The Association of Romanian Croats") [Končar 2020].

⁹ Since the end of the 1960s, anthropologists have been using the term "symbiotic" for communities in which ethnic and linguistic communities enter into additional distribution relationships (see [Barth 1969; Lehman 2001]). In recent linguistic works, the concept of "symbiosis" is used in a less-strict, non-terminological way [Соболев 2017: 423].

some vague data on a non-attested language, “Daco-Slavic” (Rom. *daco-slava*), that had been spoken by the Slavs of Dacia before they were assimilated by the Romanian (or proto-Romanian) population [Petrovici 1943: 1–5; Konior 2018].

During the late Middle Ages, Banat became a battleground in Europe’s war against the Ottoman Empire, which was gaining more and more power. In 1552, Timișoara, which later gained unofficial status as the capital of Banat, was occupied by the Turks. The Timișoara *eyalet* existed until 1716, when Eugene of Savoy conquered the city, and the Treaty of Požarevac (Passarowitz) was signed in 1718 [Бромлей 1963: 262–263; Крстић 2010: 86; Konior 2018]. Some historians believe it to have been the beginning of a new era for Banat, since that moment marked the start of its development as a separate region [Buzărnescu, Pribac 2002; Konior 2018].

One of the most important milestones for the further ethnolinguistic development of this territory is the formation of the Military Frontier (Rom. *Granița militară bănățeană*, BCSM *Banatska vojna granica*, Ger. *Banater Militärgrænze*) on the left bank of the Danube in the second half of the 18th century. The Military Frontier commanders were directly subordinate to the Habsburg court’s military council. In peacetime, local men were engaged in agriculture, and during wartime they served as soldiers, “a human fence against the Ottomans” [Clewing, Schmitt 2011: 316–317, 320; Павковић 2009, 58–61; Konior 2018]. Of all the parts of present Vojvodina (the regions of Srem, Banat and Bačka in Serbia), Banat stood particularly well with the authorities of the Habsburg monarchy. They expected it to become an economically prosperous region; people of different religions and nationalities were sent there, the main criterion for their selection being their professional skills. A special role was assigned to German colonists as loyal subjects, good workers, soldiers and builders [Митровић 2004: 125–126, 130; Clewing, Schmitt 2011: 320; Konior 2018]. Thus, a package of measures undertaken by the authorities formed the basis for the development of multi-ethnic and multilingual communities¹⁰.

Migrations were crucial in the history of the Karashevo microregion as well. This territory, situated in the central-southern part of the Romanian Banat, is now formed by seven (mostly) Slavic-speaking Catholic villages: Carașova, Lupac, Vodnic, Rafnic, Nermed, Clocotici and Iabalcea. Not all researchers share the same opinion concerning the ancestral homeland of the Krashovani. I. Popović, J. Erdeljanović, and M. Radan consider them to be

¹⁰ According to the 1770 census, in Banat there were 181,639 Romanians, 78,780 Serbs, 8,683 Bulgarians, 5,272 Romani, 42,201 Swabians, Italians and French, 353 Jews, from a total of 317,928 people. However, all these neighbouring ethnic and linguistic groups were to some extent isolated from each other. Historians believe that there have never been any serious or protracted interethnic conflicts in the territory of the region. This situation was due to the presence of a firm government which organised and supported colonisation, favouring the unity of the various branches of Christianity in the region [Hurezan, Colta 2002: 91; Konior 2018].

descendants of the first Slavs who came to the Balkans, settled north of the Danube and mixed subsequently with several waves of migrants (supposedly in the 15th–16th and 18th centuries) from different regions of the Balkan Peninsula. There is also evidence of Romanian participation in the Krashovani ethnogenesis through mixed marriages, with subsequent assimilation of the Romanian spouses by the Slavic-speaking people. T. Simu compares this situation to a specific process of diffusion called “osmosis”, and believes that it was facilitated by the ecclesiastical authority of that time in the microregion, consisting of Franciscans, Jesuits and secular priests who welcomed the assimilation of the Romanian population in order to spread the Catholic religion [Simu 1939: 80–83; Konior 2018].

4. Bilingualism, but not biculturalism

It appears that the Karashevo microregion had been multilingual before the 20th century; apart from the idioms that are in contact now (which are a BCSM dialect and a Romanian Banat dialect), at least Hungarian and German were widespread, but despite their status as dominant languages in the state, they did not deeply influence the Krashovani vernacular(s). Nowadays in the village of Caraşova, the cultural and economic centre of the microregion, as well as in five other Krashovani villages, apart from Iabalcea, the first language (L1) of the local population is an archaic South Slavic dialect. Their lexis has been significantly influenced by the Romanian Banat dialect in the past and by the Romanian standard after the 1950s. The Romanian language (with a certain amount of dialectal features depending on the generation and individual traits of speech) is L2 in all Slavic-speaking Krashovani villages, including the village of Caraşova, which is the focus of this research. љљљ

In Iabalcea, another Krashovani settlement that I focus on, the situation is the opposite; local people who share religion, culture and identity with other Krashovani use the Romanian Banat dialect as their L1, and passively know the Slavic Krashovani dialect as L2. Competencies differ, depending on the generation of the speaker. Study and analysis of the “Iabalcea phenomenon” (in which a part of the national minority uses the language of the majority, but stays in all possible contexts in the minority framework) over several years led me to the hypothesis that there was not just a language shift or language maintenance scenario; to an extent, both these scenarios took place, as, in Iabalcea, mixed marriages between Slavic-speaking people and Romanian-speaking people used to happen more often than in other Krashovani villages. It should be noted that this presumption is supported by the onomastic data. I found the following surnames on gravestones of the local cemetery in September, 2017: *Beul, Ursul, Ifca, Rebegila, Kokora, Baciuna, Padineanţ, Ghiţoi, Filka, Toma*. Apparently, only one of them is of Slavic origin (*Ifca* < Proto-Slav. *jьva). Also,

one of my informants provided examples of typical nicknames in Iabalcea. They are also Romanian: *Ceapă, Gâscă, Straică, Chioru, Pușcă* [Konior 2018]. Taking into account matrimonial strategies, the village of Iabalcea represented an exception to the rule according to which exogamy was frowned upon among Krashovani before the late 20th century (or even simply banned by the Catholic church, as one of my consultants mentioned)¹¹. There could be several reasons for this irregularity:

(1) demographical and structural: Iabalcea is the smallest Krashovani village and possibly suffered from a lack of people, especially men during militarised periods of its history. There is a legend about Romanian workers who came once as seasonal workers, but married local women and “stayed with Krashovani”;

(2) geographical: the village is isolated from Romanian-speaking villages by the mountains on one side and by the other Krashovani villages on the other, so it could not easily be “separated” from the Karashevo microregion;

(3) socio-cultural: Iabalcea is an example of the socio-cultural *inclusion* of part of a minority that uses the majority’s language, while sharing all the cultural markers with the rest of the community. It is important to mention that the narratives gathered in the village of Carașova and in the village of Iabalcea demonstrate the unity of cultural codes in the Slavic-speaking and Romanian-speaking villages.

Several excerpts from my archive confirming this unity are given below. It is manifested in all three basic codes of one of the most significant ritual complexes in traditional culture, namely the wedding: “objective” (1), “personal” (2) and “actional” (3)¹². Fragments of the narratives recorded in the village of Carașova are marked with the letter “C”, those recorded in Iabalcea with “I”.

The following fragment refers to one of the most specific and significant ritual objects of the Krashovani wedding. It used to be prepared in the groom’s house before the wedding and consisted of two main elements: *lagija/laghie*¹³—a round bread with a coin or a small hole in the middle, decorated

¹¹ One of them reported: “There could not be many Romanians here, the priest would not have even let you marry them!”

¹² The “objective” code relates to all objects used in the ceremony and celebration, the “personal” code consists of all characters who participate in the wedding, while the “actional” code refers to the rituals themselves. A variant of such a classification was originally proposed by N. I. Tolstoj in [Толстой 1982]. Consequently, it has been widely used by other members of the Moscow ethnolinguistic school [Тыпа 2012: 80–382; Узенёва 2010: 30–190]. This triad is quite helpful for researchers in their endeavour to comprehend and interpret complex cultural and linguistic phenomena related to traditional weddings but, obviously, it is neither visible *in praxi*, where all three codes are strongly intertwined, nor does it exist in traditional community members’ perceptions.

¹³ Henceforth, the word used in the village of Karashevo is placed to the left of the slash and written in the BCSM Latin alphabet, and that used in Iabalcea to the right of the slash, written in the Romanian Latin alphabet.

with money and flowers. The bridesman (*dëver/đever*) wore it on the shoulder with the help of a sash, which held a flask with rakija (*čutura/šutură*) on the other end [Radan Uscatu 2014: 71, 111].

(1) **C.** Se popravi večem od srede, šiju lagiju, to se kaže lagija, šta stave u čuturu, sveće, se pravi kolač tej od srede. U četvrtak, opet je sva famila kod devojke [...], poprave rizance, ja znam, čupaju živinu, kolače [...]... Perišore, sarmale ši prажitur’.

They start cooking on Wednesday evening, they are make lagija, it is called lagija, which they put in čutura¹⁴, candles, this pie is being made from Wednesday. On Thursday again the whole family gathers at the girl’s house [...], they make noodles, I don’t know, they pluck chicken, [they make] pies [...]... Meat balls, cabbage rolls and cakes.

I. Đeverii aveau šutură şi colac. Acuma nu se fac niş colaş. A lu băiat avea şutura şi colacu-n spaće, car’e-o joca pră mlada tot erau, or naşu, or starisfatu [...] cu colacu-n spaće.

Bridesmen used to have čutura and a wedding bread. They don’t even make wedding bread now. The guy wore čutura and wedding bread on his back, as those who danced with the bride, whether it was a godfather or a groom’s man [...], they also had wedding bread on their backs.

As can be seen in both fragments given below, in the Krashovani wedding tradition, a special role was played by bridesmen (*dëverlje/đeverii*), who were the bride’s brothers or her other male relatives. They were considered to be her helpers and guardians. The young couple’s parents played a more minor role, being less important participants in the wedding ceremony than the ranks listed above. This fact was reflected in the order in which they followed the bride and groom in the first dance: *Pa prvo igra mladoženja, pa posi mlada [...]. Posle kum, starisvat i deveri i posi mama i nena mladini.*—‘Firstly, the groom dances, then the bride [...]. Then godfather, groom’s man and bridesmen, then the bride’s mother and father’.

(2) **I.** Doi đeveri cu şutura cu rachie păzaşe pră cineră să nu o fur’e. [...] Şi cân se-mbracă đimineaţa cân se scoală, să se-mbrăce nora [...], đeverii vin ş-o fură, fură păpucu, fură şeva, şi atunş trebuie să de banii să cumper’e aia, nu poacă cinera să se-mbrăse

Two bridesmen with a flask of rakija guarded the bride, so she wouldn’t be stolen. [...] And when she dresses up in the morning, when she gets up to dress up, the bride [...], the bridesmen come to steal her, they steal shoes, steal something, and in that moment you have to give them money, to buy her out, as she cannot get dressed.

C. Mlada nikako ne sedela mladoženjom, samo deverlje su imali brigu za mladu.

The bride could not sit next to the groom at all, only the bridesmen looked after the bride.

¹⁴ Čutura / ciutura— a flask decorated in a special way on the occasion of a wedding.

Carnival elements in the Krashovani traditions reveal an important link between the Krashovani and the Romanian Banat cultures, in which carnival plays a significant role (see [Хедешан, Голант 2007, with references]).

(3) **I.** Moșu se fac la nuntă, marți, se fac moș, om, muiere, s-au mascat, iau țoal'e neobișnuite pre ei, și vin și ei joacă [...]. Aia-s moși.

*Moși*¹⁵ is made at the wedding, on Tuesday, men, women dress up, they put on masks, they wore unusual clothes and also went dancing [...]. This is *moși*.

C. Mlade koje idu snaje su vreštale, [...] da ju malko "razveseli.

Brides who went to live at the boy's house, wept [...] [and the guests dressed up] to cheer her up a little bit.

The following fragment demonstrates the mutual translatability of local culture codes in both villages. It is excerpted from an interview recorded in Carașova with an old woman who had been born and spent her childhood in Iabalcea, until she moved out to Carașova, marrying a local man. Here she describes customs in her home village of Iabalcea. Speaking about wedding songs, she gives an example of one in Romanian, but she is aware of the fact that there is also a Slavic equivalent, which was also sung in the village, but less often. The lyrics in the two languages start with very similar formulas (see examples (a) from Carașova and (b) from Iabalcea below):

(a) Uzmi, mlado, stražni dan...
take-IMP.2s bride.VOC last day
'Take, bride, the last day...'

(b) Ie- ți, măreasă, ziua bună...
take-IMP.2s REFL bride day good
'Say goodbye, bride...' ¹⁶

I./C. Atunci cântau. Și care a fost, aștia, de la nuntași, a știut să cânte, iar o cântat.

Then they were singing a song. And those who were among the wedding participants, they sang, everybody could sing and everybody sang.

[D. K.: Ce cântau?]

[D. K.: What did they sing?]

Cântau de mireasă, cum pleacă:

They sang about the bride, about her leaving [her parents' house]:

¹⁵ *Moșuli/moși, mascați* are names for disguised men and women, which also refers to the dressing-up game (carnival) itself in Karashevo. As we can see, elements of the carnival were present in a traditional wedding in the microregion.

¹⁶ A-și lua ziua bună = to separate from somebody, saying goodbye [DEX 2009].

“Te-ți, măreasă, ziua bună
De la tată, de la mamă,
De la frați, de la surori,
De la grădina cu flori, și de vecini, tot!”

Așa cântau și aia cântau. Dar pe sârbește
or cântat: „Uzmi, mlado, stražni dan...”. Și
apoi nu mai țin mince cum o fost [...]. Dar
pe românește asta cântau.

[D. K.: Și cântau pe românește în Iabalcea?]

Da, da, mai mult pe românește, și pră
cărșovenește, numa mai mult.

“Say goodbye, bride,
To your mum and dad,
To your brothers and sisters,
To the blooming garden, to your neigh-
bours, to everybody!”

That’s how they sang, they sang this one.
And in Serbian they sang: „Take back,
bride, your last day...”. I don’t remember
how it went [...]. And in Romanian they
sang that song.

[D. K.: And in Iabalcea they sang in Ro-
manian?]

Yes, yes, more in Romanian, in Krasho-
vani as well, but more [in Romanian].

Thus, using just a few examples, I have tried to demonstrate the possibility of a comparative analysis of Krashovani Slavic and Romanian cultural lexis as one cultural, but two different linguistic codes.

5. Krashovani kinship system and terminology

In this section, I will make an attempt to analyse the Krashovani kinship terminology¹⁷ from Carașova and Iabalcea, considering some known facts about the language history of this population and their neighbours.

I. Consanguineous relationship

	Carașova	Etymology/motivation	Iabalcea	Etymology/motivation
1.	roditeļi, starešina ‘parents’	Proto-Slav. and Old Slav. <i>rodъ</i> [ERHSJ, 3: 151–153]; Proto-Slav. and Old Slav. <i>starъ</i> [ERHSJ, 3: 328]	părinți, neamuri	Lat. <i>parentem</i> [DER 2001]; Hung. <i>nem</i> , related to Slav. <i>němŭ</i> ‘barbarian’ [DER 2001]
2.	mama ‘mother’	child speech word, see Proto-Slav. <i>*mama</i> [ERHSJ, 2: 365; ЭССЯ, 17: 183–185]	mama	child speech word, see Lat. <i>mamma</i> [DER 2001]
3.	nena ‘father’	child speech word, see Proto-Slav. <i>*nana/ n’an’a</i> [ЭССЯ, 24: 166]	tată	child speech word, see Lat. <i>tata</i> [DER 2001]

¹⁷ All the pairs of terms are consecutively numbered throughout this text. The number given to a pair in this section will also be attributed to the same pair later in the paper.

	Caraşova	Etymology/motivation	Iabalcea	Etymology/motivation
4.	dēte 'son'	Proto-Slav. and Old Slav. <i>děť</i> [ЭССЯ, 5: 12–13]	copîlu	unknown etym., cf. Alb. <i>kopîl</i> [DER 2001; Kostallari 1980: 867]
5.	dēfka 'daughter'	Proto-Slav. * <i>děva</i> , cf. * <i>děvica</i> [ЭССЯ, 5: 22–23]	fată	Lat. <i>feta</i> [DEX 2009]
6.	brat 'brother'	Proto-Slav. and Old Slav. <i>bratrъ</i> [ЭССЯ, 2: 120]	fracē	Lat. <i>frater</i> [DER 2001]
7.	sestra 'sister'	Proto-Slav. and Old Slav. <i>sestra</i> [ERHSJ, 3: 226]	soră	Lat. <i>soror</i> [DER 2001]
8.	bajca 'older brother' (also as an apellative)'	poss., Turkism [БСРЛ 2012: 46–48]	baiță	Krash. Slav. <i>bajca</i>
9.	cejka 'older sister' (also as an apellative)'	child speech word [БСРЛ 2012: 685]	țeică, țeță	Krash. Slav. <i>cejka</i>
10.	dēda 'grandfather'	Proto-Slav. * <i>dědъ</i> [ERHSJ, 1: 388–389]	deda	Krash. Slav. <i>dēda</i>
11.	majka 'grandmother'	Proto-Slav. and Old Slav. <i>mati</i> [ERHSJ, 2: 365; ЭССЯ, 17: 135–136]	maică	Krash. Slav. <i>maică</i>
12.	čukundēda 'great grandfather'	Turk. <i>kökün</i> 'root' or Lat. <i>secundus</i> [HJP 2006–2018; ERHSJ, 3: 192]; [ERHSJ, 1: 388–389]	deda- moșu	Krash. Slav. <i>dēda</i> ; unknown etym., cf. Alb. <i>moshë</i> [DER 2001]
13.	čukunmajka 'great grandmother'	Turk. <i>kökün</i> 'root' or Lat. <i>secundus</i> [HJP 2006–2018; ERHSJ, 3: 192]; Proto-Slav. and Old Slav. <i>mati</i> [ERHSJ, 2: 365; ЭССЯ, 17: 135–136]	maică bătrână	Krash. Slav. <i>majka</i> , but also all-Rom. Slavism [DER 2001]; Lat. <i>veteranus</i> [DEX 2009]
14.	unuk 'grandson'	Proto-Slav. * <i>vnukъ</i> [ERHSJ, 3: 545]	nepot	Lat. <i>nepotem</i> [DER 2001]
15.	unuka 'granddaughter'	Proto-Slav. * <i>vnukъ</i> [ERHSJ, 3: 545]	nepoată	Lat. <i>nepotem</i> [DER 2001]
16.	blizanci 'twins'	Proto-Slav. and Old Slav. <i>bliznъcb</i> [ERHSJ, 1: 173]	gemeni	Lat. <i>geminus</i> [DER 2001]

	Caraşova	Etymology/motivation	Iabalcea	Etymology/motivation
17.	ujka 'maternal uncle'	Proto-Slav. * <i>ujь</i> [ERHSJ, 3: 540]	uică	Krash. Slav. <i>ujka</i> , cf. Ban. reg. <i>uică</i> [DER 2001]
18.	tetka 'maternal aunt'	Proto-Slav. * <i>tetъka</i> [ERHSJ, 3: 446–447]	tetcă	Krash. Slav. <i>tetka</i>
19.	striča 'paternal uncle'	Proto-Slav. * <i>stryjь</i> [ERHSJ, 3: 344]	stricea	Krash. Slav. <i>striča</i>
20.	tetka 'paternal aunt'	Proto-Slav. * <i>tetъka</i> [ERHSJ, 3: 446–447]	tetcă	Krash. Slav. <i>tetka</i>
21.	unuk 'nephew'	Proto-Slav. * <i>vъnukъ</i> [ERHSJ, 3: 545]	nepot	Lat. <i>nepotem</i> [DER 2001]
22.	unuka 'niece'	Proto-Slav. * <i>vъnukъ</i> [ERHSJ, 3: 545]	nepoată	Lat. <i>nepotem</i> [DER 2001]
23.	prvi varul 'first male cousin'	Proto-Slav. * <i>pъrvъ</i> [ERHSJ, 3: 61]; Rom. <i>văr</i> 'first male cousin'	văru- ntâi	Lat. <i>verus</i> [DER 2001]; Lat. * <i>antaneus</i> ; local derivate
24.	prva verişora 'first female cousin'	Proto-Slav. * <i>pъrvъ</i> [ERHSJ, 3: 61]; Rom. <i>verişoară</i> 'first female cousin'	verişoară	Lat. <i>verus</i> [DER 2001]
25.	drugi varul 'second male cousin'	Proto-Slav. * <i>drugъ</i> [ЭССЯ, 5: 132]; Rom. <i>văr</i> 'first male cousin'	văru al doilea	Lat. <i>verus</i> [DER 2001]; Lat. * <i>dui</i> [DER 2001]
26.	druga verişora 'second female cousin'	Proto-Slav. * <i>drugъ</i> [ЭССЯ, 5: 132]; Rom. <i>verişoară</i> 'first female cousin'	verişoară a doua	Lat. <i>verus</i> [DER 2001]; Lat. * <i>dui</i> [DER 2001]

Considering the names of consanguineous relatives, there is clearly a significant simplification of the extensive Slavic kinship system. Thus, in the Krashovani varieties, the terms referring to cousins and second cousins in the line of mother and father do not differ, whereas the words 14., 21. *unuk* and 15., 22. *unuka* name both “grandson/granddaughter” and “nephew/niece” (see [МДАБЯ 2006: 123, 127, 129]). Patrilinear and matrilinear kinship is expressed by the same lexical means, which is typical for Slavic dialects that are in contact with non-Slavic languages [Morozova 2019]). However, in the Krashovani kinship system in both villages, the opposition “paternal uncle ~ maternal uncle” is preserved. The words 12. *čukundeda*, 13. *čukunmajka* usually refer to the fourth-generation ancestors [Бјелетић 1994: 200], but in the Krashovani varieties they mean “great-grandfather, great-grandmother” (i.e. third-generation relatives).

II. Affinal relationship

	Carașova	Etymology/motivation	Iabalcea	Etymology/motivation
27.	muž 'husband'	Proto-Slav. *mъžь [ERHSJ, 2: 492–493]	bărbatu	Lat. <i>barbatus</i> [DEX 2009]
28.	žena 'wife'	Proto-Slav. and Old Slav. <i>žena</i> [ERHSJ, 3: 677]	muier'e	Lat. <i>mulier</i> [DER 2001]
29.	prijetelji 'co-fathers-in-law'	Proto-Slav. and Old Slav. <i>prijati</i> [ERHSJ, 3: 40–41]	cuscri	Lat. <i>consoc(e)rum</i> [DER 2001]
30.	pretelice 'co-mothers-in-law'	Proto-Slav. and Old Slav. <i>prijati</i> [ERHSJ, 3: 40–41]	cuscre	Lat. <i>consoc(e)rum</i> [DER 2001]
31.	ujna 'maternal uncle's wife'	Proto-Slav. *ujь [ERHSJ, 3: 540]	uină	Krash. Slav. <i>ujna</i> , cf. Ban. reg. <i>uină</i> [DLRLC 1955–1957]
32.	tetak 'paternal aunt's husband'	Proto-Slav. *tetъka [ERHSJ, 3: 446–447]	mătușoniu	calque from BCSM <i>tetak</i>
33.	strina 'paternal uncle's wife'	Proto-Slav. *stryjь [ERHSJ, 3: 344]	strina	Krash. Slav. <i>strina</i>
34.	tetak 'maternal aunt's husband'	Proto-Slav. *tetъka [ERHSJ, 3: 446–447]	mătușoniu	calque from BCSM <i>tetak</i>
35.	tast 'father-in-law (for a man)'	Proto-Slav. and Old Slav. <i>tъstъ</i> [ERHSJ, 3: 445–446]	socru	Lat. <i>socrus</i> [DEX 2009]
36.	tašta 'mother-in-law (for a man)'	Proto-Slav. and Old Slav. <i>tъstъ</i> [ERHSJ, 3: 445–446]	soacră	Lat. <i>socrus</i> [DEX 2009]
37.	svekar 'father-in-law (for a woman)'	Proto-Slav. and Old Slav. * <i>svekrъ</i> [ERHSJ, 3: 370]	socru	Lat. <i>socrus</i> [DEX 2009]
38.	svekrva 'mother-in-law (for a woman)'	Proto-Slav. and Old Slav. * <i>svekrъ</i> [ERHSJ, 3: 370]	(mamă-) soacră	child speech word, see Lat. <i>mamma</i> [DER 2001]; Lat. <i>socrus</i> [DEX 2009]
39.	zet 'son-in-law'	Proto-Slav. and Old Slav. <i>zъtъ</i> [ERHSJ, 3: 651–652]	ginere	Lat. <i>gener</i> [MDA2 2010]
40.	snaja 'daughter-in-law'	Proto-Slav. and Old Slav. * <i>snъxa</i> [ERHSJ, 3: 297]	noră	Lat. <i>nurus</i> [DER 2001]

	Carașova	Etymology/motivation	Iabalcea	Etymology/motivation
41.	šurnjak, bajco 'brother-in-law (wife's brother)'	Proto-Slav. *šurь [ERHSJ, 3: 424]; Balkan Turkism [БСРЛ 2012: 46–48]	cumnat, baițo	Lat. <i>cognatus</i> [DER 2001]; Krash. Slav. <i>bajco</i>
42.	jetrva, cejko 'sister-in-law (brother in law's wife)'	Proto-Slav. *jetry [ERHSJ, 1: 779]; child speech word [БСРЛ 2012: 685]	cumnatǎ, țeico	Lat. <i>cognatus</i> [DER 2001]; Krash. Slav. <i>cejko</i>

Among the peculiarities of the affinal relationship, it is worth noting the almost complete rejection of special terms denoting siblings (and their spouses) of both husband and wife. The words 41. *šurnjak* and 42. *jetrva* are considered to be archaic; they and other lexemes in this category (*zaova*, *zaovac*, *svastika*, *svak* etc.) used in BCSM dialects [МДАБЯ 2006: 176, 182, 192]) are replaced by vocatives masc. *bajco* and fem. *cejko*, in the case where the addressee is older than the speaker; otherwise personal names are used. In Iabalcea, the affinal relationship system is even more simplified; according to the East-Romance model, for the notion of “father-in-law” from both sides (husband's and wife's), the same lexemes are used, just as in the case of all their siblings (and the siblings' spouses) 41. *cumnat*, 42. *cumnatǎ*. The vocatives (masc. *baițo* and fem. *țeico*) are also used in this village.

III. Conventional (spiritual) relationship and social/marital status

	Carașova	Etymology/motivation	Iabalcea	Etymology/motivation
43.	kum 'godfather'	Proto-Slav. *kumь [ЭССЯ, 13: 100–102]	nașu	Lat. <i>nun</i> [DLRLC 1955–1957]
44.	kuma 'godmother'	Proto-Slav. *kumь [ЭССЯ, 13: 100–102]	nașǎ	Lat. <i>nun</i> [DLRLC 1955–1957]
45.	baba 'midwife'	Proto-Slav. and Old Slav. <i>baba</i> [ERHSJ, 1: 82–83]	babǎ, moașǎ	Krash. Slav. <i>baba</i> , but also all-Rom. Slavism [DER 2001]; unknown etym.
46.	oțul 'stepfather'	Proto-Slav. and Old Slav. <i>otъcъ</i> [ERHSJ, 2: 576–577]	tata vitrik, mășcioni	Lat. <i>vitricus</i> [DEX 2009]; local word unknown etym., poss., from Slav. stem <i>mati-</i>
47.	mat'eja 'stepmother'	Proto-Slav. *matjexa (cf. BCSM <i>mačeha</i>) [ERHSJ, 2: 346]	mama vitrigǎ, mășcioan'e	Lat. <i>vitricus</i> [DEX 2009]; local lexeme (unknown etym.), poss., from Slav. stem <i>mati-</i>

	Carașova	Etymology/motivation	Iabalcea	Etymology/motivation
48.	posinak 'stepson'	Proto-Slav. and Old Slav. <i>synъ</i> [ERHSJ, 3: 237]	copil înfiat	unknown etym., cf. Alb. <i>kopil</i> [DER 2001; Kostallari 1980: 867]; Lat. <i>filius</i> [DEX 2009]
49.	posinkinja 'stepdaughter'	Proto-Slav. and Old Slav. <i>synъ</i> [ERHSJ, 3: 237]	fată înfiată	Lat. <i>feta</i> [DEX 2009]; Lat. <i>filius</i> [DEX 2009]
50.	braća od mlēka 'milk brothers'	Proto-Slav. and Old Slav. <i>bratrъ</i> [ЭССЯ, 2: 120]; Proto-Slav. * <i>melko</i> [ERHSJ, 2: 442–443]; calque from Rom. <i>frațe dă lapce</i>	frațe dă lapce	Lat. <i>frater</i> [DER 2001]; Lat. <i>lactem</i> [DER 2001]
51.	feljen 'godson'	Lat. <i>filianus</i> [DEX 2009]	fin	Lat. <i>filianus</i> [DEX 2009]
52.	feljena 'goddaughter'	Lat. <i>filianus</i> [DEX 2009]	fină	Lat. <i>filianus</i> [DEX 2009]
53.	rot 'kin'	Proto-Slav. and Old Slav. <i>rodъ</i> [ERHSJ, 3: 151–153]	neam	Hung. <i>nem</i> , related to Slav. <i>němŭ</i> 'barbarian' [DER 2001]
54.	dete u kiki 'illegitimate infant'	Proto-Slav. and Old Slav. <i>děť</i> [ЭССЯ, 5: 12–13]; Proto-Slav. and Old Slav. <i>kyka</i> [ERHSJ, 2: 79]	copil în flori, copil în chică	unknown etym., cf. Alb. <i>kopil</i> [DER 2001; Kostallari 1980: 867]; Lat. <i>fluores</i> [DER 2001]; Proto-Slav. and Old Slav. <i>kyka</i> [ERHSJ, 2: 79]
55.	sirak 'orphan'	Proto-Slav. and Old Slav. <i>sirъ</i> [ERHSJ, 3: 243]	orfan	Lat. * <i>orphanus</i> or M. Gr. <i>ὀρφανοτροφείον</i> [DER 2001]
56.	velika defka 'old maid'	Proto-Slav. and Old Slav. <i>velikъ</i> [HJP 2006–2018]; Proto-Slav. * <i>děva</i> , cf. * <i>děvica</i> [ЭССЯ, 5: 22–23]; calque from Rom. <i>fată mare</i>	fată mare	Lat. <i>feta</i> [DEX 2009]; Lat. <i>marem</i> [DEX 2009]
57.	veliki fofli 'bachelor'	Proto-Slav. and Old Slav. <i>velikъ</i> [HJP 2006–2018]; Rom. per. <i>foflea</i> [MDA2 2010]	june	Lat. <i>juvenis</i> [DER 2001]

The terms listed above are not necessarily kinship terms in a narrow sense; however, they do characterise social/marital/familial ties among the Krashovani speakers of Slavic and Romanian varieties. Certain elements of this category cannot be traced in terms of Slavic influence on Romanian systems or vice-versa, as, for instance, those referring to the institution of midwives (45. *baba/babă, moaşă*) or godparents (43. *kum/naşu*, 44. *kuma/naşă*) were characteristic for both Romanian and South Slavic cultures [CД 1995: 124–125; ALR I 1942: h. 212]. Other notions are easier to match with one of these cultures, e.g. milk brothers, as it is traditionally associated with Slavic (but also Islamic) cultures, although in the Slavic Krashovani variety the functions of the preposition *od* are extended under the influence of the Romanian syntax in 50. *braća od mļeka/fraće dă lapće*. Generally, this category is rich in calques, but those will be discussed in more detail in section 7.

6. Kinship terminology: etymologies

Most of the *Krashovani Slavic terms* ascend to the Proto-Slavic stems: 1. *roditelji, starešina* [ERHSJ, 3: 151–153; ERHSJ, 3: 328]; 4., 54. *děte* [ЭССЯ, 5: 12–13]; 5., 56. *děfka* [ЭССЯ, 5: 22–23]; 6. *brat* [ЭССЯ, 2: 120]; 7. *sestra* [ERHSJ, 3: 226]; 10. *děda* [ERHSJ, 1: 388–389]; 11. *majka* [ERHSJ, 2: 365; ЭССЯ, 17: 135–136]; 14., 21. *unuk* [ERHSJ, 3: 545]; 15., 22. *unuka* [ERHSJ, 3: 545]; 16. *blizanci*; 17. *ujka* [ERHSJ, 3: 540]; 18., 20. *tetka* [ERHSJ, 3: 446–447]; 19. *striča* [ERHSJ, 3: 344]; 23. *prvi* [ERHSJ, 3: 61]; 24. *prva* [ERHSJ, 3: 61]; 25. *drugi* [ЭССЯ, 5: 132]; 26. *druga* [ЭССЯ, 5: 132]; 27. *muž* [ERHSJ, 2: 492–493]; 28. *žena* [ERHSJ, 3: 677]; 29. *prijetelji* [ERHSJ, 3: 40–41]; 30. *pretelice* [ERHSJ, 3: 40–41]; 31. *ujna* [ERHSJ, 3: 540]; 32., 34. *tetak* [ERHSJ, 3: 446–447]; 33. *strina* [ERHSJ, 3: 344]; 35. *tast* [ERHSJ, 3: 445–446]; 36. *tašta* [ERHSJ, 3: 445–446]; 37. *svekar* [ERHSJ, 3: 370]; 38. *svekrva* [ERHSJ, 3: 370]; 39. *zet* [ERHSJ, 3: 651–652]; 40. *snaja* [ERHSJ, 3: 297]; 41. *šurnjak* [ERHSJ, 3: 424]; 42. *jetrva* [ERHSJ, 1: 779]; 43. *kum* [ЭССЯ, 13: 100–102]; 44. *kuma* [ЭССЯ, 13: 100–102]; 45. *baba* [ERHSJ, 1: 82–83]; 46. *očul* [ERHSJ, 2: 576–577]; 47. *mat'eja* [ERHSJ, 2: 346]; 48. *posinak* [ERHSJ, 3: 237]; 49. *posinkinja* [ERHSJ, 3: 237]; 50. *braća* [ЭССЯ, 2: 120]; 50. *mļeko* [ERHSJ, 2: 442–443]; 53. *rot* [ERHSJ, 3: 151–153]; 55. *sirak* [ERHSJ, 3: 243]; 56. *velika* [HJP 2006–2018]; 57. *veliki* [HJP 2006–2018].

As expected, there are some borrowings from the Romanian language: 23. (*prvi*) *varul* < Rom. *văr* ‘cousin’ + definite postpositive article *-ul*, 24. (*prva*) *verişora* < Rom. *verişoară* + definite postpositive article *-a* [DEX 2009]—in this case, as well as in 25. *drugi varul* and 26. *druga verişora*, we are dealing with simultaneous borrowing and calquing¹⁸ of language material. The case of

¹⁸ More precise terms for this processes are *matter borrowing*, or *transfer of lexical material*, and *pattern borrowing*, or *imposition* [Haspelmath 2009; Coetsem 1988; Morozova 2019].

51. *feljen*, 52. *feljena* < Lat. *filianus* (cf. standard Romanian *fin* ‘godson’) [DEX 2009] is important for the discourse about Romano-Slavic contact in Karashevo, as these lexemes clearly demonstrate how old this contact is. M. Radan refers to this borrowing as “another proof of the fact that Krashovani have been living in Banat since time immemorial” [Радан 2006: 71]. Apparently, 57. *fofli* ascends to Rom. reg. *foflea* ‘layabout’ [MDA2 2010]. 54. *Đete u kiki*, 50. *braća od mleka*, 56. *velika đefka* are calqued from corresponding Romanian expressions, although 54. *đete u kiki* (inner form “child in hair”) seems to be a local Krashovani derivate (cf. standard Romanian *copil din flori*, inner form “child from flowers” [DEX 2009]).

It is worth noting that the Turkism *čukun-* в 12. *čukundeda*, 13. *čukunmajka* [HJP 2006–2018], which is characteristic of Balkan Slavic, can be found only in the Krashovani Slavic dialect (and is absent in the dialect of Iabalcea).

The words 8. *bajca* and 9. *cejka* can be attributed to the Bulgarian dialect area. According to the “Dictionary of Bulgarian Kinship Terms”, the first one may be of Turkish origin [БСПЛ 2012: 46–48], and the second one is a child speech word [БСПЛ 2012: 685].

The kinship lexics from Iabalcea is a more heterogeneous code compared to the Krashovani Slavic one. Most of the words in it are of Eastern Romance origin; they often have phonetic features of the Romanian Banat dialect: 1. *părinți*, *neamuri* [DER 2001], 5. *fată* [DEX 2009], 6. *frațe* [DER 2001], 7. *soră* [DER 2001], 13. *bătrân* [DEX 2009], 14., 21. *nepot* [DER 2001], 15., 22. *nepoată* [DER 2001], 16. *gemeni* [DER 2001], 23. *văru-ntâi* [DER 2001], 24. *verișoară* [DER 2001], 25. *văru al doilea* [DER 2001], 26. *verișoară a doua* [DER 2001], 27. *bărbatu* [DEX 2009], 28. *muier’e* [DER 2001], 29. *cuscri* [DER 2001], 30. *cuscre* [DER 2001], 35., 37. *socru* [DEX 2009], 36., 38. *soacră* [DEX 2009], 39. *ginere* [MDA2 2010], 40. *noră* [DER 2001], 41. *cumnat* [DER 2001], 42. *cumnată* [DER 2001], 43. *naș* [DLRLC 1955–1957], 44. *nașă* [DLRLC 1955–1957], 46. *vitrik* [DEX 2009], 47. *vitrigă* [DEX 2009].

Words of unknown etymology are another relatively large group: 4., 48., 54. *copil* is a lexeme of unknown origin, supposedly autochthonous (cf. Alb. *moshë*, *kopil*) [DER 2001; Kostallari 1980: 867], as well as 12. *moșu*, 45. *moașă* (cf. Alb. *moshë* [DER 2001]). The word 32. and 34. *mătușoni* is also used by Romanians from the neighbouring microregion Almăj (Rom. *Valea Almăjului*); I assume it is a calque formed using the Slavic pattern *tetak* < *tetka* = *mătușoni* < *mătușă*¹⁹. This lexeme is not a unique example of correspondences between the microregions of Karashevo and Almăj. For instance, the word 11. *maică* in the Almăj variety of the Romanian Banat dialect, as well as in the Krashovani dialects, is used in the meaning of “grandmother” [ЭССЯ,

¹⁹ The word *mătușoni* can be found in the 20th century regional prose, e.g. the novel “White letter” (Rom. “Litera albă”) by Viorel Marineasa, see a review on it: [Urian 2014].

17: 135–136], and 13. *maică bătrână* means “great grandmother”, both in the Almăj village of Bozovici and in Iabalcea [Радан Ускату 2016; Vulpe 1986: 130; Конѐр 2020]. 46. *Mășcioni* and 47. *mășcioan* ‘e also seem to be local derivatives (as we do not find them elsewhere), which could ascend to the Slavic stem *mati-*, although their precise etymology is unclear. The case of 23. *văru-ntâi* is quite similar, as it is a local term created using the “Romanian means” (i.e. the stem exists in Romanian, but the word itself does not).

In the Iabalcea code, we can observe multiple direct inserts from the Krashovani Slavic dialect:²⁰ 8. *baiță*, 9. *țeică*, *țeță*, 10. *deda*, 11. *maică*, 17. *uică*, 31. *uină*, 19. *stricea*, 33. *strina*, 18., 20. *tetcă*. However, it is not uncommon for the Krashovani Slavic correspondences to be used along with the Romanian words in the dialect of Iabalcea. Among kinship terms there is only one such case (7. *soră* and *sestra*), but there are more if we take a look at the wedding rank terminology: local people use both (*s*)*tărisfat* and *nașu mic* ‘groom’s man’, (*s*)*tărisfaja* and *nașă mică* ‘groom’s man’s wife’, *mlada* and *mireasă* ‘bride’. I suppose that alternating Krashovani Slavic and Romanian words is generally peculiar to the inhabitants of Iabalcea, as they (especially elder people) tend to insert Krashovani Slavic words freely while speaking the local Romanian dialect.

To summarise this section, the following issues are noteworthy:

1) on the denotatum level, the kinship systems in both villages are identical;

2) on the significatum level, the Krashovani Slavic code (village of Carașova) is an archaic South Slavic code with a few Turkish and Romanian borrowings, while the Krashovani Romanian code (village of Iabalcea), being mainly of Eastern Romance origin, contains multiple southern Slavic (Krashovani) elements, integrated and adapted in local people’s speech, as well as some words of unknown etymology;

3) there is a special link between the two codes mentioned above, conditioned by the unity of spiritual cultures in both villages, which manifests itself regardless of the use of different languages by Slavic-speaking and Romanian-speaking Krashovani.

In the following section, I will try to analyze this link in greater depth.

²⁰ According to “A Linguistic Atlas of the Romanian language” and “A Dictionary of the Banat dialect”, in other Romanian Banat dialects, the following South Slavic kinship terms are used: *brată* (in the meaning of “elder half-brother”) [ALR I 1942: h. 161; DSB 1988: 108], *diedă* [ALR I 1942: h. 169], *divăr* [ALR I 1942: h. 161], *secă* [ALR I 1942: 203], *strină* [ALR I 1942: h. 203], *tetac* [ALR I 1942: h. 166], *tetă* [ALR I 1942: h. 167], *uică* [ALR I 1942: h. 165], *uină* [ALR I 1942: h. 168]. Slavic terminology of kinship is especially noticeable in the dialect of the village of Checea, located on the border with Serbia, where both Serbian and Croatian national minorities live.

7. Kinship terminology: patterns and mechanisms of borrowing

Once the kinship term etymologies from both villages were established, it became possible to reconstruct the *direction* and *mechanism* of borrowing. This reconstruction needs explanation. When talking about direction of borrowing, we generally consider two main clusters of processes: a) archaic mutual influence which resulted in South Slavisms in Romanian, which are especially visible in the Banat dialect; b) old and new local borrowings which have been taking place between the Krashovani dialects of South Slavic (Caraşova and five other villages) and Eastern Romance origin (the dialect of Iabalcea). As for the mechanisms of borrowing, three principal strategies were identified: (a) borrowing (matter borrowing);²¹ (b) calquing (pattern borrowing);²² (c) so-called equivalent translation²³, which, as far as I know, has not previously been discussed as a separate category in lexicological and language contact studies. The idea is that an equivalent translation strategy links those lexical units that were not affected by any of the two main contact-related processes—borrowing (a) or calquing (b)—under conditions of intimate (or even symbiotic) language contact and closeness of the contacting communities' cultures. The following list shows cases of borrowing.

	Caraşova	Mechanism & direction	Iabalcea
2.	<i>mama</i>	← ↓ →	<i>mama</i> ²⁴
8.	<i>bajca</i>	← ↓ → ₁ → ₂	<i>baiţă</i> ²⁵
9.	<i>cejka</i>	→	<i>ţeică, ţeţă</i>
10.	<i>dēda</i>	→	<i>dēda</i>
11.	<i>majka</i>	→	<i>maică</i>
17.	<i>ujka</i>	→	<i>uică</i>
18.	<i>tetka</i>	→	<i>tetcă</i>
19.	<i>striča</i>	→	<i>stricea</i>
20.	<i>tetka</i>	→	<i>tetcă</i>

²¹ These cases are marked with the symbols «→» (Slavic to Romanian), «←» (Romanian to Slavic), or «↓» for external borrowings (e.g. Turkisms).

²² Semantic calques are marked with «←», «⇒», «⇔»; loan translations with «C», «▷»; phraseological and syntactical calques with «⊆», «⊇» and loan blends, or partial calques, «↔», «↗».

²³ This symbol («↔») marks a pair in which the designated notion is a common concept or it is equally present in the culture of Banat Romanians and South Slavs.

²⁴ This lexeme is an Indo-European one with the widest distribution area; hence, this pair can only be marked as "mutual borrowing" conventionally.

²⁵ The first set of symbols (marked with the subindex 1) is applicable if the word is of Turkish origin; the second one (marked with the subindex 2) if it ascends to Proto-Slav. **batę*, which is phonetically doubtful.

	Carașova	Mechanism & direction	Iabalcea
31.	<i>ujna</i>	→	<i>uină</i>
33.	<i>strina</i>	→	<i>strina</i>
41.	(<i>šurnjak</i>), <i>bajco</i>	(\Leftrightarrow) →	(<i>cumnat</i>), <i>baițo</i> ²⁶
42.	(<i>jetrva</i>), <i>cejko</i>	(\Leftrightarrow) →	(<i>cumnată</i>), <i>țeico</i>
45.	<i>baba</i>	→ (\Leftrightarrow)	<i>babă</i> , (<i>moașă</i>)
51.	<i>feļjen</i>	←	<i>fin</i>
52.	<i>feļjena</i>	←	<i>fină</i>

As can be observed, most of the borrowing went from Slavic to Romanian; in particular, together with the Slavic sibling system, many respective terms are borrowed with minimal phonetical adaptation (17. *ujka/uică*, 18. *tetka/tetcă*, 19. *striča/stricea* etc.). The exception here is 51. *feļjen/fin* and 52. *feļjena/fină*, but I suppose it is not accidental that these terms belong to the social (or spiritual) kinship category. 8. *Bajca/baiță* and 9. *cejka/țeică*, *țeță* represent an interesting case of compromise between two kinship and terminological systems.

The fragments of the Krashovani kinship system affected by calquing are given below.

	Carașova	Mechanism & direction	Iabalcea
21.	<i>unuk</i>	⇐	<i>nepot</i>
22.	<i>unuka</i>	⇐	<i>nepoată</i>
32.	<i>tetak</i>	⊃	<i>mătușoniu</i>
34.	<i>tetak</i>	⊃	<i>mătușoniu</i>
50.	<i>braća od mleka</i>	⊆	<i>fraće dă lapće</i>
54.	<i>dete u kiki</i>	⊆	<i>copil în flori, copil în chică</i>
56.	<i>velika dečka</i>	⊆	<i>fată mare</i>
12.	<i>čukundeda</i>	⇒	<i>deda-moșu</i>
13.	<i>čukunmajka</i>	⇒	<i>maică bătrână</i>
23.	<i>prvi varul</i>	⇌	<i>văru-ntâi</i>
24.	<i>prva verišora</i>	⇌	<i>verișoară</i>
25.	<i>drugi varul</i>	⇌	<i>văru al doilea</i>
26.	<i>druga verišora</i>	⇌	<i>verișoară a doua</i>

The fact that these are all possible kinds of calques in the Krashovani kinship terminology, and they are present in all categories of kinship, seems quite significant to me. It is, actually, another proof of the possibility of intertranslating whole parts of bilingual terminology, if the speakers' cultures are identical

²⁶ *Bajco* and *cejko* are terms which could be considered as "intermediary" between the two analysed kinship vocabularies.

or very similar to each other. The same models, or patterns, are used, while the language material itself comes from different languages.

Finally, the following pairs reflect a specific process of equivalent translation.

	Carașova	Mechanism & direction	Iabalcea
1.	<i>roditeļji, starešina</i>	↔	<i>părinți, néamuri</i>
3.	<i>nena</i>	↔	<i>tată</i>
4.	<i>dete</i>	↔	<i>copilu</i>
5.	<i>deřka</i>	↔	<i>fată</i>
6.	<i>brat</i>	↔	<i>fraće</i>
7.	<i>sestra</i>	↔	<i>soră</i>
14.	<i>unuk</i>	↔	<i>nepot</i>
15.	<i>unuka</i>	↔	<i>nepoată</i>
16.	<i>blizanci</i>	↔	<i>gemeni</i>
29.	<i>prijetelji</i>	↔	<i>cuscri</i>
30.	<i>pretelice</i>	↔	<i>cuscre</i>
27.	<i>muř</i>	↔	<i>bărbatu</i>
28.	<i>řena</i>	↔	<i>muier'e</i>
35.	<i>tast</i>	↔	<i>socru</i>
36.	<i>tařta</i>	↔	<i>soacră</i>
37.	<i>svekar</i>	↔	<i>socru</i>
38.	<i>svekrva</i>	↔	<i>soacră</i>
39.	<i>zet</i>	↔	<i>ginere</i>
40.	<i>snaja</i>	↔	<i>noră</i>
43.	<i>kum</i>	↔	<i>nașu</i>
44.	<i>kuma</i>	↔	<i>nașă</i>
46.	<i>očul</i>	↔	<i>tata vitrik, mășcioni</i>
47.	<i>mat'eja</i>	↔	<i>mama vitrigă, mășcioan'e</i>
48.	<i>posinak</i>	↔	<i>copil înfiat</i>
49.	<i>posinkinja</i>	↔	<i>fată înfiată</i>
53.	<i>rot</i>	↔	<i>néam</i>
55.	<i>sirak</i>	↔	<i>orfan, orfană</i>
57.	<i>veliki fofli</i>	↔	<i>june</i>

As mentioned in the monograph “Foundation of linguocultural anthropogeography of the Balkan Peninsula” (“Основы лингвокультурной антропогеографии Балканского полуострова”), Balkan linguistic researchers have had, among other tasks, the specific one of solving “the problem of interlingual identification of linguistic units and their functions in language contact (with distinction of the behaviour of speakers and the point of view of linguists

studying language facts)” [Соболев 2013: 61]. The discovery of equivalent translation between non-isomorphic structures could be an important step forward in solving this problem.

The mechanisms and directions of borrowing analysed above provide us with the following results.

	Slav. to Rom.	Rom. to Slav.	mutual
Borrowing	12	2	2
Calquing	5	7	0
“Equivalent translation”	0	0	28

The presence of all three main mechanisms in the lexical-semantic group of kinship terms (with the prevailing role of equivalent translation) proves the intensity of the language contact in the microregion, which also took place in the most intimate form, i.e. marriages between speakers of different languages, which evidently used to happen in the past, despite the alleged strict endogamy.

8. Conclusion

In one of her recent talks, F. Lüpke noticed that “multilingualism is maintained as long as different named languages fulfil social indexical functions and communicate function in a particular language ecology” [Lüpke 2019]. Along with the global processes of disintegration of traditional communities, nuclearisation of families, growing levels of labour migration flow and moving to big cities, dialect terminology related to the kinship system is gradually disappearing. In this situation, it is extremely important to gather field data, working with elder generations of local people, to yield “finer-grained” linguistic data that could give us some useful insights in building a typology of contact situations, and in linking the conditions and outcomes of the contact.

The study of kinship terms functioning in the conditions of a symbiotic society with shared cultural practice but two different languages as L1 showed us that the same rite (or action, or object, or kinship system element) can be reflected in speech with the use of two coding systems. The equivalent translation mechanism makes the vocabulary of the spiritual culture of bilingual (but monocultural) communities more flexible and fluid, not only in comparison with the monolingual environment, but also in comparison with bilinguals of other, less-close types of contact settings. I suppose the reason for this is that, in order to borrow language material, members of such communities did not have to turn to a “foreign” language, since they could freely use “their own” material. Thus, we are dealing not only with an intra-linguistic motivation for interference, but also with complex psycho-social mechanisms implying

(self-)representation in society, constructing (and “wearing”) identities, and the evolution of the notion of *kin* through many centuries.

Unfortunately, we as linguists lack reliable sources from the past and, thus, do not always have the tools to prove or disprove the hypotheses concerning the undocumented facts of a community’s language history. However, tracing down the mechanisms and patterns of changes at different levels of language, we can get closer to understanding the specifics of contact: its duration, its direction and its (a)symmetry, and—by adding available historical, anthropological and, maybe, quantitative linguistic data—possibly get a clue about the social conditions of a given interaction of languages.

Bibliography

Dictionaries and linguistic atlases

ALR 1 1942

Pușcariu S., coord., *Atlasul lingvistic român*, 1, 2: *Familia, Nașterea, Botezul, Copilăria, Nunta și Moartea*, Sibiu, 1942.

DER 2001

Ciorănescu A., *Dicționarul etimologic român*, București, 2001.

DEX 2009

Coteanu I., Seche L., Seche M., *Dicționarul explicativ al limbii române*, ediția a II-a revăzută și adăugită, București, 2009.

DLRLC 1955–1957

Marcea D., Petrovici E., Rosetti A. et. al., coord., *Dicționarul limbii române literare contemporane în 4 vol.*, București, 1955–1957.

DSB 1988

Șerban V., coord., *Dicționarul subdialectului bănățean*, 4, Bîca–Buzunar. Timișoara, 1988.

ERHSJ, 1

Skok P., *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, 1: A–J, Zagreb, 1971.

ERHSJ, 2

Skok P., *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, 2: K–poni, Zagreb, 1972.

ERHSJ, 3

Skok P., *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, 3: poni–Ž, Zagreb, 1973.

Kostallari 1980

Kostallari A., kryered., *Fjalor i gjuhës së sotme shqipe: (me rreth 41.000 fjalë)*, Tiranë, 1980.

MDA2 2010

Mic dicționar academic, 1–2, București, 2010.

БСРЛ 2012

Младенов М., ред., *Българска семейно-родова лексика. Енциклопедичен речник*. София, 2012.

МДАБЯ 2006

Соболев А. Н., ред., *Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая*, 2: *Человек. Семья*, München, 2006.

СД 1995

Толстой Н. И., отв. ред., *Славянские древности*, 1: А (Август) – Г (Гусь), Москва, 1995.

ЭССЯ, 2

Трубачёв О. Н., ред., *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, 2, Москва, 1975.

ЭССЯ, 5

Трубачёв О. Н., ред., *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, 5, Москва, 1978.

ЭССЯ, 13

Трубачёв О. Н., ред., *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, 13, Москва, 1987.

ЭССЯ, 17

Трубачёв О. Н., ред., *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, 17, Москва, 1990.

ЭССЯ, 24

Трубачёв О. Н., ред., *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, 24, Москва, 1997.

Internet sources

HJP 2006–2018

Hrvatski jezični portal, Zagreb, 2006–2018 (<http://hjp.znanje.hr/>).

Literature

Aikhenvald 2007

Aikhenvald A. Y., Grammars in Contact: A Cross-Linguistic Perspective, A. Y., Aikhenvald, R. M. W. Dixon, eds., *Grammars in Contact: a Cross-Linguistic Typology*, Oxford, 2007, 1–66.

Barth 1969

Barth F., Introduction, Barth F., ed., *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference*, Bergen, 1969, 9–38.

Brandl, Walsh 1982

Brandl M. M., Walsh M., Speakers of many tongues: Toward understanding multilingualism among Aboriginal Australians, *International Journal of the Sociology of Language*, 36, 1982, 71–81.

Buzărnescu, Pribac 2002

Buzărnescu Ș., Pribac S., Sursele istorico-antropologice ale interculturalității interactive din Banat, R. Poledna, F. Ruegg, F. C. Rus, coord., *Interculturalitate. Cercetări și perspective românești*, Cluj-Napoca, 2002, 164–177.

Clark 1994

Clark R., The Polynesian Outliers as a locus of language contact, T. Dutton, D. T. Tryon, eds., *Language Contact and Change in the Austronesian World*, Berlin, New York, 1994, 109–140.

Clewing, Schmitt 2011

Clewing L., Schmitt J. O., eds., *Geschichte Südosteuropas: Vom frühen Mittelalter bis zur Gegenwart (Kulturgeschichte)*, Regensburg, 2011.

Coetsem 1988

Coetsem F., van, *Loan phonology and the two transfer types in language contact*, Dordrecht, 1988.

Di Carlo 2016.

Di Carlo P., Multilingualism, Affiliation, and Spiritual Insecurity: From Phenomena to Processes in Language Documentation, S. Mandana, ed., *African language documentation: New data, methods and approaches*, 2016, 71–104.

- Dobrushina, Khanina 2018
Dobrushina N., Khanina O., The typology of small-scale multilingualism, *Call for papers of conference "Typology of small-scale multilingualism"*, in April 15–17, 2019, Lion (<https://ilcl.hse.ru/>).
- François 2012
François A., The dynamics of linguistic diversity: Egalitarian multilingualism and power imbalance among northern Vanuatu languages, *International Journal of the Sociology of Language*, 214, 2012, 85–110.
- Friedman, Joseph 2017
Friedman V. A., Joseph B. D., Reassessing sprachbunds: A view from the Balkans, R. Hickey, ed., *The Cambridge Handbook of Areal Linguistics*, Cambridge, 2017, 55–87.
- Givón 2002
Givón T., *Bio-Linguistics: the Santa Barbara lectures*, Philadelphia, PA, 2002.
- Grant 2020
Grant A., *The Oxford Handbook of language contact*, New York, 2020.
- Haspelmath 2009
Haspelmath M., Lexical borrowing: Concepts and issues, M. Haspelmath, U. Tadmor, eds., *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook*, Berlin, 2009, 35–54.
- Hurezan, Colta 2002
Hurezan P., Colta E. R., ed., *Interetnicitate în Europa Centrală și de Est. Lucrările Simpozionului Internațional Interdisciplinar*, Arad, 2002.
- Jourdan 2007
Jourdan C., Linguistic paths to urban self in postcolonial Solomon Islands, M. Makihara, B. B. Schieffelin, eds., *Consequences of Contact*, Oxford, 2007, 30–48.
- Konior 2018
Konior D. V., Text of the Krashovani traditional wedding in the light of Romano-Slavic contact in the Balkans, *Romanoslavica*, 54 (3), 2018, 102–122 (in print).
- Lehman 2001
Lehman R., *Symbiosis and ambivalence: Poles and Jews in a small Galician town*, New York, Oxford, 2001.
- Lüpke 2016
Lüpke F., Uncovering Small-Scale Multilingualism, *Critical Multilingualism Studies*, 4 (2), 2016, 35–74.
- 2019
Lüpke F., Multiple perspectives: Epistemological and methodological reflections on small-scale multilingualism. A talk at the conference *Typology of small-scale multilingualism*, Lyon, 2019.
- Makarova 2017
Makarova A. L., The discourse strategies of bilingual speakers of Macedonian, Aromanian and Albanian dialects in the Prespa region, *Proceedings of the 45th International Philological Conference, 2016. Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR)*, 122, 2017, 364–367.
- Morozova 2019
Morozova M. S., Language contact in social context: Kinship terms and kinship relations of the Mrkovići in southern Montenegro, *Journal of Language Contact*, 12, 2019, 305–343.
- Needham 2013
Needham R., *Rethinking Marriage and Kinship*, Hoboken, 2013.
- Nikolayeva 2014
Nikolayeva L., *Typology of kinship terms*, Frankfurt am Main, 2014.
- Petrovici 1943
Petrovici E., Daco-slava, *Dacoromania*, 10 (2), 1943, 1–45.

Radan Uscatu 2014

Radan Uscatu M.-R., *Botezul, nunta și funeraliile la carașoveni*, Timișoara, 2014.

Scurtu 1966

Scurtu V., *Termenii de înrudire în limba română*, București, 1966.

Simu 1939

Simu T., *Originea crașovenilor. Studiu istoric și etnografic*, Lugoj, 1939.

Singer, Harris 2016

Singer R., Harris S., What practices and ideologies support small-scale multilingualism? A case study of Waruwi Community, northern Australia, *International Journal of the Sociology of Language*, 241, 2016, 163–208.

Sobolev et al. 2020

Sobolev A. N., ed., *Between Separation and Symbiosis: Southeastern European Languages and Cultures in Contact*, Berlin, New York, 2020 (in print).

Szemerényi 1977

Szemerényi O., *Studies in the kinship terminology of the Indo-european languages: with special reference to Indian, Iranian, Greek, and Latin*, Leiden, 1977.

Tukey 1962

Tukey A., Kinship terminology in the Romance languages (Ph. D. Thesis, University of Michigan, 1962).

Urian 2014

Urian T., Caractere și destine, *Viața Românească*, 3–4, 2014 (<http://www.viataromaneasca.eu/revista/articol/1790/>).

Vulpe 1986

Vulpe M., Clasificarea distribuțională a termenilor de înrudire, *Anuar de lingvistică și istorie literară*, 31, 1986, 117–139.

Wilkins, Nash 2008

Wilkins D., Nash D., The European 'discovery' of a multilingual Australia: The linguistic and ethnographic successes of a failed expedition, W. McGregor, ed., *Encountering aboriginal languages: Studies in the history of Australian linguistics*, Canberra, 2008, 485–507.

Бјелетић 1994

Бјелетић М., Терминологија крвног сродства у српскохрватском језику, *Јужнословенски филолог*, 50, 1994, 199–207.

Бромлей 1963

Бромлей Ю. В., ред., *История Югославии*, 1. Москва, 1963.

Гура 2012

Гура А. В., *Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика*. Москва, 2012.

Жугра 1998

Жугра А. В., Албанские соционимы и система терминов родства, *Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства*, 2, С.-Петербург, 1998, 167–186.

Козак 2017

Козак В. В., Элементы романского происхождения в антропономастиконе глаголических надписей острова Крк, *Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXI. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского*, С.-Петербург, 2017, 389–403.

Конёр 2020

Конёр Д. В., Лексика свадебной обрядности в славянском и румынском идиомах карашевцев в исторической области Банат, (диссертация на соиск. степени канд. филологических наук, ИЛИ РАН, С.-Петербург, 2020).

Крстић 2010

Крстић А., Банат у средњем веку, М. Матицки, В. Јовић, ур., *Банат кроз векове*, Београд, 2010, 65–89.

Митровић 2004

Митровић М. С., Етничка слика Баната крајем 18. и почетком 19. века, *Истраживања*, 15, 2004, 125–134.

Морозова, Русаков 2018

Морозова М. С., Русаков А. Ю., Черногорско-албанское языковое пограничье: в поисках «сбалансированного языкового контакта», *Slověne*, 7/2, 2018, 258–302.

Павковић 2009

Павковић Н. Ф., *Банатско село. Друштвене и културне промене*, Нови Сад, 2009.

Попов 1995–2014

Попов В. А., отв. ред., *Алгебра родства: родство, системы родства, системы терминов родства*, С.-Петербург, 1995–2014.

Радан 2006

Радан М., Из свадбене лексики Карашевака, Г. П. Клепикова, А. А. Плотнокова, отв. ред., *Исследования по славянской диалектологии*, 12: *Ареальные аспекты изучения славянской лексики*, Москва, 2006, 64–75.

Радан Ускату 2016

Радан Ускату М.-Р., Сличности у свадбеном обичају Карашевака и румунских Алмажана — доказ о карашевско-алмашком суживоту у прошлости, *Исходишта*, 2, 2016, 199–214.

Соболев 2013

Соболев А. Н., *Основы лингвокультурной антропогеографии Балканского полуострова*, München, С.-Петербург, 2013.

——— 2017

Соболев А. Н., Языки симбиотических сообществ Западных Балкан: греческий и албанский в краине Химара, Албания, *Вестник СПбГУ. Язык и литература*, 14 (3), 2017, 420–442.

Соболев et al. 2018

Соболев А. Н., Кисилиер М. Л., Козак В. В., Конёр Д. В., Макарова А. Л., Морозова М. С., Русаков А. Ю., Южнославянские диалекты в симбиотических сообществах Балкан. Доклад на XVI Международном съезде славистов. Белград, 19–27 августа 2018 г., *Acta linguistica petropolitana*, 14 (2), 2018, 685–746.

Толстой 1982

Толстой Н. И., Из грамматики славянских обрядов, *Σημεῖωσις. Труды по знаковым системам*. 15: *Типология культуры и взаимное воздействие культур* (= Учёные записки Тартуского государственного университета = Acta et Commentationes Universitatis Tartuenssis, 576), Тарту, 1982, 57–71.

Трубачев 1959

Трубачев О. Н., *История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя*, Москва, 1959.

Узенёва 2010

Узенёва Е. С., *Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование*, Москва, 2010.

Хедешан, Голант 2007

Хедешан О., Голант Н. Г., Карнавал в румынском Банате: полевые исследования в Молдова–Ноуэ, *Антропологический форум*, 2007, 300–311.

References

- Aikhenvald A. Y., Grammars in Contact: A Cross-Linguistic Perspective, A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon, eds., *Grammars in Contact: a Cross-Linguistic Typology*, Oxford, 2007, 1–66.
- Barth F., Introduction, Barth F., ed., *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference*, Bergen, 1969, 9–38.
- Bjelečić M., Terminologija krvnog srodstva u srpskohrvatskom jeziku, *Južnoslovenski filolog*, 50, 1994, 199–207.
- Brandl M. M., Walsh M., Speakers of many tongues: Toward understanding multilingualism among Aboriginal Australians, *International Journal of the Sociology of Language*, 36, 1982, 71–81.
- Bromley Y. V., ed., *Istoriia Iugoslavii*, 1, Moscow, 1963.
- Buzărnescu Ș., Pribac S., Sursele istorico-antropologice ale interculturalității interactive din Banat, R. Poledna, F. Ruegg, F. C. Rus, coord., *Interculturalitate. Cercetări și perspective românești*, Cluj-Napoca, 2002, 164–177.
- Clark R., The Polynesian Outliers as a locus of language contact, T. Dutton, D. T. Tryon, eds., *Language Contact and Change in the Austronesian World*, Berlin, New York, 1994, 109–140.
- Clewing L., Schmitt J. O., eds., *Geschichte Südosteuropas: Vom frühen Mittelalter bis zur Gegenwart (Kulturgeschichte)*, Regensburg, 2011.
- Coetsem F., van, *Loan phonology and the two transfer types in language contact*, Dordrecht, 1988.
- Di Carlo P., Multilingualism, Affiliation, and Spiritual Insecurity: From Phenomena to Processes in Language Documentation, S. Mandana, ed., *African language documentation: New data, methods and approaches*, 2016, 71–104.
- François A., The dynamics of linguistic diversity: Egalitarian multilingualism and power imbalance among northern Vanuatu languages, *International Journal of the Sociology of Language*, 214, 2012, 85–110.
- Friedman V. A., Joseph B. D., Reassessing sprachbunds: A view from the Balkans, R. Hickey, ed., *The Cambridge Handbook of Areal Linguistics*, Cambridge, 2017, 55–87.
- Givón T., *Bio-Linguistics: the Santa Barbara lectures*, Philadelphia, PA, 2002.
- Grant A., *The Oxford Handbook of language contact*, New York, 2020.
- Gura A. V., *Brak i svad'ba v slavianskoi narodnoi kul'ture: semantika i simvolika*, Moscow, 2012.
- Haspelmath M., Lexical borrowing: Concepts and issues, M. Haspelmath, U. Tadmor, eds., *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook*, Berlin, 2009, 35–54.
- Hedesan O., Golant N. G., Carnival in the Romanian Banat: Field research in Moldova-Nouă, *Forum for Anthropology and Culture*, 2007, 300–311.
- Hurezan P., Colta E. R., ed., *Interetnicitate în Europa Centrală și de Est. Lucrările Simpozionului Internațional Interdisciplinar*, Arad, 2002.
- Jourdan C., Linguistic paths to urban self in postcolonial Solomon Islands, M. Makihara, B. B. Schieffelin, eds., *Consequences of Contact*, Oxford, 2007, 30–48.
- Konior D. V., Text of the Krashovani traditional wedding in the light of Romano-Slavic contact in the Balkans, *Romanoslavica*, 54 (3), 2018, 102–122 (in print).
- Kozak V. V., Elements of Romance origin in the anthroponymy of the Glagolitic inscriptions of the island Krk, *Indo-European linguistics and classical philology – XXI. Materialy chtenii, posviashchennykh pamiati professora I. M. Tronskogo*, St. Petersburg, 2017, 389–403.
- Krstić A., Banat u srednjem veku, M. Matički, V. Jović, ur., *Banat kroz vekove*, Beograd, 2010, 65–89.
- Lehman R., *Symbiosis and ambivalence: Poles and Jews in a small Galician town*, New York, Oxford, 2001.
- Lüpke F., Multiple perspectives: Epistemological and methodological reflections on small-scale multilingualism. A talk at the conference *Typology of small-scale multilingualism*, Lyon, 2019.
- Lüpke F., Uncovering Small-Scale Multilingualism, *Critical Multilingualism Studies*, 4 (2), 2016, 35–74.
- Makarova A. L., The discourse strategies of bilingual speakers of Macedonian, Aromanian and Albanian dialects in the Prespa region, *Proceedings of the 45th International Philological Conference*, 2016. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR)*, 122, 2017, 364–367.
- Mitrović M. S., Etnička slika Banata krajem 18. i početkom 19. veka, *Istraživanja*, 15, 2004, 125–134.
- Morozova M. S., Language contact in social context: Kinship terms and kinship relations of the Mrkovići in southern Montenegro, *Journal of Language Contact*, 12, 2019, 305–343.
- Morozova M. S., Rusakov A. Yu., Montenegrin-Albanian Linguistic Border: In Search of “Balanced Language Contact”, *Slověne*, 7 (2), 2018, 258–302.
- Needham R., *Rethinking Marriage and Kinship*, Hoboken, 2013.
- Nikolayeva L., *Typology of kinship terms*, Frankfurt am Main, 2014.
- Pavković N. F., *Banatsko selo. Društvene i kulturne promene*, Novi Sad, 2009.
- Petrovici E., Daco-slava, *Dacoromania*, 10 (2), 1943, 1–45.
- Popov V. A., ed., *Algebra rodstva: Rodstvo. Sistemy rodstva. Sistemy terminov rodstva*, St. Petersburg, 1995–2014.
- Radan M., Iz svadbene leksike Karaševaka, G. P. Klepikova, A. A. Plotnikova, eds., *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii*, 12: *Areal'nye aspekty izucheniia slavianskoi leksiki*, Moscow, 2006, 64–75.

Radan Uscatu M.-R., *Botezul, nunta și funeraliile la carașoveni*, Timișoara, 2014.

Radan Uscatu M.-R., Sličnosti u svadbenom običaju Karaševaka i rumunskih Almašana—dokaz o karaševsko-almaškom suživotu u prošlosti, *Ishodišta*, 2, 2016, 199–214.

Scurtu V., *Termenii de înrudit în limba română*, București, 1966.

Simu T., *Originea crașovenilor. Studiu istoric și etnografic*, Lugoj, 1939.

Singer R., Harris S., What practices and ideologies support small-scale multilingualism? A case study of Warruwi Community, northern Australia, *International Journal of the Sociology of Language*, 241, 2016, 163–208.

Sobolev A. N., ed., *Between Separation and Sym-biosis: Southeastern European Languages and Cultures in Contact*, Berlin, New York, 2020 (in print).

Sobolev A. N., Kisilier M. L., Kozak V. V., Koner D. V., Makarova A. L., Morozova M. S., Rusakov A. Yu., South-Slavic dialects in the symbiotic societies of the Balkan. Doklad na XVI Mezhdunarodnom s'ezde slavistov. Belgrad, 19–27 avgusta 2018 g., *Acta linguistica petropolitana*, 14 (2), 2018, 685–746.

Sobolev A. N., Languages in the Western Balkan symbiotic societies: Greek and Albanian in himara, Albania, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 14 (3), 2017, 420–442.

Sobolev A. N., *Osnovy lingvokul'turnoi antropogeografii Balkanskogo poluoostrova*, 1, München, St. Petersburg, 2013.

Szemerényi O., *Studies in the kinship terminology of the Indo-European languages: with special reference to Indian, Iranian, Greek, and Latin*, Leiden, 1977.

Tolstoy N. I., On the «Grammar» of Slavic Rites, *Sēmeiōtikē. Works on Semiotics*, 15: *Tipologiia kul'tury. Vzaïmnoe vozdeistvie kul'tur* (= Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis, 576), Tartu, 1982, 57–71.

Trubachev O. N., *Istoriia slavianskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneishikh terminov obshchestvennogo stroia*, Moscow, 1959.

Tukey A., Kinship terminology in the Romance languages (Ph. D. Thesis, University of Michigan, 1962).

Uzeneva E. S., *Bolgarskaia svad'ba: etnolingvističeskoe issledovanie*, Moscow, 2010.

Vulpe M., Clasificarea distribuțională a terminilor de înrudit, *Anuar de lingvistică și istorie literară*, 31, 1986, 117–139.

Wilkins D., Nash D., The European 'discovery' of a multilingual Australia: The linguistic and ethnographic successes of a failed expedition, W. McGregor, ed., *Encountering aboriginal languages: Studies in the history of Australian linguistics*, Canberra, 2008, 485–507.

Zhugra A. V., Albanskije sotsionimy i sistema terminov rodstva, *Algebra rodstva: Rodstvo. Sistemy rodstva. Sistemy terminov rodstva*, 2, St. Petersburg, 1998, 167–186.

Дарья Владимировна Конёр, кандидат филологических наук
младший научный сотрудник

Отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и
ареальных исследований

Института лингвистических исследований РАН

199053 С.-Петербург, Тучков пер., 9

Россия / Russia

dsuetina@yandex.ru

Received September 3, 2019

Надпись на плинфе
из Гродно (Пс 45: 6)
в контексте
византийско-русских
эпиграфических
связей*

**Андрей Юрьевич
Виноградов**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

Алексей Алексеевич Гиппиус

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

**Наталья Александровна
Кизиukeвич**

Учреждение культуры «Гродненский
государственный историко-
археологический музей»
Гродно, Беларусь

The Inscription on a
Brick from Grodno
(Ps 45: 6) in the
Context of Byzantine-
Russian Epigraphic
Links

Andrey Yu. Vinogradov

National Research University
Higher School of Economics
Moscow, Russia

Alexey A. Gippius

National Research University
Higher School of Economics
Institute for Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Natallia A. Kiziukevich

Hrodna State Historical
and Archeological Museum
Grodno, Belarus

* Авторы благодарят Д. Д. Ёлшина за помощь в подготовке статьи.

Цитирование: Виноградов А. Ю., Гиппиус А. А., Кизиukeвич Н. А. Надпись на плинфе из Гродно (Пс 45: 6) в контексте византийско-русских эпиграфических связей // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 1. С. 412–422.
Citation: Vinogradov A. Yu., Gippius A. A., Kiziukevich N. A. (2020) The Inscription on a Brick from Grodno (Ps 45: 6) in the Context of Byzantine-Russian Epigraphic Links. *Slověne*, Vol. 9, № 1, p. 412–422.
DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.1.15

Резюме

В статье публикуется уникальная надпись со вторым полустишием Пс 45: 6 на плинфе XII в. из раскопок «Мерной избы» на Замковой горе Гродно (Республика Беларусь). Традиция писать цитату Пс 45: 6 в церковных зданиях уходит в ранневизантийский период и связана с ее «апотропеическим» характером, который должен был предохранять здание от землетрясений. Начиная со средневизантийского периода фрагмент Пс 45: 6 встречается также на кирпичках. Большую роль в этой традиции сыграло «Сказание о Великой церкви», согласно которому полустишие Пс 45: 6 было написано по приказу Юстиниана на плинфах Св. Софии Константинопольской. Из Византии эта традиция попадает на Русь, где видим фрагмент Пс 45: 6, с одной стороны, по-гречески на мозаике над апсидой Св. Софии Киевской, а с другой — по-славянски на плинфе из гродненского храма второй половины XII в.

Ключевые слова

эпиграфика, псалмы, плинфа, Гродно, Древняя Русь, Византия

Abstract

The authors publish a unique inscription with the second half-verse of Psalm 45: 6 on a 12th century brick from the excavations of the “Mernaya izba” on the Castle hill of Hrodna (Grodno; Republic of Belarus). The tradition of writing Psalm 45: 6 in church buildings goes back to the Early Byzantine period and is associated with its “apotropaic” character, which should protect the building from earthquakes. From the middle Byzantine period Psalm 45: 6 is known to also appear on bricks. A great role in this tradition was played by the “Diegesis on the Great church”, according to which Psalm 45: 6 was written by order of Justinian on the plinth bricks of Hagia Sophia. From Byzantium, this tradition came to Rus’, where we see Psalm 45: 6 written, on the one hand, in Greek on the mosaic above the apse of St. Sophia in Kiev, and on the other hand, in Slavonic on a plinth brick from a church in Hrodna dating from the second half of the 12th century.

Keywords

Epigraphy, Psalms, plinth, Hrodna, Rus’, Byzantium

Замковая гора Гродно (Республика Беларусь) из небольшого поселения конца X в. превращается в XII в. в мощную крепость. В конце XIV в. Витовт возводит на месте деревянного каменно-кирпичный замок, а в 1583–1586 гг. Стефан Баторий полностью его перестраивает. Будучи одной из резиденций королей Речи Посполитой, в XVII–XVIII вв. замок пережил череду разрушений и переделок.

Работы по реставрации комплекса Старого замка начались в 2017 г. и включали в себя также археологические исследования на месте «Мерной

избы». Во внутреннем дворе вдоль оборонительной стены был заложен раскоп размерами 22×9 м. В нем был открыт развал сооружения из домонгольской плинфы (кроме 3 фрагментов кирпичей XIV в.): он имеет максимальную ширину 1 м и прослеживается на протяжении 2,5 м (с севера уходил в профиль). Все плинфы фрагментированы (ширина 14,2–14,5 см и толщина 3,4–5,1 см), сильно потрескались, имеют следы известкового раствора. В заполнении между кирпичами находилась глина, а сами они лежали на прослойке глины толщиной 2–12 см. Вдоль всего объекта с западной стороны были зафиксированы остатки деревянной конструкции, а весь объект представляет собой развал печи жилой постройки последней четверти XIV в.

Среди кирпичей обнаружилась и одна вторично использованная плинфа с надписью на положенной вниз стороне (см. ил. 1–2).

Ил. 1, 2. Фрагмент плинфы с Пс. 45: 6 из раскопок на Замковой горе Гродно. Прорись и фото

Кирпич был выполнен в разборной форме, обжиг равномерный; толщина — 4,1–5,3 см, ширина — 18,5 см, максимальная длина (верхний край обломан) — 14 см.

По этим двум параметрам плинфа относится к XII в., когда на Замковой горе Гродно были возведены Нижняя церковь, княжеский терем, постройка на мысу [Раппопорт 1993: 87–94] и, вероятно, кирпичные крепостные стены около дворца [Трусаў, Собаль, Здановіч 1993: 20–21]. Ни одно из сооружений не имеет точной абсолютной датировки, нет и единого мнения по поводу последовательности их возведения. Н. Н. Воронин связывал строительство Нижней церкви с первым гродненским князем Всеволодком (1116–1141), а остальные постройки датировал третьей четвертью века [Воронин 1954: 138]. П. А. Раппопорт, основываясь на стилистических особенностях построек, относил их к 1180–1190-м гг. [Раппопорт 1993: 87, 268]: как он считал, первой была возведена Коложская церковь в 1180–1183 гг., затем Нижняя — в 1183–1186 гг., и терем — в 1186–1188 гг. По мнению О. М. Иоаннисяна, первой была Нижняя церковь, а все здания возникли в 1175–1200 гг. [Иоаннисян 2015: 36, 44].

В Ипатьевской летописи под 1183 г. сообщается: «Городенъ погорѣ весь и ц(е)ркы каменная от блистания молниѣ и шибения грома» [ПСРЛ 2: 634]. Н. Н. Воронин предположил, что речь здесь идет о Нижней церкви, где им были выявлены два слоя разрушения. Довольно долгое время руины Нижней церкви возвышались в центре деревянной застройки, с чем Н. Н. Воронин связывал повторное использование кирпичей из развала ее стен: кирпичи выстилали часть пола в постройке № 8, служили основанием для постройки № 24, их «скопления» были зафиксированы в слое 1 [Воронин 1954: 127–129, 154–156, 160, 162, 175].

При раскопках 2017–2020 гг. также фиксировалось вторичное применение плинфы в деревянных постройках, особенно часто для пода печей и для подпор вкопанных в землю столбов. В культурных слоях до середины XIV в. встречались исключительно фрагменты плинфы XII в., а также кирпичи, близкие по всем параметрам к кирпичам Верхней церкви. В слоях середины — конца XIV в. количество вторичного использования плинфы уменьшается и появляется новый большеформатный кирпич.

Для кладки Нижней церкви наиболее характерны кирпичи со средними размерами 25–26,5 × 15 × 3,5–4 см. К плинфе с надписью по формату (14+ × 18,5 × 4,1–5,3 см) ближе кирпичи из княжеского терема (размером 29,5–31 × 18–20 × 4–5 см) и оборонительных стен (27–29 × 16,5–18 × 3,5–4,5 см) [Трусаў, Собаль, Здановіч 1993: 18–21]. Впрочем, тип надписи на плинфе (см. ниже) указывает на то, что она принадлежала церковной постройке. Судя по различию с зафиксированными форматами

Нижней церкви, можно было бы предположить, что она происходит из какой-то неизвестной нам церковной постройки второй половины XII в., однако другого храма этого времени, разрушенного к моменту вторичного использования плинфы, нам здесь не известно.

Надпись выполнена на верхней постели плинфы, по сырцу до обжига. Ее сохранившаяся часть позволяет полностью восстановить исходный текст. Транскрипция граффито (включая только однозначно читаемые буквы) выглядит следующим образом:

...
пом...
ем8б...
--8тра

Этого оказывается достаточно, чтобы уверенно опознать во фрагменте вторую часть стиха Псалма 45: 6 (приводим его по древнейшей глаголической Синайской псалтири): Бѣ посрѣдѣ его не подвижитъ съ Поможетъ емоу бѣ оутро за оутра [Северьянов 1922: 60].

На плинфе этот текст был, очевидно, расположен следующим образом:

...
пом(ожеть)
ем8 б[ѣ 8](тро)
(за)8тра

Следы снятия излишка в нижней части у правого края надписи, которое производилось на длинных сторонах плинфы, указывают на то, что строки идут вдоль узкой стороны плинфы (т. е. «поперек» постели). Надпись была начата с отступом от левого края в 1 см, последняя строка заканчивается в 5 см от правого края, но предыдущие строки, очевидно, подступали к нему ближе; снизу отступ — 5,4–6 см. Минимальная длина гродненских плинф составляет 25 см (см. выше), а это означает, что на утраченной части кирпича (длиной до 16 см) вполне могли разместиться три строки с первым полуступом Пс 45: 6.

Внестратиграфическую дату надписи можно, пользуясь методикой А. А. Зализняка [Зализняк 2000], определить как «после 1160 — предпочтительно до 1200». Нижнюю границу задает форма 8 (по А. А. Зализняку — «с двумя изломами»), верхнюю — П «с выступом». Эта датировка хорошо согласуется с приведенными выше археологическими датами.

Греческий текст Пс 45: 6 звучит так: Ὁ θεὸς ἐν μέσῳ αὐτῆς, οὐ σαλευθήσεται· βοηθήσει αὐτῇ ὁ θεὸς τὸ πρὸς πρῶι πρῶι. В Синодальном

перевод: «Бог посреди его; он не поколеблется: Бог поможет ему с раннего утра». В церковнославянской традиции финальная греческая идиома устойчиво передается сочетанием оутро заоутра¹. Ср. синонимичную идиому коупно оутро, которой переводится греч. *ἄμα πρωί* в Мф. 20: 1 [SJS 2: 84; 4: 713].

До сих пор в эпиграфике домонгольской Руси Пс 45: 6 был известен только в греческой версии — по мозаичной надписи, расположенной над конхой центральной апсиды Св. Софии в Киеве [Белецкий 1960: 162–166; Аверинцев 1972; Акентьев 1995]. Понять его размещение там можно только в контексте эпиграфики восточнохристианского мира. Первое полустишие Пс 45: 6, присоединенное к Пс 45: 5, выложено на мозаичном полу при входе в базилику С близ Магена (Негев, Израиль) конца IV в. [Tsafiris 1985; 30, no. 5, fig. 18]: в сиро-палестинском регионе надписи на полу служили своеобразной литургической разметкой и часто помещались на тех местах, где должны были произноситься [Donceel-Voûte 1988]. Другой случай цитирования Пс 45: 6 известен во фригийском Фемисонионе: к сожалению, неизвестно, какого характера и размера был носитель этой надписи, скопированной А. Х. Смитом в 1885 и изданной без всяких указаний [Ramsay 1897: 556, no. 432; Feissel 2006: 54, no. 71].

В средневизантийский период интересный эпиграфический контекст Пс 45: 6 дает гл. 14 «Сказания о Великой церкви» (IX в.) [Виноградов, Захарова, Черноглазов 2018: 394–435]²: «Послал император [Юстиниан] кувикулария Троила, епарха Феодора и квестора Василида на остров Родос, и они сделали там из глины огромные кирпичи одинакового веса и размера с таким штампом: “Бог посреди ее, и она не поколеблется: поможет ей Бог к утру”. И, отмеряя их количество, они посылали их императору. При их помощи построили четыре больших арки и, начав сводить купол, клали до двенадцати кирпичей, а между двенадцатью кирпичами священники совершали молитву об устойчивости храма. И делали строители через двенадцать кирпичей отверстие, влагая в отверстия честные и святые мощи различных святых, пока не закончили купол».

Конечно, ни на каких кирпичах Св. Софии Константинопольской Пс 45: 6 не отпечатан. Однако его связь с идеей устойчивости храма заставляла средневизантийских строителей действительно писать этот стих на плинфе. Такой кирпич неизвестного происхождения хранится в Стамбульском археологическом музее: первое полустишие Пс 45: 6 выполнено

¹ Ср. Бѣ посрѣдѣ кго не подвижитсѣ Поможетъ кмоу оутро и заоутра [РГАДА 381.29: л. 72]; Бѣ посрѣдѣ к не позыблетъ сѣ Поможетъ кмоу Бѣ оутро заоутра [Погорелов 1910: 41–42]. Бѣ посрѣдѣ кго і не подвижитсѣ Поможетъ емоу Бѣ стро заоутра [Jagić 1907: 226].

² К истолкованию надписи в Св. Софии Киевской этот источник впервые привлек [Акентьев 1995].

от руки по сырой глине и датируется временем не ранее X в. [Dagron 1984: 237, note 114, pl. IV], представляя собой прямую аналогию гродненской плинфы. Трудно сказать, возникла ли эта традиция в Византии под влиянием «Сказания» — или же последнее отразило современную его созданию эпиграфическую практику, спроецировав ее на эпоху Юстиниана. В связи с этим важно отметить, что Пс 45: 6 попал также в качестве стиха в византийский чин закладки храма, который известен и по печатным изданиям [Φουντουλης 1971: 11], и по упоминанию у Симеона Солунского [PG 155, 308] (хотя сам Пс 45: 6 у него не упоминается).

На Русь традиция «строительного» использования Пс 45: 6 вряд ли была занесена литературным путем. Связывать ее со славянским переводом сказания, время появления которого неизвестно, оснований нет. Влиянием «Сказания», очевидно, объясняется помещение греческой версии этого стиха над мозаикой с Богородицей-Орантой в конхе Св. Софии Киевской (1030-е гг.), которая была на Руси авторитетным образом для подражания. Но греческая мозаичная надпись в киевском кафедрале вряд ли могла навести древнерусских мастеров на мысль писать тот же текст на кирпичах по-славянски. Полагаем, что прямую параллель между стамбульской и гродненской плинфами можно объяснить лишь непосредственной преемственностью строительных и эпиграфических практик. Нельзя исключать, что и на кирпичах подпружных арок киевского Софийского собора может встречаться тот же текст, что и на мозаичной надписи его центральной апсиды.

Наконец, следует помнить, что предосторожности Юстиниана в «Сказании» были направлены против землетрясений: действительно, вскоре после постройки Св. София Константинопольская была повреждена землетрясением и утратила свой купол. В IX–XI вв. страх византийцев перед землетрясениями не утихал: множество храмов было разрушено ими в 868, 876, 894, 908, 989, 1011, 1032, 1033, 1039 и 1043 гг. [Guidoboni, Comastri, Traina 1994]. Не избавлена от этих страхов была и Древняя Русь: летописи упоминают о «трусах» 1101, 1107, 1109, 1117, 1122, 1124, 1126, 1130 гг. (см.: [Борисенков, Пасецкий 1988; Лаушкин 1998]); отсутствие упоминаний о более ранних землетрясениях связано либо с периодом сейсмического покоя, либо с началом погодных записей на Руси лишь в конце XI в. «Сейсмически» актуальным Пс. 45: 6 делало как его непосредственное содержание («не поколеблется»), так контекст псалма, следующий стих которого прямо говорит о землетрясении: «сѣмѣсѣ сѣ ѣзыци и оуклонишѣ сѣ црѣствиѣ : дасть гласъ свои вышней і потрясе сѣ землѣ» [Северьянов 1922: 60, л. 60а].

Таким образом, судя по надписи, плинфа принадлежит некой церковной постройке, возведенной в Гродно второй половины XII в.,

возможно, Нижней церкви. Надпись на ней — цитата из Пс 45: 6 — оказывается тесно вписанной в идейный и литургический контекст средневизантийской ойкумены. Целью (впрочем, нереализованной) написания на плинфе текста Псалма была божественная защита храма от разрушения — прежде всего природными катаклизмами. Более того, она показывает, что Русь была знакома не только с традицией воспроизводить Пс 45: 6 в надписях, но и — конкретно — с византийским обычаем писать его на кирпичах, отраженным в «Сказании о Великой церкви».

Библиография

Источники

Рукописи

РГАДА.381.29

Москва, Российский государственный архив древних актов, ф. 381, № 29, кон. XIV — нач. XV в.

Издания

ПСРЛ 2

Полное собрание русских летописей, 2: Ипатьевская летопись, С.-Петербург, 1908.

PG 1–166

Migne J. P., ed., *Patrologiae cursus completus* [. . .] *Series graeca*, 1–166, Paris, 1857–1866.

Литература

Аверницев 1972

Аверницев С. С., К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской, *Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси*, Москва, 1972, 25–49.

Акентьев 1995

Акентьев К. К., Мозаики Киевской Св. Софии и “Слово” митрополита Илариона в византийском литургическом контексте, *Литургия, архитектура и искусство византийского мира: Труды XVIII Международного конгресса византинистов (Москва, 8–15 августа 1991) и другие материалы, посвященные памяти о. Иоанна Мейендорфа (= Византинороссика, 1), 1995, 75–94.*

Белецкий 1960

Белецкий А. А., Греческие надписи на мозаиках Софии Киевской, В. Н. Лазарев, *Мозаики Софии Киевской*, Москва, 1960, 159–192.

Борисенков, Пасецкий 1988

Борисенков Е. П., Пасецкий В. М., *Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы*, Москва, 1988.

Виноградов et al. 2018

Виноградов А. Ю., Захарова А. В., Черноглазов Д. А., *Храм Святой Софии Константинопольской в свете византийских источников*, С.-Петербург, 2018.

Воронин 1954

Воронин Н. Н., ред., *Материалы и исследования по археологии древнерусских городов*, 3: *Древнее Гродно (По материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.)*, Москва, 1954.

Зализняк 2000

Зализняк А. А., Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование, В. Л. Янин, А. А. Зализняк, *Новгородские грамоты на бересте*, 10: *(Из раскопок 1990–1996 гг.)*. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование, Москва, 2000, 134–429.

Иоаннисян 2015

Иоаннисян О. М., Зодчество второй половины XII века, *История русского искусства*, 2/2, Москва, 2015, 16–139.

Лаушкин 1998

Лаушкин А. В., Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев, *Русское средневековье*, 1, 1998, 26–58.

Погорелов 1910

Погорелов В. А., *Чудовская псалтырь XI в. Отрывок толкования Феодорита Киррского на псалтырь в древнеболгарском переводе* (= Памятники старославянского языка, 3/1), С.-Петербург, 1910.

Раппопорт 1993

Раппопорт П. А., *Древнерусская архитектура*, С.-Петербург, 1993.

Северьянов 1922

Северьянов С. Н., *Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI в.*, Петроград, 1922.

Трусаў et al. 1993

Трусаў А. А., Собаль В. Е., Здановіч Н. І., *Стары замак у Гродне XI–XVIII стст.: Гісторыка-археалагічны нарыс*, Минск, 1993.

Φουντουλῆς 1971

Φουντουλῆς Ι., *Τάξις γενομένη ἐπὶ θεμελίῳ ἐκκλησίας*, Θεσσαλονίκη, 1971.

Dagron 1984

Dagron G., *Constantinople imaginaire: Études sur le recueil des «Patria»*, Paris, 1984.

Donceel-Voûte 1988

Donceel-Voûte P., *Les pavements des églises byzantines de Syrie et du Liban. Décor, archéologie et liturgie* (= (Publications d'Archéologie et d'Histoire de l'Art de l'Université Catholique de Louvain, 69), Louvain-la-Neuve, 1988.

Feissel 2006

Feissel D., *Chroniques d'épigraphie byzantine 1987–2004*, Paris, 2006.

Guidoboni et al. 1994

Guidoboni E., Comastri A., Traina G., *Catalogue of ancient earthquakes in the Mediterranean area up to 10th century*, Roma, 1994.

Jagić 1907

Jagić I. V., *Словѣньскаѧ псалтырь. Psalterium Bononiense*, Wien, 1907

Ramsay 1897

Ramsay W. M., *The Cities and Bishoprics of Phrygia*, 2, Oxford, 1897.

SJS

Slovník jazyka staroslověnského, 4, Praha, 1997.

Tsaferis 1985

Tsaferis V., Mosaics and Inscriptions from Magen, *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*, 258, 1985, 1–3.

References

- Akentieva C. C., Mozaiki Kievskoi Sv. Sofii i "Slovo" mitropolita Ilariona v vizantiiskom liturgicheskome kontekste, *Liturgy, Architecture, and Art in Byzantine World: Papers of the XVII International Byzantine Congress (Moscow, 8–15 August 1991) and Other Essays Dedicated to the Memory of Fr. John Meyendorff* (= *Byzantinorossica*, 1), 1995, 75–94.
- Averintsev S. S., K uiasneniiu smysla nadpisi nad konkhoi tsentral'noi apsidi Sofii Kievskoi, *Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennaia kul'tura domongol'skoi Rusi*, Moscow, 1972, 25–49.
- Beletsky A. A., Grecheskie nadpisi na mozaikakh Sofii Kievskoi, V. N. Lazarev, *Mozaiki Sofii Kievskoi*, Moscow, 1960, 159–192.
- Borisenkov E. P., Pasetsky V. M., *Tysiacheletniaia letopis' neobychnykh iavlenii prirody*, Moscow, 1988.
- Dagron G., *Constantinople imaginaire: Études sur le recueil des "Patria"*, Paris, 1984.
- Donceel-Voûte P., *Les pavements des églises byzantines de Syrie et du Liban. Décor, archéologie et liturgie* (= (Publications d'Archéologie et d'Histoire de l'Art de l'Université Catholique de Louvain, 69), Louvain-la-Neuve, 1988).
- Feissel D., *Chroniques d'épigraphie byzantine 1987–2004*, Paris, 2006.
- Foyntoylēs I., *Taksis genomenē epi themeliō ekklesiās*, Thessaloniki, 1971.
- Guidoboni E., Comastri A., Traina G., *Catalogue of ancient earthquakes in the Mediterranean area up to 10th century*, Roma, 1994.
- Ioannisyān O. M., Zodchestvo vtoroi poloviny XII veka, *Istoriia russkogo iskusstva*, 2/2, Moscow, 2015, 16–139.
- Laushkin A. V., Stikhiinye bedstviia i prirodnye znameniiia v predstavleniakh drevnerusskikh letopistsev, *Russkoe srednevekov'e*, 1, 1998, 26–58.
- Rappoport P. A., *The Old Russian Architecture*, St. Petersburg, 1993.
- Severianov S. N., *Sinaiiskaia psaltr'. Glagolicheskii pamiatnik XI v.*, Petrograd, 1922.
- Trusaŭ A. A., Sobal' V. Je., Zdanovič N. I., *Staryi zamak u Hrodnie 11–18 stst.: Historyka-archeialahičny narys*, Minsk, 1993.
- Tsaferis V., Mosaics and Inscriptions from Magen, *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*, 258, 1985, 1–32.
- Vinogradov A. Yu., Zakharova A. V., Chernoglazov D. A., *The Church of Hagia Sophia in Constantinople in the light of the Byzantine sources*, St. Petersburg, 2018.
- Voronin N. N., *Materialy i issledovaniia po arkhologii drevnerusskikh gorodov*, 3: *Drevnee Grodno (Po materialam arkhelogicheskikh raskopok 1932–1949 gg.)*, Moscow, 1954.
- Zaliznyak A. A., Paleografiia berestianykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie, V. L. Yanin, A. A. Zaliznyak, *Novgorodskie gramoty na bereste*, 10: *Iz raskopok 1990–1996 gg.*, Moscow, 2000, 134–429.

Андрей Юрьевич Виноградов, кандидат исторических наук,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
доцент Школы исторических наук,
старший научный сотрудник Лаборатории медиэвистических исследований
105066 Москва, ул. Старая Басманная, 21/4
Россия / Russia
auvinogradov@hse.ru

Алексей Алексеевич Гиппиус, доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
профессор Школы филологии,
ведущий научный сотрудник Лаборатории лингвосомиотических исследований
105066 Москва, ул. Старая Басманная, 21/4
Институт славяноведения РАН
Россия / Russia
agippius@mail.ru

Наталья Александровна Кизюкевич

учреждение культуры «Гродненский государственный историко-
археологический музей»

заведующая отделом археологии

Гродно, ул. Замковая, д. 20

Беларусь / Belarus

natallia_kiziukevich@tut.by

Received June 20, 2020

«Реестры» книг
частных библиотек
первой половины
XVIII в. из материалов
конфискационной
комиссии Елизаветы
Петровны (1742–1743 гг.)*

Catalogues of Private
Libraries from the
First Half of the 18th
Century: Materials
from Empress
Elizabeth's Confiscation
Commission (1742–43)

Анастасия Сергеевна Лыццова

Уральский Федеральный университет
им. Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия

Anastasiia S. Lystsova

Ural Federal University
named after B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia

Иван Анатольевич Поляков

Отдел рукописей
Российской национальной библиотеки
Институт истории
С.-Петербургского университета
С.-Петербургский институт истории РАН
С.-Петербург, Россия

Ivan A. Poliakov

Manuscript Department
of the National library of Russia
Institute of History
of St. Petersburg State University
St. Petersburg institute of history of the
Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

* Авторы статьи благодарят Е. И. Кислову за все рекомендации и замечания, высказанные в процессе чтения этой статьи.

Статья подготовлена в рамках реализации исследований по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук МК-1260.2019.6.

Цитирование: Лыццова А. С., Поляков И. А. «Реестры» книг частных библиотек первой половины XVIII в. из материалов конфискационной комиссии Елизаветы Петровны (1742–1743 гг.) // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 1. С. 423–474.

Citation: Lystsova A. S., Poliakov I. A. (2020) Catalogues of Private Libraries from the First Half of the 18th Century: Materials from Empress Elizabeth's Confiscation Commission (1742–43). *Slověne*, Vol. 9, № 1, p. 423–474.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.1.16

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

Резюме

В статье публикуется реестр книг из домашних библиотек графов А. И. Остермана, М. Г. Головкина, Б.-Х. Минниха, барона К. Л. Менгдена, переданных в фонды Библиотеки Академии наук в начале — середине 40-х гг. XVIII в. по указу императрицы Елизаветы Петровны. Книжные собрания указанных государственных деятелей были конфискованы вместе с другим имуществом после дворцового переворота 25 ноября 1741 г. Образованная 1 декабря 1741 г. «Комиссия описи пожитков, деревень и разобрания долгов Остермана и протчих» должна была распределить книжные издания и рукописи между учреждениями. Части конфискованных книг поступили в Коллегию иностранных дел и Библиотеку Академии наук, а оставшиеся экземпляры были распроданы. Комплекс церковных книг графов А. И. Остермана и М. Г. Головкина попал на хранение в Воскресенскую церковь Покровского дворца в Москве.

Ключевые слова

интеллектуальная история, естественное право, частные библиотеки, книжная культура, граф А. И. Остерман, Елизавета Петровна, дворцовые перевороты

Abstract

This article presents a catalogue of books from the private libraries of counts A. I. Osterman, M. G. Golovkin, B.-Ch. Minnich, and baron K. L. Mengden. These books were confiscated after the coup d'état (25 November 1741) as a part of their property and then were transferred to the Library of the Academy of Sciences in accordance with Empress Elizabeth's order in 1742–43. On 1 December 1741, "The record Commission for Osterman's and others' movable property, villages and debt obligations" was established. One of its tasks was to allocate the books to different institutions such as the Collegium of Foreign Affairs and the Library of the Academy of Sciences. The rest of the books were sold. The religious books belonging to A. I. Osterman and M. G. Golovkin were given to the Church of the Resurrection in the grounds of Pokrov Palace in Moscow.

Keywords

intellectual history, natural law, private libraries, book culture, count A. I. Osterman, Empress Elizabeth, coup d'état

Проблема поиска и изучения частных книжных собраний первой половины XVIII в. является актуальной в современной исторической науке. Анализ их состава позволяет сделать ряд выводов о принципах приобретения, хранения и копирования рукописей и печатных книг, определить вероятный круг чтения их владельцев. Подобные исследования несут свой вклад в изучение интеллектуальной истории и истории русского государства эпохи Нового времени.

Большая часть известных на сегодняшний момент книжных собраний XVIII в. реконструируется преимущественно на основании косвенных источников [Мартынов 1976: 101]. В первую очередь это связано с проблемой их сохранности: помимо чрезвычайных происшествий (пожары, наводнения) и плохих условий хранения книжные комплексы часто распадались после смерти владельца (продавались или разделялись между наследниками). В XVIII в. многие частные библиотеки не имели описей, а на книгах и изданиях не всегда присутствовали владельческие записи и пометы. Эти и другие причины затрудняют реконструкцию светских и церковных книжных собраний. Поэтому в некоторых случаях анализ делопроизводственных материалов и изучение истории поступления книжных коллекций на хранение в государственные учреждения позволяет частично реконструировать их состав — даже в том случае, если книги не сохранились до настоящего времени. Следовательно, книжные описи и реестры, составленные при передаче того или иного собрания, являются важным источником для изучения светской книжности XVIII в. и требуют введения в научный оборот.

Необходимо различать исследовательские задачи, которые могут возникнуть при работе с книжными собраниями и документами, свидетельствующими об их составе. Частные библиотеки являются объектом изучения по меньшей мере со второй половины XIX в., и к настоящему моменту существует более сотни публикаций по этой проблематике. Истории книги, русского читателя и культуры чтения XVIII в. посвящены комплексные исследования С. П. Луппова [1976], П. И. Хотеева [1989], А. М. Сафроновой [2017]. Коллективом авторов опубликовано исследование, посвященное библиотеке А. А. Матвеева [Библиотека 1986]. Отдельным направлением исследований является публикация каталогов рукописей и печатных изданий из частных собраний XVIII в.: так, опубликованы описания библиотек Я. В. Брюса [Библиотека 1989], В. Н. Татищева [Астраханский 1981], А. А. Виниуса [Книги 2008].

Другого рода исследовательской задачей является подготовка к изданию источников по истории бытования книжных собраний, в том числе их реестров и описей. Этот подход был успешно применен при публикации реестров книг А. Д. Меншикова [Саверкина, Сомов 1988], каталога библиотеки П. П. Шафирова [Трофимова, Хотеев 1988], В. Н. Татищева [Астраханский, Малиновский 1986, Пекарский 1864], Д. М. Голицына [Градова et al. 1979]. Данная работа продолжает традицию по изданию реестров и описей книг частных собраний XVIII в.

Реестры книжных собраний графов А. И. Остермана, М. Г. Головкина, Б. Х. Миниха и барона К. Л. Менгдена, поступивших на хранение в Библиотеку Академии наук (далее — БАН), были составлены в начале

1740-х гг. Данный источник относится к комплексу делопроизводственной документации «Комиссии описи пожитков, деревень и разобрания долгов Остермана и протчих», позволяющей реконструировать обстоятельства конфискации имущества. Реестры отразили состав домашних библиотек осужденных политиков, а также объемы и тематику книг, которые интересовали сотрудников библиотеки и были отобраны ими для пополнения фондов. Таким образом, данный источник дает исследователям уникальную информацию о круге чтения правящей элиты конца 30-х — начала 40-х гг. XVIII в.

Основываясь на публикуемой нами описи, С. П. Луппов утверждал, что книжное собрание графа А. И. Остермана являлось одной из крупнейших частных библиотек страны в первой половине XVIII в. (2300–2400 книг) [Луппов 1978: 187]. Согласно его подсчетам, конфискованные библиотеки графа М. Г. Головкина, Б. Х. Миниха, барона М. Л. Менгдена насчитывали значительно меньше книг (217 единиц, 157 и 136 соответственно) [Ibid.: 202, 197, 200].

Рассмотрим обстоятельства поступления упомянутых книжных собраний в БАН. После переворота, в результате которого на трон взошла Елизавета Петровна, немедленно была организована следственная комиссия, которая должна была расследовать политические преступления арестованных оппонентов дочери Петра: графов А. И. Остермана, Б.-Х. Миниха, М. Г. Головкина, Р. Г. Левенвольде и барона К. Л. Мегдена [Курукин 2012: 235]. Несмотря на то, что официально она начала свою работу с 12 декабря [Опись 1878: 80], уже на следующий день после переворота, 26 ноября, были произведены первые допросы [РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 304, л. 7–10]. Кроме главных обвиняемых, под следствие попали их «конфиденты» — 23 человека [РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 303, л. 64–64об.]. Руководили работой комиссии А. И. Ушаков и князь Н. Ю. Трубецкой, а в ее состав вошли князь А. Б. Куракин, В. Я. Левашов, А. Л. Нарышкин, Ф. И. Эмме, И. И. Дивов и М. К. Лунин¹.

1 декабря 1741 г. была создана другая комиссия, которая получила распоряжение описать и систематизировать имущества опальных придворных. Предметы роскоши и коллекции должны были быть подсчитаны и представлены в форме списков, после чего члены комиссии определили бы их дальнейшее назначение. Часть делопроизводственных материалов, касающаяся ее работы, сохранилась в фонде канцелярии БАН, куда поступили некоторые собрания. В июне 1742 г., через полгода после политической казни осужденных, в Академию наук был

¹ По мнению И. В. Курукина, штат Тайной канцелярии был небольшим, поэтому для расследования важных дел создавались специальные комиссии, в состав которых входил глава Тайной канцелярии [Курукин, Никулина 2008: 285].

перевезен резной китайский шкаф графа А. И. Остермана с коллекцией монет [СПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 841, л. 74–97], а 1 июня 1742 г. библиотечарь Андрей Богданов принял первую часть «писем Остермана и прочих» [СПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 841, л. 121]. Согласно замыслу комиссии, книги должны были быть отправлены в БАН для отбора в ее фонды, а оставшиеся единицы — переданы в Коллегию иностранных дел или в книжную лавку для продажи [Луппов 1978: 185–186]. Работа по описанию шла медленно. 24 ноября 1743 г. Елизавета Петровна подписала указ, согласно которому списки конфискованных книг должны были быть привезены в Коллегию иностранных дел для ознакомления, а затем отданы в БАН. Известно, что императрица интересовалась современными книгами (сохранились данные об обширном собрании французских изданий в ее библиотеке в Летнем дворце) и пользовалась материалами из библиотеки Академии наук [Хотеев 1989: 7]); возможно, именно поэтому она решила вмешаться в деятельность комиссии, отдав по этому поводу особые распоряжения, которые ускорили процесс формирования книжных фондов.

После указа императрицы комиссия 9 декабря объявила о передаче книг в Коллегию иностранных дел поручикам М. Косохнову и Ф. Бестужеву. Список книг графа А. И. Остермана, составленный под их руководством, был проверен и продублирован на нескольких европейских языках адъюнктом Академии наук И. Ф. Бремом [СПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 841, л. 144–156]. Меньшее внимание было уделено коллекциям графов М. Г. Головкина, К. Х. Миниха и барона М. Л. Менгдена, т. к. они были существенно меньше по размеру. Затем книги были переданы в БАН унтер-библиотечарю И. И. Тауберту для их дальнейшего разбора. По этому случаю императрицей были отданы следующие распоряжения:

Которыя из оных книг потребны для вечности, те содержать в библиотеке, а которыя в библиотеку не принадлежат, для того что уже таковые же экземпляры в библиотеке имеютца, и следуют употреблены быть в продажу, учинить особые каталоги и те каталоги взнести в академию наук, чего ради унтер библиотечарю Тауберту со оного определения велено дать копию [СПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 841, л. 140].

Таким образом, книжные собрания опальных политиков были описаны, переданы в Коллегию иностранных дел и БАН, а часть предназначалась для продажи. Кроме того, в отдельную группу были выделены церковные книги, которые также были описаны и переданы в Воскресенскую церковь Покровского дворца в Москве [Луппов 1976: 19]². В те-

² Вероятнее всего, переданные в Воскресенскую церковь книги не сохранились до нашего времени, однако С. П. Луппову удалось обнаружить в составе фондов РГАДА их опись 1764 г. (см.: [РГАДА, ф. 1239, оп. 1/51, л. 1–11об.]).

чение следующих лет отдельные предметы из конфискационной комиссии продолжали поступать в библиотеку, однако реестры и расписки сотрудников обнаружены не были.

Судьба конфискованных коллекций сложилась по-разному. Собрание монет графа А. И. Остермана было передано в Минц-кабинет и сейчас находится в Государственном Эрмитаже [Спаский 1970: 127]. Часть его домашней библиотеки, поступившей на хранение, пострадала во время пожара 1747 г. [СПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 844, л. 74]. Согласно делопроизводственным материалам канцелярии БАН, солдаты, разбиравшие завалы, присваивали некоторые книги. В результате всех этих обстоятельств реконструкция конфискованных библиотек в полной мере невозможна. Однако несколько книг графа А. И. Остермана, а также материалы из собраний графов М. Г. Головкина и Б. К. Миниха сохранились в различных фондах БАН. Более того, часть книг, формально приписанная библиотеке А. И. Остермана, могла принадлежать профессору Академии наук Хр. Гроссу, который жил в доме графа в течение десяти лет [РГАДА, ф. 6, д. 304, л. 25об.].

Вышеперечисленные материалы уже привлекали внимание исследователей. В середине 50-х гг. XX в. при создании серии «Исторических очерков» сотрудники БАН предприняли попытку изучить историю образования фондов учреждения, в частности — рукописного отдела. На основании анализа описей и делопроизводственных материалов из архива канцелярии им удалось реконструировать примерный объем книжных собраний придворных и выявить несколько рукописей, принадлежавших в XVIII в. графам А. И. Остерману, М. Г. Головкину и другим лицам [Исторический очерк 1956: 215–218]. Но, несмотря на интерес со стороны историков к библиотеке А. И. Остермана [Dolgowa 2001; Бугров, Киселев 2016], опись которой составляет большую часть публикуемого нами реестра, попытка ее комплексного анализа была предпринята только С. П. Лупповым [Луппов 1978: 180–194].

Отметим некоторые особенности реестра. По-видимому, еще во время работы комиссии книги были перемешаны, что затрудняет реконструкцию состава каждой отдельной коллекции. Некоторые части книжных собраний поступили позднее и не были упомянуты в реестрах. Поэтому, например, рукописи графа М. Г. Головкина были записаны библиотекарем А. Богдановым как книги графа А. И. Остермана, а некоторые пропущены в описи³.

³ Частичная реконструкция рукописной части книжной коллекции графа А. И. Остермана, включавшей фамильную библиотеку князей Ромодановских, была произведена И. А. Поляковым [2019].

Публикуемая нами опись содержит реестр книг А. И. Остермана, М. Г. Головкина, Б.-Х. Миниха и К. Л. Менгдена⁴. Она находится на лл. 157об.–189об. в переплете № 841 входящей документации канцелярии БАН. Данный источник был составлен в декабре 1743 г. Подготовленную опись работники конфискационной комиссии представили в форме таблицы, где в первом столбце указывался номер ящика, во втором — название книги, а в третьем — число экземпляров. В некоторых случаях они объединяли несколько книг и документов в одну статью: «разных тетрадей малых — 26» [СПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 841, л. 173об.].

Опись написана тремя писарскими почерками (лл. 157об.–172об., 173–179об., 180–189об., подробнее см. далее). На нижнем поле л. 184 присутствует запись: «По сему реэстру означенные книги отданы в Академию наук. Порутчик Мина Косохнов. А которых нумеров не означены, те книги отданы в другие места. Мина Косохнов» [СПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 841, л. 184]. По нижним полям лл. 185–189 имеется запись о передаче книг в Академию наук: «По сему реэстру отдал в Академию наук порутчик Федор Бестужев» [СПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 841, лл. 185–189].

Коллекция представляет собой обширное собрание книг разных жанров. В основном это труды по истории, нововременная юридическая литература, есть также книги по географии, медицине, кулинарии, мемуары и переписка разных лиц.

Сотрудники конфискационной комиссии почти никогда не отмечали печатный или рукописный характер памятников, формат книг был указан только при описании коллекции барона К. Л. Менгдена. Наименования книг были частично переведены на русский, частично записаны «на слух» («Леспри декуръ делеиrop» — «L'Esprit des cours de l'Europe»), отдельные слова транслитерированы (демонтаиgn — de Montaigne). Составители каталога не стремились записывать полные названия книг (например, записи «Собрание мирных договоров и проч.: чрез господина дюмон 1710» соответствует труд Ж. Дюмона «Собрание союзных мирных и торговых трактатов между королями и государствами Европы со времени Мюнстерского мира», опубликованного в 1710 в Голландии). Иногда не указывается год издания («Голландская и французская грамматика на голландском языке»). Поэтому во многих случаях указанных данных недостаточно для определения конкретного издания. Ввиду этого атрибутирование каждой книги из реестра должно стать результатом отдельной источниковедческой работы.

⁴ В составе памятника книги частных библиотек указаны именно в таком порядке, однако на л. 189–189об. имеется дополнительный реестр книг графов А. И. Остермана, М. Г. Головкина и Б.-Х. Миниха.

Принимая во внимание тот факт, что публикуемый реестр является не только памятником книжной культуры первой половины XVIII в., но и примером рецепции фамилий иностранцев и названий книг на иностранных языках носителями русского языка, авторы поставили перед собой задачу максимально близко передать текст источника к оригиналу, сделав его удобным для чтения. Поэтому текст передан современным гражданским шрифтом с заменой устаревших букв («ять» — «е», «кси» — «кс», «пс» — «пси», «фита» — «ф», «омега» — «о»). Выносные буквы вносятся в строку без выделений, сокращения под титлами раскрываются. Однако мы сохраняем некоторые орфографические особенности писцов. Так, в тексте, написанном первым и третьим почерком, «ерь» («ь») крайне редко встречается между согласными («натуральной» и «натуральной»), буква «й» отсутствует. В тексте, написанном вторым почерком, «ерь» между согласными употребляется последовательно («натурального», «португальского»), регулярно используется «й» («русской», «тайности»). Следуя за писцами, мы сохраняем наличие или отсутствие «ь», «й», а также знаков препинания там, где они использованы переписчиками (исключение — запятые между томами книг, которым в источнике соответствует значительный пробел между цифрами).

Стремясь к унификации, мы сохраняем прописную букву только в первом слове каждого наименования книги или рукописи, начиная со строчных даже явные географические названия («париж», «берлин») и имена собственные («пугендорф», «лок»), т. к. в самом источнике часто невозможно отличить прописную букву от строчной. Мы сохраняем орфографические неточности, допущенные авторами в именах собственных, даже в том случае, если они нам кажутся очевидными, и пишем слитно приставку «де» (декорнель — Пьер Корнель, дескудери — Мадлен де Скудери и т. д.). Часть авторов поддается идентификации⁵, однако для сохранения единства публикуемого текста мы даем все записи без дешифровки. Исправлялись только очевидные описки в именах нарицательных: «валдение», «алегрба» и т. д.

В некоторых случаях наличествуют разного характера карандашные пометы, явно более поздние, однако их время возникновения установить

⁵ Например, «сен реми» — С. Де Сен Реми, «кардинал десант кроче» — Улисс Джузеппе Гозадини, «кардинал бобромеу» — Гиберто Бартоломео Борромео, «десарг» — Жерар Дезарг, «делаваренн» — Франсуа Ла Варенн, «десевинги» — Мадам де Савинье, «дефер» — Николя дэ Фер, «декруз» — Жан-Пьер де Круз, «десен пиер» — Шарль Сен-Пьер, «делафорс» — Шарлотта-Роза де Комон де ла Форс, «дерие» — Андре дю Рие, «демонмор» — Пьер Ремон де Монмор, «дюмон» — Ж. Дюмон, «депардис» — Игнас Гастон Пардис, «отец кенель» — Паскье Кенель, «детурлии» — Рафаэль де Турри, «демарсилы» — Л. Ф. Марсильи, «дерец» — Жан Франсуа Поль де Гонди Рец, «казобан» — Исаак Казобан, и т. д.

невозможно. По-видимому, реестр использовался библиотекарем А. Богдановым и другими лицами при разборе материалов, поступивших из комиссии. Так, косая карандашная черта, возможно, была отметкой о наличии книги: например, практически все рукописи графа М. Г. Головкина были помечены этим знаком и многие из них сохранились до настоящего момента. В некоторых случаях зачеркнуты чернильные цифры в графе, соответствующей количеству экземпляров, и карандашом приписана другая цифра (в публикации первая цифра соответствует чернильной, вторая — в скобках — карандашной). Также есть карандашные надписи на нескольких листах, сделанные более поздним почерком: на л. 171об. за книгой «Медицинская книга называемая антидотариум бонониензе 1615» идет отделительная черта и надпись на полях «по сих пор написано», на лл. 180, 183 в верхнем правом углу указано «выписать», на л. 185 есть помета, написанная неразборчивым почерком. Также писцами в некоторых случаях были использованы фигурные скобки, объединяющие книги. Вероятно, иногда книги были сшиты, и поэтому были посчитаны писцами как один экземпляр (чему соответствует одна цифра напротив такой скобки). Но в отдельных случаях не совсем ясно, для чего они были использованы, т. к. не соотносятся с цифрами в графе «количество».

Несмотря на особенности источника, которые могут затруднить работу с ним, в данном реестре содержатся довольно полные сведения о составе крупнейших домашних библиотек первой половины XVIII в. Ввиду того, что мы не обладаем исчерпывающими сведениями о подобных коллекциях, публикуемая опись является ценным источником по истории книжной культуры эпохи.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

БАН — Библиотека Академии наук

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

СПФ АРАН — С.-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

Библиография

Источники

Рукописи

РГАДА

РГАДА, ф. 1239, оп. 1/51, д. 500 «Об описи книг, хранящихся в Покровском дворце и принадлежавших графу Головкину и Остерману, и об отсылке в собственную канцелярию книги о неудобноносимом иге», л. 1–11 об.

РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 304 «Допросы и ответы графа Андрея Остермана», л. 25 об.

РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 303 «Делопроизводство следственной комиссии, учрежденной при восшествии на престол императрицы Елизаветы над Остерманом, Минихом и другими лицами», л. 64–64 об.

РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 304, л. 7–10.

СПФ АРАН

СПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 841 «Ордера и документы к библиотечному делу», л. 74–97.

СПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 841, л. 121.

СПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 841, л. 140–141.

СПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 841, л. 144–156.

СПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 841, л. 157–189 об.

СПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 844 «Ордера и документы к библиотечному делу», л. 74.

Издания

Библиотека 1986

Библиотека А. А. Матвеева (1666-1728): Каталог, Москва, 1986.

Библиотека 1989

Библиотека Я. В. Брюса: Каталог, Ленинград, 1989.

Книги 2008

Книги из собрания Андрея Андреевича Винуиса: Каталог, С.-Петербург, 2008.

Опись 1878

Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век, 3, С.-Петербург, 1878.

Литература

Астраханский 1981

Астраханский В. С., Каталог Екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева 1737 г., *Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1980*, Ленинград, 1981, 12–37.

Астраханский, Малиновский 1986

Астраханский В. С., Малиновский К. В., Неопубликованное письмо и список книг В. Н. Татищева 18 октября 1731 г., А. М. Панченко, ред., *Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой*, Ленинград, 1986, 161–169.

Бугров, Киселев 2016

Бугров К. Д., Киселев М. А., *Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века*, Екатеринбург, 2016.

Градова et al. 1979

Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И., К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына, С. О. Шмидт, ред., *Археографический ежегодник за 1978 год*, Москва, 1979, 238–253.

Исторический очерк 1956

Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук, 1, Москва, Ленинград, 1956.

Курукин 2012

Курукин И. В., *Анна Леопольдовна*, Москва, 2012.

Курукин, Никулина 2008

Курукин И. В., Никулина Е. А., *Повседневная жизнь тайной канцелярии*, Москва, 2008.

Луппов 1976

Луппов С. П., *Книга в России в послепетровское время, 1725-1740*, Ленинград, 1976.

— 1978

Книга в России до середины XIX века. Доклады всесоюз. науч. конференции (Ленинград, 1976), С. П. Луппов, А. А. Сидоров, ред., Ленинград, 1978.

— 1979

Луппов С. П., Библиотека Артемия Волянского, Д. С. Лихачев, ред., *Памятники культуры: новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник. 1978*, Ленинград, 1979, 119–131.

Мартынов 1976

Мартынов И. Ф., Частные библиотеки в России XVIII в., Д. С. Лихачев, ред., *Памятники культуры: новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник. 1975, 1976*, 101–116.

Пекарский 1864

Пекарский П., Каталог библиотеки В. Н. Татищева, Ibid, *Новые известия о В. Н. Татищеве*, С.-Петербург, 1864, 56–63.

Поляков 2019

Поляков И. А., Анализ и атрибуция рукописей из библиотеки князей Ромодановских (XVII–XVIII века), *Библиотековедение*, 1, 2019, 55–66.

Правила 1990

Правила издания исторических документов в СССР, 2-е изд., переработанное и дополненное, Москва, 1990.

Саверкина, Сомов 1988

Саверкина И. В., Сомов В. А., Реестр книг А. Д. Меншикова, А. А. Зайцева, ред., *Книга в России в эпоху Просвещения. Сб. научных трудов*, Ленинград, 1988, 145–160.

Сафронова 2008

Сафронова А. М., Екатеринбургская библиотека Татищева: реконструкция состава в свете данных новых источников, Д. А. Редин, ред., *Россия и мир: панорама исторического развития: сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького*, Екатеринбург, 2008, 279–292.

— 2017

Сафронова А. М., *Личная библиотека В. Н. Татищева в Екатеринбурге*, Екатеринбург, 2017.

Спаский 1970

Спаский И. Г., Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета – Отдела нумизматики, *Нумизматика и эпиграфика*, 8, Москва, 1970, 123–234.

Трофимова, Хотеев 1988

Трофимова Н. С., Хотеев П. И., Каталог библиотеки П. П. Шафиров, А. А. Зайцева, ред., *Книга в России в эпоху Просвещения. Сб. научных трудов*, Ленинград, 1988, 161–168.

Хотеев 1989

Хотеев П. И., *Книга в России в середине XVIII в. Частные книжные собрания*, Ленинград, 1989.

Dolgowa 2001

Dolgowa S., Zwei Jahre aus dem Leben von Graf Ostermann und Fürst Menschikow: 1726–1727. Aus Menschikows Tagebuch, J. V. Wagner, ed., ed., hrsg., *Ein Deutscher am Zarenhof: Heinrich Graf Ostermann und seine Zeit 1687–1747*, Essen, 2001, 229–234.

References

Astrakhansky V. S., Malinovskii K. V., Neopublikovannoe pis'mo i spisok knig V. N. Tatishcheva 18 oktiabria 1731 g., A. M. Panchenko, ed., *Russkaia literatura XVIII veka v ee svyaziakh s iskusstvom i naukoi*, Leningrad, 1986, 161–169.

Astrakhansky V. S., The catalogue of V. N. Tatishchev's Ekaterinburg library (1737), *Monuments of culture: new discoveries*, 1980, Leningrad, 1981, 12–37.

Bugrov K. D., Kiselev M. A., *Natural Law and Virtue: The Integration of European Influence into 18th Century Russian Political Culture*, Yekaterinburg, 2016.

Dolgowa S., Zwei Jahre aus dem Leben von Graf Ostermann und Fürst Menschikow: 1726–1727. Aus Menschikows Tagebuch, von J. V. Wagner, ed., hrsg., *Ein Deutscher am Zarenhof: Heinrich Graf*

Ostermann und seine Zeit 1687–1747, Essen, 2001, 229–234.

Gradova B. A., Kloss B. M., Koretskii V. I., Sur l'histoire de la bibliothèque de D. M. Golitzine à Arkhangelskoïé, S. O. Shmidt, ed., *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1978 god*, Moscow, 1979, 238–253.

Hoteev P. I., *Kniga v Rossii v seredine XVIII v. Chastnye knizhnye sobraniia*, Leningrad, 1989.

Kurukin I. V., *Anna Leopoldovna*, Moscow, 2012.

Kurukin I. V., Nikulina E. A., *Povsednevnaia zhizn' tainoi kantseliarii*, Moscow, 2008.

Lupov S. P., *Kniga v Rossii v poslepetrovskoe vremia, 1725–1740*, Leningrad, 1976.

Lupov S. P., Library of Artemius Volynsky, D. S. Likhachev, ed., *Monuments of culture: new discoveries*, 1978, Leningrad, 1979, 119–131.

Lupov S. P., Sidorov A. A., eds., *Kniga v Rossii do serediny XIX veka. Doklady vsesoiuz. nauch. konferentsii (Leningrad, 1976)*, Leningrad, 1978.

Martynov I. F., Private Libraries in XVIIIth Century Russia, D. S. Likhachev, ed., *Monuments of culture: new discoveries*, 1975, Moscow, 1976, 101–116.

Poliakov I. A., Analysis and Attribution of The Manuscripts from The Library of Princes Romodanovsky (17th - 18th Centuries), *Russian Journal of Library Science*, 1, 2019, 55–66.

Safronova A. M., Ekaterinburgskaia biblioteka Tatishcheva: rekonstruktsiia sostava v svete dannykh novykh istochnikov, D. A. Redin, ed., *Rossiia i mir: panorama istoricheskogo razvitiia: sbornik nauchnykh statei, posviashchennyi 70-letiiu istoricheskogo fakul'teta Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta im. A. M. Gor'kogo*, Yekaterinburg, 2008, 279–292.

Safronova A. M., *Vasily Tatishchev's Private Library In Ekaterinburg*, Yekaterinburg, 2017.

Savarkina I. V., Somov V. A., Reestr knig A. D. Menshikova, A. A. Zaitseva, ed., *Kniga v Rossii v epokhu Prosveshcheniia. Sbornik nauchnykh trudov*, Leningrad, 1988, 145–160.

Spasskii I. G., Numizmatika v Ermitazhe. Ocherk istorii Minskabineta – Otdela numizmatiki, *Numizmatika i epigrafika*, 8, Moscow, 1970, 123–234.

Trofimova N. S., Hoteev P. I., Katalog biblioteki P. P. Shafirova, A. A. Zaitseva, ed., *Kniga v Rossii v epokhu Prosveshcheniia. Sbornik nauchnykh trudov*, Leningrad, 1988, 161–168.

Анастасия Сергеевна Лыцова, кандидат исторических наук,
научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии
Уральского Федерального университета им. Б. Н. Ельцина
620083 Екатеринбург, ул. Ленина, 51
Россия / Russia
anastasiya.kr.1992@gmail.com

Иван Анатольевич Поляков,
научный сотрудник отдела рукописей
Российской национальной библиотеки
191069 С.-Петербург, Садовая ул., д. 18
лаборант-исследователь Института истории
С.-Петербургского университета
199034 С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5
аспирант С.-Петербургского института истории РАН
197110 С.-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7
Россия / Russia
ivan669@bk.ru

Received December 3, 2019

(л. 157) Реэстр книгам, которые из пожитков бывшего адмирала графа Остермана отданы в Императорскую библиотеку 1743 года декабря __ дня

// (л. 157 об.) Реэстр книгам, которые из пожитков бывшего адмирала графа Остермана отданы в Императорскую библиотеку		
	На французском диалекте	
№ 1	Библия святая мартинова	1
	Собранные ведомости касающиеся до княжества невшател	1
	Писма и мемории о штатском деле королеи принцов и послов под владением франциска 1го генрика 2го и франциска 2го	2
	Посолства и негоциация кардинала де перрона	1
	Описание генералным правилам артиллерии чрез гондиуса	1
	Атлас исторической господина гедевила	4
№ 2	Философическое разсуждение господина лока о человеческом уме	1
	Писма касающиеся до времени 1658 года	1
	Описание штатиа в версалье чрез томазина	1
	Описание планам профилам и элевациям многим строение в париже чрез марота	1
	Примечание артилериские чрез сен реми	2
	Квинт курс чрез вожела	1
	Мемории господина ламберти	14 (9)
	Посол и ево должность чрез викефорта	2
	Лексикон иоан лудовика дарси французской и фламандской	1
	// (л. 158) На французском диалекте	
№ 2	История о франции под владением лудовика 14го чрез ларе	1
	Краткое описание натуральной закона чрез вуластон	1
	История о англии чрез рапино седмой и 8и том	2
	Облехченная комерция чрез клермома	1
	Собрание мирских договоров чрез леонарда в 7 томах 1697	7
	Новая книшка о соглашении клевсеина органа и протчих инструментов чрез ламберта	1
	Разсуждение о соединении протестантов 1720	1
	Экспликация книжек о конструкции машин изобретенных чрез маркиза делборго касающие до пахания земли	1

	Правила пяти орденов архитектуры чрез вигноль	1
	Показанные пиеси в ответе на испанской манифест 1734 года	1
	Речь говоренная в церкви города вердер в 1715 год декабря 26 дня для празднования бранденбургских курфирстеи	1
	Писма кардинала десанта кроче х кардиналу бобромеу 1717	1
	Разсуждение и примечания на книгу называему принц машиавела	1
	Новая разсмотрения о начале и основании натурального права чрез струба	1
	Теология физическая или толкование о существе и свойствах бога чрез дергама	1
	// (л. 158 об.) На французском диалекте	
№ 2	Эвилида элементы арифметическия	1
	Первыя философии или натуральные доказательства о существе бога и о безсмертности души чрез господина женета	1
	Репорт о секретной комиссии писанной июня 9 дня 1715 году чрез роберта валпола	1
	Мемории употребляемыя к научению истории о травах россииских земель чрез де шисо	1
	Руководство книги о сходстве древных люд с нынешними	1
	Реляция о путешествии на сюдском море около берег хилских перчанских и бресохских	1
	Разсуждений и примечания на книгу называему принц машиавела	1
	Описание изображение земли чрез моперты	1
	Первой том жития святых	1
	Скарронов роман	1
	Ответ на вопросы французского провинциала	1
	Фортификация декогорна и гулона	1
	Математические утешения чрез осонама	2
	Космография или краткое толкование астрономии	1
	Путешествие и описание италии чрез дювала	1

	Наука как сделать перспектива чрез десарга	1
	Вобанова правила фортификации чрез детеи декамбри	1
	Разныя сочинения господина иогана лока	1
	История эгиптенской королеве клеопатры	2
	Примечания к истории восточных индии	1
	История принца эвгеня	5 (2)
	// (л. 159) На французском диалекте	
№ 2	Разныя сочинения господина флешие	1
	Авантюры телемака чрез господина дефенелон	1
	Того же	1
	История святыя библии чрез роесмонда	1
	Петронов сатир на латинском и французском языках	2
	Показание правды христианской веры	2
	История выгнанных из франции и в бранценбурге поселенных люди	1
	Пятнатцати образная радость в жените	1
	История о бастиллье чрез деренневила	1
	Житие отца покевина и история ево негоиаци	1
	История маркиса деклем и кавалера деперван	1
	Триумф церкви под крестом чрез дрелинкур	1
	Известие данной негоиаторам при новом плане партажского трактата 1712	2
	История секретная швецкая о примечаниях под владением каралуса XIго	1
	Француской повар чрез делаваренна	1
	Множество миров чрез фонтенела	1
	Авантюры целоида намансарифдины	1
	Инструкция моральная отца сыну своему чрез господина дюфур	2
	Разсуждение о поступлении великобритании	1
	История о всем свете чрез шеврои вертоп	8
	Авантиры или похождение необтулема чрез тансиерж	1
	Евклидова арифметические элементы	1

	// (л. 159 об.) На французском диалекте	
№ 2	Описание новых труб	1
	Нынешний теофраст или разсуждение о нравах	1
	Такая же книга с толкованием	1
	Грамматика демареса	1
	Леспектатор переведен с аглинского диалекта	3
	Разсмотрение правды	2
	Мемории маркиса дебува: или история карла 4го герцога лотарингского	1
	Утесненной город торн чрез бособра	1
	История о владении лудовика 14го	7
	Такая же	7
	Описание против разкошества в наутцеигах	1
	Библиотека дамская	2
	Новая наставления как воспитат детеи	1
	Наука придворных людеи чрез господина шевигна	4
	Исполнение пророчестве чрез жюри	3
	Оное же в дву томах	2
	Описание парижа чрез бриса	2
	Житие римского папы аксты квинты	2
	Новои повар королевской и мещанской	2
	Древной и новой ласедемон чрез гиллетиера	2
	Логика или художество мыслит	1
	Книга о шнурке мерии чрез буллета	1
	Реляция о путешествии господина избранта в китаи в 1692, 93 и 94 годах	1
	Опыт совершенной грамматики чрез отца шифлета	1
	Разныя сочинения господина депро	1
	Цирус великой чрез дескудери	1
	История королеи французских от карла 7го до лудовика 12го	1
	// (л. 160) На французском диалекте	
№ 2	Гистория тимурбека переведенна чрез пети	4
	Собрание разных реляции таварнерова	1

	Грамматика французская отца бифие	1
	Путешествие в арабии щастливое	1
	Действительной штат республики полской в 1702 году	1
	Таблетки публичных министров по 1732 год	1
	Золотые или мудрые речи катона на латинском и французском языке	1
	Писма писанные к господину сорину о состоянии христианства во франции	1
	Наука как себя вести в свете	1
	Лестион декуръ или писма историческия и сатирическая турецкого шпиона при европейских дворах 6 том	1
	Мемории анны австрийской супруги лудовика 13го чрез де мотевил 1, 3, 4 и 5 том	4
	Писма мадамы десевинги 1 и 2 том	2
	Гроциевы права воины и мира переведена чрез господина кюртина 3 том	1
	Путешествие господина бурнета чрез швейцарию италию и протчие первой том	1
	Мемории мадамы дюное девать томов между которых четыре вдвое находятца	9
	Мемории наукам и учениям 1 и 2, 1715 и 1716 годы	3 (2)
	Амуры или любовь теагенов с харилею переведенные с греческого диалекта	1
	// (л. 160 об.) На французском диалекте	
№ 2	Дон кихот дела манка 1 и 2 том	2
	Таблет министрам по 1728 год	1
	Сочинение господина абаса сенреала 3 том	1
	Авантюры или похождение неоптолема ахиллева сына чрез шансиерж	1
	Должность человеческая пфендорфова 1 том	1
	Политическия мемории господина j.p.d.v.c. деа. полковника казанского полку 2 том	1
	Валемонт о землипахании и садовном художества	2
	Житие и комедия картушева	1

	Речь к полским магнатам о потребности высылки иезуитов 1726	1
	Критическая история о ученых сочинениях и людех	3
	Писма персиккия	2
	Мемории о гишпанском дворе чрез мадамы доне	1
	Революции или примечания великобритании 1733	1
	Писма историческия и амурныя, седмой том	1
	Лероин мискетир или история о женской особе которая служила в войнах 1702	1
	Гомерова троянская история на забавных виршах второй том	1
	Краткое толкование философии	1
	История ученая великобритании 2 части 12го тома	1
	Французская граматика чрез гримареи в табелих	1
	Описание варения и болезни желудка 2 том	1
	Собрание разных описаний касающихся до спору между лангом и волфом	1
	Табель дворян европейских самодержавцев по 1734 и 1735 годам	1
	Трудности касающиеся до учреждения римского сената предложенные чрез миролда стангопа и решенные чрез господина верто	1
	// (л. 161) На французском диалекте	
№ 2	Библиотека древняя и нынешняя чрез клерка	6
	Разговоры путешествующих в галандских барках	1
	Оправдание министров аглинских 1712	1
	Ключь кабинетам принцов для месяца апреля 1710	1
	Натуральной морал из всего начала	1
	История о сочинениях ученых чрез господина в для месяцев июля июня и августа 1695	1
	Речь о ползе учении и наук чрез барвеи рака	1
	Журналная история города парижа 1716	1
	Германская библиотека 12 том 1719	1
	Лепетиметр комедия	1
	Ответ к издателю новых правил как воспитат детей	1

№ 3	Описание фисики касающеися до тягости всех вещей чрез кастела	2
	Мемории для употребления к истории о безпокоиствах швейцарских 1726	1
	Мемории о владении петра великого чрез нестесурана	4 (2)
	Мемории маркиса дегвиспарда	1
	Мемории и секретная история нунция висконти 1719	2
	Мемории графа габраха 1720	1
	Штат о франции 1712	3
	// (л. 161 об.) На французском диалекте	
№ 3	Гомерова троянская история переведена чрез госпожу дасие	3
	Волность италии чрез тосини	1
	Художество мыслит	1
	Краткой метод для обучения географии чрез дефера 1706	1
	Путешествие и похождение якова массе	1
	Лукреса о естестве вещей	2
	Цицеронова должность человеческая чрез господина дубое	1
	Собрание новых стихотворений и виршов	1
	Разсуждение о ползе математики чрез декруза	1
	Собрание острых речей и ответов древних особ чрез обланкур	1
	Правила с примерами для обучения французского короля	1
	Телемакова авантюри или похождения	1
	Слава антоана мориса	1
	Писма франц мориса о делах того времени переведены с англицкого языка 1718	1
	Разговор о множестве советов чрез господина десен пиер	1
	Исторические диссертации о разных материях	1
	Похождение помпония или история нашего времени	1
	Правила для сохранения здравии с способами как продолжит жизнь чрез шеина	1
	Эксамен книги: писанная о волности мыслит	1
	Состояние российской империи чрез перри	1
	История маркиса деклем	1
	История города магдебурха чрез ангела	1

	Веселья верзанские чрез делафорс	2
	Лексикон господина леру	1
	// (л. 162) На французском диалекте	
№ 3	Состояние христианства во франции	1
	Сочинение господина боело	4
	Путешествие гиллевера	1
	Маголетов алкоран чрез дерие	1
	Украшения слов приведеная в свои правила	1
	Книга называемая леженесеное; или собрание разных разсуждений господина сенфилипа	1
	Скаска из бочки господина свифта	1
	Лебабиляр или розкащик переведен с аелинсаго языка	1
	Разговор в царстве мертвых чрез фенелона	2 (4)
	Патология лекарского искусства	1
	Разтолкование божия милости и должностей человека чрез лафита	1
	Еврейская монархия господина сенфилипа переведена с гиспанского 2: 3 и 4 том	3 (2)
	Леспектатер и сократ нынешний 2 и 4 том	2
	Гроб конституции в франции	1
	Опровергание конституции	1
	Мемории для употребления к истории славных людей в республики высокаго учения	1
	Мемории бурнетова епископа салинбургского	3
№ 4	Цицеровы книги о старине и дружбе	1
	Разсуждение о красноречии	1
	Новый меркур месяца ноября 1718	1
	Обманливой вид	1
	История петра демонмора профессора греческого языка в париже	1
	// (л. 162 об.) На французском диалекте	
№ 4	Разсуждение о высокои науке в разных материях чрез декруса	1
	Разные писания о науках	1

	Христианския учения и молитвы к богу вседневныя взяты из разсуждений отца кенеллова	1
	Житие франца фенелона архиепископа комбреского	1
	Мемория для употребления к истории петра великого чрез чужестранного министра обретающагося в оном дворе 1725	1
	Писма фенелоневу о разных материях касающихся до веры и метафисики	1
	История кардинала масарина	3
	Описание острова гермафродитов употребляемое для прибавления к журналу генрика третьяго	1
	Скаски и новелки господина вержие	2
	Библиотека книг новых месяца июля 1726	1
	Житие и разсуждения лучилла ваники	1
	История камбреской лиги	2
	Разговор о бешинстве и способах противу того	1
	История академии булонской называемая институции наук и художеств	1
	Правила соломоновы или советы мудрые	1
	Опыты политические агличана	1
	Равенство закона языщов	1
	Описание о славе чрез господина дечаси	1
	Господина леибница о бозе и твари	2
	// (л. 163) На французском диалекте	
№ 4	Оправдание геиделберхского катехисма	1
	Человеческое состояние в грехе первородном	1
	Самая секретная таинность иезуитов	1
	История о бастильи чрез деренневила	1
	Похождение робинсон крусое	1
	Похождения и писма с променадами детюльери	1
	Собрание разных пиеси и красноречая и вирши подданные французской академии	1
	Разговор о волности мысли и разсуждение о важных материях касающихся до так называемых етрифор	1
	Разговор о вознамерении гишпани и протч: 1719	1

	Разсуждение моралские; сатирические и шуточные о нынешних нравах	1
	Мемории господина демоншал о партикулярных делах кардинала деришелле	1
	Невредство господина леклерк	1
	Таблет политического человека 1715	1
	Правда показанная в двух пропозициях	1
	Разсуждения политическая и моральная	1
	Новая правила как воспитать детеи	1
	Суд настоящий послам; чрез беинкерсгукаи переведен чрез барбеирак	1
	Лексикон забавных речей делеру	1
	Похождение робинсона крусоя	1
	Диавол храмоногии	1
	Речь похвальная о дурачестве чрез эразма	1
	// (л. 163 об.) На французском диалекте	
№ 4	Собрание острых речей и ответов господина менаж	4
	Теренцова комедия чрез госпожу дасие	1
	Столетное время золотое купидона	1
	Святые стихи из псалмов	1
	Житие педрилья дель камбо	1
	Разговор о веселиях страстях и достоинствах женщин чрез дююи	1
	Опыт о цивилном владении чрез рамсе	1
	Увеселения свеицарских земель	2
	Образец соглашения церкви шеицарской	1
	Разсуждение о граматике реторике и протч:	1
	Разговор о красноречи чрез господина дефенелон	1
	Новыя писма господина патина 1718	1
	Библиотека историческая и критическая авторов всеи море	2 (1)
	Писма уездные 1721	1
	Трактат о физике	2
	Шесть книг меркуриев 1717: 1719 и 1720 годов	6

	Новый шпектатор французской первой том	1
	История петра демонмор чрез салленгр	1
	Известия временам по 1719 год	1
	Мемории о каферской земле 1718	1
	Разсуждения о войне в италии 1718	1
	Ключ кабинету принцов по месяц ноябрь 1716	1
	Лакриз переведенной с аглинского языка	1
	Пять месяцев истории высоких наук 1726 и 1727	5
	Человек от заблуждения превращенный чрез грациана 1718	1
	Правила папы павла 3го чрез аймона	1
	Продолжение книги называемая коттдега балис	1
	Оборение монархии сицилской против намерений римского правительства	1
	// (л. 164) На французском диалекте	
№ 4	Сардиния яко паранимфа мира между европейскими державами 1714	1
	Мемории и разсуждения о конституции	1
	Речь о позволении прав чрез барбеирак	1
	Эдиппова трагедия чрез волтерь	1
	Собрание мирных договоров и проч: чрез господина дюмон 1710	1
№ 5	Разговоры между особами учеными которые шесть дней жили в уезде	1
	История о дон кихоте	6
	Мемории о гишпании чрез госпожу доноя	1
	Овантюры и писма амурные с променадами детюилерии	1
	Леспри декурь делеироп 1, 2, 4, 12, 13, 14, 16, 17 и 18 том	9
	Сочинения клементя марота 1700	1
	Амуры дружба и амуретт чрез господина лепая	2
	Тож 1678	1
	Сочинения математическая чрез гастона депардис 1710	1
	Мир душевный чрез дюмулена 1715	1

	Суции христианин или житие маркиса деренти	1
	Провинциалныя авантуры или путешествие дефалем чрез ленобл	1
	Разговор фисической о равенстве мужеского и женского полу 1673	1
	// (л. 164 об.) На французском диалекте	
№ 5	Гувернамент цивильной чрез господина лока	1
	Руководство к аритметики чрез локарта	1
	Разговоры между тубертом осела и маркусом бибулум 1662	1
	Секретар исправленный чрез дефенна	1
	Мощи и сокровище сендениса во франции	1
	Разсуждения о насмешке и о способах как-то отвратит чрез беллегарда	1
	Мудрость чрез шеррона 1646	1
	Обыкновения и порядки в превоте города парижа	1
	Псалтир в виршах французских и немецких 1587	1
	Способ изрядна произойти чрез вервилла	1
	Нравоучение света чрез госоподина s д р	1
	Новый завет; или сокращение евангелии моралской чрез отца кенель 1, 2, 5, 6, 7 и 8 том в трех книгах	3
	Театр италианской деиерардии 2 и 6 том	2
	Принцеса клевская	1
	Тиридат трагедия 1691	1
	Писма господина балсак 1648	1
	Чрезвычайныя похождения любви	1
	Пророчества нострадама	1
	Комедии молиэровы 1 том и 4 том	2
	Старая граматика французская и аглинская	1
	Описание о физике чрез роголда 2и том 1683	1
	Книга гасетов амстердамских 1737 и 1738 годов	1
	// (л. 165) На французском диалекте	
№ 5	Писма булии рабутина 3, 4 и 5 том 1711	3
	Шпион при дворах 2, 3, 4, 6й том	4

	Логика господина декрусаца 1720	2
	Геометрия ево ж 1718	2
	Сочинения горациевы чрез тартерона с примечаниями о переводе чрез костя	1
	Наука придворных особ 2 том	1
	Руководство к истории пуфендорфовой 3и том	1
	Каменной новой иерусалем чрез антоанетта де буригнона 1683	1
	Опыт деонтаири 3 том 1659	1
	Описание версальи и марлии 2й том	1
	Изследование правды 3и том 1678	1
	Один ветхий катехизм	1
	Грамматика гишпанская	1
	Лексикон италийской и французской чрез дуец	1
	Третьи том сочинения господина молиерова	1
	Журнал ученых чрез 18 месяцев 1727 и 1725 с несколько писаниями куриера галанта	18
	Каталоги книг уморти в амстердаме	17
	Сила фулканова, чрез сенжулиен	1
	Дела марсова чрез маллета 1672	1
	Перевод почты жувенала чрез синвекана	2
	Молитва по всем дням в неделе чрез пиктет	1
	Правила господина лабабди	1
	Метод к обучению латинского языка	1
	// (л. 165 об.) На немецком диалекте	
№ 6	Иахима сандрарта немецкая академия живописного художества 1675	2
	Шлютерова фундаментальное наставление гиттенверкам у рудокопских заводах 1738	1
	Театр всех достопамятных мостов чрез шрама 1735	1
	Сагитарев реэстр немецким писмам лутеровым	1
	Новая открытая оттоманская порта переведена из рикота исагреда 1694	2
	Спатенев немецкой адвокат	2
	Ево же новыи секретариат	1

	Сигмунда феирабенда книга о турнирах 1678	1
	Дитенбергова немецкая библия 1572	1
	Асиандера история церковная на швецком языке 1635	1
	Изображение богов древних чрез сандрарта	1
	Фон метеренева нидерландская история	1
	Корола сигнона история королевства италии	1
	Вевперова фундаментальное наставление к сочинению солнечных часов	1
	Описание коронации императрицы анны	1
	// (л. 166) На немецком диалекте	
№ 7	Иогана георга кеислера новейшее путешествие чрез германию венгарию швейцарию италию и лотрингу 1740	1
	Гаффрида арнолдова церковная и еретическая история 1729	2
	Струвенова совершенная немецкого государства история	1
	Иогана христова мелфинова библия немецкая лутерова	1
	Иогана иеиданова история переведена на швецкой язык чрез иогана силвия	1
	Лексикон художеств и наук чрез яблонкса	1
	Истинная политика чрез мартина гакена шесть экземпляров	6 (5)
	Маскова история древних германов	1
	Крамерова толкование библии	1
	Петра торнова трактат о мекленбургских поместьях	1
	Разсуждения о находящихся в аусбургской конфессии правдах чрез реинбека	1
	Пуфендорфовы натуральное и всенародное право	2
	Бионев учение математики	1
	Иоанна фридриха шульца совершенное военное право 1700	1
	Венгерская кроника чрез гиеронова ортелла	1
	Разговор о предихте которую христос сказал луке глава 23 на дороге от иерусалима до емауса чрез урбана регия 1573	1
	// (л. 166 об.) На немецком диалекте	
№ 7	Санктпетербурхские ведомости 1737 году в переплете	1
	Павла лидиция книга о добродетелях 1609	1
	Примечания Санктпетербургской академии по 1734 и 1735 год	2 (1)

	Власть любви и ненависти комедия	1
	Нравоучение святого писания чрез могсейма	1
	Бурнетова приключения в его времени 1724	1
	Фон вантенбергова о течении инструкции детям своим 1718	1
	Изследование волшебства с предисловием томазии	1
	Описание коронации императрицы анны	1
	Ломенерова генеалогические табели 1 часть	1
	Разные разговоры мертвых в переплете	1
	Руководство к аритметики	1
	Тако ж к геральдии и географии	2
	Математической лексикон чрез волфа	1
	Гибнеров стацкой и ведомостной лексикон в трех экземплярах 1722 1704 и 1724	3
	Начало математических наук чрез биркентеина	1
	Лютерская библия чрез фон констеина	1
	Переплет с некоторыми мосгенскими и панлискими сочинениями	1
	// (л. 167) На немецком диалекте	
№8	Циллингерова римская оставия 1, 2, 3, 4, 6 том	5
	Толкование права гражданского статского натурального и всенародного 1703	2
	Грубернева математическая мирная и военная школа	1
	Двенадцать переплетов европейских фамы	12
	Житие и дела игнации лоиола	1
	Шесть первая книги евклидова	1
	Кастова описание новых теплицерских таин	1
	Бейкмеирова антиквариус или описани древности	1
	Светлеишаго света 1, 2 и 4 часть	3
	Салдацкая библиотека чрез вагнера	1
	Иункерова книга как сочинить писма	1
	Руководство к придворной философии чрез христианина томазия	1
	Стихотворныя сочинения чрез госпожу цеймана	1

	Цинегрефенова немецкие мудрые стихи	1
	Гофманев наставление к орфографии	1
	Мозгеимова святыя речи 1 и 2 часть	1
	Лейтманова особливая полза огня 1725	1
	Иоана амоса комена книга слов и речеи	1
	Азовская история	1
	Иоана готфрита грегора разсуждения о ландкартах	1
	Шредера шацкамер или справление доходов княжеских	1
	Георга струбена любовь к высоким наукам	1
	Иоанна преиссенова молитва	1
	Псалми в немецких виршах писанные чрез лангенгена	1
	// (л. 167 об.) На немецком диалекте	
№ 9	Начало отритметики чрез пешека	1
	Изъяснение юристических речеи чрез миллеран	1
	Пуфендорфово руководство к истории 1 и 3 том	2
	Немецкая церемониаль политика чрез фон винтерфелд	1
	Сокращение математических наук чрез христиана волфа 2 экземпляра	2 (1)
	Леонард христиан штурмов обучение математики	1
	Паландерево дамския писма	1
	Ево ж совершенный секретар	1
	Эрдманнова разговоры между езуитом и юристом	1
	Мелетаонова история о несчастливой аталанте или пригожеи арминке	1
	Сеиболдова школьная книга	1
	Гаверманова молитва	1
	Гибнерев руководство с политической истории	10
	Такой ж петчатной в 1719 году ис которых 5 и 6 части не имеют	8
	Ево ж генеалогические вопросы 1712	1
	То ж 1719 году	1
	Ево ж географические вопросы 1716 году	1
	То ж 1724 году	1

	Ево ж прибавление до 1709 году	1
	То ж до 1712 году	1
	Житие и дела фендриха вингелма великого курфиста бранденбургского 1710	1
	Обманства католических попов	2
	Менантева немецкая и французская письма	1
	Помазиевы умная и христианская разсуждения	1
	Француской целларии	
	Письма воинов	
	// (л. 168) На немецком диалекте	
№ 9	Генеалогическое и политическое показание всех штатов европейских	1
	Шендерферов гофмейстер для путешествия во францию	1
	Новои вымысление утешение на охоту	1
	Историческая детская молитвенная библия	1
	Фонцигера азиатская баннизя	1
	Кезелева молитвенная книга на дацком языке	1
	Вторая часть жития петра великаго	1
	Валентина геинсия арифметика	1
	Метоморфос овидови на французском и немецком языках	1
	Старой перевод нового завету	1
	Генеалогические вопросы	1
	Голштейнской календар 1727 году	1
	Изгнание гугоноттев во франции	1
	Венской календар 1720	1
	Моншеинева разсуждение о добрых и недобрых докторях	1
	Виттенбергская библия	1
	Трактат о риксгофрате вовены	1
	Книга с чертежами касающиеся к математики	1
	Люваркерова немецкие псалмы и берлинская певчая книга	1
	Беитележ геометрические утешения	1
	То же умножение	1

	Знатнейшия путешествия в европе	1
	Пелинагоратиев секретности людям и скоту	1
	Старая и немецкая граматика	1
	Разположение учении петра второго	1
	// (л. 168 об.) На немецком диалекте	
№ 9	Изображение студента теологии чрез франкена	1
	Кебесса солотный басни и эпиктетовы карманная книжка	1
	Геннинговы утешение больных	1
	Остроумная школа любви	1
	Истинное удовольствие души и радость в божии	1
	Гамбургская певчая книга	1
	Политической нахтиц	1
	Руководство к универсальной истории начальникам	1
	Новосочиненная амурная книга	1
	Неандрев состояние человека прежде и после впадения в грехи	1
	Описание путешествия деларока в палестину	1
	Реляции из франции 1705	1
	Забавныя приключения дюка дерокелорь	1
№ 10	Немецкая библия	1
	Кенхова лифлянская история	1
	Руководство к судебному порядку в тяжбах	1
	Цеймернова театр лифляндской	1
	Разговор в государстве правды о гамбургском возобновлении монет 1735	1
	// (л. 169) На немецком диалекте	
№ 10	Прославляющий берлин 1728	1
	Начальное учение географии	1
	Деляресев начальное учение рисования	1
	Михаила бернсова натурална острова разума	1
	Разговор в царстве мертвых между августом вторым и фридрих вилгелмом курфирстом бранденбургским 1741	1

	Такой же между фридрих вилгелмом великим и победным королем в пруссии	1
	Описание ледяного дому в санктпетербурхе	1
	Ведомость о пожаре в берлине 1730	1
	Описание нововымышленных рудокопных мелниц чрез леиана	1
	Четыре предихти сказанные при погребениях	4
	Описание башни и катедральной кирки в кениксберхе	1
	Российской вексельной устав	1
	17 штук малых книжек	17
	Описание коронации императрицы анны	1
	Христианское учение о обхождении добрых и святых христианах	1
	Разная стихотворная дела чрез каница	1
	Житие фелтьмаршала секендорфа	1
	Генрика гулса правда калвинской веры	1
	Писма двух добрых приятелей о существе души	1
	Харминтева немецкая граматика	1
	История и дела цесаря кондрата 4го из поколения швавских герцогов	1
	// (л. 169 об.) На немецком диалекте	
№ 10	Фонгеинсова о здравии человеческом	1
	Гибнерев лексикон о натуралных художных и рудокопных делах	1
	Ево ж прибавление к истории	1
	Российской вексельной устав	1
	Библия на лифлянском языке	1
	Вторая часть коменева новоумноженного видимаго свету	1
	Старая немецкая молитвенная книга	1
	Житие и похождения робинсона крусое	1
	Фридрика ромберга школная обучения по правилам грамматики	1
	Собрание разных ведомостей о епископстве пинтене	1
	Искусный торговый корреспондент	1

	Книги бес переплету	
	История какое несчастье случилось фалцим землям	1
	В совершенно свое яме сам себя ловущий волк	1
	Оправдание унитарской веры 1720	1
	Мариниев состояние королевства полского	1
	Леитманнев признание себя самого 1720	1
	Гриндлингов описание марк бранденбурха и тамошняго шляхетства	1
	Иоана портена экстракт из главнейших королевских манифестов и уставов	1
	Собрание исторических дел алтмарка	1
	26 части дел высокоученных	26
	Описание иллюминации в дрездене при сицилианском браком церемонии	1
	14 штук разных малых книжек	14
	// (л. 170) На немецком диалекте	
№ 10	Описание источников в пирмонте	1
	Четыре каталоги	4
	Свяска с разными календарями и ведомостями	
	На латинском языке	
№ 11	Мартина дегенова архитектура военная	1
	Описание земель чрез околски	1
	Июстинианское уложение с примечаниями конция и дионизия готофреда	1
	Калвисиева хронологическое сочинение	1
	Рафаела детурлиев трактат о векселях	1
	Предихти рудолфа гвалтера над пророками	1
	Имгофова рассуждение о шляхетстве немецкого империи	1
	Лексикон на латинском швецком и немецком языке чрез иона петрагота	1
	Иоана кала большой лексикон иориспруденции	1
	Пилландерев леркурий с присмегисти с примечанием розселли	1
	Пискаторева примечания над пророками 1645	1

	Лексикон господина фабри	1
	Спенеера история славных гербов	2
	Стурмова начальное учение математики	1
	// (л. 170 об.) На латинском диалекте	
№ 11	Самуела бохарта география святая	1
	Алберта кранца бактрианского государства	1
	Баирова история бактрианского государства герчан с учением времени валтера и протч.	1
	Ево ж история о троенских и эдессенских народов ясненная из древних манет	1
	Якова тикота симболи папов императоров и королеи	1
	Даниела бернуллева гидродиманика или о силах и движениях жидких корпусов	1
	Комментарии академии наук 1, 2, 3, 5 и 6 том	5
	Такожде части первой два экземпляра	2
	Римское уложение чрез готтофреда	2
	Баксбаума книга о травах незнакомых в ориенте примеченных	2
	Якова германова форономия то есть книга силах и движениях корпусов	1
	Герберштейма о делах российских 1549	1
	Гоппиев примечание и толкование римских институции	1
	Бенерова описание гражданской права	1
	Гроциевы права воинской и мирные	1
	Предихты филиппа диеца	1
№ 12	Духовное право	(2)
	// (л. 171) На латинском диалекте	
№ 12	Бартоломеа цорнова ботанология медика	1
	Дефлиаса о судьбе и годах присужденных как людям так властным государствам	1
	Бартолинова руководство к универсальной математики по методу господина декарт	1
	Иоана барклея защищение королеи против кардинала беллармина	1

	Пуфендорф о праве натуралном и всенародном комментарии	1
	Комментарии матея весенбека над римским уложением	1
	Проспера алпина о врачестве эгиптов	1
	Разсуждение о римском праве прежде цесаря иустиниана	1
	Густавиди или вирши венцеслава клементя о либеомонте	1
	Система богословии чрез брокмана	1
	Комментарии санктпитебурхской академии наук 1 часть	1
	Речи при первом публичном собрании санктпитебурхской академии 4 экземпляра	4
	Георга бернгарда бифингеров толкование философическая о бозе свети и человеческой душе и протчем	1
	Христофора георга деберка о путе к сущей и краиней благополучности	} 1
	Родерика цаморена зеркало жития человеческого	
	Разсуждение о вторых супружествах	1
	Книга с латинскими ведомостями по 1739 год	1
	// (л. 171 об.) На латинском диалекте	
№ 12	Теодора цвингера диссертация медицинская о болезнях травах и лекарствах	1
	Отвещание бернарда рибейрда против господину бурдеев в вене	1
	Собрание главных мирных инструментов от 1647 году до 1660 году	2
	Филипа клювера руководство к универсальной географии 1678 и 1694, 2 экземпляр	2
	Медицинская книга называемая антидотариум бонониензе 1615	1
	Томазии о наложничестве 1713	1
	Сичесбека о травах в санктпетербурхе 1736	1
	Иоана готлиба беттихера о злых болезнях	1
	Книга писанная против наложничества	1
	Речь говоренная в собрании санктпитебурхской академии мая 5 дня 1731 году	1
	Мессениев описание шведского шляхетства в стокгольме 1616	1
	Диссертации орации и другия речи и грамоты	18

	Кирхмейера исследование о особливом основании веры слове божием	1
	Мартина хемница о двух естествах в христе 1578	1
	Эрасма михаила лаециев римские италианские цесары 1574	1
	Микрандера безбожество открытое и оспоренное	1
	Доктора сиденгама сочинения со всем	1
	Лаутербахев сокращение статского права опубликованное чрез иоана якоба щипца	1
	Элия копиевица граматика латинская славено росииская в амстердаме 1700	1
	// (л. 172) На латинском диалекте	
№ 12	Сочинения гановерская господина леирника 1718	1
	Жертва ночния любви чрез петра питея с примечаниями иуэста лития	1
	Иоана виллелма итера о мостях римского империи	1
	Казобанова история пимолнево	1
	Эрнеста гекелия о особливых правах величеств	1
	Сторонная медицинская сочинения дашкана синаея 1734	1
	Иоана фридриха буддея о натуральном и всенародном праве 1704	1
	Аргенис иоана барклея	1
	Начала евангелии святого иоанна чрез артемония	1
	Собрание вопросов моральныя философии аристотелския чрез казо	1
	Фридрика номева сатари	1
	Якоба августу туари история ево времени второй и пятой том	2
	Овидиев описание разных обыкновеней ево времени	1
	Моргофа о сочинении писм	1
	Аретинов разговор женской	} 1
	Сперлингева книга о возвращении и зародке человека	
	Сисерова грамота с примечаниями минеллев	1
	Виргилия маронева сочинения	1
	Пилидора виргилия о вымыслителях вещей	1

№ 13	Иоана якова готтингера диссертации против лудовика	
	Рукова о церковном суде 1721	1
	Каталог библиотека кризианской 1727	2
	Иоана клерикова физика	1
	// (л. 172 об.) На латинском диалекте	
№ 13	Павла нова история ево времени 2 том	1
	Кленарда о греческом языке	1
	Туана история ево времени первой части второй том и 4 части второй том	2
	Реигерев лексикон латинской и немецкой 1668	3
	Кастелионева разговоры святых 3 экземпляра	3
	Иоана палма о искушениях и проч: 1614	1
	Квирины кулмана свидетельства человеческая 1683	1
	Говладиева о состоянии церкви греческой 1714	1
	Клювера руководство к географии 1659	1
	Пуфендорфова о должности человека гражданина	1
	Гопев эхамен институции	1
	Валерии максим с примечаниями липции	1
	Корнелии непос минеллев	1
	Франциска басона речи нравоучительные политичные и экономические 1664	} 1
	Гоббеса основания философии гражданина 1669	
	Симона староволсия дела милитарские 1646	1
	П: теренциева комедии	1
	Гелницево путешествие во французских и нидерландских землях	1
	Веллея патеркула история римская и додвелла летописная история веллеяна	1
	Анне и флори история чрез минеллия	1
	Бухлерев о сочинении писм 1636	1
	Эрасма ротердама хвала дурачества	1
	Неполная книга виргилиева	1
	Житие и учение иисуса Христа чрез николая аванчинта эзуита	1

	Беньямина приолева история о ффранции 1677	1
	Самуэла веренфелса диссертация о спорах речи 1716	1
	// (л. 173) На латинском диалекте	
№ 13	Авлакия табель геометрической и проч: 1706	1
	Библиотека истории филологии и теологии 1720	3
	Иоанна алфонсова теретина разныя сочинения второй том 1726	1
	Разумный советник адама самуела фрестейна по правилам найденным в истории корнелия тацита 1653	1
	Третья часть истории латинских авторов	1
	Письма беззнатных людей к м. оргуйну 1710	1
	Меланхтонева основания этики 1571	1
	Рехеиберхова о высоких науках и учениях академических	1
	Грамматика латинская	1
	Ритерская утешения иоакима первой курфирст бранденбургской 1718	1
	Иоанна авена эпиграмата	1
	Генрика ранцова о сохранении здоровья 1591	1
	История святая сулпиция севера продолженная из книги слендановой о четырех монархиях 1701	1
	Иоанна андрея шмицево сокращения медицинских наук в практике 1653	1
	// (л. 173 об.) На латинском диалекте	
№ 13	Блонделева описание ахенских теплиц 1685	1
	Верденгаген о делах публичных рансеатических 4я часть	1
	Каталог санктпетербургской библиотеки часть 4я	1
	Библиотека господина ансиллона в берлине 1720	1
	Разных малых тетратей	26
	Санктпетербургских ведомостей	13
	Книга в одном переплете с латинскими ведомостями	1
	Рассуждение о привидениях или спекстрология чрез декера 1690	1
	Сетования беззнатных людей в писме эрасма роттердама 1689	1
	Описание монет в кабинете господина букгарди первая часть 1740	1

	Четыре политические печатные тетради	4
	Символы и эмблематы печатные по повелению петра великаго в амстердаме 1705	1
	Помеев большой лексикон 1709	1
	// (л. 174) На латинском диалекте	
№ 13	Конституция унигенитус папы климента XI 1718	1
№ 14	Ривия пуританева история монасская 1737	1
	Симона павла учение церковное 1579	1
	Буксторфоф лексикон еврейской	1
	Иоанна барклея аргенис 2я часть	1
	Валерия флакция аргонавтикон	1
	Венделинева институции политики	1
	Селнера о формуле конкордии протестантов	1
	Вернерия основания права натурального и всенародного	1
	Марка антониа муретева сочинения	1
	Мураллиа институции о добром житии	1
	Раимунда миллиева сочинения или сокращение наук и художеств	1
	Иакова кунтила примечания, которыми изъясняются многия в праве перебиванные и невнятые речи, 1618	1
	Меланхтонева начало физики	1
	// (л. 174 об.) На латинском диалекте	
№ 14	Ево ж комментарии над даниелем	1
	Цицеронова сочинения, все в 9 томах 1574	9
	Ево ж речи или орациони	1
	Иеронима озориева двенатцать книг о делах португальского короля эмануэла 1575	1
	Букспорфова синагога иудейская 1680	1
	Витриарии о праве натуральном и всенародном	1
	Будея история права натурального	1
	Рассуждения о именах и речах особливых которые в учении о троице от богословов оспариваются	1
	Адриана алкмара изяснение о примум мобиле	1
	Фридриха демарселара посол	1

	Штатское право российской империи 1737	1
	Хитрея латинская грамматика	1
	Марциала эпиграмата и лукрециева рассуждения о натуре тварей	1
	Рехенберхова описание философии	1
	Иустинус чрез боксорма	1
	// (л. 175) На латинском диалекте	
№ 14	Бейэрова книга о китайских делах и вещах 1730	2
	Тимплерова реторика	1
	Презбейта о праве посольств чинов немецкаго	1
	Лессеа эвгения империи и эпистоли	1
	Георга маиера толкование эпистолей	1
	Гемстерда о натуре души и тела человеческого	1
	Балдуина предихти над евангелиями	1
	Книга латинских и немецких речей и слов	1
	Анатомика чрез гемстергусина	1
	Описание о высоких науках чрез гецелия	1
	Мартина мартинева о поспешном рассуждении	1
	Бекмана о первом основании нравоучения	1
	Полингения зодиакус жития	1
	Гроциев о воинском и мирном праве с предисловием христиана вольфа	1
	Кастелионева разговоры святыя	1
	Гроциева о истинне христианского закона	1
	Кордериевы разговоры школьные	1
	Суд настоящей послов чрез бинкерсгука 1721	1
	// (л. 175 об.) На латинском диалекте	
№ 14	Гейманова письма к ученым людям нынешних времен	1
	Весейбекова примечание над римским и немецким уложением	1
	Овидиевы письма героические	1
	Верселонева о французской болезни	1
	Корнелия валерия о физике	1
	Квинто курции	1

	Гроциевы три книги права войны мира вопросами расположенные	1
	Бредеродово институции цесарския	1
	Мабиллионева немецкое путешествие	1
	Описание славных школ чрез делоню с предисловием иоанна албрехта фабриция	} 1
	Карла огера описание путешествия в швеции дании и полше	1
	Ключи или толкования римского уложения	1
	Право поместное чрез стрика 1710	1
	Теренция комедии	1
	Билфингеров о происхождении и позволении слагует о делах ему касающихся 1718	1
	// (л. 176) На латинском диалекте	
№ 15	Веренфелсия диссертации	1
	Наука умные рассуждать чрез замя	1
	Комениево руководство к языкам	
	Латинская грамматика	1
	Самуела штрикия основания права юстинианскаго	1
	На голландском италиянском швецком немецком и протчих языках	
	Сочинение все кавалера иакова катса	1
	Описание и изображение трав и росад чрез абрагалиа мунтинга	1
	Политическое наставление голландския республики	1
	Штирманская наука чрез гитермакера	1
	Морское право города визбурха	1
	Учение о штатском и воинском деле чрез жирора мафрекета 1624	1
	История о републике венецианском во времени лиги сочиненныя против магомета чрез петра гарсона 1707	1
	// (л. 176 об.) На голландском италиянском швецком немецком и протчих языках	
№ 15	Предложения и размышления о штатском деле чрез гвигардина лоттина и сансонина	1
	Такая же и письма анибала кара 1697	1

	История о италии чрез гвигардини 1580	1
	Торговой человек чрез даминика пера	1
	Пастор фидо чрез гварина	1
	Политическия речи чрез павла парута	1
	Рассуждение михаила пинелли о начале подагры и о ползовании сей болезни	1
	Штеран дели анжели математикус в падуу о тяжести духа и жидких вещей	1
	Церковная история чрез озиандра на швецком языке	1
	Описание генеалогии графския реиссенския фамилии на немецком языке 1684	1
	Описание [генеалогии графския] цицилианской и саксонской торжественной в дрездене брака на немецком языке	} 1
	Немецкая библия чрез фафека на немецком языке	
	Привилегии чинов герцогства прусского	1
	Атлас нидерландских провинции в 50 картах	
	// (л. 177) На голландском италиянском швецком немецком и протчих языках	
№ 15	Сочинения все господина фон бевеервнка так медицинская как лекарская	1
	Исторические казание достопамятных дел от месяца апреля 1628 году до сентебре 1629	1
	Такое ж от месяца октября 1624 году до марта месяца 1626 году на голландском языке	1
	История древних немцов до осудвига королей меровингских чрез макова	1
	Научение о употреблении и пользе трав чрез бартоломея цорна на немецком языке	1
	Демориев о мудрости криспаанской веры 2 экземпляра	2
	Швецкой медицинской устав	1
	Слова и речи	1
	Примечания на шведском уложении чрез николая ряламба 1673 на шведском языке	1
	Искусный кузнец	
	Артамена или великой цырус господина кудера 3я часть	1

	Приготовление к таинству священного миропомазания на аглинском языке	1
	// (л. 177 об.) На голландском италиянском швецком немецком и протчих языках	
№ 15	Житие и дела кавалера дон кихота на гишпанском языке чрез михаила де серванта вторая часть	1
	Истинное исповедание веры православно восточной церкви переведено с греческого языка	1
	Дон кларасел дегонтарнос или история весьма смутенного кавалера	1
	Книга о мире с богом	1
	Описание жития славного спиноза чрез колера с защищением воскресения господня	1
	Христианское рассуждение о которых верныя души надобно ежедневно размышлять	1
	Описание аглинского безпокойства в 1648 году	1
	Веселые и чудные записки	1
	Голландская и французская грамматика на голландском языке	1
	Сатиры маркиса лудовика адимафия	1
	Триумф скапиново учения бартоломея бокалина	1
	Историческое описание морских баталий между кораблем италиянским и тартаню турецкою на италиянском языке	1
	// (л. 178) На голландском италиянском швецком немецком и протчих языках	
№ 15	Речь философа эсмина против тестифонта и его призывание в речи демостена переведено с греческого языка	1
	Штатские тайности 2я часть	1
	Сочинение каспара контарина о венецианском републике и магистрате	1
	Пастор фидо	1
	Описание италиянского места вила бенедетта	1
	Элиза или винная невинность	1
	Описание историческое италиянского города бресси чрез носаря	1
	Рассуждение о смерти на италиянском языке	1
	Разговор о искустве где учится одержать три нужная вещи яко корма платие и деньги	1

	Особливыя и веселыя рассуждения петра аретина	1
	Политическая оселка чрез траяно бокалина на италианском языке	1
	История и описание образа богородицы в лоретанском доме	1
	// (л. 178 об.) На голландском италианском швецком польском и протчих языках	
№ 15	Веселие житие дела и смерть полскаго кротожилка на полск. языке	1
	Книга с молитвами и песнями на французском языке	1
№ 16	Бидлова анатомия тела человеческого с грыдорованными фигурами господина лереса на голландском и латинском языке четыре экземпляра	4 (3)
	Память авгспурской конфессии торжественной в 1730м году	1
	Авгспурская мирная память или так называемая картины о мире в 1650 до 1732 году	1
	Науки и увеселения благороднаго человека на аглинском языке	1
№ 17	Рукописныя	
	Описание древних лагеров с чертежами чрез михаила геннена	2
	Краткое изъяснение философии	1
	Руководство к учению грыдорованной науки	1
	Две книги с немецкими предихтьями	2
	Календари разных годов	37
	Разных рукописных книжек никчему годных	17
	// (л. 179) На российском диалекте	
№ 18	Военное состояние оттоманской империи с ея приращением и упадком сочинено чрез графа демарсилы	1
	Описание жития и дел принца евгения	1
	Мемории или записки артиллерийския чрез сенреми	2
	Описание при монетном деле потребнаго искусства	1
	Флоринова экономия	1
	Разговоры о множестве миров чрез фонтенелла	1
	Краткое описание комментариев академии наук на 1726 год	1
	Геометрия практика	1
	Российской букварь и слова	1
	Санктпетербургские ведомости 1731 году	1

	4 собрания разных указов без переплету	4
	Экстракт стирманского искусства и наук принадлежащих и мореплаванию	1
	Духовная книга	1
	Сокращение математическое третья часть	1
	Такая же первая часть два экземпляра	2 (1)
	// (л. 179 об.) На российском диалекте	
№ 18	Расположение учение петра второго	1
	Слова и речи с греческим и латинским толкованием	1
	Ордеров или во флоте морских прав	1
	Езда в остров любви без переплету	1
	Книжка математическая о всех небесных планетах	1
	Календарь на второй год владения китайского хана цянъ луна	1
	Свяска с разными указами	
	На французском диалекте	
№ 19	Библиотеки древния и нынешния от 1717 по 1725 год	20
	Журналы ученых людей от 1716 по 1726 год	143
	Ключь кабинета	39
	Исторической и политической меркурии от 1716 до 1724	94
	История высоких наук из исторической мемории и протчих	17
	Каталогов	5
№ 20	Разных немецких книг без переплету и протч:	28
	// (л. 180) Котолог книгам бывшего президента Комерц коллегии Менгдена находившимся в Комиссии разобрания писем которые положены все в один сундук кроме гамоновых специального и генерального атласов в двух переплетах и отданы вместе с оными атласами в комисию описи пожитков а имянно	Число сколько каждого звания находится переплетов или волюнинов
№	В полдести	
1.	Фабров лексикон в двух переплетах	2
2.	Корпус дипломатической универсальной	8
3.	Разныя сочинения петра бела	4
4.	Диксионер белов част 1, 2 и 4	3

5.	Исторической и географической лексикон част 1, 2 и 4	3
6.	Описание реки Дона и Черного моря	1
7.	Гоманов специальной атлас о немецкой империи	1
8.	Гаманов генеральной атлас	1
	В четверть листа	
12.	Аугсбургского вексельного устава	1 (2)
17.	Диксионер помещиков	1
18.	// (л. 180 об.) Указы императора Петра Великого с 1724 по 1725	1
19.	Немецкой лексикон с русским	1
21.	Гундлингов разговор о естественном и народном праве	1
22.	Германово собрание и наилучших избранных ответов	2
	В четверть листа	
23.	Опыт показания натуральной веры сочиненной Валластоном	1
24.	Старой и новой завет тщанием господина Придо	2
25.	Гундлингова история касающаяся до наук	3
26.	Его же разговор о политике	1
27.	Глафиреево право народное	1
28.	Викефортово о посланцах	2
	В осмью долю листа	
29.	Таинные юридические письма	3
30.	// (л. 181) Линнгово собрание речей говоренных от тайных особ	6
31.	Саландернов искусной стряпчей	1
32.	Лудовиково учение о пандектах	1
33.	Эспийон декур	6
34.	Карктер дитя оффрост	2
35.	Разсуждение о чудесах	1
36.	Спектатор	6
37.	Геинецкий о ландектах	1
38.	Фенелоновы философские сочинения	1
39.	Пастораль дефонтенел	1
40.	Силейския ученые новости	1
41.	Гибнерова география	1

42.	Писма ларедановы	1
43.	Беве́рджево разсуждение о вере	1
44.	// (л. 181 об.) Писма кардинала оссата неполныя	4
45.	Венеронеевы грамматика	1
46.	Каберова проповед о страдании	1
47.	Сеинт эвремон в нем не достает 2 части	5
48.	Лепас тарту делеглиз ромен (не в комплекте)	4
49.	Сочинения немецкого лейпцигского собрания	2
50.	Руссетово собрание историческое часть 2, 4 и 5	3
51.	Мантор модерн	2
52.	История алберта юлия о некоторых мореплавателях част 2	1
53.	Мемоар дефарбеин	1
54.	Фенелонов диалог демор	1
55.	Клерково о том что ест бог и о его атрибутах	2
56.	Роненово о способе как поступат в науках част 3 (протчих не найдено)	1
57.	// (л. 182) Брундрис дер фирштен кунст	1
58.	Вике фортовы французские и латинские письма	1
59.	Писма господина шевалие д'эр	1
61.	Куриозныя примечания о бывшем во время лава французском стате	1
62.	Краткое руководство к познанию прав морских	1
63.	Марпергерово о пенковых и лняных манифактурах	1
65.	Юристическая электа	1
66.	Житие госпожи дебарневелт часть 1	1
67.	Гундлингово о имерской истори	1
68.	Дон кишот на немецком языке 2 часть	1
69.	Пеплиэрова французская грамматика	1
70.	Небестны радостны обед уготованны сыном божиим	1
71.	Две книги на лифляндском языке	2
	// (л. 182 об.) В двенатцатую долю листа	
72.	Театр декорнель	1
73.	Письма историческия и любовныя	1 (7)

74.	Указы лудовика XIV част 2	1
75.	История о несогласии в вере между агличанами	1
76.	О сотворения мира салюстивева	1
77.	Лэрона джелоза или о завести между европейскими владельцами часть 2	1
78.	О революциях случившихся в англии по смерти олифизера	1
79.	Новыя изобретения 17 века	1
80.	Молодая алцидиана	2
81.	Голландской меркурии	1
82.	Пастор фидо	1
83.	Реляция французской индиской компании	1

// (л. 183) Михаила Головкина

Книга сказание о святом благочестии российских начало самодержавцов и семени его святого и протчих в переплете коженом.

Уложенья старои печати царя алексея михайловича в переплете коженом.

Уложенье писменное в переплете коженом.

Книга родословная великих князей писменная в переплете коженом боярина князя михаила григоревича ромодановского.

Флориновая економия в переплете коженом.

Систими махаметанской религии в коженом переплете. Родословное великих князей русских августа цесаря римского в переплете одною кожею и завяскою.

Взятье казанское в таком же переплете одною кожею.

Розряд казанской в переплете коженом ветхая.

Книга в переплете коженом приход великого князя иоанна василевича в новгород.

// (л. 183 об.) Театрум света сего третия часть монархологии в переплете коженом.

Случаи над прозоровскими и протчими в переплете простом коженом с завяскою.

Родословец русских великих князей от великого князя рюрика и до царя федора ивановича.

Два описания при монетном деле потребного искусства в двух главных частях состоящими при том фигурами в том числе одно большое в красном коженом переплете с золотом другое поменьше в простом переплете.

Арефметической табел о всех пробою золота и серебра.

Книга о получении каждому властелю богатства в переплете коженом.

Книга врата триумфальная в Москве на вход его императорского величества с торжеством окончания благополучной войны.

Книга политика знатных и благородных особ в бумажном переплете.

Описание карнации императрицы Анны Иоанновны в переплете кожном под золотом.

// (л. 184) Указы по кончине ее императорского величества Екатерины Алексеевны и манифесты и присяги в переплете бумажном.

Регламент и устав адмиралтейства в том числе одна и верви в переплете бумажном а другое в переплете кожном.

План Санкт-Петербургской академии наук.

Три книги немецкия архитектурския.

Два атласа больших один в переплете оклееном золотою бумагою а другою юфтею желтою кожею.

Светильник морской в переплете золотою бумагою.

Ода русская с немецким о взятии Перекопа в переплете золотом красном.

Книг на разных чужестранных языках больших и малых печатных и писанных в бумажных и кожных переплетах пятьдесят в том числе иные бес переплету.

По сему реестру означенные книги отданы в Академию наук. Поручик Мина Косохнов. А которых номеров не означены, те книги отданы в другие места. Мина Косохнов

// (л. 185) Реестр книгам бывшего фельтмаршала миниха и прочих персон а имянно миниха		
№	Книги в сундуке под № «11»	Число книг
1	Антон Фюрста описание четырех знатнейших государств в свете часть 1я 3я и 5я на немецком языке	3
2	Лютеров сем книг на немецком языке	7
3	Иогана Арида предики на немецком языке	1
4	Библия на французском языке	1
5	Руководство ко артиллерии и к деланию фейверков на немецком языке	1
6	Гибнеровы родословныя таблицы на немецком языке	1
7	Римской цесарской указ Мекленбургскому дворянству	1
9	Описание коронации государыни императрицы Анны Иоанновны на немецком языке	1
10	Цесаря Иосифа новой розыскной устав	1

	В поддесть	
11	История маршала дедюреина	1
12	Французской садовник	1
13	1я и 3я часть комментариев санктпетербургской академии наук	2
14	// (л. 185 об.) Мемории или записки артиллерийския	1
15	Крамеров лексикон италийской и немецкой	2
16	Крамеров новой италийской лексикон	1
17	Дивиниана архитектора на французском языке часть 1я	1
18	Лексикон архитектурной на французском языке часть 2я	1
19	Шриверово евангелие поучительное	1
21	Сигнерова книга на италийском языке	1
23	Употребление глобуса и сферы чрез биона на французском языке	1
24	Житие гиндрика коницея на латинском языке	1
25	Аридово истинное христианство	1
26	Три рукописные книги о алгербе и геометрии	3
	В четверть дести	
	№ 12	
27	Три немецкия библии	3
28	// (л. 186) Гибнеров купеческий лексикон	1
29	Фрисов французской лексикон	1
30	История лудовика XIV часть 1я 2я и 4я	3
32	Санкт евремитовы сочинения	4
33	Записки о нынешнем состоянии швеции	1
34	Увеселения италии часть 2я и 3я	2
35	Анмиерова история швеции	6
36	Гишпанской военной регламент	1
37	Овидеевы матеоморфозы	3
38	Рабутиновы писма часть 2я 3я и 5я	3
39	Трактат о феиверках	1
40	Лаплацеттово набожное собрание	1
41	Венерониева италийская грамматика	1

42	Трактат о величестве	1
43	Собрание всяких песней часть 1я	1
44	Границиусова книга о истинне христианского закона	1
45	Вирши госпожи де зулиер	1
46	// (л. 186 об.) Коритеевы сочинении выбраны ис книг овидиевых	1
47	Мемории или записки о минстерском мире часть 3я	1
48	Гиероклев комментарии на пифагоровы золотые стихи	1
49	Часть 1я санкт евреиметовых дел	1
50	Гартарлиев ученой человек	1
51	Евклидовы элементы на немецком языке	1
52	Салдатская библиотек	1
53	Известие о семинарии в галле	1
54	Ардново истинное христианство	1
55	Пелинцовы известия о знатнейших европейских дворах часть 1я	1
56	Яисов молитвеник	1
57	Еристова полская грамматика	1
58	Раман под титулом финлис сцирская	1
59	Увеселение матиматическое	1
60	// (л. 187) Геометрия тригометрия и острономия	1
61	Гамбургской молитвеник	1
62	Гернгонов курс матиматической часть 3я	1
63	Кобер поучения о страстях христовых	1
64	Военные экзерциция для инфантерии	1
65	Блонделев новой способ укрепления	1
66	Преимущества принца аранского	1
67	Карбинеллевы чувства любви часть 2я	1
68	Венрихово сокровище стихотворенное	1
69	Меланхтонова грамматика латинская	1
70	Везов политической ритер	1
71	Ево же новое руководство к реторике	1
72	Ево же латинская грамматика	1

73	// (л. 187 об.) Виренлии с примечаниями манеллия	1
74	Буддеев элементы философския	1
75	Грамматика латинская	1
76	Ертелев атлас баварской	1
77	Хронограф исторической	1
78	Обсервации о французском языке	1
79	Шветцово размышление о смерти	1
80	Книга о штатских причинах на италианском языке	1
81	Две рукописные книги с конными экзерцициями эрнста миниха	1
В 12ю долю листа		
82	Гибнерова политическая история	1
83	Описание знатнейших дорог в европе	1
84	Вижеласов квинт курции	1
85	Шевяева митология	1
86	Еразмовы адарии	1
87	Овидиевы дела	1
88	// (л. 188) Сочинение николая каузина	1
89	Диявол хромьи	1
90	Видеманов христианской домостроител	1
91	Часы христианские	1
92	Лютерово толкование катехизма	1
93	Феиеровы мемории на французском языке	2
94	Часть 2 луционовых стихов чрез перрота на французском языке	1
95	Краткое руководство к нынешней воинской архитектуре	1
96	Благочестивы салдат	1
97	Корнеев театр	1
98	Леклерка дискурз о зрении	1
99	Цветник исторический	1
100	Секретар по моде	1
101	// (л. 188 об.) Генерала рудня книга о нравах на италианском языке	1

102	Мерциаловы эпиграммы	1
103	Сем старых учебных книг	7
104	Пят таких же книг	5
105	Девят таких малых учебных книг	9
106	Старой неполной гамманов атлас	1
107	Свяска в которой несколько сшитых книг и ведомостей печатных	
// (л. 189) Бывшаго графа андрея остермана		
Две книги о пленении рязанские земли от мамыя полууставные рукописные		2
Книга имянуемая рауф такая ж		1
Бывшаго графа головкина		
Три книги немецких в том числе одна в коженном переплете а две в бумажном		3
// (л. 189 об.) В коллегия иностранных дел отдано бывшего фелтмаршала миниха		
20	Уставы ордина святого духа	1
22	Показание причин для которых брауншвейгцгерской против вафенбителского вооружается	1
31	Записки кардинала дерец част 1я 2я и 4я	3

Ettore Gherbezza,
Dizionario di italianismi in russo

(= Biblioteca Ambrosiana. Fonti e studi. 32), Milano: Biblioteca Ambrosiana, Centro Ambrosiano, 2019, 377 pp.

Марина Анатольевна Бобрик

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
 Москва, Россия

Marina A. Bobrik

Vinogradov Russian Language Institute
 of the Russian Academy of Sciences
 Moscow, Russia

Книга Этторе Гербеццы открывается восходящей к Л. Витгенштейну метафорой языка-города. Лексика как разомкнутое множество разнородных элементов похожа, пишет Гербецца, на «город, в котором есть старые, иногда даже древние дома и дома новые, построенные совсем недавно; есть старые кварталы, в которых дома — заброшенные или подновленные — теснятся друг к другу; и есть новые районы, более правильные и (возможно) менее привлекательные» («[...] una città fatta di case vecchie, a volte antiche, e di case nuove, modernissime; di quartieri in cui le case più vecchie sono addossate le une alle altre, in alcuni casi abbandonate e in altri ammodernate, e di quartieri nuovi, dall'aspetto più razionale e (forse) meno attraente», p. 1). В книге итальянского лингвиста эта метафора ассоциируется с образом «невидимых городов» Итало Кальвино («Le città invisibili», 1972). «Словарь итальянизмов в русском языке» вызывает в воображении построенный из разнородного и разновременного материала *città invisibile*, невидимый итальянский город внутри русского языка.

Цитирование: Бобрик М. А. [Рец.] Ettore Gherbezza. Dizionario di italianismi in russo (= Biblioteca Ambrosiana. Fonti e studi. 32). Milano: Biblioteca Ambrosiana, Centro Ambrosiano, 2019, 377 p. // Slověne. 2020. Vol. 9, № 1. С. 475–487.

Citation: Bobrik M. A. (2020) [Rev. of:] Ettore Gherbezza. Dizionario di italianismi in russo (= Biblioteca Ambrosiana. Fonti e studi. 32). Milano: Biblioteca Ambrosiana, Centro Ambrosiano, 2019, 377 p. *Slověne*, Vol. 9, № 1, p. 475–487.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.1.17

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

Труд Этторе Гербеццы заслуживает внимания и благодарности уже тем, что труд этот — первый такого рода в русистике¹. Впервые воедино собран репертуар слов итальянского происхождения в русском языке и те наблюдения, которые накоплены к настоящему времени в лексикографии и специальной литературе. Такое обобщающее лексикографическое исследование подводит промежуточный итог целой области как итальянистики, так и русистики — области изучения итальянско-русских лексических контактов — и в то же время открывает в русистике новый лексикографический жанр. Словарь подготовлен очень тщательно, с большой филологической и лингвистической культурой. Составлен он в итальянской языковой перспективе. Начальный импульс исходил в начале 2000-х гг. из более широкого замысла группы лингвистов (Luca Serianni, Lucilla Pizzoli, Leonardo Rossi) собрать итальянизмы в разных языках мира и продемонстрировать таким образом пути культурно-языкового распространения итальянского языка. Словарь итальянизмов, вошедших во французский, английский и немецкий, был издан в 2008 году под редакцией Харро Стаммерйохана и его коллег («Dizionario di italianismi in francese, inglese, tedesco», далее DIFIT). «Русская идея» этого подхода нашла воплощение в книге Э. Гербеццы².

Собственно словарь обрамлен введением и аппаратом, последний включает в себя указатели и библиографию.

Во введении «Итальянизмы в русском языке» читатель (а словарь этот очень интересно именно читать) получает представление о теоретических основах словаря.

Ключевое понятие работы — *итальянизм* (italianismo) — в русле концепции Х. Стаммерйохана [Stammerjohann 2010] и DIFIT толкуется расширительно. Словарь составляют «все те слова итальянского языка, которые вошли в русский язык и достаточно утвердились в нем, в Средневековье или в Новое время, в освоенной или неосвоенной форме, прямым или опосредованным путем» («tutte le voci proprie della lingua italiana che sono entrate in russo in modo sufficientemente stabile, sia in epoca medievale che moderna, in forma integrata o non integrata, per via diretta o indiretta», p. 2–3). Такое понимание предмета исследования обусловлено вниманием к изучению путей и форм осуществления языковых контактов, к взаимодействию языка и культуры.

Составитель стремится проводить различие между заимствованиями морфологическими и семантическими, полными и частичными, не обходя неясных случаев и «псевдоитальянизмов». В согласии с традицией в число итальянизмов Гербецца включает слова региональных языков (будь то венецианские термины морского дела или геологические неаполитанизмы), а также слова других языков, опосредованные итальянским (например, *арсенал*, *артишок* или *тариф*, вошедшие в европейские, а затем и в русский язык не напрямую из арабского, а через итальянский, в эпоху, когда Италия была посредником в культурных контактах Европы и Ближнего Востока).

¹ Сходные идеи лежали в основе словаря германизмов в польском языке [DLP], хотя условия и характер контактов в этом случае были во многом иными.

² Ср. лексикографическую базу данных Института немецкого языка им. Лейбница (Leibniz-Institut für deutsche Sprache; <http://lwp.ids-mannheim.de>), куда интегрирован и DLP (ср. примеч. 1).

Э. Гербецца стремится включить в словарь только достаточно утвердившиеся в русском языке итальянизмы. Критерием стабильности служит при этом фиксация слова в лексикографических источниках. Регистрация отдельных употреблений в текстах художественной литературы или публицистики недостаточна, так как эти употребления могут носить окказиональный характер и отвечать очень конкретным речевым и художественным задачам. Строгость ограничения позволяет отсеять до поры до времени неустоявшиеся заимствования (в частности, многочисленные гастрономические варваризмы, которые мы в изобилии видим на страницах российских меню). Впрочем, на практике лексикографический критерий проведен не вполне последовательно, в некоторых случаях опорой служат исключительно данные Национального корпуса русского языка (далее: НКРЯ; даже единичные вхождения, как в случае *бариста*).

Первый из двух основных разделов предисловия посвящен культурному измерению русско-итальянских лексических контактов („La dimensione culturale“, р. 4–19), здесь дается абрис основных культурных эпох итальянско-русских лексических контактов. На графике (р. 11) наглядно представлена количественная динамика итальянизмов, вошедших в язык в каждую из эпох. Наибольшее число ожидаемым образом приходится на XVIII век (499 слов), и это ощущается как взрыв даже на фоне сравнительно открытого заимствованиям XVII века (74 слова). В XIX и XX веках количество итальянизмов последовательно уменьшается (соответственно, 222 и 155 слов). Сейчас, в XXI веке, запас новых заимствований, по данным Э. Гербеццы, пока невелик (25 слов) и лишь чуть-чуть превышает количество итальянизмов, вошедших в русский язык в XVI веке (22 слова).

Восстанавливая образ итальянской культуры, отразившийся в зеркале русской лексики, Э. Гербецца приходит к выводу, что образ этот немногим отличался от отражения итальянской культуры в других языках Европы, разве что в русский язык соответствующие заимствования, нередко опосредованные одним или несколькими языками, приходили с запозданием (р. 5). Состав заимствований и состав посредников в ходе истории менялись. Три эпохи с присущими им основными группами заимствований выделяет Э. Гербецца в своем введении к словарю:

Средневековье: морское дело, архитектура, типографское дело (р. 5–10).

Новое время: музыка, искусство, финансовое дело (р. 10–16).

Современная эпоха: точные науки, политика, гастрономия (р. 16–19).

В эпоху Средневековья контакты происходили в большей мере через морские пути и были обусловлены торговлей и жизнью черноморских колоний Генуи и Венеции. Контакты могли быть непосредственными или опосредованными. Не всегда можно с уверенностью назвать источник заимствования — итальянский, венецианский или *lingua franca* черноморского региона. Именно в зоне этих контактов появляются первые итальянизмы — названия ветров *бора*, *гарбин*, *грего*, *майстро* (из венецианских *bora*, *garbin*, *grego*, *maistro*). До сих пор в русском языке сохраняются восходящие к этой эпохе команды *вира* и *майна* (из также венецианских *vira*, *maina*).

Следующая волна морских терминов придет в XVIII в., но через посредство голландского языка (хотя еще при постройке петровского флота в Воронеже в роли экспертов выступали венецианцы): *авария*, *баркас*, *компас*, *фрегат* и др.

В сфере архитектуры список терминов открывается словом *башня*, вошедшим в русский язык в XVI в. и восходящим через посредство польского, белорусского, чешского к ит. *bastia*. Многовековое присутствие итальянцев в русском зодчестве [Седов 2000; Sedov 2004] как будто бы не оставило следа в языке, кроме термина строительной техники *бут*, возможно, из *bottare*, *buttare*. В петровское время ряд терминов (*цоколь*, *архитрав* и некоторые другие) заимствуется непосредственно в процессе перевода трактата Якопо Бароцци да Виньола „Regola delli cinque ordini d'architettura“, 1562 (рус.: Джакомо Виньола, «Правило о пяти чинах архитектуры», Москва, 1709). Позднее, в течение XVIII в., термины архитектуры, в том числе военной, как правило, опосредованы французским языком: *кариатида*, *колоннада*, *парапет*, *балюстрада*, *фестон*, *фронтон*, *равелин* и др.

В военной сфере старейшие термины *капитан* и *солдат* восходят к 1-й четверти XV и к XVI в., когда авторитет итальянцев как военных специалистов был в Европе очень высок. Многие слова вошли в XVI в. через польский и немецкий: *бомба*, *бригада*, *генералиссимус*, *граната*, *кавалерия*, *кампания*, *капрал*, *мушкет*.

Термины книгопечатания и названия типографских ремесел — *батырищик*, *тередорищик*, *марзан*, *маца*, *касса* (типографская) — появляются начиная с 1-й половины XVII в.

Итальянизмы Нового времени неравномерно распределяются по нескольким группам. При общеевропейском господстве французского языка как языка секулярной аристократической культуры в определенных областях роль законодателя принимал на себя итальянский язык. Наиболее значительно количество заимствований (не менее двухсот) в области музыки и музыкального театра. Обычно они попадали в русский прямым путем из итальянского, но в некоторых случаях также через французское и немецкое посредничество. В сер. XVII — сер. XVIII в. в придворной и городской культуре итальянский принял на себя функцию европейского языка мелодрамы и пения. В России использование итальянской музыкальной терминологии ко 2-й пол. XVIII в. уже приобрело массовый характер. До сих пор в языке сохраняется множество усвоенных тогда терминов: *аллегро*, *анданте*, *меццо-форте*, *пианиссимо*, *туба*, *фагот*, *ария*, *каприччо*, *опера*, *бельканто*, *либретто*, *сольфеджио*, *бутафор* и т. д. и т. п. С тех пор мы кричим в театре и в концерте *браво!* (*bravo* м. ед. 'отличный') — словечко, впервые отмеченное в Неаполе в начале XVI в., а в XVIII в. стремительно утвердившееся в европейских языках: в немецком (1715), французском (1738), английском (1761) и напоследок в русском (1764), где закрепилось в качестве несклоняемого междометия. Достаточно перечитать «театральную» строфу «Евгения Онегина» («Но уж темнеет вечер синий...»), которую цитирует автор словаря, чтобы представить себе степень насыщенности тогдашнего театрального воздуха итальянизмами.

Слова из области изобразительных искусств (*гуашь*, *карикатура*, *колорит*, *Пьета*, *торс*, *фреска*, множество специальных терминов живописной техники) приходят в русский язык в XVIII и в особенности в XIX в. — в эпоху ампира и неоклассики, путешествий к римским руинам и итальянских стипендий Академии художеств. Итальянизмы этой группы оказываются общими для основных европейских языков и в их числе русского, так что в области искусства итальянский становится своего рода *lingua franca* (p. 15).

Однако и в области коммерции и финансов влияние итальянского довольно заметно. Поныне в употреблении большое число слов, импортированных в XVIII–XIX вв.: *банк, банкир, банкрот, кассир, текущий счет* (калька с *conto corrente*) и др. Каждый знает, что такое *брутто* и *нетто*, и еще вовсе не ушел из жизни *ломбард* — слово, хранящее в себе смутную память о том, что когда-то, в начале XVIII в., ростовщиками зачастую были выходцы из северной Италии, «ломбардцы».

Отличается от предыдущих тот облик итальянского языка, который отражается в русской лексике современности (XX-го и нынешнего веков).

Упоминания заслуживают итальянизмы в области научной терминологии, хотя их и немного. Если говорить о предыстории, то самые ранние относятся к сфере ботаники — это появляющиеся в текстах XVIII века *артишок, белладонна, брокколи*. В XVIII–XIX вв. пришел ряд терминов геологии: *гранит* и *лава* общепотребительны до сих пор. К заимствованиям XIX в. относятся и некоторые названия болезней: *инфлюэнца, малярия, пеллагра*. А вот XX в. принес термины физики, связанные с именем Энрико Ферми: названия *ферми* (единица измерения), *фермий* (химический элемент) и *фермион* (элементарная частица). Самым заметным вкладом итальянского языка в научную терминологию стало, впрочем, слово *нейтрино*.

Центральная по значимости роль досталась итальянизмам в языке политики. Заимствования здесь единичны, но каждое исключительно весомо, хотя бы в силу актуальности обозначаемых ими понятий: *фашизм* (в русском языке с 1920-х гг.), *тоталитаризм* (с 1933 г.).

Массовый приток заимствований (главным образом, англо-американских) в постсоветскую эпоху Э. Гербецца рассматривает в широком контексте процессов одновременного обновления европейских языков. Специфику русской ситуации он, вслед за В. М. Живовым, видит в том, что обращение к западным моделям вызвано отталкиванием от дискредитировавшего себя языка советского времени (р. 19). Итальянский в этой новой перестройке языка, насколько пока видно, связан с едой, со сферой гастрономической терминологии, и в языке вполне утвердились и *карпаччо*, и *моцарелла*, и *паста*, и *пицца*, и еще недавно экзотические термины кофейной культуры *ристретто*, *капучино* и *эспрессо*.

Во втором из двух разделов предисловия обсуждается языковое измерение лексических контактов («La dimensione linguistica», р. 19–31) приведена типология итальянизмов (детально исследованная автором в более ранней работе [Gherbezze 2012]) и обсуждаются типы адаптации заимствований.

Э. Гербецца отмечает, что из двух основных типов контакта (заимствование и калька) среди итальянизмов преобладает первый, количество калек он оценивает всего в пару десятков (р. 19). Внутри калек автор различает семантические (*крёстный отец* < ит. *padrino*), частичные (*кортик* < ит. *cortello*), синтагматические (*текущий счет* < ит. *conto corrente*) и синтематические (*идти в Каноссу* < ит. *andare a Canossa*).

Среди заимствований для словаря важно различение прямых заимствований (с их характерным итальянским фонетико-морфологическим обликом: *ризотто, фортиссимо*) и опосредованных другими языками и сохраняющих характерный для этих языков облик (в частности, французский: *мезонин, фасад*,

серенада, акварель, рельеф, вермишель; или голландский: *компас*). Э. Гербецца выделяет также многократные заимствования (*пастиччо* непосредственно из ит. *pasticcio* в музыкальном значении, наряду с *пастииш* — через фр. *pastiche* в значении живописном). Не желая упростить картину, автор словаря признает, что в ряде случаев единственный источник и путь заимствования указать трудно или невозможно и следует констатировать множественность источников (*origine multipla*), как, например, в случае *бригантина* (р. 24). Интересны заимствования ономастического происхождения, в основе которых лежат антропонимы (*страдивари*), топонимы (*болонья*) или маркионимы (*мартини, пластилин*); к этой группе в конце словаря есть отдельный указатель (р. 353–354). Особо отмечаются псевдоитальянизмы (общеупотребительные *латте, тутти-фрутти* и менее распространенные *плохиссимо, брателло*) — явление, имеющее типологические параллели в других ареалах языковых контактов (ср. в немецком языке псевдоанглицизм *Handy* ‘мобильный телефон’).

В этом же разделе введения (на р. 25–30) суммируются наблюдения над процессами адаптации итальянских заимствований. Здесь говорится, в частности, о некоторых любопытных закономерностях фонетико-орфографической адаптации геминат; о модификациях грамматического рода (*брокколи* усваивается ж. р. по аналогии с *капуста*; исконно форма мн. ч. *мафиози* приобретает род в соответствии с физическим полом); а также о явлении семантической редукции при заимствовании (*форте* перенимается только в музыкальном значении).

Собственно словарной части книги предшествуют краткие указания пользователю: структура словарной статьи, принципы транслитерации, сокращения и условные обозначения.

Словарь включает 1005 итальянских слов. Леммы расположены в порядке итальянского алфавита, что облегчает сопоставление с аналогичными словарями итальянизмов в других языках. Кириллический указатель их русских соответствий, облегчающий поиск русисту, помещен на р. 333–348.

В словарной статье четыре основных поля. В первом помещена итальянская лемма в том виде, какой она имела в эпоху заимствования. Удобны дополнительные знаки, дифференцирующие место лексемы в языке-источнике: если лексема вышла из употребления — крестик, если имеет диалектное происхождение³ — литера *d*, если связь с итальянским языком сомнительна — знак вопроса, а если слово представляет собою искусственный псевдоитальянизм — тильда. Рядом с леммой помещено русское соответствие (разумно называть его вслед за соответствующим итальянским термином репликой, ит. *replica*) вместе с грамматической характеристикой, транслитерацией и при необходимости отклонениями от стандартного произношения. Во втором поле видны все варианты, когда-либо бывшие в употреблении в русском языке. Третье поле включает сведения о семантике русского слова: значения, лексикографические источники. В четвертое поле помещены историко-этимологические сведения: указывается, если возможно, дата первой фиксации в тексте, словаре и/или наиболее раннее вхождение в НКРЯ; отмечается также, прямое ли заимствование или опосредованное другим

³ В итальянской языковой ситуации под диалектом подразумевается, по сути, региональный язык, у которого может быть и письменная форма.

языком (другими языками). Статья замыкается историко-этимологической характеристикой итальянского слова-источника (на основе стандартных словарей итальянского языка и DEFIT).

В целом такая словарная статья представляет собою компактный, в меру подробный, четко структурированный комментарий к заимствованию, лингвистический и историко-культурный. Заключение в нем сведения дают возможность достаточно объемно представить себе историю данного заимствования: увидеть географическую, временную и семантическую траекторию слова, уловить как общность понятий в рамках европейской культуры, так и переосмысление понятий на границах национальных культур.

Так, междометие *баста* попадает в русский язык дважды, оба раза как карточный термин, однако лишь в 1-й четверти XIX века — как итальянизм (с редукцией значения). До этого, во второй половине XVIII века, как мы узнаём из словаря Э. Гербеццы (р. 74–75), омограф *баста* как термин популярной игры в ломбер ('крестовый туз') имеет, как и сама игра, испанское происхождение (*l'Hombre, basto*) и вошел в русский язык через французский (*baste*). Дополнительно в комментарии упоминается, что последующее внутриязыковое развитие породило глагол *бастовать*, первоначально (в 1-й пол. XIX в.; по сведениям Виноградова [1999: 663], впрочем, уже с конца XVIII в.) также как карточный термин 'прекращать игру', затем (со 2-й половины века) в значении 'прекращать работу', откуда *забастовка* (первая фиксация в 1865 г.).

Таких историй на страницах словаря сотни.

К числу безусловных удач словаря относятся статьи о словах *тоталитаризм* и *тоталитарный*. Говоря в предисловии об интернационализмах такого рода, Э. Гербецца подчеркивает методологическую необходимость наряду со словами русского языка учитывать источники и всех других языковых традиций, принявших в себя данное слово (р. 18). Благодаря такому широкому горизонту, автору удается показать несостоятельность распространенного в лексикографии суждения о том, что источником слова *тоталитарный* (впервые фиксируемого в русском языке ок. 1930 г.) явилось фр. *totalitaire* (первая фиксация в 1934 г.), оба слова представляют собою итальянизмы.

Читая подряд словарь или даже только указатель включенных в него русских итальянизмов, поражаешься их разнообразию. Кроме крупных тематических групп, о которых уже шла речь, это множество слов из самых разных сфер жизни, при этом технических терминов из общего числа 1005 всего 123 (их указатель помещен на р. 349–352). Тут и город (*эстакада, фабрика, магазин*), и быт (*штора, салфетка, матрац, штиблеты, парик*), и профессии (*почтальон, пилигрим, балерина*), и кино (*студия, сценарий*), и, казалось бы, совсем не «итальянская» еда (*рис, фрикаделька, карбонад, редис, вермишель, цедра, торт, цукат, пастила*), и пес Полкан, и Буратино, и *до-ре-ми-фа- соль*. И даже посконный *zipун* (ит. *ziprone*).

Словарь Э. Гербеццы — важная веха в изучении итальянско-русских языковых контактов, он открывает широкие перспективы дальнейших исследований в данной области. Нет сомнений, что у русистов (историков языка, литературы, культуры) эта работа вызовет живой интерес. Одно из направлений, открываемых словарем, — это дальнейшее изучение калек, фонд которых окажется,

можно думать, более широким, чем представляется сейчас. Ценные для истории русской сочетаемости и идиоматики источники — переводы с итальянского и двуязычная переписка (например, членов семьи А. Кантемира) — с этой точки зрения, по сути, еще не исследованы. Приведу лишь один пример. В XVIII в. переводчик итальянского плутовского романа о Бертольдо широко пользуется калькой с итальянского *saltare in mente*: «Какое дурачество вскоичло тебе в голову?», «Мнение, вскочившее в голову женам градским» и множество под. [Космолинская 2011, примеч. 27, 43]. Выражение *вскочить в голову*, уступая в употребительности синонимичному *прийти в голову*, дожило тем не менее до наших дней, и употребление в «Докторе Живаго» (*И вдруг мысль ей вскочила в голову, как бы его перехитрить*) — не единственное в НКРЯ.

В заключение хотелось бы предложить несколько произвольно выбранных конкретных дополнений и уточнений к словарю.

Уточнения требует, как представляется, самый ранний в материале словаря итальянизм *барка*. Исходя из названия источника — летописного свода Новгородской IV летописи, Э. Гербеца, как и его предшественники, полагает, что слово вошло в древненовгородский, и далее строит предположения о путях заимствования, возможных именно в Новгороде. Автор словаря склоняется к мнению, что *барка* усвоено из языка торговавших с городом североитальянских (ломбардских) купцов (р. 69), вопреки тем этимологам, которые допускают и другие пути, ср. свод мнений у А. Е. Аникина: «Судя по наличию в др.-новг. [...] возможно заимств. из ср.-н.-нем. *barke* или (согласно Черн. 1: 75) из сканд., ср. др.-сканд. *barkí*, др.-датск. *barke* = датск. и др. *bark* 'барка, баржа' (FT 1: 50–51; Kl.21: 52)» [РЭС, 2: 221]. Участники дискуссии, как кажется, не учитывают контекста первой фиксации, а это тот фрагмент летописной «Повести о Митяе», в котором говорится о морском путешествии в Царьград. Текстологический анализ «Повести», проведенный Г. М. Прохоровым, показывает, что 1) интересующее нас слово относится к древнейшей редакции, существовавшей уже к 1408 г. и 2) уже в этой древнейшей редакции читается не *барка*, а *варка*: *И вложиша Митяя в варку* [Прохоров 1976: 248]. Такая форма недвусмысленно свидетельствует о посредничестве среднегреч. *βάρκα*⁴. И еще одна мелочь: упоминание под 1377 годом в летописи документируется списками не ранее XV в., поэтому строго говоря только дата списка может считаться датой первой фиксации. Итак, по-видимому, ит. *barca* становится известной в русском языке через посредство греческого в форме *варка* и впервые упоминается в сочинении последней трети XIV в. в составе летописи по списку XV в. Заново, уже непосредственно из итальянского, *барка* появляется в русском языке в венецианском контексте «Сказания о Флорентийском соборе» XV в. по списку XVI в.: *По всъмъ улицамъ [Венеции] воды, ѣздять в барках* [СлРЯ XI–XVII вв., 1: 74].

С выходом 30-го тома Словаря русского языка XI–XVII вв. можно дополнить картину бытования в русском языке итальянизма *tramontana*, восходящего, как указывает Э. Гербеца (р. 312), к *lingua franca* моряков. До сих пор была известна

⁴ В цепочке, восстанавливаемой в словаре А. Е. Аникина [РЭС, 2: 221] учитывается только др.-греч. форма, ср.: итал. *barca*, франц. *barque* и проч. < лат. *bārca* < **bārka* (с суфф. -ica) < греч. *βάρης* < копт. *barī* 'челн (нильский)'.

только русская реплика со значением ‘северный ветер’, впервые засвидетельствованная в описании путешествия стольника П. А. Толстого 1697–1699 гг. В этом источнике, как полагают, слово *tramontana* заимствовано напрямую из итальянского или венецианского⁵.

Теперь мы располагаем еще одной реализацией этого итальянизма в русском языке — в ином виде и ином значении, однако статья Словаря XI–XVII вв. требует реинтерпретации. Лексема *трамунтанъ* отмечена в «Проскинитарии» Арсения Каллуды — описании Святых мест, переведенном на церковнославянский язык с греческого в 1686 г. Евфимием Чудовским [СлРЯ XI–XVII вв., 30: 94]⁶. В интересующем нас фрагменте Арсений, описывая Голгофскую часовню в Храме Гроба Господня, говорит о трех входах в часовню и их ориентации по сторонам света:

Тамо на Голгофѣ есть церковь краснѣишая [...] имать врата трои: едина къ сѣверу (πρὸς τὸν ἄρκτον), и иная къ трамунтанъ (πρὸς τὴν τραμουτᾶνα), яже имать и двѣ лѣствицы, едина степени 10; вторая 8; третья же врата совершенно задѣлана [Каллуда 1883: 25; Kalludes 1690: 103].

Арсению нужно различить двое дверей с северной стороны Голгофской часовни: один вход расположен строго на север (который он традиционным образом называет ἄρκτις), а другой вход, с двумя лестницами, расположен (как сегодня, так и в XVII в., см., в частности, изображения того времени: [Travelogues]) на северо-восток часовни, и тут он пользуется морским итальянизмом, которым в греческой розе ветров обозначается направление норд-ост («*tramontana*, gr. vulg. fem. nord, vent du nord; Nord-Est du compas» — [Jal 1848: 1475])⁷. Грамматически заимствование имеет у Арсения неизменяемую форму с артиклем женского рода единственного числа⁸. Евфимий Чудовский, переводы которого известны своей буквальностью, оставляет слово *траμουτᾶνα* без перевода и также употребляет его как неизменяемое: *къ трамунтанъ*.

Таким образом, *tramontana* (как и *barka*) проникает в XVII в. в русские источники по меньшей мере дважды — и через греческий (в значении ‘северо-восток’), и десятью годами позднее непосредственно из итальянского (в значении ‘северный ветер’; о проникновении итальянизмов через переводы с греческого в XVII в. см. также [Щекин 2014]). На этом примере лишний раз находит подтверждение мысль Э. Гербеццы о важности обращения непосредственно к текстам, источникам заимствования.

Dolce far niente, блаженное ничегонеделание, сладкое ничегонеделание, сладкое безделье, блаженное безделье — явственная итальянская нота в русской литературе

⁵ Так же обстоит дело и с другими репликами этого итальянизма (в белорусском, украинском, словацком, болгарском и хорватском) [ЕСУМ: 5, 618].

⁶ За указание на эту лемму и на электронную версию греческого источника я благодарна Р. Н. Кривко.

⁷ Составители древнерусского словаря, ошибочно связав трамунтанъ с ит. *tramonto* ‘закат’, указывают для славянской леммы значение ‘запад’.

⁸ Женский род имеет это слово (со значениями ‘север’ и/или ‘Полярная звезда’) уже и в более ранних византийских источниках [Тарр 2017: 1795].

и культуре начала XIX и начала XX в. Это выражение очевидным образом было в ходу в кругу образованных русских людей пушкинского времени. К. Батюшков, знаток итальянской поэзии и переводчик Тассо, иронически рассказывая Н. Гнедичу о своих деревенских занятиях, пишет: «3 часа упражняюсь в искусстве убивать время, называемом *il dolce far niente*» (письмо от 30 сентября 1810 г. — [Батюшков 1989: 145]). Частично это клише цитируется Пушкиным в «Евгении Онегине» (*И far niente мой закон*, гл. 1, LV). Кальки в особенности трудно поддаются выявлению, тем более что словарями они вместе со своими прототипами фиксируются лишь в исключительных случаях, обычно или только русская реплика, или только источник. Но кое-что в лексикографии все же есть. Имею в виду итальянский материал «Словаря иноязычных выражений и слов» А. М. Бабкина и В. В. Шендецова. Выражение *dolce far niente* представлено здесь, разумеется, только употреблениями в качестве иноязычного вкрапления в русских текстах [Бабкин, Шендецов 1981: 360–361], что не должно было бы стать препятствием для введения в словарь итальянизмов, так как Э. Гербецца, вообще говоря, учитывает вариацию графического облика (ср. *dolce*, р. 141). Кроме того, *dolce far niente* есть в НКРЯ, пусть и с недостаточной полнотой (писем Батюшкова, например, нет): в основном корпусе в латинской графике 25 вхождений (от 1845 до 2008 года), в русской графике — 4 вхождения *сладкое безделье* (1892–2008), 2 вхождения *сладкое ничегонеделание* (1894 и 1993 годов), 3 вхождения *блаженное ничегонеделание* (самое раннее в 1968 году), 4 вхождения *блаженное безделье* (от 1970-х до 2010-х гг.). Поэтический корпус дополнительно содержит еще два (кроме приведенного пушкинского) примера для *dolce far niente*, один из которых — одноименное стихотворение В. Брюсова 1924 года и для *сладкое безделье* — 1 пример у Э. Багрицкого. Отмечу окказиональное образование *долчефарниентовый*, встретившееся в письме историка литературы Е. И. Боричевского к С. Киссину (Муни) с критикой его стихов о лени и, в свою очередь, с собственной философией *dolce far niente*: «Лень в седьмой день не есть лень, а заслуженный отдых. Лень долчефарниентова не есть лень, а душевное сосредоточение и собиранье сил перед творчеством» (письмо от 14 января 1915 г. — [Киссин (Муни) 1999: 181]). Ограничусь этими примерами — из них видно, что данное выражение развило в русском культурном контексте своеобразную семантику и заслуживает более детального исследования.

Кроме словаря Бабкина и Шендецова, незаслуженно, как кажется, выпал из поля зрения Э. Гербеццы историко-лексикологический том «Исторической грамматики» В. Кипарского [1975]. В списке Кипарского [1975: 123–124] слов совсем немного, 23 (он отмечал заимствования только петровской эпохи), но 3 из них, несомненные итальянизмы, все же не вошли в словарь Э. Гербеццы, а именно:

фавор (ит. *favore*)

фаворит (ит. *favorito*)

форестьер ‘иностранец’ (ит. *forestiero*, впервые у Куракина; в НКРЯ 12 контекстов, начиная с эпистолярного гоголевского: *В Риме шумно более, нежели сколько бы желалось. Форестьеров гибель. Русских, англишей, французов — хоть метлой мети.*).

По меньшей мере в одном случае некоторая фиксированность Кипарского на данных языка Б. И. Куракина сыграла безусловно положительную роль: слово

ария впервые упомянуто в 1717 году именно Куракиным, однако не в музыкальном значении, а в смысле ‘воздух’ [Kiparsky 1975: 54–55]; эта полисемия, к сожалению, ускользает от внимания Э. Гербеццы без обращения к тексту источника.

Для *agio* — через фр. *l'agio* — *лажа* в словаре отмечена форма мужского рода *лаж*, но в женском роде есть уже в XIX в. в исконном, по-видимому, финансовом значении, о чем в НКРЯ свидетельствует по крайней мере один контекст:

Интересен доклад от шаншу Хубу, с предложением проекта, дабы пожертвованный лаоми из Тайваня и с берегов Фуцзяня и Кантона перевозился на купеческих судах не за плату, а с дачею за то привилегии — привозить на тех же судах и товар в пропорции, в сравнении с лажею лаоми 8/10: 2/10 беспошлинно [К. А. Скачков. Мой дневник (1853)].

Сейчас живо только жаргонное *лажа* в значениях ‘ерунда, чушь, безделица; ложь, подделка; что-то нежелательное; блеф’ [Елистратов 1994: 222]. Первоначально, возможно, в жаргоне музыкантов (семантический переход ‘денежная промена — подмена, ошибка’), ср.:

Раньше слово “капуста”, например, мог употребить только фарцовщик. Слово “лажа” — только музыкант. Слово “кум”, допустим, — только блатной. [Сергей Довлатов. Переводные картинки // «Иностранная литература», 1990]

О происхождении этого жаргонизма от старого *лаж* составитель Словаря московского арго говорит предположительно: «Возм. из уг. или от устар. “лаж” — обмен, приплата к одной разновидности монеты при обмене ее на другую, напр. бумажных денег на серебро, серебра на золото и т. п., прибавочная стоимость монеты при уплате ею за товар» [Елистратов 1994: 222]. Теперь можно с большей определенностью говорить о слове *лажа* как об итальянизме.

Приведенные соображения следует понимать как первые заметки при благодарном встречном чтении, к которому приглашает замечательный словарь Э. Гербеццы.

Библиография

Бабкин, Шендецов 1981

Бабкин А. М., Шендецов В. В., *Словарь иноязычных выражений и слов: А–Я*, изд. 2-е, перераб. и доп., Ленинград, 1981.

Батюшков 1989

Батюшков К. Н., *Сочинения, 2: Из записных книжек. Письма*. Сост., подгот. текста, коммент. А. Л. Зорина, Москва, 1989.

Виноградов 1999

Виноградов В. В., *История слов*, Москва, 1999.

Елистратов 1994

Елистратов В. С., *Словарь московского арго (материалы 1980–1994 г.г.)*, Москва, 1994.

ЕСУМ 2006

Етимологичний словник української мови, 5: Р–Т, Київ, 2006.

Каллуда 1883

Леонид, архим. (изд.), *Просквинитарий святых мест святого града Иерусалима на греческом языке написал критянин иеромонах Арсений Каллуда и напечатал в Венеции в 1679 году с греческого на славянский диалект перевел чудовской монах Евфимий в 1686 году: (из Синодальной рукописи, in 4°, № 543)*, С.-Петербург, 1883.

Киссин (Муни) 1999

Киссин С. (Муни), *Легкое бремя: Стихи и проза. Переписка с В. Ф. Ходасевичем*, подгот. издания И. Андреевой, Москва, 1999.

Космолинская 2011

Космолинская Г. А., *Русский Бертольдо. Судьба итальянского комического романа в России XVIII века: рукописи, издания, читатели*, Москва, 2011.

НКРЯ

Национальный корпус русского языка (<http://ruscorpora.ru>).

Прохоров 1976

Прохоров Г. М., *Летописная повесть о Митяе, Труды отдела древнерусской литературы*, 30, Ленинград, 1976, 238-254.

РЭС, 1–13

Аникин А. Е., *Русский этимологический словарь*, Москва, 2007–2019–.

Седов 2000

Седов Вл. В., вступ. статья, *Итальянские архитекторы для России XV–XX вв. Архитектурные проекты итальянских зодчих из собрания Музея архитектуры имени А. В. Щусева*, Москва, 2000.

СлРЯ XI–XVII в., 1–30

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30–, Москва, 1974–2019–.

Щекин 2014

Щекин А. С., Морские термины итальянского происхождения в русском переводе новогреческой Хроники Псевдо-Дорофея XVII века, Черняк В. Д., отв. ред., *Слово, Словарь, Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (Материалы Всероссийской научной конференции к 90-летию со дня рождения С. Г. Ильенко)*, 2, С.-Петербург, 2014, 104-107.

DIFIT

Stammerjohann H. et al., a cura di, *Dizionario di italianismi in francese, inglese, tedesco*, Firenze, 2008.

DLP

Vincenz A. de, Hentschel G. et al., *Wörterbuch der deutschen Lehnwörter in der polnischen Schrift- und Standardsprache: Von den Anfängen des polnischen Schrifttums bis in die Mitte des 20. Jahrhunderts* (= Studia Slavica Oldenburgensia, 20) (<http://diglib.bis.uni-oldenburg.de/bis-verlag/wdpl/>; <http://lwp.ids-mannheim.de/dict/wdpl>).

Gherbezza 2012

Gherbezza E., Per lo studio degli italianismi nella lingua russa, *Russica Romana*, 19, 2012, 117–132.

Jal 1848

Jal A. et al., *Glossaire nautique: Répertoire polyglotte de termes de marine anciens et modernes*, Paris, 1848.

Kalludes 1690

Kalludes A., *Proskynetarion Tōn Hierōn topōn hopu heriskontai eis Tēn Hagian Polin Hierusalem (Descriptio sacrorum locorum urbis Hierosolymarum, nunc dehno impressa et correcta cura Georgii Hierodiaconi Magioti.)*. Benetiēsi, 1690.

Kiparsky 1975

Kiparsky V., *Russische historische Grammatik*, 3: *Entwicklung des Wortschatzes*, Heidelberg, 1975.

Sedov 2004

Sedov V., Italia: l'esportazione della bellezza, *Da Giotto a Malevič. La reciproca meraviglia. Catalog of an exhibition held at the Scuderie del Quirinale, Roma, Ott. 2, 2004 – Genn. 9, 2005*, [Milano], 40–45.

Stammerjohann 2010

Stammerjohann H., Italianismi, *Enciclopedia dell'italiano*, Simone R., a cura di, Firenze, 2010.

Trapp 2017

Trapp E. et al., *Lexikon zur byzantinischen Gräzität besonders des 9.–12. Jahrhunderts*, 8, Wien, 2017.

Travelogues

Golgotha, *Travelogues, Travellers' Views, Places – Monuments – People. Southeastern Europe – Eastern Mediterranean Greece – Asia Minor – Southern Italy, 15th–20th century*. Aikaterini Laskaridis Foundation (<https://eng.travelogues.gr/>).

References

Andreeva I. M., ed., Kissin (Muni), S. V., *The Easy Yoke: Collected Poems and Prose. Letters to V. F. Khodasevich*, Moscow, 1999.

Anikin A. E., *Russkii etimologicheskii slovar'*, Moscow, 2007–2019–.

Babkin A. M., Shendetsov V. V., *Slovar' ino-iazychnykh vyrazhenii i slov: A – J*, 2nd ed., Leningrad, 1981.

Gherbezze E., Per lo studio degli italianismi nella lingua russa, *Russica Romana*, 19, 2012, 117–132.

Kiparsky V., *Russische historische Grammatik*, 3: *Entwicklung des Wortschatzes*, Heidelberg, 1975.

Kosmolinskaya G. A., *Russkii Bertol'do. Sud'ba ital'ianskogo komicheskogo romana v Rossii XVIII veka: rukopisi, izdaniia, chitateli*, Moscow, 2011.

Prokhorov G. M., Letopisnaia povest' o Mitiaie, *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, 30, Leningrad, 1976, 238–254.

Sedov V. V., introd., *Architetti italiani per la Russia dal XV al XX secolo*, Moscow, 2000.

Sedov V., Italia: l'esportazione della bellezza, *Da Giotto a Malevič. La reciproca meraviglia. Catalog of*

an exhibition held at the Scuderie del Quirinale, Rome, Oct. 2, 2004–Jan. 9, 2005. [Milano], 2004, 40–45.

Shchekin A. S., Morskii terminy ital'ianskogo proiskhozhdeniia v russkom perevode novogrecheskoi Khroniki Pseudo-Doroфеia XVII veka, V. D. Chernyak, ed., *Slovo. Slovar', Slovesnost': Kommunikatsiia. Tekst. Sintaksis (Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii k 90-letiiu so dnia rozhdeniia S. G. Il'enko)*, 2, St.-Petersburg, 2014, 104–107.

Stammerjohann H., a cura di, *Dizionario di italianismi in francese, inglese, tedesco*, Firenze, 2008.

Stammerjohann H., Italianismi, *Enciclopedia dell'italiano*, R. Simone, a cura di, Firenze, 2010.

Trapp E., *Lexikon zur byzantinischen Gräzität besonders des 9. – 12. Jahrhunderts*, 8, Wien, 2017.

Vinogradov V. V., *A History of Words*, Moscow, 1999.

Yelistratov V. S., *Slovar' moskovskogo argo (materialy 1980–1994 gg.)*, Moscow, 1994.

Zorin A. L., ed., Batyushkov K. N. *Sochineniia*, 2: *Iz zapisnykh knizhek. Pis'ma*, Moscow, 1989.

Марина Анатольевна Бобрик, кандидат филологических наук,

старший научный сотрудник

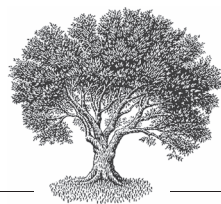
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

1191019 Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Россия / Russia

marina.bobrik@online.de

Received February 19, 2020

О рукописях собрания Радослава Груича в Музее Сербской православной церкви в Белграде

[Рец.: Мошин В. А., Васиљев Љ.,
Богдановић Д., Гроздановић-
Пајић М., *Рукописи Музеја Српске
православне цркве: Збирка
Радослава М. Грујића*, Књ. 1:
Археографски опис, Свеска 1,
Београд: Retro print, 2017. 270 стр.,
илл. — (Опис јужнословенских
ћирилских рукописа, том 7)]

**Дмитрий Георгиевич
Полонский**

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

The Manuscripts from the Radoslav M. Grujić Collection in the Museum of the Serbian Orthodox Church in Belgrade

[Rev. of: Mošin V.A., Vasiljev Lj.,
Bogdanović D., Grozdanović-Pajić M.,
*Manuscripts of the Museum of the
Serbian Orthodox Church: Collection
of Radoslav M. Grujić*, Book 1:
Archeographic description, Vol. 1,
Belgrade: Retro print, 2017, 270 pp.,
illustr. — (Description of South
Slavic Cyrillic manuscripts, Vol. 7)
— (in Serbian)]

Dmitri G. Polonski

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

Рецензия посвящена изданию первой части каталога рукописного собрания, основу которого составила коллекция манускриптов, сохраненная выдающимся сербским историком Радославом М. Груичем. Это собрание, ныне носящее его имя, находится в Музее Сербской православной церкви в Белграде. Подробное описание собрания Р. Груича было начато более полувека назад группой археографов под руководством основателя сербской школы палеографии и дипломатики В. А. Мошина. Теперь благодаря рецензируемому изданию в научный

Цитирование: Полонский Д. Г. О рукописях собрания Радослава Груича в Музее Сербской православной церкви в Белграде // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 1. С. 488–512.

Citation: Polonski D. G. (2020) The Manuscripts from the Radoslav M. Grujić Collection in the Museum of the Serbian Orthodox Church in Belgrade. *Slověne*, Vol. 9, № 1, p. 488–512.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.1.18

оборот вводятся сведения о двух сотнях описанных в каталоге рукописных источников XIV–XIX вв., большинство из которых ранее не имело подробных аналитических описаний. Многие из этих источников не только важны для истории сербской культуры, но также стимулируют новые исследования истории межславянских и иных европейских связей. Рецензируемая книга будет интересна историкам, филологам, богословам, архивистам.

Ключевые слова

славянские рукописи, сербские рукописные собрания, русско-сербские связи, Радослав Груич, Владимир Алексеевич Мошин, Йован Раич, Максим Грек, Соломон Абарбанель, Димитрий Ростовский, Феофан Прокопович

Abstract

The article discusses the first issue of the catalogue titled “Manuscripts of the Museum of the Serbian Orthodox Church: Collection of Radoslav M. Grujić”. This manuscript collection, which serves as the basis of the manuscript corpus in the Belgrade museum, was gathered by Radoslav M. Grujić, an outstanding Serbian historian, whose name it now bears. A large project aimed at detailed analytical description of Grujić’s Collection was initiated more than half a century ago by Vladimir Mošin, the founder of the Serbian school in medieval palaeography and diplomatics. Most of the two hundred manuscripts from the 14th–19th centuries described in the catalogue are now presented for the first time in the edition under review. Many of these manuscripts are not only important as valuable sources for the study of Serbian culture but will also foster new research on the history of inter-Slavic and other European connections. The book is of great interest to historians, philologists, theologians, as well as to archivists.

Keywords

Slavic manuscripts, Serbian manuscript collections, Russian-Serbian relations, Radoslav M. Grujić, Vladimir Mošin, Jovan Rajić, Maximus the Greek, Solomon Abrahambel, Dimitry of Rostov, Theophan Prokopovich

Исследователи сербской книжной культуры давно ожидали издания [Мошин et al. 2017], которое стало поводом для этой рецензии. Хорошо известно о важном историческом и культурном значении хранящегося в Белграде в Музее Сербской православной церкви (МСПЦ) рукописного фонда, в котором особо выделено собрание выдающегося историка Радослава Груича¹ [Мошин 1965: 373]. Некоторые рукописи этого собрания, относящиеся преимущественно к XVI–XVII в., не раз упоминались в научной литературе в связи с различными вопросами истории сербских монастырских библиотек и скрипториев, а также эволюции книжного

¹ Р. М. Груич (1878–1955) основал Скопьевское научное общество, был профессором церковной истории Белградского университета, членом Сербской Академии наук и искусств. Совместно с Л. Мирковичем основал МСПЦ, собрал и сохранил для музея множество памятников сербской истории, письменности и искусства. Автор свыше 300 печатных работ, в том числе нескольких книг. О жизни и трудах протоиерея Р. Груича см., например, вкратце: [Saria 1957; Јовановић Вл. 2006], подробнее: [Гаталовић 2013]. Библиография его работ: [Стојанчев 2018].

искусства². Однако только теперь благодаря публикации каталога и многим впервые введенным в нем в научный оборот сведениям удастся понять, как далеко за национальные культурные границы выходит значимость этого рукописного собрания, содержащего ценные источники о сербско-русских, сербско-украинских, сербско-польских и даже сербско-английских контактах. Эти связи могли быть как прямыми, так и опосредованными, и в ряде случаев источники, собранные самим Р. Груичем либо позже присоединенные к его коллекции, стимулируют, как можно надеяться, новые разыскания и находки, о чем пойдет речь ниже.

Для современной славянской археографии нередки случаи, когда из печати выходит большая коллективная работа, начало которой было положено более полувека тому назад: известная трудоемкость самого дела, посильного лишь немногим квалифицированным специалистам, предопределяет «археографический долгострой». Вряд ли основоположник сербской школы археографии, палеографии и дипломатики Владимир Алексеевич Мошин (1894–1987), его ученики и соратники по Археографическому отделению Народной библиотеки Сербии (НБС), приступая в 1961–62 гг. к систематическому описанию рукописей собрания Р. Груича, полагали, что издание описания увидит свет только в XXI веке³. Как В. А. Мошин в 1960-е гг., так и его ученик и преемник Димитрий Богдановић⁴ (1930–1986) в начале 1970-х гг. относили задачу описания собрания Груича к числу приоритетных для археографической науки страны [Богдановић 1971: VI], однако масштабное предприятие по разным причинам растянулось на десятилетия. Об этом вкратце рассказано во введении к новоизданному каталогу основной части собрания Р. Груича, написанном заведующим Археографическим отделением НБС Владаном Триичем [Мошин et al. 2017: 5], и в предисловии соавтора этого свода, ныне здравствующей ученицы В. А. Мошина Люпки Васильев, стоявшей у истоков коллективного труда [Ibid.: 8–9].

Теперь издание постатейного описания рукописей Р. Груича, выходящее в составе VII тома серии «Описание южнославянских кириллических рукописей», публикуемой стараниями сотрудников Археографического отделения НБС, близится к завершению. Как принято в отношении ряда крупных сербских рукописных собраний, описания которых издаются в составе названной серии (например, собрания монастыря Высокие Дечаны: [Богдановић et al. 2011; Гроздано-вић-Пајић, Станковић 1995; Цернић et al. 2012]), каждый том подразделяется на

² Несколько примеров иллюминированных рукописей: Беочинское Четвероевангелие, ок. 1565–1575 г., *Грујић 204* [Суботин-Голубовић 1999: 104–106, 228 (№ 817); Ракић 2012: 205–208]; Служебник, писанный Христофором Рачанином, ок. 1670–1680 г., *Грујић 121* [Ракић 2012: 297–298]; Молитвослов патриарха Арсения Черноевича, ок. 1670–1680 г., *Грујић 95* [Ibid.: 290–291]. Ряд других примеров, сопровождаемых иллюстрациями, см. в издании: [Оташевић et al. 2016].

³ Спустя несколько лет после начала работы В. А. Мошин [1965: 373] писал об уже подготовленном к печати систематическом описании собрания. О трудах В. А. Мошина, как в НБС, так в других научных центрах Югославии см. [Пузовић 2013].

⁴ О нем и его трудах: [Суботин-Голубовић 1997; Турилов 2002]; см. также предисловие Я. Гркович-Мейджор, мемуары В. Еротича, К. Станчева и Д. Стефановича в посвященном памяти Д. Богдановича сборнике [Турилов et al. 2018].

три объемистые книги: первая посвящена подробному аналитическому описанию, включая кодикологические, палеографические особенности памятников и постатейную роспись содержания рукописей; вторая представляет собой альбом водяных знаков, третья — палеографический альбом. Издание подробного филографического альбома, подготовленного Мирославой Грозданович-Паич (1931–2002) и составившего вторую книгу описания собрания Р. Груича, предварило выход рецензируемой первой книги: оно было опубликовано пять лет назад [Гроздановић-Пајић 2015].

Ныне при содействии директора МСПЦ Владимира Радовановича вышла в свет первая часть первой книги: каталог, содержащий описания первых 200 единиц хранения собрания Р. Груича. Замечу, что если судить по сведениям на титульном листе и выходным данным издания [Мошин et al. 2017], оно должно было быть приурочено к 30-летию юбилею памяти В. А. Мошина, но публикация в 2017 г. по техническим причинам задержалась, и описание стало доступно в начале 2020 г. Вследствие этого, в частности, в библиографию к каталогу удалось включить монографию [Васильев 2018], что можно было бы считать хронологическим парадоксом. Полагаю, этот труд Люпки Васильев послужит ценным дополнением и к первой книге описания, и к готовящемуся палеографическому альбому рукописей собрания Груича, поскольку исследовательницей описаны и сопровождаются снимками 20 сербских рукописных книг XV–XVII вв. из этого собрания (в том числе и не вошедших в новоизданный каталог [Мошин et al. 2017]); выявлены автографы ряда сербских писцов различных скрипториев, в том числе работавших в крупнейшей славянской обители Хиландарь на Афоне и принадлежавших к книгописной школе монастыря Рача⁵ [Васильев 2018: X–XI].

До недавнего времени о представительности состава собрания Р. Груича можно было судить только как о части славянского книжного наследия — в основном по лаконичным описаниям в фундаментальном справочном своде Д. Богдановича, где приводятся сведения о 261 единице хранения в этом собрании [Богдановић 1982: 253–254]⁶. Однако «Инвентарь» Богдановича, посвященный кириллическим рукописям, ограничен концом XVII в., тогда как собрание Р. Груича имеет более широкий хронологический и лингвокультурный диапазон: в него также входит свыше сотни рукописных книг и документов XVIII–XIX вв., причем написанных не только на славянских, но и на латинском, греческом, немецком языках. Согласно данным, приводимым Люпкой Васильев, в собрании находится 335 рукописных книг XIII–XIX вв. (по-видимому, это число указано без учета документов), в основном происходящих из южных пределов Сербии и Македонии, с Афона, из Боснии и Герцеговины, в меньшей степени — из Хорватии (Славония) и иных территорий [Мошин et al. 2017: 7; Васильев 2018: IX]. Поэтому исследователями собрания оно с полным основанием характеризуется как «гетерогенное» [Eadem: X; Гроздановић-Пајић 2015: 9].

⁵ О Рачанской книгописной школе, дело которой после Великого исхода сербов в 1690 г. было продолжено в венгерских владениях Габсбургов, см., например: [Суботин-Голубовић 1999: 169; Грбић 2019] (с указанием литературы).

⁶ Ранее В. А. Мошин [1965: 373] кратко отмечал, что рукописи всего собрания Груича зарегистрированы под 278 номерами.

Предисловие Люпки Васильев к изданию [Мошин et al. 2017: 7–10] касается преимущественно истории формирования и сложной судьбы собрания Р. Груича (в частности, исследовательница отмечает, что ей удалось идентифицировать 30 рукописных книг, разысканных в свое время лично Груичем), истории создания каталога как вдохновленного В. А. Мошиным длительного коллективного труда, а также методических аспектов описания⁷. Несомненно, к достоинствам каталога следует отнести выполненное самой Л. Васильев детальное описание орнаментики и миниатюр рукописных книг, что особо оговорено в предисловии. Далее здесь поясняется значимость собрания на основе внушительного перечня тех сербских православных храмов и монастырей на территории Балкан и современной Венгрии, с которыми связано происхождение и бытование многих описанных рукописных книг и документов.

Однако в предисловии не указаны обзорные сведения о вошедших в изданный каталог рукописях, а в конце свода отсутствуют справочные указатели, за исключением библиографии [Мошин et al. 2017: 267–270]. Вероятно, необходимый научный аппарат ко всему своду будет помещен во второй, пока неопубликованной его части. Поэтому, чтобы охарактеризовать состав вышедшего издания, приведу данные на основании собственных подсчетов. Рукописи, описанные в каталоге под 200 номерами⁸, распределяются по столетиям следующим образом: XIV в. — 1, XV в. — 4, сборная рукопись XV, XVI и XVII вв. — 1 (конволют), XVI в. — 21, рубежа XVI–XVII в. — 1, сборные рукописи XVI–XVII вв. — 3 (все конволюты, из них одна рукописно-печатная книга), XVII в. — 33, рубежа XVII–XVIII вв. — 2, сборные рукописи XVII–XVIII в. — 7 (одна XVII в. с поздними дополнениями и шесть конволютов, в том числе одна рукописно-печатная книга), XVIII в. — 92, рубежа XVIII–XIX в. — 1, XIX в. — 34.

Разумеется, в каталоге [Мошин et al. 2017] датировки приведены более детально, чем в вышеприведенном кратком перечне: многие до четверти столетия, а для датированных рукописей указано точное время создания кодекса. Как видно из перечня, рукописи XVIII–XIX вв. составляют свыше 60% описанной ныне части собрания. Самая ранняя рукопись из охваченных каталогом — отрывок Апостола третьей четверти XIV в. (*Грујић 160*, 8 листов); три позднейшие относятся к 1870 г. — это четырехтомное и, насколько мне известно, оставшееся неопубликованным сочинение Димитрия Радича «Историја српског народа и угарских краљева» (первые два тома содержатся в кодексе *Грујић 110*, третий и четвертый — соответственно в *Грујић 79* и *Грујић 80*).

Что касается распределения представленных в каталоге рукописей по содержанию, то оно довольно широко отражает репертуарное разнообразие как

⁷ В настоящей рецензии я не буду подробно касаться принятых в каталоге методических принципов описания рукописей: они были разработаны еще В. А. Мошиным и Д. Богдановичем и хорошо известны, в частности, по другим томам издаваемой с 1971 г. серии «Опис јужнословенских ћирилских рукописа». Сравнительный разбор этих принципов в сопоставлении с методиками, принятыми в других археографических «школах» и учреждениях, на мой взгляд, не очень продуктивен в силу известной инерционности камеральной археографии вообще.

⁸ Номера описаний в каталоге соответствуют шифрам хранения.

духовной литературы и письменности, так и памятников делового и бытового письма (преимущественно церковных, но также и светских). Это списки Евангелий (*Грујић* 88, 163, 184, 189, 190, 192) и Апостолов (*Грујић* 61, 160, 198, 199); различные моно- и разножанровые гимнографические сборники и иные богослужебные книги (Акафистники, Богородичники, Октоихи, следованные Псалтири, Стихирари, Служебники, и т. д.) — таковых, по моим подсчетам, 74. Среди них отмечу Октоих (*Грујић* 51, конволют XVI–XVII вв.), включающий Синаксарь с памятями многих русских святых (Александра Невского, Павла Обнорского, Михаила Клопского, Зосимы и Савватия Соловецких и др.).

Богослужебные произведения и канонические тексты в разных пропорциях объединяют четыре рукописных сборника (*Грујић* 1, 10, 11, 86), датируемых XVI–XVII вв. и составленных главным образом на основе епитимийного Номоканона и Требника; богослужебные и агиографические — три: это сборник житий и служб, посвященный преимущественно сербским святым (св. Савве, королю Стефану Милутину, Стефану Дечанскому, князю Лазарю) в списке третьей четверти XVI в. (*Грујић* 91), сборник Сербляк⁹ в списке первой трети XVIII в. (*Грујић* 124) и Часослов с Житием князя Лазаря, датируемый 1727 г. (*Грујић* 7). К кодексам канонического содержания могут быть отнесены 7 рукописей (все датируются XVII–XVIII вв.); к книгам агиографического, догматического, гомилетического, исторического, полемического содержания (учитывая как целостные по жанру рукописи, так и сборники смешанного состава) — 57.

Так, среди сборников, которые я отнес бы к агиографическим, имеется кодекс *Грујић* 19, датированный последним десятилетием XVII в., содержащий жития и апокрифы. Интересно, что один из писцов манускрипта, назвавший себя «хаджи Баба даскал», согласно записи (л. 5), работал над этим сборником, плача, «в Стамбуле, в Новом Риме»¹⁰ [Мошин et al. 2017: 48–50]. В рукописи имеются и записи на греческом языке, опубликованные в описании.

Среди редких в каталоге сборников, которые можно было бы считать энциклопедическими, отмечу кодекс *Грујић* 100, охарактеризованный как «Физиолог» ([Ibid.: 157–160]: рукопись 1628 г., писана сербским иеромонахом Даниилом). Однако, как следует из описания, этот сборник объемом 135 л. содержит выписки из Физиолога только на первых 15 листах (от «Слова о зебре» до «Слова о пчеле»). Далее следует обширная подборка учительных и агиографических произведений, открывающаяся отеческим наказанием «Жалость праведного Спанае»¹¹. Между этими произведениями находятся фрагменты апокрифического

⁹ О печатном издании Сербляка (Рымник, 1761) как особого типа сборника в сопоставлении с рукописной традицией: [Чурчић 1988: 32–62], об эволюции состава памятней в нем: [Суботин-Голубовић 2013].

¹⁰ Буквальный фрагмент записи: «у Станболь. у Нови Римь». Запись хаджи Бабы в *Грујић* 19 опубликована и прокомментирована: [Поп-Атанасов 1985: 38], но это не учтено в библиографии о рукописи.

¹¹ Это произведение — прозаический перевод византийской дидактической поэмы Σπανέας, созданной в XII в. Лингвотекстологическое исследование славянского перевода в сопоставлении с византийским оригиналом по отдельным спискам: [Jagić 1892]; комплексное источниковедческое исследование памятника в греческой рукописной традиции: [Danezis 1987]; публикация перевода по списку *Грујић* 100 с разночтениями по изданию [Jagić 1892]: [Радовановић 1979]. В

«Аврамова цикла»¹² и ряд сочинений, приписанных ветхозаветным пророкам и свв. отцам (Григорию Богослову, Иоанну Златоусту, Иоанну Дамаскину и др.). В подборку также входят, в частности, «Указ господина нашего Иисуса Христа» о воскресении «гостя своего» Лазаря¹³ (л. 49–54); известное «Слово св. Григория о литургии некоего сарацина вопрошение»¹⁴ (л. 70–73); «Слово св. отца нашего Агапия»¹⁵ (л. 102–109). Рукопись завершается описанием чудес св. Николая Мирликийского, в том числе выписанных из Пролога (л. 126–133). Поэтому, исходя из доминантного состава текстов, кажется более корректным определить кодекс *Грујић 100* как «Сборник богословско-энциклопедический (Физиолог, поучения и апокрифы)» (ср. иное описание: [Суботин-Голубовић 1999: 197 (№ 121)]).

В числе описанных в каталоге рукописей — три помянника (*Грујић 35, 36, 37*). Все они датируются в диапазоне от 1833 до 1856 г.: первый и третий из них — поминальные списки, созданные в светской среде сербами, образовавшими «избранное» общество в г. Винковци (ныне Хорватия); второй же написан на греческом языке, его происхождение не установлено. Кроме того, в собрании имеется любопытный сборник духовных стихов (*Грујић 29*), который, судя по записям, был переписан в 1782 г. священником Феодором Добрашем (по-видимому, жителем Пакраца в западной Славонии) с оригинала 1762 г., составленного в Бастаси (Босния).

По моим подсчетам, в каталог [Мошин et al. 2017] вошли описания 17 распорядительных и хозяйственных документов XVIII–XIX вв., относящихся к истории Карловацкой митрополии, различных монастырских и церковных учреждений. Кроме того, в каталоге описаны три сборника сербских переводов законодательных актов Австрийской монархии Габсбургов (*Грујић 111, 181, 182*): это закон императрицы Марии-Терезии о бежавших от военной службы (*Грујић 181, 1756 г.*) с предупреждением и автографом Карловацкого митрополита Павла Ненадовича¹⁶; ее же Регламент «о священстве греческом неунитатского закона» (*Грујић 111*, список начала XIX в.¹⁷), а также небольшой сборник переводных

русских списках не позднее XVI в. перевод известен под искаженным названием «Жалости праведного спасения, како учеше жалости сына своего»; его влияние, в частности, усматривается в «Беседе отца с сыном о женской злобе» [Титова 1987: 151–153].

¹² Публикация апокрифов «Аврамова цикла» по древнерусским спискам: [Тихонравов 1863: 32–90]; по списку XV в. из библиотеки афонского монастыря св. Павла: [Лавров 1899: 70–81]. Современный болгарский перевод и комментарии: [Петканова 1981: 88–98, 356–363].

¹³ Ср. о древнерусском «Слове на Лазарево воскресение»: [Рождественская 1972; Eadem 1987]. Перевод этого памятника неоднократно публиковался. Судя по приведенному в описании инципиту, текст в рукописи *Грујић 100* отличен также от «Похвального Слова на воскресение Лазаря», атрибутируемого Клименту Охридскому и известного более чем в сотне списков [Ангелов et al. 1970: 548–585].

¹⁴ См.: [Милтенова 2004: 295–296], где учтен список *Грујић 100*.

¹⁵ О византийском оригинале памятника в сопоставлении со славянской рукописной традицией см.: [Пенская 2017].

¹⁶ О нем и его деятельности вкратце: [Сава 1996: 384–387]; подробно в монографии: [Нинковић 2017].

¹⁷ По описанию [Мошин et al. 2017: 174–175] мне не удалось уверенно установить, как связан этот документ, содержащий отсылки к другим актам 1758 и 1763 гг., с Регламентами 1770 и 1777 г. и в целом с церковной реформой эпохи правления

документов (*Грујућ* 182, 1732 г.), озаглавленный в каталоге как «Привилегии Карла VI» [Мошин et al. 2017: 234]. Перевод этих привилегий «с латинского диалекта на славяносербский язык книжный»¹⁸, выполненный, как следует из предисловия, в Петроварадине по распоряжению епископа Бачского Виссариона Павловича¹⁹, содержит также исторические комментарии (л. 2–20б.) о тех подтвержденных Карлом VI документах, которыми гарантировалась свобода вероисповедания сербам, четырьмя десятилетиями ранее (при императоре Леопольде в 1690 г.) переселявшимся по призыву патриарха Арсения Черноевича в венгерские владения Габсбургов²⁰.

Кроме того, в репертуаре рукописных книг, представленных в каталоге, насчитывается 11 учебных пособий по риторике, грамматике, географии и другим дисциплинам (все датируются XVIII — началом XIX в.). Часть этих рукописей написана на латинском языке и связана с преподавательской деятельностью, которую вел в начале 1760-х гг. в Латинской школе в Сремских Карловцах будущий основоположник сербской историографии Йован Раич (1726–1801)²¹, о чем подробнее будет сказано ниже.

В целом среди описанных в каталоге рукописей по понятным причинам преобладают славянские — таковых 187. Касаясь лингвистических характеристик, приводимых в описаниях, Л. Васильев пишет:

Језик рукописа, у зависности од писарског центра, односно ортографско-језичких одлика, дефинисана је као редакција — српска, бугарска, македонска, руска. За период од средине XVIII века за карактеристику језика употребљени су термини рускословенски и славеносрпски језик [Мошин et al. 2017: 10].

Однако замечу, что применительно к рукописям XVIII — начала XIX в. в каталоге используются и другие характеристики: «језик српске редакције — млађи» (*Грујућ* 85, 1719 г.); «рускосрпски правопис» (*Грујућ* 111, 112, 116); «рускосрпски језик» (*Грујућ* 127, 1750 г.; *Грујућ* 136, 1775 г.), «језик углавном црквенословенски,

Мариин-Терезии (см. об этом подробно: [Точанац Радовић 2014]). См. также замечания о языке сербских переводов актов Мариин-Терезии в XVIII в.: [Толстой 1998: 271–272].

¹⁸ Латинские оригиналы текстов подтверждений и привилегий Карла VI опубликованы: [Радонић, Костић 1954: 33–34, 42–45, 72–75]. О сербских переводных изданиях привилегий австрийских монархов, в том числе Карла VI, осуществленных в 1743 г. Христофором Жефаровичем, см.: [Давидов 1994] (с фототипическим переизданием переводов документов, которые стоило бы соотнести с содержанием рукописи *Грујућ* 182).

¹⁹ О нем: [Сава 1996: 87–88].

²⁰ Комментированный хронологический перечень привилегий: [Радонић, Костић 1954: 2–4]. Их тексты, как и переписка императора Леопольда и патриарха Арсения Черноевича опубликованы в этом же издании с приложением фотокопий нескольких документов.

²¹ Литература о Й. Раиче и его сочинениях довольно обширна, из наиболее обстоятельных работ: [Руvaraц 1901; Скерлић 1923: 214–240; Радојчић 1952]. О языке его сочинений см.: [Толстой 1998: 229–238, 294–295; Младеновић 2008: 227–233]; о лингвистических воззрениях в связи с представлениями об истории языка — [Толстая 2004].

местимично славеносрпски» (*Грујић* 200, 1844 г.). Все это показывает, с какими сложностями в работе приходится сталкиваться археографам, вынужденным приводить в описаниях лаконичные сведения о языке рукописей той эпохи развития сербской литературы и письменности, когда элементы разных языковых идиомов находились в интенсивном взаимодействии [Толстой 1998: 239–344; Младеновић 2008: 170–245]. Кажется, что для этого времени далеко не всегда можно поставить краткий и однозначный лингвотекстологический «диагноз» письменным памятникам (а нередко и объединенной под одним переплетом разнородной группе памятников).

Все иноязычные рукописи, описанные в каталоге [Мошин et al. 2017], относятся к XVIII–XIX вв. Среди них пять латинских (*Грујић* 77, 113, 117, 168, 172), четыре греческих (*Грујић* 17, 36, 140, 162) и две немецких (*Грујић* 141, 173). Для них приведены сокращенные описания без росписей содержания. Кроме того, в каталоге значатся две двуязычные рукописи. Одна из них (*Грујић* 171, датирована 1805 г.) — сборник образцов писем, разных документов и их формулярных изводов XVII — начала XIX вв. на славянском и немецком языках. Этот формулярник содержит, в частности, перечни сведений о персональном составе деятелей Сербской Церкви, в разное время служивших на территории современной Хорватии.

Другая двуязычная рукопись (*Грујић* 101, датируется 1761 г.), написанная на латинском языке и дополненная многими пространными записями на сербском, заслуживает более подробного комментария. Это руководство по общей риторике, принадлежавшее выпускнику Киевской духовной академии, историку и богослову Йовану Раичу²², по которому он преподавал в карловацкой Латинской школе. Известно, что с 1759/1760 и до октября 1762 г. Раич занимал в этом учебном заведении должность профессора географии и риторики [Руvaraц 1901: 24, 28–33; Вукашиновић 2017: 41]. В рукописи *Грујић* 101 на латыни написан только учебный курс «Manuductio in Universam Oratoriam...», а тексты многочисленных кириллических — «русскосербского правописания» [Мошин et al. 2017: 160] — записей, полностью приведенных в описании, представляют собой перечень книг личной библиотеки Раича²³ и его стихотворения. Как свидетельствуют записи, Раич вел их в течение многих лет после того, как оставил Сремские Карловцы: так, здесь помещено драматическое «Школьное к умершему Приветствие» — написанные в 1766 г. надгробные стихи пасынку Раича Евфимию (нач.: «Скорбное позорище / Ныне изиявися / Егда друг наш Евфимии / От нас удалися»), а также «Стихи о победе Россов над Турками, бывшей в лето 1770 и 1771» (*Грујић* 101: л. 56, 72). К сожалению, в каталоге указано, что рукопись *Грујић* 101

²² О влиянии на Раича образования, полученного им в Киевской духовной академии в 1753–1756 гг., где он был признан одним из «первейших учеников»: [Радојчић 1952: 21–28] (в приложении к монографии опубликованы также фотокопии латинских дипломов Раича). О Раиче как богослове: [Вукашиновић 2017: 71–145].

²³ Основная часть рукописей из личного книжного собрания Й. Раича, в том числе его собственные труды, ныне хранится в Библиотеке Сербской патриархии в Белграде. Инвентарное описание коллекции Раича: [Недельковић 2012: 65–69]; о рукописях его богословских сочинений в этой коллекции: [Вукашиновић 2017: 47–70]. В целом о библиотеке Раича: [Радојчић 1952: 70–72; Веселинов 1983].

неизвестна в литературе, но это не так: ее содержание, включая сведения о записях, привел в своем исследовании биографии и трудов Раича еще Д. Руварац [1901: 26–27], который датировал рукопись августом 1762 г.

Следующий указанный в каталоге кодекс *Грујић 102* [Мошин et al. 2017: 163–164] представляет собой другой автограф Йована Раича: это учебное пособие, содержащее основы географии и метеорологии («Краткое руководство в познание земно-водного круга»). Эта рукопись 1762 г. тоже использовалась Раичем для преподавания в карловацкой Латинской школе, тоже содержит его записи более позднего времени (в том числе некоторые тексты и переводы латинских загадок), и тоже была известна Д. Руварацу [1901: 25–26]. Другой учебник Раича под заголовком «Краткое руководство к географии» сохранился в списке *Грујић 130*, который в 1764 г. сделал его бывший ученик Исая Париводский, иеродиакон монастыря Раковац. К числу иных кодексов, связанных с авторством Раича (но уже помимо его педагогической деятельности в Сремских Карловцах), тоже описанных в каталоге, относятся следующие рукописи: «Истинное христианское наставление о вере» (*Грујић 159*, автограф 1763 г.); несколько списков XVIII – первой половины XIX вв. «Повести о разделении восточной и западной Церквей»²⁴ (*Грујић 43, 49, 52, 82, 126, 129*; в первых двух кодексах «Повесть» объединена с трактатом Дионисия Новаковича об исхождении св. Духа²⁵) и «Краткая Сербии, России, Босны и Рамы кралевств история» (*Грујић 76*, автограф перевода, 1790–1792 гг.)²⁶.

Переходя от общего обозрения к тем рукописным источникам, которые не только впервые введены в научный оборот в своде [Мошин et al. 2017], но и ставят, на мой взгляд, новые задачи перед исследователями, отмечу характер библиографических указаний, приводимых в издании. Естественно, что благодаря сведениям, опубликованным еще в «Инвентаре» Д. Богдановича [1982: 253–254], до сих пор лучше всего были известны манускрипты собрания Груича, датированные

²⁴ Над этим сочинением Раич работал с 1766 по 1794 г., под разными названиями оно сохранилось как минимум в двух авторских редакциях: [Вукашиновић 2017: 52–53]. В числе основных источников Раич, как он сам указывал в предисловии [Руварац 1901: 126], использовал историко-догматическое сочинение «Камень соблазна» (в оригинале Πέτρα σκανδάλου, у Раича назван «Камнем претыкания») греческого писателя Или Миниатиса (о сербских переводах этого произведения в XVIII в.: [Рамазанова 2018]), а также трактаты об исхождении Св. Духа Адама Зерникава и Феофана Прокоповича (о переводах трактата Зерникава и о том, как он повлиял на трактат Прокоповича: [Андерс-Намжилова 2018]).

²⁵ О богословских трудах епископа Дионисия Новаковича (1705–1767), бывшего, как и Й. Раич, выпускником Киевской духовной академии: [Чурчић 1988: 76–92; Вукашиновић 2017: 180–230].

²⁶ Эту рукопись перевода одноименного немецкого издания Л.-А. Геххарди (1788) Раич поднес своему бывшему ученику и покровителю — митрополиту Карловацкому Стефану Стратимировичу (возглавлял митрополию в 1790 — †1836 гг.; о нем: [Сава 1996: 469–472]). Об этом свидетельствует опубликованная владельческая запись Стратимировича [Мошин et al. 2017: 123]. Библиографические сведения о немецком издании Геххарди и о переводе Раича, изданном в Вене в 1793 г.: [Михаиловић 1964: 245–246 (№ 270)]. См. также письма Раича Стратимировичу [Ягич 1897: 652–675] и переписку Стратимировича с А.-Л. Шлёцером о трудах Раича: [Ibid.: 722–725]. О стараниях Стратимировича придать известность трудам Раича см.: [Радојчић 1952: 63–68, 72–73, 172–177].

временем до XVII в. включительно²⁷. Вследствие этого 109 из 200 описанных в каталоге [Мошин et al. 2017] рукописей не имеют библиографических справок, и их описания завершаются лаконичной характеристикой «Литературе нема». Все такие манускрипты, за исключением одного²⁸, датируются XVIII–XIX вв. Поэтому можно полагать, что поздние рукописи собрания изучены гораздо хуже остальных.

Так, до сих пор не было известно, что в полемическом сборнике *Грујић 99* (он датирован второй четвертью XVIII в.; написан русским писцом, а позже оказался в библиотеке монастыря Язак на Фрушской горе: [Мошин et al. 2017: 155–156]), содержатся фрагмент «Слова на латинов» Максима Грека (л. 86–88): это его первое послание Федору Карпову, сочиненное в 1521/1522 г. (издание: [Синицына 2008: 172–198]). Далее в рукописи (л. 89–97) следует текст об исхождении Св. Духа, тоже со ссылками на Максима Грека. Судя по описанию, вероятным источником для этого сборника послужила составленная Василием Суражским и изданная в Остроге не ранее 1588 г. книга «О единой истинной православной вере», куда антилатинские послания святогорца вошли в переработке. Вместе с тем, как указывала Н. В. Синицына, «Московское Слово на латинов Максима Грека, изданное в Остроге, имело и “обратный ход” в пределы Российского государства» [Eadem: 74–75], где активно использовалось в богословской полемике первой половины XVII в. Поэтому непосредственный источник заимствований в кодексе *Грујић 99* еще предстоит установить. Замечу, что списки антилатинских и иных сочинений Максима Грека, широко распространявшиеся в Российском государстве и в православных кругах Речи Посполитой со второй половины XVI в. и затем на протяжении XVII в., в сербских монастырских библиотеках оставались редкостью даже в XVIII в.²⁹

Еще один весьма редкий — если не уникальный — по содержанию кодекс *Грујић 57*, датированный 1795 г., содержит рукопись перевода «Плача сынов Израилевых», — сочинения, приписанного жившему в первой половине XVII в. иудею Соломону Абрабанелю (в заголовке описания: «Саламона Абарбанела (так! — Д. П.) “Плач синова израилових”» [Мошин et al. 2017: 95]). Написанный в первой половине XVIII в. на английском языке филосемитский трактат «The Complaint of the Children of Israel» [Abrabanel 1736], сочиненный публицистом

²⁷ К сожалению, в каталоге [Мошин et al. 2017] при ссылках на «Инвентарь» [Богдановић 1982] указаны номера страниц, но не номера инвентарных описаний, что не очень удобно в использовании.

²⁸ Это рукописный отрывок *Грујић 186* (12 л., конец XVI — начало XVII в.), о нем пойдет речь ниже.

²⁹ Другой редкий случай: наличие в описи имущества, оставшегося после кончины в 1706 г. патриарха Арсения Черноевича, некоей «книги Максим грек» [Витковић 1873: 53 (№ 35)]. Поскольку две рукописные книги в этой описи отмечены особо, полагаю, что под лаконичным названием составитель подразумевал не список, а выпущенное ок. 1620 г. в Киеве в типографии Лавры печатное издание «Слово на латинов» Максима Грека (об издании: [Синицына 2008: 75]). Эта печатная книга объединяет под одним переплетом два «Слова на латинов» (вопреки тому, что «Слово» на титульном листе напечатано в единственном числе). Она стала, насколько мне известно, единственным за XVII в. не только украинским, но и в целом славянским изданием сочинений Максима Грека, выпущенным отдельно, вне сборников.

Уильямом Арнеллом (William Arnall)³⁰ в защиту гражданских прав проживавших в Англии евреев, был опубликован под псевдонимом «Solomon Abrabanel, of the House of David» в Лондоне в 1736 г., и в течение того же года переиздан семь раз. Уже после кончины автора (ок. 1741) трактат вышел восьмым изданием в 1753 г., когда в английском обществе возникли подъем антисемитских настроений и социальное напряжение в связи с принятием билля о натурализации евреев («The Jew Bill of 1753»), который британский парламент в следующем году отозвал³¹. Через сорок лет после выхода последнего издания, а именно 26 февраля 1795 г., судя по записи в списке *Грујић 57* (л. II об.) [Мошин et al. 2017: 96], иерей Савва Богданович, «парох Села Вребца» (ныне Хорватия), «преписал рукою старою и трепетною» славяносербский перевод трактата Арнелла. Согласно еще одной писцовой записи в *Грујић 57* (л. II), этот список был выполнен с другого, сделанного двумя годами ранее протодиаконом Моисеем Миоковичем, в то время — постриженником монастыря Раковац на Фрушской горе³².

Остается пока неизвестным, как и почему в сербской монашеской среде возник перевод английского филосемитского сочинения; кто был его переводчиком, и была ли при переводе задействована какая-то рукопись либо публикация на языке-посреднике. Кажется вероятным, что источником для славяносербского перевода трактата послужило не одно из английских изданий, а анонимное немецкое переложение «Klagen der Kinder Israel», опубликованное в Бранденбурге [*Aufsätze 1776*: 199–232]³³. Можно думать, что неизвестный сербский переводчик и его последователи-писцы соотносили положение православных, живших под властью Габсбургской монархии, с неполноправным статусом евреев в Англии. Если мотивация перевода была именно такой, то она демонстрирует незаурядный для своего времени пример надконфессионального и наднационального мышления.

Среди рукописей XVIII в., подробные сведения о которых ныне впервые вводятся в научный оборот, находится датированная 1777 г. рукопись *Грујић 66*, озаглавленная в описании как «Леона Сапијехе “Спис о унији”» [Мошин et al. 2017: 111]. Это перевод известного письма Льва Сапегы Иосафату Кунцевичу от 12 марта 1622 г., в котором канцлер Великого княжества Литовского резко упрекает полоцкого архиепископа-униата в чрезмерной ретивости и насилии над православными при осуществлении унии³⁴. Нужно заметить, что это не един-

³⁰ О нем: [Stephen 1885: 103]; краткая характеристика трактата: [Katz 1994: 238–239].

³¹ Об этих событиях: [Hyamson 1908/1910; Rabin 2006].

³² Позже Моисей Миокович сделал успешную карьеру в иерархии Сербской Церкви, с 1807 г. и до конца жизни (†1823 г.) он состоял епископом Горнокарловацким (Хорватия): [Сава 1996: 339–340].

³³ Выражаю признательность профессору Роланду Марти (Саарландский университет, Саарбрюкен) за указание издания немецкого перевода, сведения о котором я безуспешно разыскивал. Замечу, однако, что в бранденбургском издании немецкий перевод трактата помещен в сборнике сатирических и развлекательных сочинений, то есть составители явно придали сочинению Арнелла иной статус по сравнению с намерениями автора, и с восприятием этого произведения сербским духовенством.

³⁴ Текст письма Сапегы Кунцевичу неоднократно издавался как в польском оригинале, так и с параллельным переводом; см., например: [Wisniewski 1851: 497–503; Caneza 1862].

ственный, но, вероятно, самый ранний из известных сербских списков перевода письма Сапеги: еще один, датированный 1780 г., позже оказался в библиотеке Славонской епархии СПЦ в Пакраце³⁵; другой, 1781 г., находился в библиотеке монастыря Ковиль близ г. Нови Сад³⁶. В рецензируемом каталоге указано, что перевод в рукописи *Грујић 66* представляет собой «препис руског штампаног предлошка» [Ibid.]. По-видимому, основанием для этих сведений стало упоминание в составленном В. А. Мошиным [1971: 102] описании манускрипта 1780 г. о том, что там содержится перевод с польского, изданный в Галле в 1773 г. Это редчайшее издание перевода письма Сапеги пока остается нам недоступным. Однако из текста на титульном листе рукописи *Грујић 66* и записи на л. 40, опубликованных в каталоге, следует, что неустановленный переводчик, скрывший имя под псевдонимом «Horus Filosofus», выполнил комментированный перевод с польского, а не русского издания³⁷. Согласно записям переводчика, он пользовался польским печатным изданием письма Сапеги, вышедшем в 1777 г., и завершил свой труд в Варшаве в августе того же года. В польской библиографии известно о двух датируемых второй половиной XVIII в. отдельных изданиях этого письма Сапеги Кунцевичу, опубликованных в виде небольших брошюр под почти идентичными заголовками без указаний года и места изданий³⁸: [*List Sapiehi 12*] и [*List Sapiehi 14*]; в одном насчитывается 12, в другом 14 страниц³⁹. Таким образом, оказывается, что сведения о времени осуществления перевода позволяют уточнить датировку одного из первых польских изданий — по-видимому, 12-страничного⁴⁰.

Особого внимания заслуживают еще два обстоятельства. Во-первых, «Horus Filosofus» снабдил свой труд кратким послесловием (л. 39 об.), в котором высказал

³⁵ Рукопись представляет собой сборник полемического содержания, открывающийся переводом письма Сапеги Кунцевичу. Сборник был переписан в 1780 г. и принадлежал Кириллу Живковичу, тогда бывшему игуменом монастыря Гретег, а позднее ставшему епископом Пакрацким; подробно о нем как деятеле Церкви и книжнике: [Чалић 2013]. Ср. описания этой рукописи под шифром R 12/872, противоречивые в отношении личности составителя и писца сборника (Иосиф Путник либо Кирилл Живкович): [Мошин 1971: 102 (№80); Чурчић 1990: 24 (№35)].

³⁶ Рукопись под шифром XII-1735 упомянута как «препис књиге Леона Сапијеха» [Веселинов 1969: 151 (прим. 35)], но не приходится сомневаться, что речь идет о переводе письма Сапеги Кунцевичу.

³⁷ В первом русском издании этого письма перевод с польского, выполненный Ф. О. Туманским [*Canega 1793*], отличен от перевода в рукописи *Грујић 66*.

³⁸ Сердечно благодарю Станислава Сиесс-Кшишковского (Центр исследований Польской библиографии Эстрейхеров, Ягеллонский университет, Краков) за сообщение этих сведений, ценные комментарии и предоставление фотокопий двух польских изданий XVIII в.

³⁹ Экземпляр редкого издания [*List Sapiehi 12*] хранится во Вроцлаве в Национальной библиотеке им. Оссолинских под шифром XVIII.13291: [Piđurczak-Majerowicz 2007: 3–4]. Об издании [*List Sapiehi 14*] см. в библиографической базе данных [Estreicher] под № 191768.

⁴⁰ В заголовках польских публикаций [*List Sapiehi 12*] и [*List Sapiehi 14*] различается лишь одна буква: в 12-страничном издании имя Кунцевича приведено как «Jozafat», в 14-страничном — как «Jozefat». Переводчик же, согласно описанию в каталоге, передал имя как «Jwсафат».

пожелание, чтобы «како в Полше, тако и в республике венецианской и в Цесарском Гор(о)де Виенне», а также в Далмации, Трансильвании, в Венгрии и Хорватии нашелся подобный Сапеге «мудри(й) и верный Государства Министер», который бы «подал увещание» тем, кто осуществляет «оную Проклятую диавольскую унию», «и советовал бы смотреть на верность и службы подд(а)нников, а не веру их и закон наблюдаю утесняти»⁴¹. Во-вторых, в конце рукописи *Грујић 66* помещены записи, содержащие выписки из поучений Димитрия Ростовского (из опубликованного описания не вполне ясно, принадлежат ли они переводчику либо другому лицу). Кажется возможным, что происхождение или бытование в XVIII в. рукописи *Грујић 66* связано с кругом сербов, учившихся, подобно Йовану Раичу, в Киевской духовной академии либо в одном из православных коллигиумов Украины⁴².

Издание каталога [Мошин et al. 2017] вводят сведения о бытовавших у сербов неизвестных до настоящего времени списках «Келейного летописца» Димитрия Ростовского (*Грујић 114*; особо ценно, что это относительно ранний список, датированный первой четвертью XVIII в.⁴³) и различных сочинений Феофана Прокоповича (*Грујић 40, 105, 133, 153*)⁴⁴. Последняя рукопись кажется особенно интересной: кодекс *Грујић 153* объединяет перевод трактата Эразма Роттердамского «De praeparatione ad mortem» 1533 г.⁴⁵ (в переводе: «Краткое руководство, каким образом всяк себе приуготовлять должен к смерти») и трактат

⁴¹ Стоит заметить, что перевод письма Сапеге Кунцевичу осуществлен через восемь месяцев после того, как императрица Мария-Терезия подписала Регламент 1777 г., вводивший новые правила в управлении православной Церковью и одновременно сохранивший ряд положений Регламента 1770 г., против которых безуспешно возражали сербские иерархи. Содержание Регламента 1777 г. и сопутствовавших ему актов благодаря специальным печатным изданиям стало широко известно в сербских епархиях в июне-июле того же года и вскоре вызвало массовое недовольство православной паствы, обвинявшей высший клир в сговоре с австрийскими властями для осуществления унии [Костяшов 1997: 77–78; Точанац Радовић 2014: 102–104]. Ср. также о контексте событий тех лет, связанных с преобразованиями сербских школ, денационализацией изданий календаря и отношением сербов к реформам Марии-Терезии в целом: [Костић 1932: 103–151, 162–168, 178–195].

⁴² На протяжении XVIII в. польский язык изучали ученики Черниговского, Переяславского, Харьковского коллигиумов, хотя нет оснований полагать, что это было регулярной практикой; во второй половине века известны случаи обучения в украинских коллигиумах выходцев из Сербии: [Посохова 2016: 90–92, 295–296].

⁴³ Среди многих списков «Келейного летописца» выявлено «только шесть авторизованных рукописей, т. е. списков, вышедших из ростовского скриптория при непосредственном участии святителя» [Федотова 2013: 31] (см. там же их перечень). Вместе с тем известно и о бытовании рукописей произведений Димитрия Ростовского в славянских монашеских обителях Афона, причем не только в русском Пантелеимоновом и болгарском Зографском монастырях, но и в сербском монастыре Хиландарь: там находится как список проповедей святителя [Богдановић 1978: 149 (№ 380)], так и «Келейный летописец» [Ibid.: 126 (№ 286); Турилов, Мошкова 2016: 174–175 (№ 310–313)]. Однако эти рукописи более поздние, в основном датируются второй половиной — третьей четвертью XVIII в.

⁴⁴ Ср. списки сочинений Феофана Прокоповича в составе личной библиотеки Йована Раича: [Недельковић 2012: 65–66].

⁴⁵ Об этом сочинении и его месте среди других ренессансных трактатов, связанных с темой *Ars Moriendi*: [Vogt 2004: 16–25].

Феофана «Об иге неудобноносимом»⁴⁶, переписанные в 1774 г. в монастыре Язак. Второй список перевода того же трактата Эразма (*Грујић 139*) был переписан пятью годами позже в другом фрушкогорском монастыре Велика Ремета.

Кроме того, теперь благодаря публикации каталога становится известно о рукописи *Грујић 148* [Мошин et al. 2017: 208–209], содержащей третий, ранее разыскивавшийся список «Камня соблазна» [Рамазанова 2018: 161 (прим. 42)] — осуществленного в конце 1790-х гг. Викентием Ракичем сербского перевода историко-догматического трактата Илии Миниатиса Πέτρᾱ σκανδάλου (об особенностях других списков: [Eadem: 154–161])⁴⁷.

Завершая рецензию, признаюсь, что мне остались не вполне ясными принципы внесения библиографии, которой заканчиваются приведенные в каталоге описания рукописных источников. В большинстве случаев указанная литература, как и отмечено в предисловии [Мошин et al. 2017: 10], действительно содержит исследования либо упоминания описанных рукописей, но иногда положение иное: библиография соответствует не сведениям о конкретном манускрипте, а истории литературного памятника. Так, из библиографических указаний к описанию *Грујић 85* можно было бы заключить, что текст этой рукописи сербской «Александрии» 1719 г. (согласно [Ibid.: 130–131] — «Книга Александра Великого царя Македонского самодержца») был известен еще В. Ягичу и благополучно издан в XIX в. [Jagić 1871]. Видимо, это не так: сопоставление приведенных в каталоге начальных и конечных фрагментов текста с текстом в издании показывает, что Ягич опубликовал иную редакцию произведения по другим спискам.

Отмечу другие мелочи, указание на которые было бы чрезмерной придирчивостью, если бы не способные запутать читателя некоторые досадные ошибки в библиографических сведениях, относящихся к описанным рукописям. Отдельные неточности рецензируемого издания [Мошин et al. 2017], касающиеся литературы о кодексах, явно вызваны наличием нескольких опечаток в «Инвентаре» Д. Богдановича (в целом незаменимом и весьма точном справочнике) — в частности, в его «Топографическом указателе», где перечислены рукописи собрания Груича [Богдановић 1982: 253–254]⁴⁸. Так, в каталоге [Мошин et al. 2017: 236] для

⁴⁶ Об этом трактате: [Корзо 2013].

⁴⁷ О существовании третьего списка перевода Викентия Ракича было известно благодаря опубликованному в пятой книге свода Л. Стояновича тексту записи на титульном листе этой рукописи, которая находилась в прижизненном собрании Р. Груича (конечно, без указания современного шифра: [Стојановић V, 1925: 251 (№ 8845)]). Эта запись (как и записи в других кодексах, сообщенные Р. Груичем Стояновичу, который внес их в свой свод со ссылкой на коллегу) не учтена в каталоге [Мошин et al. 2017]. Однако нельзя упрекать в этом составителей: для рукописей, датированных второй половиной XVI — первой половиной XVII в., нужные сведения можно найти в книге [Суботин-Голубовић 1999]; для более поздних кодексов выявление таких текстов в шеститомном своде Стояновича и их соотнесение с записями в рукописях собрания Груича в соответствии с современными шифрами представляет собой особую и трудоемкую задачу. Ее решение теперь оказывается возможным для других исследователей благодаря публикации новоизданного каталога, где приведены владельческие и писцовые записи.

⁴⁸ В конкордансе «Топографическом указателе» [Богдановић 1982: 253] рукописям под шифрами *Грујић 182, 183, 184* ошибочно поставлены в соответствие

кодекса *Грујић 184* (Евангелие тетр, описано как рукопись молдавской редакции конца XVI в.⁴⁹) ошибочно приведена ссылка на страницу «Инвентаря» [Богдановић 1982: 121 (№ 1819)]⁵⁰, где дано описание манускрипта *Грујић 186* — отрывка поучения Иоанна Златоуста на Послания ап. Павла (12 л., конец XVI — начало XVII в.; Д. Богдановичем датирован ок. 1570 г.). Вероятно, лучшим библиографическим указанием послужила бы другая ссылка на «Инвентарь» [Ibid.: 131 (№ 2015)], где, однако, сведения о кодексе *Грујић 184* даны под неверным шифром *Грујић 182*⁵¹, что нужно было бы отметить. Для кодекса *Грујић 185* (служебной Минеи на март, переписанной знаменитым сербским книжником Иерофеем Рачанином⁵²; 1698 г.) в каталоге [Мошин et al. 2017: 237] отсутствует ссылка на «Инвентарь», тогда как рукопись в нем фигурирует, но тоже под неверным шифром [Богдановић 1982: 53 (№ 588)]⁵³. В отношении вышеуказанной рукописи отрывка поучения Златоуста *Грујић 186* в каталоге [Мошин et al. 2017: 238] значится, что литература о ней отсутствует, однако здесь тоже можно было бы указать ссылку на инвентарное описание [Богдановић 1982: 121 (№ 1819)] с необходимой поправкой шифра (*Грујић 186* вместо ошибочного *Грујић 184*).

№№ 2015, 588, 1819, тогда как эти номера инвентарного описания должны соответствовать рукописям *Грујић 184*, *185*, *186*.

⁴⁹ Эта рукопись интересна своей историей бытования, свидетельствующей в том числе и о путях, которыми проходили сербские монахи в конце XVII в. Согласно опубликованным записям [Мошин et al. 2017: 236], в январе 1693 г. «чесна вдова» Феврония Панкиевич, мещанка из Пшемься, подарила Четвероевангелие *Грујић 184* «в земле н(а)шой Польской» неназванному по имени архимандриту «с товарищем его» в качестве вклада в разоренную турками обитель св. Лазаря (т. е. монастырь Раваница на Фрушской горе). Позднее кодекс был перенесен на Фрушскую гору в монастырь Врдник (Мала Раваница). По-видимому, в записях описан фрагмент путешествия, которое в 1692–1693 гг. осуществили монахи Раваницы архимандрит Арсений, иеромонах Михаил и послушник Захария, отправившиеся за милостыней в Москву через Вену, Краков, Львов, Луцк, Киев, Батурин и Севск (вкратце об этой миссии: [Кашић 1981: 151–152]). Документы о приезде архим. Арсения с братией в Москву хранятся в РГАДА (ф. 52. Оп. 1. 1693. Д. 24), они опубликованы: [Димитријевић 1922: 213–218].

⁵⁰ Здесь в «Инвентаре» опечатка: указан шифр *Грујић 184* вместо правильного *Грујић 186*.

⁵¹ Разумеется, сведений о рукописи *Грујић 182*, датированной 1732 г. ([Мошин et al. 2017: 234]; см. также выше в настоящей рецензии), нет в «Инвентаре» Д. Богдановича, хронологические рамки которого ограничены XVII в.

⁵² Иерофей Рачанин (ок. 1650 — после 1727 г.) как книгописец также участвовал в работе над Требником *Грујић 13* [Мошин et al. 2017: 39–41; Васильев 2018: 176–184] и Ирмологием со Стихирарем *Грујић 31* [Мошин et al. 2017: 70–71]. Однако более он известен описанием своего путешествия в Иерусалим в 1704–1705 гг. Издание этого описания: [Бодянский 1861]; современный сербский перевод: [Јовановић Т. 2007: 171–199]; характеристика сочинения: [Скерлић 1923: 166–167].

⁵³ Фототипическое воспроизведение записи Иерофея Рачанина опубликовано в альбоме П. Джорджевича [Ђорђевић 1990: 332 (сл. 128)], где правильно указан шифр *Грујић 185*. Однако в «Инвентаре» [Богдановић 1982: 53 (№ 588)] дана ошибочная поправка к предыдущему изданию альбома: вместо *Грујић 185* предлагается читать *Грујић 183* (этот шифр соответствует рукописи 1759 г. — указу митрополита Павла Ненадовича против чародеев и волхвов). Пользуясь случаем, отмечу еще одну опечатку «Инвентаря»: сведения о Требнике *Грујић 67* конца XV в. приведены не под № 1587, а под № 1585, ср. [Богдановић 1982: 109, 253].

В целом немногочисленные частные недочеты, почти неизбежные для такого сложного и объемного труда, как воплощенный в каталоге [Мошин et al. 2017], не могут умалить его многочисленных достоинств. Несомненно, что исследователям представлен результат серьезной и кропотливой археографической работы, впервые подробно раскрывающей состав весьма значимого для изучения славянского рукописного наследия собрания Р. Груича. Подчеркну, что в новоизданном каталоге это собрание теперь описано как целостная коллекция рукописей на разных языках. В этом отношении работа, которую взяли на себя составители, оказывается редким по полноте археографическим трудом.

В заключение рецензии остается поблагодарить действующих сотрудников Археографического отделения Национальной библиотеки Сербии: Владана Триича, Миланку Убипарип, Мирослава Лазича, Лилянну Пузович — наследников дела В. А. Мошина и Д. Богдановича, которые из года в год занимаются не только собственными исследованиями, но и самоотверженно продолжают и завершают важные, прежде неопубликованные труды своих предшественников, часто оставаясь в тени имен прославленных ученых. Выход в свет каталога показывает, что дело основоположников сербской археографической школы живо и продолжает развиваться как комплексная историческая дисциплина.

Особо отмечу изящный дизайн издания, со вкусом выполненный Мирославом Лазичем. Хочется надеяться, что скромный, но, к сожалению, уже давно обыденный для научных изданий тираж (300 экземпляров) не станет непреодолимым препятствием для знакомства потенциальных читателей с этим очень информативным и на совесть сделанным каталогом.

Подробное описание манускриптов замечательного собрания Р. Груича, вводящее в научный оборот сведения о двух сотнях рукописных источников XIV–XIX вв., большинство из которых описано впервые, несомненно, будет востребовано исследователями многих специальностей. Этот свод не только послужит ценным пособием по истории сербской рукописной книги и сербской культуры в целом, но и, как мне кажется, еще не раз позволит открыть неизвестные прежде страницы истории межславянских и иных европейских связей.

Сокращения

МСПЦ — Музеј Српске православне цркве (Београд)

НБС — Народна библиотека Србије (Београд)

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)

Библиография

Источники

Сапега 1793

Графа Леона Сапеги, Канцлера великого Княжества Литовского: ответное письмо к преосвященному Иоасафату Кунцевичу, Архиэпископу Полоцкому. С Печатного польского перевел Ф. Т., *Российский магазин*, 3, С.-Петербург, 1793, 473–497.

Canega 1862

Ответ Льва Сапеги на письмо Иосафата Кунцевича. 1622, 12 марта, *Вестник Юго-Западной и Западной России*, 1/2 (Август), Киев, 1862, 65–80.

Abrahanel 1736

The Complaint of the Children of Israel, representing Their Grievances under the Penal Laws... By Solomon Abrahanel, of the House of David, London, 1736.

Auffsätze 1776

Satyrische und launigte Auffsätze für allerley Leser : Aus dem Englischen, Brandenburg, 1776.

List Sapiehi 12

List do JW Imci Xiędza Jozafata Kuncewicza Archi-Episkopa Połockiego od JW Imci Pana Leona Sapiehi Kanclerza W. W. X. Litt. pisany. [S.l. s.d.].

List Sapiehi 14

List do JW Imci Xiędza Jozefata Kuncewicza Archi-Episkopa Połockiego od JW Imci Pana Leona Sapiehi Kanclerza W. W. X. Litt. pisany. [S.l. s.d.].

Литература

Ангелов et al. 1970

Ангелов Б. Ст., Куев К. М., Кодов Хр., обраб., *Климент Охридски. Събрани съчинения*, 1, София, 1970.

Андерс-Намжилова 2018

Андерс-Намжилова К., О переводе Иакинфом Карпинским трактата Адама Зерникава “De processionem Spiritus Sancti”, *Slověne*, 7/1, 2018, 211–230.

Богдановић 1971

Богдановић Д., Предговор, Мошин В., *Ћирилски рукописи у Повијесном музеју Хрватске. Копитарева збирка словенских рукописа и Цојсов ћирилски одломак у Љубљани* (= Опис јужнословенских ћирилских рукописа, 1), Београд, 1971, V–VII.

— 1978

Богдановић Д., *Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара*, Медаковић Д., *Старе штампане књиге манастира Хиландара*, Београд, 1978.

— 1982

Богдановић Д., *Инвентар ћирилских рукописа у Југославији : (XI–XVIII века)*, Београд, 1982.

Богдановић et al. 2011

Богдановић Д., Штавланин-Ђорђевић Љ., Јовановић-Стипчевић Б., Васиљев Љ., Цернић Л., Гроздановић-Пајић М., *Опис ћирилских рукописних књига манастира Високи Дечани*, 1 (= Опис јужнословенских ћирилских рукописа, 4), Београд, 2011.

Бодянский 1861

Бодянский О., Путышаствие к граду Иерусалиму Иерофея, иеромонаха Рачанинского, в лето от бытия 7212, а от Рождества Христова 1704, месеца июлиа 7, *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете*, 4, 2, Москва, 1861, 1–42.

Васиљев 2018

Васиљев Љ., *Трагом српске рукописне књиге XV–XVII века: из збирке рукописа Радослава Грујића: атрибуција и утврђивање писарских руку*, Сремски Карловци, 2018.

Веселинов 1969

Веселинов И., Библиотека манастира Ковиља, *Зборник Матице српске за друштвене науке*, 53, 1969, 156–170.

——— 1983

Веселинов И., Библиотека Јована Рајића, *Зборник Матице српске за књижевност и језик*, 31, 1983, 113–131.

Витковић 1873

Витковић Г., Споменици из Будимског и Пештанског архива, *Гласник Српског ученог друштва*, 2: *Грађа за новију српску историју*, 3, Београд, 1873, 1–308.

Вукашиновић 2017

Вукашиновић В., *Српска барокна теологија*, Врњци, Београд, 2017.

Гаталовић 2013

Гаталовић М., Животопис др Радослава М. Грујића (1878–1955), Грујић Р. М., *Српске школе (од 1718–1739 г.)*. Прилог културној историји српског народа, Нови Сад, Београд, 2013, 7–22.

Грбић 2019

Грбић Д., Рукописи Христофора Рачанина, *Тринадцате Загребинске чтения: сборник статей по итогам международной научной конференции (3–4 октября 2018)*, С.-Петербург, 2019, 61–79.

Грозданивић-Пајић 2015

Грозданивић-Пајић М., *Рукописи Музеја Српске православне цркве: Збирка Радослава М. Грујића*, 2 : *Филигранолошки албум* (= Опис јужнословенских ћирилских рукописа, 7), Београд, 2015.

Грозданивић-Пајић, Станковић 1995

Грозданивић-Пајић М., Станковић Р., *Рукописне књиге манастира Високи Дечани*, 2 : *Водени знаци и датирање* (= Опис јужнословенских ћирилских рукописа, 4), Београд, 1995.

Давидов 1994

Давидов Д., *Српске привилегије царског дома Хабсбуршког*, Нови Сад, Београд, 1994.

Димитријевић 1922

Димитријевић Ст. М., *Грађа за српску историју из руских архива и библиотека*, *Споменик Српске краљевске академије*, 53, Сарајево, 1922, I–XVII, 1–329.

Борђевић 1990

Борђевић П., *Историја српске ћирилице. Палеографско-филолошки прилози*, 3-е изд., Београд, 1990.

Јовановић Вл. 2006

Јовановић Вл., Грујић, Радослав М., *Српски биографски речник*, 2, Нови Сад, 2006, 846–848.

Јовановић Т. 2007

Јовановић Т., приред., *Света земља у српској књижевности од XIII до краја XVIII века*, Београд, 2007.

Кашић 1981

Кашић Д. Љ., Раваница под Турцима, *Манастир Раваница. Споменица о шестој стогодишњици : 1381–1981*, Београд, 1981, 143–164.

Корзо 2013

Корзо М. А., «Иго неудобноносимое». К истории одной дискуссии о Декалоге в русской мысли начала XVIII в., *Постигая добро. Сборник статей. К 60-летию Рубена Грантовича Апресяна*, Москва, 2013, 235–248.

Костић 1932

Костић М., *Гроф Колер као културнопросветни реформатор код Срба у Угарској у XVIII веку*, Београд, 1932.

Костяшов 1997

Костяшов Ю. В., *Сербы в Австрийской монархии в XVIII веке*, Калининград, 1997.

Лавров 1899

Лавров П. А., *Апокрифические тексты* (= Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 67, 3), С.-Петербург, 1899.

Милтенова 2004

Милтенова А., *Erotapokriseis: съчиненията от кратки въпроси и отговори в старобългарската литература*, София, 2004.

Михаиловић 1964

Михаиловић Г., *Српска библиографија XVIII века*, Београд, 1964.

Младеновић 2008

Младеновић А., *Историја српског језика: одабрани радови*, Београд, 2008.

Мошин 1965

Мошин В. А., *Собрания славянских рукописей в Югославии, Труды Отдела древнерусской литературы*, 21, Москва, Ленинград, 1965, 372–380.

——— 1971

Мошин В., *Ћирилски рукописи у Повијесном музеју Хрватске. Копитарева збирка словенских рукописа и Џојсов ћирилски одломак у Љубљани* (= Опис јужнословенских ћирилских рукописа, 1), Београд, 1971.

Мошин et al. 2017

Мошин В. А., Васиљев Љ., Богдановић Д., Гроздановић-Пајић М., *Рукописи Музеја Српске православне цркве: Збирка Радослава М. Грујића, 1: Археографски опис*, 1, Београд, 2017.

Недељковић 2012

Недељковић З., уред., Ранковић З., Вукашиновић В., Станковић Р., *Инвентар рукописа Библиотеке Српске Патријаршије*, Београд, 2012.

Нинковић 2017

Нинковић Н., *Митрополит Павле Ненадовић*, Нови Сад, 2017.

Оташевић et al. 2016

Оташевић Д., Ракић З., Шпадијер И., уред., *Свет српске рукописне књиге (XII–XVII век)*, Београд, 2016.

Пенская 2017

Пенская Д. С., *Византийское «Сказание отца нашего Агапия»: греческий текст и славянский перевод*, *Slověne*, 6/2, 2017, 101–136.

Петканова 1981

Петканова Д., съст. и ред., *Стара българска литература*, 1: *Апокрифи*, София, 1981.

Поп-Атанасов 1985

Поп-Атанасов Ѓ., *Ракописни текстови на македонски народен говор*, Скопје, 1985.

Посохова 2016

Посохова Л. Ю., *Православные коллегиумы на пересечении культур, традиций, эпох (конец XVII – начало XIX в.)*, Москва, 2016.

Пузовић 2013

Пузовић Љ., Владимир Алексејевич Мошин (1894–1987), *Археографски прилози*, 35, 2013, 211–223.

Радовановић 1979

Радовановић Ј., *Једна варијанта Спанеаса*, *Археографски прилози*, 1, 1979, 211–227.

Радојчић 1952

Радојчић Н., *Српски историчар Јован Рајић*, Београд, 1952.

Радонић, Костић 1954

Радонић Ј., Костић М., *Српски привилегије од 1690 до 1792*, Београд, 1954.

Ракић 2012

Ракић З., *Српска минијатура XVI и XVII века*, Београд, 2012.

Рамазанова 2018

Рамазанова Д. Н., Греческий историко-догматический трактат Илии Миниатиса и его сербские переводчики XVIII века, *Slověne*, 7/2, 2018, 134–178.

Рождественская 1972

Рождественская М. В., О жанре «Слова о Лазаревом воскресении», *Труды Отдела древнерусской литературы*, 27, Ленинград, 1972, 109–119.

— 1987

Рождественская М. В., «Слово на Лазарево воскресение», *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 1: XI – пер. пол. XIV в., Ленинград, 1987, 426–428.

Руvaraц 1901

Руvaraц Д., *Архимандрит Јован Рајић (1726.–1801.)*, Сремски Карловци, 1901.

Сава 1996

Сава [Вуковић], еп. Шумадијски, *Српски јерарси од деветог до двадесетог века*, Београд, 1996.

Синицына 2008

Синицына Н. В., отв. ред., *Преподобный Максим Грек. Сочинения*, 1, Москва, 2008.

Скерлић 1923

Скерлић Ј., *Стара српска књижевност у XVIII веку*, Београд, 1923.

Стојановић I–VI, 1902–1926

Стојановић Љ., *Стари српски записи и натписи*, 1–6, Београд, Сремски Карловци, 1902–1926.

Стојанчев 2018

Стојанчев С. В., *Проф. др Радослав М. Грујић : (1878–1955) : каталог изложбе*, Нови Сад, 2018.

Суботин-Голубовић 1997

Суботин-Голубовић Т., Предговор, Богдановић Д., *Студије из српске средњовековне књижевности*, Београд, 1997, VII–XL.

— 1999

Суботин-Голубовић Т., *Српско рукописно наслеђе од 1557. године до средине XVII века*, Београд, 1999.

— 2013

Суботин-Голубовић Т., Национальные святые в календаре Сербской Церкви (по средневековым источникам), *Latopisy Akademii Supraskiej*, 4 : *Kalendarz w życiu Cerkwi i wspólnoty*, Białystok, 2013, 37–48.

Титова 1987

Титова Л. В., «Беседа отца с сыном о женской злобе». Исследование и публикация текстов, Новосибирск, 1987.

Тихонравов 1863

Тихонравов Н. С., сост., *Памятники отреченной русской литературы*, 1, С.-Петербург, 1863.

Толстая 2004

Толстая С. М., О лингвистических воззрениях Йована Раича, *Славянский вестник*, 2, Москва, 2004, 376–385.

Толстой 1998

Толстой Н. И., *Избранные труды*, 2 : Славянская литературно-языковая ситуация, Москва, 1998.

Точанац Радовић 2014

Точанац Радовић И. Б., *Реформа Српске православне цркве у Хабзбуршкој монархији за време владавине Марије Терезије и Јосифа II (1740–1790)*, (докторска дисертација, Универзитет у Београду, Филозофски факултет, Београд, 2014).

Турилов 2002

Турилов А. А., Богдановић [серб. Богдановић] Димитрий, *Православная энциклопедия*, 5, 2002, 439–440.

Турилов, Мошкова 2016

Турилов А. А., Мошкова Л. В., *Каталог славянских рукописей афонских обителей*, 2-е изд., испр. и дополн., Београд, 2016.

Турилов et al. 2018

Турилов А. А., Суботин-Голубовић Т., Шпадијер И., Драгин Н., Грбић Д., Мано-Зиси К., уред., *Scala paradisi : академику Димитрију Богдановићу у спомен : 1986–2016*, Београд, 2018.

Федотова 2013

Федотова М. А., О сочинениях святителя Димитрия Ростовского в собрании и трудах А. А. Титова, *Сообщения Ростовского музея*, 20, Ростов, 2013, 19–45.

Цернић et al. 2012

Цернић Л., Јовановић-Стипчевић Б., Мано-Зиси К., *Рукописне књиге манастира Високи Дечани*, 3 : Палеографски албум (= Опис јужнословенских ћирилских рукописа, 4), Београд, 2012.

Чалић 2013

Чалић Б., Кирил Живковић, пакрачки епископ, *Очување националног идентитета захваљујући прожимању култура: Допринос првих универзитетски школованих Срба на Истоку и Западу Европе у 18. веку*, Вукашиновић В., уред., Београд, 2013, 13–46.

Чурчић 1988

Чурчић Л., *Српске књиге и српски писци 18. века*, Нови Сад, 1988.

——— 1990

Чурчић Л., уред., *Српске рукописне и штампане књиге у Славоније од XVI до XVIII века. Каталог*, Београд, Пакрац, 1990.

Ягич 1897

Ягич И. В., *Источники для истории славянской филологии*, 2: Новые письма Добровского, Копитара и других юго-западных славян (= Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 62), С.-Петербург, 1897.

Danezis 1987

Danezis G., *Spaneas : Vorlage, Quellen, Versionen* (= Miscellanea Byzantina Monacensia, 31), München, 1987.

Estreicher

Centrum Badaucze Bibliografii Polskiej Estreicherów w Uniwersytecie Jagiellońskim : Bibliografia Staropolska (<https://www.estreicher.uj.edu.pl/staropolska/baza>).

Hyamson 1908/1910

Hyamson A. M., The Jew Bill of 1753, *Transactions of the Jewish Historical Society of England*, 6, 1908–1910, 156–188.

Jagić 1871

Jagić V., Ogledi stare hrvatske proze. IV. Život Aleksandra Velikoga, *Starine*, 3, 1871, 203–331.

Jagić 1892

Jagić V., Das byzantinische Lehrgedicht Spaneas in der kirchenslavischen Uebersetzung, *Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*, 127, 8, 1892, 1–42.

Katz 1994

Katz D. S., *The Jews in the History of England, 1485–1850*, Oxford, 1994.

Pidlypczak-Majerowicz 2007

Pidlypczak-Majerowicz M., Cunceviana w zbiorach ossolińskich, *Annales Academiae Paedagogicae Cracoviensis*, 47: *Studia ad Bibliothecarum Scientiam Pertinentia*, 5, 2007, 3–11.

Rabin 2006

Rabin D. Y., The Jew Bill of 1753: Masculinity, Virility, and the Nation, *Eighteenth-Century Studies*, 39/2, Winter 2006, 157–171.

Saria 1957

Saria B., Radoslav M. Grujić (1878–1955), *Südost-Forschungen*, 16, München, 1957, 449–450.

Stephen 1885

Stephen L., ed., *Dictionary of National Biography*, 2, London, 1885.

Vogt 2004

Vogt Ch. P., *Patience, Compassion, Hope, and the Christian Art of Dying Well*, Lanham (MD), 2004.

Wiszniewski 1851

Wiszniewski M., *Historia literatury polskiéj*, 8, Kraków, 1851.

References

Angelov B. St., Kuev K. M., Kodov Hr., eds., *Kliment Ohridski. Sabrani sachenieniya*, 1, Sofia, 1970.Anders-Namzhilova K. Ju., Hyacinth Karpinsky's translation of the "Tractatus de Processione Spiritus Sancti" by Adam Zernikaw, *Slověne*, 7/1, 2018, 211–230.Bogdanović D., Predgovor, Mošin V., *Ćirilski rukopisi u Povijesnom muzeju Hrvatske. Kopitareva zbirka slovenskih rukopisa i Cojsov ćirilski odlomak u Ljubljani* (= Opis južnoslovenskih ćirilskih rukopisa, 1), Belgrade, 1971, V–VII.Bogdanović D., Medaković D., *Katalog ćirilskih rukopisa manastira Hilandara, Stare štampane knjige manastira Hilandara*, Belgrade, 1978.Bogdanović D., *Inventar ćirilskih rukopisa u Jugoslaviji : (XI–XVIII veka)*, Belgrade, 1982.Bogdanović D., Štavljanin-Đorđević Lj., Jovanović-Stipčević B., Vasiljev Lj., Cernić L., Grozdanić-Pajić M., *Opis ćirilskih rukopisnih knjiga manastira Visoki Dečani*, 1 (= Opis južnoslovenskih ćirilskih rukopisa, 4), Belgrade, 2011.Cernić L., Jovanović-Stipčević B., Mano-Zisi K., *Rukopisne knjige manastira Visoki Dečani*, 3 : *Paleografski album* (= Opis južnoslovenskih ćirilskih rukopisa, 4), Belgrade, 2012.Čalić B., Kiril Živković, pakrački episkop, *Očuvanje nacionalnog identiteta zahvaljujući prožimanju kultura: Doprinos prvih univerzitetski školovanih Srba na Istoku i Zapadu Evrope u 18. veku*, V. Vukašinić, ed., Belgrade, 2013, 13–46.Čurčić L., *Srpske knjige i srpski pisci 18. veka*, Novi Sad, 1988.Čurčić L., ed., *Srpske rukopisne i štampane knjige u Slavonije od XVI do XVIII veka. Katalog*, Belgrade, Pakrac, 1990.Danezis G., *Spaneas : Vorlage, Quellen, Versionen* (= *Miscellanea Byzantina Monacensia*, 31), Munich, 1987.Davidov D., *Srpske privilegije carskog doma Habsburškog*, Novi Sad, Belgrade, 1994.Dimitrijević St. M., Građa za srpsku istoriju iz ruskih arhiva i biblioteka, *Spomenik Srpske kraljevske akademije*, 53, Sarajevo, 1922, I–XVII, 1–329.Đorđević P., *Istorija srpske ćirilice. Paleografsko-filološki prilozi*, 3 ed., Belgrade, 1990.Fedotova M. A., O sochineniiakh sviatitelia Dimitriia Rostovskogo v sobranii i trudakh A. A. Titova, *Soobshcheniia Rostovskogo muzeia*, 20, Rostov, 2013, 19–45.Gatalović M., Životopis dr Radoslava M. Grujića (1878–1955), Grujić R. M., *Srpske škole (od 1718–1739 g.)*. *Prilog kulturnoj istoriji srpskoga naroda*, Novi Sad, Belgrade, 2013, 7–22.Grbić D., Rukopisi Khristofora Rachanina, *Trinadtsatye Zagrebinskie chteniia: sbornik statei po itogam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (3–4 oktiabria 2018)*, St. Petersburg, 2019, 61–79.Grozdanić-Pajić M., *Rukopisi Muzeja Srpske pravoslavne crkve: Zbirka Radoslava M. Grujića*, 2 : *Filigranološki album* (= Opis južnoslovenskih ćirilskih rukopisa, 7), Belgrade, 2015.

- Grozdanović-Pajić M., Stanković R., *Rukopisne knjige manastira Visoki Dečani, 2 : Vodeni znaci i datiranje* (= Opis južnoslovenskih čirliških rukopisa, 4), Belgrade, 1995.
- Jovanović V., Grujić, Radoslav M., *Srpski biografski rečnik*, 2, Novi Sad, 2006, 846–848.
- Jovanović T., ed., *Sveta zemlja u srpskoj književnosti od XIII do kraja XVIII veka*, Belgrade, 2007.
- Kašić D. Lj., Ravanica pod Turcima, *Manastir Ravanica. Spomenica o šestoj stogodišnjici : 1381–1981*, Belgrade, 1981, 143–164.
- Katz D. S., *The Jews in the History of England, 1485–1850*, Oxford, 1994.
- Korzo M. A., "Igo neudobonosimoe". K istorii odnoi diskusii o Dekaloge v russkoi mysli nachala XVIII v., *Postigaia dobro. Sbornik statei. K 60-letiiu Rubena Grantovicha Apresiana*, Moscow, 2013, 235–248.
- Kostiashov Yu. V., *Serby v Avstriiskoi monarkhii v XVIII veke*, Kaliningrad, 1997.
- Kostić M., *Grof Koler kao kulturnoprosvetni reformator kod Srba u Ugarskoj u XVIII veku*, Belgrade, 1932.
- Mihailović G., *Srpska bibliografija XVIII veka*, Belgrade, 1964.
- Miltenova A., *Erotapokriseis : sacheninyata ot kratki vaprosi i otgovori v starobulgarskata literatura*, Sofia, 2004.
- Mladenović A., *Istorija srpskog jezika: odabrani radovi*, Belgrade, 2008.
- Mošin V. A., Sobraniia slavianskikh rukopisei v Jugoslavii, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 21, Moscow, Leningrad, 1965, 372–380.
- Mošin V., *Čirliški rukopisi u povijesnom Muzeju Hrvatske. Kopitareva Zbirka slovenskih rukopisa i Cojsov čirliški odlomak u Ljubljani* (= Opis južnoslovenskih čirliških rukopisa, 1), Belgrade, 1971.
- Mošin V. A., Vasiljev Lj., Bogdanović D., Grozdanović-Pajić M., *Rukopisi Muzeja Srpske pravoslavne crkve: Zbirka Radoslava M. Grujića, 1 : Arheografski opis*, 1, Belgrade, 2017.
- Nedeljković Z., ed., Ranković Z., Vukašinović V., Stanković P., *Inventar rukopisa Biblioteke Srpske Patrijaršije*, Belgrade, 2012.
- Ninković N., *Mitropolit Pavle Nenadović*, Novi Sad, 2017.
- Otašević D., Rakić Z., Špadijer I., eds., *Svet srpske rukopisne knjige (XII–XVII vek)*, Belgrade, 2016.
- Penskaya D. S., The Byzantine Narration of "Our Father Agapius" and Its Slavonic Translation, *Slovēne*, 6/2, 2017, 101–136.
- Petkanova D., ed., *Stara bulgarska literatura*, 1, Sofia, 1981.
- Pidlypczak-Majerowicz M., St. Josaphat Kunsevich in the Collection of the Ossoliński National Institute Library, *Annales Academiae Paedagogicae Cracoviensis*, 47: *Studia ad Bibliothecarum Scientiam Pertinentia*, 5, 2007, 3–11.
- Pop-Atanasov Đ., *Rakopisni tekstovi na makedonski naroden govor*, Skopje, 1985.
- Posokhova L. Ju., *Pravoslavnye kollegiiumy na pere-sechenii kul'tur, traditsii, epokh (konets XVII – nachalo XIX v.)*, Moscow, 2016.
- Puzović Lj., Vladimir Aleksejevič Mošin (1894–1987), *Archeographical papers*, 35, 2013, 211–223.
- Rabin D. Y., The Jew Bill of 1753: Masculinity, Virility, and the Nation, *Eighteenth-Century Studies*, 39/2, Winter 2006, 157–171.
- Radojčić N., *Srpski istoričar Jovan Rajić*, Belgrade, 1952.
- Radonić J., Kostić M., *Srpski privilegije od 1690 do 1792*, Belgrade, 1954.
- Radovanović J., Jedna varijanta Spaneasa, *Archeographical papers*, 1, 1979, 211–227.
- Rakić Z., *Srpska minijatura XVI i XVII veka*, Belgrade, 2012.
- Ramazanov D. N., Historicodogmatic Treatise by Elias Meniates and its 18th-century Serbian Translators from Greek, *Slovēne*, 7/2, 2018, 134–178.
- Rozhdstvenskaja M. V., O zhanre "Slova o Lazarevom voskresenii", *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 27, Leningrad, 1972, 109–119.
- Rozhdstvenskaja M. V., "Slovo na Lazarevo voskresenie", *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 1, Leningrad, 1987, 426–428.
- Saria B., Radoslav M. Grujić (1878–1955), *Südost-Forschungen*, 16, München, 1957, 449–450.
- Sava [Vuković], ep. Šumadijski, *Srpski jerarsi od devetog do dvadesetog veka*, Belgrade, 1996.
- Sinityna N. V., ed., *Prepodobnyi Maksim Grek. Sochineniia*, 1, Moscow, 2008.
- Skerlić J., *Stara srpska književnost u XVIII veku*, Belgrade, 1923.
- Stojančev S. V., Prof. dr Radoslav M. Grujić: (1878–1955) : *katalog izložbe*, Novi Sad, 2018.
- Subotin-Golubović T., Predgovor, Bogdanović D., *Studije iz srpske srednjovekovne književnosti*, Belgrade, 1997, VII–XL.
- Subotin-Golubović T., *Srpsko rukopisno nasleđe od 1557. godine do sredine XVII veka*, Belgrade, 1999.
- Subotin-Golubović T., Natsional'nye sviatye v kalendare Serbskoi Tserkvi (po srednevekovym istochnikam), *Latopisy Akademii Supraskiej, 4 : Kalendarz w życiu Cerkwi i wspólnoty*, Białystok, 2013, 37–48.
- Titova L. V., "Beseda ottsa s synom o zhenskoi zlobe". Issledovanie i publikatsiia tekstov, Novosibirsk, 1987.
- Tolstaya S. M., O lingvističeskikh vozzreniiakh Jovana Rajića, *Slavianskii vestnik*, 2, Moscow, 2004, 376–385.
- Tolstoy N. I., *Izbrannye trudy, 2 : Slavianskaia literaturno-iazykovaia situatsiia*, Moscow, 1998.
- Turilov A. A., Bogdanovich [serb. Bogdanović] Dimitrij, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 5, 2002, 439–440.

Turilov A. A., Moshkova L. V., *Katalog slavjanskih rukopisei afonskih obitelei*, Belgrade, 2016.

Turilov A. A., Subotin-Golubović T., Špadijer I., Dragin N., Grbić D., Mano-Zisi K., eds., *Scala paradisi : akademiku Dimitriju Bogdanoviću u spomen : 1986–2016*, Belgrade, 2018.

Vasiljev Lj., *Tragom srpske rukopisne knjige XV–XVII veka: iz zbirke rukopisa Radoslava Grujića: atribucija i utvrđivanje pisarskih ruku*, Sremski Karlovci, 2018.

Veselinov I., Biblioteka manastira Kovilja, *Zbornik Matice srpske za društvene nauke*, 53, 1969, 156–170.

Veselinov I., Biblioteka Jovana Rajića, *Zbornik Matice srpske za književnost i jezik*, 31, 1983, 113–131.

Vogt Ch. P., *Patience, Compassion, Hope, and the Christian Art of Dying Well*, Lanham, MD, 2004.

Vukašinović V., *Srpska barokna teologija*, Vrnjci, Belgrade, 2017.

Дмитрий Георгиевич Полонский,

кандидат исторических наук,

научный сотрудник

Института славяноведения Российской Академии наук,

119991, Москва, Ленинский проспект, д. 32А

Россия / Russia

dpolon@gmail.com

Received June 13, 2020

Периодическое издание

SLOVĚNE = СЛОВѢНЕ
INTERNATIONAL JOURNAL OF SLAVIC STUDIES
Vol. 9. № 1

Институт славяноведения РАН, 2020

Подписано в печать 25 • VIII • 2020 г. Формат 70×100/16.
Объём 32,125 печ. л. Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 300 экз.
Институт славяноведения РАН. 119991, Москва, Ленинский
просп., д. 32-А. Отпечатано в ООО «ПОЛИМЕДИА». 143001,
Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13.